



АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Том 2

Витебск 2025

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

*Материалы VIII Международной
научно-практической конференции*

Витебск, 24–26 апреля 2025 г.

В 2 томах

Том 2

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2025*

УДК [930.2:94(100)+94(476)]/062
ББК 63.211я431+63.3(0)я431+63.3(4Бел)я431
А43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 26.02.2025.

Редакционная коллегия:

А.Н. Дулов (отв. ред.),
А.М. Белявский, Е.А. Гребень, А.К. Демянюк, А.Б. Довнар,
Ю.В. Дулова, С.Г. Кащенко, А.П. Косов, С.В. Кулинок, В.Л. Лакиза,
С.В. Николаенко, В.В. Пузанов, М.Ф. Румянцева,
С.Н. Ходин, И.Р. Чикалова, Г.Н. Яковлева

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник образования
Республики Беларусь *В.К. Коришук* (г. Минск);
доктор исторических наук, профессор *Г.Г. Краско* (г. Минск);
доктор исторических наук, профессор *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
доктор исторических наук, профессор *Я.Г. Риер* (г. Могилев)

А43 **Актуальные проблемы источниковедения** : материалы VIII Международной научно-практической конференции, Витебск, 24–26 апреля 2025 г. : в 2 т. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2025. – Т. 2. – 320 с.
ISBN 978-985-30-0247-8.
ISBN 978-985-30-0249-2 (т. 2).

В научном издании содержатся материалы докладов, посвященные актуальным проблемам источниковедения. Рассмотрен широкий круг проблем теории и исследовательских практик данной дисциплины, специфика подхода к историографии, архивоведения, музейного источниковедения, комплексы исторических источников и отдельные исторические источники Средневековья, Нового и Новейшего времени. Представленное издание может быть полезно историкам, источниковедам, архивистам, музееведам, а также всем, кто интересуется историей и источниковедением.
Мнения авторов могут не совпадать с мнением редколлегии.

УДК [930.2:94(100)+94(476)]/062
ББК 63.211я431+63.3(0)я431+63.3(4Бел)я431

ISBN 978-985-30-0247-8
ISBN 978-985-30-0249-2 (т. 2)

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 4. ИСТОЧНИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Степанова Л.Г. Варианты экономических примечаний к планам Генерального межевания в российских архивах	8
Резепина А.А. Реконструкция фонда Александро-Невской духовной академии (1797–1808 гг.): источниковедческий аспект	11
Пухцеева Л.С. Светапогляд шляхты беларускіх губерняў у святле эга-дакументаў (1772–1861 гг.)	14
Фельдман Д.З. Мемуары иностранцев – участников военного похода Наполеона Бонапарта в Россию в 1812 году как источник информации о повседневной жизни белорусских евреев	18
Филимонова М.А. Британская карикатура как источник по истории пропаганды на примере освещения Отечественной войны 1812 г.	22
Морова О.В. Документы Государственного архива Владимирской области как источник по истории строительства портовой инфраструктуры Черноморского флота России в 40-е годы XIX века	25
Кащенко С.Г. Царскосельское имение генерала И.А. Заржецкого в середине XIX века	29
Кейко Ю.В. Акты осмотра православных храмов как источник по церковному строительству середины XIX века (на примере Гродненского уезда)	32
Воднева И.П. К истории создания Полоцкого вольно-пожарного общества	34
Алентьева Т.В. Британские сатирические еженедельники как исторический источник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	37
Софьин Д.М., Софьина М.В. Послужной список генерала М.П. Степанова как биографический источник	40
Кароль М.М. “Береженого Бог бережет”: “Мінскія епархіяльныя ведамасці” як крыніца па гісторыі барацьбы з эпідэміямі халеры ў сярэдзіне XIX – пачатку XX ст.	44
Давидовская О.Н. Деятельность комитетов попечительства о народной трезвости в Витебской губернии за первый год существования (1897–1898) по материалам «Витебских губернских ведомостей»	47
Шишанов В.А. Материалы о А.П. Сапунове в газете «Рижский вестник»	53
Коровина Н.Е. Историко-краеведческая деятельность в таежной Сибири в последней трети XIX в.: источниковедческий анализ рукописей православного священника П.В. Краснова	56
Бахтурина А.Ю. Финляндский вопрос в переписке Н.И. Бобрикова и Николая II в марте – апреле 1899 г.	59
Тихонов Д.П. Открытие отделения Государственного банка Российской империи в Минске (по материалам Национального исторического архива Беларуси)	62
Буевич Т.В. Публикация материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи, произведенной 28 января 1897 г.: период издания, тематика и количество томов	65
Алешкевич Н.Д. Всеподданнейшие отчеты сенаторских ревизий как источник по истории окраинной политики Российской империи в конце XIX – начале XX века	69
Ловцов В.А., Лямин С.К. Ротационные связи администрации Витебской и Тамбовской губерний (1864–1914 гг.)	72

Киселёв А.А. Социальный состав нижних чинов городских и уездных полицейских управлений белорусских губерний на рубеже XIX–XX вв.	75
Никитина Н.П. Архивные источники о практике наследования имущества крестьянами Псковской губернии (конец XIX–XX вв.)	78
Курицова В.М., Капылоў І.Л., Мартысюк В.У. Моўная спадчына беларусаў XIX – пачатку XX ст. з асобных матэрыялаў архіўных устаноў Санкт-Пецярбурга	81
Кривицкий М.А. Архивные источники по дореволюционной истории неопротестантизма в Беларуси: штрихи к систематизации	86
Садова Л.А. Расторжение шведско-норвежской унии в 1905 г. в норвежской политической карикатуре	89
Кусмарцева М.С. Образ Японии и японцев накануне и в годы Русско-японской войны на страницах журнала «Мир Божий»	92
Худайбердиев А.Х. Документы Национального архива Индии как источник истории раздела Йемена в начале XX века	95
Никитин Д.С. Документы о визите Дж. Кейр Харди в Индию в 1907–1908 гг.	97
Канищев В.В. «Офицеры-белорусы» из кадровых частей русской императорской армии на территории Тамбовской губернии накануне и в годы Первой мировой войны. Степень полноты источниковой базы фондов Российского государственного военно-исторического архива	100
Ключарева А.В. Провинциальная печать как источник о жизни Тульской губернии в годы Первой мировой войны (на примере «Тульских губернских ведомостей»)	103
Ростиславлева Н.В. Документы российских архивов о репатриации «враждебных иностранцев» германского происхождения в годы Первой мировой войны	106
Дубровская Е.Ю. «Маленький человек» на страницах солдатских и матросских писем 1917 года: настроения, симпатии, предпочтения российских военных в Финляндии	109

РАЗДЕЛ 5. ИСТОЧНИКИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Мясоедова С.Н. К вопросу регистрации актов гражданского состояния и собирания метрических книг всех конфессий в Витебской губернии в 1917–1922 гг.	113
Ивашкевич Е.Ф. Основные этапы конституционного развития зарубежных стран	117
Баканов Д.К. Отчеты о деятельности национальных отделов Наркомнаца РСФСР как источник по истории повседневности (на примере эстонских колоний в РСФСР)	121
Котович Т.В. Политический плакат Эль Лисицкого: «Красный клин» в смоленской типографии	124
Бароўская В.М. Лісты-інструкцыі як крыніца па гісторыі савецка-польскіх адносін 1921–1939 гг.	127
Бараноўскі А.В. Успаміны Марыі Свяцкай як крыніца па гісторыі сядзібна-паркавага комплексу ў аг. Полымя Сенненскага раёна	130
Соловьянов А.П. Опубликованные источники по истории становления системы социального обеспечения населения Советской Беларуси	133

Шрамук Е.П. Наркомы Рабоче-крестьянской инспекции о развитии советской системы госконтроля	136
Приборович А.А. Эволюция программ довоенных переписей населения БССР как отражение требований властей	138
Богданова А.В. Документы Государственного архива Витебской области как исторический источник о переселении белорусов в Сибирь во второй половине 1920-х гг.	142
Филимонов А.В. Периодическая печать – источник сведений о строительстве льносовхозов на Северо-Западе РСФСР (конец 1920-х – начало 1930-х гг.)	147
Баранов А.В. Новые источники по истории градостроительства в Краснодаре 1920–1930-х гг.	152
Булыгина Т.А. Источники истории советской повседневности в южной провинции	155
Жилинская И.В. Участие БССР в международном книгообмене СССР по данным документов ВОКС	158
Михайлова Ю.Л. Советская система здравоохранения как мягкая сила: связи литовских и советских врачей в документах Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. 1920–1930-е годы	163
Гавриленко К.Е. Фотоснимки как примеры визуальных источников по истории бужских голендров	166
Пушкарёва Н.Л. Эвристический потенциал женского дневника: 179 общих тетрадей с 1933 по 2004 гг.	171
Рощина Д.К. Путеводитель по павильону «Советская Арктика» всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 г. как исторический источник пропагандистской «арктической» кампании СССР	175
Булатая В.Ю. Адметнасці часопіса “Да Злучэння!” як крыніцы па вывучэнні распаўсюджання неаўніі на тэрыторыі Заходняй Беларусі	177
Ким И.К. Архивные материалы о парламентских выборах 1935 и 1938 годов в Польше	179
Филимончик С.Н. Автобиографические материалы первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г.Н. Куприянова как источник о формировании партийной номенклатуры предвоенной эпохи	182
Чепик В.Н. Архивные источники по европейской интеграции о плане Маршалла	186
Величко Н.В. Документы ГА РФ по политике СВАГ в сфере высшего образования и науки в 1945–1948 гг.	190
Белявский А.М., Тумаиш М.Е. Повседневные представления граждан БССР о счастье по письмам в органы власти и редакции газет (1942–1986)	194
Павлова Е.Я. Материалы личного фонда режиссера В.П. Четверикова в БГАМЛИ как источник о создании фильма «Пламя»	198
Архипова Т.Г. Л.А. Костандов: инженер, химик, министр СССР	202
Калинин А.А. Конфликт в Индокитае в 1950–1970-е гг., по документам Российского государственного архива новейшей истории	205
Юркевич О.Ю., Монзуль В.Ю. Архивные документы Верховного Совета Республики Беларусь как источники по изучению истории развития белорусского законодательства в 1991–1996 гг.	209
Белащенко Д.А., Сикираж В.В. Мемуары А.В. Лопаты как источник информации о военной политике Украины в первой половине – середине 1990-х гг.	212

Казак О.Г. Документы Республиканского центра национальных культур как источник по истории функционирования украинских общественных и культурных объединений в Беларуси (вторая половина 1990-х гг.)	215
Півавар М.В. Матэрыялы перыядычнага друку як крыніца гісторыі пошукавага руху Віцебшчыны	218
Косов А.П. Экспертное сообщество США о внешнеполитическом поведении РФ и российско-американских отношениях в постбиполярный период	220
Блохина А.Е., Гудкова Е.О. Многополярный мир глазами Китая: доктринальные аспекты	224
Бай Сюетун. Стратегическое партнерство КНР и ФРГ в XXI в.: классификация источников	227
Головач Д.М. Художественные фильмы как фактор формирования образа деятелей Английской революции середины XVII в. (на примере образа принца Руперта)	231
Селезнев Ю.В. Монгольская орда в художественном фильме «Злой город» – источниковедческий аспект	234

РАЗДЕЛ 6. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА СОВЕТСКОГО НАРОДА: ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ

Макаревич В.А. Источники по обороне Гродно в июне 1941 г. и проблема их интерпретации	238
Потемкина М.Н. Источниковедение истории эвакуации начального периода Великой Отечественной войны	239
Катионов О.Н. Опыт реконструкции судеб одной семьи потомков белорусов Сибири – участников Великой Отечественной войны	242
Вашкау Н.Э. Списки депортированных: роль источника в изучении истории депортации и трудового использования российских немцев в годы Великой Отечественной войны	246
Строганова В.А. Эго-документы как источник изучения социальных аспектов блокады Ленинграда (1941–1944 гг.) на материалах эвакогоспиталя № 1012.....	249
Щеголихина С.Н. Документы о ситуации в Прибалтике в годы Великой Отечественной войны в архивах г. Санкт-Петербурга	253
Гребень Е.А. Городская повседневность 1941–1944 гг. в документах государственных областных архивов Беларуси	256
Хришкевич Т.Г. Приказы бургомистра г. Пскова о дисциплинарных мерах в отношении служащих Псковского Городского Управления в 1941–1944 гг.	260
Федорчук Е.И. Сборник «Песни и стихи партизан, написанные в тылу врага. Смоленщина – Беларусь, 1942–1944 гг.» из фондов Быховского историко-краеведческого музея как исторический источник	263
Назарова Е.Л. «Красота молодости прошла мимо нас с дымом шрапнели и взрывом гранат»: Военная жизнь Юриса Бумбиериса	266
Жижиан С.Ф. Предметы «окопного творчества» как исторический источник	270
Пищулина С.Ю., Егорова Е.Д. К вопросу о борьбе с криминальными абортами в годы Великой Отечественной войны (на примере деятельности Сталинградской областной прокуратуры)	273
Дианова Е.В. Антропонимия и Великая Отечественная война	279

Лукина Е.А. Британские листовки как источник по истории Второй мировой войны	283
Большаков М.Г. Архивные документы как источниковая база федерального проекта «Без срока давности»	285
Новікаў С.Я. Новы збор дакументаў і матэрыялаў аб нацысцкім генацыдзе на тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг.	288
Дулаў А.М. Уклад Ніны Іванаўны Дарафеенка ў вывучэнне подзвігу Веры Захараўны Харужай у акупаваным Віцебску	294
Колобаева У.А. Изобразительное творчество партизан Беларуси: обзор историографии и источников	299
Латышева В.А. Преступления против душевнобольных пациентов на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны в историографических источниках советского периода	301
Кудияров А.Р. Профессор Ш. Бабашев как исследователь истории Второй мировой войны	304
Алламуратов Г.С. Обзор историографии Второй мировой войны в советской научной литературе (1941–1991) (на некоторых примерах историографии Каракалпакстана)	307
Колесникова М.Е. Историческая память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: исследовательские и научно-просветительские практики Северо-Кавказского федерального университета	310
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	315

РАЗДЕЛ 4

ИСТОЧНИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Степанова Л.Г.

ВАРИАНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИМЕЧАНИЙ К ПЛАНАМ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ В РОССИЙСКИХ АРХИВАХ

Ключевые слова: Экономические примечания, Генеральное межевание, Российская империя, исторические источники, архивы.

К наиболее информативным материалам Генерального межевания Российской империи относятся Экономические примечания, которые создавались одновременно с планами Генерального межевания и дополняли картографическую информацию подробным описанием. В Наставлении Правительствующего Сената землемерам от 1766 г. содержались требования при снятии каждой дачи на план на основании своих наблюдений и сведений, поступивших от местных жителей, записывать в особый экономический журнал примечание. Оно должно было содержать сведения о видах занятий местных жителей, в том числе хлебопашестве, скотоводстве, торговле, промыслах, плодородии земли, протекающих реках, их глубине и ширине, судоходном ходе, наличии и характеристике леса, имеющихся мельницах и толчеях, фабриках и заводах [1, с. 893].

Основная часть материалов Экономических примечаний к планам Генерального межевания сосредоточена в фонде 1355 Российского государственного архива древних актов (РГАДА), в котором числится 2534 дел. Помимо самих вариантов и черновиков Экономических примечаний здесь хранятся сопутствующие документы, в том числе описания городов, краткие губернские таблицы, ведомости о перемене владельцев и землевладений, перечневые таблицы, каталоги к генеральному плану, алфавиты дач и владельцев, статистические сведения о землях, населении, промышленности, сельском хозяйстве к картам уездов, описания рек и др.

Несмотря на то, что в фонде находятся материалы Генерального межевания по 35 губерниям Российской империи, единообразия в их представлении не наблюдается. Отчасти это объясняется последствиями эвакуации Межевого архива во время Отечественной войны 1812 г., приведшими к безвозвратным потерям [18, с. 74]. Точное количество утраченных документов по результатам ревизии 1832 г. так и не было установлено [21, с.80]. Более того, некоторые материалы не сохранились из-за уничтожения во второй половине XIX в. малоценных и ветхих дел. Среди различных вариантов Экономических примечаний печальная участь постигла Полные экономические примечания и Примечания к Генеральным планам, написанные на простой синей писчей бумаге. С конца XVIII в. их листы стали использоваться как черновики при составлении Экономических примечаний к атласам и вплоть до 30-х гг. XX в. они хранились в составе неопisanного чернового материала [2, с. 92].

Представленные в фонде 1355 Экономические примечания не равнозначны по своей информативности. Основную их массу составляют Краткие экономические примечания (Краткие экономические примечания к Атласам), которые стали сочиняться после Указа 15 марта 1783 г. [3, с. 883]. Краткие экономические примечания содержат минимальные сведения о каждой даче. В табличной форме в них приводятся данные о количестве дворов, мужских и женских душах по ревизии, общем количестве земли в десятинах и саженьях, количестве земли под усадьбой, пашней, санными покосами, лесом, а также отнесенной к различным неудобным местам. Помимо количественных показателей в Кратких экономических примечаниях имеются

лаконичные записи о расположении поселения на местности, церкви, мельнице, составе грунта земли, дается краткая оценка произрастающих хлебов и трав, вида леса. Изредка в них называются ярмарки и промыслы.

Отдельную группу составляют Примечания к Генеральным планам (Экономические и Камеральные), создававшиеся в первые полтора десятилетия проведения Генерального межевания. Экземпляры таких примечаний сохранились по территориям, которые межевались на первом этапе. Они были выявлены Л.В. Миловым по Смоленской, Харьковской, отчасти Калужской, Ярославской и некоторым другим губерниям [2, с. 71]. В табличной форме подобных Экономических примечаний обязательно указывается расстояние от дачи до уездного города, число дворов, количество мужских и женских душ по ревизии, а также количество различных видов земельных угодий в десятинах и саженьях. Особенностью Примечаний к планам является детальное описание каждой дачи в графе таблицы «Камеральное экономическое примечание». Помимо характеристики географического расположения дачи на местности в ней приводятся сведения о землепользовании, размерах помещичьей и крестьянской запашки, промыслах крестьян, размерах оброка.

Большую ценность имеют Полные экономические примечания, работа над которыми велась параллельно с созданием Кратких экономических примечаний после Указа 28 февраля 1782 г., последовавшего из Межевой экспедиции [19, с. 11]. Для составления Полных экономических примечаний требовались более подробные сведения. В табличной форме данных примечаний требовалось указывать количество мужских и женских душ не только по ревизии, но и «налицо». Для размещения описания увеличилась площадь графы «Экономическое примечание». В ней приводилась подробная характеристика грунта земли, высеваемых хлебов и их урожаев, состава деревьев в лесу, видов зверей, птиц и рыб, называлось число мельниц и постав на них. Особое внимание уделялось занятиям крестьян – требовалось указывать чем они промышляют, оценивать развитие хлебопашества, скотоводства, различных промыслов, в том числе женских, а также приводить сведения о размерах оброка и изделия. Полные экономические примечания к планам Генерального межевания сохранились не по всем территориям. К выявленным их вариантам можно отнести Полные экономические примечания по различным уездам Курской, Пензенской, Нижегородской, Костромской, Тульской, Рязанской, Новгородской, Орловской, Вологодской губерниям [2, с. 94–95], а также Санкт-Петербургской губернии [20, с. 147].

Следующую группу образуют так называемые «Павловские» Примечания конца XVIII – начала XIX в. Они составлялись для новых Генеральных планов и атласов в связи с упразднением ряда губерний и уездов. При создании «Павловских» примечаний исправлялись данные ранее созданных Полных экономических примечаний к Генеральным планам о населении в соответствии с последней 5 ревизией, вносились новые сведения по принадлежности и количеству дач, изменения в количестве поселений. С 1799 г. при сохранении прежних цифровых показателей при описании каждой дачи стали требовать внесения подробных сведений о монастырях, церквях, казенных строениях, дворцах, фабриках, заводах. В РГАДА хранятся как беловые, так и черновые варианты этой группы примечаний по многим губерниям.

Еще одну группу составляют Экономические примечания, относящиеся к 1820–1830-м гг. Они составлялись по ранее обмежеванным территориям на основе сведений Генерального межевания без изменения предыдущих форм. При этом сохранялись основные данные и исправлялись показатели о количестве населения по 7 ревизии. В свою очередь новые Экономические примечания создавались по тем территориям, где процесс Генерального межевания только завершился. К подобной группе относятся Экономические примечания по Александровскому [4], Бахмутскому [5], Екатеринославскому [6] и другим уездам Екатеринославской губернии, Днепровскому [7] и Мелитопольскому [8] уездам Таврической губернии.

В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) различные варианты Экономических примечаний хранятся в фонде 846 Военно-ученого архива (ВУА). В первую очередь здесь сосредоточены экземпляры примечаний, составлявшихся на первом этапе межевания, в том числе по различным уездам Московской провинции [9]. В фонде имеются Экономические примечания к атласам по многим губерниям России [10]. К примеру, здесь хранится Экономическое описание к Екатеринославскому атласу, составленное в 1793 г., в котором представлены данные о количестве дворов, мужских душ, земельных угодьях по отдельным уездам [11].

Отдельные варианты Экономических примечаний к планам Генерального межевания находятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА). В фонде 380 имеются выписки из Экономических примечаний по уездам различных губерний [12]. В фонде 1350 Третьего (Межевого) департамента Сената сохранились Экономические примечания к составленным атласам губерний Российской империи. Нередко их сведения дублируют сведения Экономических примечаний, хранящихся в других архивах. Так, подобные примечания по Петербургской губернии написаны в беловом варианте и включают в себя основную информацию из Кратких экономических примечаний, хранящихся в РГАДА [13]. В то же время в Экономических примечаниях к атласам по Петербургскому уезду гораздо большее внимание уделяется описанию Санкт-Петербурга [14]. В этом фонде РГИА также имеются отсутствующие в других архивах Краткие экономические примечания по Софийскому [15], Рождественскому [16] и Нарвскому [17] уездам Петербургской губернии.

Таким образом, несмотря на то, что Экономические примечания к Генеральному межеванию давно введены в научный оборот, у исследователей возникают сложности в определении их типа и датировке различных вариантов. Обнаруживаются проблемы в сопоставимости различных вариантов Экономических примечаний в связи с менявшимся административно-территориальным делением, а также с извлечением необходимых сведений из черновиков при отсутствии беловых вариантов. Это, в свою очередь, вызывает трудности в изучении многих вопросов, связанных как с самим процессом и ходом Генерального межевания, так и с использованием Экономических примечаний в качестве исторического источника при изучении важных вопросов истории. Огромный массив различных вариантов Экономических примечаний к Генеральному межеванию нуждается в дальнейшем источниковедческом исследовании.

1. Наставление Правительствующего Сената из Межевой Экспедиции определенным к Государственному земель размежеванию землемерам. Июля 1766 г. // Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Собрание 1. – Т. XVII. – № 12711. – С. 876–912.

2. Милов, Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.) / Л. В. Милов. – М. : МГУ, 1965. – 312 с.

3. О сочинении генеральных атласов на обмежеванные Губернии // Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Собрание 1. – Т. XXI. – № 15687. – С. 883.

4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 1355. Оп. 1. Д. 364.

5. РГАДА. – Ф. 1355. Оп. 1. Д. 369.

6. РГАДА. – Ф. 1355. Оп. 1. Д. 377.

7. РГАДА. – Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1552.

8. РГАДА. – Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1558.

9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 846. Оп. 16. Д. 18859.

10. РГВИА. – Ф. 846. Оп. 16. Д. 18846.

11. РГВИА. Ф. 836. Оп. 16. Д. 18727.

12. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 380. Оп. 29. Д. 27.

13. РГИА. – Ф. 1350. Оп. 312. Д. 122.

14. РГИА. – Ф. 1350. Оп. 312. Д. 126.

15. РГИА. – Ф. 1350. Оп. 312. Д. 128.

16. РГИА. – Ф. 1350. Оп. 312. Д. 127.

17. РГИА. – Ф. 1350. Оп. 312. Д. 123.

18. Самошенко, В. Н. Исторические архивы дореволюционной России / В. Н. Самошенко. – М. : Высшая школа, 1986. – 215 с.

19. Собрание межевых законов по старшинству времени состояния их, изданное с высочайшего дозволения надворным советником Алексеевым. – Ч. 3. – С 1781 по 1791 год. – М. : Тип. С. Селивановского, 1811. – 129 с.
20. Степанова, Л. Г. Природа и благосостояние: освоение окружающей среды русским крестьянином в эпоху Средневековья и раннее Новое время / Л. Г. Степанова. – СПб. : Алетей, 2021. – 637 с.
21. Цеменкова, С. И. История архивов России. Ч. 1. С древнейших времен до начала XX века / С. И. Цеменкова. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2010. – 155 с.

Резепина А.А.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФОНДА АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ (1797–1808 гг.): ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: источниковедение, Александро-Невская духовная академия, духовное образование, семинаристы, Санкт-Петербургская епархия, митрополит Гавриил (Петров), митрополит Амвросий (Подобедов).

Александро-Невская духовная академия в Санкт-Петербурге считалась привилегированным духовным учебным заведением Российской империи. Туда направлялись воспитанники епархиальных семинарий для дальнейшего обучения в философском и богословском классах и подготовки к учительской должности [16, с. 327]. В 1797–1808 гг. академия была разделена на младшие и старшие классы. В младших классах семинаристы обучались латинскому чистописанию, грамматике, в старших – философии и богословию на латыни. Возраст учащихся варьировался от 8 до 30 лет. Александро-Невская академия (1797–1808 гг.) по своей структуре значительно отличалась от Санкт-Петербургской духовной академии (с 1809 г.), поскольку была разделена по предложению Новгородского и Санкт-Петербургского митрополита Гавриила (Петрова) на низшую и высшую части.

Документы по истории Александро-Невской академии рассредоточены в фондах Канцелярии Синода (Ф. 796) Российского государственного исторического архива (РГИА), Петроградской духовной консистории (Ф. 19) Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) располагает книжными изданиями, хранившимися в библиотеке Александро-Невской академии (Ф. 573. Оп. 1), учебными материалами (Ф. 573. Оп. 2), а также документами по истории Санкт-Петербургской духовной академии (с конца 1808 г.)

Первую группу источников по истории духовного образования будут составлять рапорты синодальных иерархов и епархиальных архиереев (РГИА. Ф. 796), в которых преосвященные обозначили существующие проблемы духовных учебных заведений (на 1798 г.) и представили желаемые улучшения. Отметим, что сведения собирались по постановлению императора Павла I для реализации духовно-учебной реформы 1798 г. В рапорте Новгородского и Санкт-Петербургского митрополита Гавриила подчеркивалось хорошее расположение и состояние академии. Также преосвященный выражал большую надежду о начале преподавания в академии еврейского языка «для лучшего успеха в богословии» [3, л. 342].

Большую роль в изучении духовного образования будут играть прошения семинаристов из других епархиальных семинарий о переводе в Александро-Невскую академию (ЦГИА СПб. Ф. 19). Так, 19 марта 1800 г. студенты богословия Антон Соловьев, Василий Соловьев, Тимофей Минюшский, Иван Тихвинский, Петр Громов, Гавриил Полянский и студенты философии Василий Державин, Василий Ивановский написали прошение «остаться навсегда в Санкт-Петербургской епархии и академии» [11, л. 1]. Для нас представляется важным ответ Новгородской семинарии, откуда переводились воспитанники, руководство которой разрешило перевестись только пяти студентам, остальные должны были остаться в своей епархии [11, л. 3]. Кроме того, семинаристы в

прошениях изъявляли желание поступить на светскую должность. Невозможность пребывания в духовной академии учащиеся связывали со слабостью здоровья. Так, ученик грамматического класса Константин Первушин, успешно сдав экзамен и поступив в Александро-Невскую духовную академию из Архангельской семинарии для продолжения обучения, после 16 лет почувствовал боли в груди и не смог продолжать учиться [13, л. 4]. Увольнение студентов богословия и философии из духовного звания также является предметом доношений (РГИА. Ф. 796) Новгородского и Санкт-Петербургского митрополита Амвросия. Преосвященный в доношении Святейшему Синоду от 13 августа 1803 г. обозначил, что студент философии Василий Андрузкий находит себя совершенно неспособным принять духовный сан в связи со слабостью здоровья [5, л. 1].

Предложения Новгородского и Санкт-Петербургского митрополита Амвросия (Подобедова) также выступают особой группой источников, касающихся разрешения на публикацию богословских трудов учителей и студентов (РГИА. Ф. 796). Так, в 1804 г. по предложению преосвященного было напечатано переведенное, исправленное и дополненное «Сокращенное нравственное богословие в пользу обучающегося юношества и всех христиан, хотящих познавать и исповедовать свои должности» [6, л. 1, л. 3], в 1806 г. – «Созерцание или Изъяснительное описание литургии», читанное в Александро-Невской академии на публичном собрании кандидатом богословия Алексеем Моревым [9, л. 1–3].

Учебные ведомости о семинаристах и учителях Александро-Невской академии составляют самостоятельную группу источников по истории духовного образования. Учебные ведомости Александро-Невской духовной академии конца XVIII в. и за 1806 г. находятся в фонде Петроградской консистории (Ф. 19) ЦГИА СПб, начала XIX в. – в фонде Канцелярии Синода (Ф. 796) РГИА. Сведения представлены в табличном виде с указанием информации об обучении и поведении семинариста. Ведомости позволяют проанализировать успеваемость воспитанников разных классов, а также выявить, насколько ответственно подходили к их заполнению учителя. Успеваемость учащихся Александро-Невской духовной академии не была однородной. Студенты богословского класса отличались высокими результатами в обучении и добропорядочным поведением. Градация их оценок была следующей: преизрядных, похвальных, изрядных, очень хороших успехов. Поведение также характеризовалось как благонравное, похвальное. Большее разнообразие в оценках начинает встречаться в средних и младших классах академии: «преизрядных, хороших, очень нехудых, нехудых, средственных, малых понятий и успехов, посредственно, слишком посредственно» [15, л. 13–17].

Помимо успеваемости семинаристов учебные ведомости отражали их принадлежность к определенной епархии. Этот критерий в особенности будет важен для анализа состава учащихся философского и богословского классов, поскольку в высшей части Александро-Невской духовной академии обучались семинаристы, присланные из Новгородской, Псковской, Тверской, Могилевской и других епархиальных семинарий, что, в свою очередь, свидетельствует о привилегированном положении академии. Отметим, что в большинстве случаев воспитанники, определенные в столичную академию, показывали хороший и высокий уровень подготовки и в дальнейшем определялись в качестве учителей в духовные учебные заведения.

Учебные ведомости также представляли финансовую составляющую образования. Семинаристы могли быть на полном или частичном (только питание) содержании Александро-Невской духовной академии, а также самостоятельно оплачивать пребывание в стенах академии. Анализ статистических данных показывает, что в 1801 г. 83 воспитанника обучалось за казенный счет, на половинном казенном находилось 29, на казенной пище – 23, на своем коште – 47 [4, л. 75]; в 1802 г. количество казеннокоштных составляло 86, своекоштных – 60 [4, л. 193]; в 1803 г. – 90 и 61 соответственно [7, л. 27]; в 1806 г. – 90 и 93 [12, л. 49об.], в 1807 г. – 89 и 112 [10, л. 52].

Помимо сведений о семинаристах учебные ведомости располагали и информацией об учителях, их подготовке к учительской должности, принадлежности к монашеству. Анализ учебных ведомостей столичной академии и сравнение с данными епархиальных семинарий показал, что численность учителей-монахов превосходила показатели других духовных учебных заведений. В частности, согласно ведомостям 1802 г. к представителям черного духовенства относились ректор и учитель богословия архимандрит Амвросий, префект и учитель философии, красноречия архимандрит Евгений, учитель риторики, высшего немецкого и французского классов соборный иеромонах Сильвестр Суходольский, учитель поэзии соборный иеромонах Вениамин, учитель синтаксиса, греческого высшего и еврейского классов иеродиакон Парферий; к светским – учитель греческого класса Иван Семенов Добронравин и учитель высшего информаторского латинского и греческого низшего класса Петр Михайлов Тобольский [4, л. 5об.–8об.]. Так, более 70 % учителей в академии являлись монашествующими.

Таким образом, учебные ведомости Александро-Невской академии представляют собой важные сведения о составе учащихся и учителей, особенностях организации учебного процесса в классах академии, статусе академии.

Фонд Санкт-Петербургской духовной академии (Ф. 573) ОР РНБ располагает данными об учебных материалах, на которые опирались при проведении занятий учителя. В первую очередь, необходимо отметить «Краткое руководство по составлению проповедей», где большое внимание уделялось личным качествам проповедника [2, л. 1, 2]. Особый интерес представляют составленные учителями таблицы по истории и географии, где также приводится обоснование обучению этим предметам: «Богословы с помощью истории доказывают истину веры. Философы берут из нее аксиомы, наконец основывают глубокие познания человека. Стихотворцы заимствуют примеры из нее» [1, л. 3, 4].

Сведения о воспитанниках Александро-Невской академии, совершивших проступки в поведении, и наказаниях, примененных к ним, представлены в фонде Петроградской духовной консистории (Ф. 19) ЦГИА СПб. В 1808 г. ученик четвертого класса (класса математических наук) Иван Страхов был исключен из Александро-Невской академии за грубость и непокорность и был отправлен обратно в Курскую епархию, откуда поступил ранее. Инспектор и учитель Андрей Иванов пытался провести воспитательную беседу с семинаристом, но тот так и не раскаялся в содеянном, за что и был уволен из академии. Также помимо поведения отмечалось, что И. Страхов учился с малыми успехами и не смог изначально поступить в высшую часть академии, которая начиналась с пятого класса (класса философских наук) [14, л. 1, 1об.].

Особенно ценную для исследования группу источников составляет неопубликованная переписка учителей с преосвященными, иллюстрирующая их взаимоотношения с представителями высшей церковной иерархии. В частности, в письмах о просьбе увольнения учителей из Александро-Невской академии отражается отступление от строгой субординации во взаимоотношениях. Так, в рапорте митрополита Амвросия содержится упоминание о полученном письме учителя риторики, всеобщей истории, географии Ивана Фавицкого: «Бог знает все наши нужды и любит нас бесконечно, для чего не только не оскорбляется он прошениями, но и требует их всегда? ... Лишен вашей отеческой любви, но из человеческой: что сделали бы, я сделаю то же... Я не камень. Чувствую всякую боль» [8, л. 3, 3об.]. Заметим, что И. Фавицкий просит об увольнении из академии не в официальном прошении, а в личном письме, адресованному преосвященному.

Анализ источников, выявленных в фондах Канцелярии Синода (Ф. 796) РГИА, Петроградской духовной консистории (Ф. 19) ЦГИА СПб, Санкт-Петербургской духовной академии (Ф. 573) ОР РНБ, показывает, что комплекс документов, сосредоточенных непосредственно в фонде академии является неполным, не отражает

всех аспектов ее деятельности, положения учащихся и состояния образования. Исследование истории Александро-Невской академии в указанный период требует привлечение различных групп источников, рассредоточенных в федеральных и региональных архивах.

1. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 573. Оп. 2. Д. 885.
2. ОР РНБ. – Ф. 573. Оп. 3. Д. 524.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 796. Оп. 79. Д. 35
4. РГИА. – Ф. 796. Оп. 83. Д. 978
5. РГИА. – Ф. 796. Оп. 84. Д. 523
6. РГИА. – Ф. 796. Оп. 85. Д. 45.
7. РГИА. – Ф. 796. Оп. 85. Д. 958.
8. РГИА. – Ф. 796. Оп. 86. Д. 767.
9. РГИА. – Ф. 796. Оп. 87. Д. 792.
10. РГИА. – Ф. 796. Оп. 89. Д. 335.
11. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). – Ф. 19. Оп. 2. Д. 4126.
12. ЦГИА СПб. – Ф. 19. Оп. 9. Д. 178.
13. ЦГИА СПб. – Ф. 19. Оп. 7. Д. 518.
14. ЦГИА СПб. – Ф. 19. Оп. 10. Д. 979.
15. ЦГИА СПб. – Ф. 19. Оп. 113. Д. 53.
16. Резепина, А. А. Организация образования в Александро-Невской духовной академии и Троицкой лаврской семинарии (1797–1808 гг.) / А. А. Резепина // Церковь. Богословие. История. – 2025. – № 6. – С. 327–333.

Пухцеева Л.С.
СВЕТАПОГЛЯД ШЛЯХТЫ БЕЛАРУСКИХ ГУБЕРНИЙ
У СВЯТЛЕ ЭГА-ДАКУМЕНТАЎ (1772–1861 гг.)

Ключавыя словы: светапогляд шляхты, эга-дакументы, мемуары, успаміны, дзённікі, карэспандэнцыя, ментальнасць.

Пры вывучэнні любой сацыяльнай групы істотную ролю адыгрывае аналіз таго, як яе прадстаўнікі ўспрымалі навакольную рэчаіснасць, якое месца яны адводзілі сабе ў грамадскай структуры, як інтэрпрэтавалі ключавыя падзеі свайго часу. Светапогляд індывідаў непасрэдна ўплывае на іх паводзіны, што, у сваю чаргу, фарміруе і вызначае ход гістарычнага працэсу. У кантэксце гісторыі Беларусі асабліваю важнасць набывае даследаванне светапогляду шляхецкага саслоўя, якое дазваляе не толькі глыбей зразумець паводзіны, матывацыю і ідэйныя памкненні яго прадстаўнікоў, але і выявіць істотны ўплыў светапогляду мясцовага наблітэту на палітычны курс, які праводзіўся царскім урадам на тэрыторыі беларускіх зямель.

У першую чаргу пры вывучэнні дадзенай тэмы варта звярнуцца да асэнсавання эга-дакументаў. Пад імі разумеюцца крыніцы асабістага паходжання, якія адлюстроўваюць індывідуальны вопыт і суб'ектыўны погляд аўтара на падзеі свайго жыцця і навакольны свет. У межах вывучэння светапогляду суб'ектыўнасць эга-дакументаў з'яўляецца іх важнай вартасцю, паколькі дзякуючы гэтай акалічнасці ў дадзеных крыніцах прадстаўляецца ўнікальная інфармацыя, недаступная ў афіцыйных дакументах. З дапамогай гэтых крыніц даследчык можа прааналізаваць як асобу аўтара, так і норавы сацыяльнай групы ці грамадства, да якога аўтар належыў. Акрамя гэтага, эга-дакументы даюць магчымасць даследаваць мову аўтара/яго сацыяльнай групы, выявіць у ёй наяўнасць дыялектызмаў, спецыфічных выразаў, запазычанняў з замежных моў і г.д. Да эга-дакументаў перш за ўсё адносяць успаміны, дзённікі, асабістыя запіскі, аўтабіяграфіі і лісты.

Успаміны з'яўляюцца рэфлексійнымі тэкстамі, у якіх аўтар апісвае сваё мінулае жыццё або пэўныя падзеі, прычым іх напісанне адбываецца праз пэўны час пасля апісаных падзей. У сувязі з гэтым у тэксце могуць прысутнічаць недакладнасці і скажэнні фактаў, аднак гэта не памяншае навуковай значнасці дадзеных крыніц. Пры

даследаванні светапогляда першаснае значэнне мае не столькі дакладнасць фактычнага адлюстравання падзей ці храналагічная беспамылковасць, колькі асоба аўтара, яго ўспрымання перажытага, ацэначныя меркаванні і характарыстыкі ўдзельнікаў падзей.

Мемуары шляхты апошняй трэці XVIII – 60-х гг. XIX ст. з’яўляюцца ўнікальнай крыніцай для вывучэння светапогляду гэтага саслоўя ва ўмовах кардынальных гістарычных зменаў. У гэты перыяд шляхта беларускіх зямель сутыкнулася са змяненнем палітычных межаў, стратай былых прывілеяў і неабходнасцю адаптацыі да новых рэалій у складзе Расійскай імперыі.

Сярод важных мемуараў па дадзенай тэме варта вылучыць таксама ўспаміны асоб, якія не належалі да мясцовага насельніцтва або, у сілу пэўных абставін (напрыклад, пражыванне за межамі рэгіёна з дзяцінства ці выхаванне ў сем’ях замежнікаў), знаходзіліся пад уплывам іншай культурнай традыцыі. Асабліва сць дадзеных сведчаньняў заключаецца ў тым, што іх аўтары прадстаўлялі іншыя культурныя коды, былі выхаваны і жылі ў адрозных умовах, не адчувалі сувязі з дадзенай тэрыторыяй і не атажамлівалі сябе з мясцовай шляхтай. Значнасць такіх крыніц абумоўлена тым, што яны даюць уяўленне пра шляхецкае саслоўе праз «знешні» погляд – раскрываюць успрымання мясцовай шляхты прадстаўнікамі іншай культурнай традыцыі.

Асаблівую цікавасць у гэтым кантэксце ўяўляюць мемуары выхадцаў з унутраных губерняў Расійскай імперыі, якія па розных прычынах апынуліся на тэрыторыі Беларусі. Прыярытэтная ўвага да дадзеных крыніц абумоўлена іх значнай колькасцю, што, у сваю чаргу, можна патлумачыць павышанай цікавасцю да «новадалучаных тэрыторый» і наяўнасцю вялікай колькасці чыноўнікаў і вайскоўцаў, якія знаходзіліся ў рэгіёне па абавязку службы.

Адным з прыкладаў такіх успамінаў з’яўляюцца запіскі С.А. Тучкова, які з верасня 1792 г. служыў на тэрыторыі Беларусі ў якасці камандуючага артылерыяй. У сваіх нататках ён адзначаў сацыяльную няроўнасць шляхецкага саслоўя, вылучыў дзве асноўныя групы – «паноў» (заможную шляхту) і шляхціцаў (малазямельную або збяднелую шляхту). Паводле яго назіранняў, прадстаўнікі апошняй групы фактычна знаходзіліся ў залежным становішчы ад буйных землеўладальнікаў, што нагадвала становішча рускіх сялян у дачыненні да сваіх памешчыкаў. Аднак, нягледзячы на гэта, нават найбяднейшыя шляхцічы імкнуліся падкрэсліваць сваю саслоўную прыналежнасць і статус, звязаны з іх шляхетным паходжаннем: «...из самой бедной и непросвещенной шляхты, одетой в нижний кафтан и лапти, но при какой-нибудь старой заржавленной сабле. Я шляхтич, – говаривали они, и имею право носить кусок железа на бедре моем» [9, с. 72].

Пры аналізе дадзеных крыніц даследчыку неабходна ўлічваць іх магчымую тэндэцыйнасць, абумоўленую асабістымі перакананнямі аўтараў і іх імкненнем стварыць негатыўны вобраз «польскіх паноў».

У асобную групу варта вылучыць жаночыя мемуары. Для гэтых крыніц характэрная значная доля індывідуалізацыі, а таксама зварот да эмацыйнасці і рэфлексійнасці. Адметнай асаблівасцю гэтых тэкстаў з’яўляецца таксама пераважная арыентацыя аўтараў на асабісты досвед і сямейна-бытавую сферу пры амаль поўнай адсутнасці разгляду сябе ў кантэксце грамадска-палітычных працэсаў і культурна-гістарычнага развіцця. Гэтая спецыфіка можа ўскладняць даследчы працэс, паколькі прыведзеныя сведчанні ў большай ступені адлюстроўваюць індывідуальныя перажыванні, чым агульныя рысы светапогляду шляхты як сацыяльнай групы. Больш за тое, светапоглядныя ўстаноўкі жанчын і мужчын маглі істотна адрознівацца, што, у прыватнасці, можна заўважыць на прыкладзе шляхецкага патрыятызму. Гэтая акалічнасць, з аднаго боку, стварае пэўныя цяжкасці для даследчыка, але, з іншага боку, адкрывае магчымасць для больш дэталёвага вывучэння шляхецкай ментальнасці з улікам гендэрнага фактару. У той жа час жаночыя мемуары ўяўляюць значную каштоўнасць для вывучэння ключавых аспектаў шляхецкага жыцця, у прыватнасці сямей-

ных адносін і бытавых практык, звязаных з функцыянаваннем шляхецкіх маёнткаў. Такім чынам, дадзеныя крыніцы даюць магчымасць дапоўніць уяўленне пра шляхецкую культуру і сацыяльныя нормы праз выхад за межы выключна палітычных і грамадскіх аспектаў існавання саслоўя.

У межах даследавання дадзенай тэмы вартымі ўвагі таксама з'яўляюцца ўспаміны, напісаныя ў 50–80-я гг. XIX с, калі пад уплывам трансфармацыйных працэсаў у грамадстве адбывалася паступовая эвалюцыя і разлажэнне шляхецкай ментальнасці, замяшчэнне традыцыйных светапоглядных устаноў новыхімі. Улічваючы гэты кантэкст, выпадкі праяўлення аўтарамі такіх успамінаў характэрных рысаў шляхецкага светапогляду сведчаць аб іх устойлівасці. Гэта значыць, што пэўныя светапоглядныя ўстаноўкі захоўваліся на працягу жыцця індывіда, нягледзячы на глыбокія сацыяльныя і культурныя змены, якія адбываліся ў той перыяд.

Асобную катэгорыю крыніц асабістага паходжання складаюць дзённікі, якія прадстаўляюць сабой паслядоўныя запісы ўражанняў, падзей і думак аўтара, зробленыя ў рэжыме бягучага часу – штодня або з пэўнай перыядычнасцю. Для даследавання шляхецкага светапогляду дзённікі з'яўляюцца асабліва каштоўнай крыніцай, бо фіксуюць непасрэдныя рэакцыі і ўспрыняцце аўтарам падзей без пазнейшай рэфлексіі або спробы іх пераасэнсавання. У выніку даследчык атрымлівае магчымасць аналізаваць «сырой» матэрыял, што дазваляе выявіць непасрэдныя эмацыйныя і светапоглядныя рэакцыі шляхты. Як і іншыя віды мемуараў, дзённікі не толькі адлюстроўваюць унутраны свет аўтара, але і перадаюць яго адносіны да навакольных людзей, іх паводзіны і характар, у залежнасці ад таго, наколькі мемуарыст надаваў гэтым аспектам увагу.

Аднак выкарыстанне дзёнікаў у даследаваннях светапогляду сутыкаецца з пэўнымі метадалагічнымі праблемамі. Першая звязана з тым, што многія дзёнікавыя запісы ўяўляюць сабой пераважна хроніку паўсядзённых падзей і руцінных практык, што мае абмежаваную каштоўнасць для вывучэння светапоглядных аспектаў шляхецкага саслоўя. Прыкладам такой крыніцы могуць служыць запісы Рафаіла Слізена [8].

Другая праблема датычыцца тых дзёнікаў, у якіх аўтары актыўна выказваюць свае эмоцыі і ацэначныя меркаванні. Паколькі дзёнікавыя запісы робяцца неўзабаве пасля падзей, іх аўтары часта знаходзяцца пад моцным эмацыйным уплывам перажытага. Гэта стварае складанасці для вывучэння светапогляду шляхты, бо ў такіх выпадках мы маем справу не з устойлівымі ўстаноўкамі, а з імгненнымі, часова абумоўленымі рэакцыямі канкрэтнага індывіда, якія не заўсёды могуць адлюстроўваць глыбінныя рысы шляхецкай свядомасці.

Сярод крыніц для вывучэння светапогляду шляхты значнае месца займае асабістая карэспандэнцыя. Лепш за ўсё асабістае ліставанне можа быць прадстаўлена лістамі сваякоў або асоб, якія знаходзяцца паміж сабой у досыць блізкіх адносінах і маюць даверныя адносіны, паколькі падобны характар зносін спрыяе раскрыццю ў лістах унутранага свету карэспандэнтаў. Важнай асаблівасцю дадзеных крыніц з'яўляецца тое, што лісты, як правіла, не ствараюцца для далейшай публікацыі, такім чынам, іх аўтар не сціснуты страхам магчымага асуджэння асяроддзя і таму не спрабуе нічога прыхаваць або падхарашыць.

Так, напрыклад, перапіска сям'і Быхаўцаў адлюстроўвае іх адаптацыю да новых сацыяльна-палітычных рэалій у Расійскай імперыі пры адначасовым захаванні старой ідэнтычнасці, устаноў, традыцый і поглядаў [3–7]. Таксама дадзеная перапіска сведчыць пра захаванне Быхаўцамі старых саслоўных сувязяў пасля ўваходжання ў новае грамадства: так, А. Быхавец у адным з лістоў прасіў свайго сына Станіслава падтрымліваць сына маршалка ў Пецярбургу, спасылаючыся на сяброўскія адносіны паміж сем'ямі. Унутрысаслоўныя сувязі і разлік на шляхецкую салідарнасць знаходзіць сваё месца таксама ў лістах З. Шыдлоўскага свайму брату, якога адрасант інструктаваў, да каго трэба звярнуцца па дапамогу ў пацвярджэнні свайго паходжання [2].

Разам з тым, даследаванне эпістальных крыніц сутыкаецца з шэрагам цяжкасцяў. Па-першае, многія лісты не захаваліся або былі разрозненыя ў розных архівах. Па-другое, асаблівасці почырку часта ўскладняюць расшыфроўку лістоў. Па-трэцяе, частка перапіскі, створанай у традыцыйна-рытуальнай манеры, мае стэрэатыпны характар. У выніку такія лісты шмат у чым губляюць сваю каштоўнасць для вывучэння нашай тэмы. Акрамя таго, варта ўлічваць і тое, што непісьменная шляхта пасля сябе эпістальных крыніц не пакінула.

У некаторых выпадках да ліку эга-дакументаў можна залічыць таксама такія дакументальныя крыніцы, як матэрыялы справаводства і скаргі. Так, у скаргах і прашэннях шляхты адлюстроўваюцца асабістыя перажыванні, эмоцыі і ацэнкі, падобныя крыніцы нярэдка маюць суб'ектыўны характар, паколькі іх аўтары часам свядома падаюць падзеі праз прызму сваіх поглядаў і адчуванняў – усё гэта набліжае дадзеныя дакументы па іх характары да крыніц асабістага паходжання. Акрамя гэтага, у рамках вывучэння азначанай тэмы для даследчыкаў важна тое, што падобныя крыніцы дазваляюць рэканструюваць уяўленні шляхцічаў пра гонар, справядлівасць і сацыяльныя нормы.

У якасці прыкладу можна прывесці справу, у якой дваранін Зяленскі-Бязручка скардзіўся на тое, што нейкі незнаёмы яму селянін Сакалоўскі без бачных на тое прычын пачаў лаяць яго «разнымі неприличными словами, причем назвал его русскою свиньёю» [1]. Цікава тое, што па паказаннях двух сведкаў, якія былі прыкладзены да справы разам са скаргай, селянін назваў пацярпелага спачатку «хахлом», а пасля «рускай свіннэй». Выклікае пытанні тая акалічнасць, што пакрыўджаны шляхціч нічога не сказаў пра першую абразу, хоць, як нам здаецца, было б лагічна, калі б менавіта пацярпелы бок прывёў усе падрабязнасці атрыманых абраз, тым больш што іх было ўсяго дзве. Верагодна, другая абраза здалася двараніну больш істотнай ці крыўднай. На наш погляд, падобную інфармацыю можна выкарыстоўваць для рэканструювання некаторых асаблівасцяў узаемаадносін шляхты з прадстаўнікамі іншых сацыяльных груп, магчымых саслоўных стэрэатыпаў, звязаных з стаўленнем шляхты да «іншых» – усё гэта з'яўляецца адным з найважнейшых аспектаў ментальнасці.

У той жа час, варта памятаць, што падобныя дакументы пісаліся не для прыватнага выкарыстання, а для адміністрацыйных і юрыдычных мэтаў, а таксама ствараліся з разлікам на рэакцыю чыноўнікаў ці судоў, што ўплывала на іх змест і змяшчала ступень іх асабістасці.

Такім чынам, эга-дакументы з'яўляюцца каштоўнай крыніцай для вывучэння светапогляду шляхецкага саслоўя, паколькі дазваляюць даследаваць суб'ектыўныя ўспрыняцці, ацэначныя меркаванні і ментальныя ўстаноўкі прадстаўнікоў гэтай сацыяльнай групы. Да іх адносяцца ўспаміны, дзённікі, ліставанне, якія адлюстроўваюць індывідуальныя перажыванні і погляды. Акрамя класічных эга-дакументаў, у некаторых выпадках матэрыялы справаводства і скаргі таксама могуць быць аднесены да гэтай катэгорыі, бо яны часта ўтрымліваюць асабістыя перажыванні, персанальныя ацэнкі і эмацыйную афарбоўку. Аднак іх афіцыйны характар не дазваляе лічыць іх класічнымі эга-дакументамі і патрабуе асаблівых падыходаў да іх вывучэння.

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна (НГАБ у г. Гродна). – Ф. 1104. Воп. 1. Спр. 21.
2. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 1663. Воп. 1. Спр. 1467.
3. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 1664. Воп. 1. Спр. 16.
4. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 1664. Воп. 1. Спр. 18.
5. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 1664. Воп. 1. Спр. 19.
6. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 1664. Воп. 1. Спр. 7.
7. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 1663. Воп. 1. Спр. 14.
8. Тучков, С. А. Записки Сергея Алексеевича Тучкова, 1766–1808 // С. А. Тучков. – СПб. : Типо-литогр. Т-ва «Свет», 1908. – 448 с.

Фельдман Д.З.

**МЕМУАРЫ ИНОСТРАНЦЕВ – УЧАСТНИКОВ ВОЕННОГО ПОХОДА
НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА В РОССИЮ В 1812 ГОДУ КАК ИСТОЧНИК
ИНФОРМАЦИИ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ БЕЛОРУССКИХ ЕВРЕЕВ**

Ключевые слова: мемуары, военный поход Наполеона Бонапарта в Россию 1812 г., иностранцы, история повседневности, белорусские евреи.

Мемуары или воспоминания – это особый источник, потенциал которого даже сегодня не до конца использован историками: их создают, чтобы оставить в памяти потомков светлый след, оправдаться перед современниками, возможно, преувеличить собственную роль в событиях, пусть *postfactum*, но настоять на собственном видении истории. Да и пишут мемуары, как правило, спустя долгие годы по прошествии описываемых событий, в основном на склоне лет, когда многих уже подводит память. Конечно, мемуарный источник индивидуален – он отражает собственную позицию автора по тем или иным вопросам. Но в этой субъективности есть и сильная сторона: ни один другой источник не позволяет так полно представить психологию человека, мотивы поступков, духовные ценности эпохи и социальную мифологию. Мемуары – «современные истории» – гораздо точнее и эмоциональнее передают дух повседневности, нежели сухой, казенный язык циркулярных предписаний или официальной переписки чиновников. Многие из этих текстов обладают не только исторической ценностью, но и литературными достоинствами: изложение событий в них более яркое, более живое. Без эмоциональности и субъективности воспоминаний очевидцев любой рассказ о прошлом превращается в сухую статистическую справку. Сопоставление мемуаров, верификация их другими типами источников (например, официальной документацией) способны исправить некоторую тенденциозность авторских текстов.

Все сказанное касается и личных свидетельств участников военных действий – автобиографических текстов, сознательно и добровольно написанных ими с целью сообщить информацию о себе, почти всегда посвященных личности пишущего и относящихся к эпистолярному жанру. За начало XIX в. их сохранилось значительно больше, нежели за предыдущие периоды европейской истории. Это связано с тем, что на рубеже XVIII–XIX вв. изменился социальный состав армий: военную службу в гораздо большем количестве несли теперь средние слои населения. Многие из них были склонны – не в последнюю очередь благодаря хорошему и даже блестящему уровню образования – к пространной рефлексии о времени их службы и военных событиях, в которых они принимали участие. Бросается в глаза, что значительное количество эго-документов (мемуаров) эпохи революционных и наполеоновских войн посвящены исключительно или частично военному походу императора французов Наполеона I Бонапарта против России в 1812 г. За прошедшие два столетия опубликовано, фрагментарно или полностью, множество автобиографических документов – прежде всего военных мемуаров. В портфеле российских публикаций на эту тему, помимо изданий отдельных авторов, имеется несколько документальных сборников [3; 6]. Тем не менее, и сегодня в архивах, библиотеках и частных собраниях разных стран по-прежнему имеются неопубликованные тексты, ждущие своей научной разработки. Введение данных источников, ранее неизвестных широкому кругу исследователей, в научный оборот должно способствовать критическому осмыслению уже имеющихся научных работ и более глубокому изучению различных аспектов истории Отечественной войны 1812 года, в том числе и в интересующем нас ракурсе.

По мнению одного из ведущих специалистов и авторов работ по наполеоновской эпохе Ж.-О. Будона, всего насчитывается более ста пятидесяти текстов, написанных

офицерами и солдатами наполеоновских войск, принимавшими участие в кампании 1812 г. в России [1, с. 10]. Авторами этих документальных источников являются те, кто остался в живых, люди, которые осознали, что пережили особенный жизненный опыт, и захотели о нем рассказать, даже если они с трудом говорят о невыразимом. Первые свидетельства появляются очень быстро, вскоре после падения Наполеона, другие же – спустя многие годы после пережитых событий, по завершении профессиональной карьеры, когда их авторы оглядывались назад на самый значительный отрезок своей жизни, стремясь донести свой богатый опыт потомкам. Некоторые из авторов, записки которых появились при их жизни, публиковались анонимно. Документы личного происхождения или личные свидетельства военнослужащих Великой армии о Русской кампании 1812 г. можно разделить на две общие группы: источники, строго современные описываемым событиям (переписка, записки и дневники), и собственно военные мемуары-автобиографии или воспоминания, созданные современниками позднее, после войны, как правило, по окончании наполеоновской эпохи – по памяти или на основе все тех же дневников. Причем количество современных эпохе записок в общем уступает по численности материалам, созданным позднее. Кроме того, наряду с текстами военных воспоминаний к личным свидетельствам участников Русского похода Наполеона относятся также рисунки и картины, запечатлевшие военные события.

Отдельно стоит выделить дневники и мемуары пленных наполеоновских офицеров и солдат, которые довольно длительное время проживали в центральных губерниях Российской империи. Данные материалы позволяют не только представить особенности пребывания и содержания военнопленных Великой армии в русской глубинке, но и рассмотреть их взаимоотношения с различными сословными категориями провинциального населения, а также раскрыть многие аспекты политического, социально-экономического и культурного развития этих регионов, охарактеризовать обычаи и нравы местных жителей, представителей разных этносов и религий. Прожив в России некоторое время до заключения мира, военнопленные не только оставили в своих мемуарах описание разных регионов и народов нашей страны, но и оказали определенное культурное влияние на русскую провинцию.

В целом мемуарное и эпистолярное наследие – воспоминания, дневники и переписка – являются, пожалуй, самым ценным историческим источником с точки зрения выявления особенностей личности автора. Здесь важно заметить, что любой мемуарный источник не лишен субъективности оценок и фактических ошибок, вызванных незнанием языка, отсутствием достоверных сведений или стесненностью обстоятельств. Вполне очевидно, что использование содержащейся в тексте информации требует детального критического анализа. Именно поэтому при публикации авторских текстов необходимо опираться на компетентные научные комментарии, что особенно важно для формирования правильного, неискаженного представления о событиях Отечественной войны 1812 г. у непрофессионалов, интересующихся отечественной историей [2; 4].

О практической стороне написания авторами военных мемуаров имеется лишь отрывочная информация. Большинство ветеранов похода 1812 г., очевидно, писали свои тексты на основании записей, сделанных ими в полевых условиях в походе, причем сами эти материалы, как правило, до наших дней не сохранились. Поэтому при переработке таких оригинальных записок в мемуарную форму большинство авторов черпали информацию из собственных воспоминаний. В отдельных случаях они пользовались уже имевшейся историографической литературой, сообщениями других участников похода, а также официальными документами. Лишь у немногих военных, которые сообщали о пережитом в 1812 г., сохранились, по крайней мере, два текстовых свидетельства, и в этих случаях можно конкретнее представить себе процесс написания

мемуаров. Сохранившиеся личные свидетельства военнослужащих могут значительно отличаться друг от друга и по форме, и по содержанию, поскольку охватывают различные промежутки времени: иногда это автобиографии, посвященные почти всей жизни мемуариста, а иногда речь идет лишь об одном ограниченном отрезке жизни, например, о военной службе или участии в определенных кампаниях; некоторые мемуары созданы в виде повествования или рассказа, а другие – в форме дневника с оригинальными записями, передающими личные переживания автора.

В последнее время исследователи все активнее обращаются к проблематике такой научной дисциплины, как история повседневности, которая занимается изучением повседневной (частной, в отличие от публичной) жизни людей, в контексте деятельности индивидов и семей, механизмов их выживания и приспособления к существующей реальности. Данное направление современного гуманитарного знания включает в себя историю быта, событийную историю (влияние тех или иных событий на повседневный быт людей), историю личных переживаний и межличностных отношений. В рамках этого направления ведутся исследования условий жизни, труда и отдыха (быта, условий проживания, рациона питания, способов лечения, социальной адаптации), а также факторов, влияющих на формирование сознания и норм поведения, социально-политические предпочтения подавляющего большинства населения той или иной страны в тот или иной исторический период. Богатым источником информации в области истории повседневности – быта и нравов – различных категорий населения и народов Российской империи, в том числе литовско-белорусских евреев, являются военно-исторические мемуары иностранных участников наполеоновского похода в Россию 1812 г., среди них: Адриен-Жан-Батист-Франсуа Бургонь, Карл-Антон-Вильгельм фон Ведель, Франц-Юлиус фон Зоден, Карл-Фридрих-Людвиг-Эмиль фон Зукков, Христоф-Людвиг фон Йелин, Франц-Георг-Фридрих фон Кауслер, Жюльен-Мишель Комб, Луи-Эжен-Антонен де Лабом, Исидор Леманн, Цезарь Ложье де Беллекур, Якоб Мейер, Раймон-Эмери-Филипп-Жозеф де Монтескье-Фезенсак, Амеде-Давид де Пасторе, Йоганн-Генрих-Фридрих Пепплер, Генрих-Ульрих-Людвиг фон Роос, Симон-Эдуард Рюппель, Огюст де Сейв, Луи-Этьенн Сен-Дени (Мамелюк Али), Роман Солтык, Христиан-Вильгельм-Филипп-Фридрих фон Фабер дю Фор, Людвиг-Фёрстер Флек, Доминик-Пьер де ла Флиз, Генрих-Август-Готтлиб фон Фосслер, Йозеф Шрафель. У нас уже имеется опыт публикации исследования их воспоминаний, связанных с еврейской тематикой [5].

Многие мемуаристы, описывая свои наблюдения и впечатления об окружающей местности, прежде всего отмечают непривлекательный, жалкий вид и плохое состояние извилистых улочек и пыльных дорог множества небольших городов и местечек Белоруссии и Литвы, в которых проживали евреи и которые становились временным приютом для иностранцев, а также неприглядный внутренний вид их домов и гостиниц и низкие жилищно-бытовые условия жизни: нечистота, дурной запах и пр. Определенное внимание многие иностранцы уделяют внешнему виду контактировавших с ними евреев – мужчин и женщин: черты лица, волосы, рост, фигура, манеры, одежда, головные уборы, обувь, украшения и т.д. Причем в некоторых текстах мы встречаем довольно точные и подробные описания внешности еврейских жителей. Ряд авторов воспоминаний сообщают о многодетности еврейских семей, которая, кстати, явилась одной из главных причин того, что они не скрывались в окрестных лесах от наступающих французских войск, а также о традиции заключать ранние браки у евреев.

Особенно интересны наблюдения бытописателей, касающиеся строгого соблюдения религиозных предписаний и норм жизни иудейского населения, в первую очередь субботы (шаббат): зажигание свеч вечером в пятницу, смена повседневной

грязной одежды на чистую и нарядную праздничную, уборка дома, приготовление субботней трапезы, полный запрет на какую-либо работу. Особый интерес для нас представляет сравнительное описание торжественной службы в синагоге у ортодоксов-миснагидов (раввинистов) и своеобразного обряда у хасидов – с их необычными активными телодвижениями и танцами, пылкими молитвами, плачем, криками и песнопениями. Упоминают означенные мемуаристы и о такой еврейской религиозной заповеди, как кашрут (употребление кашерной, то есть пригодной пищи) – свод законов, правил и требований, предъявляемых к продуктам питания и способам приготовления пищи, а также к использованию посуды, в которой готовится еда и из которой едят; по этой причине евреи отказывались давать постояльцам свою кухонную посуду, препятствовали им в приготовлении еды из привезенных ими же продуктов, поскольку такая пища, согласно иудейской религии, становилась трефной, то есть оскверненной и, соответственно, запрещенной для употребления.

Отдельно следует обозначить проблему вербального общения евреев с иноязычными представителями наполеоновских войск, о чем говорится в воспоминаниях довольно многих авторов. Таким основным элементом межнациональной коммуникации стал идиш – еврейский язык германской группы, основной бытовой и литературный язык ашкеназских (то есть германских по происхождению) евреев, имеющий в своей основе немецкие диалекты, но использующий еврейскую письменность. Благодаря идишу евреи могли общаться с иностранными участниками похода, а также быть переводчиками при общении с ними.

Практически все информанты с той или иной степенью подробности фиксируют основные черты характера и образа жизни евреев, с которыми их свела судьба во время военного похода в Россию в 1812 г. Перечислим без комментариев эти характерные, с точки зрения авторов, особенные человеческие качества и свойства еврейского типа: сообразительность, проницательность; практичность, предприимчивость, предупредительность, деловитость; ловкость, хитрость, лукавство; жадность, алчность, скупость, корыстолюбие; трусость; доброжелательность, человеколюбие; неряшливость, нечистоплотность; религиозность.

Издrevле экономическая жизнь евреев в значительной мере состояла из торговли и ремесел. Ограничиваемые в праве арендовать земли и брать на откуп государственные доходы в средневековой Европе, евреи должны были искать средства к существованию, которыми стали коммерция и ремесленный труд. Именно в этих видах экономической деятельности бывшие польские, а затем российские евреи, проживавшие в губерниях черты оседлости, по сути оказались монополистами. Об этих занятиях евреев, а также о содержании ими трактиров, корчем, постоялых дворов и почтовых станций, сообщают в своих воспоминаниях очень многие иностранцы, подчеркивая способности евреев к ведению коммерческих и банковских дел, к ремесленному труду (промышленности). Основываясь на этих рассуждениях, делается примечательный вывод о значительной роли еврейского населения в экономике Белоруссии.

Воспоминания и дневники иностранных участников военного похода Великой армии в Россию, позволяют с высокой степенью достоверности представить общую многоплановую картину положения еврейского населения страны на фоне военных действий и оккупации российской территории наполеоновской Францией в 1812 г. Вовлечение в круг исследований новых мемуарных источников, позволит подробнее ознакомиться с результатами эмпирического опыта, полученного и зафиксированного участниками Русского похода Наполеона Бонапарта в процессе их взаимодействия с представителями белорусского еврейства.

1. Будон, Ж.-О. Кампания 1812 г. в воспоминаниях французских солдат / Ж.-О. Будон // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы / Рос. гос. гум. ун-т ; Ун-т

Паскаля Паоли (Корте, Франция) ; Ин-т «Справедливый мир» ; Франко-рос. центр гум. и общ. наук ; сост.: Н. М. Великая, Е. Д. Гальцова. – М. : Ключ-С, 2011. – С. 10–11.

2. Миловидов, Б. П. Мемуары военнопленных Великой армии как исторический источник / Б. П. Миловидов, А. И. Попов // Военнопленные армии Наполеона в России. 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. сост. Б. П. Миловидов. – СПб. : Крига, 2012. – С. 115–126.

3. Наполеон в России глазами иностранцев: Воспоминания современников : в 2 кн. / сост.: А. М. Васютинский, А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов. – М. : Захаров, 2004.

4. Попов, А. И. Обзор мемуаров, дневников и писем военнопленных Великой армии, побывавших в России в 1812–1814 гг. / А. И. Попов // Военнопленные армии Наполеона в России. 1806–1814. – С. 531–580.

5. Фельдман, Д. З. Черта еврейской оседлости в воспоминаниях иностранцев – участников Русского похода Наполеона Бонапарта в 1812 году / Д. З. Фельдман // Концепт границы в славянской и еврейской культурной традиции / Ин-т славяноведения РАН ; АНО Науч.-гум. центр «Сэфер» ; Еврейский музей и центр толерантности ; редкол.: О. В. Белова (отв. ред.) [и др.]. – М., 2024. – С. 216–238.

6. Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев : в 3 ч. / сост.: А. М. Васютинский, А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов. – М. : Задруга, 1912 (переизд. – То же : в 3 ч. / предисл., коммент. и указ. А. М. Савинова. – М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2012).

Филимонова М.А. БРИТАНСКАЯ КАРИКАТУРА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПРОПАГАНДЫ НА ПРИМЕРЕ ОСВЕЩЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.

Ключевые слова: история карикатуры, англо-русские отношения в XIX в., Отечественная война 1812 г., креолизованные тексты, прецедентные феномены.

Изучение политической карикатуры представляет собой важный инструмент для понимания общественного мнения. Исследователи подчеркивают, что карикатура, особенно политическая, – это ценный исторический источник, который позволяет реконструировать и анализировать социальные концепции прошлого. Ее анализ позволяет выявить коммуникативные стратегии, которые использовались для формирования общественного мнения. Карикатуры содержат информацию об обществе, порождавшем и воспринимавшем эти графические тексты, о его видении себя и окружающего мира [12, с. 132; 4, с. 64, 68]. При этом историки оговаривают, что карикатура всегда упрощает реальную картину событий. С этой точки зрения, карикатуризация – метод деинтеллектуального мышления, который приводит к неадекватной оценке и международной, и внутренней политики [8, с. 196].

В Великобритании конца XVIII – начала XIX вв. сатирическая графика переживала расцвет. Этот период развития английской сатиры называют ее «золотым веком». «Как француз на всякий случай напишет песенку, так англичанин на все выдумает карикатуру», – замечал Н.М. Карамзин [13, с. 78]. В это время творили блестящие сатирики, такие как Джеймс Гиллрей (1756–1815), Исаак Крукшенк (1764–1811) и его сын Джордж Крукшенк (1792–1878). Последний считается наиболее признанным из английских карикатуристов Нового времени. Свои первые карикатуры он создал в возрасте 15–16 лет. В течение пяти лет, с 1811 по 1815 г. он сотрудничал с журналом «Scourge», но также создавал гравюры на отдельных листах – обычная для его времени форма выпуска карикатур [12, с. 120]. В его творчестве карикатура превращалась в своего рода репортаж.

Карикатуристы быстро реагировали на любые важные события, особенно политические. Современные исследователи отмечают, что авторы сатирических изображений иногда сотрудничали с властью. Однако они также подчеркивают, что карикатура в целом оставалась отражением общественного мнения, что было обусловлено в том числе и законами рынка [11, с. 9; 10, с. 96]. Английская карикатура имела собственную специфику. Она была свободна от цензурных ограничений и часто

транслировала реакцию оппозиции на политические события. Впрочем, если говорить о периоде Отечественной войны 1812 г., то в это время позитивное отношение к России было характерно для обеих политических партий Великобритании. Это можно выявить путем сопоставления карикатуры с другими типами источников, в частности, с прессой.

Особенность карикатуры как исторического источника состоит в том, что визуальные параметры в ней обычно коррелируют с вербальными характеристиками персонажей. В британской карикатуристике начала XIX в. нет чисто графических произведений. Рисунок сопровождается «пузырями» с репликами персонажей. Под карикатурой или над ней располагается подпись, иногда сопровождаемая стихотворным текстом (например, карикатура Чарльза Уильямса «Бони и веселые парни из Парижа готовятся к новому триумфальному въезду в Москву» (1813)) [18]. Подпись может служить специфическим механизмом создания сатирического эффекта, за счет контраста между ее прямым смыслом и визуальным рядом. Джордж Крукенк использовал этот прием в гравюре «Бони, сочиняющий бюллетень, или Уютные зимние квартиры» (декабрь 1812) [14]. Подпись находится в противоречии с рисунком, где изображены французские солдаты, тонущие в русских снегах. Контраст подчеркивается репликой Наполеона, который представлен по шею в сугробе и обращается к офицеру, составляющему новостной бюллетень: «Скажите, что мы расположились в удобных зимних квартирах, а погода очень хорошая и продержится еще восемь дней. Скажите, что у нас много постного супа, много мясного фарша – можно отлично поесть жареной медвежатины – забрались к черту на рога. Скажите, что на Рождество мы будем ужинать дома – передайте привет моей милочке – состряпайте хорошее вранье о казаках – говорите что угодно, только не правду».

Тексты такого типа, соединяющие разные системы знаков (в данном случае вербальную и невербальную), в лингвистике получили название креолизованных. Понятие креолизованного текста было предложено Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым и стало широко использоваться в работах ученых [9, с. 180–181]. Правда, некоторые авторы возражают против термина «креолизация», предпочитая называть тексты подобного характера «поликодовыми» [1, с. 106].

Лингвисты отмечают многоуровневый характер креолизованных текстов, в которых вербальная и невербальная составляющие могут находиться в сложном соотношении, согласовываться или конфликтовать друг с другом. Такие тексты также обладают высоким коммуникативным потенциалом, поскольку могут передавать больше информации [7, с. 55–65]. Креолизованные тексты наиболее полно отвечают потребностям целевой аудитории и функциям публицистического текста – информировать и воздействовать [6, с. 67]. Они постоянно привлекают внимание, тексты в них короткие и понятные, а визуальные образы яркие и запоминающиеся, что может увеличить эффективность передачи информации на 55% [2, с. 27].

Высокий коммуникативный потенциал карикатуристики на эмпирическом уровне был известен в Новое время. Карикатуры не только продавались, но и выставлялись в специальных магазинах, чтобы каждый мог увидеть эти изображения. А.И. Тургенев в своем «Дневнике в Англии» (1825–1826) также отмечал эту особенность лондонской жизни: «На главных улицах любовался я богатствами, у окон вывешенными, смеялся от любого сердца, глядя на карикатуры» [13, с. 173].

Соответственно, выставленные на всеобщее обозрение карикатуры должны были останавливать внимание. Екатеринбургский лингвист М.Б. Ворошилова подчеркивает, что визуальный образ может быть воспринят мгновенно. Его воздействие глубже, чем у вербальных средств коммуникации, так как он воздействует не только на интеллект человека, но и на эмоционально-чувственную сферу [2, с. 95].

Восприятие облегчалось такой особенностью карикатуры, как интертекстуальность (прецедентность, цитация). Как отмечают Ю.И. Детинко и Р.И. Григорьев, в политических карикатурах прецедентность играет ключевую роль, поскольку узнаваемость визуального образа имеет для них первостепенное значение [3, с. 24]. Для этого в карикатуре используются прецедентные феномены.

Понятие «прецедентный текст» возникло сравнительно недавно. Его ввел Н.Ю. Караулов в 1987 г. Он выделил следующие характеристики прецедентных текстов:

- Важность для человека в познавательном и эмоциональном плане.
- Сверхличностный характер. Это значит, что такие тексты должны быть хорошо известны широкому кругу людей.
- Частое обращение к этим текстам [5, с. 216].

Для британской карикатуры начала XIX в. характерна высокая степень интертекстуальности. Типичными приемами были отсылки к более ранним карикатурам, аллюзии на литературные и фольклорные произведения. Например, в карикатуре Джорджа Крукшенка «Фронтиспис к списку персонажей “Двенадцатой ночи”» [15] (1813) присутствует двойная отсылка. Прецедентным текстом здесь является комедия Шекспира, но также присутствует еще один прецедентный феномен: традиция, существовавшая в театре Друри-лейн. На праздник Двенадцатой ночи (6 января) актеров и гостей театра угощали гигантским пирогом. Пирог находится в центре композиции карикатуры. Бородатый казак длинной пикой отгоняет от угощения Наполеона, которого можно узнать по большой двууголке с плюмажем.

Карикатура Уильяма Элмса «Казачьи забавы» [16] (1813) обыгрывает традиционное развлечение английских аристократов – охоту на лис. В виде лисы изображен Наполеон в узнаваемой двууголке. Он удирает от казаков под предводительством М.И. Платова.

Еще один пример использования прецедентного текста – карикатура Уильяма Хита «С галки срывают краденые перья» [17] (1813). Наполеон здесь – галка с человеческой головой; ему придано портретное сходство. Он пытался украсить себя павлиньими перьями, но эти перья срывают с него орлы (Россия, Пруссия и Австрия). В подписи к карикатуре раскрыт источник прецедентности: «См. басню Гэя о галке и других птицах».

Английская карикатура начала XIX в. представляет собой ценный материал для изучения истории Великобритании и ее внешней политики. Внимание к особенностям карикатуры как креолизованного текста позволяет оценить взаимодействие между вербальными и невербальными компонентами политического дискурса в данном типе источника. Полезен также анализ прецедентных феноменов, позволяющий раскрыть использованный карикатуристом механизм трансляции политического посыла.

1. Бернацкая, А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние / А. А. Бернацкая // Речевое общение : специализированный вестник / под ред. А. П. Сковородникова. – Вып. 3(11). – Красноярск : Красноярский государственный университет, 2000. – С. 104–110.

2. Ворошилова, М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / М. Б. Ворошилова. – Екатеринбург : УрГПУ, 2013. – 194 с.

3. Детинко, Ю. И. Интерпретация прецедентных визуальных образов в британском политическом дискурсе / Ю. И. Детинко, Р. И. Григорьев, // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2019. – Т. 1. – №1. – С. 22–28.

4. Журавлёва, В. И. Русский «Другой» в американской политической карикатуре: от века XIX к веку XXI / В. И. Журавлёва // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2012. – №7(87). – С. 64–96.

4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.

5. Ленкова, Т. А. «Комплексная медиаметафора» как результат эволюции визуальной культуры / Т. А. Ленкова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2020. – №6. – С. 67–76.

6. Пищерская, Е. Н. Креолизованный текст как объект изучения в лингвистике / Е. Н. Пищерская // *Litera*. – 2023. – №5. – С. 55–65.

7. Сальникова, А. А. Карикатура как источник по истории советского детства (по материалам газеты «Пионерская правда» второй половины 20-х годов XX в.) / А. А. Сальникова, К. А. Корнюшкина // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 162. – № 6. – С. 194–209.

8. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Высшая школа, 1990. – С. 180–186.
9. Стецкевич, М. С. Английская антиклерикальная карикатура конца XVIII – первой трети XIX в. как исторический источник / М. С. Стецкевич // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2015. – № 2. – С. 95–101.
10. Успенский, В. М. Медведи, казаки и русский мороз: Россия в английской карикатуре до и после 1812 г. / В. М. Успенский, А. А. Россомахин, Д. Г. Хрусталева. – СПб. : Арка, 2014. – 252 с.
11. Шестаков, В. П. Гиллрей и другие... Золотой век английской карикатуры / В. П. Шестаков. – М. : РГГУ, 2004. – 142 с.
12. «Я берег покидал туманный Альбиона...»: Русские писатели об Англии. 1646–1945 / сост. О. А. Казнина, А. Н. Николюкин. – М. : РОССПЭН, 2001. – 648 с.
13. Cruikshank, G. Boney hatching a bulletin or Snug Winter Quarters! / G. Cruikshank. – L. : S. Knight, 1812. – URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-8038 (date of access: 10.03.2025).
14. Cruikshank, G. Frontispiece to a set of Twelfth-night characters / G. Cruikshank. – L.: S. Knight, 1813. – URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-8079 (date of access: 10.03.2025).
15. Elmes, W. Cossack sports, or the Platoff hunt in full cry after French game / W. Elmes. – L. : Thomas Tegg, 1813. – URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-8081 (date of access: 10.03.2025).
16. Heath, W. The daw stript of his borrowed plumes / W. Heath. – L.: S. Knight, 1813. – URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-8060 (date of access: 10.03.2025).
17. Williams, Ch. Boney and the gay lads of Paris calculating for the next triumphant entry into Moscow / Ch. Williams. – L. : S. W. Fores, 1813. – URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-8060 (date of access: 10.03.2025).

Морова О.В.
ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА
ПОРТОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА РОССИИ
В 40-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Ключевые слова: Севастополь, портовая инфраструктура, Адмиралтейство, мастеровые, гражданский губернатор, предводители уездного дворянства.

Михаилу Петровичу Лазареву (1788–1851 гг.) Россия и потомки обязаны созданием на Черном море судостроительных верфей, мощных и благоустроенных городов-портов (Севастополь, Николаев), новой системой подготовки матросов к военно-морской службе и славными победами мирных экспедиций и военных морских операций.

Император Николай I знал, что «на Черноморском флоте сложилась тяжелая обстановка в связи с коррумпированностью флотского руководства, что привело к упадку флота и потере его боеспособности» [8, с. 66]. В 1832 г. он назначил на должность начальника штаба Черноморского флота М.П. Лазарева. Через два года Лазарев стал главнокомандующим флотом и портами и военным губернатором Севастополя и Николаева, сосредоточив в своих руках военное и гражданское управление [7, с. 10].

Приступив к своим обязанностям, он разработал масштабную программу создания судостроительной и портовой инфраструктуры в Севастополе и Николаеве [4, с. 78]. В числе приоритетных задач стояло строительство нового севастопольского адмиралтейства с производственной базой для судостроения и судоремонта на берегах Корабельной бухты и на восточном берегу Южной.

Проект севастопольских доков был утвержден Николаем I в 1831 г., нового адмиралтейства – в 1835 г. Позднее, в начале 1837 г. император утвердил и план модернизации адмиралтейства в Николаеве, предложенный М.П. Лазаревым.

В конце июля 1835 г. Лазарев заказал инженеру строительного отделения Черноморского флота Дж. Уптону проекты трех эллингов и набережной вокруг мыса, где шло строительство. Дж. Уптон, кроме строительства сухих доков, стал главным производителем работ по возведению в Севастополе Нового адмиралтейства [5, с. 194]. В сентябре 1835 г. 1 тыс. матросов начали земляные работы. В летнее время эти работы

велись силами Брестского, Белостокского, Литовского и Волынского пехотных полков. Побывавший в Севастополе в то время А.Н. Демидов писал, что на строительстве севастопольских портовых сооружений, на обслуживании «превосходных доков для починки кораблей» работали около 30 тыс. солдат [6, с. 58].

Чтобы облегчить труд строителей, М.П. Лазарев приказал соорудить землечерпательные снаряды для разработки грунта, изготовить и использовать для отвоза грунта 1 000 тачек (чтобы работники не в мешках на спинах таскали), плоскодонные баржи для перевозки грунта с мыса на другой берег.

Однако сроки строительства растянулись. В 1841 г. специальная комиссия подвела итог: за 4 года выполнена только 1/6 часть намеченных работ. Окончания работ при таких темпах можно было ожидать только в 1855 г., чего Михаил Петрович допустить не мог. Причины замедления темпов строительства крылись и в разрастании масштабов работ (вокруг Севастополя развернулось создание сухопутных укреплений) и в увеличении расходов на строительство и оснащение портовой инфраструктуры. При этом финансирование Черноморского флота и Севастополя было значительным (в 1836 г. на строительство адмиралтейства Севастополя было выделено 2 млн. руб., 4 млн. руб. на кораблестроение; в 1837 г. выделен 1 млн. руб. на постройку укреплений Севастополя [8, с. 67].

Одновременно со строительством нового адмиралтейства и сухих доков в Севастополе в 1838 г. приступили к осуществлению плана модернизации адмиралтейства в Николаеве. По данному плану в 1838–1840 гг. для Николаева в Англии купили крупные партии механического оборудования, над адмиралтейскими эллингами возвели крыши [1].

Архивные документы, находящиеся в Государственном архиве Владимирской области, косвенно проливают свет на проблемы, с которыми столкнулся М.П. Лазарев при строительстве портовой инфраструктуры Севастополя.

В делах Канцелярии Владимирского губернатора хранится переписка обер-интенданта экспедиция кораблестроения интендантства Главного управления Черноморского флота и портов с Владимирским гражданским губернатором. 15 декабря 1839 г. (здесь и далее ст. ст.) обер-интендант Главного управления Черноморского флота и портов направила Владимирскому гражданскому губернатору Ивану Эммануиловичу Куруте обращение. В нём сообщалось, что на 1840 г. Черноморскому адмиралтейству для производства работ требовалось нанять в Николаев с 1 марта по 1 ноября 800 плотников и 70 столяров со всеми возможными для того от них инструментами и 27 котельщиков для склепки паровых котлов и других работ с казенными инструментами и в Севастополь с 13 марта по 1 сентября 200 плотников и 20 столяров [2, л. 1].

Для найма мастеровых в великорусских губерниях был определён коллежский секретарь Благовещенский [2, л. 10]. Он просил владимирского губернатора сообщить ему, можно ли нанять в губернии требуемое число мастеровых и по каким ценам. Сам чиновник Благовещенский написал Куруте, что приехать не сможет, ибо «встретившиеся обстоятельства по исполнению возложенного на меня поручения воспрепятствовали быть в г. Владимире» [2, л. 2].

И.Э. Курута предписал Владимирскому и Покровскому земским судам 29 января 1840 г. «донести без замедления», можно ли вышеозначенное число мастеровых нанять из жителей этих уездов [2, л. 3]. Рапорт от Владимирского земского суда Владимирским губернатором был получен 20 февраля 1840 г. Списки крестьян, изъявивших желание производить плотницкую и столярную работу в городе Николаев, были представлены 29 февраля 1840 г. [2, л. 7]. Покровскому земскому суду Курута отправил повторное обращение, так как на своё предписание от января он не получил от земского суда ответа: «я строжайше подтверждаю оному суду требуемое по настоящему предмету донесение представить ко мне непременно с первою почтой» [2, л. 5]. Покровский земский суд

ответил губернатору, что «честь имеет донести ... желающих ... отправиться в города Николаев и Севастополь для производства там работ никого не оказалось» [2, л. 8].

Неожиданно из материалов переписки выявляется, что крестьяне Владимирского уезда, выразившие желание поехать в Севастополь и Николаев на работы, так туда не попали. В данном архивном деле есть документ, датированный 28 февраля 1840 г., от 10 крестьян Владимирского уезда: «дали мы нижеподписавшиеся Владимирскому земскому суду подписку о явке нашей для произведения в Николаевской крепости плотничной работы и теперь проживаем в г. Владимире без всякого занятия и совершенно изнурились..., а потому просим Вашего Превосходительства сообразоволи разрешить нам свободу на отправление в крепость для занятия работы ...здаточною суммой на проход тоже суммою какая назначена. В ожидании Вашего покровительства Карп Иванов (деревня Санино), Василий Иванов (деревня Тимошкино), Федот Антонов, Герасим Максимов, Степан Леонтьев, Егор Леонтьев (деревня Степаньково), Савелий Никифоров, Антон Ильин (деревня Улова), Леонтий Максимов (деревня Ворща), Илья Захаров (деревня Кутуково)». Подписал от крестьян села Санина Карп Иванов [2, л. 10]. Владимирскому земскому суду было предписано «...объявить как упоминаемым просителям, так и прочим крестьянам, что о желании их поступить на работы в гг. Николаев и Севастополь **собиралось одно только сведение**, но что они для промышленности своей беспрепятственно отлучиться могут куда хотят, и брались от них ошибочно подписки, не заключают ничего обязательного» [2, л. 11–12].

Тем не менее, к концу 1840 г. в Севастополе завершили акведук, продолжили строить три шлюза, главный бассейн, один линкоровский и два фрегатских дока.

Серьёзной проблемой для Главного управления Черноморского флота и портов стало плановое изменение берегового ландшафта Севастополя для строительства нового Адмиралтейства, что показывают материалы «Дела по отношению комитета для построения в Севастополе нового Адмиралтейства, о вызове желающих к принятию на себя срытия мыса в городе Севастополь между двумя бухтами Южного и Корабельной» из фонда Канцелярии Владимирского губернатора. [3]

Как уже отмечалось выше, земляные работы выполнялись крайне медленно. Инженер Уптон предложил М.П. Лазареву отдать эту часть строительства на подряд. Заключение подрядных договоров на выполнение государственных заказов было не только обычной практикой. В период интенсивного строительства Черноморского флота и инфраструктуры государственные подряды достигли невиданных масштабов. До М.П. Лазарева при военном губернаторе А.С. Грейге к ним, как правило, привлекались еврейские купцы, особенно из клана Рафаловичей, которые находились в родстве с женой военного губернатора Ю.М. Грейг. Но они постепенно были отстранены от получения подрядов.

Главное управление Черноморского флота и портов искало новых подрядчиков. Комитет для построения в г. Севастополь нового адмиралтейства 15 ноября 1841г. Владимирскому Гражданскому Губернатору И.Э. Куруте направил объявление «на щёт вызова желающих к принятию на себя срытие мыса в городе Севастополе между двумя бухтами Южной и Корабельной с подробным пояснением длины, высоты, качества грунта...» и 5 копий чертежей самого мыса [3, л. 1]. В объявлении говорится о том, что для строительства в Севастополе нового Адмиралтейства выбрано самое удобное место на мысе между двумя бухтами. Мыс 198 сажень в длину, 165 сажень в самом широком месте, 16 сажень наибольшая высота над горизонтом моря. Его предстояло срыть до площадки на 15 фут над уровнем моря посередине и фут по краям.

«Работа эта начата была казёнными средствами, и уже шестая часть оной сделана, но по некоторым обстоятельствам прекращена, и ныне Начальство обращается к Русским Патриотам Капиталистам не пожелает ли кто из них взять на себя продолжение и окончание этой работы» [3, л. 2]. Грунт предстояло вывозить на

противоположный берег Южной бухты и засыпать там низину. Лицу, принявшему на себя срытие горы, будут отданы инструменты в исправном виде по тем ценам, по каким они обошлись казне: ломы железные разных размеров, молоты, свёрла, тележки колёсные и др. По окончании работ все инструменты должны быть возвращены в казну. Для перевозки грунта дадут бесплатно пароход в 20 сил. Для погрузки – деревянные настилы на сваях. Стоимость всей работы – 3.650.000 рублей. Прочитавшим объявление и пожелавшим взять на себя земляные работы предлагалось уведомить Комитет без промедления времени и не позднее 1 апреля 1842 г.

Уездным предводителям Муромского, Переславского, Ковровского и Юрьевского дворянства были отправлены копии обращения Комитета [3, л. 4]. Вскоре владимирскому губернатору сообщили, что никто из дворян не изъявил желания, а ковровские дворяне и план обратно отослали [3, л. 6–9]. Владимирский губернатор отписал в Комитет: «честь имею уведомить, что срытие мыса в городе Севастополе между двумя бухтами Южною и Корабельною, как донесли мне Г.г. уездные предводители Дворянства Муромский, Юрьевский, Переславский и Ковровского из гг. дворян принять на себя никто желания не изъявил» [3, л. 11]. Так, во Владимирской губернии (родной для М.П. Лазарева) не нашлось желающих выполнить весьма дорогой государственный заказ.

Тем не менее, в 1849 г. работы были завершены. Первоначально принял их на себя подпоручик Гатацук по контракту 16 февраля 1843 г., но после его смерти исполнение контракта перешло Даниилу Корниловичу Волохову. Волохов был подрядчиком у Морского ведомства и слыл весьма состоятельным человеком. К тому же, он был другом и дальним родственником известного морского офицера В.А. Корнилова.

В заключении отметим, что сооружение сухих доков и нового адмиралтейства в Севастополе – успешные масштабные военно-технические проекты М.П. Лазарева. Осуществлялись они в чрезвычайно сложных условиях, когда решающее значение имели объём бюджета на реализацию проектов и рабочая сила. Документы Государственного архива Владимирской области дополняют историческую картину строительства портовой инфраструктуры черноморского флота России в 40-е гг. XIX в.

1. Гаврилов, Б. И. Черноморский флот и Севастополь во второй четверти XIX в. / Б. И. Гаврилов // Москва–Крым : историко-публицистический альманах. – М., 2002. – № 4. URL: https://web.archive.org/web/20090702001936/http://www.moscowcrimea.ru/history/18_19vv/bsfxix_2.html (дата обращения: 11.03.2025)

2. Дело по отношению г. обер-интенданта Черноморского флота и портов о доставлении сведения можно ли нанять потребное число мастеровых в Николаев и Севастополь и по каким ценам // Государственный архив Владимирской области (ГАВО). – Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 5545.

3. Дело по отношению комитета для построения в Севастополе нового Адмиралтейства, о вызове желающих к принятию на себя срытия мыса в городе Севастополь между двумя бухтами Южного и Корабельного // Государственный архив Владимирской области (ГАВО). – Ф. 14. Оп. 9. Д. 174.

4. Лукьянец, А. С. Роль М.П. Лазарева в строительстве Севастополя первой половины XIX века / А.С. Лукьянец, М. С. Ситало, Т. В. Вакулова // Потемкинский форум : сборник материалов IV международного научного форума, 75-летию Крымской наступательной операции 1944 года и 5-летию воссоединения Севастополя и Крыма с Россией / отв. ред. А. П. Кабаченко. – Севастополь, 2019. – С. 78–81.

5. Малиновская, Е. С. Иностранцы на русской службе в XIX веке на примере семьи инженеров Уптонов / Е. С. Малиновская // Причерноморье. История, политика, культура. – 2014. – Вып. XV(VI). Сер. Б.

6. Петрова, Э. Б. Севастополь и его ближайшая округа в сочинениях московских путешественников по Крыму конца XVIII – первой половины XIX века / Э. Б. Петрова, Т. А. Прохорова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2015. – Т. 1(67). – № 1. – С. 48–77.

7. Черноусов, А. А. Деятельность адмирала М.П. Лазарева на посту военного губернатора Николаева и Севастополя / А. А. Черноусов // Причерноморье. История, политика, культура. Серия Б. Новая и новейшая история. Вып. I. Избранные материалы Международных научных конференций «Лазаревские чтения» / под общ. ред. В. И. Кузищина. – Севастополь : Филиал МГУ в г. Севастополе, 2009. – С. 10–18.

8. Черноусов, А. А. Посещение Николаем I Севастополя и портов Черного моря в 1837 году (к вопросу о взаимоотношениях адмирала М.П. Лазарева и императора Николая I / А. А. Черноусов // Причерноморье. История, политика, культура. Серия Б. Новая и новейшая история. Вып. I. Избранные материалы Международных научных конференций «Лазаревские чтения» / под общ. ред. В. И. Кузищина. – Севастополь : Филиал МГУ в г. Севастополе, 2009. – С. 66–70.

Кащенко С.Г.
ЦАРСКОСЕЛЬСКОЕ ИМЕНИЕ ГЕНЕРАЛА И.А. ЗАРЖЕЦКОГО
В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Ключевые слова: И.А. Заржецкий, Царскосельский уезд, деревня Борисово, реформа 1861.

В Российском государственном историческом архиве и Президентской библиотеке в Санкт-Петербурге завершена работа по сканированию материалов Ф. 577 Главного выкупного учреждения. Сегодня историки могут изучать их в центрах удаленного доступа, среди которых читальные залы библиотек Санкт-Петербургского государственного университета. Ранее реформа в столичной губернии исследовалась в университете методами дескриптивной статистики [1]. Новые возможности, появившиеся при работе с отсканированными материалами, позволили еще раз взглянуть на результаты реформы и выкупной операции под Петербургом. Было принято решение провести «монографическое» описание всех столичных имений. Значительные различия между ними в ряде случаев мешали расчетам средних показателей. В новых исследованиях за «среднестатистическим лесом» предполагалось внимательно разглядеть отдельные «деревья».

Опубликованы первые результаты анализа имений подстоличного Петербургского уезда [2; 3]. В настоящее время изучается Царскосельский уезд. В процессе работы одно из царскосельских имений привлекло наше внимание.

Среди представителей военно-инженерной элиты столичной губернии в середине XIX в. заметное место занимал талантливый уроженец Беларуси инженер-генерал-лейтенант Иосиф Адальбертович (Альбертович) Заржецкий (Zarzecki), 225 лет со дня рождения которого исполняется в этом году. Юноша учился на физико-математическом факультете Виленского университета, а затем блестяще окончил Петербургский институт Корпуса инженеров путей сообщения.

Способный офицер был замечен директором Строительного департамента Морского министерства Л.Л. Карбоньером. В 1830 г. Заржецкий был переведен в Корпус инженеров Морской строительной части и начал работу в Кронштадте на строительстве Николаевских доков, вызвавшую одобрение императора. В историю Кронштадта И.А. Заржецкий вошел как проектировщик и строитель казематированной батареи «Князь Меншиков», где его имя было увековечено на памятной доске. Позднее он работал над проектами Балтийского и Петербургского портов. К сожалению, скончавшийся в 1869 г. Заржецкий не увидел этих плодов своего труда. Его профессиональная деятельность, представляющая наибольший интерес, получила отражение в литературе [4, с. 120–171]. Однако не все факты жизни генерала привлекли внимание биографов. Известно, в частности, что незадолго до 1861 г. он приобрел поместья в Царскосельском и Лугском (Лужском) уездах столичной губернии, где в начале 1860-х гг. освободил крепостных, а затем провел выкупную операцию.

Деятельность И.А. Заржецкого как помещика интересна тем, что по роду службы ему приходилось иметь дело с руководителями Морского министерства, в том числе с одним из лидеров либерально настроенных российских бюрократов братом царя Великим князем Константином Николаевичем. Последний сыграл важную роль в подготовке и реализации крестьянской реформы. В 1857 г. он был введен в состав Секретного (с 1858 г. Главного) комитета по крестьянскому делу, в 1860 г. назначен его председателем, а после 19 февраля 1861 г. возглавил Главный комитет об устройстве сельского состояния.

В 1860-х–1880-х князь владел несколькими имениями в Петербургской губернии, в том числе под Павловском в Царскосельском уезде. Его желанием было распространить на свои дворцовые владения общий порядок, введенный в 1861 г. для помещичьих имений, и, несмотря на сопротивление некоторых министров, считавших такое решение вопроса преждевременным, он добился своего.

Уставные грамоты в Павловском имении Константина Николаевича были составлены уже 15 августа 1861 г. и могли стать своеобразным ориентиром для морских офицеров, имевших поместья в столичной губернии.

Заметим, что западные губернии, откуда происходил И.А. Заржецкий и где его семейство имело поместья, вскоре были охвачены Польским восстанием 1863–1864 гг., после разгрома которого существенно изменились и отношение правительства к польской шляхте, и правила освобождения местного крестьянства, включая условия выкупа. Заржецкий был осведомлен об этом и мог учесть польские события при осуществлении выкупной операции.

В 1830–1850-х гг. известной личностью в военных кругах Петербурга был Адольф Христофорович Бурмейстер (Christoph Adolph von Buhrmeister) (1784–1866), который в 1840-е гг. был комендантом Кронштадтской крепости. Бурмейстер вместе с супругой Каролиной фон Крюденер (Karoline Elisabeth Juliane von Kruedener) имел земельные владения в столичной губернии. После выхода в отставку в 1854 г. и смерти жены он занялся распродажей поместий, в том числе в Царскосельском и Лугском уездах, которые приобрел у него Заржецкий.

Сохранилось выкупное дело [5] на деревню Борисово в Царскосельском уезде, которую купил Заржецкий.

«Генерал-лейтенант Адольф Христофоров сын Бурмейстер, – записано в купчей, датированной 1856 г., – продал недвижимое имение в Лугском уезде, мызу Амалинскую и деревню Новопетровскую, Слюдицы тож, ... в коих писаны по 9 ревизии мужского пола 17 душ и женского пола 23 души с рожденными после ревизии детьми, с господскою усадьбою и прочими принадлежностями, с господским скотом, хлебом наличным и в земле посеянном, а также с крестьянскими строениями и их имуществом и с принадлежащей к этому имению землею 1659 дес. 1302 кв. саж., с лесом, санными покосами, водами, рыбными ловлями и прочими угодьями». В Царскосельском уезде была продана деревня Борисово, «в коей писано по 9 ревизии мужского пола 34 и женского 38 душ с рожденными после ревизии детьми ...с принадлежащею к этой деревне землею 192 дес. 1880 кв. саж. ...Взял Бурмейстер у Его превосходительства господина Заржецкого за то недвижимое имение денег 20000 руб. серебром» [5, л. 13–14об.]. Деревня Борисово была расположена более чем в 60 верстах от Царского Села, на окраине уезда по проселочной дороге.

Еще до завершения положенного по закону двухлетнего срока, 1 марта 1862 г., в Борисово была составлена уставная грамота [5, л. 6–10], которая 23 июля была проверена, утверждена и введена мировым посредником 1-го участка Царскосельского уезда Василием Максutowым. Последний занимался также уставными грамотами на «Павловское имение» Великого князя. Из грамоты следует, что в Борисово по 10-й ревизии числились 4 дворовых человека и 30 крестьян. Дворовые «не изъявили желания» получить надел после реформы.

До освобождения у крепостных в пользовании было 65 дес. удобной земли, в том числе 1 дес. 200 кв. саж. под усадьбами. Размеры эти были определены по плану 1858 г. землемером Соколовским.

По Местному положению в уезде «высший» размер надела составлял 4 дес. на душу муж. пола, а «низший» – 1/3 от «высшего» – т.е. 1 дес. 800 кв. саж. В Борисово душевой надел, равный 2 дес. 400 кв. саж., был меньше «высшего», но превосходил

«низший». Заржецкий по Положению мог сохранить за крестьянами старый надел, что он и сделал.

В грамоте содержатся дополнения, касающиеся использования воды. Водопой остались в общем пользовании крестьян и помещика, но «как река Оредеж принадлежит к числу сплавных, и в зимнее время главный по ней проход, то крестьяне на реке не имеют права делать никаких плотин, ни запруд, ни заколов для рыбной ловли». Право ловить рыбу владелец оставил за собой. Подобная практика была обычной в уезде.

До реформы в Борисово крестьяне уплачивали оброк по 12 руб. серебром в год с души. Получив надел «меньше высшего», крестьяне должны были бы платить по 7 руб. 70 коп., но «по добровольному согласию Помещика, плата оброка уменьшается до 7 руб.», до 210 руб. со всего селения. Никаких послаблений в отношении выкупа крестьянских усадеб помещик не сделал, они были отнесены к более высокому 2-му разряду, поскольку владелец считал имение «более промысловым», чем земледельческим.

Известно и общее количество земли, оставшейся у Заржецкого, ее было 127 дес. 1880 кв. саж. Самыми дорогими угодьями был лес, составивший около 80% этой площади.

«Законных возражений», как посчитал мировой посредник, у крестьян не было, грамота «хотя и была крестьянами обжалована», но Губернское по крестьянским делам присутствие оставило это без последствий.

Необычная ситуация возникла позже. Уже после введения грамоты оказалось: «что по 10-й ревизии в селении Борисово были пропущены две души мужского пола, имеющие право на надел земли, вследствие этого из С.-Петербургской Казенной палаты выдана дополнительная ревизская сказка на вышеозначенные две души, которые ныне должны быть включены в общее количество крестьян, но как ныне надел по уставной грамоте превышает нижний размер, то при включении двух душ в общее число крестьян общий надел на все крестьянское общество, а равно и оброчная плата за надел остается без изменения» [5, л. 4об.–5].

Таким образом освобождение крестьян в имении Заржецкого было произведено быстро, в строгом соответствии с Положениями 1861 г., аккуратно и с небольшими уступками крестьянам. Размеры наделной земли сохранились, но существенно, на 5 руб. с души или на 41,7%, сократился оброк, что свидетельствует об улучшении экономического положения крестьян.

Практически сразу после их освобождения владелец перешел к осуществлению выкупной операции. 28 февраля 1863 г. была оформлена доверенность на передачу права осуществлять все финансовые операции по имениям в Царскосельском и Лугском уездах, а также по имению Вороново в Лидском уезде Виленской губернии гвардии полковнику Федору (Фридриху) Антоновичу Шванебаху, мужу дочери Заржецкого. Заржецкий аргументировал передачу прав тем, что не имеет возможности заниматься этими вопросами. Конечно, генерал был не молод, имел немало обязанностей и возможно заниматься выкупными делами в имении, где крестьяне относились к выкупу настороженно, а платежи не обещали высокого дохода, ему было неудобно, но вопросы, связанные с составлением уставной грамоты, еще год назад он решал сам, без доверенного лица. Сейчас же положение несколько изменилось. Известно, что реакция крестьян в России на реформу была неоднозначной и вызвала в некоторых губерниях сопротивление. Кроме того, в январе 1863 г., буквально за месяц до передачи дел Шванебаху, в Царстве Польском начались волнения. Правительство восставшей Польши 22 января 1863 г. издало декреты, по которым в собственность крестьян переходили занимаемые ими наделы. Возможно, этот факт также вызвал желание владельца поскорее провести выкупную операцию.

Ф.А. Шванебах занялся процессом оформления выкупных документов, который пошел весьма быстро. Выкупное объявление составили 19 марта 1863 г. и предъявили

крестьянам, которые не проявили большой заинтересованности и «не предоставили мирского приговора» о согласии на выкуп. Уже 25 апреля 1863 г. в Санкт-Петербургское по крестьянским делам присутствие мировым посредником было представлено «дело по выкупному объявлению» на Борисово, 5 июля там состоялось слушание по этому вопросу. Поскольку долгов и запрещений на имение не было, выкуп происходил без препятствий. В Докладной записке о выкупе [5, л. 19–20] не отмечены какие-либо изменения по сравнению с уставной грамотой.

В 1869 г. И.А. Заржецкий скончался в Петербурге, похоронили его в Лиде на семейном участке католического кладбища. Имена со временем перешли к дочери, которая намного пережила рано умершего мужа.

1. Кащенко, С. Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России: экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года / С. Г. Кащенко. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2009. – 552 с.

2. Кащенко, С. Г. Помещичьи имения Петербургского уезда. 1860–1880-е годы / С. Г. Кащенко. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2024. – 284 с.

3. Кащенко, С. Г. Реформа 19 февраля 1861 года в помещичьих имениях Петербургского уезда / С. Г. Кащенко. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. – 344 с.

4. Раздолгин, А. А. Кронштадтская крепость / А. А. Раздолгин, Ю. А. Скориков. – Л. : Стройиздат, Ленингр. отделение, 1988. – 420 с.

5. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 577. Оп. 35. Д. 1318.

Кейко Ю.В.

АКТЫ ОСМОТРА ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ЦЕРКОВНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ГРОДНЕНСКОГО УЕЗДА)

Ключевые слова: акт осмотра, православный храм, М.Н. Муравьев, Гродненский уезд.

Во второй половине XIX в. на территории белорусских губерний с целью ослабления польского общественно-политического движения и русификации населения активизировалось православное храмовое строительство. Инициатором данного направления деятельности стал виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев. Осуществление своего плана он начал с Виленской и Гродненской губерний, так как Министерство внутренних дел занималось сооружением церковных зданий в Могилевской и Витебской губерниях. Именно в Виленской и Гродненской губерниях были созданы губернские и уездные церковно-строительные комитеты, а также церковные советы в сельских приходах [1, с. 9–11]. Сложилась определенная система государственного управления для ускоренного возведения православных храмов, которая получила апробацию в частных владениях в 1864–1867 гг.

Временный губернский комитет по строительству и ремонту православных храмов в Гродненской губернии был создан в апреле 1864 г. под руководством губернатора И.Н. Скворцова. Строительное учреждение занималось организацией и осуществлением ремонтно-строительных работ, выполняло контроль за правильным расходованием денежных средств из бюджета и пожертвований от населения. 22 мая 1864 г. по его постановлению был сформирован Временный уездный комитет по строительству и ремонту православных храмов в Гродненском уезде под председательством военно-уездного начальника «полковника Таубе», а затем, в июне месяце, на его место назначили генерал-майора Г.А. Прасолова, являвшегося членом Гродненского губернского по крестьянским делам присутствия [11, л. 12]. В состав этого комитета вошли: благочинный – протоиерей Гродненского собора А. Шеметило, архитектор – статский советник О.О. Михаэлис, уездный исправник – Мостовский,

мировой посредник – Хотяинцев, участковый чиновник – В. Шпеер [12, л. 6]. Их функциональные обязанности заключались в осмотре церковных зданий для определения объема предстоящих работ и надзоре за возведением православных церквей в приходах.

Для выявления текущего состояния действующих храмов члены Временного уездного комитета по строительству и ремонту православных храмов в Гродненском уезде с июня по сентябрь 1864 г. занимались их осмотром [1, с. 8]. Результаты своей работы фиксировали в актах, которые оформляли на простых листах по установленной форме.

В вводной части акта осмотра указывались дата и место расположения объектов обследования (церкви и причтовых строений).

В первом пункте при необходимости проведения ремонтных работ давалось их полное перечисление как внутри, так и снаружи храма. Например, в акте от 25 июля 1864 г. при осмотре церкви в деревне Голынка члены комиссии отметили следующее: «разломанный» кирпичный пол заменить на дощатый; внешние стены выбелить известью; вокруг здания установить ограду; вставить 15 оконных переплетов со стеклами; покрасить масляной краской гонтовую крышу, а также пол в алтарной части храма [5, л. 1]. Однако в этом же пункте определялась целесообразность строительства храма. К примеру, 28 сентября 1864 г. вследствие обследования церкви в деревне Черлёна членами Временного уездного комитета по строительству и ремонту православных храмов в Гродненском уезде была сделана в акте иного рода запись: *«Деревянная церковь оказалась совершенно ветхой, почему и следует построить новую каменную из булыжного камня»* [10, л. 1]. Соответственно данный храм находился в аварийном состоянии.

Во втором пункте приводилась информация о стоимости стройматериалов и на услуги рабочих без указания конкретных расценок. Формулировка являлась стандартной: *«По расспросам на месте оказалось, что цены на рабочих и на материалы обыкновенные какие существуют по Гродненскому уезду»* [7, л. 1].

В третьем пункте описывался иконостас. Если он находился в надлежащем состоянии, то в актах это отражалось фразой *«приличной формы»* [6, л. 3], а в случаях его замены на новый – *«ветхий»*, *«бедный»*, *«неблаговидный»*, *«неправильной формы»* [4, л. 1].

В четвертом пункте показывалась численность прихожан (по каждому полу отдельно и общее количество), отмечалась степень их участия в ремонтно-строительных работах. Так, крестьяне деревни Тетеровка по акту от 25 июля 1864 г. решили пожертвовать на ремонт своего храма 300 рублей и выделить столько же рабочих дней [9, л. 1]. Прихожане деревни Вертелишки изъявили желание предоставить подводы для доставки из города Гродно стройматериалов и чернорабочих [3, л. 1]. Последняя форма оказания содействия крестьянами при осуществлении ремонта или возведении объекта получила наибольшее распространение.

В пятом пункте предоставлялись сведения о состоянии причтовых строений. Например, в деревне Мостовляны по акту от 25 июля 1864 г. по результатам осмотра жилых и хозяйственных строений священника и церковного причта требовалось соорудить дом, амбар, сарай для скота, погреб. Отдельный жилой дом с подобными постройками предназначался для дьячка, пономаря и просфирии [2, л. 1]. В Черлёнском православном приходе аналогичных объектов не было, также отсутствовал священник [10, л. 1].

В заключительной части документа речь шла о составлении проектно-сметной документации на строительство православного храма или сметы на приобретение лесоматериала для возведения причтовых строений, подготовка которых возлагалась на архитектора О.О. Михаэлиса [8, л. 2].

Акты осмотра подписывали члены уездного комитета и церковного совета, присутствовавшие при этой процедуре [9, л. 1]. Далее документы вместе со сметами рассматривались в уездном комитете и по ним составлялась ведомость о необходимых

ремонтно-строительных работах в пределах уезда. Затем на их основе в губернском комитете по строительству и ремонту православных храмов формировалась общая ведомость о намеченных церковно-строительных работах по губернии.

Таким образом, акты осмотра временного уездного комитета по строительству и ремонту православных храмов в Гродненском уезде раскрывали техническое состояние церковных зданий и отдельных элементов – иконостасов, позволяли выяснить материальное положение прихожан и степень их участия в ремонтно-строительных работах, а также выявить приходы, где требовалось оказать помощь местному духовенству в обеспечении необходимыми причтовыми постройками.

1. Миловидов, А. И. Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при гр. М.Н. Муравьеве / А. И. Миловидов. – Вильно : Тип. «Русский почин», 1913. – 51 с.

2. Национальный исторический архив Беларуси в г Гродно (НИАБ в Гродно). – Ф. 845. Оп. 1. Д. 1.

3. НИАБ в Гродно. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 3.

4. НИАБ в Гродно. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 4.

5. НИАБ в Гродно. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 5.

6. НИАБ в Гродно. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 7.

7. НИАБ в Гродно. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 16.

8. НИАБ в Гродно. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 18.

9. НИАБ в Гродно. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 21.

10. НИАБ в Гродно. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 22.

11. НИАБ в Гродно. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 24.

12. НИАБ в Гродно. – Ф. 846. Оп. 1. Д. 1.

Воднева И.П.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПОЛОЦКОГО ВОЛЬНО-ПОЖАРНОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: Российская империя, пожарная служба, канцелярия Витебского губернатора, Полоцкое вольно-пожарное общество, архивные документы.

Полоцкое вольно-пожарное общество (ВПО) относится к числу первых добровольных пожарных организаций на территории современной Беларуси. Однако история его создания до сих пор изучена слабо. Отдельные сведения о существовании Полоцкого ВПО встречаются в исследованиях А.Н. Юпатова, А.В. Тетерника, Д.В. Каминского, а также в справочной литературе. В 2023–2024 гг. автор данной статьи опубликовала несколько материалов, опираясь на отчёты Полоцкого ВПО начала XX в. из собрания Российской государственной библиотеки (Москва). Анализ вновь открытых архивных документов последней четверти XIX в. может дополнить информационное поле о деятельности полоцких добровольцев.

В Зональном государственном архиве в г. Полоцке в фонде «Полоцкого добровольного пожарного общества» (ДПО), которое продолжило традиции Полоцкого ВПО в 1920-е гг., хранится бланк «Похвального отзыва» за 1921 г. Документ за подписью председателя исполкома Полоцкого ДПО вручался действительным членам общества в день открытия новой пожарной вышки (прежняя сгорела в годы Польско-советской войны – *авт.*) и 45-летия Полоцкого ВПО [1, л. 49]. Таким образом, год основания добровольного пожарного общества – 1876 г.

Согласно «Краткого статистического обзора пожарных команд Российской империи», выпущенного в 1892 г., дата 1 апреля 1876 г. считалась днём образования Полоцкой вольно-пожарной команды, в составе которой спустя 16 лет числились: начальник с двумя помощниками, два брандмейстера с помощниками, два начальника частей, сигналист, врач, 40 пожарных служителей и 120 членов пожарного общества [3].

Следовательно, под названием «команда» подразумевался весь численный состав общества.

1876 г. указывался и в рапорте полоцкого полицмейстера, отправленного в канцелярию витебского губернатора в начале июня: «По приглашению моему из жителей города Полоцка разных сословий, 22 человека организовали из себя вольно-пожарную команду, все они люди дающие полную надежду на успешное содействие при тушении пожаров и число таких лиц может постоянно увеличиваться. Сочувствия этому полезному делу, некоторые из добровольцев вызвались добровольным пожертвованием на устройство костюма и знаков для членов вольно-пожарной команды и на устройство некоторых инструментов» [4, л. 1–1об.].

Следующий документ из «Дела об организации из жителей Полоцка вольно-пожарной команды», хранящегося в Национальном историческом архиве Беларуси (далее – НИАБ), сообщает, что в августе 1876 г. полоцкими добровольцами был подготовлен Устав вольно-пожарного общества, в основу которого положен уставной документ Витебского ВПО 1872 г. Однако губернатор П.Я. Ростовцев отправил Устав полочан на доработку [4, л. 5].

Лишь спустя полгода, в марте 1877 г. полоцкий полицмейстер Д.А. Демидов прислал в канцелярию губернатора переработанный Устав Полоцкого ВПО. Из переписки, длившейся более 2-х месяцев между губернской канцелярией и Департаментами МВД, известно, что «препятствий к созданию общества» министр внутренних дел не видел [8, л. 2–2об.]. В 1870-е гг. в Российской империи Указ о создании в городах общественных пожарных команд из обывателей (1860 г.) не принимался на местах к обязательному исполнению, поэтому создание очередной добровольной команды было встречено как губернатором, так и министром МВД одобрительно.

В документах НИАБ сохранился и новый проект Устава Полоцкого ВПО 1877 г., на основании которого с 30 июля начался ещё один отсчёт истории добровольного пожарного общества. Эту дату считали днём создания общественной организации «огнеборцев» и в начале XX в. В 1902 г. по случаю празднования 25-летия ВПО председатель правления общества И.И. Долгов официально приглашал на торжества в Полоцк в качестве почётного гостя витебского губернатора И.И. Чепелевского [7, л. 53]. А в 1922 г. полоцкие добровольцы с размахом отметили 45-летие общества, окончательно взяв за основу 30 июля 1877 г. как год образования Полоцкого ВПО согласно утверждённого Устава, которым они пользовались более полувека [1, л. 1].

Устав 1877 г. состоял из 6 разделов и 57 глав. В документе прописывалось, что главной целью создания пожарного общества является «содействовать жителям при тушении пожаров в городе и в предместьях, посредством охотников, добровольно вступивших в общество» [4, л. 11]. Во второй главе – «Члены» – прописывалось, что добровольцы делятся на действительных, участвующих под руководством начальника в тушении пожаров, и недействительных членов, которые «при вступлении платят единовременно 1 рубль и ежегодно по 3 рубля серебром». Во главе общества находился совет управления, состоящий из 6 человек – 3-х действительных и 3-х недействительных членов. Совет избирался ежегодно и по окончании срока полномочий представлял отчёт, который заслушивался на общем собрании всех членов общества. Из членов правления избирался председатель, письмоводитель, казначей, утверждались большинством голосов начальник над охотниками, два его помощника – брандмейстера и цейхмейстер.

Самая большая глава Устава была посвящена охотникам, или действительным членам общества, которые на пожар прибывали по сигналу в «единообразной» одежде. «Для приобретения необходимых познаний в пожарном деле, охотники занимаются упражнениями, в которых обязан участвовать каждый действительный член общества», – так гласила одна из глав Устава [4, л. 12].

Все действительные члены делились на 6 отделений или команд: при трубах находящиеся (шпринцмейстеры и качальщики); управляющих трубами; для спасения людей и имущества (лазальщики); для слома строений; водовозов; для наблюдений за порядком. С особой тщательностью расписывался комплект команд для обслуживания пожарной трубы, где указывалось, что на каждого начальника с помощником полагалось по 3 смены людей для обслуживания насоса. В этой же главе прописывались обязанности каждого охотника, его отношение к инвентарю, а также личные качества каждого члена отделения, в зависимости от его «должности».

Среди главных условий принятия в членство ВПО был 18-летний возраст и мужской пол. Во время ежемесячных собраний должностных лиц зачитывали заявление новичка, а после знакомства с Уставом общества, подписания служебных правил и дисциплинарного устава объявлялось о его вступлении в члены организации. Отдельная глава посвящалась и выходу из состава добровольцев, которое наступало после написания заявления за 2 недели до увольнения. Исключением была болезнь или «поспешный выезд из Полоцка» члена общества.

Особая глава разъясняла взаимодействие добровольцев с местным начальством и городской военной пожарной командой. Во время пожара охотники подчинялись непосредственно своему начальнику, который в свою очередь давал распоряжения, согласно указаниям городского полицмейстера.

В заключении более 10 глав Устава были посвящены дисциплине членов общества. В одной из них прописывались моральные качества, которыми должен обладать охотник: «Каждый член общества обязан вести себя как на службе, так и вне оной, благородно и мужественно, во особенности же на службе; быть трезвым, исправным, спокойным, терпеливым, должен повиноваться и где нужно оказывать мужество вместе с осмотрительностью» [4, л. 15]. В этой же главе определялось и наказание в виде штрафа и даже исключения из общества за неявку без уважительной причины на пожар или на место выполнения упражнений.

В 1877 г. проект Устава Полоцкого ВПО подписало 50 человек. Документ заверен подписью директора Полоцкого городского общественного банка Л.К. Тейхмана, который был избран общим собранием председателем правления Полоцкого ВПО. Спустя 10 лет в одном из архивных документов указывалось, что в первые годы существования общества численность добровольцев была невысокой, но на начало XX в. материальное благосостояние организации окрепло и в его состав входило более 100 человек.

Архивные документы сохранили и имена нескольких охотников, которые за многолетнюю общественную деятельность были удостоены высоких наград. Так, в 1884 г. полоцкий полицмейстер А.П. Радзиевский в канцелярию Витебского губернатора направил список членов Полоцкого ВПО для награждения серебряной медалью «За усердие». Это потомственный дворянин Иосиф Иосифович Олендский, 28 лет, член общества с 1876 г., и купеческий сын Залман Гиршевич Марголин, 35 лет, в обществе – с 1874 (?) г. В документе указывалось, что не один из членов «никогда не состоял под судом и следствием». И.И. Олендскому, принадлежавшему к дворянскому сословию, отказали [5, л. 3–11]. А З.Г. Марголин согласно квитанции из казначейства был удостоен медали в 1884 г., заплатив 7 руб. 50 коп. «в пользу увеченных воинов в доходы Александровского комитета» [5, л. 16]. Сведения об этом значились в представлении его на золотую медаль в 1887 г. В рапорте исполняющего делами полоцкого полицмейстера Брауна сообщалось, что З.Г. Марголин «личными заботами и материальными средствами сильно поддерживает состав членов исполнителей Полоцкого ВПО и с пользой для города исполняет обязанности брандмейстера». Однако в ходатайстве было отказано, так как не прошло и двух лет с предыдущего награждения [6, л. 1–4об.].

В числе первых охотников общества, который числился в списках ВПО с 1877 по 1925 г., значился и Израиль Гиршевич Абрамзон, представленный к награждению Почётным дипломом и золотыми часами в связи с 45-летием общества: «В течении 45 лет своей службы он, участвуя на сотнях угрожающих пожарах не мало подвергал свою жизнь опасности, бросаясь всегда именно туда, где только нужен был воодушевляющий, увлекающий пример беззаветной отваги и самоответственности». И.Г. Абрамзон (1855 г.р.) в последние годы службы был знаменщиком, по роду деятельности числился саквояжником, проживал на улице Нижне-Покровской (позже – Ленина, 71) и в середине 1920-х гг. уже был записан как пенсионер [2, л. 98].

Таким образом, Полоцкая вольно-пожарная команда была создана 1 апреля 1876 г. по поручению полоцкого полицмейстера Д. А. Демидова и состояла первоначально из 22 добровольцев. 30 июля 1877 г. был утверждён Устав Полоцкого ВПО, который стал главным документом полоцких «огнеборцев» не только во времена Российской империи, но и в первые годы советской власти, когда члены Полоцкого ВПО составили основу профессиональной пожарной команды г. Полоцка.

1. Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГАП). – Ф. 1100. Оп. 1. Д. 19.
2. ЗГАП. – Ф. 1100. Оп. 1. Д. 22.
3. Краткий статистический обзор пожарных команд Российской империи. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003632310/?ysclid=m8fsanj6di102697293 (дата обращения: 03.03.2025).
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 35979.
5. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 37782.
6. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 38909.
7. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 45815.
8. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1286. Оп. 38. Д. 122. Л. 2–2об.

Алентьева Т.В.
БРИТАНСКИЕ САТИРИЧЕСКИЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКИ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 гг.

Ключевые слова: XIX в., карикатура Великобритании; «Punch», «Judy», «Fun», русофобия.

Визуальный поворот в исторической науке привлек внимание исследователей к политической карикатуре как историческому источнику. В последнее время появилось немало исследований российской и зарубежной карикатуры. Статья А.Г. Голикова специально посвящена анализу политических карикатур как исторического источника [4, с. 51–71; 1, с. 39–41]. Предметом особенного внимания стал ведущий британский сатирический журнал «Punch», которому посвящен ряд статей [6, с. 193–214; 5, с. 99–111]. Однако, сатирические журналы «Judy» и «Fun» привлекли меньше внимания отечественных исследователей [2, с. 193–208; 3, с. 116–149].

В зарубежной историографии изучение визуальных источников, и особенно карикатуры, имеет более весомые достижения. В области изучения карикатуры викторианской эпохи выделяется австралийский исследователь Ричард Скалли. Он автор солидного трехтомника о карикатуре викторианской Англии [12]. В нем авторитетный исследователь создал портреты ведущих художников-карикатуристов. Основное внимание Г. Эверитта концентрируется на ведущем сатирическом еженедельнике «Punch» [8].

Определенный интерес представляет работа Г. Миллера [9], которая является первым исследованием роли визуальных образов в английской политике XIX в.

Английская политическая карикатура в XIX в. являлась сильнодействующим пропагандистским оружием для правящих кругов, особенно в области внешней политики. Ведущим британским изданием, специализирующимся на проблемах юмора и сатиры, был еженедельный журнал «Punch». Журнал был основан 17 июля 1841 г. тремя выдающимися деятелями: журналистом, драматургом и адвокатом Г. Мэйхью, журналистом и драматургом М. Лемоном, художником-гравером Э. Лэнделлсом [14, с. 8–13]. После смерти Лемона в 1870 г. редакторство перешло к Ширли Бруксу; в 1874 г. которого, в свою очередь, сменил драматург-радикал Т. Тейлор. Замечательным и высоко профессиональным с самого начала оказался состав редакции. В «Punch» регулярно сотрудничали художники М. Фостер, Д. Тенниел и Э. Рид. Эта группа стала известна как «Братство Панча».

Первоначально журнал назывался «Лондонский Шаривари», что являлось намерением издателей повторить успех на британской почве французского сатирического журнала «Le Charivari». Но впоследствии редакторы приняли решение поменять название, чтобы приблизить его к английским читателям. Так возникла идея назвать издание именем Панча, сатирического кукольного персонажа, связанного с популярным с XVII в. кукольным театром, зародившемся в Италии, как комедия «дель арте». Британский Панч стал аналогом итальянского Пульчинеллы, это малорослый горбун с острым крючковатым носом и с изогнутым, выступающим подбородком, который почти соприкасается с его носом, в пестром шутовском наряде, в остроконечном колпаке с кисточкой. Панч постоянно появлялся на обложках и карикатурах журнала как активное действующее лицо и таким образом способствовал большему комическому эффекту. Рядом с ним часто оказывалась его собака Тоби.

«Punch» был еженедельником, выходивший на 12 страницах, и если первые номера имели тираж в 6 тыс. экз., то уже в 1850-е гг. тираж стал более солидным – 40 тыс., в 1870-е – 60 тыс. Число потенциальных читателей было, разумеется, больше, так как «Панч» просматривался посетителями общественных мест, таких как библиотеки, клубы для джентльменов, адвокатские конторы и т.д. [12, v. 1, p. 70].

Политические позиции журнала были вначале не слишком четкими, но все же склонявшимися к либерализму и постепенным реформам. В этом плане журнал ориентировался на средние классы общества.

Ведущим художником на протяжении почти полувека был Джон Тенниел (1820–1914) [10]. Выпускник Королевской академии искусств в Лондоне, он в 1893 г. был посвящен в рыцари за его достижения как художника, что стало первой в истории подобной честью, когда-либо присуждавшейся иллюстратору или карикатуристу. Его помнят в основном за его иллюстрации к книгам Льюиса Кэрролла о приключениях Алисы. Тенниел опубликовал около 2300 карикатур, бесчисленное количество мелких рисунков [13, p. 68].

Именно Тенниел создавал образ русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на страницах «Панча» с помощью карикатуры. В них он всячески старался негативизировать внешнеполитический курс правительства консерваторов, отдавая предпочтение лидеру оппозиции Гладстону. В отношении России тон его карикатур, хотя и был резко критическим, но все же смягчился по сравнению с периодом Крымской войны [13, p. 68].

Огромная популярность «Панча» породила стремление создать похожее издание, которое могло успешно конкурировать с ним. Название пришло сразу, конечно же, это будет Джуди, сварливая жена Панча, постоянный критик всех его деяний. Джуди выглядит гротескно. По виду и характеру она настоящая мегера. У нее резко заостренные черты лица, длинный крючковатый нос и выступающий подбородок.

«Judy», или «Лондонский серио-комический журнал», был сатирическим еженедельным, выходившим с 1867 по 1910 г. Редактором издания стал писатель и карикатурист Чарльз Генри Росс (1835–1897) [7, р. 327–328]. По своим взглядам Росс был консерватором, как он сам признавался, это был «самый искренний и чистокровный консерватизм», не случайно на страницах издания идеализировалась политика Дизраэли и беспощадно критиковались либералы и их лидер Гладстон. Владельцами газеты с 1872 г. стали братья Далзил: Эдвард (1817–1905) и Томас (1823–1906). Среди сотрудников «Judy» были талантливые художники-иллюстраторы [Scully, Vol. II, P. 52–92].

Главной творческой опорой этого грозного соперника «Punch» был художник-карикатурист Уильям Генри Боучер (1837–1906). Расцвет «Judy» был расцветом творчества самого Боучера [11, р. 441–474]. К тому же в отличие от своих коллег, занимавшихся главным образом сюжетами внутривнутриполитической жизни страны, Боучер, известный по всей Британии как «WB», создавал карикатуры по проблемам внешнеполитической повестки, проработав в журнале почти двадцать лет, с 1868 по 1888 г. Обычный прием Боучера – травля Гладстона, демонизация русского царя или изображение обезьяноподобных ирландцев. Боучер был членом Королевского общества художников-офортистов и граверов. По своим взглядам был крайним консерватором, шовинистом и империалистом, защитником имперской политики Великобритании, негативно относящимся к России, что особенно проявилось в его карикатурах периода русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [3, с. 116–149].

Сатирический еженедельник «Fun» (1861–1901) также составлял солидную конкуренцию и «Punch» и «Judy». «Fun» – британский еженедельный сатирический журнал, основанный лондонским бизнесменом Ч. Маклином. Первыми редакторами журнала были писатель-драматург и театральный деятель Г. Байрон и писатель-юморист Т. Гуд. Более дешевый, выпускавшийся по цене один пенни, «Fun» обошел своего конкурента «Punch». Он отличался тем, что был ориентирован на представителей низшего среднего класса, в отличие от читателей «Punch» из высших и средних слоев общества. Об этом свидетельствовал быстро растущий тираж, к 1865 г. он составил 20 тыс. экз. «Fun» пародировал «Punch» своим собственным шутком, Мистером Весельчаком с его котом. 1870-е гг. стали временем расцвета популярности еженедельника. Его политические позиции определялись симпатиями к партии либералов. «Fun» решительно поддерживал лидера либералов Гладстона почти по всем вопросам, а консерваторы Дизраэли и Солсбери были демонизированы [12, v. 2, p. 134–166].

Гуд собрал энергичную и талантливую команду. Поистине звездным оказался состав художников-иллюстраторов журнала. Среди них вначале лидировали А. Б. Хоутон и М. С. Морган, а позже Д. Ф. Салливан и Ф. Барнард. Преемником последнего стал Джон Гордон Томсон (1841–1923), который рисовал главные карикатуры для «Fun» в течение более 20 лет, с 1870 по 1893 г. Именно с его творчеством связаны карикатуры периода русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он редко прибегал к зооморфным образам, даже к образу британского льва. Для визуализации Англии он использовал стереотипный образ Джона Буля, коренастого толстяка в сюртуке и жилете цветов национального флага, обтягивающих панталонах, элегантных полусапожках и цилиндре. Отличался в трактовке Томсона и образ России. Он чрезвычайно редко прибегал к привычному для английских карикатуристов образу медведя. Чаще всего это был персонифицированный образ российского императора Александра II. Русский царь изображался с присущими ему чертами лица, пышными усами, одетым в гусарский ментик, свободные шаровары и сапоги со шпорами. На его статус указывала императорская корона с двуглавым орлом на вершине. Разумеется, присутствовало и шаржирование образа, а иногда и прямое высмеивание. С позиций крайней русофобии конструировался образ России как агрессивной и деспотической державы, отсталой и варварской страны. От иронии и

насмешки Томсон эффективно переходил к издевательству и сарказму, к конструированию реального образа врага в лице России [2, с. 193–208].

Карикатура на страницах «Punch», «Judy» и «Fun» вносила немалую лепту в усиление русофобии в английском обществе. Она была более понятной, более доступной для понимания самыми широкими слоями населения, чем вербальная пропаганда. В пропагандистской войне второй половины XIX в. британские сатирические издания лидировали, их наиболее яркие карикатуры перепечатывались другими изданиями не только в Англии, но и в США, а также продавались в виде литографий.

1. Алентьева, Т. В. Визуальные средства. Карикатура как источник / Т. В. Алентьева // Американский ежегодник 2021. – М. : Весь Мир, 2021. – С. 39–41.
2. Алентьева, Т. В. Репрезентация русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в карикатуре Великобритании (на примере журнала «Fun») / Т. В. Алентьева // Известия Смоленского государственного университета. – 2024. – № 3. – С. 193–208.
3. Алентьева, Т. В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на страницах британского сатирического еженедельника «Judy» / Т. В. Алентьева // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. – Вып. 16. – Курск : Курский государственный университет, 2024. – С. 116–149.
4. Голиков, А. Г. Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX – начало XX в.) / А. Г. Голиков // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2011. – № 4. – С. 51–71.
5. Кочукова, О. В. Россия и Восточный кризис 1875–1878 гг.: политическая карикатура английского сатирического журнала «Punch» / О. В. Кочукова // История и историческая память. – 2020. – № 20. – С. 99–111.
6. Троицкая, Л. М. «Смешной брат Джонатан» (по материалам английского юмористического еженедельника «Punch», 1840–1850-е гг.) / Л. М. Троицкая // Американский ежегодник, 2010. – М. : Весь мир, 2010. – С. 193–214.
7. Brake, L. Dictionary of 19th Century Journalism in Great Britain and Ireland / L. Brake, M. Demoor. – London : Academia Press, 2009. – 1014 p.
8. Everitt, G. English Caricaturists and Graphic Humorists of the XIX Century; How They Illustrated and Interpreted Their Times / G. Everitt. – New York : Nabu Press, 2010. – 544 p.
9. Miller, H. Politics Personified: Portraiture, Caricature and Visual Culture in Britain, 1830–1880 / H. Miller. – Manchester : Manchester University Press; 2015. – 256 p.
10. Morris, F. Artist of Wonderland: the Life, Political Cartoons, and Illustrations of Tenniel / F. Morris. – Charlottesville : University of Virginia Press. 2005. – 416 p.
11. Scully, R. William Henry Boucher (1837–1906): Illustrator and «Judy» Cartoonist / R. Scully // Victorian Periodicals Review. – Vol. 46. – Winter 2013. – No. 4. – P. 441–474.
12. Scully, R. Eminent Victorian Cartoonists: in 3 vol. / R. Scully. – L. : Political Cartoon Society, 2018. – 3 vol.
13. Simpson, R. Sir John Tenniel: Aspects of his Work / R. Simpson. – Madison, N.J. : Fairleigh Dickinson University Press, 1994. – 187 p.
14. Walasek, H. The Best of «Punch» Cartoons: 2000 Humor Classics / H. Walasek. – New York : Overlook Press, 2008. – 608 p.

Софьин Д.М., Софьина М.В.
ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК ГЕНЕРАЛА М.П. СТЕПАНОВА
КАК БИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК¹

Ключевые слова: М.П. Степанов, великий князь Сергей Александрович, великая княгиня Елизавета Федоровна, Русско-турецкая война 1877–1878 гг., послужной список

Послужные списки являются ценным источником по истории Русской Императорской Армии, а также биографиям отдельных офицеров и генералов [3]. В послужном списке в табличном виде в 14 разделах представлена информация о дате рождения, происхождении, вероисповедании, образовании, денежном жаловании офицера, его семейном положении, наличии у него недвижимой собственности, взысканий. Указываются с точными датами все назначения на должности,

¹ Статья подготовлена в рамках реализации Программы фундаментальных научных исследований МОО «ИППО» – Минобрнауки РФ по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи», государственное задание № FSNF-2024-0002 «Генерал-от-кавалерии М.П. Степанов: жизнь и служение Императорскому Православному Палестинскому Обществу».

чинопроизводство, награды. Дается информация об особых поручениях начальства вне прямых служебных обязанностей, а также об участии в боевых действиях. Основной массив послужных списков русских офицеров и генералов отложился в Москве, в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА).

Офицер Генерального штаба Михаил Петрович Степанов (1853–1917) с 1878 г. состоял при великом князе Сергее Александровиче, а затем при его вдове, великой княгине Елизавете Федоровне, со временем дослужился до чина генерала от кавалерии. М.П. Степанов стал одним из ключевых руководителей Императорского Православного Палестинского общества, которое возглавляли Сергей Александрович и Елизавета Федоровна, занимая посты секретаря общества (в 1882–1889 гг.) и помощника председателя общества (в 1889–1917 гг.) [1; 2, с. 8–13; 5; 6].

Наиболее полный послужной список генерала М.П. Степанова хранится в РГВИА, в составе дела Главного штаба об его увольнении от службы в 1917 г. Объем послужного списка составляет семь листов с оборотами [4, л. 15–21об.]. Список был составлен 20 марта 1917 г. В это время генерал от кавалерии М.П. Степанов официально еще состоял при великой княгине Елизавете Федоровне и числился по Генеральному штабу [4, л. 15]. Двумя днями ранее генерал подал прошение военному министру Временного правительства А.И. Гучкову, где, указывая на согласие великой княгини, ходатайствовал об увольнении от службы «вследствие моего преклонного возраста и расстроенного здоровья, с пенсией и сохранением мундира» [4, л. 1]. Прошение М.П. Степанова было вскоре удовлетворено. Приказом военного министра от 2 апреля 1917 г. он был уволен от службы по болезни «с мундиром и пенсией» [4, л. 2].

В послужном списке отмечено, что на момент отставки М.П. Степанову было засчитано 50 лет, девять месяцев и четыре дня службы (с 15 июля 1866 г. по 19 апреля 1917 г.). До отставки он получал солидное денежное содержание в размере 7730 рублей в год из двух источников: от Военного министерства (как генерал Генерального штаба) и из Кабинета Его Величества (как состоящий на службе при представительнице Российского Императорского Дома). Из указанной общей суммы 4430 рублей выделяло Военное министерство (2100 рублей жалования и 2330 рублей квартирных денег) и 3300 рублей – Кабинет Его Величества (1800 рублей пожизненной пенсии и 1500 рублей постоянного пособия, получаемого взамен ранее выдаваемых арендных денег) [4, л. 15об., 18об.].

Как свидетельствует послужной список, М.П. Степанов, имевший православное вероисповедание, родился 10 февраля 1853 г. и происходил из дворян Калужской губернии. В семилетнем возрасте, 19 декабря 1860 г., он был назначен пажом к Высочайшему Двору. Спустя пять с половиной лет, 15 июля 1866 г., Михаил был определен в Пажеский Его Императорского Величества корпус. Во время обучения он был пожалован в камер-пажи и назначен фельдфебелем, что свидетельствует об особенных успехах. По окончании «полного курса наук» 21 июля 1870 г. М.П. Степанов был выпущен с корпуса по первому разряду, вдобавок, с внесением его имени на мраморную доску, произведен в корнеты и стал офицером Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка [4, л. 15об.–16].

Во время службы в полку Михаил Петрович в 1872 г. дважды исполнял обязанности полкового адъютанта во время отпуска офицера, назначенного на эту должность. В 1873 г. он на месяц был командирован на западную границу, после чего отправился на 26 дней в заграничный отпуск (единственный в своей жизни) и в том же году был назначен заведующим полковой учебной командой. В 1874 г. М.П. Степанов был произведен в поручики и награжден орденом Святого Станислава 3-й степени [4, л. 16, 19, 21].

Прослужив четыре года в Кирасирском полку, М.П. Степанов, успешно сдав вступительные экзамены, был зачислен 25 сентября 1874 г. в Николаевскую академию Генерального штаба. Во время обучения в академии он был произведен в штабс-

ротмистры, а за «отличные успехи» награжден годовым жалованием. Окончив академию по первому разряду, Михаил Петрович 16 марта 1877 г. вернулся в свой полк, но долго прослужить там ему не удалось. Вскоре началась Русско-турецкая война, и М.П. Степанов уже 8 апреля того же года был причислен к Генеральному штабу и командирован в распоряжение штаба действующей армии [4, л. 15об.–16].

В конце апреля 1877 г. М.П. Степанов перешел границу Румынии в составе первого эшелона Императорской Главной квартиры. Вскоре, 11 мая, он участвовал в перестрелке с турками у Фламунда во время рекогносцировки берегов Дуная, а 14 июня присутствовал вместе с императором Александром II при артиллерийском бое турецких батарей с крепости Никополь. Спустя десять дней, 24 июня, Михаил Петрович был назначен для исполнения обязанностей офицера Генерального штаба в штаб Рушукского отряда, где вскоре стал исправляющим должность старшего адъютанта. Через непродолжительное время, 14 июля, он был назначен состоять для поручений при начальнике штаба действующей армии с переводом в Генеральный штаб в чине капитана. Фактически при начальнике штаба всей Дунайской армии офицер не служил, поскольку с 25 июня 1877 г. по 1 февраля 1878 г. непрерывно был прикомандирован к штабу Рушукского отряда [4, л. 16, 21–21об.].

Через Дунай М.П. Степанов переправился 25 июня «при следовании Штаба Рушукского отряда в село Павлово». За форсирование Дуная он был награжден румынским Железным крестом. Штабному офицеру также доводилось неоднократно быть в боях. Так, 22 августа М.П. Степанов участвовал в «деле» у села Гагово, спустя два дня – в сражении при селе Аблаве, а в конце того же месяца – в усиленной рекогносцировке у села Синанкиой. М.П. Степанов принял участие 12 октября в усиленной рекогносцировке неприятельского расположения у села Кадыкиой под личным руководством командира Рушукского отряда цесаревича Александра Александровича и в «деле» у села Кошево, состоя при великом князе Сергее Александровиче. Наконец, 30 ноября Михаил Петрович участвовал в сражении у села Мечка-Трестенике. За отличие в бою при Аблаве он был награжден 7 декабря орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Позже М.П. Степанов «в память войны» получил светло-бронзовую медаль, кроме того, «за отличие в делах против турок» был еще награжден орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами. После заключения 19 января 1878 г. перемирия с турками он оставался при штабе Рушукского отряда в селе Брестовец (в Болгарии) до 1 февраля, когда в составе свиты цесаревича Александра Александровича отправился в Санкт-Петербург, куда и прибыл 6 февраля. Спустя месяц, 8 марта 1878 г., М.П. Степанов был назначен состоять для поручений при штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа [4, л. 16–16об., 21–21об.].

Решающее событие во всей дальнейшей жизни М.П. Степанова произошло 29 апреля 1878 г., когда он был назначен состоять при великом князе Сергее Александровиче, одном из младших сыновей императора Александра II, при этом оставаясь офицером Генерального штаба. 30 августа того же года Михаил Петрович был произведен в подполковники, а через два года награжден орденом Святой Анны 2-й степени. Впоследствии от императоров Александра III и Николая II он удостоивался орденов Святого Владимира 3-й и 2-й степеней, Святого Станислава 1-й степени, Святой Анны 1-й степени, Белого Орла и Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского [4, л. 16об.–18].

В 1881 г., сопровождая великого князя Сергея Александровича в поездке за границу и в паломничестве на Святую Землю, М.П. Степанов получил целую россыпь зарубежных наград: ордена от римского папы, итальянского, греческого, баварского и вюртембергского королей, саксен-кобург-готского герцога, турецкого султана. В том же году М.П. Степанов был произведен в полковники. В последующие годы он получил еще ордена от прусского, шведского, румынского и сиамского королей,

гессенского великого герцога, болгарского князя, бухарского эмира, французского президента. Чаще всего из глав иностранных государств М.П. Степанов награждали орденами великие герцоги Гессенские Людвиг IV и Эрнст-Людвиг, тесть и брат жены великого князя Сергея Александровича [4, л. 16об.–17об.].

За участие в коронационных торжествах 1883 г. в связи с венчанием на царство императора Александра III и императрицы Марии Федоровны М.П. Степанов получил медаль. В последующие годы он был пожалован целым рядом других медалей: в память царствования Александра III, коронации Николая II, 60-летия царствования британской королевы Виктории, столетия Отечественной войны 1812 г., 300-летия царствования Дома Романовых. Также в последующие годы Михаил Петрович получил знак почетного члена Императорского Православного Палестинского общества, знак отличия и медаль Красного Креста, а в 1913 г. – знак отличия на Георгиевской ленте за 40 лет беспорочной службы [4, л. 16об.–18].

В 1884 г. император Александр III наградил М.П. Степанова денежным подарком в размере 1000 рублей. Спустя пять лет он вновь получил такой же подарок, а, кроме того, пожизненную пенсию из Кабинета Его Величества (1800 рублей в год) и шестилетнюю аренду (1200 рублей в год). В дальнейшем уже император Николай II трижды продлевал М.П. Степанову аренду на четырехлетние сроки, со второго раза увеличив ежегодную сумму до 1500 рублей, а в 1907 г. распорядился выдавать ему ежегодно постоянное пособие на ту же сумму [4, л. 16 об.–17об.].

В 1889 г., 28 мая, М.П. Степанов с должности состоящего при великом князе Сергее Александровиче был перемещен на место его адъютанта. Спустя два года, 29 апреля 1891 г., М.П. Степанов был произведен в генерал-майоры и с должности адъютанта был возвращен обратно на позицию состоящего при великом князе, поскольку адъютантом не могло быть лицо в чине выше полковника. В следующий чин генерал-лейтенанта М.П. Степанов был произведен уже императором Николаем II в 1900 г., также 29 апреля (день рождения великого князя Сергея Александровича) [4, л. 17–17об.].

В начале 1905 г., 4 февраля, великий князь Сергей Александрович погиб вследствие террористического акта. Спустя месяц, 7 марта, М.П. Степанов был назначен состоять при вдове Сергея Александровича, великой княгине Елизавете Федоровне [4, л. 17об.].

После смерти старшего брата, генерала Н.П. Степанова, в 1910 г. М.П. Степанов получил наследственные права для ношения командорского креста Мальтийского ордена Святого Иоанна Иерусалимского. В том же году он был произведен в следующий чин – генерала от кавалерии [4, л. 17об.–18].

Всю жизнь М.П. Степанов оставался холостым. К 1917 г. он нераздельно с братом (прокурором Московской Синодальной конторы Ф.П. Степановым) владел имением в Мещовском уезде Калужской губернии в размере около 1000 десятин земли. Взысканий по службе и штрафов не получал, под судом и следствием не состоял [4, л. 21].

Таким образом, послужной список дает точную и полную информацию о служебных назначениях и перемещениях М.П. Степанова, его наградах и повышению в чинах, а также детализирует его участие в боевых действиях во время Русско-турецкой войны. Вместе с тем, в послужном списке, за исключением упоминания получения знака почетного члена, не отражена его крайне насыщенная, обширная и многообразная деятельность в Императорском Православном Палестинском обществе, которая стала главным делом его жизни.

1. Бутова, Р. Б. Служение до гроба: к 170-летию М. П. Степанова / Р. Б. Бутова // Православный Палестинский сборник. – 2023. – Вып. 121. – С. 181–198.

2. Лисовой, Н. Н. Из истории руководства Императорского Православного Палестинского Общества: четыре Секретаря (М. П. Степанов – В. Н. Хитрово – А. П. Беляев – А. А. Дмитриевский) / Н. Н. Лисовой // Православный Палестинский сборник. – 2005. – Вып. 102. – С. 6–35.

3. Мордовин-Залесский, А. К. Послужной список как исторический источник / А. К. Мордовин-Залесский // Преподавание истории в школе. – 2020. – № 7. – С. 89–92.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 409. Оп. 1. Д. 177481. П/с 155-047.
5. Сорокин, А. А. Создание Православного Палестинского общества и деятельность М.П. Степанова (1881–1883 гг.) / А. А. Сорокин, Д. М. Софьин, М. В. Софьина // Научный диалог. – 2025. – № 14(1). – С. 530–546.
6. Черкасская, Н. А. Михаил Петрович Степанов: вхождение в ближний круг великого князя Сергея Александровича / Н. А. Черкасская, Д. М. Софьин, М. В. Софьина // Христианство на Ближнем Востоке. – 2024. – Т. 8. – № 4. – С. 73–97.

Кароль М.М.
“БЕРЕЖЕНОГО БОГ БЕРЕЖЕТ”: “МІНСКІЯ ЕПАРХІЯЛЬНЫЯ ВЕДАМАСЦІ”
ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ БАРАЦЬБЫ З ЭПІДЭМІЯМІ ХАЛЕРЫ
Ў СЯРЭДЗІНЕ ХІХ – ПАЧАТКУ ХХ ст.

Ключавыя словы: Беларусь, «Мінскія епархіяльныя ведамасці», эпідэміі, халера, перыёдыка, гісторыя медыцыны.

Халера – вострая інфекцыя, першая эпідэмія якой была зафіксавана ў першай трэці ХІХ ст. Затым назіралася шэсць хваляў эпідэміі, што забралі мноства жыццяў, халера ператварылася ў адну з самых небяспечных хвароб. Медыкі розных краін прыкладалі намаганні для яе прафілактыкі і лячэння. Патагенез халеры быў акрэслены ў 1854 г. Філіпа Пачыні, але на той момант у навуковай супольнасці панавала думка аб «міязмах» як прычыне халеры. У 1883 г. Роберт Кох адкрыў бактэрыю халеры і зрабіў выснову, што хвароба перадаецца праз ваду, а не праз паветра. Гэта стала гістарычным прарывам у дыягностыцы і далейшым лячэнні хваробы.

У паведамленнях, змешчаных у «Мінскіх епархіяльных ведамасцях», магчыма прасачыць, якімі сродкамі барацьбы з халерай карысталіся тагачасныя медыкі, якія парады атрымлівала насельніцтва Беларусі для прадухілення заражэнняў.

У другой палове ХІХ ст. шмат увагі надавалі пытанню пашырэння сярод людзей ведаў аб прафілактыцы эпідэмічных захворванняў. У 1871 г. у газеце друкаваўся цыкл пад назвай «Лекцыі грамадскай гігіены і дыетэтыкі». З іх зместу вынікае, што патагенез халеры цікавіў навуковую супольнасць, выказваліся розныя версіі паходжання хваробы, якія, на жаль, былі далёкімі ад рэальнасці. Напрыклад, існавала меркаванне, што з’яўленне халеры звязана са змяншэннем колькасці азону ў паветры: «Згодна з назіраннямі Бокеля і прафесара Вольфа з’яўленне халеры супадае з надзвычайным змяншэннем азону ў паветры, а пачатак знікнення яе – з паступовым павелічэннем іх» [1, с. 140]. У лекцыях уздымалася вельмі важная праблема: недахоп урачоў і іх нізкі уплыў на грамадскую думку, у сваю чаргу вялікі аўтарытэт мелі самавукі, да якіх звярталіся людзі [4, с. 35].

Адзначалася важнасць паляпшэння водазабеспячэння: належала сачыць, каб побач з крыніцамі пітной вады не знаходзіліся хлявы, могілкі, клаакі і г.д. У межах горада павінен быць забаронены зліў з фабрык ў рэкі. На жаль, у Мінску гэтая парада не выконвалася, а забруджванне Свіслачы ўплывала на здароўе людзей [2, с. 214]. У пачатку 1870-х гг. ужо было ўсвядомлена, што стан вады ўплывае на распаўсюджанне халеры, але эфектыўных спосабаў лячэння хваробы яшчэ не ведалі. Таму выкарыстоўвалі розныя мікстуры, у складзе былі нават опіум і морфій [3, с. 319].

На старонках газеты публікаваліся царкоўныя летапісы, дзе адзначаліся выпадкі эпідэміі халеры. Святар Сенненскай царквы Клімент Савіч зафіксаваў, што ў жніўні 1871 г.

халера пачалася ў вёсцы Асташын Навагрудскага павета, памерла 60 чалавек. У зробленым ім апісанні хваробы прыкметна, як рэальная прычына эпідэміі змешвалася з недакладнымі ўяўленнямі: «Развіццю эпідэміі садзейнічала асабліва тое, што сяляне ля ўваходу ў свае дамы маюць гнойныя лужыны, якія ў моцную летнюю спёку распаўсюджваюць міязмы, што заражаюць паветра. Заўважна, што халера не мінула ні аднаго таго дому, у двары якога знаходзілася падобная лужына» [6, с. 526]. У 1870-я гг. яшчэ трымалася ўяўленне, што халера распаўсюджаецца праз «міязмы», а не праз адкіды і ваду.

Пры гэтым у другой палове XIX ст. шырокім попытам карысталася народная медыцына. Напрыклад, у рэдакцыю «Мінскіх епархіяльных ведамасцей» звярнуўся святар Мікольскі з рэкамендацыяй лячыць халеру белай чамярыцай [5, с. 283]. У 1883 г. у газеце прапаноўвалася адужваць захворванне пры дапамозе сланечніка або эўкаліпта [7, с. 587–592].

У 1884 г. у «Мінскіх епархіяльных ведамасцях» быў надрукаваны ліст студэнта-медыка 3-га курса Фёдора Буркача. Той даводзіў эфектыўнасць такога спецыфічнага спосабу лячэння: «палова чаркі дзёгцю і палова чаркі драўлянага [аліўкавага] алею – гэта прыём для дарослага чалавека; прымаць належыць гадзіны праз тры». Гэты рэцэпт яму паведаміў 70-гадовы старажыл-«кашавар» Іван, а гісторыя яго атрымання наогул выглядала даволі маляўніча. Каля мястэчка Петрыкаў на рацэ Прыпяць Ф. Буркач пабачыў плыт з хворым. Той спыніўся побач з населеным пунктам і чакаў, пакуль мужчына памрэ, каб мець магчымасць яго пахаваць. У гэты час прыплыў іншы плыт, на якім быў Іван, які прапанаваў акрэслены вышэй сродак. Як пісаў студэнт-медык, «магчыма, людзі навукі і пасмяюцца з гэтага немудрагелістага сродку, але я, паўтараю, быў відавочцам хуткага ўваскрэсення (ён да вечара ўжо перасоўваўся на нагах) хворага, у смерці якога я не сумняваўся» [8, с. 511].

У тым жа нумары была апублікавана нататка «Медыцынскія парады» з больш навукападобным спосабам барацьбы з халерай: істотнае падскурнае упыркванне салёна-шчолачнай вады [8, с. 512].

У 1890-я гг. ужо было вядома даследаванне Роберта Коха, але пакуль што яно ўспрымалася як не да канца даказанае, хаця і прызнавалася, што халера перадаецца праз вільгаць (сырую ваду або вільготныя рэчы хворага), а не праз паветра. Нягледзячы на адсутнасць згоды ў медыцынскай супольнасці і захаванне ўплыву тэорыі «міязмаў», у гэты час пачынаюць рабіць асаблівы акцэнт на нізкі ўзровень гігіены як адну з прычын распаўсюджвання халеры.

У 1890 г. у газеце былі надрукаваны практычныя рэкамендацыі для насельніцтва ў сувязях з успышкамі халеры ў Іспаніі і Італіі. Самымі цікавымі з іх з’яўляюцца спосабы лячэння захворвання: прапаноўвалася лячыць опіумам, морфіем (праз уколы пад скуру) і атрутай у выглядзе стрыхніну [9, с. 521–528]. Для лячэння выкарыстоўвалі таксама кафеін, націранне ўсяго цела і падскурныя ін’екцыі спалучэннем солі, соды і вады. Некаторыя парады адпавядаюць сучасным падыходам. Напрыклад, прытрымлівацца дыеты: хвораму варта было даваць піць булён [10, с. 552–558].

Усе друкаваныя рэкамендацыі для насельніцтва неабходна было капіраваць і распаўсюджваць, каб стварыць магчымасці для больш шырокай агалоскі і інфармавання вялікай колькасці людзей [11, с. 446].

У 1892 г. у «Мінскіх епархіяльных ведамасцях» змясцілі парады вясковаму насельніцтву для барацьбы з халерай. Яны былі звязаны з імкненнем да росту якасці жыцця і насілі агульны прафілактычны характар: старацца мыць рукі з мылам, не спаць на халодным, не злоўжываць алкаголем. З даволі своеасаблівых рэкамендацый адзначым парады піць чай з лімонам і хадзіць у лазню. Прыкметна, што большасць рэкамендацый былі скіраваны на паляпшэнне санітарна-гігіенічнага стану на вёсцы.

Падкрэслівалася неабходнасць своєчасова звяртацца да фельчара (медыцынскія работнікі ў той час яшчэ выклікалі ў сялян недавер).

Калі чалавек захварэў, прымаліся наступныя меры: патрабавалася саграваць ногі і живот, паіць хворага адварам маліны. Усе біялагічныя адкіды неабходна было закопваць у глыбокую яму, а прадметы (падлогу, адзенне, бялізну) мыць з дапамогай шчолачы. Прапаноўваліся спосабы хатняга ачышчэння вады [12, с. 476]

Істотныя зрухі ў рэкамендацыях па прафілактыцы і лячэнні халеры адбыліся ў пачатку XX ст. У 1905 г. выйшлі абавязковыя пастанаўленні аб мерах папярэджання халеры, дзе вялікая ўвага надавалася ачыстцы вады. Правілы датычыліся і царкоўных рытуалаў: цела памерлага не амывалася і хавалася ў труне ў тым самым адзенні, у якім чалавек памёр, на працягу 24 гадзін [13, с. 109–115]. Рабіўся націск на спосабы індывідуальнага засцеражэння ад эпідэміі: неабходна трымацца ізаляцыі, сачыць за рэжымам працы і адпачынку, не есці падазроную ежу, піць кіпячоную ваду, праветрываць памяшканне, пры наяўнасці сімптомаў кіравацца ў бальніцу [13, с. 115–123].

Паколькі «Мінскія епархіяльныя ведамасці» з'яўляліся царкоўным перыёдыкам, то на іх старонках увага надавалася ролі святароў у супрацьдзеянні эпідэміям. У 1907 г. святар Іаан Мажароўскі апублікаваў адмысловы артыкул з выкладам мер перасцярогі [14, с. 349].

У пачатку XX ст. адкрыццё Р. Коха стала агульнапрызнаным, што дазволіла прасоўваць у масы эфектыўныя парады для барацьбы з халерай. У 1908 г. «Мінскія епархіяльныя ведамасці» адзначалі, што людзі без сімптомаў могуць быць пераносчыкамі халеры; настойліва рэкамендавалі не піць сырую ваду, а кіпяціць яе, не есці сырую гародніну і садавіну, мыць рукі і прадукты, не піць напоі, якія маглі быць разбаўлены сырой вадой. Падкрэслівалася, што папулярныя раней сродкі (мікстуры і сывараткі) прызнаны няздзейснымі. Рабіўся акцэнт на важнасці здаровага ладу жыцця ў змаганні з халерай. Апісваліся шляхі перадачы халеры, яе сімптомы. Для таго, каб данесці да насельніцтва рэкамендацыі па абароне ад халеры, выкарыстоўваўся аўтарытэт прыходскіх святароў, якія павінны былі знаёміць прыхаджан і вучняў царкоўна-прыходскіх школ з санітарнымі пастановамі і правіламі [15, с. 223–228].

Сапраўды навуковыя рэкамендацыі ўжо былі заснаваны на разуменні, што халера перадаецца праз біялагічныя вадкасці хворых (ваніты і экскрэменты) і няжасную ваду [16, с. 233].

У гэты час атрымалі пашырэнне эфектыўныя спосабы прафілактыкі распаўсюджвання эпідэміі. Але лячэнне той жа халеры яшчэ не было вынайздзена. Таму не павінна здзіўляць выказаная ў 1912 г. прапанова адужваць халеру кіслым малаком: «тры-чатыры гады таму сам Мечнікаў звярнуў увагу на магчымасць забіваць халерных вібрыёнаў пры дапамозе малочнай кіслаты. Вядома, што бактэрыя халеры, нягледзячы на ўсю сваю жывучасць, зусім не выносіць нават слабых кіслот» [17, с. 606]. Працягвалі трапляцца і вельмі неардынарныя сродкі, канешне, сумнеўнай эфектыўнасці. Напрыклад, у 1908 г у «Мінскіх епархіяльных ведамасцях» падаваўся матэрыял пра цудадзейныя ўласцівасці дзягцярнай настойкі, якая быццам бы лекавала не толькі халеру, але і бронхіт з алкагалізмам [15, с. 585].

Такім чынам, у публікацыях «Мінскіх епархіяльных ведамасцей» прасочваецца эвалюцыя ўспрымання халеры і спосабаў яе лячэння. Як можна заўважыць, большасць парад былі скіраваны на тое, каб не заразіцца, а адужванне ставілася ў залежнасць ад моцы арганізму. На жаль, да вынаходніцтва антыбіётыкаў халера заставалася адной з самых смяротных хвароб (памірала амаль палова інфікаваных). Але вялікім прарывам ўжо ў пачатку XX ст. была ідэя, што халеру магчыма прафілактаваць: каранцінам, кіпячэннем вады і мыццём рук. Усё гэта дапамагала знізіць рызыку захворвання.

Таксама паступова адмаўляліся ад старых метадаў лячэння, якія хутчэй падрывалі імунітэт хворых, тым самым шкодзілі ім, а не спрыялі.

Асноўнымі прычынамі распаўсюджвання эпідэміі, што было адлюстравана на старонках «Мінскіх епархіяльных ведамасцей», у другой палове XIX – пачатку XX ст. заставаліся: санітарна-гігіенічная нядбайнасць, галеча, адсутнасць гігіенічных ведаў, цяжкі доступ да якаснай вады, яе кепская ачыстка і абыякавае стаўленне да масавага складання бруду паблізу жылых пабудов і крыніц прэснай вады.

1. Лекции общественной гигиены и диететики, читанные в Минской семинарии штатным врачом оной доктором Архангельским. Лекция пятая // Минские епархиальные ведомости (далее – МЕВ). – 1871. – № 18 (6 мая). – С. 140–142.

2. Лекции общественной гигиены и диететики, читанные в Минской семинарии штатным врачом оной доктором Архангельским. Лекция шестая // МЕВ. – 1871. – № 27 (8 июля). – С. 212–214.

3. Лекции общественной гигиены и диететики, читанные в Минской семинарии штатным врачом оной доктором Архангельским. Лекция девятая // МЕВ. – 1871. – № 40 (7 окт.). – С. 317–319.

4. Лекции общественной гигиены и диететики, читанные в Минской семинарии штатным врачом оной доктором Архангельским. Лекция двенадцатая // МЕВ. – 1872. – № 4 (28 янв.). – С. 30–35.

5. Письмо священника Никольского с указанием на средство против холеры // МЕВ. – 1872. – № 35 (1 сент.). – С. 283–284.

6. Летопись Свято-Троицкой Сенненской церкви Новогрудского уезда // МЕВ. – 1874. – № 16 (30 августа). – С. 524–528.

7. Домашняя медицина // МЕВ. – 1883. – № 19 (1 окт.). – С. 587–592.

8. Медицинские советы // МЕВ. – 1884. – № 19 (1 окт.). – С. 511–512.

9. Холера: ее причины, течение, лечение и предупреждение // МЕВ. – 1890. – № 17 (1 сент.). – С. 521–528.

10. Холера: ее причины, течение, лечение и предупреждение, окончание // МЕВ. – 1890. – № 18/19 (15 сент., 1 окт.). – С. 552–558.

11. Береженого Бог бережет: наставления для сельских жителей, как блюсти себя, дабы Господь привел уберечься от заболевания холерою // МЕВ. – 1892. – № 15 (1 авг.). – С. 445–448.

12. Простой способ очищения воды // Минские епархиальные ведомости. – 1892. – № 16 (15 авг.). – С. 476.

13. Обязательные постановления о мерах предупреждения и борьбы с холерною эпидемией в городах и местечках Минской губернии // МЕВ. – 1905. – № 9 (1 мая). – С. 109–115.

14. Меры личного предохранения против холеры // МЕВ. – 1907. – № 18 (15 сент.). – С. 349–351.

15. Наставления о мерах личного предохранения от холеры // МЕВ. – 1908. – № 18 (15 сент.). – С. 223–228.

16. Берегитесь холеры // МЕВ. – 1908. – № 19 (1 окт.). – С. 233–234.

17. Лечение холеры простоквашей // МЕВ. – 1912. – № 16 (15 авг.). – С. 606.

Давидовская О.Н.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТОВ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА
О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ
ЗА ПЕРВЫЙ ГОД СУЩЕСТВОВАНИЯ (1897–1898) ПО МАТЕРИАЛАМ
«ВИТЕБСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Ключевые слова: винная монополия, «Витебские губернские ведомости», попечительные комитеты, трезвость, народные чайные.

Попечительство о народной трезвости было создано в Российской империи одновременно с введением питейной (винной) монополии в 1894 г. с целью ограничения чрезмерного потребления населением алкоголя путём организации здорового досуга и просветительской деятельности. Губернские и уездные комитеты попечительства должны были открывать народные чайные, столовые, библиотеки, организовывать народные чтения, концерты, спектакли; содействовать открытию и содержанию лечебных приютов для страдающих запоем; осуществлять надзор за торговлей крепкими напитками в соответствии с установленными правилами; содействовать другим учреждениям, «стремящимся к достижению тех же целей» [23].

Введение винной монополии осуществлялось в несколько этапов. Первыми губерниями, которых коснулись реформы, стали Пермская, Оренбургская, Уфимская и

Самарская. В Витебской губернии казенная продажа питей устанавливалась с 1 июля 1897 г. Эта же дата является официальным началом деятельности Витебского губернского комитета попечительства о народной трезвости. Уездные комитеты начали действовать в июле–августе 1897 г., они находились в подчинении губернского комитета.

Источниками информации о деятельности Витебского губернского и уездных попечительных комитетов являются, в первую очередь, «Устав Попечительства о народной трезвости» от 20 декабря 1894 г. и ежегодные отчеты. Значительная часть информации о мероприятиях, организуемых комитетами на местах, а также о ходе реализации винной реформы содержится на страницах газеты «Витебские губернские ведомости». В данном исследовании проанализированы публикации разного характера (статьи, заметки, объявления, отчеты), посвященные деятельности попечительства в первый год его существования, – с июля 1897 по июль 1898 г.

Первая статья по этой теме вышла 29 марта 1897 г., за несколько месяцев до начала деятельности попечительных комитетов. В ней содержались рекомендации Министерства финансов начать организовывать деятельность попечительных комитетов до введения винной монополии, а не одновременно с ней, как прописано в уставе. Это обусловлено необходимостью с началом реализации реформы сразу приступать к практическим действиям, а значит, все общие организационные вопросы должны быть решены заранее.

Следуя этому указанию, первое заседание Витебского губернского попечительства о народной трезвости состоялось 3 июня 1897 г. в доме губернатора под его председательством [1]. Присутствующие (представители различных ведомств – члены комитета) были ознакомлены с целями и задачами деятельности, получили уставы попечительства. По сообщению губернатора, к моменту заседания в уездах уже организована работа по составлению списков лиц – будущих членов уездных комитетов попечительства.

19 июня 1897 г. вышел номер газеты с большой статьей «Попечительства о народной трезвости», в которой сообщалось о начале деятельности этой организации, ее целях и задачах, составе, средствах содержания, а также разъяснялся характер обязанностей уездных участковых попечителей [1]. Сообщалось также о присвоении всем членам попечительства особых знаков, условия и порядок приобретения которых оговаривались в другом номере газеты [2].

На протяжении следующих трех месяцев на страницах издания печатались статьи, косвенно касающиеся деятельности попечительства о народной трезвости: об открытии казенных винных складов и лавок, о визите министра финансов С.Ю. Витте в Витебск и Двинск с целью инспектирования их деятельности, о ценах на водку, правилах устройства и содержания трактирных заведений с продажей крепких спиртных напитков, о «некоторых результатах питейной реформы». И только с сентября 1897 г. начинают публиковаться статьи, непосредственно посвященные деятельности комитетов попечительства о народной трезвости.

В статье «Живое общественное дело» (11.09.1897) анализируется опыт деятельности попечительных комитетов, существующих уже более двух лет в других губерниях, и отмечается, что «попечительства еще не вполне окрепли» [3]. К сложностям и недостаткам относится факт выделения из казны крупных сумм на устройство чайных, в то время как эти заведения «делают систематические дефициты». Другой недостаток – назначение членами комитетов попечительства чиновников по должности, что закреплено в уставе попечительства, а лучше было бы привлекать людей, «принимающихся за борьбу с пьянством по личной склонности и доброй воле». В качестве опровержения данного утверждения в другой публикации приводится

пример личной заинтересованности в борьбе с пьянством чиновника по должности – члена Люцинского попечительного комитета городского врача А.Г. Рекашова, который организовал на безвозмездной основе проведение музыкальных вечеров в помещении больницы, где он работал. При этом «обставил всё так, что и публике было удобно, и для больных не стеснительно» [13].

Одним из направлений деятельности попечительных комитетов был надзор за торговлей крепкими напитками и, в частности, пресечение тайной торговли алкоголем вне казенных винных лавок. Информация об этом на страницах газеты встречается редко. В одной из статей рассматривается теоретический вопрос о несовместимости должности продавца казенной лавки с исполнением обязанностей члена-соребнователя попечительства, так как задачей последнего является осуществление надзора за питейными заведениями, т.е. за самим собой [4]. В другой статье упоминается случай обнаружения тайной продажи водки в Режицком уезде, произошедший в бывшей Соколовской корчме. Член-соребнователь комитета, учитель Гурилишской церковно-приходской школы Орлов нашел свидетелей нарушения, передал дело полиции и сообщил о случившемся правлению комитета. «Слух об этом очень быстро облетел весь уезд, и говорят, навел страх на тех лиц, которые имеют основания опасаться членов комитета» [6].

Несмотря на наличие такого примера, тот же Режицкий уездный комитет задается вопросом о способах «преследования тайной торговли вином», поскольку в уставе попечительства «подробные указания на сей предмет» отсутствуют, равно как и полностью отсутствуют какие-либо данные, выработанные практикой. Учитывая эти обстоятельства, комитет создал специальную комиссию для выработки собственной инструкции [9].

Режицкий комитет обсуждал и другие вопросы, недостаточно проработанные уставом. Например, на заседании 1 декабря 1897 г. было акцентировано внимание на закрытии в уезде корчем, где крестьяне во время долгих переездов могли «найти пристанище для себя и лошадей, обогреться, закусить». Взамен корчем пока ничего не открыто, «теперь отсутствие для крестьян приютов на пути является бедствием, особенно зимой <...> Могут быть случаи замерзания проезжих» [6].

Относительно выполнения еще одной задачи попечительства – содействия открытию лечебных приютов для лиц, страдающих запоем, – сведений в газетных публикациях не выявлено.

Больше всего на страницах газеты содержится информации о просветительской деятельности попечительных комитетов: открытии народных чайных, библиотек, читален, проведении народных чтений, вечеров, концертов, спектаклей, организации лотерей, народных гуляний.

Согласно публикациям, с 1 июля 1897 г. по 1 июля 1898 г. в уездах Витебской губернии всего было открыто 38 народных чайных, в т.ч. в Витебском уезде – 8 (3 в Витебске, 5 в уезде), в Режицком и Полоцком – по 6, в Городокском – 5, в Велижском, Дриссенском и Люцинском уездах – по 3, в Двинском, Лепельском, Невельском и Себежском уездах – по 1.

Первая в губернии чайная открылась в Люцинском уезде 27 июля 1897 г. Газетные статьи дают представление о том, как проходили открытия чайных, в каких помещениях они располагались, о ценах и ассортименте предлагаемых товаров, о количестве и контингенте посетителей.

По возможности, чайные старались размещать в зданиях – наемных или (реже) собственных, – находящихся в людных местах: возле рынков, на пересечении главных улиц, у переправ через реки и т.п. Размер и характер помещений был разным. Так, чайная в Люцине состояла из одной небольшой комнаты с тремя столами, за которыми

одновременно помещалось не более 20 человек [12]. Чайная в Полоцке находилась на 2-м этаже каменного дома, состояла из двух залов, кухни, комнаты для прислуги, конторы. Пять комнат дриссенской чайной были «обставлены по образцу великорусских трактиров», в них располагались – «буфет и столы, обитые белой под мрамор клеенкой, хорошей работы. В большой комнате часы» [14]. Интерьеры народных чайных традиционно составляли лавки к столам, иконы, кадки с цветами на полу, на стенах – картины, олеография (Полоцк). В некоторых чайных стояли оркестрионы (Витебск). Невельская чайная отличалась наличием огромного фильтра для очищения воды [20].

Ассортимент товара, предлагаемого посетителям в чайных, был достаточно широк. Кроме чая, здесь продавали баранки, пряники, хлеб. В люцинской чайной подавали уху (3 коп.), суп говяжий (4 коп.), студень (4 коп.), рыбу жареную (5 коп. порция). Посетителям витебских чайных предлагали селедку, колбасы, сахар, из закусок – студень, пирожки, печенку, солонину и др.

Цены в чайных городов и уездов практически не отличались: в Витебске 1 кружка чая (1,5 стакана) с 1 куском сахара стоила 1 коп., в Режице 1 кружку чая (ок. 3 стаканов) с 2 кусками сахара продавали за 2 коп.; в Люцине большая кружка с 1 куском сахара стоила 1 коп.

Начинали работать чайные в уездах преимущественно в 8 часов утра, в Витебске – в 7 часов утра, закрывались в уездных городах в 8 вечера, в Витебске – в 11 вечера. Контингент посетителей чайных в Витебске, уездных городах и населенных пунктах уездов отличался. В Витебске чайную посещали в основном, жители города: чернорабочие, торговцы, ремесленники, мелкие служащие, прислуга, в базарные дни – крестьяне. Посетителями чайных в уездных городах были «не только крестьяне, но и интеллигентная публика» [8].

Согласно публикациям, посетителям чайных предлагались для чтения газеты и журналы «Свет», «Русское слово», «Воскресное чтение», «Беседа», «Русский паломник», «Кормчий», «Чтение для солдат», «Витебские губернские ведомости» и другие [11]. Причем наибольшим спросом пользовались газеты [22].

Большинство публикаций содержат позитивную оценку деятельности чайных. Отмечается благодарность крестьян и горожан, уменьшение количества пьяных и драк. Приводятся примеры содействия в открытии чайных со стороны крупных землевладельцев, состоятельных горожан, которые предоставляли для этих целей помещения на безвозмездной основе. В селе Королево Витебского уезда землевладелец А.С. Бялыницкий-Бируля бесплатно предложил комитету помещение для устройства чайной [10]. Два помещика Режицкого уезда (имена не называются) изъявили желание устроить у себя народные чайные и брали на себя часть расходов [9]. Кроме того, для размещения чайных предлагали свои помещения церковно-приходские школы (например, в Режицком уезде).

Вместе с тем указываются проблемы и сложности, с которыми сталкивались уездные комитеты попечительства. Одна из них – «замедление открытия чайных». Основная причина этого – отсутствие свободных и пригодных помещений [21]. Например, первая чайная в Невеле открылась гораздо позже аналогичных заведений в других уездных городах, 17 мая 1898 г., из-за прошлогоднего пожара, который «не позволял найти свободное помещение». Основным недостатком чайной в Люцине являлись «теснота и сырость помещения» [12]. Отмечается также, что наемные помещения «не очень удобны» из-за необходимости платить за них аренду, сумма которой была достаточно большой (Витебск – 500 руб. в год, Полоцк – около 400 руб., Люцин – 120 руб.). Кроме того, в числе недостатков указывается нехватка людей, на которых можно было возложить заведование чайной – надежных и ответственных [21].

Многие чайные работали в убыток. Доход приносили преимущественно заведения, располагающиеся в городах. Несмотря на это, информации о закрытии чайных в газетных публикациях не выявлено. А среди причин убыточности заведений в одной из статей называется «краткость времени, в течение которого они существуют в уезде: крестьяне еще не успели освоиться с этим новым учреждением и понять всей его пользы». Кроме того, доходность и посещаемость чайных зависели от места их расположения в населенном пункте [22].

Одно из проявлений просветительской деятельности попечительных комитетов – организация народных чтений. Первое из них состоялось в Себеже 5 октября 1897 г. Проходили чтения преимущественно в чайных, а также в других помещениях – при народных училищах, в казармах. В Себеже помещик И.К. Медунецкий безвозмездно предоставил для организации чтений и спектаклей свой театр «с декорациями и другими принадлежностями» [7].

На примере публикации о народном чтении, состоявшемся в режицкой чайной 31 октября 1897 г., можно узнать об их содержании и порядке проведения, о восприятии слушателями. Чтение началось в 7 часов вечера. Публика стояла преимущественно «из простого народа», «цена за вход была невысокая: 20, 15, 10 и 5 копеек». В начале и в конце вечера был исполнен гимн «Боже, царя храни». Зрителям были показаны «туманные картины» исторической тематики: «Екатерина II», «Чесменский бой», «Взятие Измаила», «Штурм Праги» и др. Показ картин сопровождался чтением поясняющих их статей и чередовался исполнением учениками городского училища гимнов и песен «Славься, славься», «В ногу ребята», «Ивушка», «Многие лета». Управляли «волшебным фонарем» (аппарат для проекции изображений) и читали статьи учителя городского училища. Корреспондент газеты передает впечатления слушателей чтений и с удивлением отмечает, что «некоторым посетителям, а может, и многим, чтение было мало понятным», они покидали зал со словами: «все хороши картины, да вот читают долго», «читают хорошо, да не всё поймешь» [5]. Для привлечения интереса слушателей автор предлагает чередовать «серьезный материал с юмористическим».

Кроме исторических картин, на чтениях демонстрировались портреты императорской семьи, предлагались сюжеты религиозно-нравственной тематики, а также санитарно-просветительского характера. Например, на чтениях в Витебске зрителям были продемонстрированы «картины с изображением анатомического строения органов и тканей у здорового человека и у пьяницы» [18].

В целом, народные чтения находили заинтересованность и отклик у слушателей. К проблемам организации и проведения чтений можно отнести, в первую очередь, недостаток и дороговизну оборудования – «туманных картин» и «волшебных фонарей».

Другой и более сложной проблемой, с которой сталкивались попечительные комитеты, являлось изменение сознания людей, не считающих необходимым бороться с пьянством. Этому вопросу на страницах газеты посвящено всего несколько статей. Например, корреспондент, знакомый с обстановкой в Лепельском уезде, констатирует, что спустя более полугода после введения реформы в с. Ореховно «разговоры об обществах трезвости считаются предосудительными, о мерах борьбы с пьянством и речи не бывает, религиозно-нравственных собраний никогда не проводится» [14]. Мало изменилась ситуация в этой местности и ещё через два месяца: несмотря на то, что представители попечительства о народной трезвости в селе есть, жители «даже не предполагают, что есть общества трезвости, противодействующие пьянству» [19].

Достаточно активно уездные комитеты попечительства организовывали концерты, вечера, лотереи, имевшие, как правило, благотворительный характер.

Собранные денежные средства поступали в пользу комитетов попечительства и израсходовались на содержание чайных, организацию чтений и т.п. нужды. К числу наиболее успешных и прибыльных мероприятий, состоявшихся в первый год деятельности попечительства, можно отнести «ситцевый вечер» в пользу чайной в Двинске, принесший 200 руб. 50 коп. прибыли [15], и базар с лотереей в Режице, чистый доход от которого составил 1311 руб. – «цифра почти небывалая» [17].

Подводя итоги первого года деятельности комитетов попечительства о народной трезвости, можно отметить, что на страницах газеты «Витебские губернские ведомости» в большинстве публикаций, посвященных этой теме, осуждается «тлетворное влияние кабака» и отмечается «благодетельное влияние винной реформы» [16]. Открываемые попечительными комитетами заведения и организуемые мероприятия «завоевывают симпатии местного общества» [8]. Вместе с тем встречается информация о трудностях в вопросах организации деятельности попечительных комитетов, касающихся осуществления надзора за торговлей крепкими спиртными напитками, открытия народных чайных, читален и пр. заведений, а также в вопросах влияния на сознание людей, которые не осуждали пьянство и соответственно, не вовлекались в процесс реализации винной реформы.

Наиболее активно в период с июля 1897 г. по июль 1898 г. на страницах газеты представлена деятельность Витебского губернского и Режицкого уездного комитетов. Причем в заметках, посвященных последнему, прослеживается вдумчивый и последовательный подход к организации деятельности комитета, предлагаются конкретные способы решения выявляемых проблем. На заседаниях Режицкого уездного комитета зачастую поднимались вопросы, которые не до конца были проработаны на этапе подготовки реформы.

Сведения о деятельности попечительства о народной трезвости, опубликованные на страницах газеты, можно рассматривать как дополнение к другим источникам информации по теме. Многие статьи содержат ценные подробности, касающиеся деятельности попечительных комитетов в конкретных населенных пунктах губернии и уездов.

1. Витебские губернские ведомости. – 1897. – № 71. – 19 июня. – С. 5.
2. Витебские губернские ведомости. – 1897. – № 88. – 29 июля. – С. 4.
3. Витебские губернские ведомости. – 1897. – № 107. – 11 сентября. – С. 3.
4. Витебские губернские ведомости. – 1897. – № 123. – 18 октября. – С. 3.
5. Витебские губернские ведомости. – 1897. – № 127. – 28 октября. – С. 4.
6. Витебские губернские ведомости. – 1897. – № 132. – 8 ноября. – С. 3.
7. Витебские губернские ведомости. – 1897. – № 146. – 11 декабря. – С. 3–4.
8. Витебские губернские ведомости. – 1897. – № 150. – 20 декабря. – С. 3–4.
9. Витебские губернские ведомости. – 1898. – № 01. – 3 января. – С. 4.
10. Витебские губернские ведомости. – 1898. – № 04. – 10 января. – С. 3.
11. Витебские губернские ведомости. – 1898. – № 07. – 17 января. – С. 3–4.
12. Витебские губернские ведомости. – 1898. – № 12. – 29 января. – С. 3–4.
13. Витебские губернские ведомости. – 1898. – № 13. – 31 января. – С. 4.
14. Витебские губернские ведомости. – 1898. – № 17. – 10 февраля. – С. 4.
15. Витебские губернские ведомости. – 1898. – № 18. – 12 февраля. – С. 4.
16. Витебские губернские ведомости. – 1898. – № 23. – 24 февраля. – С. 4.
17. Витебские губернские ведомости. – 1898. – № 28. – 7 марта. – С. 3–4.
18. Витебские губернские ведомости. – 1898. – № 33. – 19 марта. – С. 3.
19. Витебские губернские ведомости. – 1898. – № 51. – 30 апреля. – С. 5.
20. Витебские губернские ведомости. – 1898. – № 61. – 23 мая. – С. 3.
21. Витебские губернские ведомости. – 1898. – № 73. – 20 июня. – С. 4.
22. Витебские губернские ведомости. – 1898. – № 79. – 4 июля. – С. 3.
23. Попечительства о народной трезвости // Энциклопедический словарь – Спб. : Брокгауз – Ефрон, 1898. – Т. XXIVa. – С. 451–452.

Ключевые слова: А.П. Сапунов, Витебск, Рига, «Рижский вестник», периодическая печать.

Соседство Витебской и Лифляндской губерний выражалось в тесном взаимодействии не только в экономической сфере и в информационном поле. Перепечатка отдельных информационных материалов, обзоров событий и другого рода статей в целом была характерна для прессы Российской империи, а для соседних регионов представляла и особый интерес.

Русскоязычная газета «Рижский вестник» издавалась в Риге с 1 января 1869 по ноябрь 1917 г. Основателем и первым редактором газеты стал публицист, краевед, просветитель Евграф Васильевич Чешихин (1824–1888). Его дело продолжил журналист, редактор и театральный деятель Леонид Николаевич Витвицкий (1856–1920). «Рижский вестник» позиционировался как торговая, политическая и литературная газета и в целом соответствовал этой программе.

Первое сообщение о деятельности знаменитого витебского историка Алексея Парфеновича Сапунова (1851–1924) было помещено в «Рижском вестнике» за 31 июля 1884 г. в виде краткой информации о выходе в след за «Витебской стариной» «обширной» «Исторической записки 75-летия Витебской гимназии» [24] (юбилей отмечался 1 сентября 1883 г. [20]), в которой был дан очерк развития самой гимназии и обзор учебных заведений в Витебске, с приложением статистических сведений и документов [8].

Следующее упоминание о трудах Сапунова встречается в пересказе без указания автора письма литератора Константина Константиновича Случевского (1837–1904). Случевский, путешествуя по Прибалтике в свите великого князя Владимира Александровича, отправлял свои репортажи в «Московские ведомости». И вот описание этапа путешествия из Риги в Динабург привлекло внимание «Рижского вестника». Случевский размышляет о русском влиянии и распространении православия в крае и, ссылаясь на работы известных русских историков, говорит и о «Витебской старине»: «Если основываться на очень почтенном издании “Витебской старины”, то православие в крае утвердилось еще в конце десятого века, и, как справедливо замечает Иловайский, подвигалось оно без переворотов, без истребления и обнищания туземных племен» [15].

Другим изданием Сапунова, которое привлекло внимание прибалтийской прессы, стала брошюра «Инфлянты. Исторические судьбы края, известного под именем польских инфлянтов» [23].

В латышскоязычной газете «Baltijas Vēstnesis», 13 января 1887 г. появилось краткое сообщение [36]. Немецкоязычная «Rigasche Zeitung» с полугодовой задержкой поместила более пространную статью об издании. Автор, скрывшийся под инициалом «Е», отметил, что работа Сапунова заслуживает внимания немецких читателей и жителей региона, поскольку автор использовал, помимо «балтийских источников», известную книгу барона Густава фон Мантейфеля, а также многие русские труды и неиспользованные ранее документы. Рецензент выразил пожелание, что издание послужит делу привлечения внимания к памятникам старины и их сохранению. В заключение автор отметил, что издание появилось по предложению витебского губернатора князя В.М. Долгорукова в связи с посещением 25–26 июня 1886 г. Динабурга великим князем Владимиром Александровичем и великой княгиней Марией Павловной [34].

«Рижский вестник» отметил перепечаткой статьи А.П. Сапунова «Несколько замечаний о слове “Инфлянты”» [26] из издания, которое обозначено как «К. Г. В.». Предположительно это «Курляндские губернские ведомости», но выявить доступную

подшивку газеты не удалось. Данная статья отсутствует в известных библиографических указателях.

Витебский историк выдвигает предположение, что «Инфлянты» – это испорченное немецкое «Livland», то есть страна ливов. Сапунов приводит значительное количество вариантов искажения названия региона в немецкоязычных источниках и указывает на то, что в латышском языке звук «ф» заменяется звуком «п» и, соответственно, латыши произносят название края как «Liplante, Iplante, Implante». Поляки, как считает историк, «захватив часть владений ордена, в свою очередь, исказили название этого края и стали называть его словом, которое, собственно, не имеет значения ни на каком языке – Inflanty».

Следующей работой А.П. Сапунова, отмеченной на страницах «Рижского вестника», стало исследование «Двинские или Борисовы камни» [22]. Автор, скрывшийся под инициалами «М.К.», перечислил все известные на тот момент 4 камня и изложил некоторые версии причин появления надписей на камнях. Характеризуя Сапунова как «почтенного исследователя Придвинья», рецензент указывал на то, что автор исследования склоняется к версии о том, что надписи на камнях призваны были оградить от несчастий людей, занимавшихся сплавом на реке, «обезвредить эти камни делом благочестия – иссечением крестов и благочестивых надписей». В то же время надписи, по мнению Сапунова, свидетельствовали и о том, что полоцкие князья – «единственные полноправные хозяева этого важного торгового пути» и в настоящее время это «лучшие и беспристрастные свидетельства, что страна эта – искони русская, искони православная» [17].

Тема получила продолжение 17 августа 1894 г., когда в «Рижском вестнике» появилась информация о еще одной находке: «Витебск, 14-го августа. Издатель “Витебской старины” Сапунов открыл еще неизвестный Борисов камень» [6].

Подробности этого события А.П. Сапунов осветил в своей статье в «Витебских губернских ведомостях» только 9 октября 1894 г. [21]. Алексей Парфенович описывает две находки. Один из камней был найден в Друе, «на левом берегу Двины, в 10 саженьях ниже впадения в нее р. Друйки; в окружности он имеет 4 сажени». Второй камень, обследованный Сапуновым, находился на берегу реки Вилии в деревне Камень Виленского уезда и о нем писал еще К. Тышкевич, но без упоминания о надписи на камне. В издании «Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии» Сапунов более подробно описал камни и поместил их изображения [25, с. 122–123, 195–197, ил. между с. 116–117].

В октябре 1891 г. в «Рижском вестнике» появилась публикация, посвященная работе Сапунова «Усвят (местечко Витебской губ.) и святыни его» [29]. Автор, скрывшийся под инициалом «Я», очень кратко пересказал историю Усвят, перечислил всех владельцев местечка и в завершение упомянул о местной святыне – чудотворной иконе Божьей Матери Цесарской [33].

Особое внимание на страницах «Рижского вестника» было уделено монументальному труду А.П. Сапунова «Река Западная Двина» [28]. В «Витебских губернских ведомостях» рекламное объявление о начале с 1 мая 1894 г. продажи издания появилось 22 апреля [19]. В «Рижском вестнике» сообщение об издании было опубликовано 30 апреля и в нем почти дословно повторялась информация из витебской рекламы с перечислением всех разделов содержания, количества страниц, иллюстраций и приложений [5]. 4 мая (по новому стилю) в несколько сокращенном виде информация появилась в рижской латышскоязычной газете «Dienas Lapa» [37]. 11 ноября того же года «Рижский вестник» со ссылкой на «Витебские губернские ведомости» [18] уведомил читателей, что «известный исследователь белорусской окраины» Сапунов издал «недавно новый труд о Западной Двине» и «государь император по всеподданнейшему докладу министра народного просвещения соизволил на выдачу автору настоящего издания единовременного пособия в размере пятисот рублей» [4].

21 января 1894 г. в «Рижском вестнике» были перепечатаны фрагменты помещенных в книге Сапунова поэтических произведений о Двине Аполлония Родосского, Овидия, Т. Лады-Заблоцкого, И. Храповицкого, скандинавских саг и латышских народных песен [13].

Последней выявленной в «Рижском вестнике» публикацией о научных работах А.П. Сапунова стало довольно подробное изложение его рецензии [27] на книгу Ф. фон Кейслера «Конец первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII веке» [3].

В рижских газетах появлялась информация о научных связях и деятельности А.П. Сапунова: упоминание ученого в составе предварительного комитета X Археологического съезда в Риге [1] и вопросах, которые планировалось рассмотреть на съезде («Полоцкие удельные княжества Герсик и Куконас») [2]; о передаче в дар книги «Река Западная Двина» члену Общества истории и древностей Остзейских губерний Антону Бухгольцу [35]; об избрании членом Курляндского общества литературы и искусств [7]; об участии ученого 25 марта 1914 г. [16] в торжественном заседании Витебской ученой архивной комиссии, Витебского Свято-Владимирского братства и Витебского отделения Галицко-русского общества по случаю 75-летия воссоединения униатов с православной церковью [31].

Появилась в рижских газетах и информация об избрании А.П. Сапунова в члены Государственной думы III созыва [9; 38, л. 717]. Затем содержание выступлений Сапунова можно встретить в протоколах думских заседаний, которые печатались во многих газетах: об урегулировании чиншевого права [14; 39]; русско-польский вопрос [10, с. 2]; об установлении права застройки в губернских городах без разрешения центральной власти [12; 40]; введения земства в западных губерниях [11].

Ранее был не известен факт участия А.П. Сапунова в работе съезда представителей деревни Северо-Западного края, который проходил в Вильно 27–30 декабря 1908 г. и был организован виленским обществом «Крестьянин» [32, с. 11–20]. О прибытии на съезд членов Государственной думы А.П. Сапунова и протоиерея Ф.И. Никоновича сообщалось в «Рижском вестнике» 30 декабря 1908 г. [30].

Как показали исследования, «Рижский вестник» является содержательным источником, позволившим выявить как новые публикации и факты о деятельности А.П. Сапунова, так и публикации самого ученого, что расширяет представления о признании важности трудов витебского историка в других регионах.

1. Археологический съезд в Риге // Рижский вестник. – 1894. – 22 авг. (№ 183). – С. 1.
2. Археологический съезд в Риге // Рижский вестник. – 1894. – 24 авг. (№ 185). – С. 2.
3. В. Первоначальное русское владычество в Прибалтийском крае / В. // Рижский вестник. – 1899. – 27 янв. (№ 21). – С. 1–2.
4. Внутренние дела // Рижский вестник. – 1893. – 11 нояб. (№ 250). – С. 2.
5. Внутренние дела // Рижский вестник. – 1893. – 30 апр. (№ 94). – С. 3.
6. Внутренние дела // Рижский вестник. – 1894. – 17 авг. (№ 179). – С. 3.
7. Внутренние дела // Рижский вестник. – 1895. – 7 марта. (№ 54). – С. 2.
8. Внутренние дела // Рижский вестник. – 1884. – 31 июля (№ 171). – С. 2.
9. Выборы в Государственную думу // Рижский вестник. – 1907. – 15 окт. (№ 231). – С. 1.
10. Государственная дума // Рижский вестник. – 1909. – 1 июня (№ 121). – С. 1–2.
11. Государственная дума // Рижский вестник. – 1910. – 12 мая (№ 106). – С. 1.
12. Государственная дума // Рижский вестник. – 1910. – 6 апр. (№ 78). – С. 1.
13. Двина в поэзии // Рижский вестник. – 1894. – 21 янв. (№ 16). – С. 1–2.
14. Заседание Гос. думы 17-го января // Рижский вестник. – 1908. – 18 янв. (№ 15). – С. 2.
15. Из писем г. Случевского // Рижский вестник. – 1886. – 26 авг. (№ 188). – С. 2.
16. К 75-летию юбилею воссоединения униатов // Витебский вестник. – 1914. – 23 марта (№ 68). – С. 4.
17. М. К. Двинские или Борисовы камни / М. К. // Рижский вестник. – 1890. – 11 мая (№ 104). – С. 3.
18. Местные известия // Витебские губернские ведомости. – 1893. – 7 нояб. (№ 88). – С. 4.
19. Отпечатана и 1-го мая поступит в продажу... // Витебские губернские ведомости. – 1893. – 22 апр. (№ 31). – С. 4.
20. Сапунов, А. Семидесятилетие Витебской гимназии / А. Сапунов // Витебские губернские ведомости. – 1883. – 14 сент. (№ 73) – С. 3; 24 сент. (№ 76). – С. 5; 1 окт. (№ 78). – С. 5.

21. Сапунов, А. П. Археологические находки / А. П. Сапунов // Витебские губернские ведомости. – 1894. – 9 окт. (№ 81). – С. 3–4.
22. Сапунов, А. П. Двинские или Борисовы камни / А. П. Сапунов. – Витебск : Витеб. губ. стат. ком., 1890. – 31 с.
23. Сапунов, А. П. Инфлянты. Исторические судьбы края, известного под именем польских инфлянтов / сост. А. П. Сапунов. – Витебск : Губ. тип., 1886. – 38 с. : ил.
24. Сапунов, А. П. Историческая записка 75-летия Витебской гимназии [1808–1883] / сост. и изд. А. П. Сапунов. – Витебск : Тип. губ. правл., 1884. – 167, CLXXVII с. : 6 л. ил., табл.
25. Сапунов, А. П. Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии / Изд. А. Сапунова и кн. В. Друцкого-Любецкого. – Витебск : Губ. типо-лит., 1896. – [2], 264, 144 с., 33 л. ил., карт. : ил.; 24.
26. Сапунов, А. П. Несколько замечаний о слове «Инфлянты» / А. П. Сапунов // Рижский вестник. – 1887. – 26 окт. (№ 236). – С. 2.
27. Сапунов, А. П. Разбор сочинения Фр. фон-Кейслера: Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII столетии / А. П. Сапунов. – СПб : тип. Имп. Акад. наук, 1898. – [2], 54 с.
28. Сапунов, А. П. Река Западная Двина : ист.-геогр. обзор / сост. и изд. А. П. Сапунов. – Витебск, 1893. – [4] ; IV, 512, XXII с. : 58 л. ил., карт.
29. Сапунов, А. П. Усвят (местечко Витебской губ.) и святыни его / Сост. и изд. Алексей Сапунов. – Витебск, 1889. – [2], 35 с., 1 л. ил.
30. Съезд представителей деревни // Рижский вестник. – 1908. – 30 дек. (№ 297). – С. 1.
31. Телеграммы // Рижский вестник. – 1914. – 26 марта (№ 70). – Приложение, с. 2.
32. Труды Виленского общества «Крестьянин» по выяснению нужд деревни Северо-Западного края. – Вильно, 1910. – 24 с.
33. Я. Усвят и святыня его / Я. // Рижский вестник. – 1891. – 5 окт. (№ 218). – С. 2.
34. E. A. Sapunow. Infljanty (Инфлянты) / E. // Rigasche Zeitung. – 1887. – 18. (30.) Juni. (№ 136). – S. 2.
35. Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Rußlands // Düna-Zeitung. – 1895. – 24. Jan. (№ 19). – S. 3.
36. No eekschemes // Baltijas Vēstnesis. – 1887. – 13. (25.) janw. (№ 9). – L. 3.
37. Par Daugawu // Dienas Lapa. – 1891. – 4 (16) maja (№ 99). – L. 3.
38. Par vēlēšonu rezultātiem // Zemkopis. – 1907. – 31. okt. (№ 44). – L. 716–717.
39. Valsts Dome // Dzimtenes Vestnesis. – 1908. – 18. (31.) jan. (№ 15). – S. 1.
40. Valsts Dome // Dzimtenes Vestnesis. – 1910. – 6. (19.) apr. (№ 78). – S. 1.

Коровина Н.Е.

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ТАЁЖНОЙ СИБИРИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУКОПИСЕЙ ПРАВОСЛАВНОГО СВЯЩЕННИКА П.В. КРАСНОВА

Ключевые слова: П.В. Краснов, имперский проект, краеведческая деятельность ЗСОИРГО, поливидовая источниковая база, архив МАЭС ТГУ.

В 1877 г. в Омске по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова был открыт Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества (далее – ЗСОИРГО). В том же году М.В. Певцовым было разработано «Положение», согласно которому общество обязалось «оказывать содействие лицам, посещающим Западную Сибирь с ученою целью, а равно местным жителям, занимающимся изучением этого края» [7, л. 437об.]. Известно, что особое внимание ЗСОИРГО уделяло изучению «иностранческой» культуры. Так, в частности, одним из членов исследовательского сообщества Н.М. Ядринцевым в 1880 г. была разработана «Программа исследования инородцев Западной Сибири», представляющая, по сути, концептуальный каркас, на который, по меткому выражению областника, должны ориентироваться «сочувствующие изучению края» [9]. Как правило, «сочувствующими» были чиновники, сельские учителя и священники. Нам этот документ будет интересен в контексте изучения рукописей П.В. Краснова [4, 6]. Для того, чтобы понять намерения православного священника, взявшегося за написание исследования о жизни коренного народа Васюганья, необходимо определить, насколько тексты коррелируют с заданным «образцом».

Прежде чем перейти к анализу текстов священника, особое внимание следует обратить на так называемую проблему «рассредоточенности» источников. Длительное

время исследователям не удавалось при помощи одного или двух найденных источников, непосредственно связанных с личностью православного священника, реконструировать биографию П.В. Краснова и определить его роль в исполнении имперского проекта. Рассмотреть проблему «рассредоточенности» источников можно в контексте формирования поливидовой источниковой базы, призванной, с одной стороны, показать информационный потенциал разных типов источников исторической информации при реконструкции биографии и краеведческой деятельности православного священника, с другой, выявить, казалось бы, во внешне не связанных между собой текстах источников связи, что, в свою очередь, позволяет датировать рукопись, определить ее назначение в структуре имперского проекта изучения Сибирского края.

Источниковая база включает в себя как опубликованные, так и неопубликованные рукописи П.В. Краснова, печатные издания Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, представленные, в частности, «Программой для описания сибирских инородцев», составленной Н.М. Ядринцевым в 1880 г., «Юбилейным сборником ЗСОРГО» 1902 г. [4, 6, 8, 9]. Отметим, что маргиналии кн. Н.А. Кострова, редактора рукописей П.В. Краснова – зачеркивания, исправления чернилами и простым карандашом позволяют сделать значимые выводы о «допустимой» форме изложения жизни васюганских инородцев.

Так, цель доклада – охарактеризовать собирательскую деятельность священника Петра Васильевича Краснова в роли имперского эксперта.

Следует отметить, что о личности П.В. Краснова практически ничего не известно. Согласно Книгам поступлений, хранящимся в Музее истории, археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета, рукопись «Описание быта инородцев-остяков Томского округа 5-ого участка Васюганской волости» была подарена Музеем в 1990 г. В.А. Зибаревым. Вероятнее всего, она входила в состав личной библиотеки историка. Отдельные главы рукописи (например, «О жизни общественной») использовались исследователем для написания книги «Материалы по юридической этнографии малых народов Севера» [2]. В.А. Зибарев, опираясь на внутренние признаки содержания, ошибочно датировал текст рукописи 1845 г. Прежде всего потому, что П.В. Краснов был священником Крестовоздвиженской церкви села Васюганского в период с 1872 по 1886 гг. [3, с. 263]. Безусловно, на это можно возразить, предположив, что П.В. Краснов не был очевидцем описываемых событий и что он лишь воспроизводил их со слов местных жителей, однако, сравнительный анализ текстов разных лет, принадлежащих руке священника, показал, что написание цифры «семь» практически полностью повторяет написание цифры «четыре». Речь, скорее всего, идет не о 1845 г., а о 1875 г.

В 1996 г. в сборнике «Земля каргасокская» Ю.И. Ожередов, бывший заведующий Музеем, опубликовал три главы рукописи («Умственное развитие остяков», «О жизни семейной», «Домообзаводство и скотоводство») и дал к ним комментарий [5, с. 59–66]. Исследователь безосновательно датировал текст рукописи 1877 г. Предпринятая Ю.И. Ожередовым попытка реконструировать биографию П.В. Краснова не увенчалась успехом. Историк, ссылаясь на рапорт священника П. Юрьева, мужа сестры П. Краснова, адресованный Платону, епископу Томскому и Семипалатинскому, утверждает, что П.В. Краснов в 1870 г. был помещен в больницу для душевнобольных. В действительности в больницу Приказа общественного призрения был определен брат П.В. Краснова, его тезка – причетник Петр Васильевич Краснов. Подтверждением этого можно считать обнаруженный нами в Государственном архиве Томской области рапорт св. П.В. Краснова о «принятии заштатного причетника, родного брата Петра Краснова под присмотр и на пропитание» [1, л. 18–18об.].

Итак, при анализе рукописей св. П.В. Краснова особое внимание было обращено на маргиналии – зачеркивания и исправления. В первую очередь возник вопрос: П.В. Краснов собственноручно вносил в текст коррективы или это делал кто-то

другой? В ходе решения вопроса атрибуции почерка установлено, что редактором рассматриваемых нами рукописей был кн. Н.А. Костров. В его обязанности как секретаря Томского губернского статистического комитета входили рассылка благочинным священникам, уездным и окружным исправникам составленных членами ЗСОИРГО отношений с вопросами о хозяйстве, обычаях, языке коренных народов, проверка и обработка входящей корреспонденции.

Судя по имеющимся сведениям, священник был причастен к краеведческой деятельности ЗСОИРГО [8, с. 185]. Скорее всего, П.В. Краснов при сборе информации по интересующим его предметам – «религии с ее таинствами и обрядами церковными, а вместе с тем и их верований языческих», «нравственной жизни с ее добродетелями и пороками», «жизни умственной, общественной и семейной с их занятиями» руководствовался программным документом, разработанным Н.М. Ядринцевым [9, л. 1]. В частности, на это указывает структура рукописного текста. Приведем пример. В шестом пункте программы сказано, что член-корреспондент должен сообщить сведения о религии инородцев, в частности, «изложить мифологию инородцев, название божеств, идолов, кумиров и священных мест, а также религиозные обряды, шаманство, камланье <...>» [9, с. 4–5]. П.В. Краснов, следуя предложенной «инструкции», подробно останавливается на религиозных представлениях остяков и дает им свою оценку. Он рассмотрел особенности организации и проведения таинств в «инородческом» приходе, описал обычаи, связанные с поминками, поклонением священному дереву – лиственнице. Отметим также, что отдельные части текста выполняли назидательную функцию. Так, например, П.В. Краснов как «проводник христианства» не упускает возможности использовать для своих целей «веру инородцев». Он придумывает рассказ от лица лиственницы (как известно, в мировоззрении коренных народов все, что окружает человека, имеет душу: животные, растения, деревья), просящей остяков «деньги, потраченные на ленточки, платочки и другие вещи, принести в жертву Богу – в церковь», «искать неисчерпаемый источник счастья в Боге» [4, л. 4об.].

Комплексный анализ источников личного происхождения и делопроизводственных документов, возникших в ходе деятельности ЗСОИРГО, позволяет выдвинуть в работе новые аргументы в пользу датировки рукописного текста не раньше 1880 г.

Отметим, что во второй половине XIX в. среди краеведов-собирателей было много священников, заинтересованных в изучении народных религиозных воззрений. Следует сказать, что П.В. Краснов при написании текстов рукописей следовал правилам научного дискурса: аргументированно отвечал на вопросы из «образца», использовал систему сносков. «Рассредоточенность» рукописей по библиотекам, музеям и архивам ставит перед исследователем сложную задачу – отыскать источники, которые, возможно, опосредованно будут связаны с интересующей личностью, но в то же время позволят обнаружить ранее незамеченные, ускользающие от взора «следы» и восстановить «архивную коллекцию».

1. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 170. Оп.3. Д.2108.

2. Зибарев, В. А. Материалы по юридической этнографии малых народов Севера / В. А. Зибарев. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. – 160 с.

3. Криволапова, Е. Благословенный Нарым: история православия в Нарымском крае / Е. Криволапова. – 2-е изд. – Томск : Колпашевская епархия, 2019. – 390 с.

4. Научный архив Музея истории, археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета (МАЭС ТГУ). – Д. 1062.

5. Ожередов, Ю. И. Комментарий к рукописи П.В. Краснова «Описание быта инородцев-остяков Томского округа 5-го участка Васюганской волости» / Ю. И. Ожередов // Земля каргасокская : сб. научно-популярных очерков. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. – С. 59–66.

6. ОРК НБ ТГУ. Ф. 1. Необработанная часть. Остяцкие рассказы, записанные священником Петром Красновым.

7. Положение о Западно-Сибирском отделе Императорского Русского географического общества // Сборник статей о Сибири и о прилегающих к ней странах : сб. ст. – Омск, 1878. – С. 436–438.

8. Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (1877–1902). – Омск : Типография окружного штаба, 1902. – 190 с.

9. Ядринцев, Н. М. Программа для описания сибирских инородцев / Н. М. Ядринцев. – Омск : Типография окружного штаба, 1880. – 16 с.

Бахтурина А.Ю.
ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС В ПЕРЕПИСКЕ Н.И. БОБРИКОВА
И НИКОЛАЯ II В МАРТЕ – АПРЕЛЕ 1899 г.¹

Ключевые слова: Финляндия, Николай II, Н.И. Бобриков, манифест 3 февраля 1899 г., генерал-губернатор Великого Княжества Финляндского.

Отечественные и зарубежные исследования по истории Великого Княжества Финляндского в составе Российской империи начала XX в. весьма многочисленны, но подавляющее большинство основано на анализе законодательных актов и делопроизводственных документов государственных учреждений. В настоящий момент значительная их часть из фондов российских и финских архивов опубликована и доступна исследователям. Документы, раскрывающие связи между представителями бюрократии и имперской власти, используются реже и лишь частично вводятся в научный оборот. В числе таких документов переписка Николая II и финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова. В ОР РНБ, (Ф.586) сохранились письма Н.И. Бобрикова императору по вопросам финляндской политики, а также ответы на них. Значительная часть писем представлена в копиях. Копии писем Николая II были выполнены Н.И. Бобриковым и объединены вместе с дневниковыми записями за 1898–1900 гг.

17 августа 1898 г. на пост генерал-губернатора Великого Княжества Финляндского был назначен Николай Иванович Бобриков. Его деятельность в 1898–1904 гг. вошла в историю российской политики в Финляндии как время насильственной «русификации», сокращения автономных прав Великого Княжества. Личность Н.И. Бобрикова получила огромное число негативных оценок как со стороны современников, так и в отечественной и зарубежной историографии. Он вошел в историю как главный разрушитель финляндской автономии, злой гений Финляндии начала XX в. В начале своей деятельности в Княжестве он состоял в активной переписке с императором Николаем II, стремясь не только выполнять его инструкции, но и излагать свое видение проблемы, влиять на ситуацию и решения императора. Факт столь активной переписки императора с генерал-губернатором – весьма редкое явление в административной практике Российской империи. Исключения, как правило, возникали, если чиновник такого уровня был лично хорошо знаком императору и принадлежал к высшей имперской аристократии, как, например, наместник Кавказа И.А. Воронцов-Дашков. Бобриков к подобным кругам не принадлежал. Он стал генерал-губернатором после того, как император перебрал несколько возможных кандидатур. Выбор императора высших придворных и чиновных кругах не считался удачным. Великая кн. Ксения Александровна, обращаясь А.А. Оболенской в октябре 1898 г. писала: «Да, назначение Бобрикова нас тоже не особенно порадовало! Что за удивительный выбор! Нужно было ждать два года, чтобы, наконец, родить (прости за выражение!) такого уродца. Он, наверное, умный, но совсем не подходящий человек в Финляндию. Какая же у него представительность или, вообще, есть ли у него понятие, как себя держать и т.д. Говорят, что он усиленно изучил всю литературу Финляндии и делает вид, что все знает и глубоко понимает! Это, одним словом, просто хам!» [3, с. 495].

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект «Великое княжество Финляндское в правительственной политике Российской империи. 1894–1914 гг.: государственные интересы и практика принятия политических решений» № 24-28-01780 || The reported study was funded by The Russian Science Foundation, the project “The Grand Duchy of Finland in the government Policy of the Russian Empire. 1894–1914: State interests and the practice of political decision-making” No. 24-28-01780.

Началу переписки предшествовали их личные встречи. Наиболее продолжительные встречи Николая II с Бобриковым пришлось на время после публикации манифеста 3 февраля 1899 г. В дневниках императора имеются указания на то, что «у меня сидел Бобриков долго», «обстоятельно беседовал с Бобриковым» [2, с. 457, 472, 510]. 29 мая (10 июня) 1899 г. Николай II принял Бобрикова. В дневниковой записи от 23 июня 1898 г. генерал-губернатор отметил, что во время встречи Николай II заверил его в том, что «вы будете обращаться прямо ко мне» и «найдете всегда необходимую во мне поддержку» [1, с. 4].

Эта запись объясняет, как Бобриков получил возможность непосредственно обращаться к императору. Традиционно доклады императору по финляндским делам делал министр статс-секретарь, но в тот момент этот пост временно занимал В.Б. Прокопе, выступавший защитником финляндских интересов и императора не устраивал. Николай II искал новую кандидатуру на этот пост и, избегая контактов с Прокопе, разрешил Бобрикову писать ему. Необходимость в письмах из Финляндии также была связана с осложнением обстановки в Княжестве после издания манифеста 3 февраля 1899 г., ограничившего законодательные права финнов.

Дневниковые записи Бобрикова за этот период показывают, что он весьма серьезно относился как к своим обязанностям, так и к возможности непосредственно обращаться к императору. Всего в марте Бобриков отправил императору 7 писем и один доклад, сообщая императору не столько о происходящем в Великом Княжестве, но в большей степени о своих впечатлениях и планах по исправлению ситуации. В марте 1899 г. он информировал Николая II о подготовке общественно-политическими кругами Великого Княжества всеподданнейших адресов на имя императора в связи с изданием манифеста, называя их «демонстрациями», указывая, что в Финляндии существует «особая тайная администрация», где «всем подпольным движением ловко орудует известный сепаратист, бывший сенатор... Мехелин» [1, л. 19–19об.]. Особо Бобриков подчеркивал наличие подпольных структур и богатых жертвователей, поддерживающих шведоманнов. Эту тему он развивал постоянно, упирая на то, что «самое смелое воображение не может себе воспроизвести в истинном свете той ненависти, какую питает к России и ее монарху шведская интеллигенция» [1, л. 40об.].

В письмах императору Бобриков излагает свое видение ситуации и проекты по стабилизации ситуации в Финляндии. Он считал необходимым, «чтобы молодежь еще в стенах школы почерпала знания, отвечающие общегосударственным интересам», освободить «православные русские школы от опеки местных финских властей» и, наконец, добиться введения полностью русской администрации [1, л. 31–32об.]. Примечательно, что формулировки Бобрикова принимают форму рекомендаций императору. Так, в письме от 31 марта 1899 г. он пишет: «Надо будет, ввиду успокоения края, приласкать народ и показать ему силу русской власти». И далее излагает свои идеи относительно возможных аграрных преобразований в Финляндии.

В документах фонда сохранились два ответа императора Бобрикову, датированные 7 и 19 марта 1899 г. В первом письме император писал: «... я постоянно благодарю Бога, направившего мой выбор на Вас! Действительно в вас я получил неоценимого помощника, крайне знающего, усердного, настойчивого, хладнокровного в всех своих действиях. Не имей я вас в Финляндии, едва ли я справился бы с нынешними сложными делами, говорю вам это прямо, потому что таково мое глубокое убеждение!» [1, л. 51]. Также Николай II поддержал проект Бобрикова об усилении власти генерал-губернатора в Финляндии и усилении полицейских и жандармских структур и подчеркнул, что «благополучно разрешив эти дела и покончив с военным законом..., нам можно будет удовлетвориться достигнутым результатом» [1, л. 52об.].

Таким образом, уже в начале марта очевидно желание императора приостановить активность в финляндском вопросе, добившись стабилизации политической обстановки.

Но Бобриков буквально «забрасывал» императора письмами и в середине марта 1899 г. последовала реакция Николая II. Бобриков предложил императору запретить финнам составлять коллективные жалобы и прошения, учитывая то, что составление вспеподданнейших адресов с протестами против манифеста 3 февраля в Финляндии приобрело массовый характер. Предложение Бобрикова император не поддержал. Его ответ от 19 марта заслуживает пристального внимания. Во-первых, возражая генерал-губернатору по поводу запрета коллективных прошений, он отметил, что «лучше, мне кажется, ... дать им потешаться пустяками, наподобие маленьких детей. Со временем, разумеется, мы не будем спускать им так безнаказанно всех их проделок...» [1, л. 55–55об.]. Во-вторых, император сообщил, что «всей душой» разделяет взгляд Бобрикова на необходимые преобразования в Финляндии, изложенные им ранее в письме от 11 марта. Но при этом он подчеркнул, что для реализации этих мер необходима «строгая постепенность» [1, л. 56]. Письмо Николая II демонстрировало неготовность императора к масштабным преобразованиям в Финляндии после издания манифеста 3 февраля 1899 г. Реакция на манифест была бурной, и Николай II стремился сгладить негативное впечатление от манифеста. Он писал: «Я думал о способе разъяснения манифеста 3 февраля и нахожу такого рода объявление желательным» [1, л. 55об.]. И, в-третьих, император хотел сократить контакты с Бобриковым. В последней фразе письма он на это намекнул: «Прошу вас Николай Иванович беречь свое здоровье, вы слишком усиленно занялись письменными работами. Ведь перелом в финляндском вопросе совершился, можно бы немного и отдохнуть, а впоследствии приняться за дальнейшую работу со свежими силами...» [1, л. 56]. Активность Бобрикова, его стремление перейти к немедленным реформам, очевидно утомили императора. Но генерал-губернатор в марте отправил Николаю II еще три письма, ответы на которые в фонде отсутствуют. Однако с назначением в августе 1899 г. на пост министра статс-секретаря В.К. Плеве переписка Бобрикова с Николаем II прекращается. Все вопросы и предложения он по должности адресовал Плеве и получал от него указания. С ним же он обсуждал возможные изменения в административной системе Великого Княжества Финляндского.

Переписка Николая II и Н.И. Бобрикова демонстрирует неоднозначность позиции самодержавия в финляндском вопросе и расхождение взглядов правящих верхов и финляндского генерал-губернатора. Получив инструкции при назначении, столкнувшись с реалиями финляндской политики, Бобриков изо всех сил стремился добиться административной и правовой унификации Великого Княжества и Империи. Но такая прямолинейность в финляндском вопросе не устраивала ни императора, ни придворные круги, ни высшую бюрократию. Переписка демонстрирует не столько разные взгляды на финляндский вопрос, сколько разные подходы к управлению территорией, когда постепенность политических решений и стабильность региона являются приоритетом. Изменения в отношении императора к Бобрикову, отразившиеся в переписке, объясняются также формальными моментами, когда с назначением Плеве появился докладчик по финляндским делам, который полностью устраивал Николая II. Кроме того, можно предположить, что сторонние влияния в Петербурге, в том числе позиция вдовствующей императрицы Марии Федоровны, симпатизировавшей Финляндии, сыграли свою роль.

1. Бобриков, Н. И. Дневниковые записи 1899–1900 // РО РНБ. Ф. 586. Плеве В. К. Оп. 1. Д. 28.

2. Дневники императора Николая II (1894–1918) / отв. ред. С. В. Мироненко, – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – Т. 1 : 1894–1904. – 1101 с.

3. Ксения Александровна, вел. кн. Письмо Оболенской А. А., 6/18 октября 1898 г. Ай-Тодор // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. – М. : Студия ТРИТЭ : Рос. Архив, 2005. – Т. XIV. – С. 494–495.

4. Ошеров, Е. Б. Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. / Е. Б. Ошеров, Л. В. Суни. – Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 1986. – 71 с.

Тихонов Д.П.
ОТКРЫТИЕ ОТДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В МИНСКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ
НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА БЕЛАРУСИ)

Ключевые слова: Минск, Минское отделение, Госбанк, Банк, управляющий, кладовая.

Отделение Государственного банка Российской империи открылось в Минске в 1881 г. Решение о его открытии было принято на заседании правления Госбанка под руководством Е. Ламанского в 1880 г. [1, с. 62]. «На первоначальное обзаведение Минского отделения» Государственным банком было выделено 1,5 тыс. руб. с предложением «представить надлежащий отчёт с оправдательными документами» в Главный контроль банка [2, л. 3].

Список руководства и сотрудников Минского отделения 1 июля 1881 г. был утверждён с согласия министра финансов Российской империи Н.Х. Бунге. В него вошли опытные специалисты Госбанка и его региональных отделений: управляющий – младший контролёр Госбанка коллежский секретарь Андрей Кожевников; контролёр – младший контролёр Госбанка французский подданный Александр Гутьер; бухгалтер – помощник бухгалтера 1 разряда Киевской конторы коллежский ассесор Антон Кржижановский; кассир – помощник делопроизводителя 1 разряда Госбанка титулярный советник Александр Мерказин; старший помощник контролёра – помощник контролёра 3-го разряда Госбанка мещанин Иван Орлов; старший помощник кассира – младший помощник кассира Виленского отделения секретарь Михаил Лиодт [2, л. 4].

Управляющий Минским отделением, контролёр и бухгалтер приступили к исполнению профессиональных обязанностей 23 июня 1881 г. Этот день и можно считать датой открытия Минского отделения Госбанка. Остальные специалисты приступили к работе 10 августа 1881 г. [2, л. 4].

Для начала деятельности банковскому отделению в Минске Госбанк переслал описи «сведений закрытых», печати, штемпеля, а также перевёл через Минское казначейство «один миллион рублей кредитными билетами разных достоинств, назначаемый в различный капитал Минского отделения». Из полученного миллиона рублей Минскому отделению было предложено выделить 50 тыс. руб. в оборотную кассу для дебетования на эту сумму счёта кассы и кредитования счёта Госбанка. На эти же 50 тыс. руб. было предложено открыть счёт оборотного капитала Отделения с целью проведения кредитных операций и дебетных операций с Госбанком [2, л. 7].

На основании указа Александра II от 20 декабря 1863 г. «Об открытии отделений Государственного банка» Минскому отделению было предложено правлением Госбанка производить следующие операции: 1) обмен кредитных билетов ветхих на новые и крупных на мелкие и обратно; 2) оплату купонов от процентных бумаг, а равно уплату капиталов по вышедшим в тираж таковым бумагам, по наступлении сроков оплаты; 3) учёт упомянутых в пункте 2-м вышедших в тираж процентных бумаг и купонов не более как за 6 месяцев до срока их оплаты; 4) приём сумм из Казначейств, присутственных и общественных учреждений и от частных лиц для перевода на Банк и его Конторы и Отделения; 5) приём вкладов на хранение, на текущий счёт и на обращение из процентов; 6) ссуды под залог процентных бумаг, акций, облигаций по ценам в сем списке показанным; 7) получение платежей по срочным документам за счёт Государственного Казначейства, Банка или частных лиц и учреждений, имеющих текущие счета; 8) приём наличных сумм от всех мест и учреждений для приобретения

через посредство Государственного банка, государственных процентных бумаг, а равно приём государственных процентных бумаг для продажи их через посредство Госбанка.

Выделенный Госбанком капитал в размере 1 миллиона рублей кредитными билетами Минское отделение получало, в соответствии с инструкцией, у Минского губернского казначейства, о чём отчитывалось Банку по телеграфу. Получение денег не было осуществлено за один раз, но велось частями. Примечательно, что Госбанк оговорил в документе, отосланном минскому отделению, даже суммы, которыми он выделяет определённое количество кредитных билетов: банкнотами достоинством в 1 рубль – 50000 руб., 3 руб. – 90000 руб., 5 руб. на 120000 руб., 10 руб. на 240000 руб., 25 руб. на 250000 руб. и 100 руб. на 250000 руб. [2, л. 7, 12, 18].

По окончании подготовительных работ 24 октября 1881 г. Минское отделение отправило в редакцию «Минских губернских ведомостей» прошение об опубликовании в ближайшем номере газеты объявления об открытии операций отделения [2, л. 19]. В объявлении сообщалось о том, что с 27 октября 1881 г. Отделение открывает свои действия [2, л. 20].

Кроме того, 28 октября 1881 г. из Минского отделения было направлено письмо в Минскую телеграфную станцию о тарифах за депеши, которые отправлялись Отделением в период его открытия из Минска в другие города [2, л. 26]. Ответ от начальника Минской телеграфной станции пришёл в тот же день. Выполненный на бланке Министерства внутренних дел, он внушает мысль о строгом отношении к средствам связи со стороны государства в ту пору. Видимо, причин для этого было достаточно. Подтверждением тому служит письмо управляющего Минским отделением Кожевникова от 1 ноября 1881 г. начальнику Минской телеграфной станции о том, «чтобы с этого времени Станция не принимала никаких других депеш от кого бы то ни было с адресом в двух или трёх словах: имя, город и слово банк. Телеграммы Отделения будут за подписью г. Управляющего и будут писаться на бланках прилагаемого образца с приложением казённой печати» [2, л. 30].

27 октября 1881 г. Минским отделением было принято из Минского Губернского Казначейства 10000 руб. мелким серебром 500 руб. крупного серебра для кредитования счёта с Банком. В этот же день кредитный счёт с Госбанком был открыт, о чём из Минска сообщили в Госбанк днём позже [2, л. 27].

3 декабря 1881 г. от Управляющего Минским отделением на имя управляющего Госбанка последовал первый отчёт с ведомостью о десятидневной деятельности с 21 ноября по 1 декабря 1881 г., в котором Кожевников писал о том, «что операции Отделения развиваются нормальным путём, указывающим, что не в далёком будущем оно займёт не последнее место в ряду прочих Отделений Государственного банка, в особенности же при расширении круга активных операций» [2, л. 32].

Однако после открытия Минское отделение сталкивалось и с определёнными трудностями, которые решались во взаимодействии с Госбанком.

В одном из изданий о Минске упоминается, что Минское отделение Госбанка находилось по адресу: ул. Подгорная, д. № 12 [3, с. 273]. Видимо, этот дом стал местом расположения Отделения не сразу. В письме от 3 декабря 1881 г. управляющему Госбанка А. Кожевников «покорнейше просит о выдаче добавочных 500 руб., ассигнованных на первоначальное обзаведение Минского отделения» [2, л. 33]. Из письма также становится известно, что ранее на эту цель уже было выделено Госбанком 1500 руб., но в силу определённых обстоятельств выделенных денег оказалось недостаточно. Дополнительные деньги управляющий Минским отделением просит «ввиду скорого перемещения Отделения из временной квартиры в дом Каплана», который планируется обустроить для дальнейшей деятельности Отделения. В письме упоминается о пожаре, произошедшем в черте города, который повысил цены

на строительный материал и рабочие руки более чем в два раза. Пожар заставил Кожевникова пойти на дополнительные расходы для безопасности работы во временном помещении. К примеру, были куплены сундуки для хранения капитала. «Испрашиваемая мною сумма в 500 руб. необходима на обстановку присутствия, на покупку зеркала и портрета Государя Императора, на проведение звонка от кладовой в комнату караула, на покупку образов, на молебен господень здания и на завтрак для представителей администрации и города, которые приедут на открытие» [2, л. 33]. Дом купца Абрама Каплана, в который Минское отделение планировало переезд из временной квартиры, находился на улице Кайдановской [2, л. 37].

С целью выделения охраны для кладовой банка из Минского отделения 15 декабря 1881 г. в Управление Минского уездного воинского начальника была отправлена депеша, в которой на основании Высочайше утверждённого 3 января 1862 г. Устава банковских Контор и Отделений руководство Отделения попросило «Управление сделать распоряжение о назначении для охраны кладовой военного караула из 3 рядовых и одного ефрейтора» [2, л. 36]. Военный караул был обязан охранять внутренний пост при «Кладовой Отделения для охранения принадлежащих ему капитала и ценностей». Входить в кладовую имел «право управляющий в сопровождении контролёра и кассира» [2, л. 37]. Для кладовой также имелось два слепка печатей, которыми ежедневно опечатывалась её дверь. Одна печать хранилась у начальника караула, а вторая в Отделении [2, л. 37, 38]. Экземпляр слепков печатей Минское отделение получило 3 января 1882 г. от Минского уездного воинского начальника [2, л. 39]. Им же были выполнены из чёрного сургуча печати с индивидуальными отличиями для управляющего, контролёра и кассира [2, л. 41].

В Минском отделении к охране кладовой с капиталом относились весьма серьёзно. Подтверждением тому служит уход в отпуск 18 марта 1882 г. контролёра Гутьера. На время его отсутствия должность контролёра было поручено занять бухгалтеру Кржижановскому, в связи с чем Минским уездным воинским начальником были заменены слепки печатей для двери кладовой Отделения [2, л. 45, 46]. После возвращения Гутьера из отпуска 19 апреля 1882 г. старые слепки печатей были затребованы у Минского уездного военного начальника назад [2, л. 47].

Подобные действия были предприняты и во время ухода в отпуск управляющего Отделением А. Кожевникова с той лишь разницей, что информации о его замене в период отсутствия не отмечено. Период отпуска управляющего Отделением продлился 15–16 дней [2, л. 50, 53].

Взаимоотношения по финансовым вопросам между руководством Минским отделением и Госбанком складывались прямолинейно. В письме от 12 июня 1882 г. Кожевников обращается с прошением в Госбанк, в котором, подбивая расходы на первоначальное обустройство Отделения, предлагает возместить ему 143 руб, потраченные на данную цель сверх выделенной Госбанком суммы из его личных средств. Управляющий Отделения желал предоставить и оправдательный документ о приобретённом на эти деньги имуществе [2, л. 56].

В следующем обращении, 31 июля 1882 г., основываясь на правилах делопроизводства, утверждённых для Контор и Отделений, Кожевников попросил Госбанк изготовить два железных шкафа для хранения ценных бумаг в кладовой Отделения. Деревянные шкафы Отделения для этой цели явно не подходили, а изготовить железные шкафы в Минске не представлялось возможным. К тому же необходимые шкафы было задумано изготовить по определённым чертежам с учётом планировки кладовой Отделения [2, л. 58]. В данной ситуации дело решалось по букве закона и чиновникам из Госбанка было сложно ответить отказом.

13 января 1883 г. Госбанк уведомил Минское отделение о том, «что просимые Отделением два железных шкафа заказаны заводчику Сан Галли, согласно означенному рисунку, и будут им же доставлены в г. Минск». Шкаф имел высоту от 3 аршин 4 вершков до 3 арш. 5 верш. Ширина шкафа составляла 2 арш. 12 верш.; глубина – 12 вершков. Внутренняя часть шкафа была обустроена полками, расстояние между которыми составляло 7 верш. Состоял шкаф из двух надпольных частей – верхней и нижней, в которых соответственно было 3 и 2 полки. Каждая часть шкафа имела двустворчатую дверь, замыкающуюся 2-мя внутренними замками [2, л. 63].

Таким образом, документы НИАБ позволяют детально проследить мероприятия по окрытию отделения Госбанка в губернском городе на примере Минска (формирование капитала и кадрового состава банковских служащих, объявление в газете о начале операций, обеспечение банка охраной и железными сейфами).

1. Лиходедов, В. История Минского отделения Государственного банка / В. Лиходедов // Банкаўскі веснік. – 2009. – № 5. – С. 62–64.

2. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 1.

3. Шибеко, З. В. Минск: страницы жизни дореволюционного города / З. В. Шибеко, С. Ф. Шибеко. – Минск : Полымя, 1990. – 352 с.

Бувич Т.В.
ПУБЛИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ
НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ,
ПРОИЗВЕДЕННОЙ 28 ЯНВАРЯ 1897 г.:
ПЕРИОД ИЗДАНИЯ, ТЕМАТИКА И КОЛИЧЕСТВО ТОМОВ

Ключевые слова: Первая всеобщая перепись, 1897 г., Российская империя, регионы, статистические данные.

Для определения путей наиболее оптимального развития государства необходимо владеть информацией о количественном и качественном составе его граждан. С этой целью регулярно проводятся переписи населения, в ходе которых на основе различных признаков собирают сведения о конкретном лице (гражданине государства). Анализ этих сведений дает возможность получить картину социально-экономического развития государства в целом. В результате становится возможным оценка демографической и социально-экономической, культурной и др. ситуации в стране, прогнозирование ее развития, проведения реформ и т.п.

Первая и единственная перепись населения в Российской империи была проведена 28 января 1897 г. Проводилась она на основе «Положения о первой всеобщей переписи населения Российской Империи» (далее – перепись), утвержденного 5 июня 1895 г. императором Николаем II.

Целью переписи было установление численности, состава населения Российской империи и распределение его по территории страны, определение уровня жизни и социального положения граждан. Для проведения переписи в 1896–1898 гг. из казны в распоряжение Министерства внутренних дел были выделены финансовые средства в размере 3 916 695 руб [1, с. 2–3].

К моменту проведения переписи территория империи делилась на следующие крупные регионы:

Европейская часть, которая включала Область Войска Донского и 50 губерний, а именно: Архангельская, Астраханская, Бессарабская, Виленская, Витебская, Владимирская, Вологодская, Волынская, Воронежская, Вятская, Гродненская, Екатеринославская, Казанская, Калужская, Киевская, Ковенская, Костромская,

Курляндская, Курская, Лифляндская, Минская, Могилёвская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская, Полтавская, Псковская, Рязанская, Самарская, Санкт-Петербургская, Саратовская, Симбирская, Смоленская, Таврическая, Тамбовская, Тверская, Тульская, Уфимская, Харьковская, Херсонская, Холмская, Черниговская, Эстляндская, Ярославская; Княжество (Великое Княжество) Финское; Привислянская губерния (Царство Польское), которая была разделена на 10 губерний: Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Сувальская; Сибирь, в составе которой имелось 4 губернии (Енисейская, Иркутская, Тобольская, Томская) и 6 областей (Амурская, Забайкальская, Камчатская, Приморская, Сахалинская, Якутская); Кавказ, где выделялись 7 губерний (Бакинская, Елизаветпольская (Елисаветпольская), Кутаисская, Ставропольская, Тифлисская, Черноморская, Эриванская), 5 областей (Батумская, Дагестанская, Карсская, Кубанская, Терская) и 2 округа (Сухумский и Закатальский); Средняя Азия охватывала 9 областей (Акмолинская, Закаспийская, Самаркандская, Семипалатинская, Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Тургайская, Уральская, Ферганская).

На территории Финляндии (Великое Княжество Финское) полноценная перепись в 1897 г. не проводилась [4, с. III.]. Была собрана информация только о русских, проживавших в данном регионе.

Обработка результатов проводилась Центральным статистическим комитетом, которому материалы были переданы уже в 1897 г.

Публикация итогов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. проходила в 1897–1906 гг. Макет изданий готовило Министерство внутренних дел под редакцией Николая Александровича Тройницкого (годы жизни 1842–1913 гг.). С 1897 г. он работал председателем Центрального статистического комитета при Министерстве внутренних дел. Принимал участие в подготовке и проведении переписи.

Уже в 1897–1998 гг. стало осуществляться издание отдельных сводных тематических таблиц по империи в целом, составленных по результатам переписи. Но основная их масса увидела свет в XX в. [2; 3].

В то же время в 1899–1905 гг. активно осуществлялась публикация сводных изданий по крупным регионам. Всего вышло 119 региональных изданий (отдельных единиц/тетрадей), часть из которых объединена в тома. Эта особенность характерна только для публикации региональных итогов переписи. Поэтому в литературе часто пишут об издании 89 томов результатах переписи. Если проводить параллели с общепринятым дроблением изданий, то тетради можно сравнить с томами. Но, по всей видимости, в виду использования термина «том» в названии регионального свода, его отдельные части были названы «тетрадями». Чтобы читатель понимал, что издание тома окончено, в конечной части (в последней тетради тома) делали пометку «(последняя)».

Что касается сводных изданий итогов переписи по империи в целом, то они «тетрадей» не имели, разделение на тома в них происходило по общим правилам.

Выпуски региональных томов (отдельных тетрадей томов) шли не в строгом порядке возрастания номеров, что позволяет говорить о том, что, во-первых, схема нумерации региональных изданий была разработана заранее; и, во-вторых, что дата выхода публикации, вероятнее всего, была обусловлена завершенностью обработки информации по тому или иному региону (теме/таблице). Поэтому, например, для Витебской губернии (имевшей 3 тетради), издание частей тома № 5 происходило в следующей последовательности: в 1899 г. вышла тетрадь 1, в 1901 г. – тетрадь 2 и в 1903 г. – тетрадь 3 (последняя).

Динамика выпуска региональных изданий была следующей. В 1899 г. выпустили полностью или частично (тетради) 8-ми региональных томов (тома №№ 1, 2, 5, 27, 72,

76, 77). Это были тома, касающиеся Архангельской, Витебской, Олонецкой губерний, Острова Сахалин и Амурской, Приморской областей. В 1899 г. увидело свет еще 8 изданий (как однотомных, так и частей томов (тетрадей)); в 1900 г. – следующие 6 изданий; в 1901 г. – очередные 10 изданий, в 1902 г. – выпущено одно издание, 1903 г. – опубликовано 13 изданий, в 1904 г. – 58 изданий и в 1905 г. увидели свет последние 23 региональные издания.

В итоге, по одной тетради было издано для 67-ми регионов, по две – для 24-х регионов, по три – для 18-ти регионов. Для 4-х регионов вышли в одном томе издания для губернии и для его крупнейшего города. При этом по этим городам тетради тома выходили раньше, чем состоялся выпуск по губернии.

Интересен тот факт, что ряд региональных изданий, например, том № 37 о Санкт-Петербургской губернии включал часть, посвященную самой губернии, и две части, посвященные г. Санкт-Петербург. При этом при публикации частей о городе было указано дробление на тетради, а в выпуске по самой губернии нигде не отмечено, что перед ним уже осуществлен выпуск двух тетрадей о г. Санкт-Петербурге. Такая ситуация сложилась для Московской губернии с г. Москва (том № 24), Херсонской губернии с г. Одесса (том № 47) и для Варшавской губернии с г. Варшава (том № 51).

Каждый том включал предисловие, краткий обзор цифровых данных по каждой губернии и основной статистический материал. Если издавалось несколько тетрадей, то предисловие, краткий обзор цифровых данных по губернии помещались в 1 тетради. Нумерация таблиц при наличии нескольких тетрадей и нумерация листов в продолжающихся изданиях была сквозная и продолжалась от тетради к тетради.

Общий свод по империи вышел в 1905 г. в двух томах с дополнительным переводом переписи на французский язык. В первом томе было размещена информация о территории, общем количестве населения, его плотности и количестве. Последний показатель был разбит на 39 таблиц (в двух томах) по следующим направлениям: общее количество наличного населения из них постоянно проживавшего; распределение по хозяйствам и их составу; численность по полу, возрасту и грамотности; по семейному, сословному положением, по месту рождения, образованию, верованиям, родному языку, по физическим недостаткам, по занятиям. Последний показатель делился на группы: в первую включались те, кто непосредственно работал (имел «самостоятельные занятия»), во вторую – те, кто принадлежит к семье работающего, но сам не занимается трудовой деятельностью.

Таблицы представляют собой несколько комбинаций перечисленных признаков. Например, таблицы III а и III б назвались «Численность населения по полу, десятилетиям возрастных группам и грамотности» и «Распределение населения по полу, возрасту (по годам) и грамотности», таблицы IX а и IX б именовались «Распределение населения по грамотности, образованию, сословным и возрастным группам» и т.п. Иными словами, своды представляли собой различные варианты обобщения таблиц, представленных в региональных изданиях.

Параллельно с региональными изданиями и сводами их таблиц по всей империи в 1897–1905 гг. состоялась публикация нескольких сводных тематических таблиц, по которым можно отследить своды по крупным регионам с последующей детализацией по более мелким административно-территориальным единицам. Особенности их было то, что в их таблицах сохранялись названия статистических таблиц и их нумерация, заложенная в региональных изданиях.

Самыми первыми стали выпускать сведения о «наличном населении», т.е. о количестве жителей (в разрезе тех или иных критериев). Всего вышло 8-мь таким сводных тематических изданий, которые условно иногда именуются выпусками ([Вып.]): 1. Население городов по переписи 28-го января 1897 г.: по уездам (1897 г.); 2.

Население городов по переписи 28-го 1897 г. (1897 г.); 3. Население городов С.-Петербурга, Москвы, Варшавы и Одессы по переписи 28-го января 1897 г. (1898 г.); 4. Окончательно установленное при разработке переписи наличное население Империи по уездам (1906 г.); 5. Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов (1905 г.); 6. Наличное население обоего пола по уездам и городам, с указанием преобладающих вероисповеданий и главнейших сословий (1905 г.); 7. Наличное население обоего пола по уездам с указанием числа лиц преобладающих родных языков; 8. Процентное распределение наличного населения империи обоего пола по группам занятий, показанных при переписи главными, как доставляющие главнейшие средства существования (1905 г.).

Также были составлены 8 сводных тематических выпусков, один из которых вышел в 4-х томах и еще один – в 2-х томах, дополнявшие ранее изданные о количестве населения, но имевшие своей целью отражение состояния определенной области жизнедеятельности государства: 1. Распределение населения империи по главным вероисповеданиям (1901 г.); 2. Распределение населенных мест Российской империи по численности в них населения (1902 г.); 3. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям: краткие общие сведения по империи (1905 г.); 4. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам в 4-х томах (1905 г.); 5. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий по месту рождения на основании данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. (1905 г.); 6. Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий, по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. (1905 г.); 7. Города и поселения в уездах, имеющих 2 000 и более жителей (1905 г.); 8. Численность и состав рабочих в России на основании данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в 2-х томах (1906 г.).

После 1905 г. стали издавать отдельные тематические выпуски по регионам, которые выходили в качестве монографий или авторских изданий. Но их издавали авторы или учреждения, независимо от Министерства внутренних дел.

Таким образом, за 1987–1906 гг. Министерством внутренних дел Российской империи было издано 89 региональных томов, в составе которых имеется 119 тетрадей; общий свод данных в 2-х томах, в которых обобщена информация региональных томов по империи в целом; и дополнительно 8 выпусков со сводными данными о количестве населения в разрезе критериев, разработанных для переписи, и 8 выпусков (12 томов) со сводными сведениями о состоянии определенной сферы жизнедеятельности империи, сведения о которой собирались в ходе переписи. Общее число изданий (выпусков) составило 141 книжную публикацию (том/тетрадь), которые были объединены в 106 регионально-тематических или сводно-тематических изданий.

1. Высочайше утвержденное 5-го июня 1895 года Положение о первой всеобщей переписи населения Российской империи. – Санкт-Петербург : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1895. – 18 с.

2. Коллекция первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина». – URL: <https://www.prilib.ru/collections/1330124> (дата обращения: 20.03.2025).

3. Национальная электронная библиотека: федеральная государственная информационная система, создаваемая Министерством культуры Российской Федерации при участии крупнейших библиотек, музеев, архивов, издателей и других правообладателей. – URL: <https://rusneb.ru/about/> (дата обращения: 20.03.2025).

4. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года // Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 2 т. / под редакцией Н. А. Тройницкого. – Санкт-Петербург : Паровая типо-литография Н. Л. Ныркина, 1905. – Т. 1. – XXI, 268 с.

Алешкевич Н.Д.
**ВСЕПОДДАННЕЙШИЕ ОТЧЕТЫ СЕНАТОРСКИХ РЕВИЗИЙ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОКРАИННОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Ключевые слова: сенаторская ревизия, всеподданнейший отчет, окраины, Российская империя, конец XIX в., национальная политика.

Институт сенаторских ревизий был учрежден Петром I в 1722 г. «для рассмотрения всяких дел в губерниях и провинциях, чтобы во всяких делах была правда» [13, с. 46–47]. Впрочем, на протяжении всего XVIII в. случаи их употребления были единичными и только в правление Павла I ревизии закрепляются в качестве периодической практики [2, с. 64], особенно активно применяемой в первой половине XIX в. [1, с. 242–247]. Однако с течением времени ревизионная деятельность сенаторов переосмысливается и претерпевает значительные изменения. Происходит постепенный отход от инспекционных и судебных функций ревизии. Вместе с последними возникает и занимает все более главенствующую роль задача сбора сведений о той или иной проблемной области для принятия различных решений или разработки последующих государственных реформ [12, с. 96; 14, с. 147–148].

Перед империей, входившей в модерную эпоху, вставала масса новых вызовов и задач. Как отмечал И.А. Блинов, один из составителей истории Правительствующего Сената, «государственная и общественная жизни России ушла далеко вперед: те вопросы, которые раньше особенно занимали правительство, частью отодвинулись на задний план, а частью и вовсе утратили практическое значение, но за то выдвинулись новые задачи и новые интересы» [10, с. 180]. Такая переориентировка в воззрениях правительства отразилась в том числе и на порядке назначения и проведения сенаторских ревизий. С 1880-х гг. проведение почти любой ревизии будет сопровождаться созданием особых инструкций, которые существенно расширяли круг полномочий сенаторов, а также спектр затрагиваемых ими вопросов, во много раз превышавших законодательно закрепленную инструкцию 1819 г. [3, с. 100–104; 10, с. 180].

Впрочем, после своего рода «ревизионного бума» в начале 1880-х гг. происходит спад интереса высшей власти к этому институту. Его новый «звездный час» наступает в эпоху потрясений 1905 г. Несмотря на изменившиеся условия государственной деятельности, правительство не нашло возможным обойтись без него [10, с. 186]. Важно отметить, что в этот период большая часть ревизоров была направлена именно на окраины. Новое развитие получили сенаторские задачи и полномочия, все также выражавшиеся в особых инструкциях.

В круг вопросов, обозреваемых ревизорами, попадало все, начиная от состояния местной администрации и существования революционного движения, заканчивая положением заключенных, развитием рыбных промыслов и деятельностью горного надзора. Кроме того, руководители всех ревизуемых инстанций были обязаны предоставлять требуемые сенаторами сведения. Ко всему прочему, ревизоры получили право непосредственно проводить следствие и предавать виновных суду, в том числе и военному [14, с. 169]. Результатом каждой ревизии становился всеподданнейший отчет сенатора, представлявший собой многостраничный труд, содержащий в себе массу различных сведений, относящихся ко всем сторонам жизни обозреваемого региона. Именно полнота информации и ее разнообразие, суммированные на страницах отчетов опытными бюрократами, и представляют особый интерес для нашего рассмотрения.

Первой ревизией, проведенной на имперской окраине, стала ревизия сенатора Н.А. Манасеина. Данная ревизия явилась важным шагом на пути к формированию

новой имперской политики, задачей которой была экономическая, политическая и культурная инкорпорация окраин. В особенности это касалось Остзейских губерний, на протяжении полутора столетий сохранявших особые принципы внутреннего самоуправления.

Спектр вопросов подготовленных различными министерствами для обозрения сенатора был столь широк, что Александр III лично позволил Н.А. Манасеину заниматься разработкой вопросов лишь по мере возможности [9, с. 858]. Результатом деятельности сенатора был всеподданнейший рапорт [см. 8], который во многом стал образцом для последующих ревизий. На страницах отчета параллельно с раскрытием каждого из изученных сенатором вопросов развивается масштабный план реформирования внутреннего устройства и всех сторон жизни Остзейского края. Характерной чертой также является тот факт, что сенатор не ограничивает содержание рапорта изложением добытой в ходе ревизии информации. Для большей наглядности и доказательности своих доводов Н.А. Манасеин постоянно обращается к историческим справкам, предоставляя возможность своим читателям понять глубинные причины сложившегося в крае положения [9, с. 863].

Таким образом, ревизия Манасеина 1882–1883 гг., в том числе и опыт составления подробного отчета об исследованных сторонах жизни окраины вместе с рекомендациями и проектами реформ местных узаконений, установлений и порядков, стали прецедентом, к которому в последствии будут обращаться и другие сенаторы.

Новый всплеск проведения правительством ревизий, в том числе и на окраинах, выпал, как уже было отмечено выше, на начало XX в. Эпоха революционных потрясений побудила правительство вновь, после почти двадцатилетнего перерыва, вернуться к применению этого института. Несмотря на расширившийся круг причин, которые становились катализаторами проведения тех или иных инспекций сенаторов, они полностью сохраняли тот характер, который был приобретен ими в начале 1880-х гг.

Так, весной 1905 г. сенатором А.М. Кузминским была проведена ревизия города Баку и Бакинской губернии, целью которой было исследование причин произошедшего в феврале того же года столкновения армян и местных тюрок-мусульман. При проведении ревизии, сенатор Кузминский во многом опирался на опыт ревизии Манасеина [19, л. 9–10]. Отчет сенатора Кузминского о произведенной ревизии может быть назван эталонным – помимо непосредственного исследования событий столкновений 6–10 февраля 1905 г., сенатором подробнейшим образом были изучены характер и условия существования местного революционного движения, экономическое состояние края (включая экономическое соотношение народностей, рабочий вопрос, горное и нефтяное дело), учебная часть, состояние бакинского городского хозяйства, крестьянское дело и вопросы переселения, судебная часть, состояние губернской администрации и местной полиции [21, л. 2–3 об]. По ходу отчета А.М. Кузминский также вносил предложения и рекомендации по реформированию различных сторон жизни губернии в целях недопущения межэтнических столкновений в будущем. Такими же характерными чертами обладали отчеты того же сенатора Кузминского [17, л. 3–4] и сенатора Е.Ф. Турау [16, л. 3–4], по проведенным осенью 1905 г. в Одессе и Киеве соответственно ревизиям.

Именно с 1905 г. частота, широта и тщательность проведения ревизий стали превращать сенаторские отчеты в ценнейший источник с одной стороны по истории того или иного региона в начале XX в., а с другой – по истории выработки процесса формирования политики центра в отношении различных окраин.

Последующие годы были временем особенно активной работы сенаторов. Так, в 1909–1910 гг. ревизия в Туркестанском крае, ставшая самой масштабной в истории, была проведена сенатором К.К. Паленом. Данные по ревизии и ее выводы были собраны в двадцать книг отчетов, каждый из которых был посвящен отдельному аспекту

жизни среднеазиатских владений империи [11, с. 126]. В этой связи также необходимо упомянуть о ревизиях и, соответственно, отчетах сенаторов Н.М. Рейнке в Кавказском крае (после которой сенатор в том числе предложил программу судебных реформ на Кавказе [15, с. 70–71]) [20, л. 3–4], Д.Б. Нейдгардта в Привислинском крае [18, л. 3–4 об], Н.А. Дедюлина в Киевском и Одесском [6, л. 3–5 об] и А.А. Глищинского в Иркутском и Приамурском военных округах [5, л. 3–5], О.Л. Медема на Сибирской железной дороге, в Омском военном округе и Сибирском казачьем войске [7, л. 3–5], С.С. Манухина на Ленских приисках [4, л. 171].

Отчеты по всем вышеперечисленным ревизиям являются результатом тщательного исследования всевозможных учреждений и инстанций, расследования хода событий, которые часто служили поводами к проведению ревизий. Таким образом, отчеты сенаторских ревизий окраин Российской империи в конце XIX – начале XX вв. можно рассматривать как комплекс источников, который имеет ценность как с точки зрения содержания в себе фактической информации по истории большей части окраин, так и с точки зрения изучения истории выработки и развития правительственного курса по отношению к имперской периферии. Более того, отчеты представляют собой своеобразную призму, через которую крайне ярко просматривается взаимодействие самых различных акторов центр-периферийного взаимодействия на пространствах окраин.

К сожалению, большая часть приведенных отчетов до сих пор мало используется либо вовсе полноценно не была введена в широкий научный оборот. Именно по этой причине, на наш взгляд, важно говорить об этом вопросе. Подход же ко всеподданнейшим отчетам сенаторов как к комплексу представляется полезным для формирования наиболее полноценного представления о работе сенаторов на окраинах.

1. Блинов, И. Губернаторы. Историко-юридический очерк / И. Блинов. – СПб. : типо-лит. К. Л. Пентковского, 1905. – 366 с.
2. Бочкарев, В. Н. Сенаторские ревизии в России при Павле I / В. Н. Бочкарев // Известия Тверского педагогического института. – 1926. – Вып. 1. – С. 64–81.
3. Высочайше утвержденная инструкция сенаторам, назначаемы для обревизования губерний // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗ-I). – Т. 36, № 27722. – 17 марта 1819 г.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 543. Оп. 1. Д. 406.
5. ГАРФ. – Ф. 543. Оп. 1. Д. 403.
6. ГАРФ. – Ф. 543. Оп. 1. Д. 405.
7. ГАРФ. – Ф. 543. Оп. 1. Д. 407т.1
8. ГАРФ. – Ф. 677. Оп. 1. Д. 553, 554, 555.
9. Дмитриева, Н. Д. «К сожалению, не опору, а сопротивление встречает правительство»: сенаторская ревизия прибалтийских губерний / Н. Д. Дмитриева, М. Н. Крот // Quaestio Rossica. – 2019. – Т. 7, № 3. – С. 851–868.
10. История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. : в 5 т. – Т. 4. – СПб., 1911. – 564 с.
11. Махмудова, Н. Б. Историко-источниковедческий обзор отчетов ревизии сенатора К. К. Палена / Н. Б. Махмудова // Метаморфозы истории. – 2019. – № 13. – С. 125–150.
12. Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли / под общ. ред. А. Т. Урушадзе. – Ростов-на-Дону : ЮНЦ РАН, 2020. – 608 с.
13. О члене сенацком, который будет ездить по губерниям // Копии с указов блаженныя и вечнодостойныя памяти его императорского величества Петра Первого, императора и самодержца всероссийского, в 1722 году состоявшихся. А ныне по указу ея императорского величества, государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийской. – СПб. : При Императорской Академии наук, 1737. – 205 с.
14. Паина, Э. С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX – начало XX вв.) / Э. С. Паина // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX в. : сб. ст. / отв. ред. И. Н. Фирсов. – Л. : Ленингр. ун-т, 1967. – С. 147–175.
15. Проект основных положений об устройстве судебной части для горского населения областей Кутаисской, Терской, Карсской, Батумской, Дагестанской и округа Закатальского // Журнал Министерства юстиции. – 1912. – № 2. – С. 70–71.
16. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1392. Оп. 1. Д. 28.
17. РГИА. – Ф. 1536. Оп. 1. Д. 1.
18. РГИА. – Ф. 1334. Оп. 1. Д. 1.
19. РГИА. – Ф. 1405. Оп. 107 Д. 11389.
20. РГИА. – Ф. 1485. Оп. 1. Д. 1.
21. РГИА. – Ф. 1535. Оп. 1. Д. 1.

Ловцов В.А., Лямин С.К.
РОТАЦИОННЫЕ СВЯЗИ АДМИНИСТРАЦИИ
ВИТЕБСКОЙ И ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ (1864–1914 гг.)¹

Ключевые слова: губернатор, вице-губернатор, Витебская губерния, Тамбовская губерния, Северо-Западный край, Центральное Черноземье, Российская империя.

Актуальной проблемой исследования истории чиновничества Российской империи является анализ горизонтальной профессиональной мобильности чиновников. Российская империя состояла из большого количества административно-территориальных единиц с разным правовым положением и статусом в бюрократической иерархии, что оказывало влияние на выбор места службы и индивидуальную карьерную траекторию чиновников.

В контексте кадровой политики министерства внутренних дел Российской империи интересна динамика ротаций губернаторов и вице-губернаторов между административными регионами и отдельными губерниями. Исследования удаленных друг от друга регионов – таких как Северо-Западный край и губернии Черноземного Центра Европейской России, может дать представление о механизмах профессиональной мобильности чиновников, ее траекториях, и сопутствующих социально-профессиональных явлениях: протекционизме и образованию сетевых групп.

В работе В.А. Ловцова и С.К. Лямина рассмотрен факт назначения вице-губернаторов губернаторами в ту же губернию в эпоху П.А. Столыпина, которое не сложилось в регулярную практику [13, с. 875]. В исследовании И.Т. Шатохина проанализированы ротационные связи курских вице-губернаторов с другими губерниями [16, с. 380–381]. В работе А.С. Минакова рассмотрены карьерные связи провинциальной администрации губерний Черноземного Центра с другими губерниями [15].

Ротационные перемещения администраторов между губерниями Европейской России позволяют проанализировать несколько групп источников. К первой группе относятся формулярные списки чиновников, в рамках данного исследования использовались материалы фондов Государственного архива Тамбовской области – фонд №2 «Тамбовское наместническое правление. Тамбовское губернское правление» [2; 3], фонд №4 «Правитель Тамбовского наместничества. Канцелярия Тамбовского губернатора» [4] и фонд № 1048 «Шильдер-Шульднер Н.Ю.» [5; 6; 7]. Формулярные списки, сохранившиеся в провинциальных архивах, как правило не охватывали карьеру чиновника целиком, а заканчивались на службе в данной губернии. Ко второй группе относятся высочайшие приказы о перемещении по службе, опубликованные в газете «Сенатские ведомости» [8; 9; 10; 11]. Они позволили проследить карьерную траекторию чиновника в тех случаях, когда формулярный список или не сохранился, или содержал в себе лакуны. К третьей группе источников относятся адрес-календари [1; 12], позволяющие формировать погодные списки чиновников отдельных губерний для количественных исследований. К четвертой группе относятся мемуарные материалы, которые помогли установить неформальные связи между чиновниками и причины карьерных перемещений. В данном исследовании использованы мемуары тамбовского губернатора Н.П. Муратова [14].

Географические рамки исследования охватили регион Северо-Западного края, в который входили Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская и Могилёвская губернии, и регион Центрального Черноземья, в который входили Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская губернии.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00698 «Кадровая политика министерства внутренних дел Российской империи в отношении губернаторов и вице-губернаторов Европейской России во второй половине XIX – начале XX веков».

Хронологическими рамками исследования стал период с 1864 по 1914 гг., в который было зафиксировано 10 прямых ротаций губернаторов и вице-губернаторов между регионами. Наиболее тесно с Северо-Западным краем были связаны Воронежская и Курская губернии, каждая была задействована в 4 ротациях. В свою очередь, Виленская, Витебская, Ковенская и Могилевская были задействованы каждая в 2 ротациях с Центральным Черноземьем.

Рассмотрим ротационные связи Витебской и Тамбовской губерний. Между Тамбовской и Витебской губерниями зафиксирована одна ротация – тамбовский вице-губернатор В.Н. Токарев 5 июля 1868 г. был переведен на должность витебского губернатора. Неполный формулярный список из Государственного архива Тамбовской области содержит служебную биографию В.Н. Токарева [2, л. 11–16] до 1860 г. Точную дату смены должности удалось установить при помощи газеты «Сенатские ведомости», содержащей приказ об этом назначении [8, с. 235].

Помимо прямых ротационных связей, существовали не прямые карьерные связи. В 1907 г. Н.Ф. Ошанин был назначен витебским вице-губернатором, в 1911 г. продолжил службу полтавским вице-губернатором, а 7 мая 1912 г. занял вакансию тамбовского губернатора. Непрямые ротационные связи демонстрировали совместное перемещение сетевых групп чиновников от одной губернии к другой. Как правило влиятельный и целеустремленный чиновник формировал свое окружение таким образом, чтобы при перемещении на новую должность заместить доступные вакансии собственными кандидатами. Существовал феномен чиновника-спутника, и в рамках связей Витебской и Тамбовской губернии отмечены подобные случаи. В мемуарах Н.П. Муратова можно встретить упоминание О.Г. Шевелы – близкого к губернатору чиновника, знакомство с которым у Н.П. Муратова завязалось как раз во время его службы в Тамбовской губернии. Н.П. Муратов отмечал, что в Тамбов О.Г. Шевела прибыл вместе с новым тамбовским вице-губернатором Н.Ю. Шильдером-Шульднером [14, с. 257].

Личный фонд тамбовского вице-губернатора Н.Ю. Шильднера-Шульднера содержит разнообразные материалы о его служебной и общественно-политической деятельности. Сохранился формулярный список [5], собраны документы о его службе в Тобольске [6] и Витебске [7]. Дело о службе в Витебской губернии содержит в себе набор визитных карточек чиновников, что может дать представление о сетевых связях Н.Ю. Шильдера-Шульднера в рамках губернии.

Формулярные списки позволили установить совместные служебные перемещения этих двух чиновников. Их формулярные списки сохранились в фонде Тамбовского губернского правления, формулярный список О.Г. Шевелы [4, л. 46об.–59] охватил события его карьеры вплоть до службы в Тамбове, формулярный список Н.Ю. Шильдера-Шульднера содержит данные о его карьере до перевода на должность архангельского вице-губернатора [3, л. 4об.–16].

О.Г. Шевела служил в Витебском губернском присутствии в то время, когда туда был в качестве постоянного члена Витебского губернского правления зачислен Н.Ю. Шильдер-Шульднер. Затем Н.Ю. Шильдер-Шульднер был 12 мая 1907 г. назначен екатеринославским вице-губернатором, что отмечено в «Сенатских ведомостях» [9, с. 410], а О.Г. Шевела был переведен 13 августа 1907 г. в ту же губернию. 15 декабря 1908 г. Н.Ю. Шильдер-Шульднер был назначен тамбовским вице-губернатором. 6 апреля 1909 г. О.Г. Шевела был назначен на должность и. д. сверхштатного младшего чиновника особых поручений при тамбовском губернаторе. В «Сенатских ведомостях» отмечено получение О.Г. Шевелой чина коллежского регистратора 9 сентября 1909 г. [10, с. 105]. Н. Ю. Шильдер-Шульднер обнаружил в лице О.Г. Шевелы помощника, а О.Г. Шевела обрел покровителя, который обеспечивал продвижение чиновника-спутника в структуре губернской администрации. Первым назначение получал

Н.Ю. Шильдер-Шульднер, а затем, спустя несколько месяцев, он привлекал к службе в той же губернии О.Г. Шевелу. В дальнейшем дороги Н.Ю. Шильдера-Шульднера и О.Г. Шевелы разошлись. Н.Ю. Шильдер-Шульднер был переведен в Архангельск, а О.Г. Шевела продолжил службу с Н.П. Муратовым в Курске. Таким образом, О.Г. Шевела в лице тамбовского губернатора нашел более влиятельного покровителя, совместная служба с которым могла бы обеспечить его собственный карьерный рост.

О.Г. Шевелу можно обнаружить в аппарате губернской власти в Курской губернии во время губернаторского срока Н.П. Муратова. В адрес-календаре Тамбовской губернии О.Г. Шевела числится как младший чиновник особых поручений в 1912 г. [1, с. 20], в адрес-календаре Курской губернии в 1913 г. он временно исправляющий должность делопроизводителя 2 стола 1 отделения губернского правления [12, с. 66], этой же должности О.Г. Шевела получил чин губернского секретаря 9 сентября 1912 г. [11, с. 709].

Таким образом, представленный комплекс источников (формулярные списки, кадровые приказы, адрес-календари и мемуары) позволил решить задачи по поиску информации, связанной с ротациями губернаторов и вице-губернаторов, а также помог выявить образовавшуюся в Витебске и переместившуюся в Тамбов сетевую группу чиновников. Представленная источниковая база, дополняя друг друга, позволяет подробно анализировать карьерные траектории как отдельных чиновников, так и сетевых групп.

Ротационные связи губернаторов и вице-губернаторов двух достаточно удаленных друг от друга губерний, таких как Витебская и Тамбовская, оказались сравнительно небольшими, это можно сказать и про регионы – Северо-Западный край и Центральное Черноземье. Учитывая опыт кадровой политики Российской империи, это может быть связано с различиями в подходе к служебной деятельности в губерниях регионов, размером губерний, социально-демографическим составом населения и общественно-политической обстановкой. Тем не менее, даже при таком количестве ротаций, связанных с Витебской и Тамбовской губернией, удалось выявить сетевую группу, что подтвердило наличие феномена чиновника-спутника в социально-профессиональной жизни чиновничества Российской империи, и может дать более обширные результаты при более пристальном изучении.

1. Адрес-календарь Тамбовской губернии на 1912 год. – Тамбов : Электро-типография губернского правления. 1912. – 383 с.
2. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). – Ф. 2. Оп. 83. Д. 34. Л. 11–16.
3. ГАТО. – Ф. 2. Оп. 143. Д. 258. Л. 4об.–16.
4. ГАТО. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 6867. Л. 46об.–59.
5. ГАТО. – Ф. 1048. Оп. 1. Д. 8.
6. ГАТО. – Ф. 1048. Оп. 1. Д. 13.
7. ГАТО. – Ф. 1048. Оп. 1. Д. 14.
8. Высочайший приказ по министерству внутренних дел от 12-го июля 1868 года, за № 31-м // Сенатские ведомости. – 1868. – 30 июля (№61). – С. 235.
9. Высочайший приказ по министерству внутренних дел от 12-го мая 1907 года, за № 30-м // Сенатские ведомости. – 1907. – 24 июля (№62). – С. 410.
10. Высочайший приказ по министерству внутренних дел от 29-го ноября 1910 года, за № 80-м // Сенатские ведомости. – 1911. – 18 февраля (№14). – С. 104–105.
11. Высочайший приказ по министерству внутренних дел от 10-го мая 1914 года, за № 28-м. // Сенатские ведомости. – 1914. – 10 октября (№79). – С. 708–710.
12. Курский адрес-календарь, 1913-й год. – Курск: Типолитография губернского правления. 1913. – 459 с.
13. Ловцов, В. А. Значение должности вице-губернатора в кадровой политике министерства П. А. Столыпина (1906–1911 гг.) / В. А. Ловцов, С. К. Лямин // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. – 2024. – Т. 8. – № 3. – С. 866–897.
14. Муратов, Н. П. Записки тамбовского губернатора / Н. П. Муратов. – Тамбов : Пролетарский светоч, 2007. – 436 с.
15. Минаков, А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX в.) / А. С. Минаков. – Орел : Орлик, 2011. – 485 с.
16. Шатохин, И. Т. Курские вице-губернаторы: опыт реконструкции служебной карьеры / И. Т. Шатохин // *Via in tempore. История. Политология*. – 2022. – Т. 49. – № 2. – С. 375–384.

Киселев А.А.
СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НИЖНИХ ЧИНОВ
ГОРОДСКИХ И УЕЗДНЫХ ПОЛИЦЕЙСКИХ УПРАВЛЕНИЙ
БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Ключевые слова: урядники, городовые, стражники, белорусские губернии.

В конце XIX – начале XX в. нижними чинами уездной и городской полиции являлись урядники, стражники и городовые. Основным источником, позволяющим детализировать наши представления об этой категории служащих, являются их послужные списки, ведомости о личном составе.

Состав полицейских урядников в белорусских губерниях можно охарактеризовать на основании ведомостей урядников Виленской (1894) [1], Могилевской (1900) [3] и Гродненской (1903) [2] губерний. К сожалению, по отдельным параметрам сопоставить данные об урядниках этих губерний не получится в силу недостаточной унификации этих источников. В Виленской губернии из 136 (99,3 % от штата) урядников 80 (59 %) имели домашнее образование, 36 (27 %) окончили народное училище, 12 (9 %) – уездное училище, 4 (3 %) – приходское училище, а 2 (1 %) – духовное училище. Один (0,5 %) урядник обучался в военной фельдшерской школе и еще один (0,5 %) – в батальоне военных кантонистов. По вероисповеданию в Виленской губернии 127 (93 %) были православными, 5 (4 %) – католиками, 3 (2 %) – мусульманами и 1 (1 %) оказался старообрядцем. В своей биографии армейского опыта не имели 32 (23,5 %) урядника, то есть большинство до своей полицейской карьеры послужили в русской армии. Сословное происхождение указывали лишь те, кто не получил воинских чинов (32–23,5 %). В результате получилось следующее распределение: 13 (40,6 %) происходили из крестьян, 9 (28 %) – из мещан, 5 (15,6 %) – из дворян, 1 (3,1 %) – сын священника, 1 – из потомственных почетных граждан, 1 – сын коллежского регистратора. В двух случаях сложно точно определить сословную принадлежность, поскольку в одном списке значилось житель, а в другом – сын кандидата [1]. Предположительно, что указавшие в графе воинский нижний чин происходили из низших сословий.

Если возраст урядников Виленской губернии по ведомостям установить невозможно, то средний возраст урядников Могилевской губернии составил 38,2 года, а медианный – 37 лет. Минимальный возраст – 26 лет, а максимальный – 65 лет. Самой распространенной группой оказались урядники в возрасте от 31 до 40 лет – 62 (55,4 %). На втором месте – служащие в возрасте от 41 до 50 лет – 29 чел. (25,8 %), на третьем – от 20 до 30 лет – 15 (13,4 %). По остальным возрастным группам сложилось следующее распределение: от 51 до 60 лет – 4 (3,6 %), от 61 до 70 лет – 2 (1,8 %). По социальному происхождению имеются сведения о 99 (88,4 %) из 112 урядников. Из них большинство происходило из крестьян – 72 (73 %), из мещан – 21 (21 %), из почетных граждан – 4 (4 %), из дворян – 2 (2 %). Большинство нижних чинов (90 – 80,4 %) имели опыт военной службы. К сожалению, в большинстве списков не указывались сведения о месте рождения урядника. Исключением стали данные по 9 (100 %) урядникам Чериковского УПУ, по которым все должностные лица были уроженцами Могилевской губернии, причем 7 из них родились в Чериковском уезде. В 73 (65 %) послужных списках имелась информация об образовании урядника, согласно которой 17 (23 %) урядников ограничились домашним образованием, 38 (52 %) воспитывались в народных училищах, 3 (4 %) обучались в церковно-приходских училищах, 1 – в школе при монастыре. По одному уряднику не смогли осилить полный курс народного и приходского училища. Два урядника не завершили обучение в учительской семинарии. 7 (9,6 %) окончили уездные училища, а урядник Быховского уезда В.В. Козлинский не

доучился в Могилевской гимназии. Один урядник получил образование в школе военных кантонистов, другой – в жандармской окружной школе, а третий урядник в своем списке указал лишь школу полицейских урядников. Еще 10 (13,7 %) урядников помимо полученного ими образовательного ценза прошли через школу урядников [3].

Информация немного иного рода содержалась в послужных списках урядников Гродненской губернии. Если о вероисповедании урядников Могилевской губернии в списки данные не вносились, то в Гродненской губернии таковые сведения имелись. Так, из 159 урядников 156 (98,1 %), т.е. абсолютное большинство, являлись православными, а по одному уряднику исповедовали католичество, лютеранство и ислам. Вместе с тем вполне сопоставимы данные об образовательном уровне нижних чинов. В частности, 100 (63,3 %) урядников ограничились домашним воспитанием, 39 (24,7 %) обучались в народном училище, при этом среди них было 2 урядника, учившихся в школе урядников, 2 (1,3 %) окончили городское училище и уездное училище – 7 (4,4 %), в том числе двое дополнительно прошли обучение в школе урядников, гимназию окончил – 1 (0,6 %), учительскую семинарию – 1 (0,6 %), духовное училище – 2 (1,3 %), фельдшерскую школу – 1 (0,6 %), 5 (3,2 %) урядников имели за плечами лишь школу урядников. Большинство урядников (86 %) ожидаемо прослужили в армии до перехода в полицию, а 22 были приняты на службу урядниками без этого эпизода в их биографии. В случае с урядниками Гродненской губернии сведения о сословном происхождении фрагментарны, поскольку отслужившие нижние чины предпочитали указывать лишь свое воинское звание и только в отдельных записях нижний воинский чин соседствует с социальным происхождением. Можно предположить, что в основном такие урядники были из крестьян и отчасти мещан. В 29 (18,4 %) случаях, где имелась информация о сословном происхождении урядника, получилось следующее распределение: из крестьян – 16 чел. (55,2 %), из мещан – 5 (17,2 %), из однодворцев – 1, из почетных граждан – 2 (6,9 %), столько же было из числа сыновей чиновников (коллежского регистратора и коллежского советника) и, наконец, из дворян – 3 (10,3 %) [2].

К сожалению, данные о составе нижних чинов городских полиций в фондах Национального исторического архива Беларуси отличаются существенной неполнотой. Однако выборочные сведения все же позволяют сформировать некоторое представление о том, кто охранял порядок на городских улицах. В частности, для составления социологического портрета городских полицейских управлений использовались послужные списки 116 (100 %) нижних чинов Брестского ГПУ за 1908 г. В результате анализ показал, что 87 (75 %) нижних чинов являлись уроженцами Гродненской губернии, 3 (2,6 %) городских были выходцами из Минской, Виленской и Ковенской губерний, то есть более трех четвертей всех городских являлись жителями губерний Западного края. Только 9 (7,8 %) городских оказались выходцами из внутренних великорусских губерний империи, а 5 (4,3 %) чинов полицейской команды – из украинских губерний. Интересно, что 9 (7,8 %) стражей порядка родились в губерниях Привислянского края, причем в пяти случаях городские были из Седлецкой губернии. Наконец, по одному городскому происходили из Эстляндской и Бессарабской губерний. По конфессиональной принадлежности состав уличных стражей порядка оказался следующим: 19 (16,4 %) исповедовали католичество, в трех случаях (2,6 %) сведения о вероисповедании отсутствовали, а подавляющее большинство (81 %) являлись православными. Только 8 (6,9 %) городских не имели опыта военной службы, в одном случае сведения о службе отсутствовали, а вот прочие нижние чины управления служили в русской армии. Интересно, что 73 чина (68 %), т.е. более двух третей из них, вернулись со службы в унтер-офицерских званиях. По сословному происхождению большая часть всех городских являлись крестьянами, поскольку всего 6 (5,4 %) указали принадлежность к

мещанству, а в 13 (11,2 %) послужных списках сведения отсутствовали. Средний возраст городских равнялся 35,5 года, а медианный возраст составлял 32 года. Минимальный возраст служителя закона был 20, в максимальный – 68 лет. По возрастным группам распределение оказалось следующим: от 20 до 30 лет – 48 (44,4 %), от 31 до 40 лет – 34 (31,5 %), от 41 до 50 лет – 11 (10,2 %), от 51 до 60 лет – 12 (11,1 %). Только 3 (2,8 %) городских были старше 60 лет [5].

Полученные данные о полицейской команде скорее всего могут считаться типичными. По крайней мере, из 48 (24 % от штата) городских Белостокского ГПУ в 1907 г. по сословному происхождению 8 (16,6 %) городских являлись мещанами, 1 (2,1 %) оказался из дворян. В двух (4,2 %) случаях сведения отсутствовали, а вот остальные нижние чины (77,1 %) указали происхождение из крестьян. 34 (70,8 %) чина белостокской полицейской команды были из числа уроженцев Гродненской губернии, 7 (14,6 %) – происходили из белорусских губерний, причем 6 – из Минской и один из Могилевской губерний; 2 (4,2 %) – из украинских (Подольской и Волынской) губерний, 1 (2,1 %) – из Ковенской губернии. Еще один городской оказался родом из Сувалкской губернии, а его сослуживец – из Шлиссельбурга. В одном случае сведения в послужном списке отсутствовали. В отличие от брестской полицейской команды в Белостоке православные городские находились в меньшинстве – 18 (37,5 %), а вот лица католического вероисповедания составляли явное большинство – 62,5 %. Только 5 (10,4 %) городских не служили в армии, а остальные до своего поступления в полицию имели армейский опыт, причем 23 (53,5 %) выслужили унтер-офицерские звания. Средний возраст городских из Белостока составил 41,2 года, а медианный – 40. Самому молодому городскому исполнилось 30, а пожилому – 65 лет. Личный состав оказался сравнительно возрастным: от 31 до 40 лет – 26 (57,7 %), от 41 до 50 лет – 14 (31,1 %), от 51 до 60 лет – 2 (4,4 %). Старше 60 лет – всего 2 (4,4 %) полицейских служителя [4].

Самой многочисленной категорией нижних полицейских чинов являлись стражники уездной стражи. Для их характеристики используем данные по отдельным отрядам стражников Минской губернии за 1908 г. Так, анализ состава пешей и конной стражи по Пинскому уезду показал, что из имевшихся налицо 96 стражников (92,3 % от списочного состава) 86 (89,6 %) происходили из крестьян, 9 (9,4 %) – из мещан и 1 урядник – из дворян. По месту рождения стражников оказалось, что только 24 (25 %) служащих не были уроженцами Пинского уезда, причем из них вне пределов Минской губернии родилось только 16 (16,7 %) человек: 10 – из Гродненской губернии, 2 – из Виленской губернии, 2 – из Витебской губернии, 1 – из Могилевской губернии и 1 прибыл из Киевской губернии [6, л. 347–354]. По всей видимости, такое представительство не было уникальным, поскольку среди 104 (96,3 % от штатного состава) стражников Бобруйского уезда только 34 (32,7 %) не являлись уроженцами Бобруйского уезда. Из них только 19 (18,3 %) стражников приехали из-за пределов Минской губернии, причем 5 (4,8 %) – из Могилевской, 4 (3,8 %) – из Виленской, 3 – из Вятской, по одному уряднику прибыло из Витебской, Ковенской, Подольской, Харьковской, Саратовской, Пермской и Симбирской губерний. По сословному происхождению только 10 (9,6 %) чинов бобруйской стражи являлись мещанами, прочие же рекрутировались из крестьян [6, л. 308–332].

Показательно, что 977 (96 % от штатного состава) стражников конной и пешей стражи Минской губернии имели военный опыт, в том числе 451 (46,1 %) отслужили в пехоте, 196 (20 %) – в кавалерии, 175 (18 %) – в артиллерии, 130 (13,3 %) – в Отдельном корпусе пограничной стражи, 23 (2,4 %) были ратниками ополчения, а 2 (0,2 %) служили в казачьих частях [6, л. 362–363].

Таким образом, на основании фрагментарных данных по разным категориям нижних чинов полиции можно заключить, что на рубеже XIX–XX вв. «усредненный»

полицейский служитель белорусских губерний имел опыт военной службы, являлся в большинстве случаев местным уроженцем и происходил из крестьян и мещан, имел начальное или домашнее образование. Состав нижних чинов был преимущественно старше 30 лет. По вероисповеданию большая часть были православными, но в составе полицейских присутствовала заметная доля лиц католического вероисповедания, хотя такое представительство было характерно скорее всего для отдельных городов и местностей Гродненской и Виленской губерний.

1. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 378. Оп. 102. Д. 52. Л. 29–39.
2. ЛГИА. – Ф. 378. Оп. 111. Д. 50. Л. 54–98.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1816. Л. 124–173.
4. НИАБ в Гродно. – Ф. 589. Оп. 1. Д. 302. Л. 1–180.
5. НИАБ в Гродно. – Ф. 674. Оп. 3. Д. 1. Л. 2–188.
6. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 8. Д. 7.

Никитина Н.П.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ПРАКТИКЕ НАСЛЕДОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА КРЕСТЬЯНАМИ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XIX–XX вв.)

Ключевые слова: община, крестьяне, наследование, трансформация, надел, русские, латыши.

Вопросы наследования имущества важны для описания социальных и экономических явлений, которые имели место в крестьянской среде в пореформенный период, вместе с тем наблюдение изменений в практике наследования крестьян позволяет увидеть тенденции, связанные с трансформационными процессами в крестьянской общине.

Дореволюционная отечественная историография обращалась к вопросам наследования в крестьянской среде, здесь следует выделить работы В. Мухина [8], С. Пахмана [9]. С точки зрения норм обычного права данная проблема была рассмотрена в трудах П.Н. Зырянова [5], Б.Н. Миронова [6], В.Б. Безгина [1], Т. Шанина [10].

Описывая традиции наследования в среде русского крестьянства, исследователи, как правило, обращаются к нормативно-правовым документам, этнографическим материалам, но вместе с тем документы региональных архивов позволяют раскрыть ряд нюансов, связанных с традицией наследования. Говоря о традиции, следует отметить, что именно она, в соответствии с «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» [7], лежала в основе разрешения спорных вопросов, связанных с наследованием в крестьянской среде. Анализ приговоров сельских сходов, которые сохранились в архивных фондах свидетельствует о том, что на рассмотрение сельского схода подчас выносились споры между наследниками относительно раздела имущества умершего.

Вопрос о наследовании рассматривался в двух плоскостях как наследование недвижимости (земли) и движимого имущества. Надельная земля, а именно вопрос о праве пользования ее после смерти домохозяина являлся наиболее острым для крестьян. В соответствии с положениями 1861 г. надельная земля принадлежала общине, а домохозяину только пользовалось ею между переделами земли, следовательно, после смерти домохозяина до очередного передела члены домохозяйства имели право на пользование наделом. В фондах уездных по крестьянским делам присутствий отложился ряд жалоб крестьян, связанных пользованием надельной землей, в контексте наследования. Любопытным с точки зрения норм обычного и письменного права является дело крестьянки Березовской волости Порховского уезда Хавроньи Ивановой, рассмотренное в 1882 г. Крестьянка после смерти мужа и сына передала сельскому обществу 2 надела земли, так как в силу отсутствия мужских рабочих рук не смогла их обрабатывать, впо-

следствии, она потребовала вернуть ей землю. К сожалению, в материалах дела не была зафиксирована причина, по которой Хавронья Иванова потребовала возвращения земли, можно предположить, что длительное пользование наделами, внесенные выкупные платежи, давали крестьянке уверенность в том, что данная земля является ее собственностью. Сельский сход отказал Ивановой в возвращении наделов. Порховское уездное присутствие поддержало решение схода указав на тот факт, что наделная земля не может наследоваться [2, л. 6–6об.]. Учитывая то обстоятельство, что уже к 1880-м гг. в сельских обществах Псковской губернии практика коренных переделов применялась крайне редко данное обстоятельство формировало у крестьян представление, что наделная земля навсегда закреплена за ними.

Согласно нормам обычного права женщины, вышедшие замуж и покинувшие домохозяйство, не имели права на наследование имущества родной семьи. Кроме того, нормы обычного права требовали раздела движимого имущества между всеми родственниками мужского пола. Однако в рамках такой традиции имелись исключения. Именно они и отразились в приговорах сельских сходов, связанных с вопросами наследования. В частности, сельский сход Борозовского сельского общества Псковской губернии лишил права наследства крестьянина Степана Яковлева за то, «...что он поведения был не благопристойного» [4, л. 2]. Неблагопристойность выражалась в систематическом пьянстве и неповиновении отцу. Сельский сход учел и личную волю покойного: Яков Егоров составил завещание в пользу внуков. Учитывая все эти обстоятельства, сельский сход лишил Степана Яковлева наследства, и избрал двух опекунов, которые должны были заботиться об имуществе малолетних внуков до их совершеннолетия. Подобное решение следует трактовать как стремление крестьянского мира сохранить домохозяйство от разорения.

В Государственном архиве Псковской области частично сохранился фонд Новоржевского нотариуса Игнатия Васильевича Борисенко, в котором представлены проекты завещаний за 1908 г. Следует указать на довольно слабую сохранность фондов нотариата дореволюционного периода, что было связано с распоряжением В.И. Ленина об уничтожении нотариальных архивов, так как именно в них хранилась информация, доказывающая права на владения недвижимостью. Согласно книге проектов духовных завещаний, из 15 обратившихся в данную нотариальную контору клиентов 13 являлись крестьянами: из них 2 – латыши, 11 – русские. Из 11 русских крестьян 9 были мужчинами и 2 женщинами [3]. Несомненно, что количество крестьян, пожелавших юридически оформить вопрос наследования, было невелико, однако текст документов позволяет говорить о формировании определенных тенденций и явлений в новых условиях, которые были связаны с началом столыпинской реформы.

Первым и главным объектом наследования, который указывался в тексте завещания, являлась земля. Нотариальный акт содержал информацию о том, каким образом были приобретены земельные владения. Так, крестьянин Петр Александров Чистяков приобрел землю путем покупки, а Петр Никитин – с торгов. Земля у Григория Терентьева находится в общем владении с 8 крестьянами из трех деревень. Василий Иванов приобрел землю по купчей крепости, но находится она в череполосном владении. Нестор Федоров имел землю в отрезе от деревни. Пелагея Антонова получила землю по купчей крепости от отца. Все это указывает на пути решения крестьянами аграрного вопроса. Количество земли, подлежащей наследованию, тоже разнообразное – от 6 до 59 десятин. В качестве наследства выступало право ловли рыбы в озерах, пользования лесом. Из движимого имущества крестьяне завещали своим наследникам постройки. В числе которых подчас значились мельницы, амбары, здание, находящееся в аренде у земства и используемое в качестве волостной школы. В частности, подобное строение было отражено в завещании Никифора Сергеева, при этом он указал на обременение,

связанное с продолжением арендных отношений с земством [3, л. 11–12]. Крестьянин Федор Семенов помимо движимости и недвижимости завещал наследникам приличные денежные капиталы в сумме 4256 рублей, представленные заемными письмами, складными и кредитными бумагами [3, л. 29–30]. Несомненно, что Федор Семенов занимался ростовщичеством, хотя и был неграмотным человеком, так как в проекте его завещания присутствует запись «за него неграмотного расписался по его личной просьбе крестьянин Спиридонов Иван Иванов» [3, л. 30].

Состав наследников дает определенное представление о семейных отношениях. Количество наследников было различным: от одного до четырех. Интересен факт признания в качестве наследников внебрачных детей, в частности это касалось ранее упомянутого Федора Семенова. Наследниками имущества выступали сыновья и дочери, при этом раздел имущества осуществлялся по-разному. Если в качестве наследника выступал один человек, то в этом случае все достается ему, такая ситуация имела место в 5 случаях из 11. Три завещания предусматривали двух наследников. При этом в одном случае наследство было разделено в равных долях между дочерьми. В двух других распределено между наследниками в разных пропорциях, при этом наследники были из одной гендерной группы (муж.). В случае если наследников было более двух, то наследство между ними распределялось в разных соотношениях. Данный факт свидетельствует об отходе при оформлении духовного завещания от норм обычного права, для которых в 70-е гг. XIX в. было характерно распределение наследства в равных долях между сыновьями и меньшей доли для дочерей.

В духовных завещаниях нормы гражданского права признавали наследство и за дочерьми, живущими в других сельских обществах. Завещания так же предполагали дополнительные требования к наследникам. Например, крестьянин Василий Иванов указал в качестве условия для сыновей обязательную финансовую поддержку матери, т.е. его супруги вплоть до ее смерти. При этом каждый из 3 сыновей должен был ежемесячно выдавать по 2 рубля в месяц, и один – 75 коп. В итоге мать могла рассчитывать на сумму 6 руб. 75 коп. в месяц. Кроме того, все сыновья должны были выделять ежемесячно по 75 коп. на содержание тетки Анны Ивановой. Правда данное условие могло быть отменено, если Анна Иванова заявит свои требования на наделную землю [3, л. 27–28]. Можно предположить, что в свое время Анна Иванова была членом домохозяйства и имела право на часть наделной земли.

Крестьянин Нестор Клементьев по прозвищу Новожилов, оставляя имущество двум сыновьям, оговорил какую долю они должны будут выделить своему брату Василию Нестерову и его жене Анне Сысоевой. Помимо этого, он также зафиксировал требование финансовой поддержки матери в размере 9 рублей в месяц, при этом 2/3 этих трат ложилась на плечи одного из сыновей, который получал большую долю в наследстве [3, л. 17–18]. Стоит отметить, что, следуя нормам обычного права, крестьяне в духовных завещаниях стремятся дать некие финансовые гарантии для родственников женского пола, не отнесенных к категории наследников (матери, дочери, тети). К практике духовных завещаний, оформляемых нотариальным порядком, прибегали не только мужчины, но и женщины. Количество завещаний от имени крестьянок увеличивается в начале XX в., о чем свидетельствуют документы других нотариальных контор. Данное обстоятельство результат изменения роли женщины в общине, в условиях, когда мужчины находились на отхожих промыслах или были призваны на фронт, женщины становились во главе домохозяйства. Духовные завещания дают представление о различиях в семейных традициях русского и латышского населения. Латышские переселенцы проживали довольно компактно в южных уездах Псковской губернии. В имеющихся в нашем распоряжении двух завещаниях латышские крестьяне оставляли свою недвижимость в виде земли и построек в городе Новоржеве своим женам с условием, что после

супруги имущество переходит детям. Из русских крестьян только один Алексей Гаврилов оставил завещание подобного характера.

Таким образом, приговоры сельских сходов и нотариальные документы свидетельствуют о том, что на протяжении второй половины XIX – начала XX в. в крестьянской среде происходит трансформация традиционной культуры. В частности, нормы обычного права вытесняются нормами гражданского. Данный процесс усиливается в ходе столыпинской реформы, когда крестьяне начинают активно оформлять купчие крепости на землю. Со временем уходит в небытие такая норма обычного права, как равное разделение имущества между наследниками. Традиция устных распоряжений относительно наследования сменяется совершением духовных завещаний нотариальным порядком. В то же время общинное землевладение еще сохраняется и традиции вмешательства в вопросы наследования наделного имущества со стороны общины еще сильны, что находит даже закрепление в законодательстве о местном суде от 15 июня 1912 г.

1. Безгин, В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). / В. Б. Безгин. – Москва – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. – 304 с.
2. Государственный архив Псковской области (ГАПО). – Ф. 202. Оп. 3. Д.5 Л. 6–6об.
3. ГАПО. – Ф. 388. Оп. 1. Д. 1
4. ГАПО. – Ф. 78. Оп. 1. Д. 78. Л. 2
5. Зырянов, П. Н. Крестьянская община европейской России, 1907–1914 гг. / П. Н. Зырянов ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – Москва : Наука, 1992. – 256 с.
6. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : Генезис личности, демократ. семьи, гражд. о-ва и правового государства : в 2-х т. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999–2000. – Т. 1. – 547 с.
7. Крестьянская реформа в России 1861 года : сборник законодательных актов : [учеб. пособие для юрид. вузов и фак.] / [сост. и авт. предисл. д-р юрид. наук К. А. Софроненко]. – М. : Госюриздат, 1954. – 500 с.
8. Мухин, В. Ф. Обычный порядок наследования у крестьян : К вопросу об отношении нар. юрид. обычаев к будущему гражд. уложению / В. Ф. Мухин. – СПб. : Ред. комис. по сост. гражд. уложения, 1888. – 333 с.
9. Пахман, С. В. Обычное гражданское право в России : юридические очерки / [соч.] С. В. Пахмана. – СПб. : Тип. 2-го Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1877–1879.
10. Шанин, Т. Русское крестьянское право и наследование имущества / Т. Шанин // Отечественные записки. – 2003. – № 2. – С. 337–347.

Курцова В.М., Капылоў І.Л., Мартысюк В.У.
МОЎНАЯ СПАДЧЫНА БЕЛАРУСАЎ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.
З АСОБНЫХ МАТЭРЫЯЛАЎ АРХІЎНЫХ УСТАНОЎ САНКТ-ПЕЦЯРБУРГА

Ключавыя словы: беларуская моўная спадчына, архіўныя фонды, лексікаграфія, каталагізацыя, лексікалагічнае апісанне.

У Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі пры падтрымцы БРФФД выкананы праект “Моўная спадчына беларусаў XIX – пачатку XX стст. З асобных матэрыялаў архіўных устаноў С.-Пецярбурга», мэтай якога з’яўлялася каталагізацыя і лексікалагічнае апісанне беларускамоўных матэрыялаў з архіваў Санкт-Пецярбурга.

У гісторыі беларускага мовазнаўства перыяд XIX – пачатку XX стст. характарызуецца з’яўленнем новай нацыянальнай літаратуры, фарміраваннем на базе народных гаворак беларускай літаратурнай мовы. Разам з тым з-за адсутнасці на беларускіх землях спецыяльнай навукова-даследчай установы не ажыццяўлялася прафесійнае даследаванне народнай мовы і яе навуковая апрацоўка. Апісанне сістэмы гаворак беларускай мовы праводзілася найперш у рэчышчы расійскага мовазнаўства і дазволіла назапасіць пэўныя веды аб яе структуры і асаблівасцях. Досыць плённым па выніках даследавання беларускай мовы з’яўляецца этнаграфічны этап. Падчас гэтага

этапу ажыццяўлялася збіранне фальклорных і этнаграфічных матэрыялаў, а ў якасці спецыяльных дадаткаў прыводзіліся розныя лексічныя і іншыя лінгвістычныя матэрыялы. Этнаграфічны этап складваўся і развіваўся ў межах рускага і віленскага перыядаў [4, с. 42]. Асэнсаванне яго набыткаў адлюстравана ў першым томе фундаментальнага даследавання Я.Ф. Карскага «Беларусы» (1903–1922).

Вывучэнне лексічнага складу ўсходнеславянскіх гаворак у 1830-я гг. пачала і падтрымлівала Расійская акадэмія навук. Намаганнямі яе лінгвістаў была распрацавана спецыяльная праграма, паводле якой накіроўваліся зацікаўленыя асобы, даследчыкі на збіранне звестак аб мясцовых гаворках. Сабраныя матэрыялы беларускіх гаворак павінны былі скласці асобную частку ў агульным слоўніку “рускіх” слоў. Ідэя складання такога агульнага слоўніка ўсходнеславянскіх моў па многіх канцэптуальных метадалагічных момантах не магла рэалізавацца. Прадстаўнікі тагачаснага расійскага мовазнаўства адмовіліся ад яе. Беларускія лексічныя матэрыялы ў выглядзе падборак слоў, разрозненых лексічных матэрыялаў і ўпарадкаваных лексікаграфічных прац, дасланыя ў Аддзяленне рускай мовы і славеснасці Расійскай акадэміі навук, засталіся здабыткам архіваў розных навуковых устаноў і бібліятэк Расіі [3, с. 7]. Але ў 1840-я гг. Расійская акадэмія навук не адмовілася ад самой ідэі мець асобны слоўнік беларускай мовы. Прапанову скласці такі слоўнік атрымаў С.П. Мікуцкі [1, с. 349]. Нягледзячы на актыўныя высілкі С. Мікуцкі не склаў заказаны слоўнік.

Найбольш важнымі працамі па вывучэнні лексічнага складу беларускіх народных гаворак у сярэдзіне XIX ст. з’яўляюцца слоўнік беларускага “наречія”, спробу складання якога, а таксама падрыхтоўку першай практычнай граматыкі здзейсніў П.М. Шпілеўскі. Нягледзячы на тое, што з моманту падрыхтоўкі гэтых прац прайшло амаль 170 гадоў, навуковыя спробы П. Шпілеўскага па апісанні лексічнага ўзроўню беларускай мовы і створаны ім узор спробнай беларускай граматыкі ў поўным аб’ёме так і не былі надрукаваны. Між тым іх поўная публікацыя як адметных матэрыялаў у гісторыі беларускага мовазнаўства застаецца неабходнай і запатрабаванай. Пры складанні слоўніка П. Шпілеўскі “кіраваўся прынцыпам – уключаць толькі ўласнабеларускія словы, ... таму ў слоўнік не ўвайшлі словы агульнаславянскага і агульнаўсходнеславянскага паходжання” [2, с. 19]. Аўтарам прыводзяцца асобныя прыказкі і прымаўкі: *У яго зь адной губы и горяча и студзено; Свая хатка, якъ рѳдная матка; Старой бабѳ и на печи ухаба (неловко)*. Тлумачэнне слоў даецца шляхам перакладу на рускую мову, пры гэтым рэестравыя словы забяспечваюцца сістэмай граматычных памет: **паты́лица**, с. -цы, затылокъ, зашеекъ; **пакаі́оўка**, с. -ки, горничная, гардеробянка; нитро́хи, нар. нимало, ничуть; **лі́жбавы**, -ая, -ае, пр. численный, счетный. У некаторых слоўнікавых артыкулах даецца апісанне этнаграфічных рэалій: **бўсель**, с. -сла, аистъ. *Это животное находится въ большѳмъ уваженіи у Бѳлорусцевъ, так что они величайшею милостію Божіею считаютъ, если аистъ расположится съ гнѳздомъ своимъ при чѳемъ-нибудь домѳ. По его разнымъ дѳйствіямъ они гадаютъ о счастиі семейства, объ урожаѳ хлѳба и пр. Такъ, напр.[имѳрь] вѳрятъ, что если аистъ, лѳтомъ, сброситъ съ своего гнѳзда яйцо, то это знакъ урожая; т.е. такъ дешево́ будетъ хлѳбъ, что можно будетъ купить довольно хлѳба за яйцо. Если же сброситъ – детѳныша, то это знакъ неурожая, именно – такой будетъ неурожай, что придется продавать дѳтей для того, чтобъ прокормить семейство; если же ничего не сброситъ, то это – знакъ умѳренного урожая. Послѳднее большею частію случается; – второе – неслыханная ужасная рѳдкость.*

Адзіным слоўнікам XIX ст., у якім грунтоўна і найбольш поўна апісана беларуская мова ў яе стане ў 1840–1860-я гг., з’яўляецца фундаментальная лексікаграфічная праца І.І. Насовіча «Словарь белорусского наречія» (1870).

Праца па збіранні матэрыялаў беларускай мовы актыўна працягвалася ў канцы XIX – пачатку XX ст. Найбольш значнымі лексічнымі словазборамі таго часу былі матэрыялы М.Я. Нікіфароўскага, які шмат зрабіў для вывучэння гісторыі беларускага народа. М.Я. Нікіфароўскі склаў слоўнік на матэрыяле гаворак Віцебскага, Полацкага, Дрысенскага (сучасны Верхнядзвінскі), Лепельскага паветаў. Аднак як асобнае выданне праца не была надрукавана, яна заставалася скарбам расійскіх архіваў. У слоўніку М.Я. Нікіфароўскага змешчана вялікая колькасць дыялектнай лексікі, значэнне якой у асноўным тлумачыцца апісальна: **багна**, -ны, – *всякое вообще болото; отдѣльное недоступное мѣсто на болотѣ; въ переносномъ значеніи – трудная жизнь. – Живецъ якъ у багны; гульбишникъ*, -ка, суц. *собственно блины изъ толченнаго отвареннаго картофеля; картофельный супъ съ саломъ, молокомъ и проч.[имъ]; слежикъ*, -ка, суц. *каждый изъ четырехъ столбовъ, на которыхъ поставлена печь. Разстояние между столбами въ сторону избы ошивается досками, – что называется поднѣчка или поднечикъ, служащий для зимняго помѣщенія куръ.*

Да найбольш вядомых, але невялікіх прац пачатку XX ст. належыць «Белорусский словарь» С.І. Мядзведскага. Гэта рэгіянальны па прызначэнні словазбор, які ўключаў лексіку гаворак Віцебшчыны, таму ён найбольш каштоўны для беларускай нацыянальнай дыялекталогіі як крыніца па адлюстраванні мясцовых лексічных сродкаў. Слоўнік не быў надрукаваны. У слоўніку С. Мядзведскага змешчана 1658 слоўнікавых артыкулаў. Рэестр слоўніка ўключае не толькі агульную лексіку, але і асабовыя імёны людзей. Як правіла, у рэестравай частцы прыводзяцца размоўныя варыянты імёнаў, а пры іх даюцца поўныя традыцыйна-царкоўныя формы: **Аніська** – Онисимъ; **Гапўля** – Агафія; **Алигòрь** – Георгій. У слоўніку прыводзяцца таксама мнагазначныя словы і амонімы: **вѣроя** – 1) *перелетныя птицы, возвращающіяся весной изъ-за моря. Вѣроей* назыв., *собственно, одна какая либо изъ этихъ птицъ, видѣнная человекомъ первый разъ весной*; 2) *вообще, всякое удивительное событие, видѣнное первый разъ. Въ общемъ – оригинальность. Перавага аддаецца апісальнаму спосабу тлумачэння слоў: бѣгунòкъ – легкий сухой песочекъ, скользящій между пальцевъ рукъ; валѣ, валюшко* – *зобъ у куръ, куда они опускаютъ только что проглоченную пищу; водрикъ* – *накожная болѣзнь, заключающаяся въ томъ, что тѣло покрывается струпьями, похожими на большія скѣлки. Есть два вида: простой и конскій. Последний представляетъ изъ себя крупныя нарывы, растачивающіе глубоко тѣло.* Слоўнік змяшчае цікавую, каштоўную інфармацыю пра святы, абрады, звычаі беларусаў: **Вòсиньскіе дзяды** – *дѣнь поминовения усопшихъ, бываемый въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Дмитріевскую субботу. Знаменитый день бѣлорусса. Въ этотъ день они съ особымъ торжествомъ готовятъ ужинъ: пекутъ блины, жарятъ сало, варятъ мясо; берутъ водку и вечеромъ, умывшись в банѣ, садятся ужинать. Самое торжественное и священное время въ этотъ день, это – ужинъ. Заужиномъ, передъ каждымъ новымъ блюдомъ, выпиваютъ по чарцѣ горѣлки и поминаютъ усопшихъ словами: «святѣя родители, ходитѣ вячерать». По обычаю бѣлоруссовъ «на дяды» должно быть 12 «потравъ» (кушаний); передъ каждой «потравой» семья выпиваетъ по рюмкѣ водки, поминая «дядовъ». После ужина на конецъ стола кладутъ кусокъ мыла, полотенце и ставятъ «кварту» (кружку) воды. Кромѣ того, на столѣ оставляютъ весь недоѣденный ужинъ со всѣмъ приборомъ и полную рюмку водки. Все это дѣлається съ полной вѣрой въ то, что пришедшіе ночью «дяды» будутъ ужинать, предварительно умывшись водой съ мылом и утершись чистымъ полотенцемъ.*

Не былі своечасова апрацаваны і надрукаваны на час стварэння лексічных словазборы А.К. Сержпудоўскага, якія цалкам пакуль яшчэ ўсе не адшуканы.

Акрамя пералічаных вышэй навуковых матэрыялаў у архівах за межамі Беларусі знаходзяцца таксама іншыя невялікія лексічныя падборкі слоў.

Сёння многія беларускія архіўныя дакументы застаюцца недаступнымі ці маладаступнымі па шматлікіх прычынах, у тым ліку і з-за адсутнасці адпаведных рэгулявальных дзяржаўных актаў, якія б дазвалялі доступ, працу з архіўнымі крыніцамі найперш у навуковых мэтах. З-за працягласці тэрміну іх захавання многія лінгвістычныя архіўныя адзінкі могуць быць незваротна страчаны.

У выніку выканання праекта быў актуалізаваны лінгвістычны спіс архіўных матэрыялаў, сабраных на тэрыторыі Беларусі і дасланных у Імператарскую Расійскую акадэмію навук у другой палове XIX – пачатку XX ст. Устаноўлена, што агульная колькасць беларускіх архіўных матэрыялаў складае 41 адзінку захоўвання. З іх у Санкт-Пецярбургскім філіяле архіва Расійскай акадэміі навук і Навуковым архіве Рускага геаграфічнага таварыства знаходзіцца 35 адзінак (20 і 15 адзінак захоўвання адпаведна), у іншых сховішчах – 6 (5 – НИОР БАН і 1 – РО ИРЛИ РАН). Упершыню ў гісторыі беларускага мовазнаўства апрацаваны 12 архіўных рукапісных адзінак захоўвання у двух варыянтах – як архіўная крыніца і як адаптаваныя да сучасных графічных і нарматыўных правілаў – архіўныя слоўнікавыя і іншыя лінгвістычныя матэрыялы А.К. Сержпутоўскага (3 адзінкі захоўвання), М.Я. Нікіфароўскага (1 адзінка захоўвання), С.І. Мядзведскага (1 адзінка захоўвання), П.М. Шпілеўскага (7 адзінак захоўвання). Былі сістэматызаны ў форме слоўнікаў апрацаваныя архіўныя рукапісныя моўныя матэрыялы: А.К. Сержпутоўскі: «Кароткі [беларуска-расійскі] слоўнік», [З рабочай картатэкі да «Словаря детского языка белорусов»], праведзена выбарка слоў, уключаных у «Беларуска-расійскі слоўнік» М. Байкова і С. Некрашэвіча, (1925/1926) з «Кароткага беларуска-расійскага/рускага слоўнічка»; матэрыялы М.Я. Нікіфароўскага: [«Слоўнічак для П. Шэйна. Другая рэдакцыя»]; матэрыялы П.М. Шпілеўскага: 1) «Слоўнік беларускай мовы» («Словарь белорусского наречия») і наступныя дадаткі да яго: «Параўнанне мер і манет беларускіх і рускіх» («Сравнение мер и монет белорусских и русских»); «Спіс беларускіх міфалагічных багоў» («Список белорусских мифологических богов»); «Спіс мужчынскіх і жаночых імёнаў, не падобных на імёны ў рускай мове» (Список имён мужских и женских, несходных с именами русского языка); «Кароткая граматыка беларускай мовы» («Краткая грамматика белорусского наречия»); «Зацемкі беларусца пра беларускую мову» («Заметки белорусца о белорусском языке»); Дадатак І. «Рукопись г. Древлянского». Упершыню ў беларускім мовазнаўстве зроблены лексікалагічны каментарый да словазбораў А.К. Сержпутоўскага, М.Я. Нікіфароўскага, С.І. Мядзведскага, П.М. Шпілеўскага з вызначэннем функцыянальнага лексічнага статусу – наяўнасць / адсутнасць – зарэгістраваных абазначальных сродкаў у сучасных нацыянальных лексікаграфічных крыніцах і выяўлены аб’ём іх семантыкі.

Праведзены аналіз дазволіў ахарактарызаваць лексічныя сродкі розных архіўных крыніц і ўстанавіць, што пераважная большасць слоў мае трывалыя лексіка-семантычныя сувязі з лексічным складам сучаснай беларускай нацыянальнай мовы, са сродкамі, якія функцыянуюць у ёй як нарматыўныя, частка слоў належыць да вузкарэгіянальных, вядомых толькі ў асобных беларускіх гаворках або зусім страчаных; асобныя абазначальныя сродкі падтрымліваюць семантычныя сувязі са старабеларускай мовай. Частка слоў – гэта запазычаныя лексемы. Асноўнымі донарамі запазычанняў з’яўляюцца польская мова ці яе пасрэдніцтва і руская. Іншамоўная лексіка адносіцца пераважна да сацыяльна-побытавай сферы, але фіксуецца таксама абазначальныя сродкі з сацыяльна-эканамічнай, сацыяльна-палітычнай галіны. Наяўнасць запазычанняў у лексічнай сістэме абумоўлівалася выключна патрэбамі намінацыі, неабходнасцю дыферэнцыяваць розныя паняцці, інакш кажучы, рэгулявалася самой моўнай сістэмай.

Супастаўленне зафіксаваных сродкаў са словамі сучасных лексікаграфічных крыніц паказала, што пэўная частка іх зведала разнастайныя структурна-семантычныя трансфармацыі. Узніклі ці развіліся новыя значэнні або адбыліся структурныя змяненні слоў. Змяненні структурна-семантычнага характару назіраліся ва ўласнабеларускай лексіцы, яны праходзілі за кошт пашырэння ці ўдакладнення семантычнага аб'ёму. Іншамоўныя лексемы на беларускай глебе зведалі структурную трансфармацыю, якая часам сур'ёзна скажала лексічнае аблічча запазычанняў.

Здзейснены першасны аналіз абазначальных сродкаў паказаў, што ў лексіцы беларускай мовы сярэдзіны XIX – пачатку XX ст. адбываліся складаныя, але натуральныя працэсы, накіраваныя на развіццё структурна-семантычнага ладу беларускай нацыянальнай мовы, на станаўленне яе нарматыўнага лексікону, які адпавядаў патрэбам самой моўнай сістэмы.

Вынікі рэалізацыі праекта як канцэптуальна-тэарэтычныя, так і практычныя, паспрыяюць больш пільным адносінам да нацыянальнай архіўнай лінгвістычнай спадчыны, будуць садзейнічаць яе вяртанню. Такім чынам, праведзенае навуковае даследаванне будзе стымуляваць разгортванне працы ў гэтым даследчым кірунку.

Увядзенне ў навуковы ўжытак рэгіянальных лексікаграфічных напрацовак ці асобных лексічных апісанняў асаблівасцей беларускай мовы як архіўных дакументаў з 1840-х гг. да пачатку XX ст. дазволіць беларускім моваведам і грамадскасці ўбачыць не толькі, як ішло вывучэнне новай літаратурнай мовы на этапе яе фарміравання, што рабілася дзеля гэтага, але і атрымаць новыя звесткі аб рэгіянальнай спецыфіцы беларускай нацыянальнай мовы, арэальнай лакалізацыі лексічных сродкаў і іх структурна-семантычным развіццём.

Вынікі навукова-даследчай працы будуць выкарыстаны ў такіх сферах фундаментальнай навукі, як дыялекталогія, арэалогія, славянскія мовы, дыялектная лексікаграфія і лексікалогія, а таксама ў адукацыйным працэсе ў вышэйшай школе пры чытанні спецыяльных курсаў па дыялекталогіі, лексікаграфіі, лексікалогіі, лінгвакразнаўстве, канцэпталогіі, археаграфіі і іншых дысцыплін, пры падрыхтоўцы навукова-папулярных лекцый для адукацыйных пляцовак і СМІ. Лексічныя матэрыялы, апрацаваныя падчас ажыццяўлення даследавання, будуць уключаны ў электронную базу зводнага слоўніка беларускіх народных гаворак, выкарыстаны для новага тлумачальнага слоўніка беларускай мовы, папоўняць беларускі дыялектны лексікаграфічны фонд, могуць быць запатрабаваны ў сферы турызму.

Спіс скарачэнняў

НИОР БАН – Научно-исследовательский отдел рукописей библиотеки Российской академии наук / Навукова-даследчы аддзел рукапісаў бібліятэкі Расійскай акадэміі навук.

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук / Рукапісны аддзел Інстытута рускай літаратуры Расійскай акадэміі навук.

1. Гуліцкі, М. Ф. Мікуцкі Станіслаў Паўлавіч / М. Ф. Гуліцкі // Беларуская мова : энцыклапедыя / Беларус. Энцыкл. ; пад рэд. А. Я. Міхневіча ; рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1994. – С. 349.

2. Гуліцкі, М. Ф. Нарысы гісторыі беларускай лексікаграфіі (XIX – пачатак XX стст.) / М. Ф. Гуліцкі. – Мінск : Вышэйш. шк., 1978. – 120 с.

3. Гуліцкі, М. Ф. Рукапісныя матэрыялы для слоўніка беларускай дыялектнай мовы / М. Ф. Гуліцкі // 3 народнага слоўніка : зб. арт. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа ; рэд. А. А. Крывіцкі, Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – С. 7–14.

4. Крывіцкі, А. А. Дыялекталогія беларускай мовы : дапам. // А. А. Крывіцкі. – Мінск : Вышэйш. шк., 2003. – 293 с.

Кривицкий М.А.
АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ
НЕОПРОТЕСТАНТИЗМА В БЕЛАРУСИ: ШТРИХИ К СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Ключевые слова: архивы, систематизация источников, делопроизводственная документация, неопротестантизм, баптизм, евангельское христианство, адвентизм.

В последней четверти XIX – начале XX в. на белорусских землях появляются т. н. неопротестантские деноминации: баптизм и родственное ему евангельское христианство, адвентизм. Несмотря на крайне малую долю неопротестантов в общем населении на данном историческом этапе, исследование их истории видится интересным и полезным. Оно вызывает к жизни сюжеты, не только связанные непосредственно с неопротестантизмом, но и, например, с т. н. «омертвлением прихода» в жизни православной церкви, проблемами церковно-приходского образования и внутренней миссии, народным богоискательством в эпоху перемен. Любопытным и неоднозначным предстает и вопрос об отношении царского правительства к «сектантам», особенно в его динамике. Все эти проблемы пока исследованы поверхностно. Из последних публикаций следует отметить лишь статью А.В. Унучека, детально отразившего зарождение баптистских общин в Гомельском уезде и реакцию на данный процесс власти и православного духовенства [5]. Думается, хорошим подспорьем для новых исследований послужили бы источниковедческие работы. Наша статья – попытка систематизации архивных источников по дореволюционной истории неопротестантизма в белорусско-литовских губерниях.

Наиболее важной, информативной группой архивных источников по указанной теме являются материалы делопроизводства, сосредоточенные преимущественно в трех архивах: Российском государственном историческом архиве в г. Санкт-Петербурге (далее РГИА), Национальном историческом архиве Беларуси в г. Минске (далее НИАБ) и Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно (далее НИАБ в г. Гродно).

В РГИА это, в основном, материалы фондов 796 – Канцелярия Синода, 797 – Канцелярия обер-прокурора Синода, 821 – Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД и 1284 – Департамент общих дел. Материалы РГИА особенно важны для исследования начального периода евангельско-баптистского движения в Беларуси – до издания 17 апреля 1905 г. указа о веротерпимости. Дело в том, что первые баптистские общины зародились в Гомельском уезде Могилевской губернии в конце 70-х – 80-е гг. XIX в. Так сложилось, что фонды НИАБ в г. Минске Канцелярия могилевского губернатора (№ 2001) и Могилевская епархиальная духовная консистория (№ 2301) небогаты и вообще сохранили крайне мало материала по данному периоду, независимо от тематики. Отсутствуют в них и данные о первых баптистских общинах. В то же время отчеты могилевского губернатора и могилевского епископа отложились в вышеупомянутых фондах РГИА. Они помогают воссоздать относительно детальную картину появления и распространения баптизма в Гомельском уезде.

Судя по всему, впервые чиновники в Петербурге слышали о «сектантах» из глухих полесских деревушек в 1878 г. 3 апреля этого года датируется д. № 12, оп. 220, ф. 1284. Могилевский губернатор Александр Дембовецкий сообщал о появлении баптистов (в православно-обличительной терминологии – «штундистов») в слободе Дубовый Лог Вылевской волости Гомельского уезда. Благодаря активной проповеди, вероятно, первого белорусского баптиста Дмитрия Семенцова родом из соседней д. Николаевка, в Дубовом Логе «сектантством» увлеклись несколько крестьян. Поначалу они дали подписку об отказе от своих «заблуждений», но впоследствии проявили упорство, заявив о нежелании возвращаться из «евангелической» веры в православие [11, л. 14, 21об.].

Вскоре баптизм распространился и в других населенных пунктах Вылевской волости – особенно в д. Усохи, где в 1882 г. уже насчитывалось 29 неофитов [11, л. 31об.].

Появление в Гомельском уезде баптизма всерьез обеспокоило православное духовенство. В 1880 г. сюда был направлен могилевский епархиальный миссионер Василий Голынец. Он проводил беседы с баптистами и православными, выяснял причины сложившейся ситуации. Отчет миссионера В. Голынца могилевскому епископу Виталию (Гречулевичу) впоследствии оказался в фонде 797 – Канцелярия обер-прокурора Синода (оп. 87, д. 260). Образованное дело получило лаконичное название «Дело о штунде в Могилевской епархии».

Главную причину распространения в регионе баптизма В. Голынец видел в упадке приходской жизни. Для крестьян богослужения проводились крайне неудовлетворительно: с неразборчивым произнесением молитв, плохим пением, «без уважения к святому таинству». В итоге церкви «пустовали и пустели» [8, л. 5–6, 12–13, 14об.]. Местное приходское духовенство ссылалось на атеизм сельской интеллигенции, которая занималась грубой критикой православия. В свою очередь, помещики также не противодействовали баптистской проповеди: «сектантов» они уважали за нравственный образ жизни [8, л. 90–90об.].

Епархиальное начальство предприняло ряд мер по борьбе с распространением баптизма: освободило местных крестьян от платы за богослужения, решило в самый короткий срок открыть в слободе Дубовый Лог и д. Усохи церковно-приходские школы и снабдить их хорошо подготовленными учителями [8, л. 5–6]. Однако необходимого эффекта эти шаги не принесли. «Дело о штунде в Могилевской епархии» содержит сведения губернатора А. Дембовецкого о численности баптистов Гомельского уезда на конец 1883 г.: суммарно уже 115 чел., абсолютное большинство проживало в дд. Усохи и Николаевка, слободе Дубовый Лог [8, л. 4].

Интересно отметить, что местные крестьяне были убеждены: царь с царицей «штундуют» – т.е., сами приняли баптизм [8, л. 9об.]. Наверняка данные слухи были вызваны помощью евангельских христиан Петербурга, где новое учение распространилось среди высшей аристократии. В местечке Чечерск Рогачевского уезда евангельское христианство пропагандировала Елизавета Черткова, дочь графа И.Г. Чернышевского-Кругликова. Доклад могилевского епископа Виталия (Гречулевича) о евангельских христианах в Чечерске отложился в ф. 796 (Канцелярия Синода), оп. 163, д. 1775 [7, л. 1–1об.].

Своего рода продолжением «Дела о штунде в Могилевской епархии» является отчет могилевского епископа Сергея (Спасского) «о состоянии секты штундистов», датированный концом 1887 г., в совокупности с письмами уже знакомого нам миссионера В. Голынца. Они отложились в ф. 797, оп. 96, д. 92. Особую ценность в этих документах представляют сведения об ужесточении политики в отношении баптистов Гомельского уезда. «Кнут» пришел на смену вышеупомянутым мероприятиям просветительного характера (беседам, открытию церковно-приходских школ и т.д.). До 1905 г. переходы из православия в другие вероисповедания были запрещены, при этом все местные баптисты в прошлом являлись именно православными. Чиновники и православное духовенство называли их «штундистами», «сектантами». «Мнение» Государственного Совета от 3 мая 1883 г. разрешило богослужения «сектантов», но запретило проповедь «заблуждений» среди православных [6, с. 220]. Баптизму и евангельскому христианству в этот период было присуще стихийное, «народное» миссионерство, да и укрепление позиций «сектантства» без неофитов было невозможным. Тем самым поводов для преследования хватало.

Поначалу оно носило административный характер и заключалось в штрафах, датированных 1885 и 1886 г., «за неподчинение полицейской власти». Эти штрафы баптисты сумели успешно обжаловать в Сенате [9, л. 6]. Однако вскоре давление усилилось:

осенью 1886 г. и весной 1887 г. были арестованы и заключены в Гомельскую тюрьму шестеро баптистов из Усох и трое из Дубового Лога, соответственно [9, л. 6–6об.]. 11 сентября 1887 г. в Рогачеве состоялся громкий судебный процесс над баптистами с участием известных адвокатов, братьев Кулябко-Корецких, и могилевского окружного прокурора П. Купчинского. Миссионер В. Голынец, судя по всему, выступал на суде в качестве эксперта обвинения. Из девяти обвиняемых шестеро (Иван Будниченко, Захар Гуля, братья Ефим и Евсей Ляшковы, Лазарь и Мина Евстратенковы) были присуждены к ссылке в Закавказье и лишению всех прав состояния, двое (Иван Игнатьев и Павел Мальский) – к частичному лишению прав и 6–8-месячному тюремному заключению [9, л. 7–7об.]. В д. 92 сохранились и сведения об аресте и судах над баптистами из с. Уть Пименом Пискуновым и Львом Пехтеревым осенью – зимой 1887 г. [9, л. 9].

Период революции 1905–1907 гг. отмечен либерализацией законодательства в области религии. Указ о веротерпимости 17 апреля 1905 г. разрешил переходы из православия в другие вероисповедания, а указом 17 октября 1906 г. были установлены правила и условия регистрации старообрядческих и «сектантских» общин [1, с. 35–36, 369–391]. Реформы способствовали всплеску миссионерской активности неопротестантов – особенно баптистов и евангельских христиан. Для исследования данного периода особую ценность представляет Дело об организации сектантских общин, датируемое 1909–1910 гг., которое отложилось в ф. 821 Департамент духовных дел иностранных исповеданий (оп. 133, д. 160). Оно повествует о непростой истории регистрации баптистской церкви с. Уть Гомельского уезда. Заявление было подано верующими еще в декабре 1909 г., а регистрация состоялась только 27 ноября 1910 г. – почти год спустя. Могилевское губернское правление отказывало баптистам на том основании, что из 74 подписантов заявления лишь 39 (меньше 50) являлись мужчинами. Департамент духовных дел вынужден был в переписке пояснить местной администрации, что в законе 17 октября 1906 г. говорится о 50 членах общины любого пола (минимум подписей для регистрации общины – *М.К.*), а потому претензия губернского правления не отвечает закону [10, л. 93–94, 107, 108].

В фондах НИАБ следует отметить несколько дел, содержащих важную информацию о первых баптистах и адвентистах в Минской и Витебской губерниях. В ф. 295 Канцелярия минского губернатора хранится дело «Сведения об адвентистах и баптистах Минской губернии», датированное 1902–1914 гг. Оно сообщает о деятельности в Минске адвентистского пастора из Германии Херберта Шмица, об участии в организации минской общины адвентистов бывшего православного Иосифа Луцука и регистрации 24 марта 1911 г. в Минске молитвенного дома [2, л. 40–41об.]. Кроме того, в деле имеется отчет полиции о задержании в январе 1914 г. собрания минских баптистов, чья община не являлась зарегистрированной [2, л. 62об.–63об.]. Данные о баптистских общинах Витебской губернии и деятельности иностранных проповедников содержатся в дд. 47603 и 48020 ф. 1430 Канцелярия витебского губернатора [3, л. 9, 15, 17, 20; 4, л. 29].

В фондах НИАБ в г. Гродно особенно интересным нам показалось дело о бывшем священнике Топилецкой церкви Белостокского уезда Гродненской губернии Николае Макаревском, который в марте 1912 г. отказался от сана и перешел в баптизм, развернув активную миссионерскую деятельность [5, л. 1–42]. Аналогов данному эпизоду в белорусско-литовских губерниях мы не встречали. Дело о священнике Н. Макаревском – яркая иллюстрация внутренних проблем православной церкви как фактора распространения баптизма и евангельского христианства в дореволюционную эпоху.

Наш обзор архивных источников по дореволюционной истории неопротестантизма краток и, без сомнения, не полон. Надеемся, он послужит стимулом для дальнейших, более глубоких и детальных, исследований в данном направлении.

1. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: сб. законов, манифестов, указов Правительствующему сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя / под ред. пр.-доц. Н. И. Лазаревского; введение В. А. Демина. – М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2010. – 888 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 295. Оп. 1. Д. 8462. Сведения об адвентистах и баптистах Минской губернии. 1902–1914.
3. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48020. Дело по отношению Директора департамента духовных дел о предоставлении сведений о секте баптистов. 1911–1912.
4. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47603. Дело по вопросу о допущении иностранцев к занятию должностей евангелических проповедников в Витебской губернии. 1912–1913.
5. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Ф. 588. Оп. 1. Д. 151. Наблюдательное дело по обвинению бывш. Священника Топилецкой церкви Белостокского у. в распространении идей баптизма. 04.08.–18.12.1912.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е : [с 1-го марта 1881 г.]. – СПб. : Гос. тип., 1885–1916. – Тип. Т. 7 не указана. – Т. 3 : 1883 : от № 1293–1933 и дополнения. – 1886. – 979 с.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 796. Оп. 163. Д. 1775. Дело по рапорту преосвященного Могилевского о появлении в местечке Чечерске Рогачевского уезда секты пашковцев. 04.12.1882.
8. РГИА. – Ф. 797. Оп. 87. Д. 260. Дело о штунде в Могилевской епархии. 1884.
9. РГИА. – Ф. 797. Оп. 96. Д. 92. Отчет Могилевского епископа о состоянии секты штундистов в Могилевской епархии в 1887 году, и письма Могилевского миссионера В. Гольнца о своей противосектантской пропаганде. 1888.
10. РГИА. – Ф. 821. Оп. 133. Д. 160. Дело об организации сектантских общин. 28.05.1909–26.08.1910.
11. РГИА. – Ф. 1284. Оп. 220. Д. 12. Дело по отношению могилевского губернатора о появившейся в слободе Дубовом Лесе (Логе) Вылевской волости Гомельского уезда между православным населением секты штунд. 03.04.1878.
12. Унучак, А. Прабуджэнне на Гомельшчыне як складовая частка Беларускага эвангельскага прабуджэння апошняй чвэрці XIX – пачатку XX ст. / А. Унучак // Евангельская царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць. Вып. 3. (да 470-годдзя Рэфармацыі ў Беларусі) : зборнік матэрыялаў / уклад.: А. І. Бокун, А. У. Унучак, Ю. А. Бачышча. – Мінск : Саюз ЕХБ у Рэспубліцы Беларусь, 2024. – С. 154–197.

Садова Л.А.

РАСТОРЖЕНИЕ ШВЕДСКО-НОРВЕЖСКОЙ УНИИ В 1905 г. В НОРВЕЖСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ

Ключевые слова: Швеция, Норвегия, расторжение унии, 1905 г., карикатура, журнал «Викинген».

Периодическая печать в конце XIX – начале XX вв. стала не только источником информации о наиболее значимых событиях внутриполитической, экономической, культурной и международной жизни для населения, но и средством формирования массового сознания. Произшедшие технические усовершенствования в полиграфии позволили включать не только текстовую, но и визуальную информацию, что обеспечило сатирической графике популярность и спрос у аудитории.

Карикатура – жанр в изобразительном искусстве, использующая приемы сатирического гротеска. Сатира должна обязательно упрощать и преувеличивать, быть карикатурной и жгучей. Сатира играет законную и необходимую роль в качестве обличения – а во многих случаях и средства борьбы. Поэтому карикатура злободневна и тенденциозна. Это не только рисунок, но и существенной составляющей карикатуры является текст, который может быть включен в разном виде: подпись, реплики, надпись. «Публикация карикатур в прессе, адресованной массовой аудитории и проникавшей, несмотря на рогатки цензур и таможен, по всему миру, способствовала созданию изобразительных символов, которые легко «прочитывались» современниками» [1, с. 56].

Как публицистическое произведение карикатура откликается на наиболее значимые и волнующие события, она является как бы маркером «болевых точек» изучаемой исторической действительности [1, с. 66]. И в то же время предоставляет некое видение или толкование того или иного события с различных позиций, которые историку и

необходимо выяснить. Отсюда возникает необходимость в выяснении биографий карикатуристов, истории журналов и газет [1, с. 67].

Это специализированное направление норвежской еженедельной прессы возникло примерно в середине XIX в. Основу содержания сатирических изданий составляла политическая или социальная сатира, но нередко они также отражали популярные анекдоты и остроумные шутки. Текст обычно сопровождался хорошими иллюстрациями. С юмористической прессой был связан ряд выдающихся норвежских иллюстраторов, в том числе А. Блох, Э. Нильсен, Г. Лерум, У. Гульбранссон, У. Крон и др.

Издания «Кридсерен» и «Андримнер» были первыми двумя сатирическими/юмористическими еженедельниками, основанными в 1849 и 1851 гг. соответственно, но просуществовали недолго. Первый из них в 1894 г. сменил название на «Корсарен».

В 1862 г. вышел в свет журнал «Викинген» и просуществовал до 1931 г. Хотя вначале у журнала было всего одиннадцать подписчиков, пресс-секретарь У. Майре назвал день выхода журнала 4 октября 1862 г. «величайшим юбилеем в истории норвежской шуточной прессы» [4]. Свобода печати была закреплена в норвежской Конституции в 1814 г., но потребовалось время, чтобы создать иллюстрированный еженедельник. Первые попытки политической сатиры появились в 1840-х гг., но только в журнале «Викинген» в 1862 г. карикатуры заняли центральное место. Редактор Х. Тёнсберг и три студента из Кристиании – У. Скавланд, Й. Вибе и Й. Шёнхейдер – стояли у истоков нового юмористического журнала. Постоянным иллюстратором стал студент-медик А. Шнайдер. Благодаря своей работе в качестве карикатуриста в издании, Шнайдер может считаться первым профессиональным карикатуристом Норвегии. У журнала не было четкого политического профиля. В фокус внимания издателей попали все самые животрепещущие темы жизни Норвегии, и немногие политические деятели или культурные личности избежали сатирического пера журнала. Редакторы предпочитали творить анонимно, встречаясь в одном из самых популярных кафе в Осло. 21 марта 1863 г. «Викинген» напечатал фиктивный отчет о собрании, в котором говорилось, что им грозит опасность разоблачения после сатирической публикации парламентских протоколов [4]. В 1864 г. произошел внутренний конфликт, но журнал продолжал выходить. Число его подписчиков увеличилось только после того, как в 1883 г. пост редактора занял Т. Лёвстад, который стал регулярно выпускать новости под псевдонимом «Карл Улсен фра Вика» [4]. В нем часто упоминались знаменитости того времени, а многие настроения в общественном мнении были подогреты искусством инсинуации и превратились в устойчивые слухи после появления в колонках журнала. Рисунки теперь в основном выполняли известные норвежские иллюстраторы, например, А. Блох (1860–1917) и др. С 1897 г. остроумные строки в журнале писали Г. Лерум (1870–1938) и У. Крон (1863–1933).

7 июня 1905 г. норвежское правительство при поддержке стортинга (парламента) заявило о выходе страны из состава шведско-норвежской унии. Перед страной возникло ряд проблем, решение которых встретило определенные затруднения: урегулирование отношений со Швецией, выбор формы правления, укрепление положения на международной арене и ряд других. Все они активно обсуждались на страницах прессы, в том числе сопровождалась публикацией карикатур по злободневным текущим вопросам, в том числе в журнале «Викинген». В событиях 1905 г. можно выделить ряд ключевых моментов.

Весна 1905 г. отмечена нарастанием общего раздражения и неудовольствия в норвежском обществе затягиванием шведскими властями решения по спорным вопросам в шведско-норвежских отношениях, возникшим еще в 1891 г. Нежелание шведов идти на видимые уступки в норвежских требованиях расширения самостоятельности в ведении внешней политики стали камнем преткновения для Соединенных королевств Швеция и Норвегия. Решение норвежского правительства 7 июня таким образом получило поддержку практически всего населения страны. Национальный энтузиазм подогревался

норвежской прессой, которая требовала от властей активных действий и мужества, не взирая на последствия. Стоит отметить, что к 1905 г., несмотря на различное видение будущего Норвегии в либеральной и консервативной партиях, быть националистом, верящим в свою страну, стало обязательным для члена норвежского общества и гражданина. В карикатурах «Викинген» видна поддержка движению страны к независимости, выделяется национальный пафос и сквозит пренебрежение к Швеции.

Урегулирование шведско-норвежских отношений произошло путем переговоров между представителями Швеции и Норвегии в г. Карлстад. Одним из самых острых, конфликтных моментов в ходе переговоров стал вопрос о демилитаризации норвежских военных укреплений на шведско-норвежской границе, в разрешении которого обе стороны не желали идти на уступки. Частичная мобилизация шведских и норвежских войск и их размещение на приграничной территории явились поводом для распространения слухов о вероятной войне между «братскими народами» и росту тревожности в обществе, что, в свою очередь, нашло отражение на страницах прессы [3].

13 августа 1905 г. по требованию шведов в Норвегии был проведен референдум, на котором норвежский народ или, по крайней мере, мужская часть населения, имеющая право голоса, поддержал заявление стортинга от 7 июня о расторжении унии со Швецией. Во время подготовки референдума норвежская пресса, в том числе «Викинген», стали площадкой для массовой агитации населения в пользу «правильного», за независимость, выбора. Неявка на голосование представлялась как нечто близкое к национальному предательству. Голосование против роспуска союза было приравнено к государственной измене. Объединенная пресса, как левая, так и правая, церковь, политические партии поддерживали правительство. Цель референдума заключалась в том, чтобы показать всему миру, что за норвежским правительством Кр. Микельсена стоит единый народ и что Швеция столкнется с противодействием, если попытается применить силу против Норвегии.

Другим ключевым моментом истории 1905 г., от которого во многом зависело будущее Норвегии, стал выбор формы правления. Часть населения страны придерживалась прореспубликанских взглядов, а решение 7 июня о независимости Норвегии представляло собой в глазах других держав не что иное, как революцию. Для норвежского правительства необходимо было создать максимально положительный образ государства на международной арене, и монархия как нельзя лучше отвечала этой потребности. 12 и 13 ноября 1905 г. в Норвегии был проведен референдум, на котором стоял выбор перед населением отдать свой голос за республику или монархию [3]. Как и в августовском голосовании о расторжении унии, населению предлагалось одобрить решение, которое на практике уже было принято – сохранить монархию в Норвегии, предложив датскому принцу Карлу стать новым норвежским королем. На этот раз перед его проведением состоялись настоящие дебаты. Республиканцы и монархисты представили свои петиции, а на страницах газет публиковались агитационные статьи как за республику, так и за монархию. Карикатуристы не могли остаться в стороне от такого острого политического события в жизни страны. Явка на выборах была ниже, в них приняли участие около 75 процентов избирателей, имеющих право голоса. Однако результат оказался настолько однозначным, что референдум стал еще одной победой правительства: 79 % проголосовали за монархию и 21 % – против. После королевских выборов отделение Норвегии от Швеции было завершено. Новая королевская семья прибыла в страну 25 ноября 1905 г.

Обращаясь к карикатуре журнала «Викинген», можно выделить следующие ее характеристики: 1) значительная часть изображений сопровождается подписями или комментариями снизу, поясняющими содержание и основную их мысль; 2) те изоб-

ражения, которые не сопровождаются текстом, преимущественно представляют собой карикатуру на ведущие политические фигуры Норвегии и Швеции, или представителей культурного сообщества, как бы предполагая, что известные люди не требуют комментариев, либо содержат отклик на наиболее обсуждаемую и волнующую норвежское общество в данный момент тему; 3) в сатирическом издании «Викинген» в силу его специфики карикатура занимала значительную часть полосы, текст был вторичен; 4) не каждая карикатура подписана автором, поэтому существует проблема выявления авторства источника.

1. Голиков, А. Г. Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX – начало XX в.) / А. Г. Голиков // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 2011. – № 4. – С. 51–71.

2. Рыбаченок, И. С. Международные отношения в конце XIX – начале XX века в политической карикатуре / И. С. Рыбаченок // Труды Института российской истории РАН. – 2009. – № 8. – С. 154–189.

3. Садова, Л. А. Россия и расторжение шведско-норвежской унии в 1905 г. / Л. А. Садова // Северная Европа: проблемы истории. – 2007. – С. 99–122.

4. Vittighetsbladet som sparket mot høy og lav. – URL: <https://www.dagsavisen.no/nyheter/2022/08/21/vittighetsbladet-som-sparket-mot-hoy-og-lav/> (дата обращения: 11.03.2025)

Кусмарцева М.С.

ОБРАЗ ЯПОНИИ И ЯПОНЦЕВ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «МИР БОЖИЙ»

Ключевые слова: Русско-японская война, образ Японии, пресса, «Мир Божий», международные отношения.

Журнал «Мир Божий» – одно из ведущих дореволюционных изданий периодической печати в России конца XIX – начала XX в. Он выходил с 1892 по 1906 г. На пике своей популярности журнал издавался тиражом 18 тысяч экземпляров. Сам журнал первоначально предназначался для молодежи. Отсюда и происходит его религиозное название, подразумевавшее, что юная душа познает мир Божий [1, с. 63]. Чуть позже, на титульном листе журнала появилась фраза «для самообразования». С этого момента Мир Божий превратился в журнал для более широкой аудитории. В нем публиковались литературные произведения, научные статьи, записки путешественников, рецензии на новые книги и многое другое. Журнал издавался под руководством А.А. Давыдовой, главным редактором был В.П. Островский.

Мнение о стране восходящего солнца и ее жителях публиковались в первую очередь в разделе «Разные разности». В нем печатали как мнения мыслителей того времени, так и путевые записки людей, которые побывали в Японии. Но стоит отметить, что первоначально к японской тематике обращались редко. Первое упоминание о Японии появляется в выпуске за май 1901 г. Изучая различные выпуски журнала «Мир Божий», можно заметить, что чем ближе датируется выпуск к войне, то тем чаще встречаются упоминания о Японии. В одном из выпусков опубликована статья из британского журнала «Review of Reviews», в которой Японию называют «школьным учителем Азии» [2, с. 79]. Также в этой статье отмечается самобытность азиатского мышления, что японцы как азиаты оказывают большее влияние на Китай, Корею, Сиам, нежели какая-либо европейская нация. По мнению автора статьи, успех Японии заключается в том, что европейцы желают все делать для Азии, но на правах монополистов, а вот японцы хотят научить делать все самим, указывая своим соседям путь к прогрессу [2, с. 79].

При изучении дальнейших выпусков журнала заметно, что публикации делятся на два типа: это выдержки из иностранных газет и журналов, где очень кратко говорится уже не о японцах в контексте культуры или восточных диковинках, а упоминаются их достиже-

ния в науках. Второй тип – это статьи, посвященные влиянию Японии на Китай, а также ее образу на международной арене. Так же стоит отметить, что в течение 1903 г. из журнала почти исчезли хоть какие-нибудь упоминания о Японии, этот год можно назвать годом затишья перед бурей, ведь именно в этом году велись самые напряженные переговоры двух держав. Русско-японские отношения также служат предметом для обсуждения: в разделе опубликована выдержка из британского издания «Contemporary Review», в которой отмечалась неизбежность военного столкновения двух держав, но при этом конфликт называют лишь «новым обострением хронической ссоры» [13, с. 3].

С 1903 г. японское правительство активно занималось попытками убедить население в том, что Россия – главный враг их страны. Даже европейцы нерусского происхождения пытались дистанцироваться от русских, чтобы не стать мишенью неприязни. В феврале 1904 г. православный священник Николай Японский, находящийся в то время в Японии, делает такие записи: «Как начинают иностранцы чуждаться русских! ... Один немец на своем доме прямо-таки выставил доску с надписью по-японски: «Я не русский» [3, с. 13].

Опираясь на материалы фрагментов статей из выпуска февраля 1904 г., опубликованных в разделе «Из иностранных журналов», следует рассмотреть подготовленность Японии к предстоящей войне с Россией. «Согласно мнению военных корреспондентов английских и немецких газет, Япония располагала в настоящее время 228.000 европейски обученных войск, которое она может выставить на поле битвы, резервов 30.000 и еще территориальная армия 125.000 чел».[4, с. 70] Что касалось флота, то журналисты называют его первоклассным и считают, что в нем собраны лучшие броненосцы в мире. Но главной причиной того, что Япония медлит с объявлением войны, военные корреспонденты называют ее слабое финансовое положение по сравнению с Россией [4, с. 70].

В первые месяцы войны содержание публикаций журнала сильно изменилось: от обсуждения русско-японских отношений и образа Японии на международной арене к публикациям о происхождении японцев как этноса и описания того, на чем основывалось мировоззрение японского общества и в целом истории Японии. Так, в выпуске за март 1904 г. в разделе «Очерки из прошлого и настоящего Японии» опубликовано исследование немецкого ученого Филиппа Франца Бальтазара фон Зибольда на тему происхождения японцев как этноса. По его словам, «японцы представляют редкий пример полного слияния различных азиатских народностей» [5, с. 120]. Но уже в выпуске за апрель 1904 г. в журнал возвращаются привычные публикации, связанные с критикой политического, экономического и социального строя Японии. В разделе «Библиографический отдел» опубликован обзор на работу Генриха Дюмалара «Япония в политическом, экономическом и социальном отношениях». В своей книге Дюмалар достаточно критично описывает Японию. Он пишет, что достижения Японии в промышленности во многом заслуга дешевой рабочей силы. О политическом строе Дюмалар пишет следующее: «Что особенно господствует над всем, отмечает автор, так это, несомненно, появление новой, до сих пор неизвестной расы людей-политиканов. Невежественные, тщеславные, подкупные по последней степени, японские политиканы являлись блестящими представителями настоящего порядка вещей» [6, с. 132]. Хотя в журнале приведена цитата из той же книги, в которой автор пишет, что достижения Японии за последние десятилетия очень серьезны и заслуга в этом у японского правительства, которое поощряло развитие с помощью своей финансовой поддержки [6, с. 133]. Стоит отметить, что публикаций, связанных с действиями на фронте, долгое время не было, они появились впервые в выпуске за август 1904 г. Эта публикация связана с обороной Порт-Артура. Согласно приводимым данным, японцы очень осторожно и продумано вели бой, брали пример тактики боя у немцев. Но из-за излишней осторожности упустили время и позволили русским войскам лучше подготовиться к обороне крепости. Также японцы, пользуясь своим численным преимуществом вели сосредоточенный огонь против одной

позиции противника, а уничтожив ее, перенаправляли огонь на следующую цель. Характерной особенностью японских войск являлось то, что они не оставляли резервов, а использовали весь боевой потенциал сразу. По итогу, согласно мнению русского командования, если японцы не перейдут в активное наступление, то в скором времени русская армия перехватит инициативу [8, с. 136–138]. После выпуска за август 1904 г. снова происходит перерыв и в журнале начинают публиковать материалы из истории Японии.

В выпуске за февраль 1905 г. опубликована статья из американского журнала «American Review of Reviews», которая была написана еще во время осады Порт-Артура. Автор статьи Адаши Каносукэ писал: «война должна кончиться, когда будет взят Порт-Артур, так как тогда японцы получают все то, из-за чего они вынуждены были взяться за оружие против русских» [8, с. 14]. Уже в выпуске за апрель 1905 г. обзревается статья из издания «Revue» под названием: «Как нам спасти наши девять миллиардов?». В статье говорится о том, что экономическое положение Японии позволяет ей продолжать войну. Это связано с развивающейся внешней торговлей, хорошим урожаем риса. В отличие от России, по мнению автора статьи она не может продолжать войну и связано это с не стабильным внутривнутриполитическим положением страны [9, с. 85–86]. В американском журнале «Review of Reviews» писали: «Что особенно господствует над всем, отмечает автор, так это, несомненно, появление новой, до сих пор неизвестной расы людей-политиков. Невежественные, тщеславные, подкупные по последней степени, японские политики являлись блестящими представителями настоящего порядка вещей» [10, с. 63]. Уже из этой цитаты мы можем понять, что Европейское общество признает не только самобытность японской культуры, но и ее военную мощь, во многом не уступающую странам Запада. В выпуске уже за август 1905 г. опубликована статья из издания «Nineteenth Century», где автор статьи Г. Линч ставил вопрос о «Белой или желтой опасности?». В своей статье автор писал о том, что японцы усвоили европейскую цивилизацию, потому что ее боялись, а не потому, что считали ее выше своей. «Они похитили у запада все его военные секреты, научились у него искусству обороны, чтобы обратить потом это искусство против своего же учителя, если понадобится» [11, с. 93]. Согласно мнению автора статьи Япония давно готовилась к военному столкновению с Европой и вопрос «белой угрозы», о которой длительное время говорили в Токио, начал решаться путем военного противодействия. В статье Японию называют «господином положения», и автор высказывает свою обеспокоенность тем, что в дальнейшем стоит ожидать военной экспансии в Китай [10, с. 93]. Но японский посланник Кагора Такагири в Вашингтоне не разделяет эту точку зрения. В своей статье, опубликованной в «American Monthly», японец пишет о том, что милитаризация Китая маловероятна и намерения японского правительства более чем миролюбивы, и что после заключения мира с Россией главной задачей страны будет развитие внешней торговли и защита своих интересов на Дальнем Востоке» [10, с. 93].

Портсмутский мир был заключен 23 августа 1905 г. и в сентябрьском выпуске журнала миру с Японией посвящена большая статья под названием «Мир безрадостный, но все же мир». В статье упоминается тот факт, что еще после поражения при Порт-Артуре некоторые говорили о том, что войну нужно завершать и уже на этом этапе заключать мир. А вот к тому моменту, когда все-таки началось обсуждение условий заключения мира, некоторые представители Японского настаивали настаивали на продолжении войны. Несмотря на то, что условия мирного договора очень невыгодны для России, автор статьи пишет: «хорошо, что эта кровопролитная война закончилась» [12, с. 83–85].

В итоге складывается неоднозначный образ Японии и японцев. Поначалу страну воспринимают как заморскую диковинку, которая выбрала путь европейской модернизации с сохранением своих традиций. Европейское общество поразило трудолюбие японцев, благодаря которому они совершили колоссальный скачок в развитии. Но чем ближе война, тем

Япония очевиднее демонстрирует свое превосходство: дипломатические отношения могут быть установлены только на условиях страны восходящего солнца. Что касается образа страны во время войны, стоит отметить, что в основном о происходящем на фронте мы узнаем из вырезок статей иностранных журналов и газет. В них сложился образ страны, которая быстро адаптировалась к новым для себя способам ведения войны. Однако сами японцы подвергаются критике. Практически в каждой статье упоминается тот факт, что японцы должны быть благодарны европейцам за те знания, которые им были даны. Но по итогам войны в журнале собраны статьи, читая которые мы понимаем, что мировое сообщество признает силу Японии и вынуждено считаться с ней.

1. Шевцов, Н. В. Журнал «Мир Божий» и русская культура конца XIX – начала XX столетий / Н. В. Шевцов // Концепт: философия, религия, культура. – 2020. – Т. 4. – № 2 (14). – С. 63–70.
2. Мир Божий. – 1902. – № 12.
3. Серебрякова, С. Г. Пропагандистская деятельность на кануне и ввремя русско-японской войны (1904–1905 гг.) / С. Г. Серебрякова // Наука и современность. – 2016. – С. 14–18.
4. Мир Божий. – 1904. – № 2.
5. Мир Божий. – 1904. – № 3.
6. Мир Божий. – 1904. – № 4.
7. Мир Божий. – 1904. – № 8.
8. Мир Божий. – 1905. – № 2.
9. Мир Божий. – 1905. – № 4.
10. Мир Божий. – 1905. – № 6.
11. Мир Божий. – 1905. – № 8.
12. Мир Божий. – 1905. – № 9.
13. Мир Божий. – 1904. – № 1.

Худайбердиев А.Х.
ДОКУМЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА ИНДИИ
КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИИ РАЗДЕЛА ЙЕМЕНА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ключевые слова: колония Аден, Аденские протектораты, вилайет Османской империи, делимитация, демаркация.

Открытие Суэцкого канала в 1869 г. изменило экономическое, политическое и военно-стратегическое значение стран Ближнего Востока, включая Йемен. Через Красное море стали проходить морские пути, связывающие Европу с Индией и Восточной Азией. Британские коммуникации обеспечивались цепью военных баз: Гибралтар, Мальта, Кипр, Порт-Саид, Аден. Повышение роли и значения Красного моря внесло существенные изменения в политику Великобритании в этом регионе.

Защита этих коммуникаций всегда занимала важное место в британской политике. Важную роль в цепи этих коммуникаций занимала британская колония Аден и прилегающие к нему южнотоманские княжества, над которыми Великобритания установила свой протекторат [1]. Эти территории стали называться «Аденские протектораты».

Прибывшие в Красное море через Суэцкий канал крупные контингенты османских сил соединились со своими войсками, находившимися на йеменском побережье, и начали продвижение в глубь страны, которое завершилось в 1872 г. оккупацией столицы Йемена Саны и превращением северного Йемена в провинцию (вилайет) Османской империи. Османы решили восстановить свое бывшее господство и в южной части Йемена, но встретили противодействие со стороны Великобритании. Англо-турецкая борьба за влияние на юге Аравийского полуострова длилась вплоть до окончания Первой мировой войны.

В начале XX в. Османская империя в условиях тяжелой международной обстановки и подъема национально-освободительного движения против турецкого господ-

ства в Македонии, Албании, Хиджазе и Северном Йемене, вынуждена была отказаться от притязаний на южнотийменские территории и согласилась на демаркацию границы между Аденскими протекторатами и йеменским вилайетом Османской империи.

Дипломатические документы и материалы Национального архива Индии позволяют раскрыть особенности политики Великобритании на юге Аравийского полуострова, в частности, попытки расчленивть Йемен, изолировать его от побережья Красного моря и поставить в зависимое положение.

Может возникнуть вопрос – почему материалы именно Индийского национального архива являются источником истории раздела Йемена в начале XX в.?

Дело в том, что английская колония Аден числилась частью Бомбейского президентства и управлялась англо-индийскими властями через губернатора Великобритании в Бомбее, которому подчинялся английский резидент в Адене. При такой системе управления, Южная Аравия непосредственно подчинялась не Лондону, а англо-индийским колониальным властям в Бомбее. Это позволяло им избежать внимания британской прессы и парламентской оппозиции и проводить различные карательные экспедиции и другие мероприятия, направленные на подчинение местного населения, без особой огласки. Поэтому, донесения Аденского резидента направлялись в первую очередь в Бомбей, а не в Лондон.

Большой интерес представляют секретные материалы англо-турецкой демаркационной комиссии [1–9], которая была создана в 1901 г., в частности, «Доклад генерала Мейтленда о демаркации границы между племенами протектората Аден и турецкой провинцией Йемен, декабрь 1904 г.» [5], «Меморандум о военно-политической ситуации в Аденском регионе, ноябрь 1904 г.» [6], «Делимитация границы Адена, февраль 1905 г.» [7], «Переговоры с Портой в связи с определением границы Субэйхи и северо-восточной границы протектората Аден, 1905, июль» [8] и «Официальная ратификация результатов делимитации границы в Адене, апрель 1907 г.» [9]. Материалы англо-турецкой демаркационной комиссии показывают скрытые детали дипломатии Великобритании, разногласия между Лондоном и англо-индийскими колониальными чиновниками.

Для определения аденско-йеменской границы в Лондоне решили взять за основу результаты топографических исследований, проведенных в Йемене офицером англо-индийских войск Вахабом в 1891–1892 гг. В результате этих исследований им была составлена карта территории племенных конфедераций Субейхи, Аль-Хавашиб и Аль-Амири и определена их граница, которая в британской дипломатической переписке получила название «линия Вахаба». Но эта граница не была обозначена на карте 1892 г. Она была лишь описана в словесной форме в отчете Вахаба. Впоследствии оказалось, что практически невозможно было провести «линию Вахаба» на местности.

Вице-король Индии лорд Керзон рассчитывал использовать «линию Вахаба» лишь как приблизительный ориентир, и при возможности максимально расширить границы британских владений на юге Аравии. В инструкции от 26 ноября 1901 г. полковнику Вахабу, который был назначен главой британской демаркационной комиссии, Керзон обратил внимание на то, что «нет необходимости точно следовать «линии Вахаба 1891 г.» на территории племенных союзов Ал Хавашиб и Ал-Амири и предложил заявить туркам, что Верхнее Яфии и Верхнее Аулаки входят в число «9 кантонов», и поэтому являются британскими» [3, № 264].

Во время очередной встречи с министром иностранных дел Османской империи британский посол в Константинополе О'Коннор заявил, что если требования Великобритании не будут выполнены, то она будет вынуждена направить в Красное море свои военные корабли [5, с. 13].

Ультиматум посла не был голословным – вскоре к йеменскому порту Ходейда был направлен военный корабль «Харриер», и это, как впоследствии признал аденский

резидент Мейтленд, повлияло на то, что 1 ноября 1902 г. турецкий султан издал ираде (указ), в котором был дан приказ вывести войска с территории Амири и приступить к демаркации аденско-йеменской границы [5, с. 13].

В ходе демаркации Великобритания, используя шантаж, дипломатическое давление и военную угрозу, принудила Порту отказаться от притязаний на некоторые южно-йеменские территории, включая мыс Шейх-Саид, контролирующий Баб-эль-Мандебский пролив, то есть выход из Красного моря в Индийский океан.

Таким образом, англичане добились проведения такой границы, которая оставила ключевые позиции на главных торговых путях на «британской» стороне. Характерной особенностью англо-турецкой демаркации было то, что как Великобритания, так и Османская империя делили не принадлежавшую им территорию. Фактическими хозяевами внутренних районов Йемена были свободолюбивые йеменские племена, которые не признали произвольного раздела Йемена.

Аденско-йеменская граница, окончательно утвержденная англо-турецкой конвенцией от 9 марта 1914 г., разделяла Йемен на 2 части до объединения Йемена в 1990 г. Но в настоящее время гражданская война в Йемене, вмешательство внешних сил вновь привели к расколу страны.

1. National Archives of India (далее – NAI). – Proceedings, 1902 August, Proposed conclusion of protectorate treaties with Upper Aulaki, Upper Yafii, Beida and Beyhan.

2. NAI. – Proceedings, July 1902. Delimitation of the boundary of the Aden Protectorate.

3. NAI. – 1902, February, Presentation of a rifle and ammunition to the Chief of the Upper Aulaki...Notes. Proceeding No 219.

4. NAI. – Proceedings, February 1903. Continued obstructive attitude of the Turks. Dispatch of troops and artillery to Aden.

5. NAI. – Proceedings, December 1904, General Maitland's report on the demarcation of the frontier between the tribes in the Aden Protectorate and the Turkish Province of Yemen.

6. NAI. – Proceedings, 1904, November. Memorandum on the military and political situation in the Aden Hinterland.

7. NAI. – Proceedings, 1905, February, Delimitation of the Aden boundary.

8. NAI. – Proceedings, 1905, June-July, Aden boundary commission. Negotiation with the Porte in connection with the delimitation of the Subeihi border and North-East frontier of the Aden Protectorate.

9. NAI. – Proceedings, April 1907, Official ratification of the results of the Aden boundary delimitation.

Никитин Д.С.

ДОКУМЕНТЫ О ВИЗИТЕ ДЖ. КЕЙР ХАРДИ В ИНДИЮ В 1907–1908 гг.

Ключевые слова: Джеймс Кейр Харди, Британская Индия, Индийский национальный конгресс, полицейские отчеты, делопроизводственные документы.

Начало XX в. в истории индийского национального-освободительного движения стало временем значительных перемен, связанных с его радикализацией, сменой методов и форм борьбы за права. В 1905 г. Бенгалию (а следом – и всю страну) охватило движение свадеши (бойкота иностранных товаров), в 1907 г. в Панджабе вспыхивают протесты против нового земельного закона, и на этом фоне старейшая и самая крупная политическая организация – Индийский национальный конгресс (ИНК) – переживает раскол, в результате которого из Конгресса выходят деятели набирающего популярность радикального крыла.

Умеренные лидеры ИНК с момента возникновения организации уделяли большое внимание связям с английскими парламентариями и агитации среди британской общественности, что было необходимо для того, чтобы побудить Лондон к расширению прав индийских подданных. Поэтому визиты в южноазиатские владения Великобритании «друзей Индии» – английских политических деятелей, в той или иной мере поддерживавших требования ИНК, – были для индийской патриоти-

ческой общественности важным событием. Если в конце XIX в. среди «друзей Индии» преобладали либералы, то в начале нового столетия в британском парламенте появляется новая фракция – лейбористы, чей лидер Джеймс Кейр Харди также разделял идеи расширения прав индийцев. Таким образом, визит лейбористского парламентария в Индию в период наивысшего размаха народных волнений вызывал интерес и со стороны индийских националистов, и со стороны колониальной администрации, и стал заметным событием в общественно-политической жизни страны.

Визит Дж. Кейр Харди в Индию нашел отражение во множестве документов, хранящихся в настоящее время в Национальном архиве Индии. Значительная часть из них, представленная регулярными отчетами департамента внутренних дел о положении в провинциях, содержит только краткие упоминания как о самом визите, так и о деятельности или высказываниях Дж. Кейр Харди и их влиянии на настроения в индийском обществе. Однако на общем фоне выделяются несколько комплексов документов, целиком посвященных этой поездке – в частности, комплекс делопроизводственных документов департамента внутренних дел правительства Индии [1] и рапорт управления уголовного розыска (Criminal Intelligence Department), содержащий отчеты служащих из разных городов, посещенных Харди [2].

Документы департамента внутренних дел правительства Индии представляют собой характерный для индийской административной практики конца XIX – начала XX в. образец делопроизводства. Комплекс содержит переписку высших должностных лиц колониальной администрации по вопросу визита Дж. Кейр Харди с главами провинций, вице-королем и министром по делам Индии. Эта переписка содержит разного рода приложения – полицейские отчеты, стенограммы выступлений Харди в индийских городах, выдержки из индийских и англо-индийских газет, копии писем Харди к различным индийским лицам, и т.п.

Анализ документов показывает, что поездка Харди была вопросом государственной важности. Делопроизводство по этому вопросу открывается письмом министра по делам Индии Дж. Морли вице-королю Минто, в котором содержится просьба незамедлительно сообщать в Лондон о возможных беспорядках вследствие выступлений или высказываний Харди на встречах с индийцами. Морли полагал, что «нужно быть готовым к неприятностям» [3, f. 4]. При этом Морли указывал, что определять необходимые меры для купирования подобных беспорядков следует местным (англо-индийским) властям.

В свою очередь, члены вице-королевского исполнительного совета (правительства Индии) готовились к возможным провокациям со стороны Харди т.е. и индийских националистов. Глава департамента внутренних дел, Г.Х. Рисли отмечал, что Харди может заявить, будто его выступления были неточно воспроизведены в индийской прессе (Рисли говорил о газете «Бенгали»), но его тесные связи с редакцией «Бенгали» не оставляют сомнений в том, что все газетные отчеты о визите Харди будут просмотрены им лично [3, f. 4]. Тем не менее Рисли не разделял опасений Морли по поводу беспорядков и считал отправку срочных отчетов в Лондон излишней. В ответной телеграмме [3, f. 5] вице-король сообщал, что не считает вероятными серьезные беспорядки, но для обеспечения мер предосторожности поручения Морли были доведены до сведения глав провинций. Им было поручено соблюдать обычные меры для охраны порядка и не применять каких-либо репрессивных мер до особого распоряжения правительства. Предложения Морли, однако, вызвали среди руководителей провинций разночтения. В частности, в Соединенных Провинциях возникли опасения по поводу общественной реакции на отношение полицейских органов к выступлениям Харди, поскольку в 1907 г. были арестованы видные агитато-

ры-националисты – Лала Ладжпат Рай и Аджит Сингх, и схожие по содержанию выступления Харди могли вызвать у общественности убеждение, что у британского парламентария в Индии прав больше, чем у коренного населения [3, f. 6]. Кроме того, уровень напряженности в разных провинциях отличался. Если Соединенные Провинции были «одной из спокойнейших провинций в отношении мятежей» [3, f. 11], то в Дели и Лахоре выступления Харди следовало запретить ввиду волнений среди населения и близкого расположения войск, агитация среди которых могла привести к серьезным последствиям [3, f. 11].

Своевременную информацию о деятельности Дж. Кейр Харди в разных городах и провинциях обеспечивали полицейские отчеты. Часть из них представлена в первом комплексе документов [3, f. 12–14], но большая их часть содержится среди документов управления уголовного розыска [2, f. 3–74]. Они представляют собой детальные сообщения о встречах Харди с индийцами, его передвижениях, содержании его выступлений; в них включены списки лиц, присутствовавших на митингах, среди которых особо выделялись, в частности, редакторы индийских газет [2, f. 14]. Эти отчеты показывают, что круг интересов Харди в Индии был достаточно широк – он собирал информацию об экономическом положении в провинциях, последствиях голода и чумы, особенностях работы судов, посещал школы и знакомился с уровнем образования в городах и мофусиле (сельской местности). В политическом плане его интересовали причины и особенности движения свадеши, которое он сравнивал с движением за права в Ирландии. Эти материалы впоследствии вошли в книгу Харди «Индия: впечатления и предложения» [1], опубликованную вскоре после его возвращения в Англию. Вместе с тем, отдельные отчеты показывают, что Дж. Кейр Харди, как и многие другие парламентарии-визитеры, сравнительно слабо представлял себе пространство индийской политики. Примером, в частности, может служить отчет комиссара А. Логана о пребывании Харди в Пуне, где были сильны радикальные националистические настроения. По сообщениям Логана, Харди «в тоне простодушного невежества» спрашивал, имеется ли в Пуне какая-либо политическая жизнь [2, f. 51].

Круг общения Харди в Индии, как указывают отчеты, состоял преимущественно из представителей «партии агитаторов» [3, f. 24], т.е. деятелей национального движения. Комиссар Ф. Холлидей в отчете из Калькутты сообщал, что результатом деятельности парламентария стало то, что «агитаторы в целом укрепились во мнении, что, только если они будут достаточно активны в своей агитации и поднимут достаточно шума, то в конечном итоге они получают помощь от влиятельных людей в Англии» [3, f. 24]. Характерно, что Холлидей одновременно указывал на то, что индийские националисты преувеличивают вес Харди в английской политике, а также на отсутствие заметного влияния визита Харди на интенсивность агитации деятелей умеренного крыла национального движения (с которыми ассоциировал себя Харди) в Калькутте, где в это время были более заметными радикалы.

Отчеты из других мест также показывали, что визит Харди не привел к росту возмущения или беспорядкам. Из Панджаба сообщалось, что «в результате его визита не появилось никаких признаков активной агитации. Внешне визит пока не имеет заметного эффекта, но, несомненно, он придал смелости не только конституционным агитаторам, но и экстремистской партии» [3, f. 56]. Схожие сообщения поступали и из Мадраса, где «визит г-на Кейр Харди не имел заметных внешних последствий» [3, f. 61], и из других городов. Привлечение английских деятелей к борьбе за права индийцев в это время было отличительной чертой умеренного крыла национального движения, которое теряло популярность на фоне бурных событий в индийской общественно-политической жизни начала XX в.

Несмотря на малозначительное влияние поездки Дж. Кейр Харди в Индию, рассмотренный комплекс документов о ней является ценным свидетельством проводимой вице-королем Минто и министром по делам Индии Морли политики реформ и репрессий, сочетавшей ограниченную поддержку конституционных устремлений умеренных националистов с суровыми ограничениями деятельности радикального крыла. Предупредительные меры в связи с визитом Харди были неотъемлемой частью курса на сохранение британского влияния в Индии с допущением некоторых внешних послаблений.

1. Hardie, J. K. India, impressions and suggestions / J. K. Hardie. – London : Independent Labour Party, 1909. – 126 p.
2. National Archives of India. – Microfilms. – Home Department. – Nos 23. – Dec. 1907.
3. National Archives of India. – Public Records. – Home Political. – Home political A. – Nos. 50–63. – Feb. 1908.

Канищев В.В.
«ОФИЦЕРЫ-БЕЛОРУСЫ» ИЗ КАДРОВЫХ ЧАСТЕЙ
РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ ТАМБОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.
СТЕПЕНЬ ПОЛНОТЫ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ФОНДОВ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

Ключевые слова: русская императорская армия, офицеры-белорусы, Тамбовская губерния, Первая мировая война, архивные данные.

В данном докладе мы хотели представить анализ жизненных траекторий офицеров, уроженцев Западных губерний Российской империи, территории которых на сегодняшний день целиком или частично входят в состав Республики Беларусь.

Нами были изучены фонды Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), представленные списками по старшинству штаб и обер-офицеров пехотных, кавалерийских и артиллерийских частей, которые располагались в городах Тамбовской губернии. Кроме того, мы постарались проанализировать боевой путь офицеров нашей выборки через фонды учета потерь солдат и офицеров, а также фонды наградных дел отличившихся на полях сражений офицеров.

Благодаря такому виду источника, как списки по старшинству конкретных воинских частей, нам удалось установить полную картину социально-профессионального облика изучаемой нами группы офицеров накануне Первой мировой войны.

Из 38 офицеров нашей выборки 10 были представителями Витебской губернии. По 8 человек представляли Минскую и Могилевскую губернии. Из Виленской и Гродненской губерний оказалось по 6 офицеров.

Сразу хотим оговориться, что мы включали в выборку всех представителей современных белорусских территорий, а в случае с выходцами из Виленской губернии – только офицеров православного вероисповедания, предполагая, что они происходили из тех частей губернии, которые впоследствии оказались частью территории будущей Республики Беларусь.

При оценке возрастных показателей было установлено, что в возрасте старше 50-ти лет службу несли два офицера. В возрасте 55 лет, занимая должность помощника командира полка по строевой части, в 3-м запасном кавалерийском полку расположенном в городе Кирсанове служил представитель виленского дворянства Лев Авраамович Кричинский [3, л. 1об.]. Из дворян Могилевской губернии происходил 52-хлетний подполковник 7-й артиллерийской бригады, располагавшейся в Тамбове,

Александр Станиславович Монвиж-Монтвид [4, л. 4об.]. В возрасте старше 40 лет на службе состояло 10 офицеров. Рубеж в 30 лет преодолели 12 человек, а вот 14 офицеров не достигли этого возраста. Самым молодым оказался 22 летний подпоручик 28-го пехотного Полоцкого полка, дислоцировавшегося в Тамбове, Константин Александрович Адамович [8, л. 25об.].

В сословном происхождении нашей выборки доминируют представители дворянства в количестве 18 человек. Из крестьянской среды происходило 7 офицеров. К мещанскому сословию принадлежало 5 человек. Трое офицеров были детьми священнослужителей, двое оказались детьми чиновников. Из семьи почетного гражданина Витебской губернии происходил штабс-капитан 39-го пехотного Томского полка, расположенного в Козлове, Иван Михайлович Фохт [12, л. 17об.]. Офицерским сыном являлся капитан 7-й артиллерийской бригады Николай Николаевич Радецкий [5, л. 8об.], а вот у подполковника 28-го пехотного Полоцкого полка Александра Павловича Савицкого было записано просто – из граждан Гродненской губернии [7, л. 3об.].

В конфессиональном вопросе было установлено очевидное преобладание представителей православия – 32 офицера. Два офицера 39-го пехотного Томского полка – подполковник Владислав Александрович Вольбек и капитан Александр Фомич Шукевич – оказались католиками (оба из Витебской губернии) [9; 12, л. 5об., 8об.]. Еще двумя представителями католической веры оказались могилевский дворянин, поручик 6-го запасного кавалерийского полка из Борисоглебска, Павел Петрович Ростовский [1, л. 8об.] и упомянутый ранее Александр Павлович Савицкий [7, л. 3об.]. Два представителя Могилевской губернии – подполковник 23-го саперного батальона Викентий Христианович Шитц [2, л. 1об.] и поручик 40-го пехотного Колыванского полка Владислав-Иосиф Иосифович Шимановский [15, л. 19об.] (оба служили в Моршанске) – оказались лютеранами.

Большинство наших офицеров изначально готовилось к военной карьере и прошло обучение в различных учебных заведениях военной ориентации: военные прогимназии, гимназии, школы и кадетские корпуса. Их оказалось 17 человек. Десять человек получили образование в домашних условиях. Девять будущих офицеров получили образование в различных гражданских школах, гимназиях и училищах. Самым ярким примером оказался подпоручик 40-го пехотного Колыванского полка Косьма Игнатьевич Гринкевич-Судник, который окончил Бобруйскую школу садоводства и огородничества [16, л. 26об.]. Интересным оказался дальнейший военный выбор у трех представителей духовного сословия, которые изначально двигались по пути своих отцов. Штабс-капитан Василий Николаевич Королев из 39-го полка получил общее образование в Витебской духовной семинарии [11, л. 14об.]. Его сослуживец, поручик Константин Михайлович Чауш, окончил аналогичное заведение в Минске [13, л. 21об.], и там же обучался поручик 40-го полка Феофан Иванович Шеметилло [15, л. 19об.].

География военных училищ, которые оканчивали офицеры нашей выборки, довольно обширна. От Западных губерний до Закавказья, и от столичных до провинциальных военных учебных заведений. Хотим отметить, что самыми популярными оказались Виленское пехотное юнкерское училище – 9 выпускников, а также Одесское пехотное юнкерское училище и Павловское военное училище выпустившие по 5 офицеров каждое. Высшее академическое образование до войны получил лишь упомянутый ранее Викентий Христианович Шитц, который окончил Николаевскую инженерную академию [2, л. 1об.].

Только у 9 офицеров в качестве боевого опыта называлось участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг. При этом у упомянутого выше Ивана Михайловича

Фохта [12, л. 17об.], а также у братьев Моисеенко из 27-го пехотного Витебского полка [6, л. 12об.], было отмечено, что в сражениях они не участвовали.

Практически у половины офицеров отсутствовали какие-либо награды. Стоит отметить, что не бывавший в боях полковник Кричинский за 35 лет службы заслужил три ордена [3, л. 1об.], а вот капитан Радецкий за 18 лет был удостоен пяти орденов, три из которых он заслужил за участие в кампании на Дальнем Востоке [5, л. 8об.].

Последнее, на что мы хотели бы обратить внимание, анализируя довоенную биографию наших офицеров, это их семейно-демографическое положение.

Семейные отношения успели оформить более половины офицеров – 22 человека. У 16 офицеров сохранялся внебрачный статус. Причем только поручик Адамович имел возрастные ограничения на вступление в брак, не достигнув 23-летнего возраста [8, л. 25об.], чего нельзя сказать о капитане Шукевиче, которому было 43 года [10, л. 8об.].

В вопросах отцовства преуспел подполковник Вольбек, который к 48 годам имел пятерых детей [9, л. 5об.]. Отметим, что у 8 офицеров состоящих в браке детей не было. У кого-то это, возможно, объясняется недавним созданием семьи, другие причины остаются неизвестными.

Сохранившиеся списки по старшинству от 1915, 1916 и 1917 гг. частично позволяют проследить жизненные траектории офицеров выборки и в годы войны, однако для большей полноты данных мы использовали дополнительные фонды РГВИА, в которых фиксировались потери и награждения.

Стоит отметить, что из 38 офицеров, только четверо не попали на фронт. Ими оказались четыре офицера запасных кавалерийских полков, основной задачей которых была подготовка кадров в тылу. Однако два офицера из 7-го запасного кавалерийского полка все-таки добрались до фронта. Александр Вячеславович Пеликан убыл на фронт 25 августа 1914 г. со 2-м маршевым эскадром 1-го гусарского Сумского полка [14, л. 6об.–7]. С 3 июня 1916 г. он находился в Пятигорске на лечении минеральными водами [18, л. 5об.–6]. Позже был переведен в 502-й пехотный Чистопольский полк в чине капитана. Летом 1917 г. погиб, посмертно произведен в подполковники [26, ящик. 7502-П]. Его сослуживец, ротмистр Гортынский, оказался при штабе Западного фронта в мае 1917 г., а позже был зачислен в резерв чинов при штабе Минского военного округа [17, л. 3об.–4].

Помимо погибшего капитана Пеликана на фронте погибли и умерли от ран еще 8 офицеров, а поручик Давидович умер от ран в лагере для военнопленных в городе Ласк [24, ящик. 7448-Д]. По имеющимся данным, в плену оказались подполковник 28-го Полоцкого полка Вусович [21, л. 7об.], поручик 40-го Колыванского полка Шеметилло [19, л. 26об.], его однополчанин штабс-капитан Юрченко-Казаков [22, л. 45об.], переведенный в 244-й Красноставский полк штабс-капитан Шимановский [20, л. 270], перешедший в 5-й стрелковый полк поручик Гринкевич-Судник [23, ящик. 7445-Г], а поручик 39-го Томского полка Шелихов пропал без вести [27, ящик. 7542-Ш].

Установлено, что 13 офицеров получили различные ранения, по причине болезни выбыл офицер 243-го Холмского полка поручик Мощен [25, ящик. 7492-М], а еще 4 человека находившиеся на фронте оказались невредимы.

За годы войны большинство офицеров заслужили различные награды, а самыми заслуженным кавалером стал штабс-капитан Евтухович, заслуживший 7 наград [28, л. 29; 29, л. 238; 30 л. 459об.; 31, л. 70об. – 71; 32, л. 422; 33, л. 786об.; 34, л. 622об.].

Таким образом, сохранившаяся источниковая база, особенно в части довоенной документации, позволяет создавать практически полный социально-профессиональный портрет российского офицера. Военный период также насыщен

источниками различных фондов, вплоть до 1917 г. Далее по понятным причинам количество данных начинает заметно сокращаться, что создает определенные трудности в уточнении судеб многих офицеров при отсутствии упоминаний о них в последующие исторические периоды.

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 408. Оп. 1. Д. 525. Л. 8об.
2. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 785. Л. 1об.
3. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 787. Л. 1об.
4. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 879. Л. 4об.
5. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 879. Л. 8об.
6. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 880. Л. 12об.
7. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 910. Л. 3об.
8. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 910. Л. 25об.
9. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 1194. Л. 5об.
10. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 1194. Л. 8об.
11. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 1194. Л. 14об.
12. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 1194. Л. 17об.
13. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 1194. Л. 21об.
14. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 2221. Л. 6об.–7.
15. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 3024. Л. 19об.
16. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 3024. Л. 26об.
17. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 10660. Л. 3об.–4.
18. РГВИА. – Ф. 408. Оп. 1. Д. 13050. Л. 5об.–6.
19. РГВИА. – Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1188. Л. 269об.
20. РГВИА. – Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1188. Л. 270.
21. РГВИА. – Ф. 16196. Оп. 3. Д. 497. Л. 7об.
22. РГВИА. – Ф. 16196. Оп. 3. Д. 497. Л. 45об.
23. РГВИА. – Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика.7445-Г.
24. РГВИА. – Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика.7448-Д.
25. РГВИА. – Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика.7492-М.
26. РГВИА. – Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика.7502-П.
27. РГВИА. – Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Шкаф. Без номера. Номер ящика.7542-Щ.
28. РГВИА. – Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. 14809. Л. 29.
29. РГВИА. – Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. 14809. Л. 238.
30. РГВИА. – Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. 14810. Л. 459об.
31. РГВИА. – Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. 14828. Л. 70об. – 71.
32. РГВИА. – Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. 14835. Л. 422.
33. РГВИА. – Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. 14836. Л. 786об.
34. РГВИА. – Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. 14844. Л. 622об.

Ключарева А.В.
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК О ЖИЗНИ
ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ «ТУЛЬСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»)

Ключевые слова: провинциальная печать, Первая мировая война, губерния, хроника, благотворительность, патриотизм.

Провинциальная печать – важная составляющая общественной, культурной и духовной жизни губернского города. Ей присущи своеобразные черты в связи с особым положением конкретного губернского города Тулы.

Незначительная удаленность от Москвы, возможность быстрого проникновения столичных идей и настроений в среду «ближней провинции», способствуют

многофакторному научному анализу проблем общероссийского масштаба. Исторически сложилось, что в Тульской губернии доминировал аграрный уклад, но одновременно, активно развивалась промышленность в городах, таким образом, имеются возможности для рассмотрения и сравнения особенностей жизни в сельских и городских районах. Такая многофакторность социально-экономических отношений, близость к Москве позволяет в случае обращения к истории губернии провести плодотворный анализ проблем общероссийского масштаба, отражавшихся на страницах периодической печати.

Среди таких событий Первая мировая война, которая стала испытанием, в котором проверялась сила духа и патриотизма русского народа, уровень военной организации в стране, умение высших руководителей страны организовать защиту государства, а также ее внутреннюю жизнь. Военные события оказали влияние на деятельность всех государственных институтов и общественных организаций.

Среди разнообразных источников по истории Первой мировой войны особое место занимают периодические издания, в которых транслировались главные государственные новости. В то же время местные газеты и журналы публиковали большое количество конкретных материалов, свидетельствовавших о всеобщем патриотическом подъеме общества в начале войны, содержали конкретные примеры героических подвигов русских воинов, характеризовали деятельность различных организаций, появившихся в ходе войны.

Целью данной статьи является анализ периодической печати, издававшейся в Тульской губернии в годы Первой мировой войны, в данном контексте мы хотели бы уделить особое внимание материалам «Тульских губернских ведомостей», так как они являлись главными источниками новостей в губернии. Следует отметить, что ввиду неполноты дошедших до сегодняшнего дня комплектов периодических изданий, осуществлялся отбор наиболее репрезентативных источников с точки зрения изучения истории Первой мировой войны.

С конца XIX в. газеты и журналы становятся в России основным источником информации, это связано с всеобщим подъемом уровня грамотности в пореформенное время. Однако традиционно внимание исследователей фокусируется на столичной печати, провинциальная печать остается за его пределами. Это в полной мере относится и к периодике Тульской губернии, хотя в последние годы появились работы, затрагивающие те или иные проблемы местной прессы. Изучение различных аспектов культурной жизни Тульской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. с помощью периодики осуществил С.В. Савенко [6]. Анализ рекламы на страницах газет провела Н.И. Шелкоплясова [9], истории газеты «Тульские губернские ведомости» посвящена статья Б.А. Играева [3].

Известно, что в начале XX в. в Тульской губернии выпускалось 14 наименований журналов и 24 наименования газет [1, с. 188–189], однако, следует сделать оговорку, что разные издания существовали не одновременно, а могли сменять друг друга. Еще в октябре 1830 г. в России было принято подробнейшее «Положение об издании губернских ведомостей», состоящее из 7 разделов и 65 параграфов, которое регламентировало весь процесс организации выпуска и распространения газеты, определяло ее содержание и структуру. В «Ведомостях» должны были помещаться распоряжения губернских властей, сообщения о назначении и увольнении чиновников, потерянных документах, вызовах к поставкам в казну товаров и торгах на эти поставки, публичной продаже имений и имущества, предупреждения о начале эпидемий, а также различные объявления частных лиц. Первый номер «Тульских губернских ведомостей» вышел 7 января 1838 г. Газета оставалась главным официальным печатным органом и в начале XX в.,

на ее страницах с первых дней войны публиковались высочайшие манифесты и указы, связанные с началом войны, различные патриотические статьи, патриотические приветственные телеграммы императору от жителей Тульской губернии. Только лишь в 1914 г. из Тульской губернии было мобилизовано на военную службу 60 825 человек, а всего за годы войны были призваны более 155 тысяч [4, с. 5]. С 12 апреля 1917 г. издание вошло в газету «Известия Тульского губернского исполнительного комитета».

Газета «Тульские губернские ведомости» состояла из двух частей – официальной и неофициальной. В официальной части публиковались узаконения и распоряжения правительства, затем приказы тульского губернатора, сообщения о движении по государственной службе, судебная хроника.

Высочайший императорский манифест Николая II о начале войны от 20 июля 1914 г. был полностью опубликован именно на страницах «Тульских губернских ведомостей» 30 июля 1914 г., а уже потом дублировался в других изданиях. «В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепитесь еще теснее единение Царя с Его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага» [8].

Одним из главных направлений, характерных для всей печати военного периода, было выражение верноподданнических чувств населения в отношении императора и членов его семьи. Такие заметки встречаются на страницах газеты. 25 октября 1914 г. была опубликована телеграмма на имя императора Николая II от губернатора Тульской губернии А.Н. Тройницкого с выражением верноподданнических чувств воспитанников Тульской семинарии, а в газете от 29 октября последовал ответ от имени императора: «Передайте мое спасибо воспитанникам Тульской духовной семинарии за выражаемые ими чувства верноподданнической преданности» [8]. Подобные телеграммы публиковались и позже в адрес других членов императорской фамилии после резолюции губернатора Тройницкого: «Напечатать в Губ[ернских] Ведомостях» [2, л. 283].

В газете публиковались следующие интересные материалы: объявления о вызове к исполнению воинской повинности новобранцев; списки нижних воинских чинов, попавших в плен или дезертировавших с места службы, семьи которых должны быть лишены казенного продовольственного пособия; цены, которые устанавливали уездные земские управы на продовольствие и фураж для жителей и т.д. Важное место в газете занимала и публикация обращений к гражданам об оказании различной благотворительной помощи, печатались эти призывы обычно на первой странице, а инициаторами являлись разного рода общественные организации. «Скобелевский комитет, открывая госпитали-санатории для лечения воинов, призванных под знамена на защиту Родины, – призывает отзывчивых русских людей внести свою посильную лепту на пользу тех, кого так горячо любил незабвенный Михаил Дмитриевич Скобелев». Комитет Членов Государственной Думы для оказания помощи раненым и пострадавшим во время войны обозначил главную задачу своей работы – «устройство этапных и подвижных лазаретов, а равно перевязочно-питательных пунктов имени Государственной Думы» [8]. В том же номере сообщалось об открытии 15 сентября 1914 г. Дамского комитета Красного Креста в городе Одоеве Тульской губернии, в следующем Городского Попечительства по призрению семей нижних чинов и т.д.

Особой заслугой данного печатного органа была публикация скорбных списков погибших, раненых и пропавших без вести, которые печатались в губернской газете регулярно. Первый из списков появился 29 октября 1914 г. Они следовали с различными временными интервалами на протяжении еще трех лет. Сначала списки публиковались внутри газеты, со временем в виде особого Приложения [5]. Информацию сводили в таблицы, в которых указывалось звание воина, его фамилия, имя, отчество, уезд и волость, из которых был призван, состояние – ранен, убит, в плену или без вести пропал, когда это случилось.

Анализ материалов газеты показывает, насколько важным делом занимались ее сотрудники, поскольку в условиях военного времени данные списки порой являлись единственным источником информации о солдатах для их близких, а также это ценные статистические данные о потерях, значима их роль и для формирования особого почтительного отношения к памяти погибших.

«Тульские губернские ведомости» перестали выходить после Февральской революции 1917 г. За свою восьмидесятилетнюю историю газета очень незначительно изменила свое лицо, приспособляясь, однако к изменениям в общественной жизни. Являясь чисто официальным печатным органом власти, она как исторический источник сохранила для нашего времени множество интереснейших фактов и сведений по экономике, политике и культуре.

1. Библиография периодических изданий России 1901–1916 : в 4 т. – Т. 4. – Ленинград, 1961. – 391 с.
2. Государственный архив Тульской области (ГАТО). – Ф. 90. Оп. 1. Т. 47. Д. 41532.
3. Играв, Б. А. Первая Тульская газета: к 175-летию выхода первого номера газеты «Тульские губернские ведомости» / Б. А. Играв // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – С. 22–29.
4. Последняя война Российской империи. Тульский край в Первой мировой войне 1914–1918. – Тула, 2014. – 296 с.
5. Приложение к № 26 Тульских губернских ведомостей 1916 г.
6. Савенко, С. В. Культурная жизнь Тульской губернии в отражении местной периодической печати 1861–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. наук / С. В. Савенко. – Тула, 2007. – 27 с.
7. Тульские губернские ведомости. – 1914. – 30 июля.
8. Тульские губернские ведомости. – 1914. – 29 октября.
9. Шелкоплясова, Н. И. Становление и развитие газетной рекламы в Тульской губернии XIX – начала XX в. / Н. И. Шелкоплясова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – С. 138–144.

Ростиславлева Н.В.
ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ О РЕПАТРИАЦИИ
«ВРАЖДЕБНЫХ ИНОСТРАНЦЕВ» ГЕРМАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: Первая мировая война, «враждебные иностранцы», репатриация.

Проблема репатриации гражданских лиц в условиях Первой мировой войны – один из наименее изученных сюжетов, который довольно редко выступает как самостоятельная исследовательская тема. В большей степени проблему репатриации изучают в связи с завершением Первой мировой войны [1; 2]. В фокусе исследователей прежде всего находятся военнопленные, интернированные и беженцы [3; 4].

Между тем, когда началась Первая мировая война, на территории воюющих государств оказались сотни тысяч гражданских лиц, подданных вражеских государств, которых в научной литературе принято называть «враждебные иностранцы» или enemy aliens [5, с. 9]. Женщины, дети, мужчины непризывного возраста с самых первых месяцев мировой войны начали покидать государства противника. На территории Российской империи к началу мировой войны находилось 600 тыс. подданных вражеских государств [5, с. 254]. Что касается немецкого населения, то в России проживало 1 790 489 человек, родным языком которых был немецкий [5, с. 254]. Среди них были как российские, так и германские подданные. Проблема репатриации касается прежде всего германских подданных.

Феномен репатриации тесно связан с вызовами национальной безопасности, которые заставили воюющие страны поставить под жесткий контроль возможность выезда «враждебных иностранцев», оказавшихся в годы Первой мировой войны на территории противника. Как уже отмечалось, мужчины – подданные враждебных государств призывного возраста (17–45 лет) подвергались депортациям во внутренние районы

Российской империи и обретали статус интернированных. Нередко за ними из столиц, прифронтовой полосы следовали и их семьи.

Однако процесс репатриации среди германских подданных наблюдался как из России, так и в Россию. В российских архивах можно найти документы на эту тему: данные есть в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), так и в Российском государственном историческом архиве (РГИА).

Большинство дел из ГА РФ по этому вопросу сосредоточено в фонде Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи (Ф. 102). Мы находим там материалы о том, что женщинам, германским подданным, в начале войны репатриация обычно разрешалась. Так, например, был разрешен выезд на родину германской подданной Луизе Гардт [6]. Более того, если женщины, германские подданные, по каким-либо причинам не репатриировались, то они попадали под наблюдение Департамента полиции. Практически не подлежащие высылке гражданские лица *enemy aliens* репатриировались из России до февраля 1915 г. Процесс репатриации был зеркальным. Именно в феврале 1915 г. между Россией и Германией была достигнута договоренность, что гражданские лица, которые не подлежали интернированию, должны покинуть территорию противника до февраля 1915 г. [7]. Также мы находим указание на это в документах ГА РФ. Так, Варшавскому губернатору сообщалось, что «враждебным иностранцам», которые не подпадают под высылки, предоставляется возможность репатриироваться до 1 февраля 1915 г., но если они этим не воспользуются, то должны быть выселены по усмотрению МВД [10, л. 98]. Причем если в начале войны так жестко вопрос не ставился и об этом пойдет речь ниже, то в январе 1915 г. требования ужесточились.

В условиях Первой мировой войны приходилось в короткие сроки решать вопрос о «враждебных иностранцах». Так, например 27 октября 1914 г. был опубликован приказ, запрещавший им находиться в районах расположения войск [9] (речь идет об Эстляндской и Лифляндской губерниях). Они могли выехать как во внутренние районы Российской империи, так и уехать через Петроград и Финляндию за собственный счет за границу, т.е. репатриироваться [5, с. 274].

В основном процесс репатриации осложнялся вызовами безопасности, когда подозрения в шпионаже затрудняли его. В ГА РФ найдены интересные материалы, которые отлично иллюстрируют динамику идентитарных процессов в контексте репатриации. Так, например, германский подданный, финансовый директор завода Гужон, Карл Федорович Граап в сентябре 1914 г. ходатайствовал перед Департаментом полиции о разрешении его жене, урожденной княгини Гагариной вернуться из Германии в Россию [8, л. 1]. Фрау Граап уехала с детьми из России в Германию для поправки здоровья до начала войны. Господин Граап в прошении на имя министра внутренних дел писал: «... моя жена, Екатерина Николаевна Граап, урожденная Гагарина», сообщалось, что ее постоянное местожительство город Москва и что ее захватили в Дрездене, где «она против ее желания находится и теперь» [8, л. 3]. Также господин Граап подчеркивал: ее, и его постоянное место жительства Москва и он «почтительно просит «выдать разрешение на въезд моей жены Екатерины Николаевны Граап, урожденной княжне Гагариной, в Россию, на постоянное местожительство в Москве» [8, л. 3]. Разрешение ей выдали быстро. Было заявлено, что препятствий для въезда в Россию нет. Она приехала, подписывала документы своей девичьей фамилией. Поскольку господин Граап был германским подданным, то пока его жена репатриировалась, его выслали из столицы сначала в Астраханскую губернию, затем в Вологду. Архивные документы подробно повествуют, как его жена, урожденная Гагарина, пыталась вернуть мужа в Москву, как она приводила такие аргументы, что у того слабое сердце, что он никогда не состоял на военной службе. В итоге она выехала в Вологду к мужу как русская подданная [8, л. 51об.]. Но департамент полиции был непреклонен.

Прошло время, и самоидентификация женщины изменилась. Теперь ее задача – выезд из России по причине слабого здоровья мужа. Сам Граап в письме от 16 августа 1915 г. к товарищу министра внутренних дел, рассказывал о том, что у него было кровоизлияние в мозг, что ему уже больше 45 лет, что он никогда не состоял по состоянию здоровья на военной службе, и просил уже разрешить ему выехать в нейтральную Швецию [8, л. 28].

После этого следует переписка, где фигурирует его жена, которая в апреле 1916 г. как германская подданная, проживающая в Вологде, просила разрешение на выезд в Германию [8, л. 51]. В итоге ей как германской подданной вместе с дочерью выезд в Германию был разрешен 18 апреля 1916 г. Вторая репатриация в итоге состоялась. Этот пример очень ярко и выпукло характеризует ситуативную идентичность, которая не была редкостью в условиях мировой войны.

Что касается РГИА, то там в 821 фонде отложились документы Департамента духовных дел МВД, вопросы репатриации в них поднимались нечасто. Однако удалось обнаружить «Ходатайство гессенского подданного отставного профессора и священника Рудольфа Шлоссера о разрешении ему вернуться на родину» [9]. Интересно, что отставной священник обратился с ходатайством не в МВД, а в канцелярию ее величества государыни императрицы Александры Федоровны в сентябре 1914 г. Но о ходатайстве, безусловно, было сообщено в Департамент полиции МВД, а Департамент духовных дел докладывал: у него нет данных о священнике Шлоссере, так как он «не испрашивал разрешения для того, чтобы читать проповеди и вести духовные беседы у Евангелическо-Лютеранской Генеральной консистории...» [9, л. 2]. Отставной священник приехал в Курляндию в мае 1914 г., чтобы навестить сестру и заболел туберкулезом. Это был абсолютно частный визит человека, которому как священнику запрещено было служить в армии даже в военное время. Однако он был подвергнут полной проверке: последовали несколько зашифрованных телеграмм, в которых запрашивались возраст и данные о личности просителя. К делу подключилась канцелярия губернатора Курляндии. МВД в срочной депеше Департаменту духовных дел излагало историю Р. Шлоссера, где отмечалось, что ни в чем предосудительном он замечен не был, на военной службе не состоял, здоровье его улучшается [9, л. 7об.]. Департамент духовных дел уведомлял Департамент полиции, что «с их стороны не встречается препятствий к выезду священника Шлоссера за границу [9, л. 7об.]. Вопрос о репатриации «враждебных иностранцев» в военное время решался МВД, поэтому фонды Департамента духовных дел не дают полной картины о судьбе Р. Шлоссера. Неясно был ли он отпущен на родину. Необходим поиск в фондах ГА РФ, который пока не дал результата.

Бесспорно, в делах о «враждебных иностранцах» или как они называются в архивных документах «неприятельских подданных» преобладают дела об их высылке во внутренние районы империи. Есть специальные материалы «О порядке высылке германских, австро-венгерских, турецких подданных» [10]. Причем государство в большей степени по соображениям безопасности было заинтересовано их высылать, а не репатриировать «враждебных иностранцев». Так, например, беспрепятственно выдавались русские виды на жительство германским подданным [10, л. 2]. Как уже отмечалось, германские подданные «мирно занимающиеся и находящиеся вне всякого подозрения могут оставаться на своих местах или выехать за границу» [10, л. 14]. В материалах архива найдены документы, относящиеся к самому началу войны, где четко было прописано, что германские и австро-венгерские подданные будут находиться в ведение МВД, военное же министерство будет распоряжаться только военнопленными, взятыми с театра военных действий [10, л. 14].

Еще один связанный с репатриацией кейс, представляет дело капитанов пароходов Германской империи «Кэт Марта», «Фальк», «Кринсхильд», «Седина». Когда началась война, они оказались в Риге и были высланы в Ярославль. Капитаны надеялись на репатриацию, так как они были старше 45 лет. Любопытно, что МИД репатриацию им разрешал, тогда как Департамент полиции МВД ее затягивал вплоть до февраля 1915 г., когда Германия и Россия урегулировали все необходимые формальности, связанные с первым этапом репатриации. В итоге в феврале 1915 г. их вопрос был решен положительно, но их под конвоем сопровождали к кораблю, который должен был доставить германских капитанов в шведские порты [11, л. 1–6, 10, 12, 16, 25, 28].

Таким образом, процесс репатриации из Российской империи германских подданных в годы Первой мировой войны имел ограниченный характер, однако гражданские лица обоего пола имели возможность выехать на родину. Безусловно, самым репрезентативными в этом отношении являются документы Департамента полиции МВД, хотя и в иных фондах можно обнаружить стремление германских подданных к репатриации, но решение вопроса не носит всеобъемлющего характера.

1. Piana, F. Humanitarian Protection for Prisoners of War and Refugees in the Long Aftermath of the First World War / F. Piana. – Leiden : Leiden University Press, 2024. – 302 p.

2. Боровская, О. Н. Вопрос миграции гражданского населения в работе Смешанной комиссии по репатриации в 1921–1924 гг. / О. Н. Боровская // Вестник РГГУ. Политология. История. Международные отношения. – 1924. – № 4. – С. 157–168.

3. Белова, И. Б. Горели села и города: российское беженство Первой мировой войны в воспоминаниях очевидца / И. Б. Белова // Вестник РГГУ. Политология. История. Международные отношения. – 1924. – № 4. – С. 145–146.

4. Нагорная, О. С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии, 1914–1922 / О. С. Нагорная. – М. : Новый хронограф, 2010. – 440 с.

5. Ростиславлева, Н. В. Феномен гражданского плена в России и Германии в годы Первой мировой войны / Н. В. Ростиславлева, А. Бауэркемпер. – М. : РГГУ, 2023. – 481 с.

6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) – Ф. 102. Оп. 71. Д. 72.

7. Ростиславлева, Н. В. Российские гражданские пленные в Германии (1914–1918): репрезентативность документов земельного архива Саксонии / Н. В. Ростиславлева // История и архивы. – 2023. – № 3. – С. 123–136.

8. ГА РФ. – Ф. 102, Оп. 71, Д. 72. Ч. 104.

9. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 821. Оп. 133. Д. 1055.

10. ГА РФ. – Ф. 215. Оп. 1. Д. 432.

11. ГА РФ. – Ф. 102. Оп. 71. Д. 72. Ч. 10.

Дубровская Е.Ю. **«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» НА СТРАНИЦАХ СОЛДАТСКИХ И МАТРОССКИХ ПИСЕМ 1917 ГОДА: НАСТРОЕНИЯ, СИМПАТИИ, ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ В ФИНЛЯНДИИ¹**

Ключевые слова: письма военнопленных, Российская революция, 1917 г., Финляндия.

Российские войска, стоявшие в автономном Великом Княжестве Финляндском ещё с начала XIX в., со времени завоевания Финляндии Россией у Швеции в 1808–1809 гг., столетие спустя оказали заметное воздействие на ход событий революционных событий 1917 г. как в самой Финляндии, так и в российской столице, и в российско-финляндском приграничье. К 1918 г., не трогаясь из мест дислокации своих частей на северо-западной границе бывшей Российской империи, военнопленные неожиданно оказались на территории независимого соседнего государства.

¹Статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания КарНЦ РАН (124022000029-0).

Многочисленные протоколы и резолюции солдатских и матросских собраний, заседаний комитетов воинских частей, материалы военной цензуры, опубликованные и хранящиеся в архивах письма российских военнослужащих в Финляндии, позволяют проследить, насколько сложным в обстановке продолжавшейся Первой мировой войны оказалось их отношение к российскому правительству, политике финляндских властей, к местному населению.

Большинство неопубликованных документов обнаружено среди материалов Национального архива Финляндии, в частности, в коллекции «Русские военные бумаги», и в фондах Российского государственного архива Военно-морского флота в Санкт-Петербурге (РГА ВМФ), в Российском государственном Военно-историческом архиве (РГВИА), в Архиве Финского Литературного общества. Уникальным источником являются письма солдат, матросов и офицеров нижнего звена, многие из которых имели мандаты представительных демократических организаций, в редакцию «Известий Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих» [2, с. 289–311].

В 1917–1918 гг. социальные последствия военных действий и существования военных институтов переплелись с последствиями революционных потрясений всех слоев жизни российского общества. Для изучения общественных настроений людей, оказавшихся очевидцами или участниками событий, письма имеют особое значение. В них нашли непосредственное отражение представления военнослужащих о переживаемом моменте. Разумеется, письма и иные источники личного происхождения (дневники, воспоминания), как официальные источники (приказы и распоряжения, военная печать и публицистика, наградные материалы) не свободны от идеологически окрашенных смысловых клише, часто возникавших против желания самих людей под воздействием нормативных суждений, утвержденных властью [9].

В письмах, адресованных на родину и в редакции газет, отразилось мировосприятие военнослужащих различной этнической принадлежности (русских, украинцев, белорусов, чувашей и т.д.), они позволяют изучать повседневную жизнь российских войск в финляндской столице и в тыловых гарнизонах Финляндии.

«Эго-документы» дают возможность судить об умонастроениях «маленького» «человека с ружьем» и свидетельствуют о том, что Февраль, объявив его гражданином, втянул в большую политику, которая пришла на улицы, в казармы и матросские кубрики [5, с. 115–121]. Письма моряков и армейцев в редакцию гельсингфорсских «Известий» дают возможность проследить, как при помощи уже возникших революционных символов авторы газетных публикаций целенаправленно формировали представления читательской аудитории, увидеть, какой была судьба этих представлений, как на уровне массового сознания определенные символы наполнялись иным содержанием, подчас весьма отличным от того, что виделось представителям политических партий.

В письмах военнослужащих упоминаются партийные лозунги, девизы, словесно выраженные обобщенные понятия, и прежде всего – Свобода, Свободная Россия, Революция, Единая семья освобожденных граждан страны. Как показал петербургский историк П.К. Корнаков, вербальная символика составляет одну из групп, на которые наряду с цветовой, изобразительной, музыкальной символикой можно условно разделить символы Русской революции, постоянно переплетавшиеся и взаимодействовавшие друг с другом [6, с. 359–364].

Настоятель Гельсингфорсского Успенского Собора протоиерей А.А. Хотовицкий писал в пасхальном номере редактировавшегося им журнала: «Русь переживает в эти дни небывалое, великое. Все мы живем повышенной жизнью. Чудо обновления России, одухотворенное свободой, охватило нас. Повседневное, обычное отошло на задний план...» [1, с. 5–6]. «С праздником Свободы и с красным революционным яйцом» по-

здравлял сограждан накануне праздника Пасхи со страниц гельсингфорских «Известий» депутат Исполнительного комитета Совета солдат А. Крутов [3]. «Послали ли вы пасхальное яичко к Светлому Празднику в окопы, на передовые позиции?» – напоминал А.А. Хотовицкий прихожанам, и русское население финляндской столицы откликнулось на этот призыв с тем же энтузиазмом, что и в начале войны в Рождественские, а затем и Пасхальные праздники 1915 г.

Весной 1917 г. новая революционная фразеология стала объектом подтрунивания со стороны сотрудников редакции абоских «Известий», которые в разделе юмора предложили читателям ряд подобных штампов, выдержанных в духе времени: «С днем товарища ангела», «С группой сознательных новорожденных», «Комиссия подрайонной группы уездных дезертиров», «гражданин покойный дядюшка» и т.д. [3]. Обращение «товарищ», прежде употреблявшееся революционным подпольем, весной – летом 1917 г. стало узнаваемой приметой языка победителей.

Многие из них были носителями антиклерикальных воззрений, однако зачастую продолжали оставаться в поле воздействия глубокой религиозной традиции, даже не осознавая этого [5, с. 61]. Среди символов революции, встречающихся на страницах писем в редакцию гельсингфорских «Известий», наиболее часто появляются Свобода и образ «дорогой матери – свободной революционной России». Свобода как символ европейских революций вошла в число образов, излюбленных авторами писем, благодаря выразительному использованию девиза Великой Французской революции «Свобода! Равенство! Братство!» в книжной, журнальной, плакатной графике, при оформлении знамен и лозунгов [4, с. 389].

В обращении матроса Чугунова «к гражданам-воинам» примечательны как образы Свободы и Единения граждан России, так и характерное для первых революционных месяцев представление солдат и матросов о врагах Родины во главе с бывшим российским монархом, которые наделялись зооморфными и инфернальными признаками [10].

В изобразительной символике Русской революции Свобода обычно выступала в виде прекрасной женщины в античном одеянии. А в этом обращении, которое было озаглавлено «Великий социалист» и посвящалось изложению основ учения Христа, Свобода предстает в общехристианском образе пастыря, зорко оберегающего, несмотря на свой младенческий возраст, вверенное его заботам беззащитное стадо. Образы России и Свободы персонифицированы как мать и дитя, которых необходимо уберечь от «внешнего врага» – «кроважидного Вильгельма, не признающего ни Божеских, ни человеческих законов». Во имя продолжения войны с Германией автор письма призывает «обняться в братском объятии и стоять на страже, охраняя мать нашу родину и священную свободу от врага» [10].

Почти в каждом из присланных в редакцию гельсингфорских «Известий» многочисленных стихотворных рассуждений военнотружущих о «больных вопросах», связанных с событиями в стране, можно обнаружить символы, особенно присущие рифмованному тексту. Иногда в них встречаются весьма оригинальные образы. Так, стихотворение солдата И. Вихрова, проникнутое явной враждебностью к офицерам, особенно к высшему командованию, начинается традиционным обращением к сослуживцам-рядовым («Мы свободные граждане Русской матери-земли») и напоминанием им о том, что «дела много впереди».

Многочисленная корреспонденция, поступившая в адрес центральных газет весной 1917 г., свидетельствует о том, что в это время, особенно в марте, отношение к рухнувшей монархии стало животрепещущей проблемой для солдат и рабочих. Для выражения антимонархических настроений рядовые использовали и музыкальную символику. Солдат Свеаборгского крепостного военного телеграфа В. Попов,

приславший в редакцию гельсингфорских «Известий» стихотворение «Расплата», начал его почти дословной цитатой из широко известной революционной песни «Смело, товарищи, в ногу» [10].

Пропагандистская кампания в пользу «народного министра» Керенского весной 1917 г. сформировала в прессе образ, призванный создать и усилить восприятие этой личности как избранной. В полном соответствии с духом этой кампании свеаборгский артиллерист Г. Андреев в начале июля назвал Керенского «славным бесстрашным рыцарем Доблестной армии и флота», а в одном из писем, полученных на флоте из провинции, Керенский именовался «истинно великим человеком» [10]. Позже, указывая на явные признаки разложения армии, член офицерского комитета 3-го Прибалтийского конного полка В. Любимов с горечью писал: «Могут сказать, что Гучков [военный министр Временного правительства – *Е.Д.*] был буржуй и империалист, но значит, есть пропасть, на краю которой стоит наша Россия, если даже Керенский, тот, на которого смотрела вся Россия, как на упорного борца свободы, даже тот кричит об этой опасности. Страна может защищаться только армией. У нас этой армии нет. Керенский попытался спасти ее, но эти попытки бесполезны» [7].

Датированное серединой марта 1917 г. воззвание судового комитета линейного корабля «Андрей Первозванный» к мастеровым, работавшим на оборону, использует те же героические символы военного времени (память о павших воинах) и новую революционную символику [10]. Среди символических образов врагов в письме матроса транспорта «Кама» С. Литвинова присутствует кайзер Германии – «проклятый гений Вильгельм», который «залил всю карту кровью наших братьев». Обратившись в апреле 1917 г. к солдатам и рабочим, автор напомнил гражданам Свободной России, что они «все свои силы должны сплотить воедино» и отстоять «долгожданную свободу и прочный мир для всего человечества всего мира» [10]. Известно, что жертвенность почти всегда сопутствует мессианству, мессианские настроения характерны для политической традиции русских революционеров, определявшей в 1917 г. образ мыслей почувствовавшего вкус к политике «маленького человека» [8, с. 268].

Источники личного происхождения свидетельствуют, что финляндская революция и революция в российских гарнизонах были тесно переплетены между собой, что позволяет сделать предположение о развивавшемся в это время, несмотря на отсутствие тесных контактов между военными и гражданским населением Финляндии, процессе «двойной радикализации».

1. Гельсингфорский приходский листок. – 1917. – № 4.
2. Дубровская, Е. Ю. Российские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918) / Е. Ю. Дубровская. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2024. – 456 с.
3. Известия Совета депутатов Або-Оландской укрепленной позиции. – 1917. – 24 апр.
4. Ильина, Г. И. Образ европейских революций и европейская культура (март 1917 г. – ноябрь 1918 г.) / Г. И. Ильина // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. – СПб. : Глагол, 1994. – С. 383–393.
5. Колоницкий, Б. И. Семнадцать очерков по истории российской революции / Б. И. Колоницкий. – СПб. : Изд-во ЕУ в Санкт-Петербурге, 2017. – 144 с.
6. Корнаков, П. К. Символика и ритуалы революции 1917 г. / П. К. Корнаков // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. – СПб. : Глагол, 1994. – С. 356–365.
7. Любимов, В. «Россию забыли» / В. Любимов // Известия Совета депутатов Або-Оландской укрепленной позиции. – 1917. – 20 мая.
8. Ольнева, О. В. Общественные настроения российской провинции в 1917 году / О. В. Ольнева, В. П. Федюк // Социальная история: ежегодник 2010. – СПб. : Алетейя, 2011. – С. 251–283.
9. Суржикова, Н. В. Россия 1917 года в отечественных и зарубежных эго-документах / Н. В. Суржикова // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – № 4. – С. 25–34.
10. Kansallisarkisto (Национальный Архив Финляндии). – Кол. «Русские военные бумаги». – 342: 4. – Д. 11970 (листы не нумерованы).

РАЗДЕЛ 5

ИСТОЧНИКИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Мясоедова С.Н.
К ВОПРОСУ РЕГИСТРАЦИИ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ
И СОБИРАНИЯ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ ВСЕХ КОНФЕССИЙ
В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917–1922 гг.

Ключевые слова: Метрические книги, загс, нотариат, Витебская губерния, акты гражданского состояния.

С принятием 18(31) и 19 декабря 1917 г. декретов СНК и ВЦИК «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и «О расторжении брака» соответственно началась новая эра формирования системы семейного права в Российской республике, частью которой была и Витебская губерния.

Регистрация таких актов, как брак, рождение, смерть, развод была объявлена касающейся гражданского состояния, соответственно для ее осуществления следовало обращаться лишь в органы гражданской власти. В целом для регистрации каждого из актов было предусмотрено прохождение определенной процедуры, при этом в регионах отмечались особенности, характерные черты, которые в итоге сегодня рисуют общую картину формирования органов записи актов гражданского состояния (далее – загса) и историю системы семейного права. Важнейшим, первостепенным элементом этого процесса стала повсеместная организация специальных отделов для производства записей актов гражданского состояния.

4 января 1918 г. была опубликована инструкция Народного комиссариата юстиции и Народного комиссариата местного самоуправления «Об организации отделов записей браков и рождений». Отделы на местах предлагалось создавать немедленно при волостных, уездных и районных земских управах, были определены их цели, задачи, функции и состав [12]. Однако к тому времени во многих регионах земские управы находились в стадии ликвидации как дореволюционные исполнительные органы власти, соответственно организовать отдел в соответствии с инструкцией возможности не было. В этих условиях местные власти выходили из создавшегося положения по-разному. Так, 19 марта 1918 г. «особый подотдел для ведения записей о гражданских браках, рождениях и смерти по г. Витебску» был организован в структуре отдела городского хозяйства Витебского Совета рабочих и солдатских депутатов [8, л. 20–20об.]. Он проработал всего несколько месяцев, так и не получил четкого наименования, назывался то «брачным столом», то «отделом метрических книг». Среди его первоочередных задач было собирание метрических книг всех конфессий и внесение отметок в документы о расторжении брака по приговору суда [8, л. 3, 4–4об., 20–20об.].

Циркуляром отдела юстиции Западной области, в состав которой входила и Витебская губерния, изданным не позднее 27 июля 1918 г., было предписано всем заведующим отделами юстиции области приступить к принудительному изъятию всех книг, касающихся регистрации браков, рождений и смерти, и передаче их в соответствующие нотариальные отделы. На местах отделам юстиции следовало также издать обязательное постановление, которым обязать граждан являться для регистрации браков, рождений или смерти только в нотариальный отдел с указанием, что «свобода совести в данном случае не нарушена» [6, л. 17–17об.].

12 августа 1918 г. в структуре секции юстиции Витебского губернского Совета крестьянских, рабочих, солдатских и батрацких депутатов (губсовета) в г. Витебске были открыты три народных нотариальных отдела (по одному в 1-м, 2-м, и общий в 3-м и 4-м участках милиции), которые заменили дореволюционные частные нотариальные конторы. Для регистрации акта гражданского состояния следовало обращаться только в отдел по месту жительства (кроме приезжих, которые могли регистрироваться где угодно). Первоначально заведование нотариальными отделами было возложено на бывших частных нотариусов Владимира Павловича Сомова, Евстафия Александровича Гесс де Кальве, Евгения Гавриловича Горяинова [3; 6, л. 19–20].

13 августа 1918 г. в Витебске с чистой страницы старых книг народные нотариусы начали регистрацию актов гражданского состояния с первого номера. К 1 сентября здесь преимущественно регистрировались браки и смерти, однако непродолжительный период работы не давал возможности отделу юстиции Витебского губсовета включить эту работу в свой отчет [3].

К сентябрю 1918 г. были открыты народные нотариальные отделы в Неволе и Велиже [3], 30 сентября 1918 г. – в Городке. За октябрь 1918 г. в последнем были зарегистрированы 21 брак, 56 рождений (34 мальчика и 22 девочки), 41 смерть [5].

Нотариусам секция юстиции Витебского губсовета предлагала считать регистрацию брака незаурядным и важным событием в жизни любого человека, «обставлять сравнительной торжественностью» [6, л. 21–21об.]. Сам алгоритм осуществлялся в соответствии с декретом «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18 декабря 1917 г. Потенциальным молодоженам следовало подать устное или письменное заявление (в свободной форме) в специальный отдел. В немногочисленных случайно сохранившихся в архивных документах заявлениях можно выделить следующие формулы: «... просим обвенчать нас гражданским браком», «...просим записать нас гражданским браком», «...прошу произвести запись для моего вступления в брак», «...просим записать нас в книгу браков согласно декрета Совнаркома» и др. В заявлении обязательно указывалось, что вступление в брак является добровольным [2, л. 3, 10, 14, 20, 23, 44, 46, 48–54]. Далее секретарь заполнял книгу регистрации: вписывал номер записи по порядку, дату заключения брака, звания, имена, отчества фамилии, род занятий, возраст брачующихся, адрес их постоянного места жительства. Молодожены ставили подпись под фразой: «Заявляем о добровольном вступлении в брак и об отсутствии законных препятствий». Ограничения для вступления в брак были минимальными: достижение брачного возраста для юношей 18, для девушек 16 лет, отсутствие родства по прямой линии, психических заболеваний, брачующиеся должны были быть свободны относительно состояния в другом браке [11]. Впоследствии предлагалось давать разрешение на брак лицам, не достигшим брачного возраста лишь в самых крайних случаях. Традиционно принятие в крестьянское хозяйство новой рабочей силы (зятя или невестки) было выгодно хозяйству, однако ввиду «возложения всех тягостей на подростков», отрицательно сказывалось на организме молодых людей [2, л. 64]. Далее документ подписывал нотариус или его заместитель: «Брак заключен в присутствии моем». Нотариусам Витебска секция юстиции Витебского губсовета рекомендовала «почтить вставанием новый союз на благо человеческой семьи», затем передать молодоженам обручальные кольца (при их наличии) и вручить первый семейный документ, «метрику» (свидетельство о регистрации брака) и поздравить их [6, л. 21–21об.].

Отношение молодых людей к нововведениям было двояким. Многие воспринимали возможность вступления в гражданский брак с воодушевлением. «Не хочу венчальных колец», – говорили будущие молодожены, представляя свадьбу «без иконы, без богомоления». С другой стороны, гражданский брак воспринимался как форма сожительства с отсутствием обязательств друг перед другом. «Не надо мне хозяйство, с кух-

нею возня, ведь брак у нас гражданский и свободна я», – говорила молодая жена в сатирическом стихотворении «Гражданский брак» неизвестного автора. А муж, если его что-то не устраивало, отвечал, что «вечером могу жениться, а на утро разводиться» [4].

Рождение детей также следовало регистрировать в нотариальных отделах с предоставлением при этом двух свидетелей или медицинского свидетельства на предмет удостоверения акта рождения.

Для регистрации смерти судебные и иные административные власти, родственники и лица на попечении коих находился умерший, обязаны были заявить о смерти в нотариальной отдел, предъявив документы умершего и свидетельство о смерти, выданное врачом. Работники кладбищ не имели права производить похороны без предъявления удостоверения, выданного нотариальным отделом.

Бракоразводные процессы по взаимному соглашению супругов велись также в нотариальных отделах, без соглашения – в народном суде.

Такие акты, как крещение, обрезание, погребение, а также регистрацию браков и разводов могли первоначально совершать служители культа, но только после получения удостоверения о регистрации акта от светской власти [17].

22 октября 1918 г. был принят Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, первый кодекс советской власти и первый опыт кодификации. Постановлением коллегии Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) от 18 ноября 1918 г. при НКВД был учрежден Центральный отдел загса (Центрозагс), на который возлагались функции общего надзора за делопроизводством по актам гражданского состояния, составление и ведение общего реестра зарегистрированных лиц и выдачи справок (выписок) из общего реестра. Одновременно следовало организовывать на местах окружные (при отделах управления губисполкомов) и местные (при отделах управления волостных, городских, уездных исполкомов) подотделы загса. В окружных подотделах составлялись реестры лиц, проживающих в пределах губернии, выдавались справки из реестров, осуществлялся надзор за делопроизводством в местных отделах. Местные отделы осуществляли регистрацию всех событий, влияющих на гражданское положение лиц; выдавали справки из реестров [5, л. 15–15об.; 6, л. 74–75].

9 декабря 1918 г. отдел управления Витебского губисполкома направил письмо в Витебский окружной народный суд с предложением всем нотариальным отделам подготовить к сдаче книги регистрации актов гражданского состояния во вновь организуемый подотдел [6, л. 74–75], предписал всем уездным и волостным исполкомам организовать отделы к 1 января 1919 г., чтобы начать работу с нового года [1]. Первоначально планировалось, что подотдел загса при отделе управления Витебского горисполкома должен состоять из заведующего и машинистки, на должность заведующего рекомендовалось брать специалиста, хорошо знакомого с канцелярским делом, а также грамотного и честного [2, л. 53].

1 января 1919 г. в Витебске в помещении бывшей конторы нотариуса В.П. Сомова на Замковой улице открылся окружной отдел записей актов гражданского состояния. Заведующим отделом был назначен Герц Залманович Левин [14]. Однако загс работал в этом здании недолго, уже к концу января был перемещен в бывшее здание духовной консистории.

Далее обязательным постановлением окружного отдела загс при отделе управления Витебского губисполкома от 28 января 1919 г. «О метрических книгах» метрические книги всех вероисповеданий за все годы все учреждения, в которых хранились метрические книги, должны были сдать таковые в окружной отдел. Для технического перемещения метрические книги из городских и сельских храмов и домов всех вероисповеданий подлежали изъятию и передаче сначала в отделы управления местных

исполкомов, которые затем черновые экземпляры передавали местным (городским, волостным) отделам записи актов гражданского состояния, а чистовые пересылали в окружной отдел. Служителям культов после изъятия книг представлялось право при желании копировать их, но воспрещалось под страхом уголовной ответственности выдавать какие-либо выписки из этих книг без разрешения гражданских властей. Все лица, уклонявшиеся от исполнения постановления или скрывавшие метрические книги, могли привлекаться к уголовной ответственности по всей строгости закона и суду революционного трибунала.

Городским и уездным отделам управления предоставлялось право в случае затруднений продлевать сроки предоставления метрических книг, сообщая о каждом отдельном случае в окружной отдел записи актов гражданского состояния.

Населению губернии объявлялось, что для получения необходимых справок или выписок из метрических книг за прежние годы необходимо обращаться исключительно в окружной отдел записи актов гражданского состояния, а за справками текущего года – в местные отделы таковых [13].

17 января 1919 г. был организован местный отдел загс при отделе управления Городокского уездного исполкома [7, л. 8, 9.], к 6 февраля – Витебского горисполкома. Последний временно размещался вместе с нотариальным подотделом на улице Урицкого. Прием граждан и регистрация актов производились в присутственные дни с 10.00 до 16.00 [16].

В феврале 1919 г. отдел управления Витебского уездного исполкома обязал организовать в волостях уезда местные отделы записей актов гражданского состояния. Сохранились сведения о том, что в январе – феврале 1919 г. в местном отделе записей актов гражданского состояния Вымнянского волысполкома Витебского уезда было зарегистрировано 47 рождений, 10 смертей, 47 браков и ни одного развода [2, л. 46, 47].

Циркуляром Центрозагса от 24 апреля 1919 г. было установлено обязательное для всех отделов унифицированное название: «Окружной (местный) отдел ([подотдел]) записей актов гражданского состояния». Употреблять все другие наименования признавалось недопустимым [6, л. 66].

К 1922 г. структура местных отделов (подотделов) загса была сформирована. Витебский окружной подотдел загса на октябрь 1922 г. состоял из трех отделений.

Организационно-юридическое отделение занималось организацией местных подотделов загса, разъяснением статей Кодекса применительно к местным условиям, выдачей разрешений на отступление от нормы брачного возраста и др.

Осведомительно-отчетное отделение осуществляло надзор за общим ходом работы местных подотделов, здесь составлялись статистические отчеты о регистрации актов гражданского состояния. За время октябрь 1921 – август 1922 гг. в Витебске было зарегистрировано 3 597 рождений, 2 180 смертей, 2 179 браков, 42 развода, 21 перемена фамилий. Уездные и волостные загсы Витебской губернии зарегистрировали 28 974 рождений, 18 226 смертей, 26 740 браков, 512 разводов, 32 перемены фамилий. Всего было зарегистрировано 74 552 событий [7]. Для сравнения к 1 октября 1921 г. в Витебской губернии действовали 183 местных подотдела загса, которые за время с 1 января по 1 июля 1921 г. зарегистрировали 19 180 рождений, 11 371 смертей, 7 165 браков, 266 разводов, 1 человек был признан безвестно отсутствующим, рассмотрено 24 заявления о происхождении зачатых детей и 8 – о перемене фамилии [15].

В архивном отделении хранились метрические книги (церковные и гражданские), по ним делали справки, вносили исправления по решениям народного суда. К 1922 г. подлинники метрических книг почти полностью были собраны. Копии, которые должны были храниться в местных подотделах, к сожалению, часто отсутствовали (сгорели при пожаре, разграблении волысполкома и др.), имевшиеся в наличии хранились в не-

запертых помещениях, трепались, из них вырывали листы для удовлетворения текущих потребностей. Кроме того, из-за отсутствия копий на местах окружной отдел загса обслуживал всю губернию. За октябрь 1921 – сентябрь 1922 гг. специалисты исполнили 1 493 запроса от учреждений, 9 431 запрос от частных лиц, проставили 76 отметок в метрических книгах о расторжении браков. Указанная работа считалась весьма трудной, требовала внимания и аккуратности, а граждане не всегда указывали точные данные, из-за чего на исполнение запросов специалисты тратили много времени.

Таким образом, к 1922 г. в Витебской губернии была выстроена советская система регистрации актов гражданского состояния. Изучение архивных документов дает возможность далее исследовать историю не только органов загса, но и представить срез общества в определенный временной период с традициями, ритуалами, региональными особенностями. Дополнительного изучения требует история собирания, хранения метрических книг различных конфессий, которые даже в первые послереволюционные годы назывались весьма ценным историческим источником.

1. Гражданская регистрация // Витебский листок. – 1918. – 27 декабря. – № 1080. – С. 3.
2. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВт). – Ф. 28. Оп. 1. Д. 5.
3. ГАВт. – Ф. 56. Оп. 1. Д. 28. Л. 9.
4. ГАВт. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 315. Л. 353–354.
5. ГАВт. – Ф. 567. Оп. 1. Д. 1. Л. 14 14об.
6. ГАВт. – Ф. 567. Оп. 1. Д. 2.
7. ГАВт. – Ф. 567. Оп. 1. Д. 10. Л. 8, 9.
8. ГАВт. – Ф. 1001. Оп. 1. Д. 10.
9. ГАВт. – Ф. 1821 Оп. 1. Д. 425. Л. 342–345.
10. ГАВт. – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 878. Л. 20–22.
11. Декрет ВЦИК и СНК «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния». 18 декабря 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1917. – 29 декабря. – № 11. – Ст. 160.
12. Инструкция Народных комиссариатов юстиции и по местному самоуправлению «Об организации отделов записей браков и рождений». 4 января 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1918. – 9 января. – № 14. – Ст. 200.
13. О метрических книгах // Витебский листок. – 1919. – 26 января. – № 1109. – С. 2.
14. Открытие окружного отдела записей актов гражданского состояния // Витебский листок. – 1919. – 1 января. – № 1084. – С. 2.
15. Отчет Витебского губернского исполнительного комитета к IX съезду Советов за 01.12.1920 – 01.10.1921. – Витебск, 1921. – С. 68–69.
16. Нотариальный отдел // Витебский листок. – 1919. – 6 февраля. – № 1120. – С. 4.
17. Регистрации актов гражданского состояния // Витебский листок. – 1918. – 31 декабря. – № 1083. – С. 2.

Ивашкевич Е.Ф.
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Ключевые слова: конституция, социально-политическая сущность конституций, основные этапы конституционного развития государств.

Конституционализация государства обычно рассматривается как окончательное оформление государственности. Наличие конституции – одно из условий для признания нового государства международным сообществом. Именно в конституции устанавливаются конституционно-правовые нормы общего характера, являющиеся основополагающими для конституционно-правового регулирования. В Конституции и через нее общество реализует свое видение обновляемой государственности, а в известных пределах и свою национальную идею. Разумеется, Конституция – это не собрание политических программ и философских концепций. В соответствии со своим назначением, отведенной ролью в жизни страны она представляет собой юридический акт со всеми чертами и свойствами, присущими Основному закону.

Конституции отведено приоритетное, ключевое положение в правовой системе. В ней закрепляются идеи и принципы, определяющие характер общества, базовые принципы экономики, политики, социальной сферы, государства и права. И Конституция тем успешнее выполняет свою функцию в развитии общества, чем она ближе к национальной идее, точнее и полнее выражает ее установки. Конституция, которая расходится с национальной идеей, игнорирует ее, не говоря уже о ситуации, когда она идет против национальной идеи, не может иметь никаких шансов на понимание и на ее признание со стороны общества.

Конституция, прежде всего, вносит порядок и организацию в жизнь страны и, что особенно важно, определяет основы положения человека в обществе, принципы взаимоотношений человека и государства. В настоящее время в мире насчитывается около 200 Конституций. Одни из них были приняты свыше 200 лет назад, некоторые – совсем недавно. В становлении основных законов зарубежных государств можно условно выделить ряд этапов особенно активного конституционного правотворчества.

«Первая волна» принятия конституций – конец XVII в. – Первая мировая война 1914–1918 гг. Так, Конституция США, принятая в 1787 г., является первой писаной Конституцией и основывается на принципе разделения властей, федерализме, судебном конституционном надзоре, соблюдении естественных прав личности. Британская «неписанная» Конституция XVII–XIX вв. стала выражением компромисса буржуазии (предпринимателей) и дворянства сначала в пользу первых (усиление роли нижней палаты парламента, имущественные цензы в избирательном праве), а теперь – в пользу «среднего класса» (социальное законодательство), хотя и сейчас отголоски прежней борьбы находят отражение в конституционном законодательстве (последние 92 наследственных члена Палаты лордов в соответствии с Законом 1999 г. были исключены из нее в 2003 г.). В означенный период принимаются Конституции Франции (1791, 1793, 1795 и др.), Норвегии (1814), Бельгии (1831), Италии (1848), Канады (1867), Люксембурга (1868), Германии (1871), Швейцарии (1874), Аргентины (1887), Голландии (1887) и др.

В отношении конституций «первого поколения» можно выделить общие черты: лаконичность, принятие под влиянием революций и иных чрезвычайных ситуаций, основное регулирование вопросов организации государственной власти, политических прав, неприкосновенность частной собственности, учреждение парламентов, формируемых на основе ограниченного цензового избирательного права, эволюция формы правления в сторону парламентской монархии или республики.

«Вторая волна» принятия Конституций (1918–1945) приходится на период между двумя мировыми войнами и обусловлена:

- изменением геополитической обстановки в Европе и образованием новых самостоятельных государств (Австрии, Польши, Чехословакии, Финляндии, Латвии, Литвы, Эстонии, Венгрии, Югославии, Веймарской Германии);

- до Второй мировой войны были приняты и ныне действующие конституции Австралии, Мексики, Ливана, Ирландии;

- к данному этапу может быть отнесено принятие поправок к Конституции США, демократизация избирательного права в Великобритании, конституционные реформы в Бельгии (1920–1921) и др.;

- после Первой мировой войны появилась социалистическая конституционная модель (Конституция РСФСР 1918 г., СССР 1924 г., 1936 г., Монголии 1940 г. и др.).

Новые конституции были более «развернуты», отличались более совершенной юридической техникой, более подробным регулированием правового статуса личности, провозглашением всеобщего избирательного права, предоставлением его женщинам (например, в Германии – в 1918 г., в США – в 1920 г., в Великобритании – в 1928 г.), учреждением органов специализированного конституционного контроля, что положило

начало европейской модели системы конституционного контроля (конституционные суды Австрии, Чехословакии и других стран).

«Третья волна» принятия конституций охватывает период после окончания Второй мировой войны. Происходит изменение нравственных ценностей (уважение к институту «прав человека», гуманизму, парламентаризму). Новые конституции были приняты во Франции (1946), Италии и Японии (1947), ФРГ (1949), Греции (1952), Дании (1953); приняты или существенно изменены конституции многих стран Америки (Бразилия, Боливия, Гондурас, Доминиканская Республика, Сальвадор, Канада), Азии и Африки (Индия, Турция, Китай, Индонезия, Южная Корея, ЮАР, Филиппины), стран Центральной и Юго-Восточной Европы, оказавшихся в советской зоне влияния (ГДР, Польша, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Румыния).

В большинстве послевоенных конституций нашли свое отражение следующие основные принципы и положения:

- утверждение принципа разделения властей;
- расширение регулирования прав и свобод человека и гражданина, закрепление социально-экономических прав, новых механизмов и институтов защиты прав личности;
- демократизация избирательного права;
- взаимная ответственность государства и личности;
- закрепление норм, регулирующих деятельность таких субъектов политической системы, как политические партии, профессиональные союзы и иные объединения граждан; например, статус политических партий на конституционном уровне был закреплён Основным законом ФРГ 1949 г. [39];
- закрепление на конституционном уровне принципов внешней политики, подтверждение миролюбивой политики государства, отказ от войны (например, Япония вообще отказалась от вооруженных сил);
- отказ от части суверенных прав «в области прав человека» в пользу международных организаций.

«Четвертая волна конституционного обновления» вызвана крушением последних военно-фашистских режимов в Европе – в Греции, Португалии и Испании. В этих странах (в Греции – в 1975, Португалии – в 1976, в Испании – в 1978) были приняты новые конституции, закрепившие демократический политический режим.

Во второй половине 1970-х и в 1980-х гг. были приняты и конституции новых государств, переставших быть колониями в последнюю очередь (например, Южная Родезия); государств, изменивших в результате революции общественный строй (Иран); социалистических государств (СССР в 1977, КНДР – внесены серьезные конституционные поправки в 1976, в Югославии – в 1974, Болгарии – в 1971, КНР – в 1978 и 1982 и др.).

«Пятая волна» конституций явилась результатом крушения социалистической системы и распада СССР. На карте появилось более 20 новых государств (7 – на территории бывшей Югославии, 15 – бывшего СССР, 2 – бывшей Чехословакии). Во всех этих странах приняты новейшие конституции. С их принятием были преобразованы и формы правления этих стран, выбор которых вызвал значительные дискуссии и разногласия. В постсоциалистических странах получили распространение как классические виды республики – парламентская и президентская, так и смешанная в её различных вариантах (парламентско-президентская и президентско-парламентская).

Был значительно расширен каталог прав и свобод личности. Если раньше конституции закрепляли личные, политические, социально-экономические права и свободы, то сейчас их перечень значительно расширен, формулировки более развёрнуты. Увеличение количества конституционных норм, посвященных правам человека, в последнее время связано с научно-техническим прогрессом, особенно с новыми

открытиями в области биологии и медицины. Так, впервые в швейцарской Конституции 1999 г. в рамках раздела «Жилье, работа, социальная защищенность и здоровье» закрепляются положения, защищающие человека от злоупотреблений репродуктивной медициной и генной инженерией, запрещаются все виды клонирования и вмешательства в наследственный материал человеческих гамет и эмбрионов, регулируются отношения по поводу трансплантационной медицины и генной инженерии вне человека [1]. В основных законах государств появились конституционные нормы об экологических, информационных, культурных правах, коллективных правах национальных, языковых и иных меньшинств и др. Закрепленные ранее права и свободы личности в связи с установлением международных стандартов прав человека стали уточняться, детализироваться и унифицироваться.

В настоящее время в условиях современного демократического, социализированного, коллективизированного и информационного общества (последнее предполагает значительное, а иногда определяющее влияние общественного мнения на структуры власти) сущность конституции может быть охарактеризована как закрепление основным законом совпадающих жизненных интересов народа при приоритете интересов доминирующего социального слоя, юридическое выражение достигнутого в обществе компромисса или консенсуса на базе признания общечеловеческих ценностей. По своему правовому содержанию они выходят за пределы либеральных конституций, используя такой правовой инструментарий, который дает возможность закрепить в правовых нормах и институтах ценности, имеющие жизненно важное значение для человека, коллектива, государства и общества. Вместе с тем в современных конституциях появляются такие правовые институты, которых не было в прежних основных законах [2].

Если на основе этой характеристики попытаться дать еще более сжатое определение, то можно сказать, что сущность современной конституции – это высшее законодательное закрепление достигнутого в обществе компромисса на основе признания общечеловеческих ценностей при приоритете интересов доминирующей социальной общности.

Каждая из ныне действующих конституций обладает специфическими индивидуальными чертами, в которых нашли отражение социальные, национальные, исторические, религиозные и иные особенности соответствующих стран. В то же время конституциям присущи некоторые общие, совпадающие черты. Основные этапы конституционного развития в отдельных государствах неразрывно связаны с основными этапами развития самих этих государств. Государства по-разному модернизируют основной закон. Одни вносят в его положения незначительные корректировки (иногда технического характера), минуя внесения радикальных поправок, другие, наоборот, стремятся к глобальным изменениям, затрагивающим основы государственного строя, судебной власти и т.д. В других случаях происходящие в государствах социально-экономические и политические изменения приводили к принятию новых конституций, принципиально меняющих природу власти. В целом ряде стран сохранились конституции, принятые еще в начале XIX столетия. В конституционной истории отражается наиболее типичное состояние экономических и социально-политических условий, существующих в зарубежных странах и нашедших выражение в их основных правовых актах. Каждая страна выбирает свой уникальный путь конституционного развития с учётом исторических предпосылок, менталитета народа и других факторов.

1. Конституция Швейцарии от 18 апреля 1999 г. // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. – URL: <http://worldconstitutions.ru/> (дата обращения: 17.02.2025).

2. Конституционное право зарубежных стран: общая часть, особенная часть: конспект лекций / А. В. Якушев. – Москва : А-Приор, 2010. – 272 с.

3. Иностранное конституционное право / под ред. В. В. Маклакова. – М. : Юрист, 1996. – 512 с.

Баканов Д.К.

ОТЧЕТЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛОВ НАРКОМНАЦА РСФСР КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЭСТОНСКИХ КОЛОНИЙ В РСФСР)

Ключевые слова: Наркомнац, НЭП, эстонские колонии, кооперативы, товарный кредит.

Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (далее Наркомнац; НКН) был образован на II Всероссийском съезде Советов 8 ноября 1917 г. Руководство над данным ведомством на протяжении его существования осуществлял И.В. Сталин. Официальными задачами данной организации, согласно справочнику Наркомнаца 1920 г., были: «а) Обеспечение мирного сожительства и братского сотрудничества всех национальностей и племен РСФСР, а также и договорных дружественных советских республик; б) содействие их материальному и духовному развитию применительно к особенностям их быта, культуры и экономического состояния; в) наблюдение за проведением в жизнь национальной политики советской власти» [9, с. 5]. В первые годы своей деятельности Наркомнац занимался культурно-просветительской работой в среде малых народов России, а также агитацией в их среде за советскую власть и вступление в РККА. После окончания Гражданской войны комиссариат сосредоточился на работе по созданию национально-территориальных автономий для наиболее крупных национальных меньшинств, а также повышением их материального уровня жизни. Данный период деятельности Наркомнаца нашел отражение в официальных документах, хранящихся в фондах Государственного архива Российской Федерации.

Основной массив документов, сохранившихся после роспуска Народного комиссариата по делам Национальностей РСФСР, находится в фонде Государственного Архива Российской Федерации Р1318 (Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР). Данный фонд состоит из 26 описей, в каждой из которых содержатся десятки дел, посвящённых национальной политике большевиков. Особое место в данном вопросе занимало национально-государственное строительство, нашедшее выражение в создании национальных автономий на территории РСФСР [8, с. 33–35]. Именно поэтому материалы о деятельности чувашского, марийского, башкирского и прочих комиссариатов преобладают среди документов фонда Р1318.

При этом на территории национальных образований, получивших статус советских республик, деятельность Наркомнаца не распространялась. Тем не менее в начальный период своей деятельности в 1918 – начале 1919 гг. именно национальные подразделения западных окраин были в центре внимания Наркомнаца [1], в том числе и белорусский комиссариат НКН. В частности, документы Наркомнаца сохранили информацию о заседаниях коллегии Белорусского национального комиссариата, отчеты о его работе в 1918 г., воззвания Белорусского комиссариата к польскому, литовскому, украинскому, германскому народу и германской армии с призывом способствовать освобождению Белоруссии. Также сохранилась переписка Белорусского национального комиссариата с коллегией Наркомнаца о финансировании и деятельности данного комиссариата [2, л. 1].

Ввиду неудачной попытки советизации территорий к западу от РСФСР в конце 1918 – начале 1919 гг. [10, с. 604–605] период деятельности Латвийского, Литовского, Польского комиссариатов и Эстонского отдела, связанный с внешней политикой советского государства, завершился в 1920 г. Однако, несмотря на признание независимости республик Эстонии (Тартуский мирный договор, 02.02.1920 г.) [7, с. 189], Литвы (Московский мирный договор, 12.07.1920 г.) [7, с. 195] и Латвии (Рижский мирный договор,

11.08.1920 г.) [7, с. 199], национальные отделы сохранились и вели активную работу с колонистами на территории РСФСР.

Показательным примером такой деятельности является работа Эстонского отдела Наркомнаца РСФСР (далее Эстонский отдел; Эстотдел) в 1921–1923 гг. Поскольку эстонцы не проживали компактно на территории России, а советское руководство признало независимость Эстонской республики и временно отказалось от идеи советизации Эстонии, Эстонский отдел НКН не занимался созданием национально-территориальной автономии. Основным направлением деятельности данного отдела станет работа по повышению уровня агрокультуры у эстонских колонистов. Наиболее информативным историческим источником о данной работе являются отчеты о деятельности Эстонского отдела НКН, которые подготавливались сотрудниками данного подразделения Наркомнаца.

Наибольшее количество данного вида исторических источников сохранились в делах, хранящихся в фондах Государственного Архива Российской Федерации. Данные отчеты составлялись за определенный временной промежуток, чаще всего 3 месяца. Адресатами их чаще всего выступала коллегия Наркомнаца – центральный орган управления данным ведомством [8, с. 81–82]. Некоторые отчеты составлялись за больший промежуток времени. Так, руководитель петроградского отделения Эстонского отдела Наркомнаца РСФСР Г.Ю. Тейтер 16 июня 1920 г. подготовил отчет, адресованный коллегии НКН, о работе данного подразделения с 1918 по 1920 гг. Помимо сведений о деятельности самого отдела данный отчет содержит большое количество данных о демографии эстонского населения на территории РСФСР. Согласно данному документу к началу 1920 г. на территории России к 1920 г. проживало около 500 000 эстонцев, что составляло пятую часть всего эстонского народа. О географическом расположении эстонских колоний в отчете сообщались следующие сведения: «Из мест, наиболее густо населенных эстонцами можно отметить г. Петербург, с губернией/ около 100000 эстов из коих один Гдовский уезд 40000/ Москва 8000, в Вологде 10000, в Псковской губернии 7000. Несколько меньше в Уфимской, Самарской, Саратовской и Вятской губерниях. В Сибири проживает в общем около 200.000 эстов. Немало разбросанно колоний по различным местностям среди азиатских владений /около г. Верный/, в северной и южной части Кавказа /около Сухума и Тифлиса/ и на крымском полуострове» [3, л. 9].

Об экономическом положении колоний на момент написания отчета в данном документе сообщаются следующие сведения: «Хозяйство ведется у колонистов в весьма большой зависимости от окружающих условий в более старых колониях можно найти хозяйства с прекрасно устроенной машинной обработкой полей, с породистым скотом, как в Крыму, на Кавказе и отчасти в Сибири, наряду находятся колонии весьма отсталые с примитивным способом хлебопашества, например, Гдовский уезд Петроградской губернии...Внешним видом эстонские колонии значительно выделяются среди окружающих русских деревень, значительно большими постройками, большой разбросанностью отдельных хозяйств, устройством садов и огородов, но отсутствует образцовый порядок расположения домов и улиц, стройность построек всюду наблюдаемую в немецких колониях» [3, л. 10]. Таким образом, отчет Г.Ю. Тейтера о деятельности Эстонского отдела до 1920 г. имеет информационный потенциал не только в области истории государственных учреждений, но и по истории повседневности. В нем содержится подробная информация о географии расселения эстонского населения и о его хозяйственном укладе.

Помимо отчетов за долгий промежуток времени, сотрудники Эстонского отдела НКН составляли отчетную документацию и за период работы от одного до нескольких месяцев. В данном виде источников находили отражение конкретные мероприятия отдела. Многие из документов проливают свет на повседневность эстонских колоний в первые годы НЭПа. В информационном докладе о деятельности Эстонского отдела

Наркомнаца с 1 июля по 1 августа 1922 г., направленном 28 июля 1922 г. заведующей отделом Софией Аллерман в Центральное Бюро Эстсекций РКП(б), сообщалось: «С Кавказа вернулся инструктор отдела Траугот. В течение двух с половиной месяцев им обследованы эстонские колонии северной части южного Кавказа, где им проделана громадная работа, главным образом, в области сельского хозяйства – подготовительная работа по организации краткосрочных сельскохозяйственных курсов, организованы кооперативы, устроен ряд собеседований и лекций по электрификации сельскому хозяйству, оказаны практическая помощь и руководство по ведению пчеловодства, птицеводства, кролиководства, садоводства и т.д.» [4, л. 18]. Данное сообщение демонстрирует не только факт реорганизации эстонских колоний в годы НЭПа, но и основные отрасли сельского хозяйства, существовавшие в эстонских колониях. Ценность данного отчета как исторического источника заключается в том, что в нем был зафиксирован важный этап в истории эстонских поселенцев – переход от традиционного способа хозяйствования к организации кооперативных форм собственности и включению эстонских колонистов в общесоветскую экономическую систему.

Начиная с 1921 г. реорганизация сельскохозяйственных эстонских общин станет основным направлением деятельности Эстонского отдела Наркомнаца РСФСР. Одной из форм поддержки эстонских кооперативов станет кредитование, которое осуществлялось при посредничестве данного органа НКН. На Эстонский отдел Центросоюзом был открыт кредит, средства которого направлялись Эстотделом эстонским кооперативным хозяйствам [6, л. 4]. В докладе о деятельности данного подразделения НКН с 1 сентября 1921 г. по 1 сентября 1923 г., подготовленном в сентябре 1923 г. руководством Эстонского отдела сообщалось о выдаче эстонским кооперативным хозяйствам кредита на общую сумму 7 797 750 рублей [5, л. 42]. Помимо данных сведений в докладе содержатся сведения о специализации эстонских кооперативов. В тексте сообщается об организации Эстонским Отделом 57 кооперативных товариществ, 5 артелей, 1 трудовой сельхоз. коллектив, 4 коммуны, 20 обществ потребителей, 6 молочных артелей, 2 молочных товарищества, 3 товарищества по животноводству, 10 пчеловодных обществ, 8 обществ охотников и 7 обществ садовников [5, л. 41]. Данные сведения дают представление о специализации эстонских кооперативов в первые годы НЭПа. Ценность данного отчета заключается в том, что в нем зафиксированы суммы денежных средств, которые выдавались в виде кредита эстонским кооперативам. Данные сведения позволяют оценить благосостояние отдельных эстонских кооперативных хозяйств, а также финансовое положение эстонских общин в целом. Данные обстоятельства делают данный документ ценным историческим источником по истории повседневности малых народов России в первые годы НЭПа.

Поскольку одним из направлений работы Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР было повышение материального уровня жизни малых народов России, его документация является ценным историческим источником по истории повседневности. На примере отчетов о работе Эстонского отдела с эстонскими колонистами на территории РСФСР в начале 1920-х гг. можно сделать вывод об информационном потенциале данного вида источников. В них раскрываются демографические, экономические и социальные аспекты жизни малых народов России. В виду того, что именно Наркомнац с 1917 по 1924 гг. осуществлял связь между центральными органами советской власти и малыми народами России, в документации данного ведомства содержится огромный пласт уникальной информации о повседневности малых народов РСФСР в первые годы существования советского государства.

1. Баканов, Д. К. Деятельность Эстонского отдела Наркомнаца РСФСР в 1918 г. / Д. К. Баканов // История : электронный научно-образовательный журнал. – 2024. – Т. 15. – Выпуск 12(146). Часть II. – URL: <https://history.jes.su/s207987840033885-2-1/>. DOI: 10.18254/S207987840033885-2

2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 90.

3. ГАРФ. – Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1110.

4. ГАРФ. – Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1141.
5. ГАРФ. – Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1153.
6. ГАРФ. – Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1155.
7. Мельтохов, М. И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.) / М. И. Мельтохов. – М.: Алгоритм, 2015. – 608 с.
8. Наркомнац РСФСР и реализация национальной политики в 1917–1920-е годы / Е. К. Минеева, Т. Н. Иванова, А. П. Зыкина, А. И. Минсеев, А. Н. Старостин. – М.: Этносфера, 2022. – 552 с.
9. РСФСР. Народный ком. по делам национальностей. Справочник Народного комиссариата по делам национальностей. – М.: [б. и.], 1921. – 32 с.
10. Шубин, А. В. Мировая революционная волна (1918–1923). Прилив / А. В. Шубин; РАН, Ин-т всеобщей истории. – М.: Акад. Проект: Фонд «Мир», 2020. – 773 с.

Котович Т.В.
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛАКАТ ЭЛЬ ЛИСИЦКОГО:
«КРАСНЫЙ КЛИН» В СМОЛЕНСКОЙ ТИПОГРАФИИ

Со Смоленском связано знаменитое произведение Эль Лисицкого – политический плакат «Клином красным бей белых», который считают началом и истоком политического советского плаката. Круг и клин стали важнейшим мотивом в искусстве 1920-х гг., главными символами и знаками авангарда, а также графическим воплощением революционности. Плакат был отпечатан в одной из смоленских типографий, и наш материал посвящен определению, какая именно это была типография и где она располагалась в 1920-е гг.

В 1920 г. Западный фронт стал главным фронтом Советской Республики и участвовал в советско-польской войне. Штаб размещался в центре Смоленска. До революции это была Никольская улица, после революции – улица Декабристов, а ныне улица Тухачевского. В этом доме, № 1 до революции находилась гостиница «Гранд-Отель». Сегодня на доме № 1 по ул. Тухачевского в Смоленске помещена памятная доска с надписью: «В этом здании в 1920 году находились Реввоенсовет и штаб Западного фронта». Здесь же несколько комнат занимало Политуправление, в ведение которого входила «вся политическо-просветительская и агитационная работа в Красной армии и на Флоте». Начальник ПУРа (А. Мясников) был назначен Реввоенсоветом, высшим коллегиальным органом управления и политического руководства (М. Тухачевский, И. Уншпихт, И. Смилга), и подчинялся ему.

Среди литературно-издательских отделений политотделов армий и фронтов наиболее активным было отделение РОСТА, созданного летом 1920 г. при литиздате политотдела Западного фронта [1, с. 116]. Уже с конца сентября здесь выпускались армейские газеты «Окопная правда», «Красная Звезда», «Красноармеец» и «Воин революции», затем уже в 1921 г. – «Красноармейская правда».

В «Листке Творкома» Витебского УНОВИСа осенью 1920 г. отмечалось, что Литиздат Политуправления РВС Западного фронта уже выпустил ряд супрематических плакатов по эскизам УНОВИСа. Позднее Лисицкий подчеркивал, что его плакат был создан во времена войны с Польшей по заказу штаба Западного фронта: «Фраза выросла на несколько слов и ничего не остается от звучания: Клином красным бей белых. Вся вещь моя, и слова, и дизайн...» [цит по: 2]. Творком Витебского УНОВИСа находился в Смоленске несколько дней с 17 октября, 21-го Малевич читал лекцию, и, видимо, день-два все они в Смоленске еще пребывали. В это время, скорее всего, и был сделан заказ на исполнение плакатов. Их было около 20. Плакат Лисицкого шел за номером 19.

Один из серии – «Устройте неделю красного подарка везде и всюду» – полагают работой Владислава Стржеминского (за номером 13).



Мемориальная доска на доме
№ 1 по улице М. Тухачевского в Смоленске.



Стржеминский В. «Устройте неделю красного подарка» везде и всюду». Плакат. 1920. № 13 Литиздат Политуправления Западного фронта.

Обратим внимание на два момента. Во-первых, Стржеминский также использует мотив круга и клина: красный круг и черный клин. Обе геометрические фигуры расположены, однако, не в противодействии, а накладываются друг на друга, и это поддержано взаимодействием композиции в правом углу плаката, где зеленый круг (видимая его часть) сопряжен с клином, образованным двумя прямоугольниками (черным и красным). И, во-вторых, на плакате имелись две подписи: слева «№ 13. Литиздат Политуправления Запфронта» и справа «Комиссия Красного подарка при Политуправлении Запфронта». Обе композиции обрамляют текст в три строки красных букв разного масштаба, которые и составляют главный визуальный облик плаката.

Плакат Лисицкого переносит визуальный смысл на драму сталкивающихся геометрических фигур. Буквы также оказываются участниками этой драмы. Авторская подпись «Л Л» расположена слева в нижнем углу. Подпись издания вынесена за внутреннюю рамку изображения: слева внизу – № 19. Литиздат, а далее в строке вместо Политуправления написано «Политуправления»; и справа внизу – «Уновис».

У разных авторов дата создания плаката представлена по-разному: у Софи Лисицкой-Кюпперс [S.LISSITZKY-KÜPPERS. El Lissit-zky, Bild 40] – 1919 г. Однако время создания плаката связывают с войной с Польшей 1920 г., и в этом контексте и на основе заметки в «Листке Творкома» дата создания плаката – октябрь 1920 г. до отъезда Лисицкого из Витебска.

Свои армейские газеты Политуправление печатало в Смоленской типографии Губсовнархоза № 2. Обнаружив в открытом доступе в сети сохранившийся отсканированный экземпляр газеты «Воин революции», мы обращаемся к строкам на последней странице с выходными сведениями, содержащими адрес редакции и адрес типографии. Это позволило далее обратиться к фонду Смоленского Губсовнархоза в Государственном архиве Смоленской области и обнаружить переписку Политуправления с руководством типографии, где среди документов нашлось обращение с просьбой выделить отдельную типографию для Политуправления, в чем было отказано.

Полиграфический отдел Губсовнархоза в феврале 1920 г. (в его составе 3 человека) обещал Политотделу Западного фронта первоочередное выполнение его заказов, поскольку отдельную типографию для него выделить не мог. Сам полиграфический отдел и типография № 2 располагались в бывших Казенных палатах на Пушкинской улице [3]. Супрематические плакаты были изданы именно здесь, так как Полиграфотдел сообщал, что печатает Запфронту все плакаты [4].

Типография № 2 была оборудована 16 плоскими машинами, 1 двухбарабанной, 6 американскими, переплетной и стереотипной, работавших на электричестве, имела 1 800 пудов шрифта. В октябре 1920 г. в ней трудился 301 рабочий [5].

Плакат Эль Лисицкого представлял собой следующее: треугольник/клин, врезающийся в круг, высекает из него целую россыпь малых элементов в форме линий, узких прямоугольников, маленьких треугольников/клиньев, крошечного белого круга как точки, в виде скручивающего слова БЕЙ. Это самый фейерверк разворачивается в правой черной части плаката. В левой белой части плаката малые формы – красные параллельные линии и маленький красный клин с черным навершием, а также слова КРАСНЫМ и КЛИНОМ – являются отражением и вторят форме большого треугольника/клина, они как бы сопровождают его. Слово БЕЛЫХ в правой черной части, в своем четком порядке рифмующееся с формой букв левой части, выглядит как своеобразный *результат* действия красного треугольника/клина.

Энергия движения в «Клином красным...» представляет собой наибольшую визуальную активность и поддается ясному прочтению: явно выраженная диагональ, красный-белый-серый-черный цвет, объекты и пространство дополняют друг друга и создают единый комплекс, движение по стреле из верхнего левого угла направо, наличие действующих плоскостных фигур с совсем небольшими объемными, композиционный центр – в месте разрыва белого круга и выделен соотношением красного и белого, паттерн – остановившийся круг и устремленный к нему клин; контраст белого и черного, а также красного и белого внутри.

Возвратимся к зданию типографии. В середине 1960-х центр Смоленска был реконструирован, исторические здания снесены, и на этом месте расширили свое пространство сад Блонье, основанный еще в XIX в., и площадь Ленина, устроенная здесь в конце 1920-х гг. К сожалению, так же, как и на здании нынешней Художественной галереи, которая располагается в бывшем Александровском реальном училище в центре города, нет мемориальной доски в честь Эль Лисицкого, закончившего это училище в 1909 г., и на этом месте на площади нет электронной таблички о типографии, где был отпечатан знаменитый плакат. Это дело будущего, хранящего в себе прошлое – прошлое, которое никуда не исчезает.



Вариант плаката на аукционе «Сотбис» в 2012 г. (из коллекции С. Телингартера).



Здание Казенных палат в Смоленске



Фотографии сноса бывших Казенных палат в центре Смоленска.
Газета «Рабочий путь». 1967 г.

1. Ильин, И. А. Собрание сочинений / И. А. Ильин. – М., 2001.
2. Козлов, Д. Клином красным бей белых / Д. Козлов // TATLIN [сайт]. – URL: https://tatlin.ru/articles/klinom_krasnym_bey_belyx (дата обращения: 24.03.2025).
3. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). – Ф. Р-78. Оп. 1. Д. 2736. Л. 5.
4. ГАСО. – Ф. Р-78. Оп. 1. Д. 2796. Л. 72.
5. ГАСО. – Ф. Р-78. Оп. 1. Д. 2797. Л. 15об.

Бароўская В.М. **ЛІСТЫ-ІНСТРУКЦЫІ ЯК КРЫНІЦА** **ПА ГІСТОРЫІ САВЕЦКА-ПОЛЬСКІХ АДНОСІН 1921–1939 гг.**

Ключавыя словы: дыпламатычная перапіска, паўнамоцны прадстаўнік, Народны камісарыят замежных спраў.

Крыніцы савецка-польскіх адносін 1921–1939 гг. можна ўмоўна падзяліць на некалькі груп: заканадаўчыя крыніцы, крыніцы афіцыйнага справаводства, актавыя матэрыялы, матэрыялы статыстыкі, перыядычнага друку, мемуарная літаратура. Сярод крыніц афіцыйнага справаводства НКЗС РСФСР (СССР), якія адначасова маглі з’яўляцца актывымі дакументамі, неабходна адзначыць памятныя запіскі (ad-memoire), ноты. Гэтыя крыніцы рыхтаваліся непасрэдна Калегіяй НКЗС СССР (аддзел краін Прыбалтыкі і Польшчы, I Заходнім аддзелам), або Паўнамоцным прадстаўніцтвам СССР у Польшчы, па ўзгадненні тэксту з НКЗС, з мэтай вырашэння вузка спецыялізаванай праблемы двухбаковых адносін. Былі адрасаваны Міністэрству замежных спраў Польшчы (часта старшыні Усходняга аддзелу палітычнага дэпартаменту), або паўнамоцнаму прадстаўніку Польшчы ў РСФСР (СССР), з намерам атрымання абавязковага адказу. Аналагічныя дакументы зыходзілі і ад МЗС Польшчы на адрас НКЗС РСФСР (СССР), паўнамоцнага прадстаўніка РСФСР (СССР) у Польшчы.

Лісты-інструкцыі і дзённікі сустрэч паўнамоцных прадстаўнікоў РСФСР (СССР) у Польшчы да членаў Калегіі НКЗС РСФСР (СССР), загадчыку Аддзела краін Прыбалтыкі і Польшчы НКЗС уяўлялі сабой падрабязны агляд палітычнага і эканамічнага становішча Польшчы, характарыстыку стану савецка-польскіх адносін на канкрэтны момант часу, перспектывы іх развіцця, ацэньвалася верагоднасць ваеннай кампаніі, даваўся кароткі агляд польскага перыядычнага друку. Аналагічны характар носяць і лісты загадчыка Аддзела краін Прыбалтыкі і Польшчы НКЗС да паўнамоцнага прадстаўніка, паверанага ў справах, першага або другога сакратароў Паўнамоцнага прадстаўніцтва РСФСР (СССР) у Польшчы. Сістэматычнасць і паслядоўнасць, строгуую сакрэтнасць адзначаныя дакументы набываюць падчас знаходжання на пасадзе паўнамоцнага прадстаўніка П.Л. Войкава. Гэтыя паведамленні перадаваліся праз

дыпламатычных кур'ераў два разы на тыдзень. У сваю чаргу ў дзённіках сустрэч паўнамоцных прадстаўнікоў узгадваюцца ў храналагічным парадку візіты прадстаўнікоў польскага дыпламатычнага корпуса ў Паўнамоцнае прадстаўніцтва, іх сутнасць і агульнае ўражанне. Беларуская праблематыка ў лістах-справаздачах узнікае як вынік перапіскі члена Калегіі НКЗС СССР і саветнікаў па беларускіх справах (А.Ф. Ульянава, Ф.А. Браўковіча). Пры гэтым, калі разгледжанае пытанне не носіць востры і тэрміновы характар, то яно вырашаецца праз паўнамоцнага прадстаўніка, без непасрэднага звяроту да саветніка. Гэты від гістарычных крыніц па праблеме захоўваецца ў сховішчах Архіва знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі (фонды 4, 04, 122, 09), Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (фонд 242 п, 4п) і часткова апублікаваны ў зборніку “Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.”, прадстаўленым у чатырох тамах [1; 2; 3], “Савецкая і Заходняя Беларусь: раз'яднаныя, але адзіныя. 1921–1939 гг. Дакументы і матэрыялы” [4].

Яскравым прыкладам гэтай групы крыніц з'яўляюцца лісты-інструкцыі члена Калегіі НКЗС СССР Б.С. Стаманякова да паўнамоцнага прадстаўніка СССР у Польшчы П.Л. Войкава, датаваныя чэрвенем 1926 г. – чэрвенем 1927 г. Сярод праблем, якія ўздымаліся на старонках гэтай групы крыніц неабходна вылучыць пытанні выканання асноўных умоў Рыжскага мірнага дагавора 18 сакавіка 1921 г., заключэння савецка-польскага “Дагавора аб ненападзенні”, гандлёвай дамовы. Пры гэтым вядзенне перагавораў па выпрацоўцы асноўных умоў “для высвятлення пунктаў гледжання абодвух бакоў па шэрагу істотных пытанняў, без узгаднення якіх, па меркаванні польскага міністра замежных спраў, заключэнне плануемага дагавора магло б сустрэцца з сур'ёзнымі цяжкасцямі” “Дагавора аб ненападзенні” адбывалася шляхам сустрэч паўнамоцнага прадстаўніка СССР у Польшчы (П.Л. Войкава) з прадстаўнікамі Міністэрства замежных спраў Польшчы (міністрам, віцэ-міністрам, дырэктарам Усходняга дэпартаменту Г. Янкоўскім); прадстаўніка Польшчы ў СССР (С. Кентшыньскі, С. Патэк) з членамі Калегіі НКЗС СССР (аддзел Польшчы і Прыбалтыкі С.І. Аралаў – Б.С. Стаманякоў, рэдка народным камісарам замежных спраў).

Беларуская праблематыка, у першую чаргу звязаная з развіццём нацыянальна-вызваленчага руху на тэрыторыі Заходняй Беларусі, таксама была адной з ключавых тэм лістоў-інструкцый Калегіі НКЗС СССР. Праблема Заходняй Беларусі не займала цэнтральнага месца ў савецка-польскіх адносінах 1920-х гг., аднак аказвала негатыўны ўплыў на іх нармалізацыю. Праз беларускае савецкае кіраўніцтва (па лініі ЦК КП(б)Б–ЦК КПЗБ) адбывалася фінансаванне праз пасрэдніцтва Беларускага кааператыўнага банка ў Вільні і Транзітнага банка ў Рызе дзейнасці не толькі КПЗБ і КСМЗБ, але і БСРГ. Яскрава гэта прадстаўлена ў перапісцы саветніка па беларускіх справах пры Паўнамоцным прадстаўніцтве СССР у Польшчы А.Ф. Ульянава з Прадстаўніцтвам КПЗБ у Мінску. Пасада саветніка па беларускіх справах была ўведзена пры дыпламатычным савецкім прадстаўніцтве ў Варшаве ў чэрвені 1925 г. з мэтай каардынацыі і аказання фінансавай дапамогі нацыянальна-вызваленчага руху (БСРГ, ТЫШ) Заходняй Беларусі, збору інфармацыі аб грамадска-палітычным жыцці гэтага рэгіёна. У сваю чаргу, дзякуючы намаганням А. Ф. Ульянава і пры кантролі ЦК КП(б)Б, была арганізавана ў верасні 1925 г. Данцыгская нарада (праходзіла пад кодавым словам «вяселле»), на якой былі ўзгоднены асноўныя накірункі сумеснай дзейнасці КПЗБ і БСРГ па супрацьдзеянні польскай асіміляцыйнай палітыцы ў Заходняй Беларусі, намаганням польскага кіраўніцтва па стварэнні праўрадавай групоўкі сярод беларускага нацыянальна-вызваленчага руху прапольскай накіраванасці. Акрамя таго, пры пасрэдніцтве А.Ф. Ульянава, па ініцыятыве Палітбюро ЦК РКП(б) – УКП(б) і пры садзейнічанні ЦК КП(б)Б была склікана II Усебеларуская канферэнцыя ў Берліне 12–16 кастрычніка 1925 г., з мэтай ліквідацыі беларускай палітычнай эміграцыі па-за межамі Савецкай Беларусі (Польшча, Латвія, Літва, Чэхаславакія), пачалося планамернае вяртанне прадстаўнікоў беларускага нацыянальнага руху ў Мінск як цэнтр беларускай савецкай дзяржавы. Усе гэтыя акцыі кардынальным чынам змянялі агульную растаную палітычных сіл у Заходняй Беларусі, умацоўвалі

савецкі ўплыў і ідэю аб немінучасці аб'яднання двух беларускіх адзінак у адно дзяржаўнае ўтварэнне. Зразумела, што польскае кіраўніцтва прадпрымала ў адказ пэўныя крокі па нейтралізацыі гэтай кампаніі, па падаўленні незадавальнення сярод мясцовага насельніцтва Заходняй Беларусі мерапрыемствамі польскіх кіруючых колаў. Адной з ярскіх праяў стала ліквідацыя БСРГ, арышт яе кіраўнікоў і актыўных членаў, адкрыты судовы працэс над імі.

Важнае месца займае перапіска саветніка па беларускіх справах пры Паўнамоцным прадстаўніцтве СССР у Польшчы А.Ф. Ульянава з ЦК КП(б)Б, ЦК КПЗБ, з С.Л. Казюра (упаўнаважаным НКЗС СССР пры СНК БССР 1925–1928 гг., Ф.А. Браўковічам (саветнікам паўнамоцнага прадстаўніцтва СССР у Польшчы 1928–1931 гг.). Пры аналізе гэтага роду гістарычных крыніц выявілася адна вельмі цікавая асаблівасць: частка пісем аўтарызавана пад імем А. Ульянава, а частка пад імем Алеся Загорнага (яго партыйны псеўданім). Выбар на карысць таго ці іншага варыянта залежаў ад адрасатаў лістоў – у ЦК КПЗБ (Алесь Загорны), у ЦК КП(б)Б ці ў Калегію Народнага камісарыята замежных спраў СССР (А.Ф. Ульянаў). Таксама меў важнае значэнне і змест лістоў. У разлік бралася і ступень іх сакрэтнасці. Зразумела, што лісты з грыфам «зусім сакрэтна» дасылаліся ад Алеся Загорнага і шыфраваліся [5].

Перапіска Ф.А. Браўковіча, першага саветніка Паўнамоцнага прадстаўніцтва СССР у Польшчы, і А.Ф. Ульянава, упаўнаважанага НКЗС СССР пры СНК БССР, за 1929–1930 гг. утрымліваецца ў фондзе 242п Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. У лістах знаходзяць асвятленне пытанні ўнутрыпалітычнага становішча Заходняй Беларусі, арганізацыі і дзейнасці Камітэта дапамогі галадаючым Заходняй Беларусі, дзейнасці Таварыства беларускай школы і іншыя праблемы. У Нацыянальным архіўным фондзе ўтрымліваецца 27 лістоў Ф.А. Браўковіча да А.Ф. Ульянава. Толькі тры лісты ад імя А.Ф. Ульянава да Ф.А. Браўковіча. Тры лісты Ф.А. Браўковіча на імя К.Ф. Бэнека, выконваючага абавязкі ўпаўнаважанага НКЗС СССР пры СНК БССР, на час адпачынку А.Ф. Ульянава. Копіі лістоў дасылаліся сакратару Мінскага абласнога камітэта КП(б)Б А.С. Славінскаму, М.А. Елізаравічу, сакратару Бюро дапамогі КПЗБ (1924–1925 гг.), старшыні Прадстаўніцтва КПЗБ у Мінску (1925–1931 гг.), М.А. Карскаму, загадчыку аддзела балтыйскіх краін і Польшчы НКЗС СССР (1925–1929 гг.). Усе лісты былі напісаны на рускай мове, пазначаны грыфам цалкам сакрэтна, пранумараваны. Усяго за перыяд з сакавіка 1929 г. і па лістапад 1930 г. было накіравана ад Ф.А. Браўковіча да А.Ф. Ульянава 137 лістоў. На жаль, з іх захавалася толькі 27 лістоў [5].

Такім чынам, значная частка крыніц па праблеме ўзаемаадносін Савецкай Беларусі і Польшчы ў 1921–1939 гг. апублікавана і ўведзена ў навуковае карыстанне. Аднак, на вялікі жаль, даследчыкі не маюць шырокага доступу да архіўных матэрыялаў шэрагу сховішчаў Расійскай Федэрацыі (напрыклад, Архіва знешняй палітыкі). Патрабуюць больш глыбокага вывучэння і публікацыі матэрыялы асабістага паходжання. Накладвае адбітак спецыфіка дыпламатычных матэрыялаў, у тым ліку і лістоў-інструкцый, якія мелі строга сакрэтны характар. Інфармацыя, якая ўтрымліваецца ў крыніцах гэтай групы, дазваляе даследчыку найбольш поўна рэканструяваць асобныя падзеі савецка-польскіх адносін, прадставіць тонкія нюансы. Толькі комплексны аналіз крыніц дазволіць папоўніць факталагічную базу па праблеме.

1. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. : сборник документов : в 4 т. / под общ. ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. – М. : Аспект Пресс, 2017. – Т. 1 : 1918–1926. – 627 с.

2. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. : сборник документов : в 4 т. / под общ. ред. М. М. Наринского, Н. Е. Клейменовой, С. А. Склярова. – М. : Аспект Пресс, 2017. – Т. 3 : 1932–1939. – 637 с.

3. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. : сборник документов : в 4 т. / под общ. ред. С. А. Склярова, М. С. Павловой. – М. : Аспект Пресс, 2017. – Т. 2 : 1926–1932. – 630 с.

4. Савецкая і Заходняя Беларусь: раз'яднаньня, але адзіныя. 1921–1939 гг. Дакументы і матэрыялы / склад. В. М. Бароўская. – Мінск : НАРБ, 2024. – 332 с.

5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 242п. Воп. 2. Спр. 191, 223.

Бараноўскі А.В.
УСПАМІНЫ МАРЫІ СВЯЦКАЙ ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ
СЯДЗІБНА-ПАРКАВАГА КОМПЛЕКСУ Ў
аг. ПОЛЫМЯ СЕННЕНСКАГА РАЁНА

Ключавыя словы: Сенненскі раён, Полымя, Беліца, Марыя Свяцкая, Карл Свяцкі, сядзіба Свяцкіх, успаміны Марыі Свяцкай.

У 2024 г. у Варшаве пабачылі свет успаміны Марыі Свяцкай – жонкі апошняга ўладальніка маёнтка Беліца (цяпер аг. Полымя Сенненскага раёна) Карла Свяцкага. Успаміны былі падрыхтаваны да публікацыі Томашам Лашкевічам, прафесарам Інстытута гісторыі імя Тадэвуша Мантойфля Польскай акадэміі навук. Польскі гісторык правёў сур’ёзнае даследаванне, у выніку якога былі выяўлены разрозненыя рукапісы ўспамінаў Марыі Свяцкай. На сённяшні дзень дакладна вядомы і ўведзены ў навуковы зварот Т. Лашкевічам рукапісы, што захоўваюцца ў Нацыянальнай бібліятэцы Польшчы, Універсітэцкай бібліятэцы ў Торуні, Навуковай бібліятэцы Польскай акадэміі мастацтва і Польскай акадэміі навук. Распаўсюджваннем і папулярызацыяй успамінаў Свяцкай у свой час займалася яе нявестка Барбара з Кажанёўскіх.

Пры напісанні артыкула мы карысталіся надрукаванымі ўспамінамі Марыі Свяцкай. Выданне мае мяккую вокладку і агульны заглавак «Wspomnienia z lat 1872–1924» («Успаміны 1872–1924 гг.»). Кніга складаецца з уводзін, яны ж утрымліваюць заўвагі рэдактара. Асноўная частка падзелена на пяць сшыткаў (brulion). Першы – «1872–1894 Перыпетыі жыцця Марыі Свяцкай. Успаміны дзяцінства і юнацтва». Другі – «1894–1896 [На Беларусі]», Трэці – «1894–1914 Шлюб 1894 г.». Чацвёрты – «1914–1918 Гісторыя адной з сядзіб на Беларусі ў гады вайны і рэвалюцыі 1914 г. – 1918 г.». Пяты – «1894–1924. Грамадская праца Марыі Свяцкай». У выданні прадстаўлены тры дадаткі: «Нататка Марыі Свяцкай – не знойдзена ў рукапісах – цытуецца ў кароткім машынапісе ўспамінаў, падрыхтаваным Барбарай Свяцкай з Кажанёўскіх, нявесткай аўтара ўспамінаў», «Нататка Марыі Свяцкай на пачатку невялікага (на шасці старонках) незавершанага рукапісу адной з версій яе ўспамінаў. Яе змест – у адрозненне ад астатніх фрагментаў гэтага рукапісу – не паўтараўся ў больш шырокай версіі пад назвай “Перыпетыі жыцця Марыі Свяцкай. Успаміны дзяцінства і юнацтва”», «Ліст Марыі Свяцкай да сына Станіслава Свяцкага, напісаны з Прыстані (в. Архідыяконка Хелмжскага павета), 13.10.1924 г.». Выданне ўзбагачаюць імянны і геаграфічны паказальнікі, падрадкавыя тлумачэнні і ўдакладненні, а таксама здымкі з сямейнага альбома [3].

У дадзеным артыкуле будучь прааналізаваны ўспаміны, што тычацца беліцкага перыяду жыцця Марыі Свяцкай. Усебаковы аналіз працы для айчынной гістарыяграфіі яшчэ наперадзе. На сённяшні дзень існуюць дзве грунтоўныя працы, у якіх прыводзіцца гісторыя сядзібна-паркавага комплексу Свяцкіх у Полымі (Беліцы) [1; 2]. У сувязі з гэтым засяродзім увагу толькі на новых фактах, якія ўдакладняюць і дапаўняюць гістарыяграфічныя звесткі. Хоць крыніцы апавадальнага характару вызначаюцца даволі суб’ектыўным падыходам аўтараў да разглядаемых пытанняў, тым не менш яны з’яўляюцца вельмі цікавымі і каштоўнымі, бо ўтрымліваюць факталагічны матэрыял, які не трапіў на старонкі архіўных дакументаў і перыядычнага друку. У нашым выпадку так і ёсць.

З уводзін мы даведаемся, што аўтар успамінаў – Марыя Свяцкая нарадзілася 6 снежня 1872 г. у Лысаміцах пад Торунню. Там прайшлі яе дзяцінства і ранняе юнацтва, што знайшло адлюстраванне ў асобным раздзеле ўспамінаў. Яе бацька Эдуард Данімірскі (1844–1907) – удзельнік паўстання за аднаўлення незалежнасці Рэчы

Паспалітай (1863–1864). Маці Хелена з Валянських (1850–1931) атрымала музычную адукацыю ў Дрэздэнскай кансерваторыі [3, с. 8].

Атрымаўшы базавую хатнюю адукацыю, трынаццацігадовая Марыя Свяцкая прыцягнула навучанне ў школе пры манастыры Найсвяцейшага Сэрца (Sacré Coeur) у Львове [3, с. 46]. Пасля чатырох гадоў навучання аўтар успамінаў вярнулася на радзіму.

Шлюб Марыі не быў дамовай бацькоў, яна сапраўды кахала свайго мужа. Падчас палявання ў паморскіх лясах Марыя пазнаёмілася са сваім будучым мужам Карлам Свяцкім (1866–1929), уладальнікам беліцкай сядзібы. У Лысаміцах Свяцкі быў вядомай асобай, яго старэйшая сястра, таксама Марыя, пабралася шлюбам з Людвікам Сляскім (далёкім родзічам Данімірскіх), сужэнцы жылі ў суседнім Тшэбчу Шляхецкім [3, с. 53]. Пасля вяселля ў 1894 г. Карл і Марыя Свяцкія пакінулі Прусію і паехалі на сталае месца жыхарства ў маёнтак Беліца Сенненскага павета Магілёўскай губерні [3, с. 8–10]. Тут нарадзіўся іх адзіны сын – Станіслаў (1895–1974). Ён быў ахрышчаны 7 мая 1895 г. у Сенненскім касцёле. Хроснымі немаўляці сталі Філіп Дваржэцкі-Багдановіч і Антаніна Славінская [3, с. 72].

Свяцкія жылі ў мураваным з цэглы сядзібным доме. Паводле ўспамінаў, у двухпавярховай сярэдняй частцы дома размяшчаўся хол, за ім – бальная зала са шклянымі дзвярыма, якія вялі на драўляную тэрасу і ў парк. З левага боку ад бальнай залы знаходзіўся будуар гаспадыні дома, з правага боку – сталовая. Са сталовай можна было трапіць у кабінет Карла Свяцкага і яго прыёмную. На першым і другім паверхах размяшчаліся пакоі для гасцей і прыслугі, а таксама гардэробныя. У падвале была вялікая кухня, прасторная камора і склеп з віном і старкай [3, с. 64–65]. У 1905 г. варшаўскі інжынер Стэфан Гладах распрацаваў для сядзібнага дома сістэму водазабеспячэння і водаадводу. У ваннах пакоях былі ўсталяваны фарфоровыя ракавіны і ванны, прывезеныя з Дрэздэна. Дзякуючы ўстаноўцы бойлера ў доме была заўсёды гарачая вада [3, с. 80].

Жыхары сядзібы былі цалкам забяспечаны прадуктамі харчавання. У Беліцы пяклі тры віды хлеба, булчкі і пірагі. Летам варылі варэнне, рабілі шмат сокаў, кампотаў. Штогод нарыхтоўвалі свініну і ялавічыну. Мяса салілі ў вялікіх бочках, у далейшым вэндзілі ядлоўцавым і яловым дымам. У лядоўні захоўваліся бочкі з салёным маслам для кухонных патрэб. Воцат таксама рыхтавалі дома ў вінных бочках [3, с. 67].

Паводле ўспамінаў Марыі Свяцкай, мясцовыя жыхары – сяляне і рабочыя не атрымлівалі медыцынскай дапамогі. Ёй прыйшлося наладзіць гэтую справу. Спачатку з Сянно кожны тыдзень прыязджаў лекар, потым у Беліцы Свяцкія заснавалі амбулаторыю і нанялі фельчара [3, с. 78].

У пачатку XX ст. Марыя Свяцкая актыўна ўдзельнічала ў працы польскага Таварыства асветы і дабрачыннасці ў Магілёве, а таксама была старшынёй яго філіяла ў Сянне. У 1905–1917 гг. у Беліцы дзейнічаў прытулак для бяздомных сірот. Прытулак размяшчаўся ў адным з дапаможных будынкаў каля сядзібы. Каля прытулку была зроблена дзіцячая пляцоўка. Дзеці з маленства прывучаліся да працы. Хлопчыкі пераймалі веды і ўменні ад садоўніка, слесара, цесляра, электрыка, малочніка і конюха. Дзяўчынкі ў сваю чаргу – ад пакаёўкі, кухара, прачкі і служанкі [3, с. 80–82].

Пасля пачатку Першай сусветнай вайны Свяцкія ператварылі сядзібны дом і шматлікія гаспадарчыя пабудовы ў часовае жыллё. Яны ўдзельнічалі ў арганізацыі збору грошай і рэчаў для польскіх ваеннапалонных і бежанцаў, якія аказаліся ў нястачы. Падзеі 1914–1918 гг. знайшлі найбольш поўнае адлюстраванне ва ўспамінах Марыі Свяцкай у параўнанні з папярэднімі гадамі.

Знаходжанне ў Беліцы падчас вайны Марыі Гурэцкай – дачкі паэта і публіцыста Адама Міцкевіча, а таксама Тэадора Дыдынскага – польскага юрыста і прафесара Варшаўскага эканамічнага ўніверсітэта з’яўляецца вядомым фактам, аднак дзякуючы

падрадковым тлумачэнням выдання, мы даведваемся, што Карл Свяцкі па мацярынскай лініі быў родзічам мужа Марыі Гурэцкай. У сваю чаргу жонка Тэадора Дыдынскага з'яўлялася сястрой маці Марыі Свяцкай [3, с. 92–93]. Дзякуючы ўспамінам Марыі Свяцкай, стала вядома, што менавіта ў Беліцы Стэфан Кяджынскі – польскі драматург і раманіст напісаў свой раман «W promieniu uczuć» [3, с. 104].

Вясной 1916 г. па маёнтку пракаціўся лёгкі голад. У сувязі з павальным запаленнем лёгкіх племянная буйная рагатая жывёла была выразана. З 200 кароў засталася толькі дзве, якія забяспечвалі жыхароў маёнтка малаком [3, с. 118–119].

Пачынаючы з мая 1917 г. у беліцкім парку адбываліся агітацыйныя сходы сялян і рабочых. Марыя Свяцкая згадвае, што мясцовыя сяляне спачатку насцярожана ставіліся да пачутых прамоў, але ў далейшым іх «ахапіла радасная вера ў ажыццяўленне абяцанага ім раю, і нарэшце пачуццё ўласнай сілы і з пагардай адносіцца да ўсякага аўтарытэту, духоўнай і саслоўнай перавагі» [3, с. 125]. Неўзабаве быў створаны Беліцкі працоўны камітэт. Свяцкія пралабіравалі ўключэнне ў яго склад свайго садоўніка Дарасевіча (адпрацаваў у іх 11 гадоў), аканом Маеўскага (адпрацаваў у іх больш за 50 гадоў), і повара (нядаўна прынятага на працу). Паводле ўспамінаў, повар адразу пранікся рэвалюцыйнымі ідэямі і Свяцкія яго звольнілі. Маеўскі пасля першых пасяджэнняў сам пакінуў камітэт. Дарасевіч жа не толькі пранікся рэвалюцыйнымі ідэямі, а ўзначаліў камітэт і ад яго імя стаў кіраваць маёнткам Свяцкіх [3, с. 126].

Рабочы камітэт забраў усе запасы хлеба і харчавання. Кожны дзень Карл Свяцкі і члены яго сям'і атрымлівалі неабходныя прадукты па картках. Пэўныя прадукты яны набывалі ў сялян з навакольных вёсак. Марыя Свяцкая ўспамінае, што сяляне не жадалі прадаваць памешчыкам прадукты, а калі прадавалі, то па вельмі вялікім кошце.

З лістапада 1917 па сакавік 1918 г. Свяцкія жылі ў Мінску. Пасля акупацыі Беліцы нямецкімі войскамі яны вярнуліся ў свой маёнтak. Сядзібны дом быў ператвораны ў казарму. Гаспадарам выдзелілі толькі 6 пакояў і асобны ўваход з вежы. У кароўніку знаходзілася некалькі дзясяткаў кароў. У свірне засталася крыху аўса і ячменю. Свяцкія пачалі наладжваць сваё жыццё [3, с. 142]. З мая па чэрвень 1918 г. яны жылі ў Мінску.

12 верасня 1918 г. было падпісана пагадненне руска-германскай камісіі аб парадку вываду германскіх войск з тэрыторыі Лепельскага і Сенненскага павеятаў. 15 верасня 1918 г. Карл і Марыя Свяцкія ў суправаджэнні нямецкіх салдат назаўсёды пакінулі Беліцу. Астатнюю частку верасня і кастрычнік яны пражылі ў другім сваім маёнтку Крупка (цяпер цэнтр раёна ў Мінскай вобласці) [3, с. 146–148].

У канцы кастрычніка 1918 г. Свяцкія ў суправаджэнні атрада польскіх легіянераў адбылі ў Польшчу. Яны страцілі нерухомасць, каштоўнасці і грашовыя сродкі, якія захоўваліся ў банках. Пры гэтым ім удалося вывезці з Сенненшчыны сямнаццаць вагонаў рухомай маёмасці (гэта каштавала 31 000 марак) і прадаць значную частку жывога і мёртвага інвентару [3, с. 147].

Свяцкія атрымалі падтрымку сваіх родзічаў з Памераніі (там жылі найбліжэйшыя сваякі абодвух сужэнцаў). З верасня 1919 г. Марыя Свяцкая жыла ў Варшаве і працавала ў Камітэце абароны Усходніх крэсаў [3, с. 159]. Вясной 1920 г. яна вярнулася ў Памеранію. Там выкладала гісторыю і польскую мову ў сельскіх школах, працавала ў Паморскім таварыстве апекі над дзецьмі.

Як склаўся далейшы лёс уладальнікаў сядзібы ў Беліцы, можна даведацца з уступу да ўспамінаў. Карл Свяцкі, пераехаўшы ў Польшчу і з'яўляючыся паўнамоцным прадстаўніком Нацыянальнай рады беларускіх зямель, безвынікова спрабаваў дамагчыся ўключэння ўсёй Беларусі ў склад Польскай рэспублікі. У далейшым ён быў першым дырэктарам Паморскага сельскагаспадарчага таварыства і віцэ-прэзідэнтам гуртка сельскіх гаспадароў у Хелмжы. Станіслаў Свяцкі па рэкамендацыі торунскага

старасты Адама Чарлінскага быў уладкаваны ва ўпраўленне Паморскага ваяводства ў Торуні [3, с. 15–16].

Свяцкія паступова распрадавалі прадметы з беліцкага збору, што мелі гістарычную або мастацкую каштоўнасць. Напрыклад, у 1925 г. яны прадалі карціну Валенція Ваньковіча «Партрэт Напалеона, які назірае за пажарам Масквы» і іншыя рэчы [3, с. 16].

Карл Свяцкі памёр 6 мая 1929 г., яго жонка – 29 снежня 1954 г., іх адзіны сын – у 1974 г., так і не пакінуўшы нашчадкаў [3, с. 17–18].

Такім чынам, успаміны Марыі Свяцкай значна ўдакладняюць і дапаўняюць гістарыяграфічныя звесткі. Ва ўспамінах прысутнічае апісанне сядзібы і паўсядзённага жыцця яе жыхароў. Расказваецца пра грамадскую працу Свяцкіх. Вельмі падрабязна прадстаўлена жыццё ў Беліцы ў 1914–1918 гг. Пры гэтым трэба адзначыць, што па-за ўвагаю Марыі Свяцкай засталася сямейная гісторыя яго мужа. Невядома, адкуль паходзіў род Свяцкіх, калі і ў каго яны набылі маёнтка Беліца. Ва ўспамінах, на жаль, адсутнічае апісанне маёнтка Беліца, яго наваколля і жыхароў. Неабходна таксама заўважыць, што Свяцкія пазіцыянавалі сябе палякамі і католікамі і былі настроены патрыятычна. З’яўляліся яны і тыповымі прадстаўнікамі дваранскага саслоўя.

1. Бараноўскі, А. В. Полюмя (Беліца): гісторыя маёнтка і вёскі / А. В. Бараноўскі. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2015. – 40 с.

2. Хмяльніцкая, Л. Маёнтка Беліца роду Свяцкіх / Л. Хмяльніцкая // Віцебскі сшытак : гістарычны навукова-папулярны альманах / рэд. Л. Хмяльніцкая. – Мінск : НББ, 2017. – Вып. 5. – С. 56–91.

3. Maria z Donimirskich Świacka. Wspomnienia z lat 1872–1924 / oprac. i wstępem opatrzył T. Łaskiewicz. – Warszawa : Instytut Historii PAN, 2024. – 183 str.

Соловьянов А.П.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ

Ключевые слова: опубликованные источники, социальное обеспечение, отчеты, защита, помощь.

Система социального обеспечения населения в Советской Беларуси прошла сложный путь становления, развития и трансформации. Ее история отражает основные этапы формирования социальной политики СССР. На данную тему опубликовано много документов.

Опубликованные источники по становлению социальной защиты населения Советской Беларуси в межвоенный период можно условно подразделить на правовые источники, отчеты местных органов власти и различных организаций, материалы делопроизводства, работы высших партийных и советских руководителей, статистические источники, периодическую печать.

Прежде всего, следует рассмотреть правовые источники (законодательные и нормативные акты, циркуляры, декреты, постановления, распоряжения), поскольку данные документы позволяют выявить основные направления деятельности государства по защите населения. Из опубликованных материалов данной группы в первую очередь нужно назвать «Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства БССР», «Декреты Советской власти», «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (с 1925 по 1938 г. «Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР»», «Собрание законов и

распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик» [4; 9]. В данных источниках даются законодательные акты, регулирующие вопросы социального обеспечения, такие как, например, декреты о страховании рабочих и пенсионном обеспечении.

Значительную помощь в исследовании темы оказали отчеты местных исполнительных комитетов, Советов различных уровней и их съездов. Данные источники показывают реальное положение дел по социальной защите населения на местах. Включают данные о финансировании, охвате населения помощью и основных результатах работы. Имеющиеся в них сведения очень информативны, компактны и касаются наиболее острых и актуальных проблем защиты населения в 1920-х гг. Документы различных органов власти позволяют оценить проводимые мероприятия по защите населения на уровне уездов, округов и в целом по республике. Такие материалы дают возможность увидеть работу в динамике [12; 13].

Интересны стенограммы партийных съездов, дающие реальные представления об истинном положении дел, а также отчеты СНК БССР и ЦК КП(б)Б [5; 18; 19; 20]. Резолюции, доклады и отчеты содержат ключевые направления развития социальной политики государства, дают возможность не только изучить конкретные меры и программы, но и понять контекст их реализации. Кроме съездов и пленумов, важными источниками являются материалы местных партийных организаций. Они позволяют изучить как решения высших органов внедрялись в конкретных регионах.

Наиболее значимую часть источников составляет всевозможные циркуляры и распоряжения партийных и советских органов, докладные записки, межведомственная переписка, которые показывают работу многочисленных государственных органов. Разнообразный и богатый материал в этом плане дали издания «Из истории установления советской власти в Белоруссии и образования БССР. Документы и материалы по истории Белоруссии», «Гомельская губерния. 1919–1926 гг. : документы и материалы», «1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии: док. и материалы» и др. [2; 6; 14; 15]. В них содержатся сведения о состоянии работы по обеспечению семей красноармейцев, инвалидов и населения в целом в определенной местности, о положении учреждений, столовых, клубов, мастерских и т.д., отчеты различных отделов и подотделов исполкомов, сведения о выделении Народному комиссариату социального обеспечения и его структурам на местах денежных средств на выдачу пайков, пенсий, разовых выплат нуждающимся и др.

Стоит отметить отчетные издания различных общественных организаций, где достоверно показана роль общества в оказании помощи наиболее нуждающимся категориям населения, указываются сложности в организации тех или иных мероприятий.

Определенный материал по исследуемой проблеме содержится в трудах крупных деятелей государства и партии. Речи и публикации В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского, М.И. Калинина, А.В. Луначарского и др. работников различных ведомств, дают понимание основных направлений социальной политики государства [3; 8; 10]. В них обоснован основной курс политики государства по защите населения. Данные работы носят выраженный идеологический и пропагандистский характер, но вместе с тем объясняют те или иные шаги власти. Они пронизаны коммунистическим мировоззрением, преданностью своему делу и убеждениям.

В начале 1920-х гг. было опубликовано большое количество работ, где приводятся данные по борьбе с голодом в Поволжье. В этих работах указывается количество голодающих, мероприятия по оказанию им помощи [7; 11].

Особо информативны белорусские статистические издания. В статистических сборниках содержится материал о количестве нуждающихся, например инвалидов, различных учреждений, их персонала и подопечных. Имеются сведения о финансировании

данных учреждений. Представлены данные о трудоустройстве, пенсиях и социальных выплатах, что позволяет проследить динамику деятельности в основном государственных учреждений по социальному обеспечению. Наиболее ценны в этой связи статистические ежегодники [1; 16; 17; 18].

Большое количество сведений дала периодическая печать, в основном это белорусские издания. Следует отметить такие газеты как «Савецкая Беларусь», «Чырвоная змена», «Звезда». В них давались разъяснения решений, принятых на съездах и пленумах, сведения о достигнутых успехах в области социальной защиты. Публиковались статьи о реализации многочисленных социальных инициатив, а также ценные статистические данные. Авторы статей затрагивали наиболее насущные проблемы, стоящие перед обществом в области защиты населения, указывали на ошибки, давали рекомендации по их исправлению. В них также отражалась деятельность многих государственных и общественных организаций. Однако следует отметить и субъективность ряда статей. Немаловажная роль принадлежит российским и общесоюзным газетам и журналам «Известия», «Административный вестник» и др. Они отражают процессы, характерные в целом для страны.

Таким образом разнообразие направлений деятельности государственных и общественных организаций по социальному обеспечению определило видовую разнородность опубликованных документов. Значительный интерес представляют отчетно-информационные материалы, периодическая печать. В совокупности опубликованные источники позволяют оценить влияние политических и экономических факторов на положение нуждающихся категорий населения и проследить эволюцию государственной политики в области социального обеспечения. В целом, опубликованные источники по социальной защите населения в Советской Беларуси представляют собой богатый массив информации, который открывает перед исследователями возможности для анализа и понимания исторического контекста социальной политики.

1. Белорусская ССР в цифрах: к 10-летию существования БССР, 1919–1929 / Центр. стат. упр. – Минск, 1929. – 534 с.
2. Гомельская губерния. 1919–1926 гг. : документы и материалы / сост. : М. А. Алейникова [и др.] ; редкол. : В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2009. – 270 с.
3. Дзержинский, Ф. Э. Избранные статьи и речи. 1908–1926 / Ф. Э. Дзержинский. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1947. – 391 с.
4. Декреты Советской власти : сборник / ред. комис.: Г. Д. Обичкин [и др.]. – М. : Госполитиздат, 1957. – Т. 1. – 626 с.
5. X-й съезд Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии, 3–10 января 1927 г. : стеногр. отчет. – Минск : Белорус. гос. изд-во, 1927. – 448 с.
6. Из истории установления советской власти в Белоруссии и образования БССР. Документы и материалы по истории Белоруссии. – Том IV / Академия наук БССР. – Минск : 1954. – 516 с.
7. Итоги помощи голодающим по Гомельской губернии в компанию 1921–1922 гг. – Гомель, 1923. – 75 с.
8. Калинин, М. И. Статьи и речи. 1919–1935 / М. И. Калинин. – М. : Полиграфкнига, 1936. – 270 с.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 3. – 681 с.
10. Луначарский, А. В. Десять лет культурного строительства в стране рабочих и крестьян / А. В. Луначарский. – М. ; Л. : Госиздат, 1927. – 134 с.
11. Никитин, С. А. Как квакеры спасали Россию / С. А. Никитин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 403 с.
12. Отчет Гомельского губернского исполнительного комитета VII съезду Советов. – Гомель, 1923. – 419 с.
13. Отчет Гомельского губернского экономического совета к 1 окт. 1921 г. – Гомель : Госиздат, 1921. – 147 с.
14. 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии : док. и материалы / сост. В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; науч. ред. М. Ф. Шумейко. – Минск : Лимариус, 2005. – 304 с.
15. Справаздача урада Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі VII Усебеларускаму з'езду Саветаў. – Мінск : Выд. Цэнтр. вык. кам. БССР, 1925. – 346 с.
16. Статыстычны штогоднік: 1923–1924. – Мінск : Выд. Цэнтр. стат. упр. БССР, 1925. – 423 с.
17. Статыстычны штогоднік: 1924–1925. – Мінск : Выд. Цэнтр. стат. упр. БССР, 1926. – Вып. 1. – 350 с.
18. Статыстычны штогоднік: 1925–1926. – Мінск : Выд. Цэнтр. стат. упр. БССР, 1928. – 527 с.
19. Справаздача ЦКК КП(б)Б (студзень 1929 г.–май 1930 г.). Да XIII З'езду КП(б)Б / ЦК КП(б)Б. – Менск : Белдзяржвыд, 1930. – 184 с.
20. Стэнаграфічная справаздача XII з'езду КП(б)Б (5–14 лютага 1929 г.). – Мінск, 1929. – 574 с.

Шрамук Е.П.
НАРКОМЫ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ИНСПЕКЦИИ
О РАЗВИТИИ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ГОСКОНТРОЛЯ

Ключевые слова: Сталин, Куйбышев, Орджоникидзе, РСФСР, СССР, Рабоче-крестьянская инспекция, система, государственный контроль, ЦКК-РКИ.

Вопросы работы Рабоче-крестьянской инспекции, внедрение системы научной организации труда (НОТ), идеологическая и практическая составляющая деятельности Народный комиссариат (НК) Рабоче-крестьянской инспекции нашли отражение в выступлениях и работах ее руководителей, собрания которых издавались еще в советский период.

Одним из источников для изучения рабочего контроля являются речи И.В. Сталина (Нарком Государственного контроля и РКИ РСФСР в 1919–1922 гг.). Наиболее подробно им рассмотрено развитие народного хозяйства в условиях гражданской войны, основные сведения о работе контрольных органов содержатся в четвертом томе «Сочинений» [6]. Так, в апреле 1919 г. И.В. Сталин на заседании ВЦИК говорил, что реорганизация государственного контроля необходима, поскольку это единственное ведомство, которое пока не подверглось чистке. Отмечалась необходимость его сближения с народом и пополнения свежими кадрами [6, с. 251]. В условиях гражданской войны необходимо было правильно организовывать производство продукции, и большая работа велась в области организации сельского хозяйства. Одной из первостепенных задач контрольных органов было проведение ревизий. В сфере сельского хозяйства ревизоры должны были следить за проведением национализации земель. Этот процесс должен был проходить без нарушений интересов крестьянства, а при создании совхозов меры принуждения считались преступными [6, с. 257].

Протоколы выступлений, работы и интервью В.В. Куйбышева (Нарком РКИ СССР 1923–1926 гг., 1934–1935 гг.) содержат информацию о деятельности ЦКК-РКИ и опубликованы в двухтомном сборнике «Избранные произведения», вышедшем в 1988 г. [2; 3], преимущественно во втором томе. Работа РКИ в области научной организации труда прослеживается в «Беседе к открытию Второй Всесоюзной конференции по научной организации труда» (1924 г.) [3, с. 146–148] и докладе на той же конференции «Работа РКИ и НОТ» (1924 г.) [3, с. 149–151]. Обоснование проводимых мероприятий, основные методы и деятельность по «оживлению партийной работы» ЦКК, организация судебных процессов описаны в «Отчетном докладе Центральной контрольной комиссии на XIII съезде РКП(б)» (1924 г.) [3, с. 152–190]. Способы проведения ревизий и меры по поднятию производительности труда, применяемые РКИ, раскрыты в беседе В.В. Куйбышева с корреспондентом газеты «Правда» (1924 г.) [3, с. 191–199]. Основные задачи – максимальное развитие отраслей промышленности, повышение производительности труда, создание «здоровой» системы зарплаты – были поставлены в докладе на II пленуме ЦКК РКП(б) созыва XIII съезда партии «Итоги и дальнейшие задачи нашей работы» (1924 г.) [3, с. 200–215].

Весьма информативным источником для изучения системы советского контроля является двухтомный сборник «Статьи и речи» Г.К. Орджоникидзе (Нарком РКИ СССР в 1926–1930 гг.). Наибольший интерес представляет второй том сборника, содержащий высказывания и публикации с момента работы Г.К. Орджоникидзе в структуре ЦКК-РКИ. В докладе на XV Московской губернской конференции ВКП(б) 1927 г. «Очередные задачи ЦКК-РКИ» проанализировано текущее состояние контрольно-государственного аппарата, определены направления его дальнейшей деятельности, связанные с режимом экономии и преодолением последствий гражданской войны [4, с. 23–41].

Среди ключевых задач системы госконтроля с самого начала ее существования была борьба с бюрократизмом и за сокращение штатов. Решить эту проблему не удавалось, о чем говорит сохранение ее актуальности весь период работы РКИ. Периодически возникала обратная ситуация – в процессе сокращения штатов они увеличивались. Об этом говорил Г.К. Орджоникидзе в 1927 г.: из-за организации новых учреждений и пересмотра функций приходилось добавлять новые должности, которые числом превосходили количество сокращенных. По мере роста управленческого аппарата число должностей с 1923 г. по 1926 г. увеличивалось в среднем на 9–20 тыс. человек. Причиной этому называется сложившаяся многоуровневая система отчетности [4, с. 24]. В «Заключительном слове» к указанному выше докладу обозначены приоритетные для решения проблемы: отсутствие контроля исполнения, бюрократизм, волокита, слабая личная ответственность руководителей [4, с. 45–52]. В докладе XV съезду ВКП(б) «О работе ЦКК-РКИ» (1927 г.) содержится характеристика и анализ деятельности контрольной системы в разных отраслях, в том числе на уровне союзных республик [4, с. 62–99].

После создания объединенного ЦКК-РКИ большое внимание стало уделяться государственному аппарату и партийной дисциплине. Если ЦКК в 1926–1927 гг. было занято в основном борьбой с троцкистской оппозицией, то РКИ сосредоточилась на улучшении работы аппарата управления. Основной задачей называлось сокращение количества комитетов в центре и союзных республиках, сокращение и упрощение отчетности [4, с. 89]. Направления деятельности сохранились: упрощение и удешевление аппарата управления, контроль за точным проведением в жизнь решений правительства и партии, борьба с бюрократическими извращениями, привлечение к работе населения через прессу («для ошельмования виновных» [4, с. 98]). В отчетных докладах о работе РКИ Г.К. Орджоникидзе неоднократно отмечал, что больших достижений в решении этих задач нет, и следует усилить работу в этом направлении.

В сферу деятельности РКИ входили вопросы сельского хозяйства, транспорта, капитального промышленного строительства, себестоимость товаров. Причиной неудач в работе над улучшением ситуации назывался смещенный фокус внимания на неприоритетные отрасли. А причиной такого долгого затягивания решений проблем аппарата – то, что в руководстве представлены в основном коммунисты, а «внизу» – старый чиновничий аппарат и функционеры, не желавшие переходить на новые методы работы и часто игнорировавшие декреты правительства [4, с. 139]. Значительные усилия прикладывались к удешевлению управленческого аппарата и уменьшению отчетности. Например, из-за предсказуемости плановой экономики, с 1926 г. по 1929 г. количество работников Наркомата финансов БССР по акцизам было уменьшено с 44 до 20 [4, с. 152].

Одна из сфер деятельности РКИ – корректировка производственных планов. Подаваемые предприятиями цифры подвергались пересмотру в соответствии с фактическими возможностями предприятия, и комиссия рекомендовала новые плановые показатели, зачастую превышавшие изначальные. В большинстве случаев ЦК принимались показатели, предложенные РКИ. Планы заказов товаров из-за границы также подвергались пересмотру. Чаще всего оказывалось, что оборудование, запланированное к заказу в Европе или Америке, возможно изготовить на советских заводах. Сэкономленные деньги направлялись на развитие приоритетных отраслей промышленности. РКИ занималась также удешевлением госаппарата. Например, в 1930 г. был значительно сокращен штат чиновников, а совместно с Наркоматом финансов для предприятий вместо 62 налогов было введено всего 2 [4, с. 215].

В 1929 г. проблема недостаточно эффективной работы ЦКК-РКИ сохранялась. Это отмечал Г.К. Орджоникидзе, говоря, что «контрольные органы на местах очень часто не находятся на высоте своего положения» [4, с. 181] и не имеют достаточное коли-

чество квалифицированных работников. Причина этому – добровольность участия в инспекциях или выделение руководством предприятий туда людей, не являющихся передовиками, по остаточному принципу.

В 1931 г. все еще остро стояла проблема отчетности. Большие объемы ненужных показателей не позволяли следить за ситуацией на предприятиях в реальном времени, и РКИ вплотную занялось разработкой минимальных реальных показателей, требуемых от предприятий [4, с. 282].

Интерес представляют доклады А.А. Андреева (Нарком РКИ СССР 1930–1931 гг.) («Задачи социалистического строительства и организация работы КК-РКИ», 1931 г.) [1] и Я.Э. Рудзутака (Нарком РКИ СССР 1932–1934 гг.) («Народнохозяйственный план 1932 г. и задачи КК-РКИ», 1932 г.) [5].

Таким образом, анализ протоколов речей и работ руководителей НК РКИ позволяет выявить направления развития государственного контроля. Среди приоритетных направлений работы на протяжении всего существования значились работа в сфере производства, контроль за обеспечением законности, работа с кадрами. Среди проблем, которые отмечали практически все руководители РКИ, можно выделить нерешенные с течением времени: бюрократизм, недостаточно широкое привлечение квалифицированных кадров к контрольной работе, недостаточное представительство коммунистов в РКИ, недостаточно ответственное отношение к работе контрольных органов со стороны хозяйственного и управленческого аппарата, а также очень большой объем бумажной отчетности, создающий лишнюю нагрузку на аппарат. В силу ряда причин и специфики советского аппарата управления эти проблемы не удалось решить вплоть до упразднения аппарата РКИ в 1934 г.

1. Андреев, А. А. Задачи социалистического строительства и организация работы КК-РКИ : Доклад на III пленуме ЦКК ВКП(б) / А. А. Андреев. – М., 1931. – 63 с.
2. Куйбышев, В. В. Избранные произведения: в 2 т. Том 1. 1917–1928 гг. / В. В. Куйбышев. – М. : Политиздат, 1988. – 479 с.
3. Куйбышев, В. В. Избранные произведения: в 2 т. Том 2. 1929–1934 гг. / В. В. Куйбышев. – М. : Политиздат, 1988. – 463 с.
4. Орджоникидзе, Г. К. Статьи и речи. Т. 2 / Г. К. Орджоникидзе. – М. : Гос. издат. полит. лит-ры, 1957. – 846 с. – URL: <https://djvu.online/file/pYbGH6TkWLmXz> (дата обращения: 21.07.2024).
5. Рудзук, Я. Э. Народнохозяйственный план 1932 г. и задачи КК РКИ : Доклад на IV пленуме ЦКК ВКП(б) / Я. Э. Рудзук. – М. : Парт. изд-во, 1932. – 48 с.
6. Сталин, И. В. Сочинения. Т. 4 / И. В. Сталин. – М. : ОГИЗ ; Государственное издательство политической литературы, 1947. – 488 с.

Приборович А.А. ЭВОЛЮЦИЯ ПРОГРАММ ДОВОЕННЫХ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ БССР КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ВЛАСТЕЙ

Ключевые слова: БССР, перепись, население, государственная власть.

Одним из основных признаков любого государства является население, так как от его числа и состава зависят возможности экономики и общественного потенциала. Отсюда для политического руководства страны важно выяснить численность его населения.

Значимость учёта жителей для государства трудно переоценить. Данные о населении необходимы для планирования бюджета, распределения материальных ресурсов и разработки справедливой социальной программы поддержки граждан. Например, сведения о возрастном составе населения помогают органам власти рассчитать потребность в социально значимых объектах (учреждения образования, здравоохранения, культуры и др.) или спланировать финансирование на социальные трансферы (пенсии, стипендии, материальная помощь и др.).

Особенно важен надёжный и валидный учёт населения для экономики страны, так как трудно представить возможность производства товаров и услуг без оценивания рабочего потенциала общества, а для государства – сформировать бюджет. Значим учёт населения также в политической сфере. В современной демократии данные о населении влияют на формирование избирательных округов и проведение выборов. С учётом выше отмеченного, учёт населения – это фундамент эффективного управления и устойчивого развития государства.

В настоящее время существует несколько основных форм учёта населения, которые выстроены в одну систему – текущий учёт населения, специальные и выборочные обследования населения, перепись и списки (регистры). В данной статье автор рассматривает одну из четырёх форм – перепись населения.

Перепись населения – это массовая (сплошная) форма статистического наблюдения, цель которой – учёт численности и состава населения на выбранной территории (страна, регион и др.). Интерес к переписи как форме учёта населения вызван принципами её организации: всеобщность, т.е. охват всего населения без каких-либо исключений; единство программы переписи, т.е. всё население переписывается по одной программе (по единым формулярам); непосредственное (прямое) получение сведений от населения; строгая централизованность, т.е. все органы проводящие перепись, подчинены общему руководству; короткие сроки проведения (обычно 1–14 дней); индивидуальность регистрации; одномоментность (наличие критического момента).

За всю историю на белорусских землях (в современных границах) было проведено пятнадцать переписей населения – всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.; советские переписи населения (1920 г., 1923 г., 1926 г., 1937 г., 1939 г., 1959 г., 1970 г., 1979 г., 1989 г.), переписи населения в Польше (1921 г., 1931 г.), переписи населения в Республике Беларусь (1999 г., 2009 г., 2019 г.). Отметим, что пробные переписи и переписи, где население было второстепенным объектом наблюдения (например, сельскохозяйственные, партийные, сословные, школьные и прочее) в статье не учитываются. Практически за 130-летнюю историю проведения переписей населения на территории Беларуси в архивных документах и печатных изданиях сохранялась уникальная информация о демографических, социальных и экономических чертах нашего народа.

Особый интерес представляют сведения довоенных советских переписей, так как они характеризуют белорусское население в годы становления советской государственности, послужившей основой победы советского народа над нацистской Германией. Формирование большого корпуса сведений о населении в результате проведения демографических переписей было бы невозможно без разработки в те годы центральными органами советской статистики единой программы переписи. Программа переписи – это перечень зафиксированных в первичных статистических формах (формулярах) отдельных признаков объекта учёта, в нашем случае – населения. Собранные от населения (респондентов) ответы на вопросы, зафиксированные в формах учёта, представляют большой интерес сегодня для исследователей истории Беларуси.

В год проведения переписи и последующий период до следующего сплошного учёта населения советское государство получало необходимые сведения о жителях, поэтому всегда разработка программы переписи и её статистических форм была задачей особого значения для власти. Заранее, порой за 5 лет до начала переписи, органы государственной статистики согласовывали с партийными и высшими органами власти все вопросы по программе и организации переписи. Отсюда, программа переписи является не только результатом развития методологии советской статистики, но и конкретно позицией власти по наиболее насущным вопросам советского общества.

Первой советской переписью населения на территории Беларуси следует считать Всероссийскую перепись 1920 г., которая была проведена в августе этого года. Во вре-

мья переписи основными формами учёта населения были: личный листок, который составлялся на каждое отдельное лицо; посемейный список домохозяев для сельской местности; подворная ведомость и квартирная карта для городов.

Всего программа переписи 1920 г. включала описание наличного населения по 18 вопросам. Несмотря на особую важность советской власти к указанной переписи из-за Советско-польской войны и частичной оккупации белорусских губерний польскими войсками в архивах сохранились лишь отдельные материалы по восточным уездам (сельсоветам) Витебской и Гомельской губерний. Поэтому в работах белорусских демографов и историков (С.А. Польский, А.А. Раков, Л.П. Шахотько и др.) перепись 1920 г. рассматривается в основном в качестве примера при сравнении особенностей её организации в отношении последующих советских переписей.

В марте 1923 г. в Белорусской ССР была проведена Всесоюзная городская перепись населения. Переписью населения было охвачено 50 городских поселений (без учёта сводки 1924 г.): 6 городов, 42 местечка, 2 посёлка. Во время проведения городской переписи населения статистиками для сбора первичных сведений применялись следующие основные формы: личный листок, семейная карта, квартирная карта, подворная ведомость.

По своей организации и содержанию программы городская перепись 1923 г. близка к переписи 1920 г. и поэтому, с учётом незавершённости последней переписи на белорусских землях, материалы переписи 1923 г. представляют большой интерес для отечественных исследователей. В отличие от предыдущих переписей личный листок переписи 1923 г. был сокращён и включал следующие вопросы для респондента: название населённого пункта, фамилия, имя, отчество, пол, возраст, национальность, семейное состояние, главное и побочное занятие, является ли владельцем дома, учится, является ли нетрудоспособным, живёт ли на чужие средства, является ли членом деревенского хозяйства, живёт ли в семье как одиночка.

Нововведением переписи 1923 г. стало использование семейной карты. Семейная карта впервые была применена в переписи и имела своим назначением осветить вопросы, связанные с изучением семейного состава населения и жилищных условий. В семейную карту заносились следующие сведения: кто является главой семьи, список членов семьи и живущие в квартире. В списке указывались фамилия, имя, отчество респондента, его отношение к главе семьи, пол, возраст, имеет ли заработок или безработный, причина временного отсутствия, является ли прислугой [4].

Несмотря на преимущество переписи 1923 г. по отношению к переписи 1920 г., она рассматривалась как частичная (обхват населения 12%) и поэтому не могла до конца обеспечить власть исчерпывающими данными, что предопределило проведение тогда в кратчайший срок новой всеобщей переписи населения. Такая перепись была проведена в декабре 1926 г. Эта первая советская перепись, которая охватила всю территорию Советского Союза.

Основными формами переписи 1926 г. были: личный листок, который заполнялся на каждого жителя в отдельности; в городских поселениях семейные карты, предназначенные для выяснения состава семей, а также вопроса о занимаемой ими жилой площади; в городских поселениях на каждое владение заполнялась владённая ведомость; в сельской местности списки домохозяйств. Программа переписи 1926 г. (вопросы личного листка) включала 15 вопросов, большинство из которых включает от одного до нескольких подвопросов. Программа имела существенные особенности по сравнению с предыдущими переписями. Прежде всего это касалось определения народности и родного языка. В программе личного листка была постановка вопросов о народности вместо национальности, этим преследовалась задача выяснить этническую структуру жи-

телей страны. Отдельно задавался в личном листке вопрос о родном языке, причём отмечалось, что родной язык мог не совпадать с ответом о народности.

В программу переписи 1926 г. вошли также вопросы о месте рождения и продолжительности пребывания в том месте, где респондента застигла перепись. Эти вопросы носили важное значение для изучения миграции населения, что было весьма значимо в то время. Точно так же, как и во время переписи 1923 г., подробно изучались занятия населения. Особое значение придавалось учёту сезонных занятий, а вот учёт трудоспособного населения не производился, так как опыт прошлой переписи показал, что ответы населения на этот вопрос были не надёжны. Во время переписи 1926 г. имелись вопросы об увечных и психических больных – это позволило получить впервые полные данные об указанных группах граждан [1, с. 6–26].

Следующая Всеобщая перепись была проведена 6 января 1937 г. Программа переписи включала 14 вопросов: пол; возраст; национальность; родной язык; религия; состоит ли в браке; гражданин какого государства; грамотен ли; где учится; окончил ли среднюю или высшую школу; род занятия (службы); место работы; к какой социальной группе относится. В переписи 1937 г. был ведён вопрос о религии для лиц старше 16 лет. В программе переписи совсем не предусматривалось изучение семейного состава населения, что было сделано во время переписей 1923 г. и 1926 г. Довольно подробно изучался вопрос об образовании в дополнении к вопросу о грамотности. Занятия изучались приблизительно, примерно так же, как и при переписи 1926 г. Более глубоко были изучены только занятия сельского населения. Отметим, что по организации и подготовки перепись 1937 г. отличалась от всех довоенных переписей населения. Советское руководство придавало результатам переписи большое значение, так как она должна была подтвердить те успехи и достижения страны, которые на страницах газеты «Известия» от 26 ноября 1936 г. изложил И.В. Сталин. Вместе с тем СНК СССР не было удовлетворенно предварительными результатами переписи, полученными в сентябре 1937 г. от руководителя ЦУНХУ при Госплане И.А. Кравая. Постановлением правительства СССР от 25.09.1937 перепись была объявлена дефектной, а её результаты были на долгие годы засекречены [2].

16 января 1939 г. была проведена повторно Всеобщая перепись населения СССР. Перепись 1939 г. учла те ошибки, которые были по мнению руководства страны допущены в 1937 г. Перепись 1939 г. в отличие от однодневной переписи 1937 г. проводилась 7 дней в городах и 14 дней в сельской местности. Большую роль в обеспечении точности счёта населения в переписи 1939 г. сыграло использование контрольного бланка и справки о прохождении переписи. В переписи учитывалось как наличное, так и постоянное население [3, с. 12]. В содержании программы переписи 1939 г. произошли изменения. В частности, включены вопросы об обучении, образовании, принадлежности к общественной группе. Вопрос о народности заменён на вопрос о национальности. Исключены вопросы о миграции, о физических недостатках, также убрали вопрос о религии (вероисповедании). Несмотря на политизированность переписи 1939 г., её значение трудно переоценить. Эта была последняя перепись перед Великой Отечественной войной. Сведения переписи были в дальнейшем использованы при определении людских потерь советского народа в годы войны.

Таким образом, изучение материалов советских довоенных переписей населения БССР представляется значимым для исследователей истории Беларуси. В советские годы перепись населения нужна была властям в целях налаживания эффективного управления экономикой и оправдания выбранного политического курса.

Программы довоенных советских переписей населения можно охарактеризовать разнообразием задаваемых вопросов (признаков), что соответствовало тогда запросам советской власти, народа и научного сообщества. По содержанию и назна-

чению вопросы демографических переписей можно разбить на следующие группы: адресные вопросы (населённый пункт, улица, номер дома и др.); общие демографические вопросы (пол, возраст, семейное положение и др.); вопросы о гражданстве и национальности (народности); вопросы, характеризующие культурный уровень (умение читать и писать, место учебы, образование и др.); вопросы, характеризующие профессионально-производственный и классовый состав (профессия, занятия, источник дохода и др.); вопросы, касающиеся жилищных условий (количество комнат, площадь помещений, наличие построек и др.); вопросы, касающиеся миграции, вероисповедания и физических недостатков.

1. Бахметова, Г. Ш. Переписи и текущий учёт населения / Г. Ш. Бахметова. – М. : МГУ, 1988. – 51 с.
2. Жиромская, В. Б. Полвека под грифом «Секретно»: Всесоюз. перепись населения 1937 г. / В. Б. Жиромская, И. Н. Киселев, Ю. А. Поляков. – М. : Наука, 1996. – 152 с.
3. Подъячих, П. Г. Всесоюзная перепись населения 1939 г. / П. Г. Подъячих. – М. : Госстатиздат, 1953. – 149 с.
4. Приборович, А. А. Статистические формы учёта населения БССР во время Всесоюзной городской переписи 1923 года / А. А. Приборович // Вестник ПолесГУ. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2021. – № 1. – С. 3–10.

Богданова А.В.

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК О ПЕРЕСЕЛЕНИИ БЕЛОРУСОВ В СИБИРЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

Ключевые слова: белорусские переселенцы, Сибирь, Витебский округ, ходаческое удостоверение, земельный фонд, этническое пространство.

Выходцы из Беларуси способствовали не только хозяйственному освоению, территориальному расширению и становлению российской государственности в Сибири, но и оказали большое влияние на формирование многонационального этноса этого региона.

Первая массовая волна белорусских переселенцев в Сибирь датируется XVII в., который был насыщен военными и политическими конфликтами. Угрозе гибели, разорения имущества, возможности оказаться в плену во время военных действий белорусская шляхта и рядовые служилые люди предпочитали бежать с семьями в отдалённые места Сибири и Поволжья. Так как белорусы идентифицировали своё происхождение с местом поселения (оршанцы) или воеводством (полочане, смоляне и т.д.), а списки переселенцев хотя и назывались «литовскими», но могли включать представителей других этносов, точное количество белорусских иммигрантов определить сложно [5, с. 187].

В ходе петровских реформ и во второй половине XVIII в. потомки польских и литовских переселенцев, а также новая волна иммигрантов, внесших огромный вклад в становлении государственности в Сибири, вошли в состав сибирского крестьянства.

Очередное переселение белорусских шляхтичей в Сибирь было вызвано разгромом восстания 1830–1831 гг. в Польше.

Вторая волна массовой миграции в Сибирь началась в период реформ П.Д. Киселёва в 1840–1850-е гг. и продлилась до начала XX в. В период киселёвской программы по освоению восточных окраин Российской империи только в Западной Сибири, наиболее удобной в природно-географическом отношении и ближайшей к Европейской России территориально, водворилось 1,5 млн крестьян. Белорусы, которые попали под эту волну, приостановленную Крымской войной (1853), были выходцами из Витебской, Смоленской, Псковской, Черниговской губерний и принадлежали к боярам панцирным и их потомкам – служилым людям в ВКЛ, занимавшим промежуточное положение между мелкой шляхтой и тяглыми крестьянами.

Освободившая крестьян от крепостной зависимости реформа 1861 г. политически и экономически исчерпала себя, что стало причиной несоответствия демографического и технико-экономического развития государства. Это привело к большой аграрной перенаселенности в Беларуси. Сказывалось и слабое развитие промышленности в белорусских городах с последующим переизбытком сельских тружеников. Только в 1880–1890-х гг. добровольно из Витебской губернии за Урал ушло 1212 чел. [5, с. 188].

Новый поток белорусов в Сибирь был связан со строительством в 1890-е гг. Транссибирской магистрали, которая соединила железнодорожной линией Европейскую часть России и Сибирь, положив начало интенсивному освоению лесостепных районов. По данным переписи Томской губернии, этнические белорусы составляли 51,5% (4586 чел.) от общего числа выходцев из 5 белорусских губерний. За 1885–1906 гг. из северо-западных губерний в Забайкальскую область, Томскую и Тобольскую губернии России переселились 194,2 тыс. человек. Из них почти две трети были выходцами из Могилевской и Витебской губернии. В формировании современной белорусской диаспоры в Омской области, насчитывающей около 6 тыс. человек, в своё время приняли участие выходцы из Витебской, Гомельской, Гродненской, Минской, Могилёвской, Смоленской, Псковской и Черниговской губерний.

Столыпинская аграрная реформа 1906–1911 гг. стала одной из причин нового наиболее массового переселения в Сибирь. Так, за 1907–1909 гг. количество мигрантов составило 248 354 человека [6, с. 122]. Однако теперь в переселенческих процессах основное участие принимали уже не служилые люди, промышленники и ссыльные, а крестьяне и ремесленники, которые покидали родные земли как поодиночке, так и семьями, по возможности выбирая места схожие с привычными условиями проживания. Несмотря на это, переселенцы сталкивались с большими сложностями, начиная от тяжёлых условий в пути, вплоть до сурового климата, нехватки угодий, постоянных неурожаяев, отсутствия средств для обустройства на новом месте.

Советский период также ознаменовался новой переселенческой кампанией, принятой во второй половине 1920-х гг. и призывавшей устранить тяжёлый хозяйственный кризис крестьянской бедноты, страдавшей от малоземелья. Работы в районах переселенческого фонда в Сибири велись в небольших размерах, потому что свободные земли нуждались в обработке, обводнении, осушении, строительстве дорог и др. [4, л. 50].

Для переселения в Сибирь граждане, проживающие в Витебском округе, должны были подать заявление в Витебское окружное земельное управление, приложив семейный список и оцененную опись имущества. Также необходимо было указать предварительно закреплённый за переселенцем участок земли в Сибири [3, л. 23]. В случае удовлетворительной проверки всех предъявленных документов потенциальный переселенец получал ходаческое удостоверение с указанием количества выделенных долей для проживания на новом месте. Представленный документ также позволял ходатайствовать о получении квартир с возможностью содержания животных, продовольствия, семян, хозяйственного и домашнего инвентаря и др. [2, л. 12].

Несмотря на всю сложность получения удостоверения, существовала и обратная процедура – оформление отказа от переселения хозяйств, при несоблюдении которой могло возникнуть ряд проблем.

Сложности возникли ещё на этапе не соблюдения Циркуляра Наркомзема (Народного комиссариата земледелия) от 25 января 1926 г., который чётко описывал оформление отказа от переселения. Как итог, передумавшие водворяться на новом месте без официального подтверждения своего отказа, просто передавали весь пакет бумаг желающим переселиться. Не редко новые потенциальные ходоки не могли сообщить даже имён тех, кто передал им документ на водворение. Соответственно, подраионы водворения, не имеющие возможность оформить запись в книгах зачисления и во-

дворения переселенцев, отказывали новоприбывшим до момента получения документов об отказе в переселении прошлых семей. Для предотвращения подобных случаев отказ от водворения необходимо было зафиксировать официально и уведомить об этом органы мест водворения [4, л. 26].

Организация переселения кооперативных товариществ была возложена на плечи Районного исполнительного комитета (РИК) в соответствии с циркуляром НКЗБ (Народного комиссариата земледелия Беларуси) от 9 декабря 1927 г. Для них необходимо было создать благоприятные условия для здоровой кооперации, устранить возможность злодеяний, незаконных денежных поборов в адрес организаторов переселения [4, л. 35].

Переселение преподносилось только как один из вариантов борьбы с малоземельем и тяжёлым хозяйственным кризисом отдельных групп крестьянства. Особое внимание НКЗ рекомендовалось уделять мероприятиям по улучшению условий техники ведения местного сельского хозяйства в целях перехода к более рациональным и трудоёмким его формам.

В открытых для заселения районах на 1928 г. заготовка переселенческого фонда велась в небольших размерах, потому что земли эти были трудными и требовали предварительного обводнения, осушения и прокладки дорог. Поэтому форсирование тяги крестьянства к переезду не поощрялось. Кроме этого, имелся и ряд других проблем, который остался ещё с прошлой переселенческой компании: земорганы оставили нерешённым вопрос оказания помощи при ликвидации имущества и земельных отношений на родине переселенцев. Также не было предпринято никаких мер в деле корректного информирования заинтересованного населения о натурально-исторических и хозяйственных условиях районов водворения.

В 1928 г. для БССР, как самому перенаселённому району и испытывающему наибольшую остроту малоземелья, был предоставлен фонд в размере 22 тыс. душевых долей в Сибири.

Также до этого не рассматривался вопрос о едином органе, который бы фактически осуществлял обслуживание переселенческих нужд в местах водворения. В тех районах, где специалисты всё-таки были, необходимо было организовать непосредственную помощь по подбору и формированию переселенческого контингента, информированию населения, помощи переселенцам при отправлении на места водворения и т.п. [4, л. 100].

НКЗ выделил следующие проблемы земорганов в организации переселения в 1927 г.:

1. Отсутствие слаженного рабочего аппарата на местах, доводящего до низов информацию об обслуживании переселенцев. НКЗ предлагал переложить эту обязанность на землеустроительные аппараты, а также на участковых землеустроителей с последующим инструктированием Районных переселенческих управлений (РПУ).

2. Неудовлетворительная работа по организации выхода и по оказанию помощи переселенцам в деле ликвидации ими своего имущества и земельных отношений на родине. По мнению НКЗ, для решения этой проблемы к работе необходимо привлекать местные кооперации, местные гражданские организации, а также комитеты крестьянской взаимопомощи. Таким образом, необходимо, чтобы вся земля, которая оставалась от переселенцев, переходила в арендное использование исключительной бедняцкой части населения.

3. Губернии не выявили главных причин стремления крестьянства к переселению. Для этого необходимо было провести работу по подсчёту потенциальных переселенцев и установить основные очаги (гнёзда) переселенцев, на основе циркуляра НКЗ от 9 декабря 1927 г.

4. Переселенцы не владели достоверной информацией об условиях и порядке переселения, а главное естественно-исторических и хозяйственных условиях районов, открытых для заселения. В данном случае НКЗБ рекомендовало ОКРЗ обратить внимание на необходимость установления самой тесной связи с РПУ.

5. Отсутствовал должный контроль в большинстве губерний за самовольным переселением. Как результат, злоупотребляли своими правами как в части использования права брать на себя поручение от доверителей на родине (в случае заочного ознакомления с потенциальным земельным фондом), так и что касается переезда на поезде по переселенческому льготному тарифу.

6. Ошибки при выдаче ходаческих и переселенческих документов на право проезда по льготному тарифу не редко вызывало недоразумения на железной дороге у администрации, в связи с чем, переселенец нес дополнительные расходы по оплате переезда. ОКРЗ необходимо было принять все меры для того, чтобы не происходило объединения двух малоимущих семей по одному переселенческому удостоверению; не допускать включения в документы переселенцев лиц, не имеющих никакого отношения к этим семьям; не выдавать ходаческие и переселенческие документы в двух и более экземплярах; не заносить в ходаческие заявления одни и те же фамилии семей по несколько раз; переселенческие удостоверения необходимо было выдавать непосредственно каждой семье, а не через третьи лица, имеющие умысел уничтожить их или использовать в корыстных целях; не выдавать ходаческие удостоверения тем семьям, которые не имеют две рабочие силы; в переселенческие документы обязательно должны быть занесены отношения между лицами, перечисленным в ходаческих документах (сын, дочь, брат и т.д.).

7. Чтобы исправить слабую работу по формированию отправляемых переселенческих групп и разобраться с перебоями на железной дороге из-за огромного наплыва ходочков, необходимо было отрегулировать их отправки эшелонами, согласно инструкции НКЗ РСФСР от 15 февраля 1921 г.

8. В связи с тем, что переселение организовано для улучшения общих условий землепользования остающихся на месте граждан, Окрисполком должен выделять средства из местного бюджета для оборудования помещений переселенцев на станциях, удержания агентов по переселению в районах и пр.

9. В части улучшения условий перевозки переселенцев на железной дороге требовался более тесный контакт между ОКРЗ и заведующим расположением переселенческих групп по европейской части СССР, который мог дать всю необходимую информацию как об установленном ежегодном порядке перевозок переселенцев и путей сообщения, согласованных расписаний отправки поездов, так и затруднений при перевозке в случае неудовлетворительного обслуживания переселенцев.

10. Потребность улучшения условий подготовки переселенческого фонда в открытых для переселения районах вызывала необходимость в 1927–1928 гг. снизить общий контингент на переселение и больше обратить внимания не на заготовку новых фондов, а на уже занятые участки [4, л. 50–54].

В связи с этим для осмотра и зачисления земли в 1927–1928 гг. в районы водворения для БССР было представлено следующее количество душевых долей:

в Уральскую область	– 3300
в Сибирь	– 14700
на Дальний Восток	– 4000

Принимая во внимание, что некоторый процент ходочков отказывался от водворения зачисления земель и возвращался домой, из каждой губернии и республики на переселение предоставлялось право направлять на 50% больше желающих, чем было заявлено округам в развёрстке нарядов [4, л. 53].

Для водворения в 1928 г. Уральская область была представлена Троицким и Ирбитским округом. Для заселения Сибири выделили Омский, Тарский, Барабинский, Славгородской, Томский, Новосибирский, Кузнецкий, Красноярский, Канский, Ачин-

ский, Иркутский, Тулунский округа. Дальний Восток открыл Амурский, Хабаровский, Сретенский округ, Владивосток, а также остров Сахалин.

Для переселения в желаемый район, кроме Поволжья, ходоков рекомендовалось отправлять с 1 апреля по 1 ноября 1928 г. В зимние месяцы с 1 ноября по 1 апреля компания по переселению приостанавливалась.

Отправка семей на ранее зачисленные земли проходила в течение всего года без остановки. Тем не менее, земельные органы были обязаны предупредить о нежелательном переезде в холодное время года в особенности семьи, имеющие маленьких детей и не обеспеченных жилыми домами на новом месте.

При переселенческих пунктах в Челябинске и в Иркутске работали специальные справочные бюро для ходоков, позволяющие избежать непомерных скоплений переселенцев в отдельных открытых округах или на территориях с недостаточно заготовленными земельными фондами с целью упорядочения и облегчения условий хождения. Также эти переселенческие пункты были наиболее оборудованными на путях следования и предоставляли наиболее полную информацию при затруднении в выборе того или иного направления при выдаче документов ходоку [4, л. 100].

Всем ходокам давали исчерпывающую информацию о выбранном переселенческом фонде и об условиях хозяйствования в разных округах Сибири, Дальнего Востока, Иркутска, исходя из чего, переселенцы могли твёрдо обозначить для себя желаемый округ, где было бы легче найти соответствующую требованиям землю, а также получить помощь от местных переселенческих организаций.

Если к моменту прибытия ходока все свободные участки были заняты или округ приходился не по вкусу, переселенец мог обратиться в специальное справочное бюро при местном заведующем водворением. Он, в свою очередь, был обязан проинформировать ходока о положении переселенческих фондов и условиях хозяйствования в разных открытых для заселения округах Сибири (в Челябинске) и Дальнего Востока (в Иркутске), а также и выдать ему новое удостоверение на правах льготного переезда по переселенческому тарифу к новому намеченному месту водворения [4, л. 55].

Также земельные управления обязывались предупреждать ходоков о наиболее благоприятном времени для осмотра места водворения, коими являлись май и июнь, периода, когда тает снег и вскрывается лёд.

Белорусские переселенцы из районов слабо охваченных коллективизацией смогли основать на новой территории небольшие кусты деревень и хуторов, живя достаточно обособлено и сохранив этническую самобытность [1, с. 129]. Те же, кто прибыл в Сибирь в результате проведения политики коллективизации, построили крупные поселки и постепенно ассимилировались с местным населением [7, с. 70].

Переселенческая политика белорусов в Сибирь во второй половине 1920-х гг. стала продолжением переселенческих традиций XIX в. в части организации самого процесса, а также участия белорусов в формировании этнического пространства Сибири, социально-экономических, общественно-политических и культурных процессов региона.

1. Багашев, А. Н. Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири / А. Н. Багашев // Археология, этнография и антропология Евразии. – Тюмень, 2012. – № 3(51). – С. 124–129.

2. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 71. Оп. 1. Д. 349.

3. ГАВт. – Ф. 71. Оп. 1. Д. 351.

4. ГАВт. – Ф. 71. Оп. 1. Д. 916.

5. Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. / Российская акад. наук, Сибирское отделение, Ин-т истории ; редкол.: С. С. Букин, В. А. Ламин (гл. ред.) [и др.]. – Новосибирск. – Т. 1 : Белорусы / Т. С. Мамсик, А. Ю. Майничева [и др.]. – 2009. – 715 с.

6. Липинский, Л. П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии / Л. П. Липинский. – Минск : Изд-во БГУ, 1978. – 224 с.

7. Федоров, Р. Ю. Крестьянские переселения белорусов в Азиатскую Россию: география и мифы идентичности / Р. Ю. Федоров, А. А. Богордаева // Ойкумена. – 2014. – № 3. – С. 67–80.

Филимонов А.В.
ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ – ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ
О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЛЬНОВСОВХОЗОВ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РСФСР
(КОНЕЦ 1920-х – НАЧАЛО 1930-х гг.)

Ключевые слова: Северо-Запад России, Ленинградская область, Псковский округ, льновсовхоз, льносеменной рассадник, севооборот, агротехника, механизация.

С конца 1920-х гг. начался новый, принципиально отличавшийся от предыдущих, этап совхозного строительства, когда наряду с укреплением старых советских хозяйств началось создание крупных специализированных совхозов на новых землях.

Под Северо-Западом в данном случае понимается обширная территория созданной в 1927 г. в составе 9 округов и 140 районов Ленинградской области, и являвшаяся по своим природно-климатическим условиям зоной технических культур (прежде всего, льна) и животноводства, поэтому одной из групп специализированных совхозов здесь стала льноводческая, изначально сосредоточиваемая в районах Псковского округа, как традиционно льноводного района страны. Создание льновсовхозов в полной мере сочеталось с программой строительства Псковского льносеменного рассадника республиканского значения, принятой Экономическим Советом РСФСР осенью 1929 г. и предусматривавшей наряду с проведением сплошной коллективизации крестьянских хозяйств организацию нескольких крупных льновсовхозов, в которых общую посевную площадь к концу первой пятилетки планировалось довести до 100 тыс. га, в том числе льна – 15–25 тыс. га. [1, 1930. 17 июня].

Об организации и ходе строительства льновсовхозов, планах, достижениях, возникавших проблемах, а в конечном итоге и о судьбе этой первой и значительной группы специализированных хозяйств, дают представление различные источники, в том числе и региональная периодическая печать. Выделяются, в первую очередь, областные газеты «Ленинградская правда» и «Крестьянская правда» – органы Ленинградского обкома ВКП(б) и облисполкома, а также окружная газета «Псковский колхозник» (до марта 1930 г. – «Псковский набат»), но информационное «поле» последней с упразднением в 1930 г. округа существенно уменьшилась: после этого она отражала процессы, происходившие только в небольшом Псковском районе, в то время как основные льновсовхозы находились за его пределами. Газеты оперативно, по «горячим следам» событий, из номера в номер рассказывали о реализации обширной программы строительства льновсовхозов, выполняя в значительной мере агитационно-пропагандистскую роль, но не скрывая в то же время и возникавших проблем, т.е. не только сообщали информацию, но и содержали в ряде публикаций аналитические моменты. Содержанию и анализу их посвящается настоящее сообщение.

Первым специализированным льновсовхозом Ленинградской области стал совхоз «Полоное» в Порховском районе, и было вполне закономерным, что раньше других газет, уже в июле 1929 г., об этом сообщил «Псковский набат»: «Президиум Окрисполкома согласился с предложением треста «Льнопенькосырье» об организации в Порховском районе индустриального типа совхоза на площади 1700 га. Мощный совхоз «Полоное» будет иметь основной своей задачей производство улучшенных семян льна-долгунца. Трестом «Льнопенькосырье» на 1929/30 г. намечено вложить в совхозное строительство Псковского округа 1 млн руб., из них 400 тыс. – на реорганизацию совхоза «Полоное». Решено создать в «Полоное» межселенную МТС. Это будет один из наиболее мощных совхозов области» [3, 1929. 31 июля].

Совхозу «Полоное» в дальнейшем было посвящено основное число газетных сообщений, из которых выясняются вносимые в первоначальные планы коррективы в

сторону увеличения плановых заданий, имевшие целью создание на базе его льносовхоза-гиганта. «Областной Исполком постановил организовать льносовхоз, в который войдут совхозы «Полоное», «Заказник» (Солецкий район) и в Дновском районе «Панкратовские Гари» с общей земельной площадью в 9 тыс. га, – писалось уже в сентябре того же, 1929 г. – Правлению треста «Льнопенькосырье» предложено немедленно приступить к переустройству хозяйств. На организацию льносовхоза в нынешнем и будущем году ассигновано 937 тыс. руб. и, кроме того, 500 тыс. руб. на приспособление бросовых земель» [3, 1929. 14 сентября]. Всего лишь через полмесяца последовало новое сообщение: «Совхоз «Полоное» расширяется, государство отпускает на это около 1 млн. руб. До сих пор ничего подобного Порховщина не видела. Все процессы будут механизированы...» [3, 1929. 27 сентября]. Еще через два дня газета вновь писала: «Трест «Льнопенькосырье» намечает создание крупного льняного совхоза «Полоное» на 1742 га. Уже ведутся работы по раскорчевке и очистке площади земли. «Панкратовские Гари» – участок бросовой земли в 4800 га – тоже приспособляется под посевы льна...» [3, 1929. 29 сентября]. Подводя итоги работы совхоза в 1929 г., «Псковский колхозник» поместил статью ««Полоное» шагает вперед», в которой с пафосом повествовал: «За прошлый хозяйственный год льносовхоз «Полоное», несмотря на неблагоприятные погодные условия (градобитие озимых, осенние дожди) имеет значительные достижения. Основа хозяйства – льноводство и животноводство. По льноводству «Полоное» быстро идет вперед. Благодаря агротехническим мероприятиям с гектара получено 2,71 ц льноволокна и 2,46 ц семян. Средняя же урожайность льна в Псковском округе за пятилетку (1923–1927 гг.) составляла 2,1 ц льноволокна и 1,7 ц семян. Совхоз «Полоное» за прошлый год добился той нормы урожайности, которая планируется на 1930 год... Он хорошо готовится к весеннему севу. Все посевные площади вспаханы осенью. Посевы зерновых культур сокращаются и совхоз переходит главным образом на технические. В прошлом году под лен было засеяно только 43 га, нынче льняное поле расширено до 1000 га. Своей задачей льносовхоз ставит получить по 3,2 ц семян льна и 4 ц волокна с га. Нынче впервые совхоз переходит к разреженным посевам льна...» [4, 1930. 28 марта].

Газетные публикации второй половины 1929 г. посвящались преимущественно намерениям и планам строительства совхозов-гигантов, и главным образом, совхоза «Полоное», а с весны 1930 г. – уже ходу их реализации, хотя «Ленинградская правда» четко обозначила и перспективу: «Посевная площадь в льноводных совхозах должна быть доведена в текущем пятилетии не менее, чем до 100 тыс. га, из них под посевы льна отводится 15–25 тыс. га» [1, 1930. 17 июня]. И в то же время, в конце мая 1930 г. сообщалось, что «в Псковском льноводном округе, по существу, только один (правда, крупный) льносовхоз – «Полоное». Другие совхозы до сих пор имели полеводно-животноводческий уклон, а не льноводческий. Лишь в Островском районе совхоз «Городище-Стадник» принимает льноводческое направление» [4, 1930. 25 мая]. И положение стало «исправляться» уже весной 1930 г., например: «Работа по севу льна в совхозе «Городище» шла напряженно круглые сутки, рабочие работали в две-три смены. Совхоз добился невиданных результатов посева льна: намеченный план выполнен на 447% (вместо 28 га по плану за счет целинных и бросовых земель засеяно 128 га)» [1, 1930. 20 июня].

Но главные посевные площади льна пришлось в 1930 г. на совхоз «Полоное», победный рапорт которого был опубликован 25 июля: «Совхоз добился в этом году крупных достижений: засеял весной льном 1467 га против 43 га в 1929 г., план выполнен на 147%. Сверх плана создана целая экономия № 3 – 320 га, лен сеяли на целинных землях. Кроме того, посеяно 270 га хлебов, трав, клубней и корнеплодов. В будущем году под лен отводится 5 тыс. га, надо распахать 3600 га целины, в дальнейшем – свыше 15 тыс. га. Весной широко развернулось социалистическое соревнование и ударничество,

25 трактористов, бригадиров и рабочих получили премии за хорошую работу, выделен премиальный фонд и на осень...» [2, 1930. 25 июля].

Вскоре приступили к уборке льна, и вот здесь-то совхоз «Полоное» столкнулся с рядом серьезных проблем, о которые не умолчали и газеты. «В совхозе начинается тербление льна, – писал «Псковский набат», – для этого привлечены все члены профсоюзов, комсомольской ячейки и колхозники, всего примут участие в уборке 400 чел...» [4, 1930. 25 июля], а «Крестьянская правда» тут же подчеркнула, что «уборка льна встречает ряд трудностей. Ежедневно требуется 500 чел., но вопрос о рабочей силе не решен. Идут испытания 18 тербильных машин Сунена (английских), которые на 25% смогут уменьшить потребность совхоза в рабочих руках. Эти машины впервые применяются в СССР на полях совхоза... Отсутствуют и молотилки, плохо с сушилками...» [2, 1930. 25 июля]. «В совхозе «Полоное» не решен самый важный вопрос – о рабочей силе для льноуборки, – продолжила она разговор в августе, когда тербление льна уже началось. – Вербовка идет плохо. Для сезонников нет теплых помещений, есть только палатки. Надо обеспечить общественное питание на 600 чел., а кухня рассчитана только на 200. Рабочие других отраслей совхоза (например, скотники, и др.) плохо используются, в столовой плохое питание...» [2, 1930. 12 августа]. В отделении совхоза «Панкратовские Гари» предстояло убрать 550 га льна, но рабочей силы тоже не хватало, и в этих условиях «партийная и профсоюзная организации райцентра Дно организовали четырехдневный поход на уборку льна, в котором участвовало 120 рабочих и служащих и 40 пионеров. «Необходимо широкое привлечение окрестных крестьян, которых сейчас работает всего 70 чел., им для уборки надо 100 дней, – заметила «Крестьянская правда». – Крестьяне д. Огорывисто всей деревней заключили договор с совхозом, такие договоры нужны и с другими деревнями. Тербильные машины стоят, т.к. пашня сырая» [2, 1930. 29 августа]. В другом отделении – «Ломы», лен необходимо был убрать с площади 350 га [2, 1930. 17 августа].

В самый разгар уборки «Ленинградская правда» поместила на своих полосах пространную статью, в которой с множеством подробностей писала о проблемах хозяйства: «Совхоз состоит из трех экономий. Он расположен на землях, принадлежащих до революции князю Дондукову-Корсакову, коннозаводчику Боговскому и др. Все три экономии находятся в пределах бывшего Псковского округа: главная экономия «Полоное» – в Порховском районе, вторая – «Панкратовские гари» – в Дновском, и третья – «Ломы» – в Славковском. Земли во всех трех экономиях около 18 тыс. га, в большое хозяйство совхоз сложился только в начале 1930 г. В 1930 г. распахали много целины и засеяли льном уже 1500 га, на 1931 г. запроектировано под лен 5500 га. Постоянных рабочих и служащих в совхозе 295 чел. По своим льнопосевам совхоз является самым большим в СССР и во всем мире. На этом совхозе мы учимся строить крупные льноводные хозяйства.

Но с уборкой льна в совхозе медлят. Сейчас из 1500 га не вытерблено 700. Основная причина – нехватка рабочей силы. Исходя из расчета, что при 10-часовом рабочем дне для тербления гектара надо 18 человеко-дней, для 1500 га надо 27 тыс. человеко-дней. Таким образом, совхозу нужно ежедневно 750 рабочих, если уборочный период длится 30 дней и 15 человеко-дней на га. Такого количества рабочих у совхоза нет. Крестьяне идут тербить лен по 15 руб. с га при условии расчета промтоварами по кооперативным ценам. Совхоз пока получил на уборочную кампанию промтоваров на 5 тыс. руб., с ними можно вытербить 333 га. Совхоз вытербил 800 га – на 477 га больше, вытербил отчасти своими рабочими, отчасти в долг работали крестьяне. Облторг обещал выслать промтоваров еще на 10 тыс. руб., но пока что их в совхозе нет, а лен стоит в поле.

У совхоза 13 льнотеребилков. При нормальной работе в 15 часов рабочего дня можно вытеребить 3 га, а за уборочный сезон 45–50 га. Но заграничные машины имеют много недостатков, а теребилки Сунена в наших условиях вообще не пригодны, бывшие плохо испытаны. Из 800 га теребилки вытеребили только 50 га, остальные – вручную. В «Полоном» поля засорены на 30–40%... Плохо руководство совхозом со стороны Льнотреста, совхоз не имеет шефа...» [1, 1930. 13 сентября].

«Из 1470 га льна в совхозе «Полоное» (в трех экономиях) до 3 сентября убрано 445 га, – писала вскоре в очередной раз «Крестьянская правда». – Коллегия областной РКИ приняла ряд чрезвычайных мер по ликвидации прорыва – обязала перебросить в совхоз промтоварный фонд не менее чем на 10 тыс. руб., администрации совхоза поручено провести в трехдневный срок широкую вербовку рабочей силы, Порховскому, Дновскому и Славковскому райисполкомам организовать рабочие бригады, штабу ЛенВО на пять дней мобилизовать 100 красноармейцев, псковскому заводу «Металлист» до 15 сентября изготовить 5 машин по очесу головок...» [2, 1930. 16 сентября]. Путем чрезвычайных мер, организации субботников и др. уборку льна в совхозе «Полоное» к 20-м числам сентября удалось закончить, но в отделениях «Ломы» и «Панкратовские Гари» на корню оставалось еще 600 га, в «Городище» убрано было только 32% всех посевов [2, 1930. 21 сентября; 1, 1930. 14 сентября].

Надлежащих выводов из сложившейся в 1930 г. ситуации, однако, сделано не было, программа «гигантомании» продолжала реализовываться, и в следующем, 1931 г. отделению «Панкратовские Гари», например, был спущен план сева льна в 1005 га, т.е. увеличенный по сравнению с предыдущим годом почти вдвое [2, 1931. 2 марта]. А весной 1931 г. решено было это отделение, как и другие «экономии» совхоза «Полоное» сделать самостоятельными хозяйствами, хотя в печати и не скрывалось того, что им «не хватает семян, удобрений, машин, не хватает 300 рабочих» [2, 1931. 8 апреля]. Увеличенный план сева льна получили на 1931 г. и другие совхозы: «Гари» Дновского района – 1500 га, «Городище-Стадник» – 760 га [2, 1931. 18 мая]. В целом же, все льносовхозы были обеспечены рабочей силой только на 45% потребности, не хватало теребилков и льночесальных машин, имевшиеся использовались с неполной нагрузкой, что ставило под угрозу сначала прополку посевов, а затем и уборку [2, 1931. 28 июля].

В совхозе «Гари» посевы льна в 1931 г. составили 1100 га, т.е. несколько меньше по сравнению с первоначальным заданием, но на 58 га они вообще погибли, 48 га остались не вытеребленными, к концу года план заготовок льноволокна был выполнен всего на 40%. Не лучшим было положение и в «Ломах», а в целом льносовхозы выполнили к 1 января 1932 г. план сдачи льна только на 20%, в то время как колхозы – на 86% [2, 1932. 4 января]. В 1930 г., по сообщениям прессы, в Ленинградской области было 5 льносовхозов, в начале 1932 – уже 9, которые располагали 134 тракторами; посевы льна в них выросли с 1813 га в 1930 г. до 4082 га в 1931 г. [2, 1932. 14 февраля]. Весной 1932 г. число льносовхозов достигло 10: «Полоное», «Городище», «Красный фронтовик», им. Ворошилова, «Красные казаны», «Ломы», «Ударник», «Погостиха», «Гари» и «Стадник», а план посева льна в них был уменьшен – до 3200 га, но при этом планировалось получить урожай льноволокна по 2,6 ц, а семян – по 2,5 ц с га [2, 1932. 4 апреля]. Но газета «Крестьянская правда» с оптимизмом писала, что «урожай в льносовхозах будут убирать 100 теребилков, весь урожай будет очесан машинами, а очистка семян – семяочистительными машинами», поэтому «совхозы должны дать государству 6150 т льносолумы вместо 2300 т в 1931 г.». [2, 1932. 1 мая].

Следствием «насаждения» сверху обширной программы создания льносовхозов стало увлечение в них монокультурой. Специалисты считали приемлемым долю льняного клина в общей посевной площади не более 35%, но фактически в льносовхозах в 1931 г. он составил 64%, т.е. вдвое больше нормы. В отдельных хозяйствах доля его

оказалась еще большей: «Ломы» – 77%, «Полоное» – 78,8% [1, 1932. 21 июня; 2, 1932. 14 февраля]. Монокультура привела к уменьшению роли животноводства, а следовательно – к нехватке удобрений (основным из них являлся навоз), резко нарушила севообороты – почти совсем устранило обязательный предшественник льна – клевер и многолетние травы. В такой ситуации, когда из года в год «лен сеяли по льну», ждать хорошего урожая не приходилось, поэтому в 1932 г. началось преодоление чрезмерной специализации: важнейшей отраслью в совхозах становилось животноводство.

В том же 1932 г. в системе льносовхозов начались изменения, которые затем предопределили их судьбу. В Ленинграде началось строительство крупного мясокомбината, и во весь рост встала задача обеспечения его сырьем, в первую очередь свининой. В области в связи с этим началось развертывание трех дополнительных Свиноводтрестов с 35 новыми совхозами, в их же состав передавался ряд совхозов из других трестов, например, льносовхозы «Красные казаны», «Красный фронтовик» и «Ломы» [2, 1932. 4 июля], а оставшиеся льносовхозы к концу года выполнили план сдачи льнопродукции государству только на 39,2% [2, 1932. 29 декабря]. В июле 1932 г. почти все льносовхозы были переданы в ведение 1-го и 2-го Свиноводтрестов, в составе «Главленкома» остались лишь «Полоное» и «Стадник». Руководители Свиноводтрестов прямо заявляли, что «со льном покончено, на будущий год совхозы будут заниматься свиноводством и созданием для него кормовой базы». Для таких заявлений были основания, так как льносовхозы теряли заинтересованность в возделывании такой трудоемкой культуры, каковой являлся лен: в конце 1932 г. в совхозе «Полоное» обмолот с 400 га не был закончен, в «Гарях» – с 240 га, «Ломы» с 850 га не сдал государству ни одного килограмма [2, 1932. 4 декабря]. В ряде совхозов (например, «Городище») льноводство уже в 1931 было вытеснено животноводством. Но и после этого совхозы, несмотря на явный срыв первоначальных планов строительства льносовхозов-гигантов, продолжали оставаться полем различных хозяйственных экспериментов. Так, в январе 1933 г. в совхозе «Полоное» был поставлен опыт сверххранного сева льна: по снегу было засеяно 4,5 га [1, 1933. 15 января], т.е. опыт по «яровизации», за что решительно выступал «народный академик» Т.Д. Лысенко.

В 1933 г. совхоз «Стадник», где посевы льна к тому времени остались мизерными (всего 33 га), тоже был преобразован в свиноводческий, а в 1934 г. это произошло и с совхозом «Полоное». Вследствие этого с 1934 г. посевы льна в совхозах исчезли [4, 1935. 21 августа].

История льносовхозов на Северо-Западе России оказалась, таким образом, короткой, оставшись очередным (одним из многих) «хозяйственным экспериментом», в провале которого позднее были обвинены специалисты сельского хозяйства: в 1938 г. в одной из газетных публикаций подчеркивалось, что идея льнорассада в начале 1930-х гг. была «погублена вредителями, засевшими в земельных органах» [2, 1938. 21 апреля]. Теперь же расширение посевов льна предусматривалось исключительно на землях колхозов.

Таким образом, периодическая печать, несмотря на агитационно-пропагандистскую роль, неполноту сведений по ряду вопросов, допускаемые разночтения в цифровых и фактических данных и др., в общих чертах представила процесс строительства льносовхозов на Северо-Западе России, начиная от замыслов и создания первых хозяйств до изменения их производственной специализации, т.е. на протяжении 1929–1934 гг. В этом заключается ее роль как ценного исторического источника.

1. «Ленинградская правда»: Орган Ленинградского обкома ВКП(б) и Облисполкома. – 1929–1933 гг.
2. «Крестьянская правда»: Орган Ленинградского обкома ВКП(б) и Облисполкома. – 1930–1932, 1938 гг.
3. «Псковский набат»: Орган Псковского окружкома ВКП(б) и Окрисполкома. – 1929–1930 гг.
4. «Псковский колхозник»: Орган Псковского окружкома ВКП(б) и Окрисполкома. – 1930, 1935 гг.

Баранов А.В.
НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА
В КРАСНОДАРЕ 1920–1930-х гг.¹

Ключевые слова: источники, история градостроительства, Краснодар, 1920–1930-е гг.

История градостроительства является актуальным междисциплинарным направлением гуманитарных наук, позволяя не только осмыслить приоритеты пространственного развития населённых пунктов, но и выяснить влияние архитектуры и транспортных магистралей на локальную идентичность сообществ горожан. Объективные научные знания об истории градостроительства важны и в практическом аспекте, поскольку такие знания дают возможность избежать ошибок в планировании населённых пунктов, сохранить преемственность социокультурного ландшафта городов. Краснодар – ныне один из крупных городов России с населением свыше 1,1 млн. чел., он быстро расширяет свою территорию и впитывает потоки новосёлов. Часто современный Краснодар называют «городом-переростком». Это актуализирует исследование истории градостроительства в Краснодаре периода 1920–1930-х гг., когда решались во многом сходные с современностью задачи.

Степень изученности научной проблемы нельзя признать достаточной. Преобладают популярные работы, лишённые библиографического аппарата; скорее, это краеведческие иллюстрированные очерки. Их авторы уделяли основное внимание дореволюционному периоду развития Екатеринодара (ныне Краснодара). Таковы книги В.П. Бардадыма [1], Н.А. Корсаковой и Б.Н. Устинова [10], И.Т. Краева [11]. Исследование особенностей развития г. Краснодара в периоды НЭПа и социалистической модернизации на основе архивных источников провели В.В. Бондарь [2], Н.В. Макаровская [12] и Э.Н. Нежигай [13]. Но вопросы градостроения и территориального планирования Краснодара рассматриваются в этих трудах бегло.

Цель статьи – дать характеристику вводимым в научный оборот неопубликованным источникам по истории градостроения Краснодара 1920–1930-х гг.

Источниковую базу исследования представляют документы, хранящиеся в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК) и Центре документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Отчасти они неполны, особенно – документы ГАКК, утраченные во время фашистской оккупации Краснодара. Наибольший интерес представляет фонд Р-1547 ГАКК «Материалы по истории г. Краснодара. Коллекция документальных материалов, собранных П.В. Мироновым». Палладий Васильевич Миронов (1874–1952) был делопроизводителем, затем товарищем городского главы Екатеринодарской городской управы, а с 1920 г. – заместителем начальника отдела коммунального хозяйства Краснодарского городского исполкома Советов. П.В. Миронов являлся одним из инициаторов создания Кубанского политехнического института – первого вуза на Кубани, а в 1923 г. возглавлял научно-техническую комиссию по подготовке проекта планировки Краснодара. В фонде Р-1547 ГАКК отложились брошюры П.В. Миронова «Краснодар: Классовые, производственные, общественные и культурные черты» [3, л. 3–12], «Реконструкция или самотёк (строительство г. Краснодара)» [4, л. 19–30]. В них, как и в заметках 1926 г., 1940 г. П.В. Миронов характеризует на основе переписей и карт города численность и социальный состав населения, расширение территории, количество строений и землепользование. В другом тексте – «Указания к осуществлению проекта планировки гор. Краснодара» (1931 г.) П.В. Миронов детально характеризует планы и карты города в исто-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20096, <https://rscf.ru/project/24-18-20096/>.

рическом развитии, критически оценивает вклад предшественников – Н.С. Иваненкова, А.А. Юнгера, А.П. Иваницкого, Б.Н. Зимина и др. по проектированию территории для расширения Краснодара, его водоснабжения, развития транспортной сети во взаимосвязи с экономическими запросами развития Кубани в целом. На этой основе П.В. Миронов разрабатывает эскиз генерального плана развития города, причём детально – по выделяемым районам, с расчётом площади кварталов, с учётом критериев плотности населения и удалённости жилья от вредных производств [5, л. 59–75 об]. Предлагалось размещать новые промышленные предприятия вдали от жилья и с учётом розы ветров – на западе города, в малообжитых местностях. Нижнюю террасу Кубани, часто заливаемую водами реки, предлагалось не застраивать, а превратить в парково-спортивную зону. Автор отстаивал научной обоснованный, системный подход к реконструкции Краснодара, критикуя отказ городского Совета в 1932 г. от долгосрочного планирования. Миронов предвидел последствия такого недалёковидного подхода чиновников: транспортную перегруженность узких улиц, недостаточность площади парков и скверов, игнорирование природно-географических условий.

Полезно пояснить, что Краснодар находится на почти плоской болотистой местности, образованной наносными отложениями реки Кубань и её стариц – Карасунских озёр. Несколько приподняты только северные и северо-восточные окраины города. Его бурное развитие было вызвано превращением Кубанской области в житницу России после Кавказской войны, через город прошла железная дорога Царицын – Новороссийск в целях экспорта продовольственных товаров. Только за 1897–1926 гг. население Краснодара выросло более чем вдвое, с 65,6 до 154,4 тыс. чел. за счёт притока переселенцев и повышенной рождаемости. В период индустриализации население города ещё раз удвоилось. Как отмечает В.В. Бондарь, в итоге Краснодар в 1920–30-х гг. был на втором месте в стране по низкой обеспеченности жилплощадью [2, с. 31]. В таких условиях остро встали новые вопросы: места размещения экологически вредных металлургических, пищевых и кожевенных предприятий, единой схемы транспортного движения, специализации районов застройки на жилые, промышленные и административные. К сожалению, нехватка финансирования и малоконтролируемое развитие промышленных зон не позволили органам власти учесть многие предложения П.В. Миронова, сохраняющие актуальность и сейчас, когда город стал в 9 раз многочисленнее по населению.

В фонде Р-1547 ГАКК отложились также документы других инженеров и статистиков, собранные П.В. Мироновым, в частности, записка профессора Г.А. Заславского «Об устройстве речного порта на реке Кубани у города Краснодара» (1924 г.). [6, л. 53–72]. В ней дана глубокая характеристика отраслевой структуры промышленных и ремесленных предприятий Краснодара, их обеспеченности рабочей силой и энергооборужённости, территориального тяготения рыночных связей. Автор записки аргументировал строительство речного порта в увязке с мукомольными предприятиями и элеватором в юго-восточной части Краснодара, а также создание обводного канала, чтобы уменьшить последствия частых наводнений.

Фонд Р-1765 ГАКК «Титов Александр Васильевич, заслуженный архитектор РСФСР» содержит «Предварительный эскиз расширения и перепланировки г. Краснодара (1923–1928 гг.)», составленный инженером А.А. Юнгером в 1924 г. Этот документ важен глубоким знанием современной на момент составления зарубежной градостроительной литературы. В том числе, А.А. Юнгер указывает нормы плотности застройки для видов городских районов, предлагая запретить хаотическую частную застройку окраин города. Автор эскиза обсуждает преимущества и недостатки прямоугольной, радиальной и зональной планировки городов, отстаивая предпочтительность в условиях Краснодара зональной перепланировки. А.А. Юнгер прогнозирует смещение центра города на север, намечает основные магистральные улицы и площади, предлагает места

для размещения зеленых зон и «научного городка» нескольких вузов. В итоге предлагалось «сплошное зелёное кольцо» вокруг старого центра города, организованное вдоль Карасунских озёр. Как пишет А.В. Титов в комментарии к эскизу Юнгера, именно данный проект стал основой генерального плана развития Краснодара, разработанного Северо-Кавказским краевым управлением коммунального хозяйства под руководством П.В. Миронова [8, л. 1–13]. В сравнении с эскизом Юнгера представляет интерес «Аннотация о Краснодаре», написанная А.В. Титовым в 1968 г. [9, л. 28–44]. В этом тексте тогдашний главный архитектор города подверг критике градостроительные решения периода «оттепели», когда велась ускоренная застройка новых микрорайонов пятиэтажными домами. А.В. Титов указывает монотонность архитектурных решений, отсутствие парадного выхода Краснодара к реке, нехватку зелёных насаждений, настаивая на строительстве транзитных автострад в обход центра города. И сейчас, спустя почти 60 лет, город сталкивается с непреодоленными последствиями ошибок 1960-х гг. в территориальном планировании.

В фонде Р-1594 ГАКК «Кубанская окружная плановая комиссия» важны протоколы заседаний данного органа управления за 1928–1932 гг. Из них можно получить детальные сведения о ходе строительства Краснодарской электростанции «КРЭС», мерах по срочному улучшению водоснабжения города, строительстве табачной фабрики и кожевенного завода, мясокомбината, расширению территорий и зданий вузов города [7, л. 13–13 об, 47–58 об].

Среди документов Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК) особенно важны материалы заседаний бюро Кубанского окружного комитета ВКП(б) за 1928–1932 гг. Из них можно узнать о дискуссиях по вопросам приоритетов промышленного, транспортного и научно-технического развития г. Краснодара, о продвижении отраслевых интересов руководителями крупных предприятий и организаций. В том числе, быстрый рост промышленного производства и приток нового населения привёл к трудностям снабжения горожан водой, электричеством и жильём, что побудило партийные органы одобрить личную и кооперативную застройку многих районов, сокращать расходы на социальное обеспечение [14, л. 52–67]. Партийные документы дают более «живую» картину обсуждений планов развития не только г. Краснодара, но и крупных населённых пунктов Кубано-Черноморья в целом.

Таким образом, выявленные и прокомментированные нами документы ГАКК и ЦДНИКК дают достаточно разностороннее представление об исходном уровне градостроительных решений в Краснодаре к началу социалистической модернизации в 1929 г., о разработанном ведущими инженерами и статистиками региона генеральных планах развития города, о противоречиях и альтернативных вариантах проектирования жилищного и промышленного строительства. На наш взгляд, градостроительные предложения П.В. Миронова, А.А. Юнгера и А.П. Титова были обоснованы на высоком теоретическом и практическом уровне, с тонким пониманием достижений предшественников и исторической специфики города. Данные проекты сохраняют свою актуальность и сейчас. В том, что они были осуществлены только частично, нет вины научно-технического сообщества кубанской интеллигенции 1920–1930-х гг.

1. Бардадым, В. П. Этюды о прошлом и настоящем Краснодара / В. П. Бардадым. – Краснодар : Книжное издательство, 1978. – 127 с.

2. Бондарь, В. В. Краснодар: судьба старого центра / В. В. Бондарь. – Краснодар : Игорь Платонов, 2007. – 80 с.

3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 21. Л. 3–12.

4. ГАКК. – Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 21. Л. 19–30.

5. ГАКК. – Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 28. Л. 59–75 об.

6. ГАКК. – Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 29, т. 1. Л. 53–72.

7. ГАКК. – Ф. Р-1594. Оп. 1. Д. 20. Л. 13–13 об, 47–58 об.

8. ГАКК. – Ф. Р-1765. Оп. 2. Д. 439. Л. 1–13.

9. ГАКК. – Ф. Р-1765. Оп. 2. Д. 470. Л. 28–44.

10. Корсакова, Н. А. Град Екатерины – город Краснодар / Н. А. Корсакова, Б. Н. Устинов. – Краснодар : Традиция, 2014. – 302 с.
11. Краев, И. Т. На перекрестке двух имен. Град Екатерины – город Краснодар / И. Т. Краев. – Краснодар : Традиция, 2023. – 270 с.
12. Макаровская, Н. В. История города Екатеринодара – Краснодара в первой трети XX века / Н. В. Макаровская. – Краснодар : Содружество, 2007. – 167 с.
13. Нежигай, Э. Н. Особенности урбанизационных процессов на Кубани в 20-е годы XX века / Э. Н. Нежигай // Экономика. Право. Печать. Вестник Кубанского социально-экономического института. – Краснодар, 2014. – №1(61). – С. 65–81.
14. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). – Ф. 8. Оп. 1. Д. 437. Л. 52–67.

Булыгина Т.А.
ИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В ЮЖНОЙ ПРОВИНЦИИ¹

Ключевые слова: советская повседневность, исторические источники, эго-документы, Ставрополье, частная жизнь.

Как только мы говорим о прошлой повседневности, так в сознании встают образы, подсказанные изобразительными, устными и эго-источниками. Однако позиция о большей важности этих источников для изучения проблем истории повседневности, на наш взгляд, неточна. Если исходить из положения о том, что нет важных и второстепенных источников, то надо вести речь о комплексном подходе к поискам, отбору и интерпретации всего имеющегося у исследователя корпуса источников. Иначе получается перевернутая модель советского официального источниковедения. Если раньше в учебниках по источниковедению подчеркивали субъективный характер источников личного происхождения, а не их исследовательские возможности, то сегодня им придается чуть ли ни основное место в источниковом комплексе. «Главная особенность мемуаров и переписки – их субъективность», – пишет в своем учебнике 1973 г. И.Д. Ковальченко [6, с. 525], а современная исследовательница считает, что для изучения истории повседневности именно эти последние «имеют несравнимо большее значение» по сравнению с другими документами [9].

Тем не менее, и авторы советских учебников, и современные историки писали и пишут о комплексном подходе к анализу источников. Так, М.Н. Тихомиров во Введении к учебнику по источниковедению истории СССР отмечал: «При изучении исторических явлений необходимо пользоваться всеми видами исторических источников» [8]. Авторы учебного пособия 2010 г. утверждают, что источник, как объект исследования всех гуманитарных наук, воплощает междисциплинарность, а также, как результат целенаправленной объективированной деятельности человека, «нацеливает на исследование жизненного мира Другого, познание исторической и культурной реальности через ее восприятие человеком, зафиксированное в его произведениях – исторических источниках...» [7, с. 54–55]

Во-первых, комплексность не предполагает деления источников на главные и второстепенные. Во-вторых, источники разных видов позволяют с разных сторон понять Другого. В-третьих, разнообразие исследуемых источников позволяет более глубоко погрузиться в прошлое, без чего понять Другого невозможно. В данном случае важен не только вид источника, но и методы его восприятия. Исследователь не копирует те или иные факты как бесспорное свидетельство социальной реальности, а выступает собеседником авторов источника, осмысливая не столько факты, сколько целеполагание, обстановку, в которой источник создавался, психологическое состояние свиде-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20073 «Городская повседневность южной провинции. Эволюция массового сознания и повседневные практики горожан Ставрополья и Кавказских Минеральных Вод в 1920-е - 1930-е гг.», <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

теля или очевидца рассказанных событий, все, что способствует понимающему погружению в прошлое. В ряде случаев авторы этих разнообразных источников говорят разными голосами о предмете исследования. В диалоге с ними мы слышим разнообразие мнений, интересов, эмоций. Это относится к разным сторонам существования людей прошлого и, конечно, к повседневной жизни.

К примеру, городская повседневность 1920-х – 1930-х гг. на Ставрополье может быть представлена различными группами источников такого вида, как делопроизводственные документы. В частности, этот вид включает в себя всевозможные заявления горожан во власть. Несмотря на их официальный характер, они содержат элементы частной жизни заявителей, тенденции в их восприятии мира, характерные для данного периода, конкретные проявления стратегии выживания горожан в переломное время.

Эти заявления содержат большой материал, освещающий черты ментальности горожан Юга России, взаимоотношения в микро-сообществах Ставрополья, демонстрируют рождение новой советской социальности. Вот письмо горожанина в городское собрание и в губернский комитет общественной безопасности (КОБ) в марте 1917 г. Обращает на себя внимание многократное повторение фразы «Сделайте так, чтобы...». Просматривается потребительское отношение к власти, к управлению. Вы должны сделать так, чтобы нам было хорошо, а мы это потребим. Кроме того, очевидно, что гражданин новой России озабочен тем же, что и гражданин современной России: «чтобы у нас были фабрики и заводы», чтобы от нас не ездили за Великий океан за сапогами в Америку и не платили бы за пару подметок по 5 рублей, а за пару сапог по 50 рублей и дороже». М.Ф. Рыдников предупреждал о будущих бедствиях, как будто уже пережил Гражданскую войну: «полезут мужчины в богатые дома; все те, которые холодные, голодные, раздетые и босые, будут забирать в богатых домах до нитки всю одежду, обувь и топливо, и догола будут сдирать все с людей богатых, с их жен, с их матерей и с их детей. И это будет делаться среди белого дня, и тогда никакие уже капиталы не помогут, будет поздно. Сейчас товары очень нужны, но по окончании войны будут еще нужнее в несколько раз больше». Характерна резолюция «без ответа» [5, с. 30–31]. Ответ придет через 7 месяцев в октябре 1917-го.

В 1918 г. большевистская власть, как и везде на местах, столкнулась со множеством проблем, в том числе и безработицей. Губернский ревком постановил заменять работающих военнопленных безработными, но квалификация и дисциплинированность первых тормозила этот процесс: работодатели не спешили выполнять распоряжение местной власти. В заявлениях местных жителей проявлялась и такая черта социальной жизни, как доноительство ради собственного благополучия. Жители города И. Белингов и Скубарев заявили: «в театре «Солей» до сего времени работают три австрийца (демонстратор, его помощник, помощник машиниста при двигателе), которые до сего времени не сняты с работы, несмотря на то, что мы могли их заменить» [5, с. 36].

Именно в заявлениях мы находим отношение к революционным событиям и сущность революционных настроений среди городских жителей Ставрополя. Так, служащие одного из почтовых отделений города во главе с начальником обратились в КОБ: «Мы тоже хотим вместе с товарищами радоваться и кричать: «Свободная Россия! Да здравствует свободная Россия, армия, народное самоуправление!» и т.д., а с кем [кричать], когда нас забыли, и никто нас не оповещает и до сего времени не знает? Случайно если зайдем в город за покупкою и наткнемся, то тогда [уже] и поздно.

Просим Вас, господин председатель, кому следует [распорядиться], чтобы и нас в лице народа считали товарищами» [5, с. 179]. Так что не важно, зачем сбросили монархию, что меняет новый политический режим. Важно вместе кричать лозунги и чтоб тебя считали товарищем.

В 1920-е гг. важным элементом городской повседневности стало отстаивание своего социального статуса. Это связано было с такой классовой мерой, как лишение людей избирательных прав. Жалоб на лишение избирательных прав, которые не только раскрывают особенности повседневной жизни, но и судьбы людей, множество. Например, в местном архиве сохранился целый комплекс заявлений в избирательную комиссию Ессентукского горсовета. А.И. Бояркина писала в 1927 г., что ее лишили избирательных прав из-за мужа, с которым она в разводе уже 2 года. Из-за этого ее не берут на работу, хотя на ее иждивении трое малолетних детей. А.И. Тер-Асатуров для того, чтобы доказать свою «общественно-полезную работу в течение 5 лет, приложил к заявлению 10 справок [5, с. 355, 275]. Заявления горожан также касались восстановления пенсии или пособия, стипендии детям, особенно когда было введено платное обучение, содержали просьбы о посылке на учебу, т.е. вопросов частной жизни.

Существенным источником указанного выше вида, на наш взгляд, являются протоколы местных профсоюзных организаций, в которых мы находим прямые свидетельства о состоянии пространства городов региона, о сложности выживания горожан. В массовом порядке встречаются заявления коллективов городских предприятий и учреждений о двух- трехмесячных задержках заработной платы в условиях неурожая и продовольственных трудностей, которые переросли в голод. Так, переписка между губернским отделом здравоохранения и местным профсоюзом Терека 1924 г. показывает, что служащие тюремной больницы в Пятигорске не получали жалованье 2 месяца при переработке часов и отсутствии выходного, и это – типичная черта курортной трудовой повседневности того времени [1, л. 26, 36]. При этом медицинских работников не хватало, никакого централизованного снабжения их спецодеждой не было. Все эти проблемы были связаны с тем, что вся хозяйственная жизнь была переведена на местный бюджет, который был в регионе нищенским.

Частью советской повседневности становился бесплатный труд в виде субботников, воскресников, всевозможных отчислений, но об этом в эго-документов немного сведений, зато в документах местной власти и общественных организаций – много. Ставропольский уездный продовольственный комитет в ноябре 1920 г. уведомлял, что сотрудники продкома получают армейский паёк 1 фунт хлеба, поэтому отчисления в пользу голодающих делают вещами или папиросами [4, л. 11]. Как правило, в учреждениях и на предприятиях в помощь голодающим отчислялся трехдневный заработок [2, л. 106]. Работники Ставропольского губернского отдела народного образования – горожане Ставрополя помогали шахтерам разоренного Гражданской войной Донецкого угольного бассейна отчислениями в виде однодневного заработка и части всех пайков от хлеба и мыла до табака и спичек [4, л. 25 об].

Именно в такого рода документах можно понять механизм изменений в повседневного бытования горожан. Например, общее собрание профсоюза медиков Терской губернии накануне Пасхи 1924 г. приняло постановление отменить празднование этого праздника, а выходные перенести на 1, 2, 3 мая [1, л. 44, 59].

Делопроизводственные документы помогают понять, как горожане Ставрополя выживали в катастрофических условиях разорения хозяйственной жизни, голода, маргинализации общества. В одном из заявлений 1921 г. в правление профсоюза совработников гражданин Селезнев просит выдать ему рубашку и брюки, так как ему не в чем выйти на работу. Другой член этого профсоюза просит выдать пару белья, поскольку уезжает в отпуск, красноармеец просит разрешения пошить брюки и гимнастерку в гражданской мастерской. Один просит выдать ему мануфактуру и швейные нитки, другой – фуражку, в которой он крайне нуждается [3, л. 1, 4, 5, 8].

Таким образом, частная жизнь имеет широкий социальный, политический и исторический контекст, без которого невозможно понять повседневность. Поэтому речь

должна идти не об иерархии источников, а о современном взгляде на источники, который представлен школой источниковедения, заложенной О.М. Медушевской и продолженной ее учениками.

1. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). – ФР. 1526. Оп. 1. Д.44.
2. ГАНИСК. – ФР. 239. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАНИСК. – ФР. 239. Оп.1. Д. 64.
4. ГАНИСК. – ФР.239. Оп.1. Д.11.
5. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917–1929 годах : сборник документов. – Ставрополь : Ставрополье, 2009. – 760 с.
6. Источниковедение истории СССР : учебник / под ред. И. Д. Ковальченко. – М. : Высшая школа, 1973. – 560 с.
7. Муравьев, В. А. Основы теории исторического знания : учебное пособие для студентов негуманитарных специальностей вузов / В. А. Муравьев, М. Ф. Румянцева, Л. Б. Сукина. – Переславль-Залесский : НОУ ВПО «УГПИ имени А.К. Айламазяна», 2010. – 134 с.
8. Тихомиров, М. Н. Источниковедение истории СССР. – Вып. 1 : С древнейших времен до конца XVIII века : учебное пособие / М. Н. Тихомиров – М. : Соцэкгиз, 1962. – 495 с.
9. Хатанзейская, Е. В. Источники по истории городской повседневности 1930–50-х гг. на материалах г. Архангельска / Е. В. Хатанзейская. – URL: <https://history-nso.ucoz.ru/> (дата обращения: 20.03.2025).

Жилинская И.В. **УЧАСТИЕ БССР В МЕЖДУНАРОДНОМ КНИГООБМЕНЕ СССР** **ПО ДАННЫМ ДОКУМЕНТОВ ВОКС¹**

Ключевые слова: Всесоюзное общество культурных связей с заграницей, международный книгообмен, БССР, культурные связи.

Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) было учреждено в 1925 г. для налаживания и развития культурного сотрудничества СССР с зарубежными странами. Вместе с тем Общество стало одной из основных организаций, посредством которой осуществлялся международный книгообмен Советского Союза. Для этого в ВОКС было создан Отдел международного книгообмена (до 1928 г. – Бюро книгообмена), основными функциями которого стали: установление договорных взаимоотношений с книгообменными центрами, книжными палатами, издательствами и библиотеками всех стран; проработка и продвижение планов по развитию отдельных видов книгообмена (научный, технический, социально-экономический и др.); систематическое наблюдение за выходящей литературой как внутри страны, так и за границей в целях своевременного и планомерного обслуживания корреспондентов; созыв совещаний и организация комиссий по вопросам международного книгообмена; представительство во всех учреждениях по вопросам международного книгообмена. В задачи отдела по книгообмену входило также проведение классификаций, учета проходившей через отдел литературы, переписка с сетью корреспондентов, хранение, распределение и экспедирование книг [23, л. 51].

На протяжении 1920–1930-х гг. ВОКС было связано с крупными книгообменными центрами мира: Smithsonian Institution в Вашингтоне, Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft (Германия), Service des Echngange Internationaux (Франция) и др. [1, л. 66]. По данным на 1935 г., Всесоюзное общество сотрудничало с 12-ю подобными обменными центрами [20, л. 20], общее число стран, чьи библиотеки и научные учреждения участвовали в обмене через посредничество ВОКС, достигло 96 [22, с. 157].

¹ Исследование выполнено в рамках гранта БРФФИ Г-24-009 «БССР в системе международных культурных отношений Советского Союза (1923–1941 гг.)».

Достаточно большое внимание во второй половине 1920-х гг. ВОКС уделяло включению учреждений союзных республик в международный книгообмен. Следует отметить, что в этой сфере в СССР на первом этапе (первая половина 1920-х гг.) участвовал довольно узкий круг относительно крупных библиотек только одной союзной республики – РСФСР. В 1923 г. советское руководство приняло решение организовать международный обмен печатными изданиями с участием многих научных библиотек из всех советских союзных республик [22, с. 69]. Подобные задачи были поставлены и перед ВОКС. Результаты работы Общества в 1925 г. отчетливо показывали сравнительно незначительное количество литературы, приходившейся на долю отдельных союзных республик при сопоставлении с РСФСР. За этот год РСФСР получила 36349 книг, УССР – 6858, ЗСФСР – 1977, БССР – 625, остальные республики – 126 [1, л. 59]. Объяснялось это тем, что при реализации книгообменных операций через ВОКС, иностранные учреждения по опыту прежних связей, направляли литературу в основном в советские центральные научные институты [1, л. 59], а молодые республиканские учреждения еще не в состоянии были самостоятельно установить подобные контакты со своими зарубежными коллегами. Поэтому перед ВОКС в качестве одной из основных задач стало распространение информации о научных центрах и библиотеках в союзных республиках. Как полагали во Всесоюзном обществе, «проводимая ВОКСом информация заграницы об этих новых центрах, исходящие от них предложения об установлении обменных связей, рассылка их изданий – все это даст возможность иметь в дальнейшем более равномерное распределение иностранной литературы» по республикам [1, л. 60].

ВОКС имел право распределять по своему усмотрению только так называемую «безадресную литературу». Это книги, направляемые уже несуществующим на тот момент учреждениям или лицам, либо вовсе без указания получателя [1, л. 60]. Такая литература составляла около 20–25%. Именно она в основном распределялась по союзным республикам. Для этого при Бюро книгообмена ВОКС была создана Особая экспертная комиссия. Ее члены, специалисты по различным научным дисциплинам и представители союзных республик, производили распределение этой литературы, исходя из общеполитических и чисто научных интересов каждой республики в отдельности [1, л. 60].

В 1926 г. ВОКС заключило договоры с Книжными палатами республик, согласно которым распределение безадресной литературы должно было проводиться пропорционально бюджетам республик на народное образование [1, л. 60]. Кроме того, Всесоюзное общество помогало наладить и непосредственные контакты между республиканскими и зарубежными учреждениями, рассылая информацию о них и их печатных изданиях.

Таким образом, ВОКС стало принимать достаточно активное участие в книгообменных процессах союзных республик, в первую очередь БССР и УССР. Так, в отчете Бюро книгообмена в 1927 г. указывалось: «В процессе работы мы успели в значительной мере сблизиться с нашими республиками. Не говоря уже о том, что мы связаны договорами с Книжными палатами этих республик, по которым они ведут свои отношения с заграницей, через наше посредство, тамошние научные учреждения и общества, почти как правило, через нас же обмениваются трудами с иностранными учреждениями (Белорусский государственный университет, Белорусская Сельскохозяйственная Академия) [3, л. 72]. Книжные Палаты Союзных Республик, издающие свои «Летописи», через нас рассылают их важнейшим иностранным библиографическим учреждениям и книгохранилищам [3, л. 74].

Основная масса документов, касающихся международного книгообмена, реализуемого посредством ВОКС содержит опись 10 (Отдел международного книгообмена) фонда Р-5283 (ВОКС). При этом важно указать, что в указанном фонде практически полностью отсутствуют документы, охватывающие период 1938–1941 гг., кроме того, коллекция документов 1937 г. значительно беднее в сравнении с предыдущими годами.

Поэтому детальная реконструкция книгообмена Всесоюзного общества возможна в пределах периода 1924–1937 гг. Отчетные материалы ВОКС, содержащие некоторые данные по книгообмену, по предвоенному периоду выявлены в Российском государственном архиве социально-политической истории, фонде 17, опись 125 (Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)) в виде справок о работе Всесоюзного общества по развитию международного книгообмена [24, л. 89].

Документы Всесоюзного общества культурной связи с заграницей можно условно разделить на следующие группы.

Отчеты и статистические приложения к ним в виде таблиц. Сюда же можно отнести различного рода информационные материалы (как правило, без названия или под названием «О работе Отдела международного книгообмена ВОКС»). Скорее всего это материалы, которые готовились для отчетных собраний, различного рода выступлений, писем и докладных записок, имеющих целью разъяснение особенностей работы ВОКС в сфере международного книгообмена. Данные источники содержат достаточно обширный материал о работе отдела, о налаживании связи с различными учреждениями как за рубежом, так и в СССР по вопросам книгообмена, довольно подробно описывают саму технологию книгообменного процесса, содержат значительное количество статистического материала.

Вторую группу представляют дневники Отдела международного книгообмена ВОКС. Они отражают материалы по переписке о международном книгообмене, кому и какие материалы отправлялись или получались, содержат запросы на литературу [4].

К третьей группе следует отнести переписку Отдела международного книгообмена ВОКС с учреждениями как зарубежными, так и союзными по вопросам международного книгообмена. Среди белорусских учреждений, которые наиболее активно вели переписку с самим обществом, а также с зарубежными организациями через ВОКС по вопросам книгообмена были Белорусская государственная библиотека [6; 9–16; 18; 19], Белорусский государственный университет [2; 5; 19], Сельскохозяйственная Академия в Горках [7; 17], Белорусский ветеринарный институт [8] и другие.

Наибольшим информационным потенциалом о роли БССР в международном книгообмене обладают отчеты Отдела международного книгообмена ВОКС, которые состоят из текстовой части и приложений к ней в виде больших таблиц статистических данных по движению книг.

В большей части текстовых отчетов, а также материалов выступлений руководителей ВОКС 1920-х гг. довольно значительное внимание отведено анализу книгообменных операций союзных республик, проходящих через Общество. В основном это касалось УССР и БССР. Так, например, наиболее информативен в этом отношении отчет ВОКС за 1927 г., в котором указывается количество учреждений БССР, ведущих через Всесоюзное общество книгообмен с зарубежными странами, – 12. В качестве наиболее активных, называются Белорусская государственная библиотека, библиотека Белорусского государственного университета, а также Белорусская Сельскохозяйственная академия в Горках, «последняя все время работает в теснейшем контакте с ВОКС и через него наладила связи с очень многими иностранными учреждениями, причем с рядом из них устанавливается сейчас обмен не только текущей литературой, но и дублетными фондами» [3, л. 25]. Также, согласно данному отчету, количество проходящей через ВОКС литературы для Беларуси постоянно возрастает: «даже если сопоставить цифры по одним лишь первым пяти месяцам 1927 г. с итогами за весь прошлый год, то мы получим прирост на 130% для полученных оттуда и на 150% для отправленных туда книг. В общем за все время действий через Бюро Книгообмена прошло для Белоруссии 2741 книга, из нее (имеется в виду из БССР – И.Ж.) – 3063 книги» [3, л. 25]. При отправке безадресной литературы на долю Белорусской Книжной

палаты в 1927 г. пришлось 204 книги или 10% общего количества безадресной литературы [3, л. 25]. Помимо этого, ВОКС регулярно посылало за рубеж издаваемую Книжной палатой БССР «Летапіс Беларускага Друку».

До начала 1930-х гг. сами отчеты Отдела международного книгообмена ВОКС носят скорее нерегулярный характер, даются в свободной форме. В единицах хранения фонда ВОКС представлены отдельные части этих отчетов. В более полном виде такие отчеты появляются с 1933 г. Их текстовая часть становится более полной и целостной, здесь дается более глубокий анализ статистических данных, но уже не обращается практически никакого внимания на реализацию книгообмена союзными республиками, в основном показываются общие данные по СССР, хотя статистический материал в отношении союзных республик, в том числе и БССР, в приложениях к отчетам по-прежнему приводится.

Статистические данные Отдела международного книгообмена Всесоюзного общества, которые прилагаются к отчетам в виде таблиц, наиболее информативны. Единицы хранения фонда ВОКС описи №10 содержат довольно много таблиц со статистическим материалом по международному книгообмену СССР и его союзных республик. В отношении 1926 и 1927 гг. здесь представлены таблицы движения книг по месяцам, начиная с 1928 г. информация дается по отдельным кварталам и по годам. По документам ВОКС возможно восстановить цифры отправки и получения БССР литературы в порядке международного книгообмена за годы с 1926 по 1937, выявить удельный вес республики в международном книгообмене Всесоюзного общества, а также количество белорусских корреспондентов.

Но указанные материалы не дают информации об обмене республики с отдельными зарубежными странами, так как данная статистика представлена по СССР в целом. Невозможно по документам ВОКС определить и распределение книг, участвующих в международном книгообмене БССР по дисциплинам, эти данные также вплоть до 1934 г. давались в общем по СССР.

Начиная с 1934 г. форма отчетных таблиц изменилась. Отдел международного книгообмена начинает предоставлять статистические данные о книгообмене, в том числе и по союзным республикам, с разбивкой по дисциплинам. Весь книжный массив был разделен. согласно рекомендациям Книжной палаты РСФСР, на 17 групп по направлениям: 1) теоретическая экономика, экономика, статистика, экономика промышленности, торговля, кооперация, финансы, коммунальное хоз-во; 2) труд, организация труда и управление, рационализация, организационный учет, социальное страхование, профдвижение; 3) обществоведение, социология исторический материализм, марксизм, ленинизм, социальный быт; 4) история, этнография, фольклор, география, социография, краеведение; 5) политика, советское строительство, национальные вопросы, Коминтерн, КИМ, ВКП(б), ВЛКСМ, политические партии в капиталистических странах; 6) право, закон; 7) техника, экономика и техника отраслевой промышленности, транспорт, связь, фотография; 8) сельское хозяйство, животноводство, охота, ветеринария; 9) точные науки, математические науки и естественные науки; 10) медицина, гигиена, физкультура; 11) философия, диалектический материализм, психология; 12) атеизм, религия, антирелигиозная литература; 13) языковедение, литературоведение, книговедение; 14) изобразительное искусство, музыка, театр, кино, художественная литература; 15) народное образование и воспитание, методика, педагогика, культурно просветительская работа, самообразование, учебники, детская литература; 16) наука и ее организация; 17) библиотекосведение, библиография, книжное и издательское дело, энциклопедии, справочники, газетно-журнальное дело. Отчеты ВОКС содержат информацию по книгообмену БССР по каждому из указанных направлений за 1934 – первое полугодие 1937 гг. [21, л. 26, 32, 52, 58].

Таким образом, согласно документам Отдела международного книгообмена Всесоюзного общества, наибольший удельный вес в отправке литературы из БССР за 1934–1936 гг. приходился на издания из пункта №17 (32,15% от всей отправленной из БССР литературы), в получении – пункт №8 (24,14%)¹. При этом важно отметить, что через ВОКС БССР получала значительно больше зарубежной литературы, чем отправляла белорусской за границу. Такая тенденция прослеживается на протяжении всего периода 1924–1937 гг.

Оценивая статистические данные, приведенные в документах ВОКС, следует указать на многочисленные ошибки в подсчетах сотрудников Общества, поэтому цифры, указанные в таблицах, требуют перепроверки. В этом отношении помогает тот факт, что однотипные статистические данные находятся в разных отчетах по разным годам, в сравнительных данных. Это помогает верифицировать рассматриваемый материал.

Таким образом, ВОКС, играя наиболее значительную роль в развитии международного книгообмена СССР, внес существенный вклад и в развития книгообмена Беларуси в межвоенный период. На БССР приходилось около 7,5% всех книгообменных операций ВОКС. Поэтому документы этой организации имеют большой информативный потенциал для раскрытия динамики развития международного книгообмена БССР, его технологии, а также удельный вес республики в международном книгообмене СССР. Наиболее информативными в этом отношении являются статистические данные, которые содержатся в приложениях к годовым и квартальным отчетам Отдела международного книгообмена ВОКС, но они содержат достаточно много ошибок и требуют дополнительной перепроверки.

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 35.
2. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 47.
3. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 77.
4. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 78.
5. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 102.
6. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 131.
7. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 133.
8. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 153.
9. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 181.
10. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 246.
11. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 341.
12. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 376.
13. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 519.
14. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 657.
15. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 738.
16. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 739.
17. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 742.
18. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 821.
19. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 881.
20. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 898.
21. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 904.
22. Дивногорцев, А. Л. Международные библиотечные связи России (октябрь 1917 – июнь 1941): ист. очерк / А. Л. Дивногорцев. – М.: Рос. гос. б-ка, изд-во «Пашков дом», 2001. – 153, [2] с.
23. Молчанов, В. Ф. СССР – Аргентина: общественные, научные и культурные связи. (К истории деятельности ВОКС в 20-е – 30-е годы) / В. Ф. Молчанов; М-во культуры СССР, ордена Ленина Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. – М.: [б. и.], 1986. – 225 л.
24. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. Оп. 125. Д. 31.

¹ Подсчитано автором на основании источников: ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 10. Д. 904. Л. 26, 32, 52.

Михайлова Ю.Л.
**СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК МЯГКАЯ СИЛА:
СВЯЗИ ЛИТОВСКИХ И СОВЕТСКИХ ВРАЧЕЙ
В ДОКУМЕНТАХ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА КУЛЬТУРНОЙ СВЯЗИ
С ЗАГРАНИЦЕЙ. 1920–1930-е ГОДЫ**

Ключевые слова: здравоохранение в Советской России, мягкая сила, культурная дипломатия, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, советско-литовские культурные и научные связи.

С середины 1920-х гг. Советский Союз активно пропагандировал систему здравоохранения, формировавшуюся в Советской России после создания в июле 1918 г. Народного комиссариата здравоохранения во главе с Н.А. Семашко. В ряде современных работ советское здравоохранение рассматривается в качестве средства культурной дипломатии, советской «мягкой силы» за рубежом, и неслучайно [5]. Пропаганда ряда достижений советской медицины за границей вписывалась в систему мер, принимаемых для создания благоприятного образа СССР в странах Запада, а международное сотрудничество в области медицины позволяло частично преодолевать международную изоляцию, в которой оказалась Советская Россия, еще до «полосы признаний». Так, декретом от 6 января 1918 г. были подтверждены полномочия российского Красного Креста как составной части Международного общества Красного Креста [4, с. 75]. В феврале 1921 г. при Народном комиссариате здравоохранения РСФСР был создан Отдел заграничной информации, в функции которого входили сбор и обработка для печати за границей материалов, касавшихся деятельности Наркомздрава, анализ иностранной научной медицинской прессы и публицистики, событий научно-медицинской жизни, а также информирование о международных конгрессах, съездах и совещаниях [5, с. 61–62]. Тогда же были учреждены первые представительства Наркомздрава РСФСР за границей, число которых по мере углубления международной деятельности росло. К 1923 г. были установлены связи с ведущими европейскими державами (Германией, Англией, Италией и др.), США, а также со странами Центральной и Восточной Европы, в том числе с балтийскими государствами [5, с. 68]. С середины 1920-х гг. осуществлялось также сотрудничество РСФСР в области медицины в рамках сближения с Лигой Наций: в 1921 г. было подписано соглашение с эпидемиологической комиссией Лиги Наций о поставках медико-санитарных материалов для борьбы с эпидемиями [4, с. 75]. Все это позволяет исследователям вписывать деятельность Наркомздрава в историю международного сотрудничества на пути к официальному признанию СССР в первые годы советской власти.

Наркомздрав РСФСР/СССР, безусловно, выполнял основную функцию в распространении сведений о развитии советской медицины за рубежом, однако контакты советских врачей с иностранными коллегами устанавливались и в рамках работы других советских учреждений, составлявших Наркомздраву определенную конкуренцию. Созданное в 1925 г. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) преследовало цель развивать культурные связи с другими странами, пропагандировать советскую культуру и науку в ходе контактов с остальным миром. «Обмен научными силами» входил в число приоритетных задач организации [2, оп. 2, д. 6, л. 43, 44]. Для пропаганды и распространения достижений советской науки и культуры ВОКС использовало различные средства – контролировало научные контакты, в том числе обмен научными делегациями, литературой. Референты ВОКС в Москве и уполномоченные на местах (как правило – сотрудники советских полпредств) оценивали конкретные возможности и выделяли тех, кто проявлял непосредственный интерес к науке и культуре Советской России.

Специфика работы в Прибалтике подразумевала анализ настроений в среде «старой интеллигенции», представители которой получили образование в Российской империи, восприняли ценности русской культуры, знали русский язык, но многие из которых с настороженностью или открытой враждебностью отнеслись к социальным и политическим переменам в России. Одновременно работа велась и в среде молодежи, которая была более благосклонна к СССР. Материалы ВОКС показывают, что именно представители социальных профессий – учителя и медработники проявляли наибольший интерес к организации социальной сферы в СССР [2, оп. 5, д. 684, л. 201–202; 208; 213–214].

Контакты, которые устанавливало ВОКС за границей, как правило, включали тех, кто в той или иной степени сочувствовал СССР, выражал левые взгляды. Ярким примером служат связи советского полпредства в Каунасе с социал-демократом А. Домашевичем, в свое время занимавшем пост Наркомздрава Литовской ССР (1919), а в независимой Литве входившем в число членов Общества изучения культуры народов СССР [2, оп. 5. Д. 649, л. 42]. Его регулярно снабжали новейшей медицинской литературой, он служил связующим звеном в контактах советских дипломатов с литовским туберкулезным обществом. В фокус внимания советских дипломатов попадали и те, у кого были родственники в СССР, а также левонастроенная молодежь, студенчество.

Международное сотрудничество в области медицины в межвоенный период основывалось на повышенном интересе к социальной гигиене и системе общественного здоровья. Исследователи отмечают, что эта особенность западноевропейской медицины начала XX в. предопределила развитие социальной гигиены как научной дисциплины. Возросло внимание к социальным болезням – туберкулезу, венерическим заболеваниям, детской смертности [1; 5, с. 45–47]. Эту же тенденцию можно наблюдать и в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг., когда создавались кафедры социальной гигиены, много усилий прилагалось к организации мер по борьбе с туберкулезом, формированию системы охраны материнства и младенчества.

Интерес литовских врачей к деятельности советских коллег, направленной на борьбу с туберкулезом, был весьма высоким и искренним. С начала 1920-х гг. в Советской России проводились Всероссийские съезды по борьбе с туберкулезом [6]. С начала 1930-х гг., по мере установления научных и культурных контактов, в них изъявляли желание принять участие литовские врачи из Каунаса. Установлению подобных связей способствовало в том числе ВОКС через своих сотрудников. Так, в ноябре 1932 г. уполномоченный ВОКС А.В. Фехнер в донесении в НКВД и в Первый Западный отдел ВОКС подчеркивал необходимость способствовать поездке группы литовских врачей на Всесоюзный туберкулезный съезд, запланированный на 1933 г.: «По существу, речь идет о первой экскурсии из Литвы. Такая экскурсия расширит возможность для работы по линии ВОКС в Литве» [2, оп. 5, д. 649, л. 62–61]. В мае 1934 г. литовские врачи также приняли участие в IV Международном антивенерическом конгрессе в Москве [2, оп. 5, д. 649, л. 110].

Литовское туберкулезное общество через советское полпредство получало статьи ведущих советских фтизиатров – заведующего кафедрой туберкулеза Центрального института усовершенствования врачей В.С. Хольцмана, заведующего санитарно-гигиеническим и диспансерными отделами Центрального института туберкулеза С.Е. Незлина и др. [2, оп. 5, д. 649, л. 141]. Уполномоченный ВОКС в Литве также подчеркивал необходимость посылки советских врачей общего профиля и фтизиатров в Литву для чтения лекций литовским коллегам, которые проходят регулярные курсы переподготовки. Уделялось внимание и снабжению советской медицинской литературой студентов медицинского факультета Литовского университета им. Витовта Великого [2, оп. 5, д. 661, л. 44].

Среди специалистов, которые вызывали у литовского медицинского сообщества наибольшую заинтересованность, неизменно фигурировали В.С. Хольцман и заведующий терапевтической кафедрой Центрального института усовершенствования врачей Д.Д. Плетнев. Как сообщал уполномоченный ВОКС в Литве, «...желателен приезд в первую очередь профессоров, которые прочли бы лекцию о туберкулезе (с иммунологической точки зрения) и о корреляции желез внутренней секреции. Мне называли имена проф. Плетнева и Хольцмана» [2, оп. 5, д. 649, л. 157]. В первой половине 1930-х гг. Общество литовских врачей по борьбе с туберкулезом четырежды обращалось в полпредство СССР в Каунасе с просьбой направить в Литву В.С. Хольцмана с чтением лекций, а также для участия во Вселитовском Антитуберкулезном съезде 1936 г.: «Мы рассчитываем на выступление проф. Хольцмана на нашем съезде и уверены, что оно вызовет большой интерес среди наших противотуберкулезных работников и послужит таким образом делу проникновения необходимых знаний в широкие врачебные массы» [2, оп. 5, д. 652, л. 13–14; д. 665, л. 6; д. 672, л. 22]. Идею поездки Хольцмана в Литву активно поддерживали Наркоминдел и особенно полпред в Литве М.А. Карский, ратовавший за установление научных контактов СССР в Прибалтике. О необходимости все же организовать не раз срывавшийся визит руководство ВОКС сочло необходимым сообщить наркому здравоохранения Г.М. Каминскому [2, оп. 5, д. 661, л. 28].

Несмотря на отсутствие у Наркомздрава принципиальных возражений по поводу поездок Хольцмана в Каунас, его визит в Литву в 1930-е гг. откладывался по ряду причин, о чем Литовское общество по борьбе с туберкулезом выражало сожаление [2, оп. 5, д. 672, л. 22]. Визит Д.Д. Плетнева в Литву, напротив, был организован и оценивался советскими дипломатами как важная часть работы по установлению научных и культурных связей [2, оп. 5, д. 649, л. 115], особенно в условиях, когда «политический материал» ни через литовскую прессу, ни через культурные и научные общества провести возможности не было [2, оп. 5, д. 649, л. 117]. Поездки Плетнева и Хольцмана, читавших курсы лекций для общества латышских врачей, использовало в 1933 г. и полпредство в Риге с целью расширения научных медицинских связей. Заместитель заведующего Третьим Западным отделом ВОКС Б.С. Бык сообщал о намерении организовать при Обществе культурного сближения с народами СССР в Латвии медицинскую секцию, однако изменившая внутрисоюзная обстановка после переворота К. Улманиса 15 мая 1934 г. эти планы нарушила [2, оп. 5, д. 695, л. 157; д. 697, л. 26].

Еще одним важным направлением сотрудничества в рамках развития гигиенистики были проблемы охраны материнства и младенчества [2, оп. 5, д. 649, л. 82, 175]. Эта сфера советской социальной медицины также находилась в компетенции Наркомздрава; ряд направлений (борьба с детской смертностью, подготовка акушеров-гинекологов, педиатров, патронажных сестер) разрабатывались в Государственном научном институте охраны материнства и младенчества [3, с. 33]. Документы ВОКС также отражают определенный интерес литовских врачей и общественных организаций к тому, как эти проблемы решались в СССР. Внимание литовских коллег сразу к двум вышеупомянутым направлениям социальной медицины был воплощен в визите в Москву в февралемарте 1936 г. супруги М.Л. Коганаса (в советских документах – Л.С. Когана), заведующего Каунаским городским туберкулезным диспансером. Визит госпожи Коган был согласован с уполномоченным ВОКС в Литве, в Москве ее встречали и курировали референты Третьего Западного отдела ВОКС. Программа пребывания включала посещение Центрального туберкулезного института и туберкулезных санаториев, а также Института Охраны материнства и младенчества, яслей, детских садов и школ и являла собой яркий пример демонстрации витрины советской социальной политики в области охраны здоровья матери и ребенка [2, оп. 5, д. 665, л. 5–6].

Не раз в переписке уполномоченных ВОКС в Литве поднимался вопрос об организации публичных выставок, популяризирующих советскую систему здравоохранения, в том числе меры, принимаемые для охраны материнства и младенчества [2, оп. 5, д. 649, л. 122]. Таким образом, как подчеркивалось, следовало демонстрировать социально-политическое и культурное значение советского здравоохранения и социальной защиты. Через полпредство был налажен обмен новейшей литературой и агитационными материалами с соответствующими институтами Литвы, в том числе с музеем «Мать и дитя» [2, оп. 5, д. 677, л. 17]. Однако вследствие нехватки материальных и иных ресурсов часть планов оставались нереализованными.

Таким образом, несмотря на то, что Наркомздрав в межвоенный период сохранял монополию на внешние связи в области медицины и здравоохранения, ВОКС как основной инструмент советской культурной дипломатии также выполнял функцию канала, по которому за рубеж поступала научная медицинская информация из СССР. Практика ВОКС позволяла действовать через местные общества культурного сближения, выявлять лиц, положительно настроенных по отношению к СССР, устанавливать ценные научные и культурные связи. Работа в Прибалтике облегчалась тем, что представители местных научных, в том числе медицинских, сообществ хорошо знали русский язык, обладали определенной духовной близостью с русской культурой, что обуславливало неподдельный интерес к достижениям советской науки и культуры. Следствием восприятия советского опыта формирования системы социальной медицины в 1930-е гг. стали научно-практические контакты советских и литовских врачей, которые, хоть и осуществлялись в рамках конкретных организаций, нередко выходили за пределы официальных каналов, расширяя границы двустороннего сотрудничества и формируя положительный образ СССР.

1. Венгрова, И. В. Социальная гигиена в СССР (очерки истории) / И. В. Венгрова, Ю. А. Шилинис; ред. Б. Д. Петров. – М. : Медицина, 1976. – 215 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р5283.
3. Егорышева, И. В. Охрана материнства и младенчества в первые годы деятельности Народного комиссариата здравоохранения РСФСР / И. В. Егорышева // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. – 2015. – № 7. – С. 29–36.
4. Поддубный, М. В. Международное сотрудничество Наркомата здравоохранения РСФСР в период 1920–1930 годов / М. В. Поддубный, И. В. Егорышева, А. В. Морозов // Вестник современной клинической медицины. – 2017. – Т. 10. – Вып. 5. – С. 74–78. – DOI: 10.20969/VSKM.2017.10(5).
5. Ратманов, П. Э Советское здравоохранение на международной арене в 1920–1940-х гг.: между «мягкой силой» и пропагандой (Западная Европа и США) / П. Э. Ратманов. – Хабаровск, 2021. – 388 с.
6. Скачкова, Е. И. Организация противотуберкулезной помощи в России / Е. И. Скачкова, О. Б. Нечаева, В. В. Пунга // Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения». – 2008. – № 2 (6). – URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/66/30/lang,ru/> (дата обращения: 07.03.2025).

Гавриленко К.Е.
ФОТОСНИМКИ КАК ПРИМЕРЫ ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ
ПО ИСТОРИИ БУЖСКИХ ГОЛЕНДРОВ

Ключевые слова: бужские голендры, источниковедение, визуальные источники, фотографии, публикация фотографий.

Целью данной работы является представление сведений о фотоснимках как примерах визуальных источников по истории общности бужских голендров. Источниками исследования стали оригиналы и цифровые копии фотоснимков из частных коллекций, Государственного архива Брестской области, сайтов и групп в социальных сетях. В ходе проведения исследования были использованы фотоснимки из частных коллекций

потомков бужских голендров Йенса Рылля и Зигфрида Людвиг (ФРГ), которые ранее не публиковались.

Одним из традиционных примеров исторических источников являются фотоснимки. Российские (Л.Н. Пушкарёв, С.О. Шмидт) и белорусские (С.Н. Ходин) специалисты в области источниковедения классифицируют фотоснимки как визуальные источники [4]. Изучением фотоснимков в отечественной историографии занимались М.Я. Гринблат, Н.И. Савченко, С.В. Грунтов и др. [1, с. 6–11].

Необходимо отметить, что в большинстве случаев фотографии выступают в качестве дополнения (приложения) к исследовательским работам, однако фотоснимки могут являться и самостоятельными историческими источниками. Фотографии дают не только представление о внешнем виде исторических деятелей и утраченных построек, а также может являться (иногда единственным) свидетельством исторического события.

В данной работе будет сделан акцент на представлении сведений о имеющихся фотоснимках, обстоятельствах и времени их создания, местах их хранения и/или публикации, а также значении данных источников для исследования по истории бужских голендров. Сочетание разных методов работы с фотоснимками позволяет получить новые сведения о развитии общности.

Бужские голендры компактно проживали на белорусско-польско-украинском приграничье с начала XVII по середину XX в. Основным видом деятельности бужских голендров являлось сельское хозяйство. Отличительными особенностями данной земледельческой общности являлись изолированность и традиционность уклада жизни (голендры практически не были затронуты модернизационными процессами). Данные факторы повлияли на процесс возникновения фотоснимков как примеров исторических источников.

Создание фотоснимков отдельных представителей общности или моментов из повседневной жизни голендров началось достаточно поздно (в самом начале XX в.). Первые фотоснимки появились на страницах лютеранских периодических изданий (абсолютное большинство голендров являлось лютеранами). Данные снимки являлись приложениями к статьям, рассказывающим о религиозной общине кирхи в Нейдорф и Нейбров («материнских» колониях голендров). На двух из таких снимков изображен экстерьер здания кирхи. На третьем – интерьер религиозного здания (алтарь и молитвенный зал), а также пастор С.А. Лоппе с прихожанами. Два снимка датируются 1902 г., третий – началом XX в. [2].

Несколько фотоснимков было создано в годы Первой мировой войны военными кайзеровской армии. Предположительно авторами фотографий являлись военные инженеры 39-го Саксонского дорожно-строительного подразделения. Необходимо отметить, что в период Первой мировой войны данными военными было сделано несколько десятков фотокарточек, на которых запечатлены места и жители Брестского региона. Среди этих фотографий пять можно считать визуальными источниками по истории бужских голендров. Наиболее интересной из фотокарточек, на наш взгляд, можно считать изображение свадьбы в колониях голендров (оба супруга являлись лютеранами). Данный источник, датируемый 1917 г., позволяет понять особенности праздничной культуры общности [2].

Наибольшее число изучаемых визуальных источников датируется 1920–1930-ми гг. Это может быть обусловлено развитием фототехники, что позволило сделать фотоснимки более доступными.



Изображение 1. – Пастор Г. Залевский с подростками после обряда конфирмации в 1938 г. (фотоснимок из частной коллекции Зигфрида Людвиг (ФРГ))



Изображение 2. – Представители общности на сезонных работах в г. Варшава (1936 г.) (фотоснимок из частной коллекции Йенса Рылля (ФРГ))

Ряд фотоснимков межвоенного периода изображали голендров как прихожан местных кирхи или костёла. Такие фотоснимки делались в честь важных религиозных праздников или событий в жизни людей. Например, среди имеющихся снимков три изображают пасторов и подростков после обряда конфирмации. Также на фотоснимках был запечатлен духовой ансамбль кирхи (снимок датируется 1928 г.). По сути данный исторический источник является единственным свидетельством функционирования группы музыкантов при кирхе [2].

Важные общественно-политические события способствовали появлению значительного числа фотографий. Примером этому может служить визит президента Второй Речи Посполитой И. Мостицкого в колонию голендров в конце июля 1928 г. Пять фотоснимков являются визуальными свидетельствами визита главы государства. Два фотоснимка были опубликованы в лютеранском периодическом издании «*Kalendarz ewangelicki*» и являются дополнением к статье пастора Эвальда Лодвиха (вышла в 1929 г.) [10, с. 136–137].

Фотоснимки выступают в качестве визуального свидетельства визита ещё одной исторической личности в колонии. Речь идёт о писателе Яне Г. де Груте, который возглавлял исследовательскую комиссию нидерландской академии наук в колонии. Целью визита являлась попытка установления голландского происхождения представителей общности бужские голендры [11, с. 10–26].

Отличительной особенностью периода стало изображение голендров во время различных видов работ. Это могли быть сцены сбора урожая или участие голендров в земельных работах. Возможно, что ряд снимков использовались как своеобразные отчёты о проводимых мероприятиях (выставки сельского хозяйства, сбор урожая и т.д.) в колониях в рамках деятельности сельскохозяйственного кружка среди молодежи и интенсификации сельского хозяйства. Инициатором преобразований в ведении сельского хозяйства в общности голендров выступал пастор Эвальд Лодвих.

В межвоенный период появляются первые непубличные – семейные (одиночные и групповые) фотоснимки представителей общности. Данные снимки в настоящее время хранятся в семейных архивах потомков бужских голендров. Большинство фотокарточек имеют значение для изучения семейной истории, генеалогии, а также изучения повседневности и быта общности. Один из таких снимков (1930-х гг.) хранится у Зигфрида Людвиг (житель ФРГ). На нём изображены похороны малолетнего ребёнка. Подобные снимки исследователями могут использоваться при изучении погребальной культуры общности.

В фондах Государственного архива Брестской области (Ф. 2. «Брестское поветовое староство») хранится несколько сотен одиночных портретных снимков голендров. Данные снимки помещались в паспорта и другие документы межвоенного периода, которые удостоверяли личность человека [3].

Ещё одним историческим периодом, которым датируются несколько изучаемых фотоснимков, стала Вторая мировая война. Пять фотоснимков были опубликованы в книге К. Люкка. Все они датируются осенью 1939 г. Снимки были сделаны в отдаленной части материнской колонии Нейдорф, которая после сентября 1939 г. оказалась на территории, оккупированной Германией. Два снимка запечатлели жителей колонии (неизвестную девушку и пожилого мужчину), один – экстерьер жилого дома, а ещё два – немецких офицеров, которые принимали заявления от представителей общности на переселение на территорию Германии [12, с. 19, 20, 47, 143]. Данная книга и фотоснимки в ней были созданы с пропагандистскими целями, чтобы показать процесс осуществления национальной политики рейха по отношению к фольксдойче (к числу которых относились и голендры) [12].



Изображение 3. –
Похороны малолетнего ребёнка
(фотоснимок из частной коллекции
Зигфрида Людвиг (ФРГ))



Изображение 4. – Жилой дом бужских голендров в
Нейдорфе (осень 1939 г.)
(из книги «Die Cholmer und Lubliner Deutschen kehren heim ins Vaterland», С. 47)

Фотоснимки могут выступать источниками при изучении процесса переселения голендров на территорию рейха. Практически все известные снимки, изображающие данный процесс, были опубликованы в сборниках документов и материалов немецким исследователем Эдуардом Бытовым. К сожалению, составитель сборника при публикации фотоснимков не сопровождал их необходимой информацией ни об авторстве, ни о месте и времени съемки. Исследователь сделал акцент на установлении личностей тех, кто изображён на представленных им снимках. Большинство упомянутых снимков показывают пребывание представителей общности в лагерях для переселенцев на территории Третьего рейха. Лишь один из найденных в ходе исследования снимков был сделан во время перемещения голендров на территорию рейха. Данный снимок был опубликован в книге «In Ängsten – und siehe, wir leben : Lebenserinnerungen eines Wolhynienpfarrers 1909–2009» [14]. Отдельными примерами фотоснимков периода войны можно считать портретные фотографии голендров для документов, которые создавались для процесса переселения [7; 8].

Последняя по хронологии группа фотографий была создана в период после окончания исторического развития общности (со второй половины 1940-х гг.) и связана с процессом формирования и сохранения памяти о бужских голендрах. На подобных снимках изображаются мемориальные мероприятия, проводимые потомками представителей общ-

ности. Таким образом, фотографии являются историческими свидетельствами того, что после Второй мировой войны часть представителей общности и их потомков стремились к объединению усилий по увековечиванию памяти о прошлом общности. Крупнейшие коллекции подобных фотоснимков были опубликованы на сайте «Bugholandery.de» (приложения к отчётам о проводимых мероприятиях немецкого общества «Mutterkolonie Neudorf und Touhterkolonien» («Bugholandery e.V.»)) [5] и в сборниках документов и материалов по истории бужских голендров (составитель Э. Бютов) [7; 8].

Помимо упомянутых сборников Э. Бютова и сайта общества потомков голендров, фотоснимки публиковались на страницах польского периодического краеведческого издания «Nadbużańskie Ślawatycze» [13]. Наиболее ценные для исследователей снимки были опубликованы дочерью пастора Эвальда Лодвиха вместе со своими воспоминаниями ««Wierni po wsze czasy»: słowiańskie korzenie gaojśców» в 2003 г. Данные визуальные источники датируются периодом пасторства отца автора публикации (1925–1935 гг.) [11]. Большой вклад в сбор и публикацию изучаемых визуальных источников внёс польский исследователь Антоний Хорунжий. В 2008 г. коллекция фотоснимков, собранных исследователем, была представлена на выставке в м. Словатыче, а после опубликована в сети Интернет [9].

Одним из крупнейших примеров цифрового архива фотоснимков общности бужских голендров является сайт «Колонии Нейдорф и Нейбров на Буге». Создатель электронного ресурса И.А. Прокопюк в течение многих лет собирает цифровые копии фотоснимков в сети Интернет (в первую очередь в цифровых архивах и на сайтах аукционов). В настоящее время на сайте представлено 36 копий фотоснимков изучаемой общности [2].

Проведённое исследование позволяет сделать несколько выводов.

1. В процессе создания фотографий можно выделить пять периодов: 1) начало XX в.; 2) времена Первой мировой войны; 3) межвоенное время; 4) годы Второй мировой и Великой Отечественной войны; 5) период формирования и сохранения памяти о прошлом общности (с середины 1940-х гг. по наши дни).

2. Фотоснимки бужских голендров можно разделить на три тематические группы: публичные, семейные и персональные (портретный снимок представителей общности для документов).

3. Публичные фотоснимки создавались в качестве визуальных приложений к статьям и заметкам о жизни общности, как отчёты о проводимых мероприятиях (как в период существования общности, так и в период формирования и сохранения памяти о бужских голендрах).

4. Основными местами публикации фотоснимков являются сборники материалов, краеведческие издания, цифровые архивы снимков краеведческих сайтов, группы в социальных сетях, а также фонды Государственного архива Брестской области.

1. Грунтоў, С. У. Фатаграфія і культура памяці ў беларусаў у другой палове XIX – пачатку XXI ст. / С. У. Грунтоў. – Мінск : Беларуская навука, 2023. – 189 с.

2. Нейдорф-Нейбровь вь фотографіяхъ // Історія колоній Нейдорф-Нейбровь на Бугъ [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3Ezz8r> (дата обращения: 15.11.2024).

3. Фонд 2. Брестское поветовое староство / Государственный архив Брестской области / Поиск по архивам / Фондовый каталог // Архивы Беларуси [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3J472K> (дата обращения: 15.03.2024).

4. Ходзін, С. М. Крыніцзнаўства гісторыі Беларусі : дапаможнік / С. М. Ходзін. – Мінск : БДУ, 2012. – 255 с.

5. Bugholendry – Olędrzy – Голендры // Bugholendry.net [wibesite]. – URL: <https://bugholendry.net/> (date of access: 27.02.2025).

6. BUGHOLENDRY – Historie, Family Tree = BUG OLENDRY = БУГ ГОЛЕНДРЫ // Facebook [social network]. – URL: <https://clck.ru/3J47Cx> (date of access: 13.11.2024).

7. Bütow, E. Bug – Holländer in Wolhynien: Spuren und Geschichte / E. Bütow – Schwerin : Bütow; Zhitomir : Verl. WOLIN, 2002. – 268 s.

8. Bütow, E. Bug-Holländer in Wolhynien / E. Bütow. – Schwerin : Schnelldruck & Copyshop Lehr, 2014. – 373 s.

9. Choraży, A. Nadbużańscy Olędrzy. Rolnicy, budowniczoowie, rzemieślnicy i melioranci / A. Choraży // Slideshare [website]. – URL: <https://clck.ru/3J2rRP> (date of access: 20.03.2025).

10. Lodwich, E. Pan Prezydent Rzeczypospolitej w Nejdorf-Nejbrowie / E. Lodwich // Kalendarz ewangelicki na rok zwyczajny 1929 / Warszawa: Tow. Wyd. im. Mikołaja Reja, 1929 – R. 1. – S. 136–139.

11. Lodwich-Jackowiak, W. «Wierni po wsze czasy»: słowiańskie korzenie praojców / W. Lodwich-Jackowiak // Nadbużańskie Ślawatycze. – 2002. – R. III. – S. 5–26.

12. Lück, K. Die Cholmer und Lubliner Deutschen kehren heim ins Vaterland / K. Lück. – Posen : Historische Gesellschaft im Wartheland, 1940. – 170 p.

13. Nadbużańskie Ślawatycze: pismo Stowarzyszenia Rozwoju Gminy Ślawatycze // Bialska Biblioteka Cyfrowa [website]. – URL: <https://goo.su/czGMI> (date of access: 02.03.2025).

14. Schmidt, H. K. In Ängsten – und siehe, wir leben : Lebenserinnerungen eines Wolhynienpfarrers 1909–2009 / H. K. Schmidt, J. J. Taegert. – Einbeck : ANA-BUCH GmbH, 2016. – 376 p.

Пушкарёва Н.Л.
ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЖЕНСКОГО ДНЕВНИКА:
179 ОБЩИХ ТЕТРАДЕЙ С 1933 ПО 2004 гг.¹

Ключевые слова: источники личного происхождения, дневники, историческая антропология, гендерная история, история повседневности.

Введение в оборот таких источников личного происхождения, как женские дневники, – актуальная задача современной исторической антропологии и женской истории [2]. Найденные в Государственном архиве Волгоградской области 179 дневников хирурга З.С. Седельниковой – комплексный документальный источник о повседневной жизни представительницы интеллектуального труда в одном из городов Среднего Поволжья, позволяющий раскрыть бытовые особенности повседневности нестоличного города с позиций женского восприятия.

Автор дневников 60 лет прожила в Волгограде, училась и работала врачом. Была замужем, но детей не имела. В бытовой повседневности ей помогала домработница. Образ мыслей образованной советской женщины, система ее ценностей, повседневные практики позволяют создать картину профессионального и домашнего быта, реконструировать обыденную и праздничную повседневность советского провинциального города такой, какой ее воспринимали нестоличные советские горожанки. Дневник (или лучше сказать *дневники*) содержит подробные описания обеспеченности продовольственными и непродовольственными товарами в провинциальном советском городе, жилищных условий, домашнего быта (перечислены способы уборки, нехитрые рецепты, сохранившиеся в устной традиции или заимствованные из газет и журналов), впечатления от проведенного досуга, отношений с близкими и друзьями.

Эмоциональное, иногда поэтическое описание событий (автор рифмовала и сохраняла в дневнике стихи), явленное через призму женского социального опыта, позволяет воссоздать советский женский быт, а фотографии, вырезки из газет и календарей, телеграммы, письма, театральные буклеты, билеты на мероприятия, лоскутки тканей, гербарий – проанализировать самосознание представительницы интеллектуальной элиты советского города

Имя хирурга Зинаиды Сергеевны Седельниковой (1920–2006) впервые прозвучало 25 лет назад в связи с публикацией ею своих записей о жизни в блокадном Ленинграде [5]. Тогда она решила передать в Государственный архив Волгоградской области дневники, что вела с 13-ти лет, – 179 «общих тетрадей» в коленкором переплете. Доступ к первой части (тетради 1–145 за 1933–1992 гг.) был, по условию автора, ограничен вначале 1999-м, затем 2005-м г.; она продолжала вести записи, ощущая, что это имеет «большую научную и историческую ценность» [1, оп. 6]. В 2006 г. поступила новая порция (тетради 146–173 за 1992–2002 гг.), позже – дневники последних лет жизни автора (тетради 174–179 за 2002–2004 гг.). Эвристический потенциал редкой находки можно оценить, анализируя исследо-

¹ Поддержано РНФ, грант № 24-78-10005 «Женский голос российской науки 1800–1980-х гг.».

вания по источниковедению советских женских эгодокументов: тема эта пока мало разработана [4; 6; 7].

Из 179 тетрадей мы взяли проанализировать лишь скромную часть относящихся к периоду политической оттепели, «открывшей» людям ценности частной жизни: тетради №№ 35–85 в клетку и линейку в коленкоровой обложке синего или коричневого цвета, охватившие 1951–1969 гг. Каждая пронумерована автором, указаны хронологические рамки и место записей; пагинация сделана архивистами. Толщина каждого дневника от 70 до 110 листов с разным числом вклеек, вкладок, иногда за год писалось до 300 страниц. Простоев более 3 дней не случалось – и перед читателем предстает целостная хроника провинциальной жизни 1950–1960-х гг., в которой даже покупка тетрадок была проблемой: «Совсем нет бумаги, не на чем писать» (2.12.1951); «заходила в универмаг, нет тетрадей полуобших, какие искала» (3.03.1961) [1, оп. 6, д. 13, л. 138; д. 26, л. 5]. Записи велись синими чернилами и карандашами (простым, цветными); встречаются ошибки (*на износ, полдня*), пропущенные запятые редки. Дневники перечитывались, иногда вслух («Я пол-дня шила, а вечер отдала Зиночке, с ней читали отрывки из моих дневников») [1, оп. 6, д. 14, л. 147]. Имеются поздние вставки, сделанные, возможно, перед сдачей в архив. Важные события выделены цветным карандашом, иные записи перечеркнуты, есть заштрихованные ручкой, и не читаемы.

Язык записей – русский, в нем нет интерференций из иных языков, хотя место действия – Волгоград – локус переплетенных культурных традиций (русские, немцы, народы Поволжья). Литературность стиля объяснима высшим образованием З.С. Седельниковой, ученой степенью и желанием постоянно расширять кругозор (в каждой тетради есть список прочтенных книг и тех, что стоит прочесть, встречаются отрывки литературных произведений, иногда автор рифмовала сама). Во всех 50 тетрадях есть списки просмотренных фильмов, спектаклей. Восхищает стремление автора структурировать написанное, размещая в конце страничку «Вместо оглавления» с хронологическим списком важнейших событий, систематизм записей адресов и телефонов, популярных песен и кулинарных рецептов.

На обложках некоторых тетрадей – карман для фотографий, записок, листков отрывного календаря; внутри дневников немало вклеенных телеграмм и театральных программ. Лоскутки тканей от недавно сшитого платья, высушенные цветы после запомнившейся прогулки – типичные артефакты женской повседневной культуры, трепетно собранные и немислимые в дневниках мужчин, помогают «прикоснуться» к написанной истории.

Из текстов более ранних дневников читатель узнает, что З.С. Седельникова жила с 1933 по 1946 гг. в Устюге (где родилась), потом в Ленинграде, Ульяновске, Москве, Новогрудке. Похоронив в юности мать, пережив развод с первым мужем, поступила в ординатуру в Сталинграде (Волгограде) в 1951 г., где и осталась до конца дней. Здесь она вновь нашла семейное счастье, выйдя в 1962 г. замуж за инженера-металлурга В.И. Траценко. В мединституте она проработала 25 лет, совмещая преподавательскую деятельность с работой оперирующего хирурга, в 1958 г. стала кандидатом наук [1, оп. 6, д. 142., л. 4]. Детей у нее не было (об этом она сожалела не раз) [1, оп. 6, д. 30, л. 4; д. 106, л. 118.]; компенсацией их отсутствия была общественная активность, множество знакомых из сферы медицины и образования, чьи подробности личных биографий позволяют составить целостную картину образа жизни провинциальной городской интеллигенции, ее духовных запросов и бытовых проблем. «Писать дневник для меня стало такой же потребностью, как сон. Если б не дневники, я чувствовала бы себя совсем одинокой» (10.07.1952) [1, оп. 6, д. 14, л. 53]. Записи отмечены транзитивностью; в 1952 г. автор приватность не ценила, с возрастом отношение к ней изменилось.

Врачу З.С. Седельниковой приходилось нести «массу общественных нагрузок: на кафедре, в масштабе института и города», выделять время для дневниковых признаний было ей трудней, чем, например, историкам, работавшим дома [3, с. 136]. Литературно одаренная, врач Седельникова принадлежала к тому социальному слою советского обще-

ства, чье равнодушие и социальная встроенность характеризуют ментальность российского провинциального города в годы политической оттепели и после нее. Этот социальный слой вслед за западными исследователями «советскости» именуют *petite intelligentsia* («малая интеллигенция») [3, с. 3]. Люди из него жили в поле воздействия множества дискурсов: бытовых, пропагандистских, научных. Их конstellации порождали благодарность власти – за достигнутые жизненные вершины, возможность выбраться в крупный город, получить университетское образование. «Малые интеллигенты» разделяли советские культурно-идеологические установки, навсегда сохранив юношеский идеализм и веру в социалистические идеи.

В текстах З.С. Седельниковой мало критических размышлений о политическом устройстве, о Власти, в верхах которой снимали и назначали министров и членов Президиума ЦК КПСС, созывали партсезды. Вдалеке от Москвы рядового врача интересовало лишь то, что касалось ее жизни, зарплат и пенсий в больницах. Идеологическая конформность на фоне полной «безыдейности», обыденности описаний быта – черта этого женского дневника.

О слезах врачей и сестер при известии о смерти Сталина как об обстоятельстве, эмоционально окрасившем жизнь больницы, Седельникова написала, но куда больше строк посвятила местному, лично пережитому событию июля 1952 г. – открытию Волго-Донского канала («Тысячи сталинградцев заполняли площадки и лестницы, новый вокзал и причал, встречая делегацию из Москвы. Духовой оркестр, овации, крики приветствия...») [1, оп. 6, д. 14, л. 60]; клеила даже пропуск на мероприятие [1, оп. 6, д. 14, л. 60]. «Идеологически выдержанные» строчки складывались из языковых штампов, очевидно рассчитанных на внешнего читателя. З.С. Седельникова была беспартийной, но, следуя нормам времени, посещала политинформации и сама выступала с лекциями как член общества «Знание». О полёте Ю.А. Гагарина упомянула, В.В. Терешковой по-женски восторгалась.

В то время как интерес к дневникам в изысканиях последнего времени – это интерес к «внутренней эмиграции», протестным настроениям, сопротивлению встроенности в советское общество [9], данный дневник отличен обратным: обыденной вписанностью в житейский контекст, типичным для женских дневников вниманием к «истории себя», своей семье и ее быта [10, р. 6]. Взгляд аналитика просто не успевает за мельканием эпизодов, событий, цен, имен знакомых, подчас никак читателю не представленных. Вся эта пестрая смесь и являет собой удивительный по фактографичности «вариант самоописания советского общества» [6], в котором равноположены события общегосударственной важности и «мелочи жизни». Повторяющихся тематических узлов в дневниках нет, но есть подробный ассортимент покупок с ценами (которые росли), и мы живо представляем жизнь провинциальной советской «врачихи», спешащей домой, где «батареи чуть теплые», «нагруженной двумя полными сумками продуктов» (07.08.1964). [1, оп. 6, д. 30, л. 192; д. 32, л. 78].

«Советская субъективность» на страницах дневника – не более, чем всеобщность стереотипов, распространенных в ближайшем окружении автора: муж, домработницы, знакомые, коллеги. Их характеристики проступают сквозь ткань повествования, как и бытовавшие привычки сна и еды, рождения, разводы, будни и праздники (Новый год, день рождения, ставшее в 1965 г. выходным днем 8 марта), повседневное и праздничное меню. Не забыта и общая черта советской нестоличной повседневности – очереди («В магазине очередь. Недели две как сахар исчез в магазинах» (21.05.1964) [1, оп. 6, д. 30, л. 127].

Это *письмо для себя* – чувства, которые «недовыплеснуты» в других эгодокументах. «Домой ехала в трамвае, который долго ждала, при посадке придавили сзади чемоданом! Сколько мучений ежедневно с этим транспортом!» [1, оп. 6, д. 25, л. 145]. Мужская память в силу стереотипов мужественности не позволила бы центрироваться на *таком*; перед нами – документальное свидетельство женской чувственно-телесной жизни в советском городе с его толчеей, это дневник недомоганий, состояния кожи и ее гигиены, сублимаций скрытых сексуальных интенций. Женское самолюбование, желание судить (и осуждать) других красноречиво характеризует личность автора («Встретила Зину Оськину, говорит,

живет хорошо с 3-м мужем, но “страдает” от самолюбивого характера. Так, значит и это ненадолго, подумала я, нет хуже такого характера» (28.09.1966) [1, оп. 6, д. 33, л. 65].

Представительница городской элиты была капризна в отношениях с домработницами, которые то перерастали в квази-родственные, то в барские: «Жду Дусю к себе. С ней обед будет вовремя и вкусный»; «расстроена паршивым характером Дуси, к обеду подала вчерашнюю уху». Найм прислуги – черта жизни крупных городов; бездетной 35-летней «врачихе» прислуга помогала вести дом, но о ней приходилось и самой заботиться (кормить, одевать, жить в одной комнате, после замужества – в соседних) [11]. Сложные отношения с Дусей были типично домохозяйственными, таковые издревле конструировали сферу «женского»; наравне с мужем, Дуся была для автора самой значимой из близких после смерти матери, повторной женитьбы отца. Трюизм поступков советской женщины проступает в ее привычках: знакомства при стоянии в очередях, налаживание отношений с продавцами, чтобы «отложили» нужное («Вечер ушел на визит к Зине в магазин, очередь за маслом... чеки взяты без очереди»), «доставание» продовольственных и непродовольственных товаров в центральных универмагах перед праздниками: «Вышла из трамвая на пл. Ленина и прошла в универмаг, ни бот, ни шерсти на юбку нет» (26.12.1960) [1, оп. 6, д. 25, л. 161]. Мужчина не стал бы описывать мелкие детали беспорядка в квартире в дни ремонта, сложности с покупкой стройматериалов и влияние этого на работоспособность («В ожидании покраски... окна без штор, столы без салфеток, половина вещей на балконе. Беспорядок в квартире отражается на настроении и работоспособности» (15.09.1954) [1, оп. 6, д. 15., л. 270]. Детальность описания обстановки говорит о вынужденной значимости всего «бытового» для автора.

Читая дневники З.С. Седельниковой, нетрудно ощутить, насколько мало было форм досуга в нестоличном городе всего полвека назад. Современный мир – мир многообразия досуговых активностей; большинство их, включая спорт, служит и для снятия напряжения, канализации аффективного возбуждения. У нашей же горожанки праздник в его релаксационной и компенсаторной функции был мало отличен от отдыха колхозницы: «Для отдыха взяла книгу у соседей»; «Вечером у Клавы смотрели по телевизору киноочерк “Судьба женщины”»; «В театре идет старая вещь, идти некуда, поехали в центр на набережную». Кино, театр, чтение, игра в карты, хождение в гости, купание «за Волгой», пошив одежды, вышивание. Очевидно, что в мире «нехваток и очередей» (Б. Слуцкий) было не до спорта, дискотек и пикников на даче: обыденный мир волгоградского врача выражал «досуговую культуру бедности» [8, с. 43]. Но именно этой обыденностью бедности дневники З.С. Седельниковой и ценны для изучающих женское социальное прошлое. Дело профессиональных историков теперь – максимально использовать эвристический потенциал этого первоклассного источника по истории женской советской провинциальной повседневности.

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. Р-6880 (Дневники).
2. Козлова, Н. Н. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения / Н. Н. Козлова, И. И. Сандомирская. – М.: Гнозис; Русское феноменологическое общество, 1996. – 256 с.
3. Курапова, Е. Р. Дневники академика М. В. Нечкиной как исторический источник / Е. Р. Курапова // Вопросы истории. – 2006. – № 8. – С. 136–143.
4. Савкина, И. Л. «Я же – человек обыкновенный»: анализ двух женских дневников советского времени / И. Л. Савкина // Вестник Пермского университета. – 2015. – № 4 (32). – С. 79–88.
5. Седельникова, З. С. 279 дней войны. Блокадный дневник / З. С. Седельникова. – Волгоград: Ком/по печати, 1995. – 84, [4] с.
6. Симоне-Тенан, Ф. Три российских женских дневника / Ф. Симоне-Тенан // Автобиографическая практика в России и во Франции. – М., 2006. – С. 148–160.
7. Смирнова, Т. М. «Дневник» Любови Шапориной / Т. М. Смирнова // Российская история. – 2013. – № 6. – С. 173–197.
8. Ярошенко, С. С. Синдром бедности / С. С. Ярошенко // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 43–50.
9. Halfin, I. Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial / I. Halfin. – Harvard: HUPress, 2003. – 344 p.
10. Heldt, B. Terrible Perfection / B. Heldt. – Bloomington: Indiana University Press, 1987. – 192 p.
11. Kelly, C. A History of Russian Women's Writing 1820–1992 / C. Kelly. – Oxford: Clarendon press, 2005. – XII, 497 p.

Рощина Д.К.
**ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ПАВИЛЬОНУ «СОВЕТСКАЯ АРКТИКА»
ВСЕСОЮЗНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКИ 1939 г.
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПРОПАГАНДИСТСКОЙ
«АРКТИЧЕСКОЙ» КАМПАНИИ СССР**

Ключевые слова: Советский Союз, Арктика, Крайний Север, пропаганда, Всесоюзная выставка, сельское хозяйство, источник.

В 20–30-е гг. XX в. советское правительство рассматривало задачу освоения Арктики как важнейшую среди прочих, так как она способствовала экономическому развитию страны, укреплению советской власти в регионах Крайнего Севера. Но у освоения высокоширотных территорий была и стратегическая задача, она касалась внешней политики – в исследуемый период СССР необходимо было правильно обозначить своё место в освоении Арктического региона. Стремительный путь Советского Союза к Заполярью был обусловлен не только государственными интересами, но и правильным использованием пропаганды для формирования положительного имиджа страны на международной арене.

В 1920–1930-е гг. проводится большое количество полярных экспедиций, научных исследований Арктики. Экспедиция под руководством О.Ю. Шмидта к архипелагу Северная Земля на ледокольном пароходе «Георгий Седов», экспедиция под руководством Г.А. Ушакова на Северную Землю, дрейф полярной станции «Северный полюс-1» под руководством И.Д. Папанина, и это далеко не полный список всего, что принимал Советский Союз в Арктике.

1 августа 1939 г. в Москве, в районе Останкино, был открыт уникальный пропагандистский проект советской власти – Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (ВСХВ) [4, с. 406]. Она поразила советских граждан своей монументальностью, а также получила восторженные отклики и вызвала широкий резонанс, это был один из самых грандиозных архитектурных довоенных проектов [3, с. 162]. Большая территория выставки должна была символизировать величие СССР. Это место создавало особую атмосферу, где идея Советского Союза и преимущества социалистического строя воспринимались особенно остро и искренне.

«Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, которая призвана достойно отобразить великие достижения социалистического сельского хозяйства СССР, <...> должна дать мощный толчок социалистическому соревнованию колхозов и колхозников и всех работников сельского хозяйства для умножения достижений сельского хозяйства, <...>» – с этих слов начинается путеводитель по ВСХВ 1941 г. издания [2, с. 2]. Нельзя не согласиться с тем, что главной целью ВСХВ было не просто продемонстрировать государственные успехи народного хозяйства, но и простимулировать социалистическое соревнование. Кроме того, эти успехи демонстрировались и для других государств, не только на советского зрителя.

Помимо интереснейших павильонов, посвящённых сельскому хозяйству, на ВСХВ был и павильон «Советская Арктика». Это одна из самых интересных архитектурных построек выставки – «холодным блеском искрятся белые стены павильона», на его главном фасаде размещена огромная карта Арктики, на которой отмечен дрейф папанинской четвёрки – научно-исследовательской станции «Северный полюс-1» [1, с. 3]. У самого карниза, на крыше павильона был установлен полноразмерный макет полярного самолёта АНТ-25 – именно на нём Валерий Чкалов в 1937 г. совершил трансполярный перелёт по маршруту Москва – Северный Полюс – Ванкувер. Интересно отметить, что наполнение павильона было не полностью связано с арктическими экспедициями, но всё же, внутри была «разбита» палатка папанинцев, где была воспроизведена обстановка и оборудование экспедиции.

У каждого павильона, в том числе и у «Советской Арктики», были карманные путеводители. «С давних пор человечество борется с суровой природой Севера. Тысячи

людей погибли в этой борьбе. Только большевикам покорился неприступный Север» – с этих слов начинается введение к путеводителю [1, с. 3]. Эту ключевую идею, конечно, необходимо было донести до посетителей выставки в самом начале. Заниматься земледелием в условиях Крайнего Севера достаточно трудоёмко, поэтому необходимо обратить внимание на то, что в Советском Союзе это возможно и выполнимо.

В павильон включены 10 стендов, которые, в первую очередь, связаны с сельским хозяйством:

1. Земледелие и животноводство на Крайнем Севере;
2. Достижения сельскохозяйственной науки на Крайнем Севере;
3. Достижения совхоза «Индустрия», Мурманской области;
4. Достижения колхоза имени Парижской коммуны, Мезенского района, Архангельской области;
5. Оленеводство на Крайнем Севере;
6. Развитие парниково-тепличного овощеводства на Крайнем Севере;
7. Достижения Ненецкого оленеводческого совхоза, Ненецкого национального округа, Архангельской области;
8. Пушной охотничий промысел и звероводство на Крайнем Севере;
9. Промыслы – рыболовецкий и морской зверобойный;
10. Культура и быт народов Севера.

В тексте путеводителя можно проследить, что достаточно часто приводятся сравнения «было – стало». «Бесплодной лежала промерзлая земля», а Великая Октябрьская Социалистическая революция «вывела северные народы на светлую дорогу культурной, зажиточной жизни» [1, с. 5]. И таких аналогий приводится достаточно много в тексте путеводителя.

Скорее всего, руководителям павильона было необходимо показать контраст, сочетание несочетаемого, для усиления успешности советской власти в регионах Крайнего Севера. Арктика – это льды и вечная мерзлота, но сейчас здесь «быстро и успешно развивается земледелие» [1, с. 9]. Конечно, это земледелие ведётся не на высокоширотных территориях, а в северных регионах страны. Исходя из перечня стендов павильона, можно сказать, что это Архангельская и Мурманская области, Чукотка, другие территории обозначаются точно, например «от Печоры до Колымы» или «на запад от реки Лены» [1, с. 33].

Конечно, нельзя сказать, что на стендах затрагивается лишь сельское хозяйство. Упоминаются также успехи в добыче полезных ископаемых, промышленности, строительстве, судоходстве по Северному морскому пути, полярной авиации, создании станций в Арктике. Стоит также обратить внимание на заключительный, 10 стенд «Культура и быт народов Севера», который показывает «культурный рост народностей Крайнего Севера и улучшение условий их жизни при Советской власти» [1, с. 43].

В путеводителе по Всесоюзной сельскохозяйственной выставке от 1941 г. «Советской Арктики» уже нет. Павильон просуществовал недолгое время. В 1940 г. здание передали Карело-Финской ССР. По разным источникам, в 1941 г. он сгорел при пожаре или был снесён. Восстанавливать его не стали, но он сохранился на фотографиях. Путеводитель по павильону также хранит память о нём. Этот проект стал проявлением советской «арктической» пропагандистской кампании, демонстрации успехов и достижений в полярном регионе в 1920–1930-е гг.

1. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Павильон «Советская Арктика»: путеводитель / Всесоюз. с.-х. выставка. – М.: ОГИЗ; Сельхозгиз, 1939. – 44 с.

2. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1941 г.: путеводитель / Всесоюз. с.-х. выставка. – М.: Сельхозгиз, 1941. – 160 с.

3. Горлов, В. Н. Главная выставка страны – символ советской эпохи / В. Н. Горлов // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 3. – С. 161–164. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glavnaya-vystavka-strany-simvol-sovetskoj-epohi> (дата обращения: 10.03.2025).

4. Зыбин, С. Ю. Открытие Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в 1939 г. / С. Ю. Зыбин // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XVI Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 16–17 марта 2011 г.: в 2 т. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А. П. Солодков (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2011. – Т. 1. – С. 406–408.

Булатая В.Ю.
АДМЕТНАСЦІ ЧАСОПІСА “ДА ЗЛУЧЭНЬНЯ!”
ЯК КРЫНІЦЫ ПА ВЫВУЧЭННІ РАСПАЎСЮДЖАННЯ НЕАЎНІ
НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ

Ключавыя словы: Заходняя Беларусь, неаўнія, Антон Неманцэвіч, прэса, “Да Злучэння!”.

У міжваенны час на тэрыторыі Заходняй Беларусі прадстаўнікі розных канфесій і царкоўных рухаў выдавалі шэраг беларускамоўных перыядычных выданняў. Галоўная мэта выдавецкай дзейнасці – трансляцыя поглядаў выдаўцоў на палітычныя, грамадскія і рэлігійныя падзеі. Сярод міжваеннай прэсы адметнае месца займаў часопіс «Да Злучэння!», які выходзіў пад патранажам Усходняй місіі айцоў-езуітаў.

Часопіс «Да Злучэння!» – адзінае ўніяцкае беларускамоўнае выданне, якое распаўсюджвалася ў міжваенны час на тэрыторыі Заходняй Беларусі (выдавалася ў перыяд з 1932 па 1937 гг.). Рэдагаваўся часопіс уніяцкім святаром Антонам Неманцэвічам (1893–1943), перыядычнасць выхаду нумароў – раз на месяц. З 1932 па 1937 гг. выйшла 30 нумароў. Вакол выдання гуртаваліся ўніяцкія святары і рыма-каталіцкае духавенства, якое падтрымлівала ідэю ўніі. У 1937 г. выхад часопіса быў спынены праз забарону яго выдання польскімі ўладамі [10, с. 436]. Галоўная мэта часопіса – распаўсюджванне сярод беларусаў ідэй царкоўнай еднасці [1, с. 26]. Змест часопіса з’яўляецца важнай крыніцай па вывучэнні акалічнасцей працэсу распаўсюджвання неаўніі на тэрыторыі Заходняй Беларусі.

Як адзначалася вышэй, часопіс «Да Злучэння!» мае свае адметнасці на фоне іншых беларускамоўных выданняў з канфесійным кантэнтам.

Па-першае, часопіс «Да Злучэння!» можна аднесці да класічнага канфесійнага выдання, што істотна адрознівае дадзены часопіс ад іншых беларускамоўных выданняў эпохі, якія выпускаліся рэлігійнымі дзеячамі. Прадстаўнікі каталіцкіх і праваслаўных рухаў, у асноўным, публікавалі шмат палітычных матэрыялаў, чым праследавалі мэту – даць сваю ацэнку грамадска-палітычным падзеям, якія адбываліся ў Другой Рэчы Паспалітай. Выбраная намі класіфікацыя часопіса «Да Злучэння!» абумоўлена наступнымі чыннікамі:

1) самаідэнтыфікацыя выдання: на тытульнай старонцы адразу пазначаўся яго тып – «рэлігійная часопісь» [2, с. 1]. Вызначаны рэдакцыйны тып выдання не мяняўся цягам усяго перыяду выхаду часопіса;

2) выдавецкім органам часопіса было рэлігійнае аб’яднанне «Выдавецтва Таварыства Ісусавага». Акрэсленае выдавецтва дзейнічала пры беларускіх айцах-езуітах Усходняй місіі, якія адказвалі за праект распаўсюджвання неаўніі ў міжваенны час;

3) мэтавая аўдыторыя часопіса – уніяцкія вернікі і духавенства. Акрамя таго, рэдакцыя публікавала матэрыялы, якія мелі місіянерскі характар, накіраваны на прадстаўнікоў рыма-каталіцкай і праваслаўнай канфесій, неабыякавых да ідэі пашырэння новай уніі;

4) рэдактар выдання А. Неманцэвіч у сваіх аўтарскіх артыкулах на працягу ўсяго тэрміну выхаду часопісу паўтараў і падкрэсліваў тэзіс аб рэлігійным характары выдання. Па яго словах, «наша часопісь рэлігійная і мэтай нашай ёсць справа рэлігійнага злучэння Беларускага народу [2, с. 3]»;

5) тэматычнае напаўненне, кантэнт і рубрыкі выдання сведчылі аб яго канфесійнай скіраванасці. У змесце часопіса можна вылучыць такія раздзелы, як казанні, урыўкі з Евангелля, катэхітычныя матэрыялы для дзяцей, навіны з уніяцкіх

прыходаў і семінарыяў, дагматычныя, палемічныя і гістарычныя артыкулы і г.д., накіраваныя на папулярызаванне царкоўнай ўніі сярод беларусаў.

Другая вылучаная намі асаблівасць часопіса «Да Злучэння!» – мэта яго выхаду. Паводле выдаўцоў, мэта існавання і распаўсюджвання іх друкаванага органу «ёсць справа рэлігійнага злучэння Беларускага народу [2, с. 3]». А. Неманцэвіч ў праграмным артыкуле часопіса дакладна сфармуляваў мэту яго існавання: «Вось, браты Беларусы, дзеля таго, каб служыць гэтай сьвятой справе, справе нашай рэлігійнай еднасці і каб бараніць яе ад напаўсцяў нашых nepřыхільнікаў, мы і закладаем нашу часопіс «Да Злучэння!», ды заклікаем усіх людзей добрай волі да Сьвятога Апостальства ў гэтым-жа кірунку [2, с. 3]».

Галоўную праблему беларускага грамадства ў міжваенны час прыхільнікі неаўніі бачылі ў адсутнасці яго кансалідацыі: «Няма ў Беларусаў еднасці рэлігійнай, няма гэтай еднасці і грамадзкай і гэта ёсць найвялікшае няшчасце для народу [2, с. 2]». Аўтары крытыкавалі тэму штучнага падзелу беларусаў на «рускіх» і «палякаў» паводле іх веравызнання. На старонках часопісу публікаваліся матэрыялы, дзе развейваліся стэрэатыпы адносна таго, што каталіцызм – гэта «польская» вера, а праваслаўе – «руская» [2, с. 3; 3, с. 6].

Адпаведнае выйсце са стану дэзынтэграцыі беларусаў прыхільнікі ўніі бачылі ў рэлігійным злучэнні хрысціян розных канфесій: «Часопіс уніятаў «Да Злучэння!» ўсіх кліча да аднаго неразлучнага адзінства, да адзінай, сьвятой, апостальскай, кафеалічнай або сусьветнай царквы [5, с. 10]». Гэтая ідэя вылучае і адрознівае часопіс на фоне іншай беларускамоўнай прэсы рэлігійнай скіраванасці, якая трансліравала ідэі нацыянальнага і палітычнага аб'яднання беларусаў. Уніяты лічылі, што грамадская і палітычная кансалідацыя – другасныя рэчы, якія выцякалі з рэлігійнага аб'яднання: «Разам з злучэннем рэлігійным хутчэй наступіць у Беларусаў і чаканая лучнасьць грамадзкая, як дадатак, бо сам Хрыстос гэта запэўніў кажучы: «Шукайце насамперш Каралеўства Божага і Ягонага справядлівасці, а ўся рэшта дадасца вам», таксама унія – справа рэлігійная [6, с. 13]».

Трэцяя асаблівасць зместу часопіса – спецыфіка разумення ўмоў аб'яднання вернікаў. Прыхільнікі неаўніі ўспрымалі ўнію як магчымасць яднання хрысціян розных канфесій у Заходняй Беларусі. Аўтары падкрэслівалі, што само значэнне слова «унія» – гэта еднасць [3, с. 3]. Яны заклікалі беларусаў да злучэння, вяртанне ў лона адной Царквы, як гэта было да вялікай схізмы [3, с. 11; 5, с. 10].

Аднак для таго, каб гэтае злучэнне сталася магчымым, была важная умова: прызнанне Каталіцкай Царквы як адзінай Святой і Апостальскай. Галоўная ўмова злучэння і адзінства хрысціян, на думку прыхільнікаў уніі, – падпарадкаванне Царквы Папе Рымскаму [2, с. 4; 4, с. 17]. Аўтары даносілі тэзіс, што падзел Царквы на каталіцкую і праваслаўную памылковы, на іх думку, Праваслаўная Царква ашукалася. З гэтай прычыны, праваслаўных вернікаў яны назвалі «незлучанымі», а ўніятаў – «злучанымі праваслаўнымі» [3, с. 12; 9 с. 15].

Пратэстанцкую ж царкву аўтары наогул не ўспрымалі як хрысціянскую канфесію [7, с. 12]. Розныя галіны пратэстантызму яны называлі «сэктамі» і лічылі ворагамі, якія перашкаджалі хрысціянскаму злучэнню [5, с. 10]. Лічылася, што ўсе, хто быў далучаны да пратэстанцкіх веравызнанняў, заблукалі: «Браты хрысціяне, заблудзіўшыя ў розных сэктах і адшчапленнях, шукайце праўды, імкніцеся да злучэння, а Госпад Бог нам паможа і вызваліць нас ад усякага сумніву і духоўнага неспакою» [5, с. 11]. Пратэстанты – «ашуканцы, усе служаць не Хрысту, а пеклу, усіх трэба сьцерагчыся горш як агню, бо агонь толькі цела прыпачэ, а яны завядуць нашу душу да пекла, дзе будзе пячыся без канца» [4, с. 18].

Апошняя, чацвёртая адметнасць выдання «Да Злучэння!» заключаецца ў тым, што рэдакцыя часопіса часта ўступала ў палеміку з прадстаўнікамі рыма-каталіцтва і праваслаўя адносна пытання распаўсюджання неаўніі. Для вядзенне дыялогу з іншымі канфесіямі, у тым ліку палемічнага характару, у часопісе была рубрыка «Наш адказ». За развіццём унійнага праекту ў Заходняй Беларусі пільна сачылі праваслаўныя і каталіцкія актывісты, яны давалі свае ацэнкі і прагнозы гэтаму з’яве на старонках уласных друкаваных выданняў. Зачэплваючы пэўныя тэзісы, аўтары «Да Злучэння!» не абміналі магчымасць абгрунтаваць сваю пазіцыю, якая для іншых дзеячаў лічылася спрэчнай. З гэтага можна зрабіць выснову, што выдаўцы і аўтары часопіса вялі палеміку з прадстаўнікамі іншых канфесій выключна на глебе дагматыкі, багаслоўскіх пытанняў і на тэму распаўсюджання новай уніі ў розных мясцінах Заходняй Беларусі [5, с. 30; 8, с. 11; 9, с. 2].

Такім чынам, можна зрабіць наступныя высновы і вылучыць асаблівасці часопіса «Да Злучэння!». Часопіс «Да Злучэння!» – класічнае канфесійнае выданне, дзе выдаўцом з’яўляўся рэлігійны орган, тэматычная скіраванасць выдання – канфесійная, мэтавая аўдыторыя – або вернікі-уніяты, або вернікі, якім, на думку выдаўцоў, трэба пераходзіць да ўніі. Адпаведна, змест матэрыялаў выдання раскрываў чытачам перавагі новай уніі як канфесіі, у якую варта перайсці беларусам. Мэта выдавецкай дзейнасці А. Неманцэвіча, як і мэты распаўсюджання неаўніі, паводле «Да Злучэння!», заключалася ў прасоўванні ідэі аб’яднання беларусаў на фундаменце веры і рэлігіі, а не на грунце нацыянальных і палітычных ідэй, як гэта прапаноўвалі выдаўцы шэрагу праваслаўнай і рыма-каталіцкай прэсы. Хоць «Да Злучэння!» прапаноўваў ідэі аб’яднання, але з акалічнасцю: на умовах падпарадкавання Рымскаму Папе. З умоў аб’яднання вынікае рэдакцыйная палітыка ў розным стаўленні да прадстаўнікоў іншых канфесій. Рэдакцыя часопіса часта ўступала ў палеміку з прадстаўнікамі рыма-каталіцтва і праваслаўя адносна пытання распаўсюджання неаўніі. Інструментам палемікі была рубрыка «Наш адказ», праз якую рэдакцыя вяла своеасаблівы дыялог з прадстаўнікамі іншых канфесій па пытаннях распаўсюджання царкоўнай уніі.

1. Верамееў, С. Ф. Антон Неманцэвіч. Святар і пакутнік / С. Ф. Верамееў. – Мінск : Альфа-кніга, 2023. – 50 с.
2. Да Злучэння! – 1932. – № 1.
3. Да Злучэння! – 1932. – № 3.
4. Да Злучэння! – 1932. – № 4–5.
5. Да Злучэння! – 1932. – № 9.
6. Да Злучэння! – 1932. – № 11.
7. Да Злучэння! – 1934. – № 7–8.
8. Да Злучэння! – 1934. – № 10.
9. Да Злучэння! – 1935. – № 2.
10. Туронак, Ю. Спробы адраджэння Уніяцкай царквы на Беларусі ў XX стагоддзі / Ю. Туронак // Мадэрная гісторыя Беларусі / Ю. Туронак. – Вільня : Інстытут беларусістыкі, 2008. – С. 430–449.

Ким И.К.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 1935 И 1938 ГОДОВ В ПОЛЬШЕ

Ключевые слова: Польша, режим санации, парламентские выборы 1935–1938 гг. в Польше, архивы, архивные материалы.

В архивах территорий, входивших в состав межвоенного польского государства, имеется достаточно большой объём документальных материалов о парламентских выборах в Польше, которые были проведены в соответствии с апрельской конституцией 1935 г. Конституция была типологически авторитарной, ей соответствовало избирательное законодательство, по которому оппозиция практически лишалась возможности

без одобрения властей быть представленной в парламенте. Главными оппозиционными партиями были правонационалистическое Стронництво народов (СН), центристское Польское стронництво христианской демократии (ПСХД), левоцентристское крестьянское Стронництво людове (СЛ) и левая Польская социалистическая партия (ППС).

Выборы осени 1935 г. прошли вскоре после принятия новой конституции и смерти основателя и лидера санационного режима Ю. Пилсудского, а также «декомпозиции» правящего лагеря и его политической организации – Беспартийного блока сотрудничества с правительством (ББВР). Это использовала оппозиция, организовав достаточно успешный бойкот выборов. Неучастие оппозиции в выборах превращало их в плебисцит о доверии санации, и главным показателем этого был процент принявших участие в выборах в сейм – 46,51 % [1, 10.IX.1935]. Выборы 1938 г. проходили в условиях Мюнхена и его последствий, поэтому внимание польского общества было привлечено к международной проблематике. Кроме того, санации удалось добиться некоторой консолидации правящего лагеря в рамках новой организации – Лагеря национального объединения (ОЗН). Результаты этих выборов оказались более благоприятными для режима – 67,1 % участвовавших в выборах в сейм [1, 18.XI.1938].

Изучая тему последних в межвоенной Польше выборов, автору удалось провести работу в восьми архивах стран, территории которых тогда входили в состав польского государства: Польши, Украины, Беларуси. Там был выявлен значительный объём неопубликованных материалов, которые освещали деятельность государственных властей разных уровней и местного самоуправления включая злоупотребления законом, отражали избирательную кампанию санационного лагеря и деятельность по бойкоту выборов оппозиционных партий.

Основные неопубликованные документы были выявлены в архивах Польши. В Варшаве это были Архив новых актов (ААН) и Государственный архив столицы Варшавы (АПмсВ), в Люблине – Государственный архив в Люблине (АПЛ), отдельные материалы были найдены в Национальном предприятии «Оссолинеум» во Вроцлаве. Документальные материалы были обнаружены также в собраниях документов по социальной истории в Национальной библиотеке в Варшаве.

Разнообразные и ценные сведения содержатся в ААН. В фонде Президиума Совета Министров (8) имеется переписка правительственных структур с нижестоящими властями относительно выборов, представлялись характеристики кандидатов в сенат в 1935 г. Значительный массив документов, освещающих выборы, находится в фонде МВД (9), в частности, в его социально-политического отдела. Сведения о выборах имеются в политических информационных сообщениях Политического отдела, а также в ежемесячных отчётах о польском легальном политическом движении, представляющих деятельность ББВР и ОЗН, основных оппозиционных партий. В фонде Бюро Сейма (5) содержится обширные материалы, в котором представлены протесты на выборы (организация их, проведение и подведение итогов) из 13 избирательных округов, а также возражения на них. На воеводском уровне в ААН представлены фонды отдельных воеводских управлений – Келецкого (1378), Львовского (1185), Лодзинского (1181), Познаньского (1384), Силезского (1385), Поморского (1383) и других. В них содержатся ежемесячные отчёты воеводских управлений о деятельности легальных партий, на основе которых составлялись отчёты МВД. Материалы ААН содержат документы о деятельности в выборах проправительственных ББВР (62) и ОЗН (70) и отношения к ним оппозиции – правонационалистического лагеря (1238), СЛ (247), ППС (114), а также в фондах Ю. и А. Пилсудских (106) и лидера ББВР В. Славека (365).

Материалы в АПмсВ о выборах были выявлены в нескольких фондах. Фонд Варшавского воеводского управления (475/II) содержит ежемесячные отчёты о деятельности политических сил в воеводстве с обзором политической прессы. Сведения

подобного характера содержатся в фонде Комиссариата правительства в Варшаве (72\1\0), относящиеся к польской столице. Документы Комендатуры государственной полиции (72\1904\0) освещают меры безопасности в ходе предвыборной кампании и выборов.

В АПЛ были найдены документы из фондов Люблинского воеводского управления (403), которые содержат информацию о предвыборной ситуации в воеводстве, переписке управления со старостами повятов, отчёты перед центром. Ряд материалов о выборах содержатся в фондах гродского староства (412) и города Люблин (22).

Некоторые материалы по выборам, главным образом мемуары, выявлены в Национальном предприятии им. Оссолиньских во Вроцлаве.

В Украине были изучены фонды архивов Центрального государственного исторического архива в Львове (ЦГИАЛ) и Львовского областного государственного архива (ЛОГА). В ряде фондов ЦГИАЛ документы отражают политическую ситуацию в Львовском воеводстве. Фонд ОЗН (522) описывает деятельность воеводской и низовых организаций этой проправительственной организации. В фондах Прокуратуры Апелляционного суда во Львове (205) и князя Любомирского (552) содержатся документы о противодействии властей бойкоту выборов оппозицией. Этому же посвящены и указания МВД в отдельном фонде (493). Деятельность окружной избирательной комиссии в Пшемышле раскрывают документы из её фонда (521).

В ЛОГА имеются важные материалы о выборах в фондах Львовского воеводского управления (1). Они содержат данные о деятельности властей воеводства по организации выборов и получении нужного властям результата, в том числе поощрении фальсификаций при проведении выборов и подведении их результатов. О деятельности властей низового уровня в воеводстве сообщают фонды Львовского повятового управления (7) и Львовского гродского староства (110).

В Беларуси в Государственном архиве Брестской области (ГАБО) были выявлены ценные материалы о выборах. В фонде Полесского воеводского управления (1) имеются отчёты управления центральным властям о политической ситуации в воеводстве и деятельности отдельных политических сил. Подобного рода материалы находятся в фонде Брестского повятового староства (2). Об отношении оппозиционных партий воеводства к выборам, а также репрессиях в отношении них сообщают материалы фондов политических партий Полесского воеводства (116), Полесской комендатуры государственной полиции (92) и концентрационного лагеря в Березе-Картузской (98). Интересные материалы содержатся в фонде командования военного округа IX в Бресте (67), показывающие, что военные власти внимательно следили за подготовкой и проведением выборов, влияли на настроения в армии и обществе в процессе выборов. Особый интерес представляют документы из фонда участковых избирательных комиссий в воеводстве по выборам (493) о конкретной деятельности комиссий, включая нарушения закона и связанных с этим конфликтов.

Некоторые материалы о положении в Польше и выборам находятся в Центре хранения современной документации в Москве в бюллетенях ТАСС из фонда этого агентства (4459).

На основе материалов о парламентских выборах 1935 и 1938 гг. в Польше, собранных в архивах разных стран, у автора имеются публикации по теме как общего характера [2], так и по отдельным проблемам: о деятельности государственных органов во время выборов [3], избирательных процедурах и нарушениях избирательного законодательства [4], выборах в этнически польских воеводствах [5] и восточных землях [6]. Материалы этих статей входят в готовящуюся к печати монографию. При этом автор осознаёт желательность расширения архивных поисков, чтобы полнее отразить региональные особенности проведения выборов, например, в Великой Польше, Малой

Польше, Силезии. Но уже имеющийся архивный материал позволяет раскрыть особенности организации и проведения выборов.

1. Monitor Polski.
2. Ким, И. К. Лагерь «санации» и парламентские выборы 1938 г. в Польше / И. К. Ким // Советское славяноведение. – М. : Наука, 1986. – № 6. – С. 31–42; Ким, И. К. Политическая борьба в Польше накануне Второй мировой войны (1936–1939) / И. К. Ким. – Волгоград : ООО «Изд-во Волгоград», 2003. – С. 72–106; Ким, И. К. Санационные власти в парламентских выборах 1935 года в Польше / И. К. Ким // Славяноведение. – М., Наука, 2011. – № 5. – С. 3–13.
3. Ким, И. К. Деятельность высших государственных институтов по организации парламентских выборов 1935 и 1938 годов в Польше / И. К. Ким // Российско-польский исторический альманах. Вып. II. – Ставрополь-Волгоград : Изд-во СГУ, 2007. – С. 190–204 и другие.
4. Kim, I. Sprawa wysunięcia kandydatów na posłów i senatorów w wyborach 1935 roku (w świetle relacji i listów do Walerego Ślawka) / I. Kim // Prace historyczno-archiwalne. – Tom XVIII. – Rzeszów : Archiwum Państwowe w Rzeszowie, 2006. – S. 109–122; Ким, И. К. Избирательные собрания в парламентских выборах 1935 года в Польше (по материалам проправительственного лагеря) / И. К. Ким // Российско-польский исторический альманах. Вып. I. – Ставрополь-Волгоград-Пятигорск : ПГЛУ, 2006. – С. 175–195; Kim, I. Nadużycia prawa podczas kampanii wyborczej i wyborów do Sejmu w 1938 roku. Analiza protestów wyborczych / I. Kim // Czasopismo Prawno-Historyczne. – Poznań. – Tom LVII. Zeszyt. 1. – 2005. – S. 257–281; Ким, И. К. Контент-анализ возражений на протесты по выборам в Сейм 1938 г. в Польше / И. К. Ким // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия Социально-политические науки и искусство. – Волгоград. – 2006. – № 2(15). – С. 67–73; Ким, И. К. Злоупотребления властей на парламентских выборах 1935 и 1938 годов в Польше (по архивным документам) / И. К. Ким // Гуманитарные и юридические исследования. – Ставрополь. – 2024. – № 1. – С. 85–96.
5. Kim, I. Działania władz administracyjnych województwa lubelskiego podczas wyborów parlamentarnych 1935 i 1938 roku / I. Kim // Z dziejów regionów Europy Środkowo-Wschodniej w XIX i XX w. – Rzeszów : Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2008. – S. 262–274; Kim, I. Wybory parlamentarne na Rzeszowszczyźnie w 1935 roku / I. Kim // Historia i dziedzictwo regionów w Europie Środkowo-Wschodniej w XIX i XX w. – Rzeszów : Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2011. – S. 520–536 и другие.
6. Kim, I. Obóz prorządowy w wyborach parlamentarnych lat 1935 i 1938 we Lwowie / I. Kim // Львів: місто-суспільство-культура : зб. наук. прац. – Львів : Львівський національний університет імені Івана Франка, 2012. – Том 8. Частина 1: Влада і суспільство [Вісник Львівського університету. Серія історична. Спеціальний випуск. 2012]. – С. 163–170; Kim, I. Wybory parlamentarne w okręgu lwowskim w 1938 roku / I. Kim // Wrocławskie Studia Wschodnie. – 2013. – Nr 17. – S. 95–114; Kim, I. Wybory sejmowe w 1938 r. na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej / I. Kim // Obszary zgody czy konfliktu? Kresy Północno-Wschodnie II Rzeczypospolitej. – Białystok-Kraków : Avalon, 2014. – S. 147–166; Ким, И. К. Парламентские выборы 1935 г. в Волынском воеводстве / И. К. Ким // Волинь і волиняни у Другій світовій війні : зб. наук. пр. за матеріалами I Міжнар. наук.-практ. конф., присвяч. подіям Другої світової війни на території Волин. обл. – Луцьк, 2012. – С. 54–60; Ким, И. К. Парламентские выборы в западнобелорусских землях Польши в период действия апрельской конституции 1935 года / И. К. Ким // Актуальные проблемы паланістыкі. 2009 / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. – Мінск : Права і эканоміка, 2009. – С. 123–130; Ким, И. К. Парламентские выборы 1935 года в Полесском воеводстве / И. К. Ким // Гістарычная брама. Гісторыя і культура Палесся. – Пінск, 2009. – № 1(24). – С. 42–51; Ким, И. К. Польские политические силы и власти в парламентских выборах 1938 года в Полесском воеводстве / И. К. Ким // Гістарычная Брама. Гісторыя і культура Палесся. – Пінск, 2010. – № 1(25). – С. 39–48.

Филимончик С.Н.

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КП(б)
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР Г.Н. КУПРИЯНОВА
КАК ИСТОЧНИК О ФОРМИРОВАНИИ ПАРТИЙНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ
ПРЕДВОЕННОЙ ЭПОХИ**

Ключевые слова: ВКП(б), Карелия, секретарь обкома, Коммунистический университет, номенклатура, ленинградское дело.

Геннадий Николаевич Куприянов (1905–1979) в 1938–1940 гг. работал первым секретарем Карельского обкома ВКП(б), в 1940–1950 гг. первым секретарем ЦК КП(б) и Петрозаводского горкома КП(б) Карело-Финской ССР. В 1939–1952 гг. он являлся кандидатом в члены ЦК ВКП(б), в 1937–1950 гг. – депутатом Верховного Совета СССР 1–2 созывов. В годы Великой Отечественной войны Куприянов – член Военного совета Карельского фронта, в декабре 1942 г. ему присвоено воинское звание генерал-майора. За 12 лет работы в Карелии Куприянов получил 15 государственных наград, в том числе ордена Ленина (дважды), Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отече-

ственной войны 2-й степени. Успешная карьера политика прервалась в одночасье: 17 марта 1950 г. Куприянов был арестован по ленинградскому делу, провел в тюрьме 6 лет и был освобожден буквально на следующий день после секретного доклада Хрущева на XX съезде КПСС.

Несмотря на то, что Г.Н. Куприянов являлся руководителем Карелии 12 трудных лет, на которые пришлась советско-финляндская война, Великая Отечественная война, послевоенное возрождение шестнадцатой союзной республики, жизнь и деятельность этого политика исследована в Карелии пока недостаточно. Первопроходцем в изучении его биографии выступил писатель Анатолий Алексеевич Гордиенко, в 2010 г. издавший книгу «Куприянов и его время». Историки благодарны А.А. Гордиенко за добросовестный и, по словам профессора С.Г. Веригина, «тяжелый труд» [1, с. 446]. Следует признать, что многие рассекреченные документы личного фонда Куприянова в Национальном архиве Республики Карелия, пока не введены в научный оборот. В целом деятельность Карельской областной организации РКП(б)/ВКП(б) в постсоветское время сместились на периферию исследовательских интересов.

В личном фонде политика хранятся автобиография Куприянова (1973), а также два блока эго-документов, освещающих довоенный период его жизни. Один из них – это рукопись неизданных воспоминаний «Так было», над которыми Куприянов работал в 1953–1956 гг. Желание рассказать о прожитой жизни пришло к опальному политику в 1952 г. в Лефортовской тюрьме. Позади были два года следствия, «комедия суда» [4, л. 2] и приговор – 25 лет лагерей, в 1954 г. срок был сокращен до 10 лет. Писать начал в Воркуте, но эти записи не сохранились, их отобрали перед этапом в Москву. Вернулся к работе в одиночной камере Владимирской особой тюрьмы МГБ СССР, чтобы противостоять безысходной тоске [4, л. 3]. Автор готов был признать несовершенство литературного стиля, но в верности своих суждений не сомневался: «Я не литератор, знаю, что литературные качества моих записок ничтожны. Но факты и выводы верны» [5, л. 147]. В тюрьме Куприянов вел дневник, в котором фиксировал условия содержания, тюремный быт. Дневник позволяет уточнить ход работы Куприянова над воспоминаниями. Он писал их с перерывами, так как подолгу не давали бумаги и чернил, а написанные фрагменты отбирали. В 1954 г. режим стал легче, помогали посылки и денежные переводы от сестры Пани и младших братьев Константина и Владимира. Однако работу прерывали суровые наказания за строптивость в отношениях с персоналом тюрьмы и многочисленные жалобы в вышестоящие инстанции. Так, за несдержанные высказывания в адрес администрации заключенного избили и поместили без теплой одежды на 10 дней в карцер, где температура не превышала 5 градусов [6, л. 287]. В 1955 г. он в течение полугода находился на принудительном лечении в психиатрической больнице. В этих условиях менялось настроение заключенного: ему казалось, что жить осталось недолго, поэтому надо спешить. Автор планировал осветить в книге всю жизнь до ареста, но написаны были два тома, охватывающие 1911–1925 гг. В горестную пору он сконцентрировался на воспоминаниях о матери, сестре и братьях, жизни в родной деревне, память о детстве и юности давала определенную поддержку.

К описанию своей политической деятельности Г.Н. Куприянов приступил, когда был реабилитирован, восстановлен в партии. В 1957 г. ему вернули звание генерала и ордена. В Национальном архиве Карелии хранятся фрагменты воспоминаний, написанных в 1960-х гг.: «Учеба в комвузе», «Перед войной», «Советско-финляндский конфликт» и др. После реабилитации автор имел возможность работать в архивах и библиотеках, готовил к изданию книги о Великой Отечественной войне в Карелии. Отношение руководителей Карелии и части бывших сослуживцев в Куприянову было настороженным, что его безмерно раздражало. Тем не менее, он приезжал в Карелию,

участвовал в праздновании юбилеев Победы, поддерживал связи с фронтовыми товарищами, выступал перед студентами Петрозаводского университета.

В данном исследовании использованы эго-документы, созданные в период тюремного заключения, и в годы целенаправленной литературной работы после реабилитации. На основе анализа этих материалов автор статьи попыталась осветить путь Куприянова в политику и на его примере показать, как формировалась высшая управленческая элита Карелии предвоенного времени.

Г.Н. Куприянов вырос в деревне Рыло Солигаличского уезда Костромской губернии. Семья была большой: родители растили шестерых детей, еще восемь детей похоронили в раннем возрасте. Детство было малорадостным – частый голод, нищета, отец избивал мать на глазах детей. Лучшие годы были связаны с учебой в начальном и ремесленном училищах. С 13 лет подросток работал с отцом на подрядах в плотничьей артели, к 20 годам он успешно овладел плотничьим ремеслом и с ним связывал свое будущее. Мечтой даже в сравнении с приятелями плохо одетого подростка было купить «брюки, пиджачишко и штиблеты»: «О них я думал постоянно, видел их во сне» [7, л. 350].

Изменило жизнь Куприянова вступление в 1921 г. в комсомол. Его направили в ЧОН, а потом агитатором и политруком на курсы допризывников. Куприянов пишет, что его боевое крещение как агитатора состоялось 1 мая 1924 г. Чтобы подготовить доклад о празднике 1 Мая, он взял главу книги Коваленко «Первый Интернационал и Парижская коммуна» и выучил её наизусть. Доклад получился блестящим, хотя докладчик признавал, что сам не понимал многого из того, что говорил [8, л. 442].

В 1925 г. активного комсомольца направили в Кострому в совпартшколу, по окончании которой он вернулся в Солигалич, работал учителем обществоведения в школе 2-й ступени, через два года стал заведующим районным отделом народного образования. В это время Куприянов вел большую политико-просветительскую работу: руководил кружком по изучению ленинизма, ездил по деревням с докладами о решениях XV съезда ВКП(б), о международном положении. После чистки госаппарата в 1929 г. он был выдвинут на советскую работу, а в 1931 г. – на партийную. Куприянов ответственно и без колебаний исполнял самые трудные задания райкома ВКП(б): много раз был уполномоченным по хлебозаготовкам, а в 1930 г. активно участвовал в организации колхозов [2, л. 20]. Рьяная поддержка коллективизации давала молодежи пропуск к карьерной лестнице.

При чтении воспоминаний Куприянова поражает такая черта его характера как напористость. В 1925 г. крестьяне родного села отправили 20-летнего Геннадия в Кострому отстаивать интересы общинников в земельном споре с отрубниками. Он никогда не видел ни железной дороги, ни губернского города, но поехал в Кострому, добился приема у заместителя прокурора [9, л. 459–471]. В 1929 г., когда сгорело здание детдома в с. Верховье, заведующий РОНО Куприянов поехал по своей инициативе (в тексте – самовольно) в Москву к А. В. Луначарскому. Адрес Наркомата просвещения узнал в Москве у постового милиционера, пришел к наркому, так сказать, с улицы, и что удивительно, был им принят. Луначарский расспрашивал об учебе в совпартшколе, о том, что молодой учитель читает, какие вопросы задают на уроках школьники. Требуемые 5 тыс. руб. на восстановление сельского детдома Наркомпросом были выделены.

В 1932 г. Куприянов, понимая, как важно сейчас для карьеры образование, принял решительный шаг. Имея семью и двоих детей, он уехал в Ленинград, и, преодолев организационные нестыковки, поступил в Коммунистический университет имени Сталина. Учеба проходила в Таврическом дворце, где в свое время заседали Дума, Учредительное собрание. Общеобразовательные предметы преподавали в основном

профессора классического университета, общественные дисциплины – именитые марксисты, авторы учебников. У комвуза была богатая библиотека, прекрасные кабинеты для самостоятельной работы. Мемуарист отмечал: «Университет дал мне очень много» [10, л. 46]. Воспоминания Куприянова хорошо показывают, какие большие ресурсы были задействованы для обучения выдвиженцев, поддержавших в конце 1920-х гг. генеральный курс правящей партии.

Еще до окончания учебы Куприянов был направлен инструктором печати в Дзержинский райком Ленинграда, и благодаря этой должности познакомился с поэтами Н. Тихоновым, А. Прокофьевым, О. Берггольц и другими представителями творческой интеллигенции северной столицы. Еще важнее оказались знакомства в номенклатурной среде. Вторым секретарем Дзержинского райкома работал Алексей Александрович Кузнецов. Они были ровесниками – обоим по 30 лет, да и характерами сошлись. Куприянов пишет: «Мы как-то быстро с ним подружились... вместе проводили выходные, ездили за город кататься на лыжах» [10, л. 49].

Катализатором дальнейшей карьеры стала «ежовщина». В ноябре 1937 г. он был переведен в Куйбышевский райком в качестве 2-го секретаря. Проработав 20 дней, был избран первым секретарем после ареста предшественника.

Когда Куприянов стал секретарем Куйбышевского райкома, Кузнецов уже занимал ответственный пост секретаря Ленинградского обкома партии. 16 июня 1938 г. он позвонил и срочно вызвал Куприянова в Смольный: «Поздравляю! Тебя назначили секретарем Карельского обкома». В Смольном Кузнецов вручил Куприянову железнодорожный билет на поезд в Петрозаводск, отходящий через 40 минут, несколько пачек «Казбека» и велел позвонить жене, предупредить об отъезде [3, л. 4, 5]. В дороге Куприянов всю ночь не сомкнул глаз. Ему было всего 32 года, ни по управленческому опыту, ни по политическому весу он не соответствовал новой высокой должности.

К тому времени прежних высших управленцев Карелии обвинили в потворстве троцкизму и национализму и расстреляли. Массовые аресты управленческих кадров подрывали устойчивость властных структур. Куприянов вспоминал, что его послали в Карелию остановить огульные расправы над коммунистами, и этой линии он старался следовать. Однако мемуарист замалчивал, что его работа в КАССР началась в условиях репрессий, и он активно участвовал в работе тройки, рассматривавшей дела арестованных по национальным операциям.

В конце 1938 – первой половине 1939 г. основные властные полномочия были возвращены партийным органам. При поддержке первого секретаря обкома в политическую элиту Карелии вошла новая группа выдвиженцев. Г.Н. Куприянов и его соратники получили хорошее образование, в основном в вузах, готовивших партийных и советских работников, успели обзавестись покровителями в номенклатурной среде и никак не были связаны с внутрипартийными оппозициями, поэтому Сталин мог полагаться на их полную лояльность.

1. Гордиенко, А. А. Куприянов и его время / А. А. Гордиенко. – Петрозаводск : Карелия, 2010. – 447 с.

2. Национальный архив Республики Карелия (НАРК). – Ф. 3435. Оп. 1. Д. 1.

3. НАРК. – Ф. 3435. Оп. 1. Д. 18.

4. НАРК. – Ф. 3435. Оп. 2. Д. 1.

5. НАРК. – Ф. 3435. Оп. 2. Д. 2.

6. НАРК. – Ф. 3435. Оп. 2. Д. 7.

7. НАРК. – Ф. 3435. Оп. 2. Д. 8.

8. НАРК. – Ф. 3435. Оп. 2. Д. 9.

9. НАРК. – Ф. 3435. Оп. 2. Д. 10.

10. НАРК. – Ф. 3435. Оп. 2. Д. 196. Тетрадь 4.

Чепик В.Н.
АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
О ПЛАНЕ МАРШАЛЛА

Ключевые слова: европейская интеграция, план Маршалла, ОЕЭС, германский вопрос.

В настоящее время благодаря доступу к источникам «Виртуального центра по изучению Европы» открывается возможность рассмотреть одну из малоизвестных сторон американского плана по оказанию финансовой и экономической помощи Европе и оценить роль Соединенных Штатов на начальном этапе реализации интеграционного проекта под названием – Европейский Союз. Среди используемых источников различного происхождения важное место занимает публицистика. Анализ документов позволяет выявить подходы к организации послевоенного сотрудничества в Европе, проследить реакцию на выдвинутое Соединенными Штатами условие по предоставлению экономической помощи послевоенной Европе как среди политиков, так и общественности европейских стран, в том числе СССР.

Документы содержат как общеизвестную информацию о плане, представленном госсекретарем США Джорджем К. Маршаллом в своем выступлении 5 июня 1947 г. в Гарвардском университете (штат Массачусетс), так и малоизвестные факты. В частности, план Маршалла расценивается как программа структурного восстановления, преследующего экономические и политические цели. Они направлены на защиту как собственно американских национальных интересов, так и на решение задач по предотвращению распространения коммунизма в странах Центральной, Северной и Западной Европы. Дж. Маршалл предложил предоставить экономическую и финансовую помощь всем странам Европы при условии более тесного европейского сотрудничества [9].

Сущность такого сотрудничества раскрыл Пол Г. Хоффман, назначенный президентом США Г. Трумэном администратором плана Маршалла. Он призвал европейцев научиться думать по-другому и адаптировать свои взгляды и национальные интересы. «Европа прежде всего нуждается в международной организации, которая гарантировала бы, что такое экономическое сотрудничество будет содержательным и успешным», – утверждал П. Хоффман [6]. Он также предлагал «упразднить в разумной мере границы, которые на протяжении веков делили Европу на экономически бессмысленные части»; выражал надежду на то, что в отдаленной перспективе европейские народы примут общий язык и договорятся об общей валюте, а в ближайшей перспективе рассчитывал на скорый прогресс в области свободного перемещения товаров и граждан между странами. «Возможно, пройдет еще много времени, прежде чем мы сможем приветствовать Соединенные Штаты Европы», – заявлял П. Хоффман [6].

Следуя рекомендациям США, 16 апреля 1948 г. в Париже 16 стран подписали Конвенцию о создании Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС). Западная Германия и Свободная территория Триест присоединились к организации в 1949 г. Колонии и заморские территории стран ОЕЭС были представлены своими метрополиями, в качестве ассоциированных членов с организацией сотрудничали также Соединенные Штаты и Канада.

Правительства 16 европейских стран также по призыву из США разработали собственную программу восстановления. Программа базировалась на четырех пунктах:

- 1) Активизация производства в каждой из стран-участниц.
- 2) Обеспечение внутренней финансовой стабильности каждой страной.
- 3) Максимальное и непрерывное сотрудничество между странами-участницами.

4) Решение проблемы торгового дефицита стран-участниц за счет увеличения европейского экспорта в Северную и Южную Америку.

С целью «защиты своих свободных институтов от тоталитарного давления и для содействия улучшению условий жизни» европейские страны-участницы договорились принять меры по финансовой, экономической и валютной стабилизации, снижению торговых барьеров, устранению препятствий на пути свободного передвижения граждан внутри Европы, а также по совместному использованию общих ресурсов [5].

Выступая 22 сентября 1947 г., в заключительный день Парижской конференции по европейскому экономическому сотрудничеству, министр иностранных дел Великобритании Эрнест Бевин заявлял о планах по максимально полному использованию европейских ресурсов в Европе в связи с необходимостью поддержания и увеличения экспорта [1]. Британский премьер-министр Энтони Иден выражался уже более конкретно. Он настаивал, чтобы любое соглашение, которое могло быть достигнуто по предложениям Маршалла, не исключало Германию или, по крайней мере, три западные зоны. По его словам, угольным шахтам Рура, составлявшим наряду с другими отраслями германской промышленности сердце европейского хозяйства, нужно было предоставить возможность сыграть свою роль в деле восстановления. В то же время прекрасно понимая, что решение о включении западных зон Германии в европейский экономический порядок будет иметь серьезные политические последствия, он призвал всех «смириться с этим решением» [7].

В меморандуме Исполнительного совета Международной торговой палаты от 25 февраля 1948 г. отмечалось, что без Германии Европа не сможет достичь оптимальных показателей. Поэтому и стояла задача решения германского вопроса и реинтеграции ее в европейскую экономику, «уделяя при этом должное внимание вопросам безопасности». В заключительной части меморандума с пафосом заявлялось, что «план восстановления Европы – это, прежде всего, план мира». Его цель состояла ни много ни мало в том, чтобы «создать в Европе условия, которые приведут к процветанию вместо бедности, стабильности вместо неопределенности, процветанию торговли вместо изоляции и упадка, экономической мощи вместо слабости и единству вместо раздора» [4].

В самой Германии в 1949 г. во время формирования федерального правительства, также решили создать специальное федеральное министерство для осуществления плана Маршалла и продолжения сотрудничества в рамках ОЕЭС. Правительство ФРГ осознавало, что принятие «помощи Маршалла» повлечет за собой обязательство не только развивать свой собственный потенциал, но и работать на благо Европы. С помощью собственной экономической политики она рассчитывала «вновь стать полезной частью европейской экономики» и «желанным партнером для других стран» [2]. На завершающем этапе реализации плана Маршалла при обсуждении на Совете планов повышения экономического роста, представитель Германии заявил, что успешное восстановление экономики Германии одновременно способствовало развитию европейских экономических связей, а активность федерального правительства в ОЕЭС способствовала созданию и повышению эффективности Европейского объединения угля и стали [2].

Во Франции также рассматривали план Маршалла как основу для перехода к дальнейшей интеграции. Так, уже в апреле 1948 г. Жан Монне, участвуя в переговорах в Вашингтоне о распределении материальной и финансовой помощи Европе по плану Маршалла писал Роберту Шуману о необходимости создания европейской федерации. Он настаивал на том, чтобы усилия западноевропейских стран по противодействию существовавшим вызовам, должны были стать подлинно европейскими, а их реализация была возможна только в рамках Западной Федерации [3].

В этот же период формируется негативная оценка интеграционных процессов на Западе со стороны СССР. Советские возражения против плана Маршалла были выска-

заны в заявлении министра иностранных дел В.М. Молотова на заключительном заседании конференции трех держав 2 июля 1947 г. В частности, он заявлял, что вопрос об американской экономической помощи дал повод английскому и французскому правительствам добиваться создания новой организации, стоящей над странами Европы и вмешивающейся в их внутренние дела вплоть до определения той линии развития, по которой должны развиваться основные отрасли промышленности в этих странах. Великобритания же и Франция вместе с близкими к ним странами претендовали на главенствующее положение в этой организации или в так называемом «Руководящем комитете» по Европе, как он был назван в британском проекте. Исходя из тех задач, которые ставились перед этой организацией или перед «Руководящим комитетом», ясно вытекало, что европейские страны оказались бы под контролем и потеряли бы свою прежнюю экономическую и национальную самостоятельность.

Советская делегация призвала отдавать предпочтение «национальным усилиям каждой страны» и рассчитывать прежде всего на свои собственные силы. В.М. Молотов доказывал, что форма сотрудничества, предлагавшаяся СССР основана на развитии политических и экономических отношений между государствами, обладающими равными правами и в таком случае их национальный суверенитет не пострадал бы от иностранного вмешательства. Такова демократическая основа международного сотрудничества, сближающая народы и облегчающая задачу их взаимопомощи. План же Маршалла закреплял «преобладающее положение одной или нескольких сильных держав по отношению к другим странам, которые скатываются в положение подчиненных стран, лишенных своей независимости» [8].

Более того, по словам советского министра, англо-французский план, предусматривавший создание особой организации для координации экономик европейских государств, привел бы к вмешательству во внутренние дела европейских стран, особенно тех, которые больше всего нуждались в помощи извне. Все это могло только осложнить отношения между странами Европы и затруднить их сотрудничество.

Особое внимание в СССР обратили на тот факт, что франко-английские предложения ставили вопрос о Германии и ее ресурсах, игнорируя «обоснованные репарационные требования тех союзных стран, которые пострадали от германской агрессии» и «не проявляя особой заботы о тех странах, которые понесли наибольшие потери во время войны», и «внесли важный вклад в победу союзников» [8]. В.М. Молотов предвидел, что политика Англии, Франции и следующих за ними группы стран (имеются ввиду страны, поддержавшие план Маршалла) разделит Европу на две группы государств и создаст новые трудности в отношениях между ними. В заключение своего доклада он сделал пророческий вывод о том, что американские кредиты послужат «не для облегчения экономического подъема Европы, а для того, чтобы использовать одни европейские страны против других европейских стран так, как это было бы выгодно некоторым сильным державам, стремящимся установить свое господство», – утверждал министр иностранных дел СССР [8].

Интересна с точки зрения оценки сложившейся ситуации в Европе с позиции СССР и статья, опубликованная в газете «Правда» в январе 1949 г. Автор констатирует, что Европа разошлась в программах восстановления по двум направлениям. С одной стороны, «занятые работой капиталисты, а с другой – строители социализма». Самым значимым событием года в Западной Европе, по мнению автора, стал приезд американских бизнесменов. Далее советскую оценку плана Маршалла красноречиво описывает следующий отрывок: «Джордж К. Маршалл, Пол Г. Хоффман и Аверелл Гарриман поставили пьесу для народов капиталистических стран, пародию на легенду, в которой славяне призывали на помощь Рюрика, Синеуса и Трувора. ... Этих трех выдающихся американцев действительно зовет в Европу буржуазия, оглушительные крики капита-

листических страданий. Они признают, что наша земля велика и плодородна, но везде беспорядок, и даже наших усилий недостаточно, чтобы все исправить. Приходите и восстановите нас к экономическому, финансовому и политическому порядку!

Эти завоеватели Европы пересекли океан во главе армии, держащей в руках калькуляторы и бухгалтерские книги. Это были не крестоносцы, а бизнесмены, воины из банков и фондовых рынков, рыцари спекуляции и мошенничества. Бизнес – это американское слово, означающее коммерческую деятельность, обогащение, прибыль и прибыль, не более того!» [10].

Таким образом, в послевоенной Европе очевидным было отсутствие перспектив для сотрудничества государств с различными общественно-политическими системами. Согласно документам, программа американской помощи по восстановлению Европы была разработана для реализации задачи по сдерживанию коммунизма. План Маршалла использовался для сплочения Запада и превратился в одно из средств ведения холодной войны. С другой стороны, американский план помощи способствовал началу практической реализации идеи объединения Европы, что вызвало негативную оценку со стороны Советского Союза не только американского плана как разделившего Европу на две части, но и последующих интеграционных процессов в Западной Европе, которые только углубляли раскол и не способствовали решению германского вопроса и прекращению холодной войны.

1. Address given by Ernest Bevin (Paris, 22 September 1947) / Archives historiques des Communautés européennes, Florence, Villa IIPoggiolo. Dépôts, DEP. Organisation de coopération et de développement économiques, OECD. Committee for European Economic Co-operation, CEEC. – URL: http://www.cvce.eu/obj/address_given_by_ernest_bevin_paris_22_september_1947-en-1d48d82c-c48e-4668-be3c-d5ba3638980c.html (date of access: 19.01.2025).

2. Franz Blücher, Service to Germany and Europe / Blücher, Franz. Dienst an Deutschland und Europa, 4 Jahre Bundesministerium für den Marshall plan. Bad Godesberg: 1953. – 15 S. – URL: http://www.cvce.eu/obj/franz_blucher_service_to_germany_and_europe-en-4b299f56-096e-4a14-89b2-63b6d6e1d2ba.html (date of access: 19.01.2025).

3. Letter from Jean Monnet to Robert Schuman (18 April 1948) / Jean Monnet, Robert Schuman, Correspondance 1947–1953. Lausanne: Fondation Jean Monnet pour l'Europe, Centre de recherches européennes, 1986. – P. 35–38. – URL: http://www.cvce.eu/obj/letter_from_jean_monnet_to_robert_schuman_18_april_1948-en-571914fa-e531-4d94-aa28-e550388ff8f5.html (date of access: 19.01.2025).

4. Memorandum from the Executive Board of the International Chamber of Commerce (The Hague, 25 February 1948) / Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, Amsterdam. NVV - J.G. van Wouwe 1945–1973. – URL: http://www.cvce.eu/obj/memorandum_from_the_executive_board_of_the_international_chamber_of_commerce_the_hague_25_february_1948-en-43b96688-2ed7-4d3e-9565-3a42a5ded81.html (date of access: 19.01.2025).

5. Message from US President Harry S. Truman to Congress (19 December 1947) / Department of State (Ed.). A Decade of American Foreign Policy, Basic Documents 1941–1949. – Washington : Department of State Printing Office, 1985. – P. 820–831. – URL: http://www.cvce.eu/obj/message_from_us_president_harry_s_truman_to_congress_19_december_1947-en-0b40df48-0bab-4866-8845-1a090ee06eb5.html (date of access: 19.01.2025).

6. Hoffmann, Paul G. On the subject of the European Economic Community / Süddeutsche Zeitung. 09.04.1949, № 42. – P. 11. – URL: http://www.cvce.eu/obj/on_the_subject_of_the_european_economic_community_from_the_suddeutsche_zeitung_9_april_1949-en-7f4ca0c9-0a3f-42bc-b998-ec0f6c21dba7.html (date of access: 19.01.2025).

7. 'Rescuing Europe from chaos' / Le Carrefour. 23.07.1947 // Eden, Anthony "Pour tirer l'Europe du chaos", – P. 1, 2. – URL: http://www.cvce.eu/obj/rescuing_europe_from_chaos_from_le_carrefour_23_july_1947-en-3788752d-e6d2-4e02-8ad1-31b94b2bfc5a.html (date of access: 19.01.2025).

8. Statement by Molotov (Paris, 2 July 1947) / Department of State (Ed.). A Decade of American Foreign Policy, Basic Documents 1941–1949. – Washington : Department of State Printing Office, 1985. – P. 807–809. – URL: http://www.cvce.eu/obj/statement_by_molotov_paris_2_july_1947-enf692bc11-0049-4b78-ba99-bc0ac81aede8.html (date of access: 19.01.2025).

9. The Marshall Plan and the establishment of the OEEC / CVCE. – URL: http://www.cvce.eu/obj/the_marshall_plan_and_the_establishment_of_the_oeece-en-7cbc25dd-0c8d-49b1-924c-53edb2a59248.html (date of access: 19.01.2025).

10. Zaslavskii D. 'Two worlds, two paths' / Pravda. – Moskva. – 01.01.1949, № 1. – P. 3. – URL: http://www.cvce.eu/obj/two_worlds_two_paths_from_pravda_1_january_1949-enb534b250-2ae0-4ce7-98db-0f73cf0b5c0b.html (date of access: 19.01.2025).

Величко Н.В.
ДОКУМЕНТЫ ГА РФ ПО ПОЛИТИКЕ СВАГ
В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В 1945–1948 гг.

Ключевые слова: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Советская военная администрация в Германии (СВАГ), Отдел народного образования советской военной администрации (ОНО СВАГ), Центральное немецкое управление народного образования (ЦНУНО), советская оккупационная зона (СОЗ).

В июне 1945 г. была создана Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Документы о деятельности СВАГ содержатся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), а также ряда ведомственных архивов (фонды Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ), Архива президента Российской Федерации (АП РФ)). Обширный комплекс немецких документов, содержащий информацию государственного уровня, в основном находится в Федеральном архиве г. Берлина. Его дополняют материалы земельных архивов.

Основная масса источников по политике СВАГ в сфере высшего образования и науки представлена документами ГА РФ. Центральным фондом является Р-7317, описи 54 и 55, отражающие деятельность Отдела народного образования СВАГ (ОНО СВАГ), образованного на основе Приказа № 05 Главного начальствующего СВАГ от 10 июля 1945 г. Его дополняют документы фондов Р-7077, Р-7103, Р-7133, Р-7184 и Р-7212, касающиеся деятельности Управлений СВАГ соответственно земель Бранденбурга, Мекленбурга, Саксонии-Ангальт, Тюрингии и Саксонии. Определённый интерес вызывают материалы фонда Р-7408 «Издательство газеты «Теглихе Рундшау» Советской военной администрации в Германии (1945–1950)».

Документы вышеуказанных фондов ГА РФ охватывают не только сферу образования и науки в советской оккупационной зоне (СОЗ), но и в целом культурную политику СВАГ. Материалы, связанные с политическими решениями советского руководства по Германии, содержатся в архиве по-минимуму, что объясняется организацией служебного делопроизводства СВАГ, включавшей в том числе возврат либо уничтожение директивных документов вышестоящих советских инстанций. Кроме того, многие указания Москвы в сфере внешней культурной политики не оформлялись документально.

Материалы ГА РФ по политике СВАГ в сфере высшего образования и науки частично представлены нормативными, директивно-распорядительными актами советской оккупационной власти, однако большая часть – это документы делового характера и различная служебная переписка.

4 сентября 1945 г. СВАГ издала приказ № 50 о подготовке к началу учебного процесса в вузах и об установлении контроля за их деятельностью (оглашён 15 сентября). Согласно приказу СВАГ № 17 от 27 июля 1945 г., 12 сентября 1945 г. было создано Центральное немецкое управление народного образования (ЦНУНО) как вспомогательный орган СВАГ во всех областях пропаганды, воспитания, молодёжной политики, образования, науки и искусства. С 30 сентября 1945 г. ЦНУНО учреждало порядок приёма в университеты.

15 октября 1945 г. возобновил учебный процесс университет имени Ф. Шиллера в Йене, в январе-феврале 1946 г. – университеты Берлина, Галле-Виттенберга, Лейпцига, Грейфсвальда, Ростока, а также Горная академия во Фрейберге. 25 мая 1946 г. в Веймаре был открыт государственный институт музыкального искусства. 1 сентября 1946 г.

возобновил работу Веймарский институт архитектуры и изобразительного искусства, 1 октября того же года – Дрезденский технический институт и Лейпцигский институт музыки, 17 апреля 1947 г. – институты искусств, Академия изобразительного искусства и Институт ремёсел в Дрездене. 14 июня 1947 г. был основан Институт прикладного искусства в Берлине-Вейсензее, а 28 ноября – Германская академия управления в СОЗ.

Уже весной 1946 г. ОНО СВАГ провел проверку деятельности Берлинского университета, в результате которой был вскрыт ряд недостатков. По результатам проверки начальнику Немецкого управления по народному образованию П. Ванделю было объявлено строгое замечание и вынесен ряд рекомендаций [7, л. 48].

Ряд недостатков в деятельности Галльского университета был отражён в «Докладной записке начальника отдела пропаганды УСВА провинции Саксония В.М. Демидова начальнику Управления пропаганды СВАГ С.И. Тюльпанову и начальнику УСВА провинции Саксония В.И. Кузнецову о настроениях интеллигенции» от 12 апреля 1946 г. [1, л. 305–311]. В данном документе подверглись критике и студенчество, и профессорско-преподавательский состав.

В рамках денацификации и демократизации послевоенной Германии и с учётом выявленных недостатков в работе Берлинского и Галльского университетов Союзный Контрольный Совет (СКС) издал директиву № 32 от 26 июня 1946 г., а СВАГ приказ № 208 от 17 июля 1946 г. о мерах дисциплинарной ответственности руководящих и административных кадров учебных заведений, преподавателей и студентов, запятнавших себя участием в милитаристской, национал-социалистической или антидемократической пропаганде [2, л. 160–161].

На основании приказа СВАГ № 205 от 12 июля 1946 г. в университетах советской оккупационной зоны (СОЗ) начали работу педагогические факультеты. В первую очередь, они руководствовались приказом СВАГ № 48 от 26 февраля 1947 г. о мерах по подготовке учителей для начальной, средней и профессиональной школы и о переподготовке учителей и работников народного образования в СОЗ.

В рамках демократизации высшего академического образования и с целью подготовки квалифицированных кадров для работы в государственных, хозяйственных и общественно-демократических учреждениях и организациях СОЗ приказом СВАГ № 333 от 2 декабря 1946 г. в университетах Лейпцига, Йены и Ростокa были образованы факультеты общественных наук. Они предполагали бесплатное стипендиальное двухгодичное обучение [3, л. 72]. Факультеты общественных наук были упразднены после введения обязательного курса марксизма-ленинизма в первом семестре 1949–1950 учебного года.

12–13 марта 1947 г. был издан приказ СВАГ № 56 об улучшении материального положения профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений. Приложение № 1 к приказу касалось оплаты преподавателей вузов СОЗ с 1 января 1947 г., и интересно тем, что оно отражает иерархию профессорско-преподавательского состава: ординарный профессор (профессор, избранный на должность заведующего кафедрой и получивший пожизненно статус чиновника), экстраординарный профессор, профессор, доцент, лектор, старший научный ассистент, научный ассистент. В приложении № 2 отражалась оплата ректоров, проректоров, деканов, проректоров и директоров институтов и семинаров вузов. Приложение № 3 касалось оплаты эмеритированных профессоров (профессоров на пенсии) [4].

9 апреля 1947 г. был издан приказ СВАГ № 79 о контроле над научно-исследовательской работой. В нём чётко прослеживается принцип демилитаризации в отношении научных исследований. В документе обозначены две задачи контроля над научно-исследовательскими работами в СОЗ Германии: 1) запрещение проведения исследований военного характера и их практического применения; 2) наблюдение за проведением работ мирного характера и их применением в целях недопущения возникно-

вения военного потенциала. Кроме того, в документе приведён перечень запрещённых научных исследований [5, л. 173].

К лету 1948 г. в СОЗ насчитывалось 18 высших школ: 6 университетов, 2 высших технических школы, 5 высших архитектурно-художественных учебных заведений, 5 высших театрално-музыкальных учебных заведений. По землям СОЗ высшие школы распределялись следующим образом: г. Берлин (советский сектор) – Берлинский университет имени Гумбольдта и Высшая школа прикладных искусств; земля Саксония-Ангальт – Университет имени Мартина Лютера в Галле и Театрално-музыкальная высшая школа в Галле; земля Саксония – Университет в Лейпциге, Высшая музыкальная школа в Лейпциге, Высшая техническая школа в Дрездене, Академия графики и оформления книги в Лейпциге, Академия изобразительных искусств в Дрездене и Горная академия в г. Фрейберге; земля Тюрингия – Университет имени Ф. Шиллера в Йене, Высшая архитектурно-художественная школа в Веймаре, Высшая музыкальная школа в Веймаре и Театральный институт в Веймаре; земля Мекленбург – Университет в Ростокe, Университет в Грейфсвальде и Высшая музыкальная школа в Ростокe [6, л. 50].

В зимнем семестре 1947–1948 гг. в высших учебных заведениях советской зоны оккупации Германии обучалось около 21 тыс. студентов, из них 65 % мужчин и 35 % женщин. По социальному происхождению состав студенчества характеризовался следующими данными: рабочие – 4923, крестьяне – 840, служащие и чиновники – 8687, лица свободны профессий и интеллигенция – 2328, самостоятельные владельцы частных предприятий, мастерских, магазинов и т.п. – 3383, прочие – 739. Процент студентов – выходцев из трудящихся слоёв населения составил 27 %. Самый низкий процент рабочих и крестьян наблюдался в Берлинском университете (16,8 %). Например, в Лейпцигском университете рабочих и крестьян насчитывалось около 32 %, в Йенском университете – около 33 %, Галльском университете – около 30 %, в Высшей архитектурно-художественной школе в Веймаре – около 60 %, в Высшей технической школе в Дрездене – 42 %. Большинство студентов из рабочих и крестьян училось на младших семестрах (набора 1946 г. и 1947 г.). В 1947 г., согласно отчётным сводкам ЦНУНО и СЕПГ, 39 % студентов были рабоче-крестьянского происхождения [6, л. 51].

Состав студенчества по партийной принадлежности выглядел следующим образом: членов СЕПГ – около 6 тыс., членов ЛДП – около 2 тыс., членов ХДС – около 1500, беспартийных – свыше 11500. К лету 1948 г. в университетах СОЗ были созданы профсоюзные организации, однако они охватывали ещё сравнительно небольшую часть студенчества. Среди студентов вузов советской зоны насчитывалось 485 бывших офицеров немецкой армии и 348 бывших номинальных членов нацистской партии или других нацистских организаций.

Профессорско-преподавательский состав по состоянию на 1 мая 1948 г. характеризовался следующими данными (по шести университетам и трём крупным высшим школам: Дрезденская техническая школа, Веймарская архитектурная школа и Горная академия в г. Фрайберг): из 1303 профессоров, доцентов и преподавателей членов СЕПГ – 265, членов ХДС – 79, членов ЛДП – 55, беспартийных – 895, социал-демократов (Берлинский университет) – 9, бывших номинальных членов НСДАП и других нацистских организаций – 292 [6, л. 52].

Документы ГА РФ по политике СВАГ в сфере высшего образования и науки за 1945–1948 гг. подчёркивают, с одной стороны, огромную работу органов народного образования по денацификации и демократизации высшей школы в СОЗ, однако, с другой стороны, в отчётах, докладных записках и справках о состоянии дел в вузах указываются ряд недостатков и выдвигаются предложения по улучшению учебного процесса, по организации политико-воспитательной работы со студенчеством, по усилению со-

ветского влияния в вузах. С учётом данных рекомендаций велась дальнейшая работа по денацификации и демократизации высшей школы в СОЗ в 1948–1949 гг.

Документы ГА РФ свидетельствуют, что за три года оккупации в СОЗ была проведена большая работа по денацификации и демократизации вузов. Все бывшие активные нацисты были удалены из высшей школы, часть реакционно настроенных профессоров уехала в западные зоны Германии. В вузы советской зоны вернулись на работу многие прогрессивные преподаватели, находившиеся в нацистское время в эмиграции или изгнанные гитлеровцами из высших школ. В немецких органах народного образования руководящие позиции заняли члены СЕПГ. В вузах выросли организации СЕПГ.

Органами народного образования была проведена большая работа по пересмотру учебных планов, учебных программ и лекционных курсов, были изъяты все нацистские учебные пособия, библиотеки вузов были очищены от нацистских книг и систематически пополнялись марксистской и другой литературой, издаваемой в советской зоне.

Во всех университетах были созданы педагогические и социально-экономические факультеты (факультеты общественных наук). Органами народного образования СВАГ были созданы курсы по подготовке в вуз, комплектуемые в основном из рабочих и крестьян. В 1947 г. часть курсов была включена в состав университетов на правах подготовительных факультетов. Для увеличения количества студентов из трудящихся слоёв населения для рабочих и крестьян были установлены преимущества при поступлении в вуз, при получении государственной стипендии и освобождении от платы за обучение.

Однако процесс денацификации и демократизации высшей школы в СОЗ к лету 1948 г. завершён не был. Выявленные недостатки в его осуществлении и сжатые сроки требовали дальнейших мер по улучшению политической и учебной работы в вузах. Утвердившись с помощью СВАГ в качестве руководящей силы Восточной Германии, СЕПГ не сумела обрести сколько-нибудь значимые позиции в вузах вплоть до начала 1948–1949 учебного года. Слабость позиции СЕПГ делала высшую школу СОЗ оплотом идейного противостояния коммунистической программе обновления Германии.

Таким образом, комплекс документов ГА РФ, посвященных реформе высшей школы и науки, довольно полно представляет эволюцию позиции и деятельность СВАГ в вопросе, решение которого во многом определило развитие культуры и процесс обновления Восточной Германии.

1. Докладная записка начальника отдела пропаганды УСВА провинции Саксония В. М. Демидова начальнику Управления пропаганды СВАГ С. И. Тюльпанову и начальнику УСВА провинции Саксония В. И. Кузнецову о настроениях интеллигенции от 12 апреля 1946 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). – Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 273. Л. 305–311.

2. Приказ СВАГ № 208 о дисциплинарных мерах в отношении руководящего административного персонала учебных заведений, преподавателей и студентов, ведущих милитаристскую, нацистскую, антидемократическую пропаганду // ГА РФ. – Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 6. Л. 160–161.

3. Приказ СВАГ № 333 об учреждении факультетов общественных наук при Лейпцигском, Йенском и Ростокском университетах // ГА РФ. – Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 8. Л. 72–74.

4. Приказ СВАГ № 56 об улучшении материального положения профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений // ГА РФ. – Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 10. Л. 10–14.

5. Приказ СВАГ № 79 о контроле над научно-исследовательской работой // ГА РФ. – Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 10. Л. 171–176.

6. Справка Управления информации СВАГ о положении в высших школах // ГА РФ. – Ф. Р-7317. Оп. 54. Д. 12. Л. 50–63.

7. Указание начальника ОНО СВАГ П.В. Золотухина начальнику Немецкого управления народного образования П. Ванделю о недостатках в работе Берлинского университета и мерах по их устранению от 11 апреля 1946 г. // ГА РФ. – Ф. Р-7317. Оп. 55. Д. 2. Л. 47–48.

Белявский А.М., Тумаш М.Е.
ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГРАЖДАН БССР О СЧАСТЬЕ
ПО ПИСЬМАМ В ОРГАНЫ ВЛАСТИ И РЕДАКЦИИ ГАЗЕТ (1942–1986)

Ключевые слова: письма, органы власти, редакции газет, повседневность, счастье.

Одна из самых универсальных категорий повседневной жизни миллионов современных людей по всему земному шару, ежедневно воспроизводимая в миллиардах озвученных (в той или иной форме, включая письмо) и тайно подуманных в отношении других и себя пожеланий, – счастье. Экономисты и психологи, особенно западные, постепенно превращают это понятие в измеряемый показатель для установления уровня «прогресса» и «развития» того или иного общества. Работают институты счастья [16], пишутся ежегодные доклады о мировом счастье [17], составляются рейтинги самых счастливых стран. В то же время предполагаемая таким подходом универсальность больше связана с формой, чем с содержанием понятия, в разных культурах в разное время наполняемого самыми разнообразными смыслами. Выяснением этих смыслов занимается социальная и культурная антропология, опираясь на кросс-лингвистические исследования и кросс-культурный анализ. Данные этих исследований показывают, что универсального определения счастья не существует (в некоторых культурах и вовсе нет такого понятия) [2]. Даже в одной культуре в одно и то же время вариативность понимания счастья может быть очень большой – но не бесконечной. Возможность выявления неких «моделей счастья» в каждой культурной традиции обосновывается тем, что «индивидуальные представления о счастье должны согласовываться с аналогичными представлениями других членов сообщества, т.е. иметь (хотя бы частично) общий смысл» [1, с. 229]. Счастье может быть связано как с психофизическими ощущениями, так и с материальными предметами. В связи с многообразием «моделей счастья» антропологи предпочитают не задавать людям прямые вопросы о том, насколько они счастливы, а «стараясь распознать, в каких терминах и понятиях люди рассуждают о своей жизни, о ее смысле и о жизненных ценностях» [2]. На повседневном уровне категория «счастья» часто связывается с представлениями о «хорошей жизни» и «благополучии» [2]. Источники и способы выяснения этих представлений могут быть различными – от интервью и наблюдений до школьных сочинений.

Тема счастья людей в СССР также не обделена вниманием, хотя в основном занимаются ей не историки, несмотря на то что сама по себе эта тема очень близка к проблематике такого популярного сейчас направления, как история повседневности. Вероятно, наиболее глубокую работу в данном направлении провели М. Балина и Е. Добренко, выпустившие представительный сборник статей о «советском счастье» [15]. Как правило, предмет исследуется на материалах воспоминаний, интервью, дневников, школьных анкет, фотографий, литературы и кинофильмов [3; 4; 5]. Наряду с известными плюсами у этих источников есть и некоторые очевидные минусы: воспоминания и интервью предлагают нам современную оценку (и нередко переоценку) своего прошлого опыта респондентом; произведения искусства и масс-культура транслируют официальный нарратив либо представления культурной элиты, опосредованные цензурой и т.д.

Мы попробуем обратиться к другой категории источников – письмам граждан БССР в «вышестоящие инстанции» с выражением просьб и жалоб. Эти источники гораздо реже оказывались в фокусе интереса исследователей советской повседневности. Едва ли не единственное исключение у нас – это работы А.А. Гужаловского. Также необходимо отметить подготовленный им сборник, выборку обращений граждан за 1951 г. «...Міласці Вашай просім», альбо Адзін год у навейшай гісторыі Беларусі, адлюстраваны ў лістах, заявах, скаргах і іншых формах звароту грамадзян» [6]. Этот

вид источников имеет свою специфику, он в большей степени связан с материальным состоянием и насущными потребностями их авторов, но не только. Важным элементом являются способы письма – тактики убеждения адресата просьбы. Кроме того, выводы, сделанные на основании этих источников, могут касаться скорее определенного психологического типа людей. Однако такие активные граждане также представляют собой важную для исследования и относительно репрезентативную группу.

Мы использовали обращения, сохранившиеся в фондах Национального архива Республики Беларусь (далее – НАРБ): в фонде 4п (ЦК КПБ) за период 1942–1986 гг., в фонде 239 (редакция газеты «Советская Белоруссия»), а также заявления, опубликованные А.А. Гужаловским. В письмах мы постарались выделить такие просьбы, выполнение которых автор обращения связывал не просто с удовлетворением базовых жизненных *потребностей* (еда, минимально приемлемые условия жилья) или исправлением вопиющей (по его/ее мнению) несправедливости, а именно те, которые связывались с исполнением *желаний*, своих или родных и близких – либо устранением того, что этому мешает. Возможно допустить, что авторы писем использовали упоминание счастья в качестве одного из средств аргументирования – в этом случае представляет интерес то, как они представляли себе «правильный» дискурс о счастье советского человека.

Обычно представления о счастье в советскую эпоху характеризуются, как постепенно дрейфующие от обезличенных в сталинское время («всеобщее счастье», надчеловеческое счастье, жертвенное счастье, счастье жить в СССР) к несколько более индивидуализированным начиная с брежневских времен («счастье – это когда тебя понимают») и включая период перестройки. В любом случае личное счастье оказывалось приемлемым только тогда, когда соответствовало коллективным устремлениям. Еще одна важная особенность советского счастья, связанная с центральной идеей построения коммунизма и «светлого будущего» – его «отложенный» характер и установка на то, что его нужно заслужить жертвенной жизнью в настоящем [1, с. 232–234; 5]¹.

В основном эти выводы отражают характеристики понятия счастья, устанавливавшиеся «сверху», и проводившиеся через различные медиа в масс-культуру. Обращения граждан, исходившие «снизу», дают почву для рассуждений о том, насколько велика была (если была) общественная дисперсия этого понятия.

Небольшие несогласования с концепцией счастья советского гражданина, основанного на самом факте рождения и жизни в СССР обнаруживаются в письмах из зон эвакуации секретарю ЦК КП(б)Б, Т.С. Горбунову за 1942–1943 гг. В них счастье достаточно явно увязывается с родной республикой: «Все мои мысли и чувства направлены к тому, чтобы быть и работать вместе с белорусами, вместе с ними вступить на родную белорусскую землю» [7, л. 190], «Счастлив был бы вновь работать в родной белорусской газете» [7, л. 197], «Адзінае, чаго я жадаў, – гэта быць бліжэй да Беларусі. Самую чорную работу я быў згодны выконваць..., але толькі б быць побач з Беларусю» [7, л. 324–325]. После освобождения Беларуси, в 1944–1945 гг.: «Все как будто бы хорошо. Но одно тревожит и не дает покоя: мысль о том, что я далеко от Белоруссии...» [8, л. 207], «После всего пережитого хочется отдать все силы и знания для восстановления родной счастливой Белоруссии» [11, л. 78].

Первые послевоенные годы характерны зачастую более близким следованием официальному дискурсу. В 1951 г. учитель из Витебской области, ходатайствуя о воз-

¹ Эти особенности находят отражение и в письмах. *Счастье жизни в СССР*: «...мне уже 70 лет. ... Я знаю, что мне выпало счастье жить в сталинскую эпоху, жизни, где должно [все] строиться по справедливости» [9, л. 27]. *Счастье нужно заслужить*: «...мне, пробывшему всю войну на фронте, потерявшему там 50% здоровья, в результате 6 контузий, но доказавшему делом свою способность бороться за великое дело Ленина–Сталина... Убедительно прошу представить мне право работать на любимой моей отрасли – военруком педучилища... Я ушел с педагогической работы на фронт и заслужил своей кровью, чтобы получить ее вновь» [11, л. 83об.] *«Отложенное» счастье*: «...я призываю всех спокойно переносить свое положение, ибо наше завтрашнее обеспечено тем, что о нас заботятся партия и правительство. О нас заботится и товарищ Сталин» [10, л. 29–29об.].

вращении работы и обращаясь непосредственно к «дорогому другу и учителю» И.В. Сталину, точно воспроизводит «узловые точки» соответствующего идеологического дискурса: «В своем педагогическом труде я нахожу великое счастье жизни в нашей советской стране... только труд является силой образующей все ценное, прекрасное и великое в нашей стране, освещенной гением Ленина и руководимой Великим И.В. Сталиным. Честный труд является и источником семейного счастья советского человека. Убедительно прошу дорогого Иосифа Виссарионовича Сталина и ЦК КП(б)Б помочь мне вернуть свое счастье, дав мне возможность работать в школе, честно трудясь на благо нашей Родины, своего народа, самого себя и своей семьи» [6, с. 110–111]. Впрочем, это не помогло, просьбу не удовлетворили.

Однако, есть и примеры более «приземленного» счастья, совсем не «отложенного». В письме секретарю ЦК ВКП(б) от подопечных одного из домов инвалидов сильная радость связывается с самым насущным: «Это только может комиссия узнать, как над нами издеваются, как нас голодом морят, а вот 23 декабря днем зарезали кабана, которого мы выкормили, мы очень обрадовались, а под вечер часов в 5 заведующий дома инвалидов Б. и завхоз погрузили кабана на воз и повезли прямо на квартиру к председателю горсовета К. Когда зарезали, то мы очень были рады, что нам к празднику дадут по кусочку свежины, оказывается нашу свежину будет кушать К.» [6, с. 118].

Регулярно в письмах фигурирует связь мечтаний и «правильной жизни» с трудом. «Советский народ приступил к строительству великих строек коммунизма. Каждый советский человек считает для себя великой честью принять участие в этих стройках... Я, заканчивая институт, хочу внести свою маленькую лепту в общее дело – обучать детей строителей. Я думаю, что моя мечта сбудется, ибо все мечты сбываются в стране социализма» [6, с. 209]; «Мне только 32 года. Я хочу жить-работать. Работать не ради куска хлеба, чтобы радоваться от сознания того, что отдаю всю свою энергию любимому делу и тем приношу пользу социалистической Родине и большевистской партии, выросшим и воспитавшим меня» [6, с. 214]; «Я так люблю жизнь, так хочется жить – жить, работать, трудиться, но меня лишили этой возможности. У меня отнято здоровье, но сила идеи коммунизма побеждает все трудности. Как не тяжело жить, но жить мне хочется» [6, с. 228]. Но с учетом того, что как во втором примере (его автор был уволен с работы в газете «Віцебскі рабочы», за то, что был в плену у немцев) и в третьем (женщина, репрессированная в 1937, потеряла способность самостоятельно двигаться), письма часто исходили от людей, потерявших работу, эта версия счастья в контексте приобретает гораздо более индивидуализированные черты, чем официальная – несмотря на ее дословное воспроизведение.

Схожим образом за описаниями еще одной, близко связанной со счастьем темы – высшего образования, представляемого как вершина жизненных устремлений, угадываются достаточно «предметные» цели с учетом того, какие карьерные перспективы оно открывало, и того, что речь опять же шла о «ситуации утраты» этой возможности: «Из всех моих многочисленных предков я первый из тех, кто благодаря Советской власти и Великой Коммунистической Партии (большевиков) получил право на высшее образование. Мое поступление в институт было величайшим торжеством не только моих родителей, но и всех жителей моей деревни» [6, с. 211]; «Я счастлива, что мне довелось жить в советской стране и учиться в сталинскую эпоху. Я благодарна партии и Правительству за возможность по-настоящему жить, учиться и трудиться... я надеюсь, что начатую учебу я смогу закончить и принять активное участие в построении коммунистического общества» [12, л. 78–79].

В письмах 1960-х – 1970-х гг. упоминания счастья и связанных с ним категорий, кажется, встречаются в письмах гораздо реже (во всяком случае, нам их найти пока не удалось). С началом перестройки в середине 1980-х они снова появляются, причем в гораздо более «овеществленной» форме. Вот, например, выдержка из письма ветеранов

Великой Отечественной войны в редакцию газеты «Советская Белоруссия» в 1986 г.: «Все мы очень радовались и ликовали, что о старой гвардии не забыла партия и правительство, наконец-то мы хоть на старости лет сможем пожить как люди... Наконец пришел для нас долгожданный день и час, 6 марта вывесили списки на получение жилья, первыми заблестали наши фамилии... Все нас поздравляли, а мы плакали от радости как в день Победы 1945 году. Через три дня наша радость окончилась...» [13, л. 8–9об.]. Можно сравнить это «кликание» с описанием «нормальной жизни» и радости одного автолюбителя: «Мне 52 года, работаю я на тракторном заводе, где выпускают прославленных “Белорусов”, и очень горжусь этим. Жена моя на этом заводе проработала 27 лет маляром по окраске тракторов и сейчас находится на льготной пенсии. У нас двухкомнатная квартира, в общем есть все для нормальной жизни. Я с детства увлекаюсь техникой, имею права шофера и мотоциклиста. Решили мы купить мотоцикл ИЖ... Соседи поздравили с покупкой, жена осталась довольна внешним видом и цветом мотоцикла и на этом все наши радости закончились» (мотоцикл оказался бракованным) [14, л. 26]. Характерно, что в данном случае важным элементом радости является одобрение со стороны. Так же конкретны представления о радости гражданки, жаловавшейся в 1986 г. на работу ателье пошива одежды: «...хочу, придя в ателье, чувствовать себя как на празднике, ведь я шью новую вещь, сшитая доброкачественно любимая вещь приносит каждому из нас огромную радость» [14, л. 6].

Впрочем, связь счастья с советской властью из дискурса также не исчезла. Более того, следующий пример демонстрирует преемственность с мечтами 1950-х: «Нас у матери было шесть детей, мы росли без отца. Мать была членом Компартии Западной Белоруссии, организатором подпольной ячейки нашей деревни. Она всю жизнь мечтала, чтобы получили образование, были счастливыми. Ее расстреляли фашисты в 1942 г. Но мечта её сбылась, многие внуки пооканчивали институты, стали полноправными гражданами нашей страны. У нас есть сейчас все, что необходимо рабочему человеку для полного счастья. Вот поэтому меня до глубины души волнует и возмущает то, что у нас еще есть случаи несправедливости и «барского» отношения к простому колхознику» (из письма колхозницы колхоза «Красный Октябрь») [14, л. 10–11].

Таким образом внешне «показания» данного вида источников о представлениях советских людей (на примере граждан БССР) о счастье достаточно хорошо согласуются с распространенными мнениями, основанными на других источниках: авторы писем связывают его с коллективным трудом во благо Родины, строительством коммунизма, жизнью в СССР в сталинские времена, и в большей степени индивидуализируют его в 1980-х. В то же время, при более внимательном прочтении обнаруживаются некоторые нюансы. Несмотря на сильное «нормализующее» дискурсивное влияние «сверху», понятие счастья в Советском Союзе в повседневной жизни артикулировалось с определенным своеобразием. Счастье через труд и получение высшего образования с учетом контекста оказывалось во все не «отложенным», а очень четко ориентированным на насущные жизненные потребности дня сегодняшнего. Именно контекст обычно добавлял дополнительные смыслы тщательно воспроизводимым в письмах этих лет «правильным» идеологическим дискурсивным конструкциям. Во второй половине 1980-х некоторое ослабление идеологического контроля и сравнительное улучшение материального благосостояния советских людей в еще большей степени «овеществили» понятие счастья и создали условия для более открытого выражения индивидуальных трактовок.

1. Байбурин, А. Счастье по праздникам / А. Байбурин, А. Пиир // Антропологический форум. – 2008. – № 8. – С. 227–257. – URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/008/08_04_baiburin-piir_k.pdf (date of access 30.03.2025).

2. Иванов, Д. Счастье для всех. Как антропологи изучают представления людей о хорошей жизни / Д. Иванов // N+1. – URL: <https://nplus1.ru/material/2017/08/11/happiness-different-people/amp> (date of access 30.03.2025).

3. Как выглядело счастье советского человека // Дзен, 1 апреля 2019. – URL: https://dzen.ru/a/XJtVxeejPgCzyudD?is_autologin_ya=true&is_autologin_ya=true (date of access 30.03.2025).

4. Краснова, Г. Счастье по-советски: как эксперимент времен СССР влияет на нас сегодня / Г. Краснова // Forbes, 20 июля 2022. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/472027-scast-e-po-sovetski-kak-eksperiment-vremen-sssr-vliaet-na-nas-segodna> (date of access 30.03.2025).
5. Малеева, Е. Представление о счастье в советском кинематографе / Е. Малеева // Artz.work. – URL: <https://artz.work/project/bb1fad65e93945a1b6014522772217f7> (date of access 30.03.2025).
6. «...Міласці Вашай просім», альбо Адзін год у навейшай гісторыі Беларусі, адлюстраваны ў лістах, заявах, скаргах і іншых формах звароту грамадзян : зборнік дакументаў / укл. А. А. Гужалоўскі. – Мінск : НАРБ, 2006. – 280 с.
7. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 9.
8. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 18.
9. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 27.
10. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 49.
11. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 89.
12. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 310.
13. НАРБ. – Ф. 239. Оп. 5. Д. 26.
14. НАРБ. – Ф. 239. Оп. 5. Д. 24.
15. Balina, M. Petrified Utopia. Happiness Soviet Style / M. Balina, E. Dobrenko. – London, New York, Delhi : Anthem Press, 2011. – URL : https://books.google.by/books?id=09ibJ8SZ9awC&printsec=frontcover&dq=Petrified+Utopia:+Happiness+Soviet+Style&hl=en&a=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (date of access 30.03.2025).
16. Happier Lives Institute (Web site). – URL: <https://www.happierlivesinstitute.org/> (date of access 30.03.2025).
17. The World Happiness Report. – URL: <https://happiness-report.s3.us-east-1.amazonaws.com/2025/WHR+25.pdf> (date of access 30.03.2025).

Павлова Е.Я.

МАТЕРИАЛЫ ЛИЧНОГО ФОНДА РЕЖИССЕРА В.П. ЧЕТВЕРИКОВА В БГАМЛИ КАК ИСТОЧНИК О СОЗДАНИИ ФИЛЬМА «ПЛАМЯ»

Ключевые слова: архивный фонд, кинофильм, режиссер, война, борьба, партизаны.

С советских времен за киностудией «Беларусьфильм» закрепилось название «Партизанфильм». На нашей киностудии по мнению современных блогеров были созданы самые пронзительные фильмы о страшных событиях оккупации и героической борьбе против гитлеровских захватчиков.

Уроженец Алма-Аты, народный артист БССР В.П. Четвериков работал в Минске на киностудии «Беларусьфильм» с 1962 г. В статье «На пути к главной теме» режиссер отмечал, что героическая тема при всем осознании ее важности кинематографистами является сложной для глубокого воплощения на экране [1, л. 3].

В фонде В. Четверикова в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства (БГАМЛИ) отложились материалы о создании 4 кинофильмов о военных событиях на территории Беларуси: хроникально-документальный фильм «Казнен в сорок первом» («Он из нашего города») про юного минского подпольщика В. Щербацевича, шестисерийный телефильм «Руины стреляют» о деятельности минского подполья в 1941–1942 гг. (режиссер рассматривал этот фильм как подготовку к съемкам «Пламени»), а также художественные фильмы «Пламя» и «Черная береза».

Остановимся на истории создания двухсерийного фильма «Пламя», повествующего о событиях, происходящих на территории Витебской области. В основе фильма – события первой половины 1944 г. Партизаны Полоцко-Лепельской зоны во взаимодействии с 1-м Прибалтийским фронтом вступили в противоборство с 3-й танковой армией гитлеровского генерала Рейнгардта. Как отмечал после премьеры журналист газеты «Известия» А. Медведев, авторы фильма (сценаристы Г. Буравкин, В. Халип и Ф. Конев, а также режиссер В. Четвериков) поставили перед собой двуединую задачу – воссоздать максимально полную хронику операции и одновременно претворить масштаб подвига партизан в судьбах как реальных, так и вымышленных героев [2, л. 10].

Киноэпопея вышла на экраны в 1975 г. в канун 30-летия Победы и, судя по оценкам и отзывам на ресурсах «Кинопоиск» и «Кино-театр», вызывает интерес и высокие оценки зрителей до сих пор. На рубеже 1960–1970-х гг. после выхода киотрилогии «Освобожде-

ние» актуальной задачей кинематографистов стало создание фильма, который продемонстрировал бы масштаб сопротивления врагу на оккупированной территории Беларуси.

Ставший режиссером «Пламени» В. Четвериков отмечал, что фильм должен одновременно показать истоки и глубину сопротивления гитлеровским захватчикам, подчеркнуть, что партизанское движение не было стихийным, и доказать, что гитлеровцы не сумели и не могли сломать народное единство [1, л. 2–3].

Отложившиеся в фонде источники можно подразделить на несколько групп: материалы о создании картины, изученные съемочной группой документы и газетные публикации о реакции зрителей и критики на фильм. Фотографии массовых сцен, кадров сожженной деревни, альбом фото главных героев и множественные фото с кинопроб собраны архивистами более чем в 50 дел. Сохранились буклет и киноафиша фильма [6, л. 1–6].

Из режиссерского очерка «Пламя» мы узнаем о задумке режиссера. Главным героем киноленты В. Четвериков хотел представить народ, поэтому фильм начинается с эпизода, имеющего балладное звучание, когда крестьянская семья принимает на себя оборону односельчан от карателей. Эта тема должна была пройти через всю картину как легенда о деревне Оброво. Второй пласт – показ героической борьбы партизан предполагал масштабные сцены битв, где многое зависит от мастерства пиротехников, умелой организации массовок и правдивости с точки зрения военного искусства. Основной, пласт картины – показ «сильных, самобытных и запоминающихся героев, которые живут отдельно, но вместе создают портрет народа» [2, л. 1–2].

В процессе подготовки к съемкам картины режиссер и сценаристы изучили много документов, встретились и прослушали с блокнотом участников партизанских боев. Съемочная группа смогла изучить малодоступный даже специалистам перевод главы про Полоцкий регион, изданного в середине 1960-х исследования Дж. Армстронга «Советские партизаны во Второй мировой войне» [1, л. 5; 9, л. 1–4]. В фонде находятся карты партизанской зоны и текст донесения № 2870 в ЦШПД П.К. Пономаренко от Военсовета 1-го Прибалтийского фронта, в котором сообщается, что, ввиду тяжелого и непрерывно ухудшающегося положения партизан и невозможности остановить наступление гитлеровцев силами фронта, партизанским бригадам дан приказ в ночь на 1 мая начать прорыв западном направлении в районе озера Шо [9, л. 10–11]. В качестве консультантов были привлечены руководитель БССР и ЦШПД в годы войны П.К. Пономаренко, командир Полоцко-Лепельского партизанского соединения В.Е. Лобанок и генерал-полковник танковых войск О.А. Лосик.

В фонде отложилась переписка В.П. Четверикова с консультантами. О. Лосик предлагал сделать завязку фильма понятной зрителям и скорректировать съемки боевых эпизодов для предотвращения неточностей и ошибок с военной точки зрения. Военный консультант рекомендовал больше раскрыть помощь партизанам войск 1-го Прибалтийского фронта и показать документальными кадрами операцию «Багратион» [4, л. 1–4].

Сохранился протокол обсуждения сценария, кинопроб и декораций на заседании художественного Совета объединений художественных и телевизионных фильмов киностудии «Беларусьфильм» с участием представителей съемочной группы, под председательством В.В. Корш-Саблина 14 июня 1973 г. В.П. Четвериков обратил внимание Совета на тот факт, что у съемочной группы сложился актерский ансамбль. Создатели фильма не планировали повторять объем батальных сцен кинотрилогии «Освобождение». Задачу режиссер видел в исследовании образа героев, выстраивая изобразительный ряд на эмоциональной основе [5, л. 12].

Выступившие в прениях Ю.Н. Дубровин и А.Я. Карпов отметили храбрость съемочной группы и успешное режиссерское решение Четверикова. Большинство экспертов положительно отзывались о кинопробах и декорациях. Некоторые вопросы вызвали детали. По мнению Е.М. Галкина, картина выиграла бы от добавления этнографическо-

го материала. А.Х. Осипенко обратил внимание на отсутствие традиции черной печи и размещения креста на краю деревни на севере БССР. А.В. Красинский предлагал включить в звуковую дорожку больше народной музыки.

Дискуссии у экспертов вызвала возможность включения текста документов в контент фильма. А.В. Красинский считал важным органично сочетать игровые сцены с документами. И.М. Добролюбов и Е.Л. Бондарева высказали сомнения в таком подходе. В.Е. Лобанок высказался об обязательном показе рельсовой войны. А.Я. Карпов подытожил, что документом будет «правда, которая прозвучит в фильме в правде событий и эмоционального накала» [5, л. 12–15].

Второй важный вопрос – образы партизанских командиров и социальный состав партизан. А.Т. Кузьмин обратил внимание, что, исходя из активного участия окруженцев и бывших военнопленных, большинство партизан были молодыми. П.К. Пономаренко заметил, что комбриги не оспаривали приказаний. Эксперты предлагали сделать образы партизан более живыми. При этом В.Е. Лобанок выступил против эпизода спора комбригов о лошади. Он также отметил, что с точки зрения языка командеры отрядов и бригад говорили грамотно. В.В. Корш-Саблин высказался о необходимости подчеркнуть интернациональный состав партизан в БССР. П. Пономаренко посоветовал точнее отразить социальный состав отрядов и бригад. Руководитель ЦШПД посоветовал углубить антифашистскую тему, включив представителя вермахта, сотрудничавшего с партизанами. В качестве аргумента Пономаренко подчеркнул, что сведения о крушении поездов он получал раньше, чем Берлин [5, л. 16–18]. В итоговом решении художественного Совета нашли отражение все рекомендации [5, л. 23–24].

Через несколько месяцев П.К. Пономаренко связался с В.П. Четвериковым, чтобы уточнить, как съемочная группа проработала высказанные замечания. Он еще раз обратил внимание на необходимость показать роль партийных органов. Выбор художественных средств для этого П. Пономаренко оставил за В. Четвериковым. Отмечая, что И.Х. Баграмян «был в курсе всей операции и играл в этом деле важную роль от начала и до конца», начальник ЦШПД заострил внимание на необходимости показать взаимодействие партизан с частями Красной Армии и непосредственно с 1-м Прибалтийским фронтом [3, л. 1–4].

На главные роли в фильме были приглашены артисты, как белорусские (Н. Еременко, В. Белохвостик, Г. Овсянников, Г. Габрук), так и московские (заслуженные и народные артисты Ю.И. Каюров, М.А. Глузский, Л.В. Неведомский, а также И. Ледогоров, Ю. Горобец, Э. Виторган). Роль И. Сталина исполнил Андро Кобаладзе. Для фильма создавали 6 павильонов в г. Минске. Натурные съемки проходили в Смоленском и Логойском районах и в районе г. Полоцка [5, л. 7–12]. В съемках эпизодов участвовали и жители деревни Свидно Логойского района, которая в период гитлеровской оккупации находилась в партизанской зоне.

Финальные сцены фильма снимали в апреле, во время, практически календарно совпадающее с событиями 1944 г. Общесоюзные и республиканские СМИ освещали съемки киноленты [1, л. 10]. В интервью В. Четвериков подчеркивал, что вся съемочная группа «Пламени» работала на большом творческом подъеме. В статье «Снимается “Пламя”» в газете «Правда» за 28.04.1974 И.Г. Новиков отметил присутствие на съемочной площадке консультантов П.К. Пономаренко, В.Е. Лобанка и О.А. Лосика. Автор материала назвал Ушачское сражение весной 1944 г. предвестником «Багратиона» [8, л. 4].

В.П. Четвериков считал, что фильм создавала вся Беларусь и выражал благодарность архивистам и историкам, сотрудникам штаба Белорусского военного округа, бывшим руководителям партизанских формирований и рядовым партизанам. Особую признательность он высказал в адрес П. Пономаренко, сотрудничество с которым в процессе создания кинокартины считал «образцом делового взаимоотношения консультанта и режиссера в фильме» [3, л. 1–2].

Кинолента была хорошо встречена зрителями и критиками. Журналисты называли фильм большой удачей белорусских кинематографистов, поражающей не столько своим постановочным размахом, сколько напряженностью чувств и глубиной скорби о погибших на войне и гордости за героев. Авторы фильма стремились создать коллективный портрет белорусских партизан, не теряя при этом линии судеб. Журналист «Известий» А. Медведев констатировал, что сценаристы, режиссер и актеры немало сделали, чтобы командиры и бойцы партизанских бригад предстали перед зрителями привлекательными по характерам людьми. Фильм не претендует на документальную точность, в нем более важны черты эпического обобщения, образ всенародного порыва, который невозможно задавить ни танками, ни бомбами. Примечательно, что эта особенность иногда сложно принималась бывшими рядовыми партизанами, также выступавшими экспертами в процессе съемок [7, л. 7; 8, л. 4–10].

Некоторые эпизоды вызывали мощный эмоциональный отклик у журналистов и зрителей. С. Кобаса потрясли мечущаяся с криком отчаяния между отстреливающимися от гитлеровцев сыновьями и мужем пожилая крестьянка в начальных кадрах фильма, а также ребенок с санками и уставший старик, сказавший: «Теперь вот мы с ним – вся деревня» [8, л. 7]. И. Резник остался под впечатлением от эпизода «явочная квартира», в котором юному партизанскому связному Кастусю в исполнении 13-летнему Юры Косковского нужно запомнить и сообщить партизанам сведения о формировании в районе Ушач мощной гитлеровской группировки, про которую на ломаном русском языке ему сообщает сотрудничающий с партизанами «свой немец» [8, л. 1].

Журналисты отмечали четкую и лаконичную драматургию фильма. В массовых сценах наиболее ярко проявился мастерство режиссера В. Четверикова, оператора Б. Олифера художника Е. Игнатьева. Горе и страдания народа, пепел сожженных деревень, стучащий в сердца народных мстителей и дающий им силы в неравной борьбе с захватчиками, – все это показано волнующе и убедительно. В фильме присутствуют и светлые эпизоды. Об этом свидетельствуют эпизоды партизанской свадьбы и мечты дойти до Берлина. В кадрах прорыва блокады достигается наивысшая высота отображения героики партизанской борьбы [8, л. 9].

В. Четвериков считал эмоциональной кульминацией ленты сцену, в которой старый могучий крестьянин Левон по приказу гитлеровцев с высоко поднятой головой идет по заминированному полю, а за ним следуют немецкие танки. Совсем недавно в этом поле были посеяны зерна пшеницы: «Доживем до жатвы, хлебобобы!». И хотя Левон погибает, подорвавшись на mine, эту волнующую сцену пронизывает чувство веры в мощь народа, способного выстоять в жесточайшем испытании и возродиться из пепла. Фильм заканчивается символической сценой строящегося дома, мимо которого проходят колонны партизанских бригад [8, л. 7].

В фонде режиссера сохранился диплом 8-го всесоюзного кинофестиваля в Кишиневе (1975 г.) о награждении В.П. Четверикова серебряной медалью им. А.П. Довженко «За лучшее произведение на героико-патриотическую тему» [7, л. 7]. Фильм «Пламя» обращен к современникам и будущим поколениям и заканчивается думой о будущем без войны.

1. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). – Ф. 431. Четвериков Виталий Павлович. Оп. 1. Д. 230.

2. БГАМЛИ. – Ф. 431. Оп. 1 Д. 231.

3. БГАМЛИ. – Ф. 431. Оп. 1 Д. 233.

4. БГАМЛИ. – Ф. 431. Оп. 1 Д. 234.

5. БГАМЛИ. – Ф. 431. Оп. 1 Д. 255.

6. БГАМЛИ. – Ф. 431. Оп. 1 Д. 256.

7. БГАМЛИ. – Ф. 431. Оп. 1 Д. 271.

8. БГАМЛИ. – Ф. 431. Оп. 1 Д. 292.

9. БГАМЛИ. – Ф. 431. Оп. 1 Д. 316.

Архипова Т.Г.
Л.А. КОСТАНДОВ: ИНЖЕНЕР, ХИМИК, МИНИСТР СССР

Ключевые слова: Л.А. Костандов, химическая промышленность, модернизационные мероприятия, министерство, воспоминания.

Выступая 21 февраля 2025 г. на пленарном заседании Форума будущих технологий в Москве, говоря о задачах, стоящих перед отечественной промышленностью в ближайшие годы, президент России напомнил об опыте решения задач, подобных нынешним, в 60–70-е гг. минувшего века, например, в химической промышленности. Министром отрасли в 1965–1980 гг. был Леонид Аркадьевич Костандов (14.11.1915–05.09.1984). При нем были запущены сотни передовых заводов, созданы специализированные научные институты и конструкторские бюро. По общему объёму производства советский химпром занимал первое место в Европе и второе в мире [3]. При Костандове отрасль превратилась в важнейшую базу практически всех отраслей материального производства, стала основным поставщиком материалов не только для тяжелой промышленности. Конечно, специалистам в этой области эта фамилия известна. Историки знают о ней меньше. Желанием привлечь внимание к этой фигуре обусловлено написание этой работы.

Биография Л.А. Костандова была известна довольно давно: она неоднократно публиковалась и во время избирательных кампаний в органы представительной власти, и в энциклопедических изданиях. Публиковались и его статьи, и выступления с докладами по вопросам его компетенции.

Начавшаяся уже после его смерти огульная критика всего советского привела к тому, что вспоминать такого ранга руководителей экономического блока СССР стало, как минимум, делом «немодным». Надо отдать должное его друзьям и коллегам – даже в эти годы они его не забывали, организовывали юбилейные конференции, писали о нем в отраслевых журналах и т.п. В 1996 г. был издан сборник воспоминаний [2]. Через весь его текст проходила мысль об огромном вкладе Костандова в «очеловечивание» продукции предприятий химпрома, работавших в свое время, в основном, на нужды «обороны». Однако в это время такие издания еще квалифицировались как апология недавнего прошлого, но постепенно объем информации о Костандове стал нарастать и не только по случаю юбилейных дат.

К 90-летию юбилею Костандова профессором МГУИЭ В.А. Любартовичем было подготовлено своеобразное по жанру издание, в котором довольно скупая и в чем-то известная информация сопровождалась воспоминаниями лиц, хорошо знавших Костандова – лидеров партии, руководителей уровня министра и заместителей¹, директоров предприятий, коллег, ученых, военных, родных. Воспоминания составляют львиную долю текста, что позволяет считать это издание их сборником. На просьбу составителя написать воспоминания о Костандове ответили около 50-ти человек, в том числе и несколько авторов предыдущего издания. Кого-то он записал сам, кто-то прислал свою запись, чью-то пришлось перевести, сократить или редактировать.

Историки, мягко говоря, снисходительно относятся к такому виду источников как воспоминания, но в случаях, когда требуется анализ личных качеств героя повествования, они просто незаменимы. Действительно, в РГАЭ хранятся документы государственных комитетов и профильных министерств, где работал Костандов (ф. 173, 349, 459), личный его фонд (ф. 1102). Однако организационно-распорядительные акты госу-

¹ В их числе: Д.И. Долгих – известный советский государственный, партийный и общественный деятель, организатор промышленности; В.В. Листов – советский государственный и партийный деятель, министр химической промышленности СССР в 1980–1986 гг.; Я.П. Рябов – заместитель главы Правительства в 1984–1986 гг.; Г.А. Ягодин – министр высшего и среднего специального образования СССР в 1985–1989 гг. и др.

дарственных органов обычно весьма сухи, а личный фонд оказался весьма скудным¹, как и информация в официальных СМИ.

Открывает книгу «Слово о Костандове» мэра Москвы Ю.М. Лужкова, одно время работавшего под его руководством. Остальные воспоминания рассредоточены по разделам: Истоки (1915–1940); Утверждение в профессии (1940–1965); Главный химик Советского Союза (1965–1980); Государственная ответственность (1980–1984); Герой своего времени. Присутствуют в издании предисловие от автора-составителя, биографическая хроника Костандова, послесловие, краткая библиография, сведения об авторах воспоминаний и об авторе-составителе.

Информация о том, почему будущий министр после окончания рабфака и работы машинистом на дизельной станции хлопкоочистительного завода, затем бригадиром шелкомотальной фабрики в городе Чарджоу (ныне Туркменистан) выбрал Московский институт химического машиностроения (МИХМ), весьма скудна, но закончил он его (видимо считая, что, если что-то делать, то хорошо) с отличием. Работая по распределению на Чирчикском электрохимическом комбинате (ныне республика Узбекистан) в 1940–1953 гг., он прошел путь от начальника цеха до директора, в 1951 г. был награжден государственной премией СССР за освоение новой технологии получения аммиака из природного газа. Наметившийся перевод на работу в Москву, по свидетельству дочери, чуть не сорвался из-за того, что он, будучи на охоте, а это было его хобби, едва успел к началу митинга по поводу смерти Сталина [1, с. 43].

Все мемуаристы свидетельствуют об исключительной скромности чиновника столь высокого ранга: возглавив «Главазот» – одно из главных структурных подразделений Минхимпрома СССР, он некоторое время жил с семьей в маленькой комнате коммунальной квартиры. Вместе со страной он пережил все реорганизации периода пребывания Н.С. Хрущева во главе партии и государства. Авторами воспоминаний отмечается его умение ладить с людьми от рядовых работников до членов ЦК партии и правительства, подбирать соратников, помощников, советников [1, с. 11, 78–81, 82–83 и др.], подчеркивается его «открытость, демократичность, внимание к человеку» [1, с. 98]. Он с достоинством общался с королями и премьерами, с уважением – с рабочими, инженерами и учеными [1, с. 200], умел дружить не только с известнейшими советскими руководителями как А.Н. Косыгин, Н.К. Байбаков, Д.Ф. Устинов, но и с теми, с кем учился и работал в молодые годы.

Восхищают мемуаристов и его профессиональные качества инженера. Как отмечает один из мемуаристов, в отличие от управленцев-«универсалов», могущих работать хоть секретарем обкома, хоть министром, хоть послом, он оберегал «область своих инженерных интересов» [1, с. 99, 113 и др.]. Как инженер, он мог заочно поставить «диагноз» поломке оборудования, например, на Кубе [1, с. 163–164]. Иногда дело доходило до курьезов. Уже будучи заместителем главы Правительства, по поручению ЦК партии он выехал в Башкирию из-за информации о неработоспособности оборудования, поступившего из Франции. По мнению местных «специалистов», требовалась замена дорогостоящей запорной арматуры на многочисленных кранах конструкции. Осмотрев ее, Костандов попросил трикотажные перчатки и специальный ключ, после чего подтянул запор и посоветовал делать это два раза за смену [1, с. 173]. Только профессионализмом высшей пробы можно объяснить эпизод, случившийся с ним в одной из зарубежных поездок. Желая скрыть от любопытного гостя некоторые свои наработки, хозяева фирмы прикрыли значительную часть оборудования полотнищами бумаги. По дороге в цех гость, увидев подведенные туда кабели электропитания, по размеру поперечных сече-

¹ По свидетельству очевидцев, многие «бумаги» и вещи Костандова сгорели после пожара на даче, случившегося вскоре после его смерти.

ний уловил существо электрохимических процессов, реализуемых на этом производстве, и сам рассказал о нем восхищенным его познаниями хозяевам [1, с. 125].

Костандов придавал большое значение установлению личных деловых контактов с руководителями мировых производителей химических материалов – главами концернов и фирм ФРГ, Великобритании, Италии, Франции, США, Японии и других стран. В сборнике размещены воспоминания некоторых из них (эти страницы книги читаются с особым интересом). Он сам руководил разработкой межправительственных соглашений, искал новые формы сотрудничества и интеграции¹, вел переговоры и деловые встречи, посещал промышленные выставки² и фирмы, был лично знаком со многими представителями делового мира. Его авторитет в мировом сообществе товаропроизводителей химической продукции и оборудования был чрезвычайно высок. Итальянский химик-органик, представитель деловых кругов Италии Реали Марио называет его и А.Н. Косыгина «великими людьми в истории России», «менеджерами мирового класса», которым «политическая система страны мешала» [1, с. 177]. По его мнению, они хотели привнести в ее экономику элементы рыночного механизма. Он считал, что Костандов являлся «крупнейшим специалистом-химиком, равного которому... не было в деловом мире Европы». В отличие от юристов и менеджеров – партнеров по переговорам он сходу схватывал технологическую схему химического производства, был инженером высокого класса [1, с. 177–178].

Решение задач модернизационного характера, ввод в строй новых производств, создание научно-исследовательских институтов, научно-производственных объединений потребовали увеличения числа специалистов по профилю руководимой им отрасли. Костандов занялся и этим: патронировал ВУЗы, готовящие кадры для химической промышленности, способствовал созданию системы повышения квалификации. В частности, по его инициативе в 1967 г. в составе Военной академии химической защиты имени маршала С.К. Тимошенко был создан специальный инженерный факультет (СИФ) по подготовке инженеров-технологов химического профиля для работы в оборонно-промышленном комплексе. По субботам, тщательно готовясь перед этим, он читал лекции по дисциплине «Научно-технический прогресс и состояние химической промышленности» [1, с. 139].

Руководство отраслью было делом его жизни. Переведенный в 1980 г на должность заместителя главы Правительства СССР, он чувствовал себя «неуютно», даже обед, будучи человеком общительным, заказывал себе в кабинет [1, с. 222].

Ритм его жизни поражает, но ничто человеческое не было ему чуждо. Он находил время для семьи, умел и любил готовить и угощать гостей. Спиртное никогда не было у него в приоритете (он мог выпить не более 1–2-х рюмок исключительно армянского коньяка), но его тосты всегда были остроумными. Он любил бывать на спектаклях и концертах, не зная нотной грамоты, мог на слух подобрать ту или иную мелодию, всячески поддерживая хоккейную команду «Химик», в целях «рекламы Министерства» старался не пропускать ее матчи [1, с. 88–89], много читал. Мемуаристы отмечают его блестящую память, причем в разных областях. Чего стоит рассказ одного из коллег о том, как, прочитав в самолете в подаренном ему каталоге описание вкусов лучших виноградных вин разных стран, в Голландии при дегустации испанских вин он угадал названия всех трех, предложенных ему для определения [1, с. 205–206].

В заключение отметим, что этот сборник дает весьма полное представление о личных качествах одного из лучших советских министров – специалиста в той области, за которую отвечал, прекрасного администратора и человека, патриота Отечества. За-

¹ Кстати, он чуть ли не одним из первых стал говорить о компенсационных договорах с зарубежными партнерами.

² Смертельный сердечный приступ случился у него, как известно, во время посещения выставки в Лейпциге.

вершается исследование разделом «Герой своего времени». Думается, он останется в памяти потомков Героем на все времена.

1. Государственный человек: Леонид Костанов – инженер, ученый, руководитель химической промышленности СССР / авт.-сост. В. А. Любартвич. – М. : ИКЦ «Академкнига», 2005. – 255 с.

2. Леонид Аркадьевич Костанов. Министр. Инженер. Человек. – М. : Российское химическое общество им. Д.И. Менделеева, 1996. – 190 с.

3. Стенограмма пленарного заседания Форума будущих технологий 21.02.2025 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76304> (дата обращения 9.03.2025).

Калинин А.А.
КОНФЛИКТ В ИНДОКИТАЕ В 1950–1970-е гг.,
ПО ДОКУМЕНТАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ¹

Ключевые слова: архивные документы, война во Вьетнаме, СССР, США, Лаос, Камбоджа.

Изучение международных аспектов войны во Вьетнаме 1955–1975 гг. требует обращения к архивным собраниям России. В фондах Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), который хранит документы бывшего партийного архива ЦК КПСС, имеется широкий спектр документов по конфликту в Индокитае. Большая часть документов РГАНИ (за исключением подборки, рассекреченной по «делу КПСС» в 1992 г.) долгое время оставалась малодоступной для исследователей, что привело к невозможности их использования даже при подготовке крупных монографий по советской политике в Индокитае [1]. Исключением является лишь опубликованная на английском языке монография И.В. Гайдука, который смог привлечь ряд документов из фонда 5 «Аппарат ЦК КПСС» [12].

В настоящем докладе представлен краткий обзор материалов РГАНИ, касающихся индокитайского конфликта и участия в нем Советского Союза.

Фонд 2 «Пленумы ЦК КПСС (1941–1991 гг.)» содержит материалы Пленумов ЦК КПСС по международным вопросам (проекты докладов, протоколы заседаний, стенограммы, информационные сообщения и т.д.). Вьетнамская проблема неоднократно обсуждалась на пленумах ЦК КПСС. Например, в фондах РГАНИ имеется проект выступления министра иностранных дел СССР В.М. Молотова о ходе работы Женевского совещания по Индокитаю и Корее 1954 г. [2].

Особое значение при изучении внешней политики СССР имеют документы фонда 3 «Политбюро ЦК КПСС (1952–1991 гг.)». Этот орган был ключевой инстанцией, определявшей советский внешнеполитический курс. В фонде имеются протоколы заседаний Президиума и Политбюро ЦК КПСС, постановления, а также материалы к ним. Политбюро утверждало указания советским послам, переговорную позицию СССР, тексты посланий лидерам государств.

Весьма содержательными являются документы фонда 5 «Аппарат ЦК КПСС (1935–1991 гг.)», в котором отложились многочисленные дипломатические документы, поступавшие в ЦК КПСС: телеграммы, записки, справки, информации советских посольств, записи бесед советских дипломатов, политические письма и годовые отчеты посольств СССР в других странах, информационные материалы МИД СССР, Министерства внешней торговли СССР.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10179, <https://rscf.ru/project/22-78-10179/>

Большой интерес для исследователей индокитайской политики СССР представляют политические отчеты советских посольств. Стоит отметить, что в Архиве внешней политики РФ такого рода документы исследователям не выдаются. В отчетах посольства СССР в Демократической Республике Вьетнам (ДРВ) рассматривался широкий круг вопросов: советско-вьетнамские отношения (политические, экономические, торговые и некоторые военные вопросы, культурное сотрудничество между странами), внутреннее положение ДРВ (политическая и экономическая ситуация, проблемы внутренней и внешней торговли, материальное обеспечение населения), деятельность Партии трудящихся Вьетнама (ПТВ), общественных организаций ДРВ, профсоюзов, внешняя политика страны (отношения с социалистическими, развивающимися и капиталистическими странами, деятельность посольства СССР), подводились итоги года и выдвигались предложения по дальнейшему развитию советско-вьетнамских отношений [3]. Дополняют отчеты политические письма советских посольств во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, каждое из которых было посвящено какой-либо актуальной политической проблеме.

Фонд содержит также большое число записей бесед работников советских посольств с руководителями страны пребывания, партийными работниками, представителями общественности, а также дипломатами других стран. Как видно из архивных документов, советские дипломаты находились в тесном контакте с работниками посольств дружественных стран, обмениваясь с ними информацией по самому широкому кругу вопросов. Анализ содержания бесед показывает, что вьетнамские дипломаты, военные и партийные работники уклонялись от установления настоящего доверительных отношений, предоставляя советской стороне весьма скудную информацию. Командование Вьетнамской народной армии (ВНА) стремилось строить военное сотрудничество с советской стороной на основе получения безвозмездной военной и другой материальной помощи, а также использования советских специалистов. В то же время информация о тактике действий американцев, применяемом ими оружии, передаваемая советской стороне, носила зачастую самый общий характер. В комментариях к очередной беседе с высокопоставленным вьетнамским партийным функционером, состоявшейся в декабре 1972 г., советник-посланник посольства СССР в ДРВ М.Г. Подольский с сожалением констатировал, что, несмотря на неоднократные просьбы, «вьетнамские товарищи продолжают уклоняться от передачи нам материалов о внутрипартийной деятельности ПТВ», «не хотят быть откровенными». Советские дипломаты не могли получить информацию об организационной и идеологической работе партии. Даже информацию об избрании новых членов Политбюро ЦК ПТВ в советском посольстве получили почти через год после их фактического избрания [7, л. 10].

В такой ситуации советское руководство вынуждено было использовать информацию, добытую разведывательными органами. В фонде 5 имеется ряд документов советской разведки информационного и аналитического плана. Информация в ЦК КПСС поступала как от Комитета государственной безопасности (КГБ), так и из Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооружённых Сил СССР (ГРУ). Доклады ГРУ о военно-политической обстановке во Вьетнаме представляют особый интерес для исследователей. Анализ их содержания показывает критическое отношение разведчиков к некоторым аспектам политики ДРВ. В докладе от 15 ноября 1968 г., подписанном начальником ГРУ П.И. Ивашутиным, решение США о прекращении бомбардировок Северного Вьетнама связывалось с выводом американского руководства, что вряд ли удастся добиться военной победы во Вьетнаме в ближайшем будущем даже при наличии подавляющего превосходства в силах и средствах. В то же время оптимизм вьетнамских коммунистов советские военные разведчики считали необоснованным: экономические и военные возможности

США позволили еще больше нарастить группировку войск во Вьетнаме и вести войну сколь угодно долго. «Если американское правительство сочтет, что требования ДРВ для США неприемлемы, то оно может найти любой предлог для возобновления войны в прежних или больших масштабах», – отмечалось в докладе. Правительство и командование ДРВ продолжали «субъективно оценивать соотношение сил в этой войне и свои возможности по продолжению вооруженной борьбы». Так, вьетнамские руководители, подчёркивали авторы документа, «по-прежнему исходят из своего известного тезиса о том, что все социалистические страны должны, по существу, безоговорочно оказывать всестороннюю помощь ДРВ, которая “находится на переднем крае антиимпериалистической борьбы”», отражает агрессию США и тем самым выполняет свой интернациональный долг». В Москве же обращали внимание на отсутствие реальных военных успехов войск ДРВ и Национального фронта освобождения Южного Вьетнама (НФО), бесперспективность дальнейшего продолжения войны, а также серьезные экономические трудности в Северном Вьетнаме, которые усилили недовольство в армии, среди различных слоев населения и у части руководящего состава ДРВ. Отмечались неравные условия вооруженной борьбы, крупные ошибки, допущенные при планировании и проведении широких наступательных операций в 1968 г., которые привели к значительным потерям в людях, вооружении и боеприпасах, что отрицательно сказалось на боеспособности войск НФО [4, л. 107–118]. Через год советская военная разведка констатировала, что «пять лет напряженной вооруженной борьбы не принесли решающих военных успехов ни одной из воюющих сторон». При этом призналось, что американцы добились заметных успехов в вооруженной борьбе: им удалось нанести весьма ощутимые удары по ДРВ и НФО, значительно подорвать их возможности по проведению активных наступательных действий в Южном Вьетнаме. США нанесли значительный ущерб военно-экономическому потенциалу и людским ресурсам ДРВ (экономика страны почти полностью разрушена, потери личного состава ВНА в Южном Вьетнаме по данным советской разведки только убитыми превысили 550000 человек), лишили войска коммунистов в Южном Вьетнаме основных баз и опорных пунктов, вынудили их отойти в горные малонаселенные районы и отказаться от проведения крупных наступательных операций [6, л. 237]. Теперь, подчеркивали в ГРУ, возможности ДРВ по дальнейшему продолжению вооруженной борьбы весьма ограничены и зависят от размеров помощи, получаемой от СССР и других социалистических стран [6, л. 248–249].

Советские разведчики добывали информацию и о деятельности Политбюро ЦК ПТВ. В докладе ГРУ от 4 сентября 1969 г. говорилось о существовании трех групп в руководстве ПТВ. Усиливались позиции группы во главе с первым секретарем ЦК ПТВ Ле Зуаном, которого поддерживал министр национальной обороны Во Нгуен Зиап. Эта группа выступала за политическое урегулирование вьетнамского конфликта, объединение страны мирным путем, а также за укрепление дружественных отношений с Советским Союзом. Однако в руководстве ПТВ имела и довольно сильная прокитайская группировка во главе с председателем Постоянного комитета Национального собрания ДРВ, членом Политбюро ЦК ПТВ Чыонг Тинем, выступавшая за военный путь решения вьетнамской проблемы и более тесное сближение с КНР. Позиции этой группы слабели. Центристы во главе с премьер-министром ДРВ Фам Ван Донгом в целом были более близки к группе Ле Зуана [5, л. 143–145].

В РГАНИ хранятся личные фонды руководителей КПСС. Фонд 52 освещает деятельность Н.С. Хрущева. Особый интерес представляют записки, продиктованные лично Хрущевым, которые затрагивают различные аспекты внешней политики СССР. Документы фонда наглядно демонстрируют решающую роль Хрущева при

принятии решений: проекты документов готовились на основе его мнения. Только после одобрения Хрущева они направлялись на согласование членам Президиума ЦК КПСС. Например, в деле 601 «Материалы по лаосскому вопросу (1961–1962 гг.)» хранится записка, продиктованная Хрущевым, в которой он высказался за нейтралитет Лаоса. Фактически поддержав американские предложения по Лаосу, Хрущев считал, что договоренность по этому второстепенному вопросу поможет Москве добиться принятия США советских предложений по Германии [8, л. 1–5]. Хрущев продиктовал и «Указания МИД о подготовке документа по лаосскому вопросу» [8, л. 6–9, 21–26]. Результатом стало подписание Женевских соглашений по Лаосу 1962 г., которые подтвердили его нейтралитет.

Очень богатым и содержательным является личный фонд Л.И. Брежнева (ф. 80). Большой интерес для исследователя истории международных отношений представляют записи бесед Брежнева с руководителями других стран, подготовительные материалы к беседам, послания главам государств и правительствам от имени Брежнева, его рукописные заметки, информационные материалы, телеграммы и записки на имя Брежнева по индокитайским проблемам. В архиве имеются материалы для беседы Л.И. Брежнева с Р. Никсоном (с рукописными пометками самого Брежнева) [9, л. 59–62] и с советником президента США по национальной безопасности Г. Киссинджером по вьетнамскому вопросу в 1972 г. [11, л. 175–176]. Можно познакомиться и с записями бесед Брежнева и Киссинджера по урегулированию индокитайского конфликта [11]. В фонде хранятся послания Никсона по Вьетнаму [от 18 июля 1972 г.: 10, л. 2–5; от 27 октября 1972 г.: 10, л. 111–114; и т.д.]. Для переписки Брежнева и Никсона по вьетнамскому вопросу использовался конфиденциальный канал «Добрынин – Киссинджер». Документы показывают внутреннюю «кухню» процесса принятия Брежневым внешнеполитических решений по Индокитаю. В фонде имеются записи бесед Брежнева с вьетнамскими руководителями и материалы к ним, взаимные послания Брежнева и Ле Зуана.

Таким образом, перед нами уникальное собрание архивных источников различного происхождения, комплексный анализ которых позволит представить «объемный» взгляд на историю конфликта в Индокитае, проанализировать его политическое, военно-стратегическое, экономическое и другие измерения, определить роль не только партийных деятелей, военных и дипломатов, но и спецслужб. Историки получают возможность посмотреть на события в Индокитае глазами как советских дипломатов посольства СССР в ДРВ, так и Генерального секретаря ЦК КПСС. Документы РГАНИ наглядно показывают, что индокитайский конфликт стал достоянием дипломатов большого числа стран мира и его изучение станет важным вкладом в осмысление холодной войны как глобального конфликта. Отрадно, что процесс рассекречивания документов РГАНИ продолжается.

1. Конорева, И. А. Советский Союз и Индокитай: 1943–1976 / И. А. Конорева. – Курск : Изд-во Курского гос. ун-та, 2011. – 369 с.

2. РГАНИ. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 94.

3. РГАНИ. – Ф. 5. Оп. 6. Д. 781.

4. РГАНИ. – Ф. 5. Оп. 60. Д. 417.

5. РГАНИ. – Ф. 5. Оп. 61. Д. 458.

6. РГАНИ. – Ф. 5. Оп. 61. Д. 519.

7. РГАНИ. – Ф. 5. Оп. 66. Д. 782.

8. РГАНИ. – Ф. 52. Оп. 1. Д. 601.

9. РГАНИ. – Ф. 80. Оп. 1. Д. 792.

10. РГАНИ. – Ф. 80. Оп. 1. Д. 795.

11. РГАНИ. – Ф. 80. Оп. 1. Д. 796.

12. Gaiduk, I. The Soviet Union and the Vietnam War / I. Gaiduk. – Chicago : Ivan R. Dee, 1996. – XX, 299 p.

Юркевич О.Ю., Монзуль В.Ю.
АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ
ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В 1991–1996 гг.

Ключевые слова: архивные документы, Верховный Совет Республики Беларусь, Гражданский кодекс, законотворчество, источниковедение, Национальный архив Республики Беларусь.

В фондах ГУ «Национальный архив Республики Беларусь» (далее – НАРБ) хранятся важнейшие архивные источники по истории белорусского общества и государства советского и постсоветского периода, которые отражают развитие различных сфер жизни Республики Беларусь и обладают значительным потенциалом для проведения научных исследований, образовательной и воспитательной деятельности по патриотическому воспитанию граждан.

Важным элементом в поиске и определении наиболее эффективных путей совершенствования общественных отношений в белорусском государстве является формирование правовой культуры через изучение исторического опыта государственно-правового развития Беларуси. В фондах архива представлен значительный комплекс документов, в которых прослеживаются различные аспекты формирования современного белорусского законодательства: процессы подготовки нормативных правовых актов, экспертиза и обсуждение законопроектов заинтересованными органами и ведомствами, внесение поправок, а также взгляды и мнения ведущих специалистов республики в области юриспруденции.

Особое значение в изучении данного вопроса играют документы Верховного Совета Республики Беларусь – высшего органа законодательной власти в Белорусской ССР и Республике Беларусь в 1938–1996 гг., которые хранятся в НАРБ в фонде 968 «Верховный Совет Республики Беларусь». Документы данного фонда, несмотря на свою исключительную значимость, не становились объектом специальных источниковедческих исследований. Более того, в отечественной историографии, за исключением монографий и статей А.В. Курьяновича и статей П.А. Жилинского и О.Г. Казака, документы фонда не используются в исследованиях по истории развития законодательства независимой Беларуси [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Среди архивных материалов, представленных в фонде, важнейшими источниками по данному вопросу являются протоколы и стенограммы сессий (616 дел, охватывающих период с сентября 1991 г. по 1996 г.), заседаний Президиума (208 дел), постоянных комиссий (112 дел) Верховного Совета Республики Беларусь, предложения, замечания и заключения Администрации Президента Республики Беларусь, министерств, ведомств, депутатов (ок. 150 дел, но не все документы относятся к законотворческой деятельности), документы о разработке проектов законов (ок. 200 дел об одном, реже – нескольких проектах законов в каждом деле) и другие документы. У каждой из групп источников имеются отличительные особенности, которые определяют характер их использования в исследованиях. Особое значение в исследовании законотворческой деятельности имеют протоколы и стенограммы сессий, заседаний Президиума и комиссий Верховного Совета Республики Беларусь. В отличие от текстов законодательных актов, из протоколов и стенограмм в периодической печати публиковались лишь отдельные выдержки, что обуславливает научную новизну архивных материалов. В данных документах представлены сведения о текущей деятельности и планах работы, внесении дополнений и изменений в законодательство, порядке реализации законодательной инициативы, развитии межпарламентских связей, разработке и реализации отраслевых концепций и др. В частности, в стенограмме внеочередной 11-й сессии Верховного Совета 12-го созыва от 23 марта 1993 г. представлена не становившаяся ранее темой исследований работа по разработке и обсуждению нового Гражданского ко-

декса Республики Беларусь в 1992–1993 гг. Проект готовила рабочая группа, которую возглавляла заместитель Министра юстиции Республики Беларусь В.В. Подгруша. Активное участие в разработке проекта приняли представители Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, прокуратуры, Академии наук Беларуси, кафедры гражданского права юридического факультета БГУ, а также практикующие специалисты [9, л. 28, 35]. Среди основных задач нового Гражданского кодекса современники выделяли поощрение деловой инициативы, здоровой конкуренции, а также развитие рыночных сил и привлечение иностранных инвестиций [9, л. 30]. В проекте нового Гражданского кодекса содержалось большое количество новаций, вызванных структурными изменениями экономики. Кроме того, отдельные изменения претерпело и наследственное право, главным из которых стало увеличение числа очередей наследования до четырех. В.В. Подгруша прямо признавала, что проработка наследственного права велась не только с целью защиты интересов граждан, но также с целью мотивации собственника увеличивать личное богатство, которое можно было бы завещать родственникам [9, л. 27]. Председатель Комиссии по законодательству Верховного Совета Республики Беларусь Д.П. Булахов отмечал, что Беларусь в вопросе кодификации гражданского законодательства являлась «в какой-то степени первопроходцем, потому что из всех других союзных бывших республик проект Гражданского кодекса первым рассматриваем мы и подготовили первыми, будем говорить так, первыми мы» [9, л. 31]. Вместе с тем проект нового Гражданского кодекса был заведомо неполным. Как указывала в своем выступлении на этом заседании В.В. Подгруша, для регулирования всех вопросов, связанных с отдельными видами обязательств, потребовалось бы более 5 тысяч статей [9, л. 24]. Несмотря на то, что проект Гражданского кодекса был принят в первом чтении, от его окончательного утверждения воздержались, ограничившись внесением поправок в действовавший Гражданский кодекс 1964 г. [8, л. 115–176].

В изучении развития белорусского законодательства особое значение приобретают заключения, замечания и предложения комиссий Верховного Совета на поступившие законопроекты, в которых наиболее полно отражались их преимущества и недостатки, а также затрагивались вопросы, волновавшие экспертов и депутатов. В частности, в замечаниях и предложениях Комиссии по делам семьи и молодежи на проект Закона Республики Беларусь «О правах детей» затрагивался вопрос о целесообразности разрешения усыновления, установления или передачи опеки над детьми из Республики Беларусь гражданам иностранных государств. Представителей Комиссии наиболее сильно волновали следующие вопросы: «хто пракантралюе, якое жыццё будзе ў гэтага дзіцяці за мяжой? Ці не занадта высокую адказнасць за лёс усыноўленага мы бяром, дапускаючы ў Законе такую магчымасць?» [10, л. 10]. Данная проблема вызвала активную дискуссию между разработчиками законопроекта. Например, Министерство образования Республики Беларусь высказалось за то, чтобы право ребенка на усыновление иностранными гражданами соответствовало нормам Конвенции ООН «О правах ребенка» и других нормативных правовых актов [10, л. 76]. Для урегулирования возникших противоречий Министерством образования было предложено ч. 3 ст. 25 первоначальной редакции Закона дополнить словами «у парадку, вызначаным Саветаў Міністраў Рэспублікі Беларусь». В письме Министерства образования в Совет Министров Республики Беларусь от 17 февраля 1993 г. № 11-1/117 отмечалось: «Лічым, што гэтая рэдакцыя будзе аддаваць зместу Канвенцыі ААН і не прывядзе да масавага ўсынаўлення дзяцей замежнымі грамадзянамі пры ўмове выканання вызначанага парадку» [10, л. 77]. Принятый 19 ноября 1993 г. Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» свидетельствует о том, что данное предложение было учтено [7, л. 65–96].

Важным источником по изучению данного вопроса являются также инициативные предложения депутатов Верховного Совета Республики Беларусь, в которых отражены причины и обстоятельства, способствовавшие изменению тех или иных нормативных пра-

вовых актов в целях совершенствования общественных отношений. Например, в 1996 г. депутат от Молотковичского избирательного округа обратил внимание на несоответствие предусмотренных проектом Уголовного кодекса Республики Беларусь критериев квалификации ряда преступлений реально сложившейся экономической обстановке в республике. Действовавшие на тот момент критерии мелкого хищения, а также крупного и особо крупного ущерба устарели из-за инфляционных процессов, так как «размер мелкого хищения в 50 рублей и ... минимальная заработная плата в 100 тысяч рублей явно несоизмеримы» [11, л. 140]. В справке-обосновании указывалось, что применение данных критериев на практике приводило к привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших незначительные преступления в виде кражи нескольких килограмм колбасы или кур, а также назначению наказаний, которые не соответствовали степени общественной опасности совершенных деяний [11, л. 142]. В связи с этим им предлагалось изменение размеров мелкого, крупного и особо крупного хищения, направленное на совершенствование уголовного законодательства. Данное предложение вызвало активное обсуждение с заинтересованными ведомствами. В современном законодательстве данный вопрос урегулирован привязкой к базовой величине.

Благодаря важности архивных материалов Верховного Совета для изучения истории Беларуси, в НАРБ на системной основе ведется работа по каталогизации документов фонда 968. По состоянию на 01.01.2025 в систематический и именной каталоги архива введено около 13000 карточек к документам данного фонда. Каталогные карточки автоматически экспортируются в Систему открытого доступа к документам Национального архивного фонда Республики Беларусь, в которой после запуска планируется начать размещение цифровых копий документов.

Таким образом, использование большого комплекса документов Верховного Совета Республики Беларусь в историко-правовых исследованиях может способствовать более полному осмыслению истории белорусского законодательства. Архивные материалы свидетельствуют о том, что в условиях обретения независимости, пересмотра общесоюзных нормативных правовых актов и формирования собственной законодательной базы законотворческая деятельность Верховного Совета Республики Беларусь заложила основы перехода к правовому государству и была направлена на проведение самостоятельной государственной, социально-экономической, культурной и идеологической политики. Введение в научный оборот архивных документов Верховного Совета Республики Беларусь, раскрывающих различные этапы подготовки нормативных правовых актов, будет способствовать проведению многоаспектных исследований в области истории государства и права Беларуси.

1. Жилинский, П. А. Распад рублевой зоны и становление в Беларуси собственной денежной системы (1991–1994) / П. А. Жилинский // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2017. – № 1. – С. 41–47.
2. Жылінскі, П. А. Станаўленне рынкавых інстытутаў і рэфармаванне эканомікі Беларусі ў 1991–1994 гг. / П. А. Жылінскі // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2017. – № 1(100). – С. 22–27.
3. Казак, О. Г. Общественная дискуссия вокруг принятия закона «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» (1992 г.) / О. Г. Казак // Современная политология: взгляд молодежи : материалы научных мероприятий кафедры политологии БГЭУ (2023–2024 гг.). – Минск : БГЭУ, 2024. – С. 141–145.
4. Курьянович, А. В. Верховный Совет в политической жизни Беларуси: формирование, особенности деятельности, финал (1990–1996) / А. В. Курьянович. – Минск : Тесей, 2011. – 204 с.
5. Курьянович, А. В. Конституция независимой Беларуси: разработка, проекты, принятие: монография / А. В. Курьянович. – Минск : Тесей, 2011. – 173 с.
6. Курьянович, А. В. Комиссия Верховного Совета Беларуси XII созыва по экономической реформе, достижению экономической самостоятельности и суверенитета республики: формирование и деятельность (1990–1995 гг.) / А. В. Курьянович // Труд. Профсоюзы. Общество : научно-практический журнал. – 2011. – № 2. – С. 73–79.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 968. Оп. 1. Д. 2688.
8. НАРБ. – Ф. 968. Оп. 1. Д. 2701.
9. НАРБ. – Ф. 968. Оп. 1. Д. 3176.
10. НАРБ. – Ф. 968. Оп. 1. Д. 4022.
11. НАРБ. – Ф. 968. Оп. 1. Д. 4622.

Белашенко Д.А., Сикираж В.В.
МЕМУАРЫ А.В. ЛОПАТЫ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ
О ВОЕННОЙ ПОЛИТИКЕ УКРАИНЫ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ – СЕРЕДИНЕ 1990-х гг.

Ключевые слова: Украина, военная политика, генеральный штаб, ядерное оружие, военная инфраструктура, создание армии, раздел военного имущества.

После распада СССР в декабре 1991 г. бывшие союзные республики среди прочих проблем столкнулись с необходимостью раздела советского военного «наследия», включавшего в себя многочисленные вооруженные силы, большое количество инфраструктурных объектов, огромное количество запасов вооружений и военной техники. Также параллельно с этим процессом необходимо было в сжатые временные сроки заняться формированием собственных национальных армий и выстраивать в дальнейшем самостоятельный военно-политический курс.

Украина, занимавшая второе (а по ряду показателей первое место) среди советских республик, после обретения независимости получила огромный военный потенциал, что было обусловлено ее географическим положением и местом в военно-административной иерархии СССР. Среди прочего стране достались большие запасы ядерного оружия, что впоследствии приведет к нескольким раундам переговоров по денуклеаризации с участием России, США и Великобритании.

В связи с этим большой интерес представляют свидетельства военных, которые в первые годы после распада СССР были свидетелями, а также непосредственно участвовали в процессах по демонтажу советских вооруженных сил, созданию украинской армии и формированию военно-политического курса Украинского государства. Взгляд со стороны, прежде всего, офицеров и высшего командования позволяет сравнить их позицию с позицией и трактовкой представителей политической элиты, а также с имеющимися экспертными и научными оценками.

Стоит отметить, что имеющийся корпус воспоминаний и мемуаров украинских военных деятелей и в целом представителей «силового блока» достаточно узок. Поэтому появление каждого нового труда представляет большой интерес для исследователей. Среди известных на сегодняшний день можно выделить книгу первого министра обороны Украины К.П. Морозова, опубликованную в 2000 г. на английском языке [4], несколько работ генерал-майора госбезопасности А.И. Нездоли [2; 3] и биографического труда А.В. Лопаты [1]. Последний, на наш взгляд, заслуживает пристального внимания.

Анатолий Васильевич Лопата практически 40 лет своей жизни отдал вооруженным силам СССР и Украины, пройдя путь от рядового до генерал-полковника. За годы пребывания в рядах советской армии ему довелось служить, как в разных регионах Советского государства, так и за рубежом (ГДР, Куба, Польша). Апофеозом его военной карьеры станет период первой половины – середины 1990-х гг., когда А.В. Лопата последовательно будет занимать должности заместителя министра обороны Украины, а в период с 24 марта 1993 по 10 февраля 1996 гг. – начальника Главного (с 1994 г. – Генерального) штаба Вооруженных сил Украины.

В 2014 г. была опубликована книга воспоминаний А.В. Лопаты «Записки начальника Генерального штаба Вооруженных сил Украины», в которой он «непредвзято и точно» (как указано в аннотации) отразил все годы своей военной карьеры, охватившей период от юности автора до выхода в отставку в 1996 г. Саму книгу можно разделить на шесть логических блоков, часть из которых (служба в советской армии, пребывание за границей и т.д.) не могут быть подробно проанализированы в рамках настоящей статьи из-за выхода за заявленные предметные и хронологические рамки.

В целом, книгу А.В. Лопаты отличают достаточно сдержанный стиль повествования и превалирование комплиментарных моментов и оценок (хотя значительная доля критики в отношении, например, отдельных политических и военных деятелей или негативные оценки тех или иных событий и процессов также имеют место). Из особенностей также стоит выделить использование большого количества эпитетов и жаргонизмов (в т.ч. профессиональных), частое упоминание себя в третьем лице и т.д.

Наибольший интерес, на наш взгляд, вызывают те части книги, которые посвящены событиям и процессам, предшествовавшим распаду СССР, возвращению А.В. Лопаты из Польши в уже независимую Украину, службе в ВСУ и участию в создании самостоятельной украинской армии, проблемам и сложностям, с которыми столкнулось молодое Украинское государство при формировании собственного военно-политического курса. Постепенно, углубляясь в повествование о периоде 1991–1996 гг., А.В. Лопата разделяет тех людей, с которыми ему приходилось взаимодействовать «по долгу службы» на соратников и единомышленников, с одной стороны, и антагонистов, сыгравших негативную роль, как в процессах становления ВСУ и осуществления военных реформ, так и непосредственно в жизни и карьере самого автора. Тем не менее, А.В. Лопата избегает радикальных критических оценок и иных резких формулировок в адрес своих оппонентов, даже когда речь идет, например, о министре обороны В.Н. Шмарове (1994–1996) и председателе Службы безопасности Украины (СБУ) В.И. Радченко, чья деятельность во многом способствовала отправке А.В. Лопаты в отставку с занимаемой должности, а затем и полному уходу из ВСУ в 1996 г.

А.В. Лопата подробно анализирует те проблемы и сложности, с которыми Украина столкнулась на ранних этапах формирования собственных вооруженных сил. Характерно, что в самом начале книги он приводит слова министра обороны СССР, маршала Д.Т. Язова, высказавшегося однажды на заседании Верховного Совета СССР о проблеме недоукомплектования советской армии ввиду изменения законодательств национальных республик и саботирования плана призыва, а также прочих проблемах, с которыми в тот момент сталкивались вооруженные силы [1, с. 15]. В дальнейшем значительная часть этих сложностей возникнет и в ВСУ.

Так, рассказывая о формировании украинской армии в первой половине 1990-х гг. А.В. Лопата отмечает, что в рамках данного процесса пришлось столкнуться с такими негативными факторами, как коррупция, политические интриги, бюрократические препоны для получения украинского гражданства военнослужащими и членами их семей, национализм и дискриминация возвращающихся солдат и офицеров, экономическая нестабильность и зависимость от России, идеологический барьер и проблематика двух присяг (советской и украинской) и т.д. Отдельно стоит выделить комплекс социальных проблем, с которыми столкнулись военнослужащие. Основной причиной бедственного положения солдат и офицеров, по мнению А.В. Лопаты, была экономическая обстановка, на этот период пришлось массовое сокращение личного состава, в ряде случаев без необходимых выплат. Автор делает упор на отсутствии денежного довольствия ввиду зависимости финансирования от бывшего всесоюзного центра – Москвы. Помимо этого, в отличие от РФ украинские военные были лишены практически любых преференций и удобств – без адекватных заработных плат, без жилья (в том числе и временного), а с 1993–1994 гг. еще и без документального оформления родственников. Например, у многих вернувшихся в страну из других бывших союзных республик военных при себе были буквально чемодан и маленькие дети на руках, а как раз женам и детям в обозначенный период перестали делать штампы о гражданстве, что усложнило, как жилищный вопрос, так и трудоустройство [1, с. 316–381].

Анализируя эти проблемы, А.В. Лопата отсылает читателей, как к общей специфике дестабилизации и дисбаланса системы ввиду фрагментации бывшей всесоюзной

военной инфраструктуры, так и к личному опыту. Например, вернувшись из Польши, он сразу столкнулся с предвзятостью политиков и т.н. аттестационного бюро, включая дискриминацию, в том числе по языковому принципу. Как отмечает автор, в советских войсках большая часть личного состава использовала именно русский язык, впрочем, на нем велась и документальная база. Однако в обретшей независимость республике вопрос языка стал чрезмерно политизирован, в том числе ввиду деятельности националистической партии «Рух». Несмотря на свою патриотическую проукраинскую позицию политические активисты и ряд «местечковой» военной номенклатуры считали его просоветски настроенным враждебным элементом [1, с. 323–419].

Данные взгляды в отношении представителей офицерства подогревались случавшимися инцидентами самовольного оставления мест дислокации вместе с военной техникой и штандартами ряда военных частей и последующего перехода на сторону других государств (в первую очередь, Российской Федерации). Так, к возвращающимся бойцам относились настороженно и задавали провокационные вопросы при зачислении на службу. В частности, одним из наиболее распространенных по воспоминаниям А.В. Лопаты был «Почему Вы не вернулись раньше?» [1, с. 348].

Весьма показательными являются и упоминаемые А.В. Лопатой эпизоды, связанные с противоречиями в высшем командовании ВСУ. В частности, один из них, имевший место в г. Болград (Одесская область), где проходила встреча министра обороны К.П. Морозова и представителями украинского генералитета, собиравшимися перейти на службу в российские вооруженные силы, едва не перерос в полноценный конфликт. Также стоит упомянуть творившейся в создаваемой армии хаос, когда, например, на переполненных складах хранились в т.ч. ядерные боеголовки, требующие особых условий содержания [1, с. 442].

К малозатронутым аспектам военной политики Украины в книге А.В. Лопаты стоит отнести анализ формирования и развития военно-политического курса Украины. Автор достаточно скупно упоминает о процессах ядерного разоружения, переговорах о статусе и разделе Черноморского флота (несмотря на то, что он возглавлял украинскую делегацию в ходе нескольких раундов), делимитации и демаркации границ и т.д. [1]. Это можно объяснить тем, что А.В. Лопата по профилю своей деятельности больше был сосредоточен на внутренних процессах, связанных с формированием ВСУ и преодолении существующих проблем, однако статус второго человека в военном ведомстве в любом случае делал его участником внешнеполитических процессов.

Говоря о взаимодействии с политиками, А.В. Лопата неоднократно упоминает, что целесообразность часто приносилась в жертву конъюнктурным моментам. В частности, в рамках военно-политического курса Украина в духе времени была настроена на развитие отношений, в первую очередь, с США и странами Западной Европы. Сам же А.В. Лопата выступал за следование государственным интересам и, например, заимствованию определенных моментов военной политики (в т.ч. в плане социального обеспечения военнослужащих) у приграничных стран (в первую очередь, у России и Польши) [1].

Подводя итоги, можно констатировать, что «Записки» А.В. Лопаты представляют собой достаточно любопытное описание и анализ военной и военно-политической жизни Украины в начале ее независимого существования. Несмотря на кажущееся преобладание в тексте негативных моментов, связанных, в частности, с проблемами формирования и обеспечения ВСУ, автор на протяжении всей книги сохраняет умеренно оптимистический настрой, не просто рассказывая о сложностях, но в большей степени о попытках их решения и устранения. Распад СССР и независимость Украины А.В. Лопата воспринял как важный исторический момент и шанс для Киева. Однако, несмотря на частое упоминание во второй половине книги поддержки автором украинской само-

стоятельности и независимости, а также нежелании покидать страну (были предложения о переходе в российскую армию, но автор отказался, мотивируя тем, что он – украинец по национальности), повествование ни разу не скатывается в сторону радикального патриотизма или национализма.

1. Лопата, А. В. Записки начальника Генерального штаба Вооруженных сил Украины / А. В. Лопата. – К. : Военная разведка, 2014. – 584 с.
2. Нездоля, А. И. Две эпохи генерала госбезопасности / А. И. Нездоля. – Донецк : Каштан, 2006. – 398 с.
3. Нездоля, А. И. Спецслужбы и власть Украины / А. И. Нездоля. – Донецк : Каштан, 2011. – 807 с.
4. Morozov, K. P. Above and beyond: From Soviet general to Ukrainian state builder / K. P. Morozov ; introd. by Sherman W. Garnett. – Cambridge : Harvard Univ., 2000. – 295 p.

Казак О.Г.

**ДОКУМЕНТЫ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ЦЕНТРА НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
УКРАИНСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
В БЕЛАРУСИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1990-х гг.)**

Ключевые слова: межнациональные отношения, национальные меньшинства, общественные объединения, украинская диаспора, Республиканский центр национальных культур.

Республиканский центр национальных культур (далее – РЦНК) был создан приказом Министра культуры Республики Беларусь 22 декабря 1994 г. Центр оказывает информационную, методическую, консультативную помощь по вопросам культуры национальным общностям и белорусам зарубежья, организует работу коллективов художественного творчества, кружков и других клубных формирований с участием представителей национальных общностей, проводит культурные мероприятия, направленные на публичный показ (публичное исполнение) результатов творческой деятельности коллективов художественного творчества, кружков и других клубных формирований с участием представителей национальных общностей, культурно-зрелищные и другие культурные мероприятия с участием коллективов художественного творчества, отдельных исполнителей и авторов [9, с. 53]. В 1995–1996 гг. в РЦНК была создана картотека национальных самодеятельных художественных коллективов, народных мастеров с целью оказания им материальной и иной помощи [10, с. 45]. Одним из важнейших направлений деятельности РЦНК является взаимодействие с общественными объединениями национальных меньшинств.

Документы РЦНК второй половины 1990-х гг., отложившиеся в фонде Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства, свидетельствуют, что руководство данного органа в условиях непростого финансового положения всегда старалось помочь реализации инициатив украинских общественных объединений Беларуси. Так, в 1996 г. на деятельность Белорусской ассоциации украинцев «Ватра» было выделено 11 млн руб., на аренду помещений для этого объединения – 186 тыс. руб., на проведение фестиваля украинской песни – 2 млн руб., на организацию работы отдела украинской литературы городской библиотеки № 20 г. Минска – 2 млн 330 тыс. руб. [1, л. 100]. РЦНК регулярно выделял значительные денежные суммы украинским общественным объединениям для проведения ими отчетно-выборных конференций (по ходатайству руководства «Ватры» от 18 ноября 1996 г. было выделено 7 млн 480 тыс. руб. [3, л. 225]), по ходатайству «Просвиты Брестчины» им. Т.Г. Шевченко от 12 ноября 1997 г. – 2 млн руб. [4, л. 224]).

Украинские организации принимали активное участие в мероприятиях Республиканского фестиваля национальных культур, который проводится в Гродно с 1996 г. Так, по итогам I Республиканского фестиваля национальных культур «Ватра» получила грант от Министерства культуры Республики Беларусь на сумму 15 млн руб. «за активное развитие и пропаганду национальной культуры, высокий творческий уровень» [2, л. 14]. В организации региональных этапов II Республиканского фестиваля национальных культур в 1997 г. РЦНК действовал совместно с крупнейшими украинскими организациями Беларуси – «Ватрой» и «Просвитой Брестчины» им. Т.Г. Шевченко. 3 марта 1997 г. директор РЦНК В. Матюшенко направил письмо руководству Кобринского районного исполнительного комитета с просьбой оказать содействие в проведении в Кобрине музыкального форума «Дорогами Кобзаря» в рамках II Республиканского фестиваля национальных культур. Сообщалось, что командировочные расходы украинских коллективов из Минска и Молодечно оплачивались РЦНК [4, л. 57]. В мае 1999 г. в Минске проводился V Республиканский фестиваль искусств украинцев Беларуси, в августе того же года общество «Ватра» и РЦНК выступили соорганизаторами литературного вечера в честь 185-летия Т.Г. Шевченко. Значительную часть расходов на проведение данных мероприятий брал на себя РЦНК [5, л. 90, 111].

Показательно, что РЦНК нацеливал органы местного управления на взаимодействие с украинскими общественными объединениями в вопросах, которые касались культурных инициатив украинского национального меньшинства. Так, в письме директора РЦНК В. Матюшенко начальнику управления культуры Брестского областного исполнительного комитета Р. Басюку от 21 февраля 1998 г. сообщалось о необходимости направить на Республиканский смотр украиноязычных вокальных ансамблей 20 человек. Кандидатуры следовало согласовать с руководством «Просвиты Брестчины» им. Т.Г. Шевченко [6, л. 43].

В документах РЦНК нашли отражение и конфликтогенные аспекты украинского этнополитического движения в Беларуси. Так, 19 июня 1996 г. в РЦНК было направлено заявление председателя Украинского общественно-культурного объединения Брестской области (далее – УОКОБО) Н. Козловского. Данный общественный деятель еще в позднесоветский период отметился скандальными публичными заявлениями о необходимости присоединения Западного Полесья к Украине или предоставления региону широкой автономии [8]. Н. Козловский обвинял руководство РЦНК в игнорировании деятельности УОКОБО, нежелании признавать якобы доказанный факт принадлежности автохтонного населения Брестского региона к украинскому этносу. При этом лидер УОКОБО ссылаясь на положения международных документов в области прав человека и Закона Республики Беларусь «О национальных меньшинствах» (1992 г.), которые он трактовал крайне субъективно [3, л. 101–102]. В ответе РЦНК, подписанном его директором В. Матюшенко, сообщалось, что центр был готов к сотрудничеству со всеми организациями национальных меньшинств, в том числе УОКОБО. Для осуществления такого сотрудничества украинской организации было необходимо зарегистрироваться в РЦНК в установленном порядке (процедура была подробно изложена в документе). Н. Козловскому было предложено предоставить информацию о деятельности возглавляемого им общества в РЦНК, который в тот момент завершал работу над составлением буклета «Национальные культурно-просветительские объединения Республики Беларусь». В. Матюшенко вполне резонно и аргументированно отмечал, что национальная принадлежность граждан является предметом их личного осознанного выбора: «Вы правильно цитируете Закон “О национальных меньшинствах в Республике Беларусь”: определять принадлежность к национальности – это дело граждан Республики, а не общественного объединения или, как РЦНК, государственного, тем более, когда дело касается крупного Полесского региона Беларуси» [3, л. 96–97]. Отметим, что

в 1990-е гг. абсолютное большинство жителей Западного Полесья, согласно данным социологических исследований, считало себя белорусами. Можно констатировать, что население региона не воспринимало манипулятивную пропаганду Н. Козловского и Н. Шеляговича (лидер западнополесского этнополитического движения конца 1980-х – первой половины 1990-х гг.) [7, с. 90–92].

Деятельность украинских общественных объединений в Беларуси в 1990-е гг. сопровождали внутренние конфликты, в некоторые из которых оказались втянуты и сотрудники РЦНК. Показательно, что РЦНК в таких ситуациях демонстрировал взвешенный подход, стараясь не обострять ситуацию. Так, в служебной записке директора РЦНК В. Матюшенко на имя заместителя Министра культуры В. Гедройца (27 октября 1997 г.) сообщалось о том, что в 1991 г. при Минском городском культурно-просветительском обществе «Заповіт» был образован хор «Криниця», первым руководителем которого был С. Дробыш. С 1994 г. украинский хор возглавил Х. Котяш. В результате раскола в обществе «Заповіт» из его состава в начале 1995 г. выделилось Минское городское просветительское общество украинской культуры «Кобзарь», на баланс которого перешел хор «Криниця» (руководитель хора с 1 августа 1995 г. был зачислен в штат РЦНК и получал заработную плату). В следующем году произошел раскол уже в обществе «Кобзарь», из структуры которого вышел хор «Криниця», сменивший название на Минский городской центр украинской песни «Сичь». В апреле 1996 г. Х. Котяш был уволен из РЦНК. В. Матюшенко привел следующую аргументацию данного решения: «В результате преобразований РЦНК оказался в опасной ситуации: требуя от руководителя хора выполнения определенных служебных обязательств, центр мог вмешиваться во внутренние дела национального объединения». В дальнейшем Х. Котяш стал участником конфликта с руководством детского ансамбля украинского танца, основанного в декабре 1995 г. обществом «Ватра» и действовавшего в структуре РЦНК. Причиной конфликта стал вопрос организации выступлений указанных творческих коллективов в Украине [4, л. 228–229].

Таким образом, во второй половине 1990-х гг. РЦНК оказывал всеобъемлющую финансовую и методическую помощь украинским обществам Беларуси в деле организации мероприятий, направленных на популяризацию украинской культуры. В документах РЦНК отразились и некоторые негативные тенденции, связанные с деятельностью отдельных активистов украинского этнополитического движения в Беларуси того времени (искусственная политизация этничности с целью получения материальных и символических дивидендов).

1. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИИ). – Ф. 523. Оп. 1. Д. 8.
2. БГАМЛИИ. – Ф. 523. Оп. 1. Д. 15.
3. БГАМЛИИ. – Ф. 523. Оп. 1. Д. 17.
4. БГАМЛИИ. – Ф. 523. Оп. 1. Д. 29.
5. БГАМЛИИ. – Ф. 523. Оп. 1. Д. 45.
6. БГАМЛИИ. – Ф. 523. Оп. 1. Д. 51.
7. Казак, О. Г. Западнополесское этнополитическое движение в Беларуси (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.) : монография / О. Г. Казак, А. С. Середа. – Минск : Колорград, 2023. – 101 с.
8. Казак, О. Г. Украинское этнополитическое движение в Беларуси: деятельность «Украинского общественно-культурного объединения Брестской области» (1990-е гг.) / О. Г. Казак, А. С. Середа // Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества. Глобальный мир в эпоху политической турбулентности, экономических санкций и информационных войн : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14 дек. 2022 г. / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: А. В. Беляев (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2022. – С. 67–71.
9. Пушкин, И. А. Структуры, реализующие политику этнокультурного разнообразия в Республике Беларусь / И. А. Пушкин // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений : материалы X Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 6 декабря 2024 г. / редкол.: Т. А. Хагуров [и др.]. – Краснодар, 2024. – С. 48–56.
10. Пушкін, І. А. Нацыянальныя супольнасці Беларусі: грамадска-палітычная і культурна-асветніцкая дзейнасць (1990–2005 гг.) / І. А. Пушкін. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2007. – 206 с.

Півавар М.В.
МАТЭРЫЯЛЫ ПЕРЫЯДЫЧНАГА ДРУКУ
ЯК КРЫНІЦА ГІСТОРЫІ ПОШУКАВАГА РУХУ ВІЦЕБШЧЫНЫ

Ключавыя словы: пошукавы рух, ваенна-патрыятычная работа, СМІ, Л.Н. Бруева, пошук.

Пошукавы рух з’яўляецца важным накірункам грамадскага жыцця, значным элементам ваенна-патрыятычнага выхавання як у БССР, так і ў незалежнай Рэспубліцы Беларусь. Нарадзіўшыся ў 1960-я гг., рух “чырвоных следапытаў” стаў масавым, адыграў вялікую ролю ў выхаванні патрыятызму, любові да Радзімы, грамадзянскіх якасцяў моладзі краіны. Разам з працай дзяржаўных органаў кіравання, у супрацы з Беларускім добраахвотным таварыствам аховы помнікаў гісторыі і культуры праводзілася праца па добраўпарадкаванні пахаванняў воінаў, якія загінулі ў гады Вялікай Айчыннай вайны, паўсталі тысячы помнікаў, манументаў, усталяваны мемарыяльныя дошкі, створаны музеі баявой славы. У другой палове 1980-х – 1990-я гг. пошукавы рух некалькі змяніў прыярытэты, важным накірункам стала правядзенне раскопак на месцах былых баёў, пошук, выяўленне і перапахаванне байцоў Чырвонай Арміі, якія не былі належным чынам пахаваны. У другой палове 1990-х – 2000-я гг. прыярытэты зноў змяніліся, і удзельнікі грамадскага пошукавага руху, у першую чаргу моладзь стала дапамагаць у выяўленні не ўлічаных воінскіх пахаванняў, займацца ваенна-архіўнай работай, браць удзел у масавых патрыятычных мерапрыемствах выхаваўчага напрамку.

Час няўмольна бяжыць, вось ужо амаль 40 гадоў мінула з таго часу, як у г. Калуга ў 1988 г. на першым злёце пошукавых атрадаў СССР быў дадзены пачатак арганізаванаму пошукаваму руху. Пара падвесці вынікі яго дзейнасці, вызначыць асноўныя дасягненні, перспектывы росту, цяжкасці ў развіцці. Наспеў час стварыць працу, у якой асвятліць гісторыю пошукавага руху.

Яшчэ жывыя ўдзельнікі гэтага феномена ў грамадскім жыцці краіны. Ёсць магчымасць запісаць інтэрв’ю, сабраць сведчанні правадзімай працы. Але, для любога гісторыка асновай для напісання працы традыцыйна з’яўляюцца архіўныя дакументы. Па шэрагу прычын, матэрыялаў, якія б маглі праліць святло на гісторыю станаўлення і развіцця пошукавага руху вельмі мала. Прычын гэтаму шмат. Важнай з’яўляецца тая, што пошукавыя грамадскія арганізацыі, якія ўзніклі напрыканцы 1980-х – пачатку 1990-х гг. былі шматлікімі, але дзейнасць іх часта абмяжоўвалася некалькімі гадамі. Справаздачную дакументацыю, яны, як правіла, не вялі. А калі і вялі, то большасць матэрыялаў так і не былі перададзены ў дзяржаўныя архівы і, верагодна, страчаны назаўсёды.

Складана пераацаніць ролю Л.Н. Бруевай у пошукавым руху Беларусі. У 1980-я гг. яна стаяла ля вытокаў стварэння першых грамадскіх пошукавых арганізацый у БССР, яе намаганнямі была створана рэспубліканскае таварыства: Беларуская пошукавая асацыяцыя “ПОШУК”. Яна з’яўлялася кіраўніком гэтага таварыства на працягу 1995–2006 гг. Для гісторыі пошуку важнае значэнне мае кніга «Пока не похоронен последний солдат» [1], у якой Л.Н. Бруева ў форме нарысаў дала кароткую гісторыю пошукавага руху на Віцебшчыне, абагульніла досвед работы пошукавікаў амаль за 40 гадоў.

У Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці на захаванні знаходзіцца асабісты архіў Л.Н. Бруевай (Ф. 575). Фонд утрымлівае 45 спраў (827 дакументаў) за 1985–2022 гг., якія ўключаны ў вопіс № 1. На stronках 3–10 змяшчаецца гісторыка-

архіўная даведка да фонду, у якой захоўваецца біяграфія фондаўтваральніка і асноўныя вехі яе прафесійнай і грамадскай дзейнасці, вынікі і дасягненні кар’еры. Справы ў вопісе структураваны і падзелены на два вялікіх блока: “Дакументы да біяграфіі Л.Н. Бруева” і “Дакументы аб пошукавай дзейнасці і ўвекавечанні памяці абаронцаў Айчыны”.

Асабліваю каштоўнасць у стварэнні летапісу пошукавага руху краіны, на нашу думку, уяўляюць справы № 16, 17, 18 “Статьи из республиканских и местных СМИ о работе поисковых отрядов”. Тут змяшчаюцца артыкулы ў рэспубліканскім і мясцовым перыядычным друку (газеты “Рэспубліка”, “Во славу Родины”, “Белорусская военная газета”, “Сельская газета”, “Коммунист Белоруссии”, “Віцбiчы”, “Народнае слова”, “Жыццё Прыдзвіння”, “Лепельскі край” і інш.) з 1990 па 2019 гг., якія маюць дачыненне да пошукавай справы, праліваюць святло на развіццё, асноўныя тэндэнцыі пошуку на працягу гэтага перыяда. На жаль, не ўсе артыкулы можна анатаваць, некаторыя не маюць выходных звестак (назвы друкаванага органа, год, дакладнай даты выхаду ў свет, аўтарства) і іх атрыбутацыя магчыма толькі прыблізная. Разумеем, што у падборцы змяшчаюцца далёка не ўсе артыкулы на пошукавую тэматыку, якія друкаваліся на старонках СМІ. Артыкулы адлюстроўваюць суб’ектыўны меркаванні аўтараў, якімі часта і выступалі ўдзельнікі пошукавага руху, а іх выбарка мае таксама суб’ектыўны характар.

Тым не менш, аналіз артыкулаў дае магчымасць лепей разумець рэаліі часу. Напрыклад, тых самых “ліхіх” 1990-х, якія ў нашы дні чымсьці дэманізаваны, чымсьці гераізаваны. Аднак праз радкі, напісаныя ў тых часы, лепей разумееш, напрыклад, праблемы, якія стаялі перад пошукавікамі. У час, калі заробак настаўніка складаў некалькі дзесяткаў даляраў (у эквіваленце), калі інфляцыя складала некалькі сотняў працэнтаў, калі ў дэфіцыце былі самыя простыя рэчы, калі часам проста стаяла праблема, чым накарміць дзяцей, думаеш, а як жа ў гэтых цяжкіх умовах людзі займаліся пошукам, справай, ад якой іх жыццё не залежала, не прыносіла прыбытку, наадварот, часта вымагала вялікіх высілкаў для ажыццяўлення. У яркіх, безкампрамісных радках пошукавікоў адчуваеш іх боль і горыч за тое, што ў другой палове 1990-х гг. дзейнасць масавага, грамадскага пошукавага руху фактычна была забаронена. У артыкулах падыхаюцца пытанні, чаму грамадскі пошукавы рух фактычна пастаўлены пад забарону? Упраўленне па ўвекавечанні прапанавала толькі такія формы работы, як сустрэчы з насельніцтвам (ветэранамі, ахвярамі і сведкамі вайны), запісы ўспамінаў выдавочцаў і сведкаў вайны, праца ў архівах, удзел у святочных мерапрыемствах з абедам з салдацкай кашы. Прыпынена магчымасць удзельнічаць у раскопках на месцах баёў, а праца дзяцей катэгарычна забаронена. Галоўнай прычынай выказвалася небяспека падрываў на выбуховых прадметах у час раскопак. Але такіх за 12 гадоў арганізаванага руху не было ніводнага [2].

Праз пэўны час адбудзецца пацяпленне, будуць распрацаваны інструкцыі, якія дазваляць удзел у раскопках грамадскіх пошукавых атрадаў разам з ваеннаслужачымі 52 асобнага спецыялізаванага пошукавага батальёна, да ўдзелу ў вахтах памяці будуць дапушчаны і дзеці, але грамадскі пошукавы рух ужо верагодна ніколі не вернецца да таго размаху і маштабаў, які ён меў у другой палове 1980-х – першай палове 1990-х гг.

1. Бруева, Л. Н. Пока не похоронен последний солдат (из истории поискового движения в Витебской области): справочное издание / Л. Н. Бруева. – Орша : Оршанская типография, 2009. – 496 с.

2. Николай, брат Николая // Народнае слова. – 2008. – 24 мая. – С. 3.

Косов А.П.
**ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО США О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ
ПОВЕДЕНИИ РФ И РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД**

Ключевые слова: эксперты, политологи, экспертное сообщество, США, РФ, внешняя политика, российско-американские отношения, постбиполярный период.

Американские исследователи уделяют большое внимание внешнеполитическому поведению Российской Федерации в постбиполярном мире, о чем свидетельствует множество публикаций. В США изучением России занимается целый ряд экспертно-аналитических центров – Совет по международным отношениям, Институт Брукинга, Фонд Карнеги за международный мир, Американский совет по внешней политике, Фонд «Наследие», Корпорация РЭНД, Атлантический совет, Центр евразийских, российских и восточноевропейских исследований Джорджтаунского университета, Центр по изучению России и Евразии Гарвардского университета, Институт европейских, российских и евразийских исследований Университета Джорджа Вашингтона, Институт Кеннана, Гуверовский институт войны, революции и мира, Центр Никсона (с 2011 г. – Центр за национальный интерес), Международный институт стратегических исследований, Центр стратегических и международных исследований, Центр евразийских исследований Университета Гопкинса и др.

В зависимости от места работы американских авторов, пишущих о России и ее роли в современном мире, можно разделить на шесть категорий: академические ученые, сотрудники «фабрик мысли» (think tanks), госслужащие, журналисты, аналитики бизнес-структур, сотрудники разведсообщества. У каждого из них, конечно, свои интерпретации политики Москвы.

Важная роль в создании на Западе образа РФ принадлежит так называемым «старым кадрам», ставшими видными специалистами по России/СССР еще в годы Холодной войны. В первую очередь, среди них можно упомянуть Р. Пайпса, Дж. Кеннана, Дж. Биллингтона, Г. Киссинджера, Зб. Бжезинского, М. Голдмана, Р. Такера. Начиная с 1990-х гг. в США сформировались новые поколения исследователей, занимающихся в той или иной степени Россией. Прежде всего, это – Р. Легволд, Т. Грэм, А. Стент, А. Коэн, С. Коэн, Л. Арон, Д. Саймс, Я. Бугайский, Дж. Голдгейер, М. Макфол, Э. Качинс, Т. Колтон, С. Коткин, Д. Саттер, С. Сестанович, С. Тэлботт, Д. Фоглесонг, Ф. Хилл, М. Рожанский, С. Уайт и др. Они отличаются своими политическими взглядами, профессиональным уровнем и знанием российских реалий. К тому же, с течением времени их оценки России нередко менялись.

В теоретико-методологическом плане И.А. Истомин из МГИМО выделил в интеллектуальной среде США три направления: реалистское, представители которого (Р. Легволд, Т. Грэм, Дж. Миршаймер, С. Коткин, Д. Саймс, С. Чарап и др.) связывают поведение России с реакцией на угрозу безопасности со стороны Запада; либеральное, представители которого (Я. Бугайский, М. Макфол, С. Сестанович, Дж. Хербст, С. Хэнсон и др.) убеждены в том, что действия Москвы обусловлены сущностью политического режима; конструктивистское, представители которого (Д. Кэмпбелл, Т. Снайдер, Д. Фоглесонг, Ф. Хилл и др.) объясняют поведение РФ желанием вернуться на международную арену в качестве великой державы [3].

Для большинства американских экспертов характерно высокомерное отношение к РФ. Можно вполне согласиться с известным международником А.Д. Богатуровым, что в целом представители американского политико-академического сообщества изображают Россию то страной «неудавшейся демократии» и авторитаризма, то просто от-

стающим в демократизации государством, способным или быть полезным Соединенным Штатам, или нанести тот или иной ущерб интересам Вашингтона [7, с. 367]. Так, в 1990-е гг. многие американские авторы (Зб. Бжезинский, С. Коэн, П. Кьюбисек, Ш. Гарнетт, Р. Пайпс и др.) отмечали слабость РФ, называя ее страной с ограниченными возможностями на мировой арене [1, с. 123; 18, р. 328; 27, р. 568; 41, р. 78]. При этом они выступали за скорейшую демократизацию страны и вовлечение ее в западное сообщество [35]. Одновременно отдельные политологи сохраняли тревогу относительно потенциальной возможности восстановления Россией своей мощи. Например, Зб. Бжезинский доказывал, что без Украины Россия не сможет вновь стать империей [1, с. 108; 11, р. 80]. Как отмечал в середине 1990-х гг. У. Уолфорт, несмотря на ослабление России, ее нельзя игнорировать [51, р. 129]. Профессор С. Коэн также считал, что РФ даже в ослабленном состоянии оставалась великой державой, которую нельзя недооценивать [5, с. 217–219]. Правда, администрация Клинтона к данному совету не прислушалась.

Ряд исследователей (Дж. Голдгейер, М. Макфол, Т. Грэм и др.) продолжали воспринимать РФ слабой и в 2000 г. [20; 21]. Одновременно политологи подчеркивали, что внутренний режим России не определяет ее внешнюю политику и что США в любом случае имеют ограниченную возможность формировать внутренний порядок в России [19, р. 5]. Другие (А. Коэн, Д. Тризман) отмечали факт восстановления РФ [15; 48].

В 2000-е гг. ряд экспертов винили в ухудшении российско-американских отношений не столько Россию, сколько сами США. В частности, подобных взглядов придерживались С. Уолт [49], К. Уолц [50], С. Коэн [17], Дж. Мендельсон [40] и др. Так, профессор Колумбийского университета Р. Легволд призывал не сбрасывать Россию со счетов в мировой политике [6, с. 148]. Политолог считал, что необходимо искать общие сферы для сотрудничества Москвы и Вашингтона. По его мнению, главная причина непрочности российско-американских отношений в недооценке обеими сторонами их обоюдной важности [6, с. 146]. По мнению Р. Легволда, Россия и США больше не являлись соперниками. Он воспринимал РФ в качестве младшего партнера Соединенных Штатов [30, р. 66]. При этом отдельные авторы (например, Э. Качинс) даже отмечали позитивную роль РФ в международной жизни [4]. Ведь, В.В. Путин, придя в Кремль, попробовал наладить взаимодействие с Западом [10].

По мере восстановления Россией части своей мощи в экспертных кругах США стала усиливаться тревога и раздражение. Разговоры о новой российской угрозе значительно увеличились. Эксперты отмечали нараставшее сопротивление со стороны РФ американскому доминированию в мире [9; 16; 36; 44]. Продвижение Запада на Восток подрывало стремление Москвы создать в Евразии сферу российского влияния в условиях глобальной геополитической борьбы с США и КНР [32, р. 84–109, 245–252].

Либералы попытались объяснить переход России с середины 2000-х гг. к наступательной политике попытками путинского режима отвлечь внимание населения от собственных неудач внутри страны. Так, по мнению Я.Я. Бугайского, ответственность за нарастание противоречий между РФ и Западом лежало исключительно на Москве [12].

В связи с дальнейшим обострением российско-западных отношений отдельные американские исследователи стали рассматривать международную ситуацию как начало «новой Холодной войны» [17; 24; 29]. Любопытно, что более молодое поколение экспертов (М. Рожански, Р. Зальцман и др.) высказалось против употребления термина «новая Холодная война», отмечая отсутствие глобального идеологического конфликта между РФ и США [42]. При этом одни исследователи возложили вину за новый виток эскалации на Россию [8; 13; 31, р. 123; 37, р. 41; 43]. Так, Р. Каган, А. Кендал-Тэйлор, К. Стоунер, М. Макфол и др. обвиняют В.В. Путина в случившейся конфронтации и призывают евроатлантическое сообщество к подобной политике в отношении России [23; 34; 25, р. 74; 47].

Они убеждены, что до тех пор, пока В.В. Путин будет находиться у власти, РФ останется вызовом для Запада [33, р. 75, 34, р. 83]. Профессор Т. Снайдер из Йельского университета даже назвал путинский режим фашистским, безосновательно сравнил В.В. Путина с А. Гитлером, а специальную военную операцию с захватом немцами Чехословакии [45, р. 127–128, 130]. По мнению профессора Принстонского университета С. Коткина, эволюция Путина стала не только реакцией на внешние действия Запада, но и результатом влияния внутренних факторов, основанных на давних великодержавных амбициях России. Однако эксперт был не уверен в состоянии Москвы на равных соперничать с Западом. Поэтому С. Коткин рекомендует проводить жесткую линию в отношении РФ, одновременно предлагая русским переговоры с позиции силы. В результате Кремль смирится с неспособностью конкурировать с евроатлантическим сообществом и примет американские условия [26, р. 9]. Мысль о том, что поводом для СВО стали не провокации Запада, а «божественное право России» управлять Украиной проводят Ф. Хилл и А. Стент [22, р. 108]. Политологи считают Россию ревизионистской державой [22, р. 109]. По их мнению, В.В. Путин «стремится построить свою версию Российской империи» [22, р. 122]. Ф. Хилл и А. Стент убеждены, что это он развязал экономическую и информационную войну против Запада, а не наоборот [22, р. 115].

Другие эксперты, напротив, возлагали вину за конфронтацию на Запад. Так, профессор С. Коэн был убежден, что ответственность за новую Холодную войну в значительной мере лежит на западных державах [17]. Почетный профессор Чикагского университета Дж. Миршаймер также считает, что действия России стали ответом на движение НАТО к российским границам. Поэтому всю ответственность за кризис в российско-западных отношениях политолог возложил на Запад [39].

В условиях нарастания противоречий ряд экспертов подчеркивал необходимость поиска решений выхода из сложившейся ситуации. Так, Э. Качинс из Центра стратегических и международных исследований указывал, что В.В. Путин был крайне обижен на Вашингтон. Своими действиями американцы подорвали имевшийся у него запас доверия к США. Поэтому эксперт рекомендовал изменить подход к путинской России. По его мнению, необходимо активизировать взаимодействие в тех областях, где у Москвы и Вашингтона имеются общие интересы, и постараться минимизировать риски там, где между сторонами наблюдаются противоречия [28, р. 39]. Согласно Дж. Миршаймеру и С. Уолту, США следовало развивать партнерские отношения с РФ, а не игнорировать интересы Москвы, способствуя разжиганию украинского конфликта [38, р. 76]. Профессор Р. Легволд также призывал США и Россию преодолеть негативное восприятие друг друга, поставить перед собой цель закончить противостояние и совместными усилиями, пусть и методом «малых шагов», начать выходить из кризиса [29, р. 138–164]. С точки зрения директора Центра евразийских, российских и восточноевропейских исследований Джорджтаунского университета А. Стент, обеим державам необходимо переосмыслить свои отношения. Правда, эксперт скептически оценивала перспективы двустороннего партнерства [46, р. 274, 306]. Подобного взгляда придерживается и известный политолог Т. Грэм. Он считает, что вне зависимости от исхода войны на Украине Вашингтону придется считаться с РФ как с важным игроком на мировой арене. При этом российско-американские отношения «останутся конкурентными, если не враждебными», поскольку у Соединенных Штатов нет инструментов для изменения внутреннего пути развития России [2, с. 316–317]. Старший научный сотрудник Корпорации РЭНД С. Чарап также выступил за завершение военного конфликта на Украине, поскольку ситуация затянулась и Запад не смог нанести поражение России. При этом по мнению аналитика, Вашингтон должен постараться добиться для себя преимущества [14].

Таким образом, в США о внешней политике РФ опубликовано большое количество работ как публицистического, так и научного характера. Общей чертой большин-

ства публикаций американских авторов при всех имеющихся различиях в их взглядах и оценках является констатация конфронтационности отношений между Россией и Соединенными Штатами. Несмотря на отдельные различия относительно мотивов внешнеполитического поведения Москвы для многих американских реалистов, либералов и конструктивистов характерна концептуальная близость при интерпретации двусторонних отношений в постбиполярный период. При этом эксперты расходятся в оценках виновников текущей конфронтации между РФ и США, а также действий Вашингтона на российском направлении.

1. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М. : Международные отношения, 2005. – 256 с.
2. Грэм, Т. Понять Россию / Т. Грэм. – Ереван : Fortis Press, 2025. – 322 с.
3. Истомин, И. Разгадать энигму: западное экспертное сообщество в поисках объяснения российской политики / И. Истомин // РСМД. – 2015. – 15 мая. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/razgadat-enigmuzapadnoe-ekspertnoe-soobshchestvo-v-poiskakh/> (дата обращения: 17.02.2025).
4. Качинс, Э. Многополярный мир президента Путина / Э. Качинс // Независимая газета. – 2003. – 27 окт. – URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2003-10-27/14_rease.html (дата обращения: 27.03.2025).
5. Коэн, С. Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России / С. Коэн. – М. : АИРО-XX, 2001. – 303 с.
6. Легволд, Р. Между партнерством и разладом / Р. Легволд // Россия в глобальной политике. – 2006. – Т. 4, № 5. – С. 141–152.
7. Современная мировая политика: прикладной анализ / А. А. Байков, Д. Г. Балуев, Э. Я. Баталов ; отв. ред. А. Д. Богатуров. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 588 с.
8. Allison, R. Russian “Deniable” Intervention in Ukraine: How and Why Russia Broke the Rules / Roy Allison // International Affairs. – 2014. – Vol. 90, № 6. – P. 1255–1297.
9. Ambrosio, T. Challenging America’s Global Preeminence: Russia’s Quest for Multipolarity / T. Ambrosio. – Aldershot : Ashgate, 2005. – XI, 196 p.
10. Black, J. L. Vladimir Putin and the New World Order / J. L. Black. – Lanham : Rowman and Littlefield, 2004. – XIV, 367 p.
11. Brzezinski, Zb. The Premature Partnership / Zb. Brzezinski // Foreign Affairs. – 1994. – March/April. – Vol. 73, № 2. – P. 67–82.
12. Bugajski, J. Cold Peace: Russia’s New Imperialism / J. Bugajski. – Westport, (Conn.) : Greenwood Press, 2004. – X, 302 p.
13. Bugajski, J. Failed State. A Guide to Russia’s Rupture / J. Bugajski. – Washington : The Jamestown Foundation, 2022. – XIV, 450 p.
14. Charap, S. An Unwinnable War: Washington Needs an Endgame in Ukraine / S. Charap // Foreign Affairs. – 2023. – Vol. 102, № 4. – P. 22–35.
15. Cohen, A. Domestic Factors Driving Russia’s Foreign Policy / A. Cohen // Backgrounder. – 2007. – Nov. 19. – № 2084. – URL: https://static.heritage.org/2007/pdf/bg2084.pdf?_gl=1*pvf1nn*_gcl_au*MTYwNzUyNDIzNi4xNzQzMTA0MDA3*_ga*NDMzMTc1NzA4LjE3NDMxMDQwMDg.*_ga_W14BT6YQ87*MTc0MzEwNDAwOC4xLjAuMTc0MzEwNDAwOC42MC4wLjA (date of access: 17.02.2025).
16. Cohen, A. Russia Is Back / A. Cohen // The National Interest. – 2013. – Sept. 17. – URL: <http://nationalinterest.org/commentary/russia-back-9077> (date of access: 15.10.2019).
17. Cohen, S. F. Why Cold War Again? How America Lost Post-Soviet Russia / S. F. Cohen. – L. ; N. Y. : I. B. Tauris, 2017. – 224 p.
18. Garnett, Sh. W. A Nation in Search of Its Place / Sh. W. Garnett // Current History. – 1999. – Vol. 98, № 630. – P. 328–333.
19. Goldgeier, J. M. Power and Purpose: US Policy toward Russia after the Cold War / J. M. Goldgeier, M. McFaul. – Washington : Brookings Institution, 2003. – VIII, 467 p.
20. Goldgeier, J. M. What to Do about Russia / J. M. Goldgeier, M. McFaul // Policy Review. – 2005. – № 133. – P. 45–53.
21. Graham, Th. E. Russia’s Decline and Uncertain Recovery / Th. E. Graham ; Carnegie Endowment for International Peace. – Washington, 2002. – VIII, 100 p.
22. Hill, F. The World Putin Wants. How Distortions About the Past Feed Delusions About the Future / F. Hill, A. Stent // Foreign Affairs. – 2022. – Vol. 101, № 5. – P. 108–122.
23. Kagan, R. Backing into World War II / R. Kagan // Foreign Policy. – 2017. – Feb. 6. – URL: <https://foreignpolicy.com/2017/02/06/backing-into-world-war-iii-russia-china-trump-obama/> (date of access: 31.03.2025).
24. Kalb, M. Imperial Gamble: Putin, Ukraine, and the New Cold War / M. Kalb. – Washington : Brookings Institution Press, 2015. – XXII, 289 p.
25. Kendal-Taylor, A. Putin’s Point of No Return. How an Unchecked Russia Will Challenge the West / A. Kendal-Taylor, M. Kofman // Foreign Affairs. – 2025. – Vol. 104, № 1. – P. 72–87.
26. Kotkin, S. Russia’s Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern / S. Kotkin // Foreign Affairs. – 2016. – Vol. 95, № 3. – P. 2–9.

27. Kubicek, P. Russian Foreign Policy and the West / P. Kubicek // Political Science Quarterly. – 1999/2000. – Vol. 114, № 4. – P. 547–568.
28. Kuchins, A. C. Elevation and Calibration: A New Russia Policy for America / A. C. Kuchins ; Centre for Global Interests. – Washington, 2016. – 48 p.
29. Legvold, R. Return to Cold War / R. Legvold. – Malden : Polity Press, 2016. – VI, 187 p.
30. Legvold, R. Russia's Unformed Foreign Policy: Ten Years After / R. Legvold // Foreign Affairs. – 2001. – Vol. 80, № 5. – P. 62–75.
31. Mandelbaum, M. The New Containment. Handling Russia, China and Iran / M. Mandelbaum // Foreign Affairs. – 2019. – Vol. 98, № 2. – P. 123–131.
32. Marsh, C. Russian Foreign Policy: Interests, Vectors and Sectors / C. Marsh, N. K. Gvosdev. – New York : CQ Press, 2013. – XVII, 418 p.
33. McFaul, M. Putin, Putinism, and the Domestic Determinants of Russian Foreign Policy / M. McFaul // International Security. – 2020. – Vol. 45, № 2. – P. 95–139.
34. McFaul, M. Russia as It Is. A Grand Strategy for Confronting Putin / M. McFaul // Foreign Affairs. – 2018. – Vol. 97, № 4. – P. 82–91.
35. McFaul, M. The Precarious Peace: Domestic Politics in the Making of Russian Foreign Policy / M. McFaul // International Security. – 1997/1998. – Vol. 22, № 3. – P. 5–35.
36. Mead, W. R. The Return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers / W. R. Mead // Foreign Affairs. – 2014. – Vol. 93, № 3. – P. 69–79.
37. Mead, W. R. Washington and Brussels: Rethinking Relations with Moscow? / W. R. Mead // Putin's Russia: Really Back? / A. Ferrari (ed.). – Milan : Ledi Publishing for ISPI, 2016. – P. 37–54.
38. Mearsheimer, J. J. The Case for Offshore Balancing / J. J. Mearsheimer, S. M. Walt // Foreign Affairs. – 2016. – Vol. 95, № 4. – P. 70–83.
39. Mearsheimer, J. J. Why the Ukraine Crisis is the West's Fault: The Liberal Delusions that Provoked Putin / J. J. Mearsheimer // Foreign Affairs. – 2014. – Vol. 93, № 5. – P. 77–89.
40. Mendelson, J. America, Russia and the Future of Arms Control / J. Mendelson // Current History. – 2001. – Vol. 100, № 648. – P. 323–329.
41. Pipes, R. Is Russia Still an Enemy / R. Pipes // Foreign Affairs. – 1997. – Vol. 76, № 5. – P. 65–78.
42. Rojansky, M. Debunked: Why There Won't Be Another Cold War / M. Rojansky, R. S. Salzman // The National Interest. – 2015. – 20 March. – URL: <http://nationalinterest.org/feature/debunked-why-there-wont-be-another-cold-war-12450> (date of access: 17.02.2025).
43. Sestanovich, S. It's Time to Debunk Putin's Existential Fallacy / S. Sestanovich // Foreign Policy. – 2022. – Nov. 24. – URL: <https://foreignpolicy.com/2022/11/24/its-time-to-debunk-putins-existential-fallacy/> (date of access: 17.02.2025).
44. Simes, D. K. Losing Russia: The Costs of Renewed Confrontation / D. K. Simes // Foreign Affairs. – 2007. – Vol. 86, № 6. – P. 36–52.
45. Snyder, T. Ukraine Holds the Future. The War Between Democracy and Nihilism / T. Snyder // Foreign Affairs. – 2022. – Vol. 101, № 5. – P. 124–141.
46. Stent, A. E. The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century / A. E. Stent. – Princeton : Princeton University Press, 2014. – XVIII, 355 p.
47. Stoner, K. Who Lost Russia (This Time)? Vladimir Putin / K. Stoner, M. McFaul // The Washington Quarterly. – 2015. – Vol. 38, № 2. – P. 167–187.
48. Treisman, D. Russia Renewed? / D. Treisman // Foreign Affairs. – 2002. – Vol. 81, № 6. – P. 58–72.
49. Walt, S. Taming American Power: the Global Response to U.S. Primacy / S. Walt. – N. Y. : W. W. Norton, 2005. – 320 p.
50. Waltz, K. N. Structural Realism after the Cold War / K. N. Waltz // International Security. – 2000. – Vol. 25, № 1. – P. 5–41.
51. Wohlforth, W. Realism and the End of the Cold War / W. Wohlforth // International Security. – 1994/1995. – Vol. 19, № 3. – P. 91–129.

Блохина А.Е., Гудкова Е.О.
МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР ГЛАЗАМИ КИТАЯ:
ДОКТРИНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: многополярность, Китай, КНР, внешняя политика, Белая книга.

Одним из самых спорных политических процессов в данный момент является процесс формирования многополярного миропорядка. Вопросы вызывает как сам факт каких-либо изменений в структуре международных отношений, так и само содержание концепции многополярности. Несмотря на единство общих положений концепции, а именно наличие более чем двух полюсов силы, некоторые аспекты или представления о многополярном мире могут варьироваться в зависимости от теоретической школы,

изучающей это явление, или государства, которое продвигает свое видение многополярности на международной арене [4].

В данной статье будут рассмотрены некоторые источники, которые содержат официальную позицию Пекина в отношении многополярного мира.

Конституция КНР. Одной из отличительных особенностей китайской концепции является тот факт, что фундаментальные принципы многополярного миропорядка изложены в главном правовом документе государства – Конституции КНР от 1982 г. Документ можно считать основой китайского видения многополярности, при этом в самой Конституции нельзя встретить слово «многополярность» [9]. Речь идет не только о переводе данного документа на русский язык или английский язык, но и об оригинале на китайском языке, где термин 多极化 (duojihua), который традиционно используется для обозначения многополярности, еще не был введен в оборот.

Как правило, конституция закрепляет «основы политической, экономической и правовой систем данного государства или содружества, основы правового статуса государства и личности, их права и обязанности» [1], т.е. сосредоточена на внутреннем устройстве страны, но в случае КНР, один из абзацев преамбулы сосредоточен на внешнеполитическом положении государства в мире, так как «Будущее Китая тесно связано с будущим мира». В данном абзаце перечислены так называемые «Пять принципов мирного сосуществования» – взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование. Несмотря на то, что на современном этапе Пекин официально руководствуется данной концепцией при реализации внешней политики, данные принципы вошли во внешнеполитический дискурс КНР еще в 1950-е гг. Изначальным идеологом и автором данных принципов был Чжоу Эньлай, глава Госсовета КНР. Его стараниями было заключено китайско-индийское соглашение 1954 г. с целью урегулировать территориальный конфликт в отношении Тибета, где и были изложены «Пять принципов мирного сосуществования», также известные как «Панча Шила» [3]. Принципы стали универсальной дипломатической формулой, которая в дальнейшем использовалась как Китаем, так и Индией, с целью сделать ее основополагающей для других стран Азии [6]. Они также легли в основу Движения неприсоединения и фигурировали в «Декларации о принципах международного права» 1970 г. и «Декларации об установлении нового международного экономического порядка» 1974 г. [5]. За 20 лет существования Принципы значительно подняли международный авторитет КНР и впоследствии были включены в Конституцию как основной внешнеполитический ориентир, на который накладываются остальные внешнеполитические концепции Пекина.

Так как Принципы предполагают равноправие между государствами во всех аспектах, они идеально проецируются на теорию многополярности в международных отношениях

Белая книга. Совместное строительство сообщества единой судьбы человечества: инициативы и действия Китая. Концепция Сообщества единой судьбы является прямым продолжением Пяти принципов, но при этом долгое время существовала в абстрактной форме. При Ху Цзиньтао формулировка «единая судьба» (mingyun gongtongti) описывала взаимоотношения материкового Китая и Тайваня, но со временем начала получать развитие во внешнеполитическом дискурсе КНР, в основном она фигурировала в речах Си Цзиньпина или других высокопоставленных лиц. Наиболее значимым для продвижения данной концепции событием стала речь Председателя Си в 2017 г., где он представил «Сообщество» как модель бесконфликтного и взаимовыгодного существования на международной арене [2].

Примечательным является тот факт, что модель была описана как своего рода рекомендательная для всех остальных государств. Руководство КНР долгие годы очевидно выстраивало свой внешнеполитический курс с опорой на данную модель, но только в 2023 г. была представлена Белая книга, которая вынесла эту концепцию на доктринальный уровень [10]. «Белыми книгами» обычно называют официальные государственные сообщения, поясняющие внутреннюю или внешнюю политику.

Белая книга была опубликована скорее, как обращение к остальным государствам, нежели внутренний документ, необходимый Пекину для дальнейшего планирования внешнеполитической деятельности. Об этом свидетельствует общий посыл документа, где сделан акцент на неопределенном характере системы международных отношений на современном этапе, несмотря на тенденцию к многополярности в международных процессах, некоторые страны не желают идти в ногу со временем с целью извлечения выгоды. В связи с данной конфронтацией Пекин заявляет о необходимости перехода к концепции Сообщества как наиболее выгодной для всех – она предполагает как многополярный миропорядок, так и взаимовыгоду.

Выгода от перехода к данной модели на международной арене подкрепляется действиями, которые Пекин уже предпринял в рамках концепции. В первую очередь речь идет, разумеется, о торгово-экономической инициативе «Один пояс – один путь», которая неразрывно связана с концепцией Сообщества единой судьбы. В большинстве официальных выступлений они упоминаются вместе как взаимодополняющие части одного проекта. В документе, помимо абстрактных описаний мирного сосуществования государств в рамках Сообщества единой судьбы, приводятся конкретная информация и статистика, доказывающая успех инициативы «Один пояс – один путь», что придает китайской модели многополярного мира конкретики.

Белая книга. Арктическая политика Китая. Белая книга КНР по Арктике 2018 г. является наиболее ярким проявлением амбиций Китая в арктическом регионе и в то же время дает четкое представление о том, каким Китай частично видит будущую многополярность, т.е. раскрывает одну из сторон концепции Сообщества единой судьбы. В этом документе Пекин презентует себя в качестве «заинтересованной стороны» и «приарктического государства». И если первый вариант вполне обоснован, то второй термин, который теперь закреплен за Китаем и активно вводится в эксплуатацию другими государствами, напрямую показывает стремление Китая влиять на разворачивающиеся в Арктике процессы. Беря в расчет тот факт, что Белая книга, как и прошлый упомянутый документ, является скорее обращением, можно сделать вывод, что целевой аудиторией является международное сообщество, которому Пекин продемонстрировал свое намерение и дальше продвигать свои интересы в регионе [7].

Белая книга акцентирует внимание на влиянии Арктики на климат Китая и всего мира, научно-исследовательской работе и туристических маршрутах, но как стратегический документ она также обосновывает необходимость присутствия КНР в регионе. Китай выносит на глобальный уровень проблемы, которые сосредоточены в Арктике и придерживается мнения, что в регионе необходим интернациональный механизм управления и совместное использование ресурсов [8]. Данные положения напрямую противоречат позиции Москвы, но при этом отвечает интересам многих других государств. Несмотря на попытку КНР действовать в интересах всего мира, стоит отметить, что все положения Белой книги вписываются в китайскую концепцию «Сообщества единой судьбы» и как официальная внешнеполитическая идеология она в первую очередь отвечает китайским интересам, хотя в рамках концепции они репрезентируются как интересы всего международного сообщества.

Заключение. Аспекты китайской внешней политики в контексте формирования многополярного мира изложены во многих документах, однако отправной точкой

можно считать Конституцию КНР, т.к. именно из Пяти принципов мирного сосуществования вытекают остальные положения. В то же время Белые книги являются инструментом внешнеполитической пропаганды, именно через них Пекин проецирует свое видение многополярной системы на международное сообщество.

1. Конституция // Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1969–1978.
2. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. 2017. – URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 14.03.2025).
3. Соглашение между Китайской Народной Республикой и Республикой Индии о торговле и связях между Тибетским районом Китая и Индией от 29.04.1954 // Международная жизнь. – 1954. – №1. – С. 157–158.
4. Солуянов, В. С. Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций / В. С. Солуянов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 3. – С. 424–445.
5. Сообщество единой судьбы человечества: продолжение и развитие пяти принципов мирного сосуществования. Выступление на юбилейном собрании в честь 70-летия провозглашения пяти принципов мирного сосуществования от 28 июня 2024 // The State Council of the People's Republic of China. – URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/> (дата обращения: 14.03.2025).
6. Толмачев, Ю. О. Пять принципов мирного сосуществования как инструмент китайской и индийской дипломатии в 1950-х гг / Ю. О. Толмачев // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты : сборник статей III Международной научно-практической конференции, Рязань, 18–19 апреля 2018 г. / под редакцией И. М. Эрлихсон, Ю. В. Савосиной, Ю. И. Лосева. – Рязань : Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2018. – С. 96–101.
7. Чернега, В. С. Стратегия политики Китая по участию в развитии международных морских коммуникаций в Арктике / В. С. Чернега, Д. Л. Цыбаков // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15, № 2. – С. 48–56.
8. China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. – URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (date of access: 14.03.2025).
9. Constitution of the People's Republic of China, promulgated for implementation by the Announcement of the National People's Congress on December 4, 1982 // The State Council of the People's Republic of China. – URL: <https://english.www.gov.cn> (date of access: 14.03.2025).
10. Full Text: A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions, September 26, 2023 // The State Council of the People's Republic of China. – URL: https://english.www.gov.cn/news/202309/26/content_WS6512703dc6d0868f4e8dfc37.html (date of access: 14.03.2025).

Бай Сюетун

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО КНР И ФРГ В XXI в.: КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

Ключевые слова: источниковедение, классификация источников, стратегическое партнерство, КНР, ФРГ, международные отношения.

В статье представлена классификация источников, используемых для анализа стратегического партнёрства КНР и ФРГ в XXI в. Данное партнёрство является важным элементом современных международных отношений, поскольку оба государства играют ключевую роль в мировой экономике и политике, что делает их взаимодействие объектом пристального научного интереса. Источники разделены автором на четыре группы: договоры и документы международных организаций и ЕС, китайско-германские двусторонние официальные документы, китайские и немецкие источники. Цель статьи заключается в классификации источников для анализа партнёрства, выделении основных направлений взаимодействия (политических, экономических и гуманитарных) и систематизации материалов для дальнейшего исследования.

В исследовании использованы материалы на китайском, немецком и английском языках, что обеспечивает комплексный подход к изучению темы. Особое внимание уделено анализу содержания источников и их роли в формировании и развитии двусторонних отношений. Проведённый анализ каждой группы источников позволяет глубже понять динамику и особенности двустороннего партнёрства.

Первая категория источников включает договоры и документы международных организаций и ЕС. Документы и статистика международных организаций предоставляют важную глобальную перспективу и авторитетные данные для исследования, такие как цифры по торговле, соглашения и повестки дня Организации Объединенных Наций (ООН) [1], данные об инвестициях Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [2], нормы и данные Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) [3], а также декларации Группы двадцати (G20) [4]. Эти источники позволяют анализировать глобальные аспекты сотрудничества между КНР и ФРГ. Например, данные ООН и ОЭСР содержат информацию о торговых потоках и инвестициях, что помогает оценить экономическую взаимозависимость двух стран. Декларации G20 отражают совместные усилия Китая и Германии в решении глобальных проблем, включая изменение климата и экономическую стабильность.

С учетом стратегически значимой роли Германии в системе Европейского Союза, различные договоры и политические документы, изданные ЕС и его вспомогательными органами, представляют большую ценность для исследований. Особое внимание заслуживают официальные документы Европейского Союза, регламентирующие отношения с КНР, среди которых ключевое место занимают «Стратегия в отношении Китая на 2002–2006 гг.» (2002), «ЕС-Китай: Более тесные партнеры, растущая ответственность» (2006), «Стратегия в отношении Китая на 2007–2013 гг.» (2007), «Элементы новой стратегии ЕС в отношении Китая» (Еврокомиссия, 2016), «Стратегия ЕС в отношении Китая» (Совет ЕС, 2016), «ЕС-Китай – стратегическая перспектива» [5]. В указанных документах систематизированы принципы и приоритеты двустороннего взаимодействия, отражена эволюция отношений между КНР и ЕС в политической, экономической и гуманитарной сферах, а также проанализирована динамика развития партнерства. Стоит также отметить «Стратегию европейского развития» [5] как ключевой политический документ, важность которого заключается в систематическом формулировании внешнеполитических ориентиров ЕС и его стратегических приоритетов на будущее. Благодаря глубокому анализу вышеупомянутых программных документов исследователи могут четко определить этапы развития внешних отношений Китая с Европой и лежащую в их основе политическую логику.

Эти официальные документы не только предоставляют богатую эмпирическую базу для исследований, но и открывают важные перспективы для понимания структурных изменений в китайско-европейских отношениях и их влияния на глобальное управление.

Вторая группа источников включает двусторонние официальные документы и материалы Китая и Германии, охватывающие широкий спектр политических, экономических и культурных аспектов. Они служат важной основой для изучения эволюции китайско-германских отношений.

В политической сфере КНР и ФРГ постепенно укрепляли и углубляли свои двусторонние отношения, принимая совместные заявления, коммюнике и программы сотрудничества. В частности, «Совместное заявление КНР и ФРГ» (2004) ознаменовало установление стратегического партнерства в рамках китайско-европейского сотрудничества [6]. В 2010 г. было опубликовано «Китайско-германское совместное коммюнике о всестороннем продвижении отношений стратегического партнерства» [6], которое стало ответом на политический кризис 2008 г. и продемонстрировало готовность двух стран к углублению сотрудничества в условиях глобального финансового кризиса. В 2014 г. подписание «Программы действий китайско-германского сотрудничества» [6] вывело двусторонние отношения на новый уровень, особенно в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (ОСОП), значительно расширившей сферы взаимодействия.

Кроме того, ключевыми документами для изучения китайско-германских отношений являются «Совместные заявления по итогам китайско-германских правительственных кон-

сультаций» (2011, 2012, 2016, 2018) [6]. Эти документы не только фиксируют конкретные результаты сотрудничества в различных областях, но и задают стратегические ориентиры для будущего развития двусторонних отношений. Анализ этих документов позволяет чётко проследить эволюцию китайско-германских отношений на разных этапах и глубже понять направленность и тенденции их развития в политической сфере.

Будучи крупнейшими мировыми экспортёрами, Китай и Германия всегда уделяли особое внимание экономическому сотрудничеству как ключевому направлению двусторонних отношений. Обе стороны регулировали и углубляли различные аспекты взаимодействия через ряд совместных документов, среди которых выделяется «Совместное заявление Китая и Германии о совместных усилиях по стабилизации мировой экономической ситуации» (2009) [6]. Подписанный на фоне мирового финансового кризиса, этот документ отражает общую позицию и готовность двух стран к сотрудничеству в преодолении кризиса, а также подчёркивает важность китайско-германского взаимодействия для глобальной экономической стабильности.

Кроме того, китайско-германские двусторонние документы охватывают ключевые области, включая финансы, инвестиции, технологическое сотрудничество, малые и средние предприятия (МСП) и производство электромобилей [6]. Анализ этих документов показывает, что правительства Китая и Германии поддерживают активный диалог и механизмы сотрудничества в экономической сфере, а их торговые и инвестиционные отношения становятся всё более тесными, особенно после создания механизма правительственных консультаций. Эти документы не только формируют политическую основу для экономического взаимодействия, но и определяют направления и тенденции будущего сотрудничества.

Рассмотрены соглашения в области культуры, образования и науки, такие как «Соглашение между Правительством КНР и Правительством ФРГ о культурном сотрудничестве» (2005) и «Совместного заявления о создании китайско-германского механизма диалога на высоком уровне для гуманитарных обменов» (2017) [6]. Эти документы подчеркивают важность мягкой силы в двусторонних отношениях. Например, создание механизма диалога в 2017 г. способствовало углублению сотрудничества в области образования и науки, что укрепляет долгосрочные связи между двумя странами. В рамках китайско-германского диалога на высоком уровне стороны подписали соглашения в сферах образования, культуры и молодежных обменов. Особое внимание уделено научно-техническому сотрудничеству, а также вопросам охраны окружающей среды и климата [6].

Материалы, отражающие политику Китая в отношении ФРГ, включая официальные документы государственных учреждений КНР, заявления и выступления высших официальных лиц китайского государственного и партийного руководства, а также соответствующие публикации в СМИ, составили источниковую базу *третьей группы*.

Официальные документы Государственного совета Китая [7] и подведомственных министерств (МИД КНР [8], Министерства коммерции КНР [9], Министерства образования КНР [10] и др.) играют ключевую роль в изучении китайско-германских отношений. Они раскрывают стратегические ориентиры Китая и механизмы их реализации в сферах внешней политики, торгово-экономического сотрудничества и образовательных обменов, а также отражают политическую практику и конкретные инициативы в рамках двустороннего взаимодействия.

Выступления и заявления представителей правительства КНР (предыдущих и настоящих) не только четко отражают официальную позицию и стратегические приоритеты Китая в развитии отношений с Германией, но и служат важной основой для анализа ключевых достижений, проблем и перспектив двустороннего сотрудничества.

Мемуары бывших послов КНР в ФРГ, включая Мэй Чжаожуна, Ма Цаньжуна, и Ло Говэня (бывший советник по политическим вопросам посольства КНР в ФРГ) предполагают уникальную оценку развития двусторонних отношений.

Использованы публикации официальных китайских медиа, таких как «Жэньминь жибао», «Синьхуа», «Гуанмин жибао», «Информационное агентство Китая» и «Глобал таймс». Эти материалы отражают официальную позицию Китая по вопросам сотрудничества с Германией, а также помогают понять, как китайская общественность воспринимает это партнерство.

Последнюю, *четвертую, группу* источников составляют официальные документы правительственных учреждений Германии, заявления и выступления официальных лиц Германии, а также соответствующие материалы СМИ.

Публикации Федерального правительства Германии [11], МИД Германии [12] и других официальных учреждений отражают стратегические приоритеты и направления развития страны в двусторонних и международных отношениях, а также цели и рамки сотрудничества с другими государствами в различных сферах, представляя собой важную основу для анализа внешнеполитического курса ФРГ.

Многочисленные официальные заявления и программные выступления официальных лиц ФРГ свидетельствуют о выходе германо-китайского сотрудничества за рамки традиционных торгово-экономических и политических сфер, отражая тенденцию к его диверсификации. Это особенно заметно в таких областях, как устойчивое развитие, гуманитарные обмены, борьба с изменением климата.

Представляют интерес материалы влиятельных немецких СМИ, таких как «Франкфуртер альгемайне цайтунг», «Ханноверше альгемайне цайтунг», «Журнала менеджера», «Зюддойче Цайтунг», «Тагесшау», «Штерн», для анализа представлений немецкого общества о Китае. Систематически исследуя их содержание, можно не только выявить позицию немецкого общественного мнения по вопросам внутренней и внешней политики, но и получить более глубокое представление о многогранном понимании и ценностных ориентациях немецкого общества в отношении развития двусторонних отношений.

Классификация источников по стратегическому партнерству КНР и ФРГ позволяет систематизировать материалы для анализа двусторонних отношений. Выделенные группы источников охватывают политические, экономические и гуманитарные аспекты сотрудничества, что способствует более глубокому пониманию динамики и перспектив партнерства между двумя странами. Проведенный анализ показывает, что китайско-германское сотрудничество развивается в условиях растущей взаимозависимости и глобальных вызовов.

Использованные источники служат важной основой для комплексного анализа эволюции, текущего состояния, теоретических основ, политической базы и эффективности взаимодействия в рамках китайско-германских отношений. Разнообразие источников повышает достоверность результатов исследования по данной теме и обеспечивает объективность исследовательского процесса.

1. UN Comtrade Database. – URL: <https://www.unccd.int/resources/knowledge-sharing-system/united-nations-commodity-trade-statistics-database-un-comtrade> (date of access: 10.03.2025).

2. OECD. – URL: <https://www.oecd.org/en.html> (date of access: 10.03.2025).

3. WIPO. – URL: <https://www.wipo.int/portal/en/index.html> (date of access: 10.03.2025).

4. G20. – URL: <https://g20.org/> (date of access: 10.03.2025).

5. European Commission. — URL: https://commission.europa.eu/index_en (date of access: 10.03.2025).

6. 中国同德国的关系 // 中华人民共和国外交部 = Отношения между Китаем и Германией // МИД КНР. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679086/sbgx_679090/ (дата обращения: 10.03.2025).

7. 中华人民共和国国务院 // 中华人民共和国中央人民政府 = Государственного совета Китая // Центральное народное правительство КНР. – URL: <https://www.gov.cn/guoqing/dhggjg/378146250.htm> (дата обращения: 10.03.2025).

8. 中华人民共和国外交部 = МИД КНР. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zcwj_674915/201512/t20151205_7949942.shtml (дата обращения: 10.03.2025).
9. 中华人民共和国商务部 = Министерства коммерции КНР. – URL: <https://www.mofcom.gov.cn/> (дата обращения: 10.03.2025).
10. 中华人民共和国教育部 = Министерства образования КНР. – URL: <http://www.moe.gov.cn/> (дата обращения: 10.03.2025).
11. Bundesregierung Deutschland. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de> (date of access: 10.03.2025).
12. BMBF. – URL: https://www.bmbf.de/DE/Home/home_node.html (date of access: 10.03.2025).

Головач Д.М.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФИЛЬМЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ОБРАЗА ДЕЯТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ СЕРЕДИНЫ XVII в.
(НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА ПРИНЦА РУПЕРТА)

Ключевые слова: историческое кино; принц Руперт Пфальцский; Английская революция XVII века; история Англии Нового времени.

С момента своего возникновения в конце XIX в. кинематограф стал неотъемлемой частью жизни людей, и на сегодняшний день киноискусство продолжает оказывать масштабное влияние на миллионы зрителей, в том числе, накладывая отпечаток на восприятие исторических событий.

Существует множество различных жанров кино, но в первую очередь все киноленты можно разделить на художественные и документальные. Цель художественных фильмов заключается в создании у зрителей полноценной картины. Однако можно смело предположить, что фильмы не обрели бы такого успеха без развития литературы, особенно художественной, благодаря которой появилась возможность перенести на экраны огромное количество реальных и вымышленных сюжетов и персонажей.

Отдельно стоит выделить один из особых жанров художественных фильмов – историческое кино. Образы исторических личностей, событий, воплощенные на экране, способствуют популяризации реальных исторических событий, при этом режиссёры, снимая кинокартины про ту или иную эпоху, могли придать свой смысл и виденье событиям прошлого. Благодаря историческому кино на экране оживает сама история. Всё это оказывает влияние на культурную среду общества, так как у людей формируется определённый образ исторических событий, отношение к роли исторических личностей.

Одним из событий всемирной истории, к экранизации которого не раз прибегали разные режиссёры, была Английская революция середины XVII в. Авторами и создателями фильмов часто рассматривались ключевые фигуры и образы: Оливера Кромвеля и английского короля Карла I Стюарта. Однако среди, казалось бы, второстепенных персонажей есть ещё одна историческая личность, которая также привлекает особое внимание и играет ключевую роль в событиях, развернувшихся в Англии в середине XVII столетия. Это племянник английского короля – принц Руперт Пфальцский. Как в науке, так и в художественных фильмах он чаще всего является персонажем второго плана. При обращении к теме Английской революции его роль чаще всего минимизируется и может даже не освещаться, хотя именно благодаря его личностным качествам и полководческому таланту, королю сопутствовал успех в начале Первой гражданской войны.

Данная статья направлена на то, чтобы проследить, как в популярном киноискусстве формировался образ принца Руперта Пфальцкого, одного из самых неординарных политиков и полководцев Англии середины XVII столетия.

Одним из первых художественных фильмов, в которых фигурирует Руперт, был фильм, снятый американским режиссёром Ирвингом Пичелем – «Гудзонов залив» (1941 г.) [2]. Фильм, показанный на экранах в годы Второй мировой войны, повествует об исторических событиях – приключениях Пьера Эспира Рэдиссона, произошедших в 1667–1669 гг. в Канаде. К сожалению, из-за второстепенности роли в сюжете, невозможно в полной мере проследить настоящий образ Руперта, как фигуры романтической и восхищающей своим полководческим талантом. Руперт Найджела Брюса особо не совпадает как с внешним образом, так и с личностными качествами своего исторического персонажа. Он представляется достаточно сдержанным и весьма вежливым, спокойным и молчаливым, хотя многими историками не раз отмечалась вспыльчивость принца [7, р. 174]. Однако та самая искорка «авантюристичности» в глазах так и не погасла, что хорошо было видно в эпизоде, в котором прибывшие к нему гости, попросили помощи в предоставлении им корабля и заодно предложили организовать экспедицию к Гудзонову заливу, сулившую хороший доход. А с учётом недавно произошедших событий в Лондоне (Великий пожар 1666 г.), это была хорошая возможность восстановить столицу, и Руперт, будучи мудрым политиком, это отлично понимал. О дальнейшей роли Руперта и его вкладе в колониальное освоение Северной Америки фильм более не упоминает.

Уже в британском фильме «Кромвель» (1970 г.) [3], снятом режиссёром Кеном Хьюзом, передана не только полноценная картина событий середины XVII в., но и также, несмотря на то, что большее внимание уделялось знаменитым историческим личностям, таким как Оливер Кромвель и Карл I Стюарт, молодой и горящий своим делом принц Руперт, сыгранный Тимоти Далтоном, в полной мере показывает тот самый образ «Протестантского Дьявола» [6, р. 39], сложившийся в обществе XVII в. Начиная с внешнего вида и заканчивая характером, практически всё совпало с исторической фигурой. Одет принц был по придворному стилю того века, за что впоследствии роялистам дадут их стереотипное прозвище – «кавалеров»: голубой красивый костюм с белыми кружевными манжетами и воротником, шляпа со страусиным пером, сапоги из светло-коричневой кожи и др. Режиссёр кинокартины представляет Руперта как персонажа восторженного, готового сражаться за свою страну, преданного своим идеалам и взглядам [6, р. 37]. Даже в эпизоде перед сражением в Эджхилле, молодой принц приезжает со словами: «Приветствую, дядя! Отличный день для драки! А где враг?». В произнесённых словах легко можно уловить смелость и уверенность.

Уже из другого эпизода, демонстрирующего разговор принца Руперта и графа Эссекса, можно понять, что «кавалера» достаточно легко задеть, особенно, если дело касается самого юноши. Не зря в научной литературе Руперта описывают как грубого и быстро выходящего из себя человека [6, р. 76]. Но сколько бы у принца не было недостатков, его ценят за инициативу и самоотверженность.

В отличие от других кинофильмов, в кинокартине Кена Хьюза представлены не только важные и жестокие сражения Первой гражданской войны, но и непосредственно само участие Руперта в них. Командуя кавалерией, он показывает себя отличным командиром и бесстрашным воином: поддерживает своих солдат, умело руководя ими на поле боя, лично бросаясь в гущу событий, преследуя бегущего врага. Уже в сражении при Нейзби 1645 г., несмотря на даже очевидный проигрыш, Руперт пытался бороться до конца, до последнего веря в себя и в свою армию. Если бы можно было дать краткую характеристику образу Руперта в фильме «Кромвель», то его точно можно было бы назвать доблестным полководцем и человеком чести.

Не уступает кинокартине Кена Хьюза и британский телесериал 1983–1985 гг. «Разделённые мечом» [5], режиссером которого был Джон Хоуксворт. Несмотря на то, что в сериале события разворачиваются вокруг вымышленной семьи Лейси, реальные исторические персонажи и их образы тоже задействованы в сюжете. Образ принца Ру-

перта также напоминал его историческую версию. Из элементов одежды и внешнего вида: всё та же шляпа со страусиным пером, перчатки, кружева, накидка – образ настоящего кавалера. Однако Руперта Кристофера Бэйнса можно назвать кавалером и по характеру: благороден, галантен и вежлив с дамами. Несмотря на свой статус, принц был непривередливым человеком, особенно это хорошо показано в сцене, когда он приезжает погостить к своему старому знакомому Тому Лейси. Когда хозяева дома сконфужены тем, что их дом – это недостойное место для сна и отдыха, тем более для королевского гостя, Руперт спешит их успокоить, поскольку их дом кажется неким раем, в отличие от того, где ему порой уже приходилось спать: в сараях, шатрах и, более того, в тюрьме во время своего заключения в Австрии.

Принц всё так же серьёзен, уверен в себе. Лидер по природе, храбрый сердцем, а главное, верный делу и королю [6, р. 67]. Схожесть с историческим портретом также видна в эпизоде, когда Руперта называют «папистом». Брошенное в сторону Руперта оскорбление, достаточно сильно задевает молодого полководца и быстро приводит его в гнев. Помимо этого эпизода, в сериале часто упоминается и другая характеристика Руперта. Многие персонажи картины подмечали, что он был вспыльчив, горяч, нетерпелив, резок со старыми генералами, что приводило его к конфликтам с ними, особенно с лордом Дигби. Этот факт исследователи отмечали и в биографии настоящего принца Руперта [6, р. 47].

После поражения при Нейзби Руперта показывают разбитым неудачей, которая надломилась его уверенность, однако не сломила боевого духа. Уже в следующей сцене вместо того, чтобы лечь спать и отдохнуть, предприимчивый принц идёт обдумывать дальнейший план в ведении войны.

В британском сериале «Любовница дьявола: Унесённые страстью» (2008 г.) [4] принц Руперт существенно отличается от своего исторического прототипа. Он не похож ни на солдата, ни на кавалера. На это влияет как специфическая харизма актёра Гарри Ллойда, так и его внешний вид в сериале: он выглядит довольно разнузданно, о чём говорит его манера носить одежду нараспашку. Ведёт себя принц достаточно распущенно: любит выпить, проводит много времени при дворе, что не совпадает с историческим образом Руперта, который почти всё своё свободное время посвящал военным упражнениям [6, р. 69]. Также автор сериала показывает его падким на противоположный пол. Руперт ведёт себя так, как будто его вообще не интересуют государственные и военные дела, что контрастирует с реальным образом принца. Несмотря на то, что авторы пытались создать образ «племянника-гуляки», некоторые отличительные черты исторического образа принца Руперта все-таки можно выделить: он уверен в себе, твердо утверждая, что войны с парламентом не будет, в чём, в конечном итоге, он ошибся. Другие же персонажи сериала характеризуют его как отважного бойца, хотя при этом за весь сериал ни разу не было показано участия Руперта в сражениях. В связи с этим, можно сделать небольшой вывод, что авторы сериала явно переусердствовали с созданием образа развязного племянника короля, не перенеся практически никаких черт реального, исторического персонажа. Авторам сериала было необходимо создать определённый запоминающийся образ, что им и удалось сделать, хоть он и не совпадает с действительностью.

В современном нидерландском фильме «Адмирал» (2015 г.) [1] образ принца Руперта также не сходится со своим историческим прототипом. В кинокартине фигурируют события англо-голландских войн, в которых Руперт принимал участие, будучи руководителем английского флота вместе с генералом Монком. Поскольку художественный фильм посвящён жизни и роли голландского адмирала Микеля де Рюйтера, образ принца оказывается неполным. Внешне он был не похож на себя: волосы собраны в хвост, на лице «красовалась» довольно густая борода. Стоит отметить, что от ини-

циативности и «живости» Руперта в этом фильме не осталось и следа: принц представляется как один из морских командующих, как советник Монка, который отдает все свои распоряжения только с его разрешения. В целом, Руперта в этом фильме можно описать как исключительно военного человека. К примеру, в эпизоде, иллюстрирующем сражение в день Святого Иакова 1666 г., Руперт в первую очередь показан внимательным и деятельным руководителем, наблюдающим за действиями противника и общающимся о ходе сражения своему союзнику Монку. Иными словами, можно сказать, что в данном художественном фильме роль Руперта является эпизодической, блекнувшей на фоне прочих исторических деятелей и не соответствующей масштабу реальной исторической личности.

В заключении следует отметить, что через анализ кинематографических образов принца Руперта Пфальцского можно проследить сложившуюся картину. Интерпретация исторического образа персонажа часто варьируется в зависимости от задач и взглядов автора и в целом контекста повествования. Пока некоторые кинокартины стремятся к исторической достоверности, подчёркивая военные таланты и сложный характер Руперта, другие авторы, как например, в фильме «Гудзонов залив», наоборот жертвуют глубиной образа, представляя принца поверхностным. Несмотря на различие в истолкованиях, все представленные фильмы и сериалы, современные образы принца Руперта все дальше уносят зрителя от реальности, добавляя ярких красок и страстей, но искажая реальный исторический образ Руперта, который наиболее достоверно был показан в фильме «Кромвель» и телесериале «Разделённые мечом». В остальных же кинокартинах образ Руперта несколько искажается для художественной выразительности и нужд сценария. Во многих фильмах он представляется эпизодическим персонажем, являясь всего лишь тенью как других персонажей, так и своего реального исторического образа.

1. Адмирал [Кинофильм] : худ. фильм / реж. Р. Рейн. – Нидерланды : AVROTROS, Rebel Entertainment, Ciné Cri De Coeur, 2015.
2. Гудзонов залив [Кинофильм] : худ. фильм / реж. И. Пишель. – США. : 20th Century-Fox, 1941.
3. Кромвель [Кинофильм] : худ. фильм / реж. К. Хьюз. – Великобритания : Columbia Pictures, 1970.
4. Любовница Дьявола: Унесённые страстью [Кинофильм] : телесериал : в 20 сер. / созд. П. Флэннери. – Великобритания : Comrany Pictures, 2008.
5. Разделённые мечом [Кинофильм] : телесериал : в 20 сер. / созд. Д. Хоксворт. – Великобритания : BBC, 1983–1985.
6. Knight, F. Prince of Cavaliers: the Story of the Life and Campaigns of Rupert of the Rhine / F. Knight. – London, 1967. – 184 p.
7. Gentles, I. Prince Rupert: The Last Cavalier by Charles Spencer / I. Gentles // The English Historical Review. – Vol. 124. – No. 506 (Feb., 2009). – P. 174–175

Селезнев Ю.В. МОНГОЛЬСКАЯ ОРДА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ФИЛЬМЕ «ЗЛОЙ ГОРОД» - ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Ключевые слова: Орда, монголы, «Злой город», Козельск, кинотекст.

Художественное произведение представляет собой сложнейший для анализа исторический источник. Это обусловлено правом художника на вымысел. И, следовательно, восприятие «вымышленного» мира, «вымышленной» информации отгораживает исследователя от «объективной» информации: художественное произведение либо не привлекается в качестве «информатора» об обществе, либо рассматривается как культурное явление, свидетельство о развитии того или иного направления искусства

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, реализуемого в Воронежском государственном университете, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>.

(попадает в сферу искусствоведения и культурологии). Однако, само по себе любое художественное произведение несет бесчисленную информацию об авторе – его создателе, который, в свою очередь, представляет собой продукт общества, а своими произведениями влияет на сознание того сообщества и социума, в котором живет и работает.

Нельзя исключать из этого круга источников и кинопроизведения, которые обладают весьма важными специфическими особенностями: предлагаемая на экране «вторичная реальность» – вымысел и, по сути, искусственный мир, обладает весьма сильным информационным эффектом, уподобляя «волшебный луч» реальности первичной. Зритель воспринимает показанное на экране как реальность, которую он видел своими глазами, как собственное переживание. И в результате любые архетипы или стереотипы воспринимаются как проверенные лично.

Исторические фильмы или, иначе, фильмы на историческую тему, представляют собой особый жанр киноискусства, и имеют особое влияние на общественное самосознание. «Экранные образы оказывают колоссальное влияние на представления людей об истории. Многие люди знают о прошлом, прежде всего, по художественной литературе и кинематографу. Это связано с тем, что, во-первых, художественные образы более яркие и впечатляющие, чем образы истории в научных трудах. Во-вторых, кинематограф и литература имеют, несомненно, значительный ореол распространения в обществе, в отличие от научных работ» [2, с. 22].

Между тем, по словам М. Ферро, художественный фильм «не признают и даже не числят среди источников. Он не входит в ментальную сферу историка» [5, с. 47]. При этом французский исследователь подчеркивает, что «способ, используемый, вероятно с целью выражения протяженности или перемещения в пространстве, может вскрывать, обнаруживать социальные и идеологические начала, которые кинорежиссер не обязательно сознавал» [5, с. 49]. Т.е. перед нами не просто красивая реликвия или диковина, предмет заполнения досуга и развлечения. Перед нашими глазами «продукт культуры, связанный с обществом, которое его производит, с обществом, которое его получает и потребляет» [5, с. 49].

В этой связи на кинопроизведения необходимо обратить внимание не только как на каналы «культурной памяти», которые «требуют внимательного изучения с точки зрения феноменологического подхода» [2, с. 22], но и как на свидетельства о социуме, в котором они были созданы. Ибо наиболее точную, полную и достоверную информацию источник несет в момент создания. А художественное произведение, как продукт самовыражения автора обладает самой высокой степенью достоверности именно в момент появления на свет. Причем «постановка фильма вызывает соперничество, борьбу за влияние и конфликты, которые ведут к столкновению артиста и государства, продюсера и проката, автора и постановщика или отдельных участников съемочной группы» [5, с. 49] – явления социальные и отражающиеся на самом произведении искусства и, следовательно, оставляющие «следы» социума в кинотексте. Правда, эти «конфликты не всегда бывают заметны» [5, с. 49].

Вполне закономерно, что кинопроизведение – «это еще и полезный источник информации о представлениях людей относительно своей истории, их менталитете и идеологии, культуре в целом. Фильмы являются фактами самосознания общества и коллективной памяти» [2, с. 25]. Поскольку «значительное влияние на создание экранных образов прошлого оказывает ряд факторов» таких как: 1) «накопленные знания о тех или иных исторических событиях и явлениях»; 2) официальная идеология, господствующая в обществе»; 3) «взгляды на историю основных творцов фильма, прежде всего режиссера, сценариста, актеров» [2, с. 25] – все эти аспекты представляется возможным исследовать на основе анализа кинотекста в частности, и художественного кино-

фильма как целостного произведения (включая носитель информации и сопроводительные пояснения – титры), вообще.

Рассматривая фильм как культурное явление, как канал трансляции коллективной памяти о социуме с точки зрения визуальной антропологии, предполагается его рассмотрение на трех уровнях: 1) сначала «следует обратить внимание на докинематографическую историю картины, то есть изучить замысел, подготовку и этапы ее создания»; 2) затем, «необходимо пристально исследовать кинематографический уровень, то есть трактовку кинообразов и всего культурного текста фильма»; 3) далее, «проанализировать посткинематографический этап: исследовать реакцию общества на фильм» [3].

Анализ киноисточника в такой последовательности дает нам набор полной, точной и достоверной информации об обществе, в котором фильм был создан, продемонстрирован и нашел отклик почитателей, противников и критиков.

Для костюмированного игрового кино анализ указанных аспектов представляет собой особую задачу. Ведь надежность источника информации «спрятана» за помещением героев в иное время, в другую социальную среду. Однако и в таком произведении невозможно скрыть «приметы времени», то есть, по словам В.Н. Сырова «речь идет о тех в буквальном смысле слова знаках реальности, которые так или иначе, а чаще бессознательно, присутствуют в любых игровых фильмах» [4, с. 29–30] (Р. Барт называл это «эффектом реальности» [1, с. 439–440], а в нарратологии такой прием называют «симптоматическим чтением» [7, р. 196]).

Необходимо согласиться с заключением В.Н. Сырова о том, что игровое кино-произведение «либо является проявлением чьих-то пристрастий, либо их формирует». Его в таком случае необходимо рассматривать «с позиций либо отражения, либо выражения». В таком случае «по кино мы можем судить о том, какой культура (или определенные страты) хотела себя видеть, какая система ценностей внедрялась в сознание общества». Кроме того, кино «дает нам возможность понять, какой культура являлась, какие формы мировосприятия и поведения в ней в действительности функционировали» [4, с. 36–37].

При этом надо помнить, что авторы (соавторы) и зрители художественного игрового костюмированного («исторического») фильма могут транслировать (создавать, воспроизводить и осмысливать (особенно – зрители)) информацию только на основе своего личного опыта, основанного на их личном переживании, представлений об обществе (как есть и как должно быть), их знаний об истории развитии социума (в том числе – коллективной памяти). Они просто не в состоянии быть носителями иной информации. Именно эти сведения, отраженные в кинотексте, будут представлять собой наиболее ценный точный, полный и достоверный материал об обществе того времени, когда был создан и вышел в прокат художественный фильм.

Отталкиваясь от вышеизложенных теоретических и методологических основ, в данной работе предлагается рассмотреть образ врага, созданный в фильме «Злой город», вышедший на экраны в январе 2025 г.

В первую очередь необходимо привести слова режиссера фильма Константина Бушлова, который portalу «БИЗНЕС Online» заявил: «Я считаю, что важно разделять исторические факты и современную политику. Мы показываем события XIII века, в которых захватчики, разумеется, были врагами Руси. Это не вопрос национальностей, а вопрос конкретного исторического контекста. В фильме мы старались избегать стереотипов и делать персонажей максимально живыми, чтобы зритель видел не карикатуру, а людей со своими целями, эмоциями и судьбами» [6]. То есть, режиссер подразумевал, что враг не должен быть схематично карикатурен, враг состоит из живых людей со своими эмоциями. Вероятно поэтому главный антагонист и противник русского города Козельска – Тамачи – руководствуется земными страстями – желанием отомстить за гибель отца, жаждой рас-

правы над каждым жителем ненавистного города. Он готов пойти на все, чтобы свой замысел осуществить, вплоть до убийства Чингизида, дабы война и разграбление города были неизбежными. Решение верховного командования после выявления государственного преступления – убийства принца крови – показывает противника беспринципным и не соблюдающим законы. Враг, таким образом, предстает перед нами как несправедливый и исключенный из правового сознания представлений о добре и зле, справедливости, соотношения преступления и наказания.

Среди персонажей противника представлен кипчак Амир Батыр, который оказывается побратимом воеводы Козельска. В этой связи показаны постоянные колебания оказавшегося на службе у Батыя кипчака: он долго сомневается, на чьей он стороне, – побратима предал, но сказал, что русских убивать не будет. А потом, прикрыл спину русского побратима – погибли оба. Т.е. из состава противника он перешел в разряд своих и принял общую судьбу с русскими-побратимами.

Образ Субедя – лучшего полководца Чингиз-хана и его наследников – представлен в виде одноглазого старца-мудреца. Повязка на лице должна, вероятно, показать его боевое прошлое. Однако в фильме он представлен, скорее, китайским мудрецом, нежели дальновидным тактиком и стратегом. Отдельные персонажи «очеловечивают» врага.

Тем не менее коллективный «портрет» противника носит ярко выраженные отрицательные оттенки. Так, враг говорит на чужом непонятном языке – слова сопровождаются синхронным переводом. Враг жесток, беспощаден, кровожаден: разоряемые русские поселения и люди не заслуживают снисхождения (особенно – упрямый Козельск).

Противник в фильме назван «монголами» – ни разу не названы полчища Батыя монголо-татарами или татарами. Вероятно, это сделано в соответствии с историко-культурным стандартом, принятом в России, в котором войска Батыя, завоевывающие Восточную Европу, обозначаются исключительно, как «монголы».

Таким образом, авторы фильма «Злой город» формируют образ врага как чуждого, неприемлемого, не принимаемого нами/нашими сообщества. Однако полного «расчеловечивания» не наблюдается – отдельные представители противника обладают человеческими качествами, причем, не только отрицательного свойства.

1. Барт, Р. Дискурс истории / Р. Барт // Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М., 2004. – С. 439–440.
2. Волков, Е. В. Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти / Е. В. Волков, Е. В. Пономарева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2012. – № 10 (269). – С. 22–26.
3. Огнев, К. К. Реалии истории в художественной системе фильма (основные типологические модели на материале мирового кинопроцесса) : дис. ... д-ра искусствоведения / К. К. Огнев. – М. : [б. и.], 2003. – 353 с.
4. Сыров, В. Н. Кино как исторический источник или некоторые размышления по поводу статьи О. Г. Усенко / В. Н. Сыров // Человек – текст – эпоха : сборник научных статей и материалов. – Томск, 2006. – С. 26–41.
5. Ферро, М. Кино и история / М. Ферро // Вопросы истории. – 1993. – № 2. – С. 47–49.
6. «Чудо-женщина» из Козельска. – URL <https://m.business-gazeta.ru/article/661660> (дата обращения: 29.03.2015).
7. Porter, A. H. The Cambridge Introduction to Narrative / A. H. Porter. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. – 394 p.

РАЗДЕЛ 6

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА СОВЕТСКОГО НАРОДА: ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ

Макаревич В.А. ИСТОЧНИКИ ПО ОБОРОНЕ ГРОДНО В ИЮНЕ 1941 г. И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ключевые слова: Гродно, источники, противоречия, отчёты, воспоминания.

История Гродно знает много драматических событий военной истории, в ходе которых город попадал под вражескую оккупацию. Эти события хорошо освещены в источниках и историографии, описывающих ситуации с разных сторон конфликта. Но история июня 1941 г. показывает, что может быть и обратная сторона медали, когда полного описания некоторых событий по сути своей нет. Так, например, есть отдельные исследования по вопросу обороны Гродно 22–23 июня 1941 г., есть источники с немецкой стороны, есть записанные воспоминания очевидцев, но нет целостных источников с советской стороны – а именно боевых отчётов, которые могли бы поставить точку во многих спорных вопросах, которые на данный момент можно воссоздать опираясь только на вышеуказанные источники. Все это не позволяет говорить о том, что у нас есть целостная и достоверная картина обороны Гродно в первые дни Великой Отечественной войны.

Попробуем представить некоторые наблюдения на данную тему, которая, безусловно, нуждается в дальнейших исследованиях и сведениях всех полученных данных в единую теорию.

Говоря об имеющихся источниках, в первую очередь необходимо разобраться, что на данный момент имеется в распоряжении исследователей. Отчёты штабов соединений вермахта (вплоть до генерального штаба сухопутных войск), фотографические материалы, кинохроника, воспоминания свидетелей с советской и с немецкой сторон. Как уже было сказано выше, основной проблемой является отсутствие боевых отчетов советских частей и соединений, что объясняется тем, что связь между корпусами и дивизиями РККА и штабом 3-й армии, оборонявшей Гродно, была нарушена уже ранним утром 22 июня [1, с. 32]. Попробуем восстановить картину общую картину, оперируя доступными нам источниками.

22 июня 1941 г., согласно показаниям Франца Гальдера [2, с. 24] и отчёту 8 армейского корпуса вермахта [3, с. 5], ранним утром (в 3.05), используя фактор неожиданности, немецкие войска перешли границу. Однако, согласно воспоминаниям очевидцев с советской стороны, о том, что война неминуема, было известно уже 21 июня [1, с. 28]; соответственно, были предприняты меры по подготовке к обороне. Уже на данном этапе возникают вопросы к источникам, которые противоречат друг другу.

Далее, германская сторона пишет следующее: «Перехвачена русская радиограмма: „Штаб 3-й армии разбит. Пришлите истребители”» [2, с. 25]. Это не совпадает со сведениями с советской стороны, где значится, что штаб 3-й армии не восстановил связь с большим числом соединений [4, с. 71], но никак не был уничтожен.

Говоря о «неподготовленном сопротивлении», здесь уже возникают противоречия между немецкими источниками, которые заявляют как о неготовности советских частей и соединений к обороне [2, с. 26], так и об оказанном ими упорном сопротивлении

[3, с. 6]. Об упорном сопротивлении свидетельствуют и советские источники, которые говорят об ожесточённых боях до последнего вздоха [1, с. 64].

Справедливости ради, следует отметить, что большая часть воспоминаний красноармейцев была записана в 1980-х гг., потому в моменте несоответствий может быть фактор большой отдаленности от времени событий. В то же время, приведённые отрывки не проясняют глобальной картины в штабе 3-й армии, оборонявшей Гродно, отчего сравнить показания двух штабов с разных сторон фронта просто невозможно. Состояние современной источниковой базы истории обороны Гродно позволяет работать по принципу «Базис из немецких источников – дополнение из советских источников», что затрудняет создание объективной картины событий, более того – создает опасность ее искажения под влиянием немецкой позиции и заведомой пропаганды. Остается только пожалеть об утрате документации частей и подразделений Красной армии, принимавших участие в боях под Гродно.

Подводя итог, можно сказать, что тема обороны Гродно 22–23 июня 1941 г. далека от финального оформления и требует дальнейшего изучения в источниковедческом плане. Опора только на воспоминания и обрывочные отчёты с советской стороны, доклады и рапорты (местами весьма противоречивые) – с немецкой, не представляется научно обоснованной для решения этой исторической задачи.

1. Егоров, Д. Н. Июнь 41-го. Разгром западного фронта / Д. Н. Егоров. – Москва : ЯУЗА ; ЭКСМО, 2008. – 291 с. – URL: https://booksafe.net/read/egorov_dmitriy-1941_razgrom_zapadnogo_fronta-211303.html?ysclid=m8rne4aka174278550 - p32 (дата обращения: 16.03.2025).

2. Гальдер, Ф. Военный дневник : в 3 т. / Ф. Гальдер ; перевод и ред. П. А. Жилина. – Москва : Военн. издат. Мин. Обороны СССР, 1971. – Т. 3, кн. 1 : От начала восточной кампании до наступления на Сталинград. – 407 с. – URL: <https://djvu.online/file/KWMF96VqoAQQu?ysclid=m6quoz83k962821172> (дата обращения: 16.03.2025).

3. Отчет о боевых действиях 8-го армейского корпуса во время кампании в России 1941 г. – URL: <https://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/3175-delo-133-otchet-o-boevyh-deystviyah-8-go-armeyskogo-korpusa-vo-vremya-kampanii-v-rossii-1941-g- page/1/mode/grid/zoom/1> (дата обращения: 16.03.2025).

4. Лютик, Д. В. Первый удар: 29-я танковая дивизия в боях за Гродно 22–25 июня 1941 г. / Д. В. Лютик, Д. Г. Киенко. – Минск : Рубон, 2016. – 182 с.

Потемкина М.Н.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ ЭВАКУАЦИИ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, эвакуация, архивы, электронные базы данных, источники личного происхождения.*

Одним из важнейших мероприятий, осуществленных в СССР в начальный период Великой Отечественной войны стала эвакуация промышленного оборудования, сырья и продовольствия, населения, культурных ценностей. Долгое время архивные документы этой тематики были засекречены и недоступны исследователям, а источники личного происхождения малочисленны в силу табуированности темы «беженства» в официальном военном дискурсе и общественном мнении.

В современной историографии, несмотря на большое количество научных публикаций, тема эвакуации 1941–1942 гг. содержит целый ряд дискуссионных вопросов, а, значит, требует выявления, введения в научный оборот и тщательного исследования новых исторических источников [6].

Источниковая база для изучения проблемы эвакуации включает в себя архивные документы, источники личного происхождения, фотоматериалы, электронные базы данных и др.

Основу комплекса источников составляют архивные материалы. Тема эвакуации населения в годы Великой Отечественной войны нашла свое отражение в фондах как центральных, так и региональных архивов Российской Федерации, новых независимых государств – бывших республик СССР, а также в архивах США и Израиля (архив Национального института «Яд Вашем»). Несмотря на различную степень сохранности документов в разных архивах и недоступность для исследователя части дел, находящихся в секретных фондах, пласт источников по названной теме обширен и многосоставен. Так, в центральных архивах РФ, применительно к вышеназванной теме, наиболее информативны фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). В фонде 3 Российского государственного архива новейшей истории хранятся документы, раскрывающие механизм управления эвакуацией промышленных предприятий. В первую очередь, исследователю следует обратить внимание на фонды Р-6822 – Совет по эвакуации при СНК СССР (ГАРФ), Фонд 4372 – Госплан СССР Совета министров СССР (Российский государственный архив экономики). Совсем недавно были рассекречены документы о борьбе с нарушениями законности в ходе эвакуации, хранящиеся в фонде Р-8131 – Прокуратура СССР (ГАРФ) [5]. В целом, следует отметить, что материалы, отражающие проблемы эвакуации, рассеяны по различным архивным фондам [5].

Весь эмпирический материал об эвакуации и эвакуированных, содержащийся в архивах, условно можно разделить на несколько групп документов. Законодательство – это вид исторических источников, объединяющий нормативные документы, санкционированные верховной властью. Это постановления высших партийных и государственных органов, решения съездов, пленумов, конференций, приказы Генерального прокурора. Значительный массив источников представлен делопроизводственной документацией. Их функция – документное обслуживание различных управляющих систем. В структуре делопроизводственной документации выделяются две подгруппы: документы, обеспечивающие принятие и реализацию управленческих решений, и документы, обеспечивающие документооборот. В этой категории особый интерес для нас представляют протоколы заседаний бюро обкома, горкомов, райкомов ВКП(б); решения обл-, гор-, райисполкомов; докладные записки с мест, служебная переписка между выше- и нижестоящими инстанциями, отчеты о работе, материалы по проверке жалоб, служебные инструкции и телеграммы, материалы судебных дел [3].

В отдельную группу необходимо выделить статистические источники. Вопрос о количестве эвакуированного населения СССР в начальный период Великой Отечественной войны до сего дня является самым дискуссионным в историографии: цифры разнятся от 5,5 до 25 млн. человек [1; 4]. Объясняется это тем, что поиск статистических данных в архивах сопряжен с определенными сложностями. Учет перемещающихся миллионных масс людей в экстремальных военных условиях в принципе представляет большую трудность. Часть эвакуируемых погибали от бомбежек, умирали, заболели, терялись в пути. По указанию ГКО 1 февраля 1942 г. во всех регионах тыла была проведена перепись прибывшего из угрожаемой зоны СССР населения. Эти ценные материалы, составляющие несколько сотен объемистых папок, долгие десятилетия хранились в секретном фонде, да и до сих пор они почти не введены в научный оборот. Эвакуация населения осуществлялась и в 1942 г., регулярный учет эвакуированных в тыловых областях был налажен только к началу 1943 г. Учет велся по следующим направлениям: общее количество эвакуонаселения; из них мужчин, женщин, детей; трудоспособных, из них трудоустроенных; из них занято в

промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в учреждениях; размещено в городах, в сельской местности. К сожалению, не велась отдельная статистика по эвакуированным специалистам, по национальному составу, по эвакуированным семьям военнослужащих, по рождаемости, заболеваемости, смертности среди эвакуанселения.

Здесь следует сказать о новом виде исторических источников об эвакуации, появившемся в последние годы: базы данных эвакуированных. Разговоры о поименной базе данных об эвакуации велись в сообществе ученых и архивистов давно, но и сегодня таких ресурсов единицы. Так, Объединенный государственный архив Челябинской области в 2020 г. приступил к созданию электронной базы данных эвакуированных в Челябинскую область. Для выявления документов архивисты просмотрели все находящиеся на хранения описи дел периода Великой Отечественной войны. Для ввода с базу данных отобрано предварительно 336 архивных дел, содержащих как непосредственно списки эвакуированных граждан, так и документы, предусматривающие дальнейшую работу по поиску информации (переписка о розыске эвакуированных, акты оценки ущерба, документы по выдаче благотворительной помощи, акты обследования условий проживания эвакуированных и другие). Работа по заполнению базы данных осложнялась тем, что списки заполнялись от руки (далеко не всегда разборчивым почерком) карандашом или чернильной ручкой. Часть документов имеет физические повреждения, затухающий трудночитаемый текст. В связи с тем, что регистрация большого количества прибывающих в эвакуацию граждан велась в спешном порядке, многие записи содержат сокращения, обрывочную информацию, которую зачастую сложно расшифровать. Сегодня в базу занесено 401624 записи [2] (по архивным данным в область прибыли по эвакуации 428 тыс. человек).

Отложившиеся в архивах источники личного происхождения отражают исторический процесс в преломлении сквозь призму убеждений, воспитания и индивидуальных качеств человека, оставившего нам бесценный материал не только для познания исторических событий, но и эмоциональной его составляющей. Для понимания бытовых нужд и психологии эвакуированных интерес представляют жалобы в различные инстанции, письма на фронт и родственникам в освобожденные от фашистской оккупации районы, письма «во власть» с просьбами о реэвакуации. Как правило, заявления и обращения граждан в массе своей не подлежат приему на государственное архивное хранение. Фрагментарная сохранность препятствует исследованию такого рода документов в качестве массового источника: трудно собрать надлежащего размера корпус. Тем не менее, анализируя отдельные документы такого рода, исследователь получает уникальную возможность взглянуть на жизнь страны глазами рядового человека. В последние годы многие воспоминания эвакуированных были изданы [8], также появились цифровые базы воспоминаний людей, в том числе и переживших эвакуацию (например, цифровой архив личных документов из частных собраний Центра Европейского университета в Санкт-Петербурге «Прожито») [7].

Хотелось бы выделить группу архивных документов, имеющих характер социологических исследований для служебного пользования. Такими, на наш взгляд, являются перечни вопросов, заданных трудящимися на лекциях и политинформациях, регулярно собиравшиеся и отправлявшиеся в отделы агитации, и пропаганды обкома ВКП(б); цитаты из личных писем граждан, перечень которых регулярно составляли сотрудники НКВД в ходе перлюстрации писем; судебные дела осужденных (личные дела подследственных). Все эти документы стали доступны исследователям в 1990-е гг. Социологических служб в 1940-е гг. в СССР не существовало, но власти внимательно следили за настроениями людей.

Подводя итоги, важно отметить, что обширный пласт источников, освещающих проблемы эвакуации 1941–1942 гг. незначительно задействован историками, его введение в научный оборот позволит воссоздать объективную картину эвакуационных процессов начального периода Великой Отечественной войны.

1. Корнилов, Г. Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 4(49). – С. 112–121.
2. Эвакуированные на территорию Челябинской области в годы Великой Отечественной войны : электронный информационный ресурс. – URL: <https://dbases.archive74.ru/evacuation> (дата обращения 13.03.2025 г.).
3. Потемкина, М. Н. Архивные документы ОГАЧО – ценнейший источник по истории эвакуации периода Великой Отечественной войны / М. Н. Потемкина // Архив в социуме – социум в архиве : материалы региональной научно-практической конференции / сост. и науч. ред. Н.А. Антипин. – Челябинск, 2018. – С. 106–109.
4. Потемкина, М. Н. Демографический аспект эвакуации населения в советский тыл в годы Великой Отечественной войны / М. Н. Потемкина // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе : сб. ст. X Уральского демографического форума. В 2-х т. – Т. 2. – Екатеринбург, 2019. – С. 139–143.
5. Потемкина, М. Н. Нарушения законности в ходе эвакуации населения и оборудования промышленных предприятий в 1941–1942 гг. / М. Н. Потемкина // Historia Provinciae : журнал региональной истории. – 2020. – Т. 4. – № 2. – С. 307–339.
6. Потемкина, М. Н. Эвакуация населения СССР в начальный период Великой Отечественной войны: дискуссионные аспекты проблемы / М. Н. Потемкина // Романовские чтения – 12 : сб. ст. Междунар. науч. конф. / Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова. – Могилев, 2017. – С. 47–48.
7. Центр Европейского университета в Санкт-Петербурге «Прожито». – URL: <https://prozhito.org/> (дата обращения 13.03.2025 г.).
8. Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнём катастрофы. СССР. 1941–1945 / сост. А. Берман, А. Никитина. – Иерусалим, 2009. – 248 с.

Катионов О.Н.

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ СУДЕБ ОДНОЙ СЕМЬИ ПОТОМКОВ БЕЛОРУСОВ СИБИРИ – УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: *белорусы-сибиряки участники Великой Отечественной войны, источники личного происхождения (воспоминания), делопроизводственные документы, освобождение Беларуси.*

В статье предлагается на основе личных воспоминаний автора и документов сайта «Память народа» реконструировать судьбы предков – белорусов-сибиряков, участников Великой Отечественной войны: показать участие людей с фамилией Катион, Катионов в Великой Отечественной войне. В основном носители этой фамилии являлись родственниками. Их предки приехали в Сибирь в 1904 г. из Беларуси. Большинство потомков – уроженцы Сибири из бывшей Томской губернии, жили первоначально в 25 км от г. Анжеро-Судженска, в таежной д. Михайловке.

Сам предок рода Катионовых Семен Катион в Сибири не жил. Однажды в разговоре с деканом исторического факультета Белорусского госуниверситета году в 2010/2011 на совещании деканов в Москве я упомянул о своих белорусских корнях по фамилии Катион или Кативон. Декан сказал, что такой фамилии не встречал, однако, через какое-то время зашел в комнату, где я остановился (а жили мы в гостинице в одной секции), и сказал, что позвонил своим коллегам и те ответили, что такая фамилия могла встречаться в ковенско-виленской группе белорусов. Тут и я вспомнил, что старики говорили о предке моем прапрадеде Семене, имевшем прозвище в г. Речице – «беглый з Польши».

Мой прадед и его родные братья, а фамилии у них разные, хотя отец у них был один Семен Катион или Кативон. Как получилось такое? По прибытии в Сибирь, по семейной легенде, писарь, который выписывал приписные документы записал Еремея Семеновича Кативона как Катионов. Так и возникла новая фамилия, образованная в

Сибири. Эта ветвь Катионовых продолжает жить в Сибири и сейчас. Часть детей Еремея – Лукьяна, его братьев: старшего Аксента, второго брата Сергея и четвертого младшего Петра разъехалась по стране, но в основном живут здесь в Сибири. А брат Еремея Леон или Левон так и остался на прежней фамилии Кативон или Катион. Позже уехал из Сибири в Воронеж.

Мой дед, Катионов Лукьян Еремеевич, 1900 г.р., уроженец г. Речица, был привезен в Сибирь в 1904 г. мальчиком четырех лет. В 1919 г. призван в колчаковскую армию, дезертировал из запасной части г. Томска, скрывался в тайге вместе с другими т.н. «красными партизанами».

Лукьян Еремеевич после прихода частей Красной Армии был мобилизован. Служил на Алтае. За это время вступил в партию большевиков. Лукьян занимался пчеловодством. Пасека была более 150 ульев. Во время коллективизации вступил в колхоз «Красные орлы». Так бы и жил, но его стали привлекать как коммуниста к раскулачиванию в соседних деревнях. Приехал уполномоченный и взял его с собой в соседнюю д. Ивановку. Лукьян увидел, как на его глазах разоряют трудовые семьи, и сказал уполномоченному: «Тебе за это деньги платят, а у меня дома дети голодные сидят» (уже было пятеро). Уехал. Попал на заметку.

По 58 ст. УК РСФСР Лукьян был осужден на три года при Ягоде. Строил канал в Дмитровлаг. Был амнистирован. Вернулся в 1936 г.

Лукьяна в возрасте 41 года призвали в армию. Их часть привезли под г. Тулу. Там немцы прорвали фронт, а они были без оружия. И побежали. Как Лукьян вспоминал: «немцы на машинах и танках, а мы бегом». Сердце и не выдержало. Инфаркт.

Отправили его обратно в Сибирь в г. Новосибирск в трудармию на строительство завода тяжелого машиностроения, впоследствии «Тяжстанкогидропресс» им. Ефремова. А землекопные работы вести не смог. Сердце. Тогда его направили пчеловодом в подсобное хозяйство завода – ныне село Лекарственное Тогучинского района Новосибирской области. После войны он перевез свою семью – жену и детей из д. Михайловки в это село. Со временем это хозяйство было перепрофилировано под выращивание лекарственных растений: валериана, опиумный мак, левзея, пустырник, ромашка и др. Селение перешло в ведение Лекраспрома под названием «Совхоз лекарственных трав».

У Лукьяна два сына участвовали в Великой Отечественной войне. Мой отец – старший сын, Катионов Николай Лукьянович, 1921 г.р. По нему информации больше всего, потому что мне удалось слушать его воспоминания о войне и самому расспрашивать о ней. Об отце я уже писал [7, с. 27–36].

В 2023 г. в Витебске накануне конференции «Актуальные проблемы источниковедения», проводимой под руководством А.Н. Дулова, встретились с сибиряком из Омска, работавшим на тот момент в Магаданском университете, доктором исторических наук Владимиром Николаевичем Ерохиным. Разговорились и узнали, что отцы наши в 1944 г. участвовали в операции «Багратион» по окружению Витебской группировки врага. Отец В.Н. Ерохина был тяжело ранен при штурме Витебска, а мой отец в составе 179 сд замыкал окружение Витебской группировки немцев, штурмывая Шумилино и форсировал р. Западная Двина. Решили день посвятить поездке по местам боев наших отцов. Взяли такси и поехали сначала в Шумилино. Там посетили местный краеведческий музей, ознакомились с экспонатами по истории боев в районе Шумилино, вернулись в Витебск кружным путем. Перед этим остановились у памятной стелы, свидетельствовавшей о месте окружения витебской группировки войсками Третьего Белорусского и Первого Прибалтийского фронтов у р. Черногоstica. Такая поездка незабываема, насыщена информацией. По итогам её нами была опубликована статья в «Вестнике Северо-Восточного государственного университета» [1].

Второй сын Лукьяна Еремевича – Кирилл, 1923 г. рождения. Он погиб, как тогда говорили, «на фронте».

Из рассекреченных документов на сайтах Минобороны, пополняемых ежегодно, а также во «Всекузбасской книге памяти», т.е. Кемеровской области, к которой отнесена была д. Михайловка с г. Анжеро-Судженском в начале 1943 г., сведения о Кирилле немногочисленны.

Катионов Кирилл Лукьянович, 1923, Анжеро-Судженский р-н, командир разведывательного отделения, в/ч 34465, погиб 19.10.1943, похоронен 1 км зап. Любимовка-Новая, Запорожская обл. [Т. 5. С. 220].

Эти скудные сведения я попытался расширить, обратившись к сайтам ЦАМО. На сайте «Память народа» находим «Формулярный список на красноармейцев 237 АЗСП 5 УА 2 пулеметной роты 2 сб», направленных в распоряжение командира 85 гвард. ГАП РГК. Воинское звание: красноармеец; Военно-пересыльный пункт: 237 азсп; Прибыл в часть: 01.06.1943. Выбытие из воинской части: 08.06.1943. Куда выбыл: 85 гв. гап РГК. То есть прибыл Кирилл из 237 армейского запасного стрелкового полка в 85 гвардейский гаубичный артиллерийский полк РГК. Сразу отметим, что информация в информационном блоке неполная, поэтому обращаемся к скану самого документа. А там еще есть дополнительные для нас сведения о человеке [6].

Из сканированного документа узнаем, что Кириллу была присвоена военно-учетная специальность № 29 – Артиллеристы мелкокалиберной артиллерии (боевых машин), для рядового состава башенный стрелок или башенный стрелок-радиотелеграфист [9], был трактористом по гражданской специальности, имел 6 классов образования, а в графе «Судимость» стоит номер ст. 74 УК РСФСР. За что был осужден? За хулиганство на один год¹.

Родная сестра моей бабушки Дарья Васильевна Степаненко рассказывала о том, что Кирилл был осужден за то, что поехал пахать землю в другой колхоз без разрешения начальства. Он был лишен брони, т.е. отсрочки от призыва в армию, осужден и призван в РККА в июне 1942 г.

Нами выявлен документ «Краткий боевой путь 85 гв. гап РГК», т.е. гвардейского гаубичного артиллерийского полка резерва главного командования. В документе описывается период с 04.10.1941 по 23.09.1944 г., в котором в сжатой форме на двух страницах показана история 85 гв. гап, в котором воевал Кирилл Катионов. Если из запасной части их приняли в состав полка 7 июня 1943 г., когда полк воевал в составе 5 Ударной армии Южного фронта, то и боевые действия начались у Кирилла с 85 гв гаубичного артполка на р. Миус. А это период с 11.05.43 по 15 августа. Полк в районе р. Миуса перебрасывали на разные участки 28 армии. Затем с 15 августа по 12 сентября 1943 г. в боях на Донбассе полк вновь при 5 ударной армии Южного фронта поддерживает огнем части 3 гв ск (54 сд), 9 кск. С 12.09.43 по 23.09.43 его полк в составе 51 армии 4 украинского фронта поддерживает огнем 10 и 55 ск. в Восточном Запорожье. С 23.09. по 29.10.43 – полк придается 44 армии 4 укр фронта для поддержания гаубичным огнем 10 гв ск 49, 108, 109, 305, 311 сд; 63 ск (77, 417 сд) севернее Мелитополя [8, л. 674].

В журнале боевых действий 44 армии описывается боевая обстановка, в которой действовал и 85 га гап. с 15 по 19 октября 1943 г.: «19 октября «противник продолжал удерживать прежние рубежи, активных боевых действий не проводил, вел методический артмин огонь и производил огневые налеты на боевые порядки войск

¹ УК РСФСР, ст. 74 издания 1959 г.: Хулиганские действия на предприятиях, в учреждениях и в общественных местах – караются тюремным заключением сроком на один год, если эти действия по своему характеру не влекут за собой более тяжкого наказания. [16 августа 1940 г. («Известия Советов депутатов трудящихся СССР» № 190 от 17 августа 1940 г.)] // Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложениям постатейно-систематизированных материалов. – М. : Гос. изд-во юридич. лит-ры, 1950. – С. 61.

армии. Артиллерия армии производила перегруппировку, пристрелку огней, вела огневой бой с артиллерией противника...» [3, л. 8].

Возможно, Кирилл погиб во время одного из таких огневых боев с противником 19 октября 1943 г.

О задачах разведчиков-артиллеристов, в котором служил Кирилл, сообщает в воспоминаниях бывший начальник разведки 85 гв гап О.Д. Казачковский: «Полк резерва главного командования практически непрерывно находился в боях, и притом на самых горячих участках. Рутинная работа артиллерийского разведчика состояла, главным образом, в непрерывном наблюдении за противником со специально подготовленного НП... В маневренных же условиях не раз доводилось непосредственно сталкиваться с противником» [4, с. 65–67].

Кирилл воевал в единственной для него гвардейской части и погиб смертью храбрых. Был командиром разведывательного отделения, значит воевал неплохо. Какой итог данных разысканий. 1. Мы имеем более-менее верную информацию о Кирилле Лукьяновиче Катионове. 2. Знаем дату его смерти. Это может стать семейной традицией – днем его поминовения – 19 октября каждого года. Есть потомки его братьев и сестер. Они, может быть, когда-нибудь это и будут делать. Кроме того, уточнено название фронта, на котором погиб Кирилл – Южный, т.е. за день его официального переименования в 4 Украинский. 3. Знаем место его погребения. Это Украина. Похоронен в 1 км зап. Любимовка-Новая, Запорожская обл.

Из потомства переселенца из Беларуси Еремея Семеновича Катиона/Катионова на фронтах Великой Отечественной войны и в войне с милитаристской Японией воевали, кроме Николая и Кирилла, еще его внуки: Катионов Федор Аксентьевич, Катионов Иван Сергеевич, Катионов Василий Сергеевич, Катионов Яков Сергеевич. Иван и Кирилл погибли.

1. Ерохин, В. Н. Два солдата Великой Отечественной войны: опыт реконструкции участия в боевых операциях по освобождению восточной Беларуси / В. Н. Ерохин, О. Н. Катионов // Вестник Северо-Восточного государственного ун-та. История: электронный международный научный журнал. – URL: http://vistory-svgu.ru/?page_id=574. – 2023. – Т. 4. – Вып. 2.

2. Журнал боевых действий войск 4 УкрФ. Описывает период с 01.10.1943 по 31.10.1943 г. // ЦАМО. – Ф. 244. Оп. 3000. Д. 320. Л. 91. – URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=150401632&backurl=division%5C85%20%D0%B3%D0%B2%20%D0%B3%D0%B0%D0%BF::use_main_string%5Ctrue::group%5Cjbd::types%5Cjbd::page%5C4&division=85%20%D0%B3%D0%B2%20%D0%B3%D0%B0%D0%BF&static_hash=3b81c30f7a491830cb44a1a221cc15aa (дата обращения: 4.01.2024).

3. Журнал боевых действий войск 44 А Описывает период с 01.10.1943 по 31.10.1943 г. Журналы боевых действий. Дата создания документа: 31.10.1943 г. // ЦАМО. – Ф. 399. Оп. 9385. Д. 115. Л. 8 – URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=151200070&static_hash=823a150910635b56852e409da6cc7c7d (дата обращения: 6.01.2024).

4. Казачковский, О. Д. Записки физика о войне и мире / О. Д. Казачковский. – Обнинск: ГНЦ РФ ФЭИ, 2010. – 496 с., ил.

5. Катионов Кирилл Лукьянович // Всекузбасская книга памяти. Г. Анжеро-Судженск. Яйский район. Ижморский район / [сост. Е.В. Баталова и др.]. – Кемерово, 1996. – 694 с.: ил., портр., факс.

6. Катионов Кирилл Лукьянович // URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_vpp1997240256/ (дата обращения: 6.01.2021).

7. Катионов О.Н. Отец на войне (из его воспоминаний) / Катионов О.Н. // Россия: человек, общество, война XIX–XX вв.: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 100-летию окончания Первой мировой войны и 100-летию начала Гражданской войны в России / отв. ред. В.И. Баяндин, А.В. Запорожченко; Новосибирск, 17–18 мая 2018 года. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. – С. 27–36.

8. Краткий боевой путь 85 гв. гап РГК. Описывает период с 04.10.1941 по 23.09.1944 г. Отчеты о боевых действиях. Дата создания документа: 27.09.1944 г. / ЦАМО. Ф. 237. Оп. 0002410. Д. 0045. Л. 674. Авторы документа: 85 гв. гап РГК, гв. подполковник Яременко, гв. майор Самодумский // URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=454718121&backurl=division%5C85%20%D0%B3%D0%B2.%20%D0%B3%D0%B0%D0%BF::begin_date%5C07.03.1943::end_date%5C16.03.1943::use_main_string%5Ctrue::group%5Ccall::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie&static_hash=1d64b3f2ab3cd6b61de7f07d835ae711 (дата обращения: 4.01.2024).

9. Перечень Военно-учетных специальностей РККА. Утвержден Начальником ГШ 04.11.1937 г. // URL: <http://www.rkka.ru/handbook/data/vus.htm> (дата обращения: 6.01.2024).

Вашкау Н.Э.
**СПИСКИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ: РОЛЬ ИСТОЧНИКА
В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ДЕПОРТАЦИИ И ТРУДОВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Ключевые слова: российские немцы, депортация, война, списки, память.

Память в среде российских немцев, переживших время депортации, десятилетиями существовала латентно. Носители памяти – старшее поколение (бывшее в трудармии) и поколение выселенных детей (испытавших на себе тяготы спецпоселения), были связаны обетом молчания. Память была разорвана между поколениями. В редких случаях родители делились воспоминаниями о пережитом с детьми и внуками. В среде российских немцев присутствовали разные уровни памяти. Мужская память запечатлела изменение поведенческой роли: мужчина лишился роли хозяина, исчез привычный уклад хозяйственной жизни, пребывание в трудармии было сопряжено с освоением несвойственных профессий, унижением достоинства, зависимостью от начальства, комендатуры. Женская память удержала картины брошенного в одночасье хозяйства, заботу о детях, насилие со стороны мужского мира в трудармии (начальство и охрана лагерей).

Детская память запечатлела картины расставания с домом. Были разрушены образовательные связи (прервалось обучение в немецких школах), религиозные связи (нет бабушки, читавшей молитву, не проводятся семейные праздники), разорвались родственные связи, часто навсегда. На поселении помнятся насмешки и угрозы, драки со сверстниками, чувство голода и несправедливости. Непонимание причин выселения порождало у детей чувство незащищенности и отсутствия перспективы, отсюда в период взросления – стыдливость и ощущение ущербности своей национальности. Так выросло поколение детей 1939–1950-х годов рождения без собственной истории семьи в противовес остальным гражданам страны, так или иначе прошедшим через войну и гордившимся за участие в ней на фронте или в тылу.

Мне удалось получить возможность изучить комплекс уникальных источников – списки депортированных немцев с территорий бывшей Республики немцев Поволжья, отошедших к Сталинградской области. Документы хранятся в Информационном Центре УВД Волгоградской области (ИЦ УВД, ф.42). Рассекреченные в 2006 г., они стали основой трех научных публикаций источников. Каждый сборник документов сопровождается большой вступительной статьей. Первой публикацией был список жителей колонии Сарепта (сегодня Красноармейский район Волгограда) [7]. Затем были опубликованы списки по г. Сталинграду [3]. И, наконец, был завершен огромный труд – двухтомник, содержащий списки жителей всех колоний из южных кантонов республики, отошедших к Сталинградской области [8].

Как происходила подготовка к переселению? В соответствии с инструкцией, утвержденной Л.П. Берия 27 августа 1941 г., (впервые опубликована в 1995 г.) [4], для проведения «ответственного оперативного задания» 1 сентября были образованы оперативные тройки в составе уполномоченных НКВД (начальника районного отдела НКВД), районных комитетов партии и начальника милиции. С тем, чтобы не допустить волнений и неповиновения, была задействована агентурная сеть, о чем есть упоминания в архивных документах. Отметим, что данные с указанием фамилии осведомителя и его псевдонима заполнены на типографском бланке, на обороте указан тираж – 150 экз.

Списки составляли оперативные группы, выезжавшие в районные центры, колхозы, поселки. Списки, а также учетные карточки на семью составлялись в трех

экземплярах. Указывалось количество семей, общее число жителей, отдельно выделены мужчины, женщины, дети. С правой стороны списка те же данные с указанием, сколько человек погружено в вагон. Слева стояла фамилия уполномоченного НКВД, подготовившего список. Здесь же указана дата, что очень важно для определения времени отъезда, так как в воспоминаниях депортированных даты разнятся на 2–3 дня или даются указания «семья выехала в начале сентября». Сегодня мы можем восстановить абсолютно точно дату выезда жителей каждого немецкого селения или конкретной семьи.

Списки имеют разную степень сохранности. Что касается бывшей колонии Сарепта, он напечатан на машинке. В других случаях – это списки карандашом, угасающими чернилами. В архивных папках в качестве сопроводительных встречаются акты передачи выселяемых людей, рапорты о погрузке на баржи или в вагоны, телеграммы о формировании составов поездов, маршруты следования и сосредоточения на начальных и промежуточных станциях. О том, как проходила депортация, какие правовые нормы нарушались, я рассказала в книге, опубликованной в 2006 г. [2].

Сохранились несколько поэшелонных списков. Они показывают, жители каких деревень концентрировались на определенных узловых станциях железной дороги, сколько вагонов составляли эшелоны, сколько человек размещалось в одном вагоне. Так, эшелон № 709 со станции Камышин 14 сентября 1941 г. направлен до станции Вагай Омской железной дороги с жителями из 5 сел – Гебель, Шербаковка, Мюльберг, Гольштейн, Гильдман. Вагонов было подано 67. Из села Гебель всего было отправлено 1443 человека (33 вагона), Гильман – 524 (12 вагонов), село Гольштейн – 755 чел (18 вагонов). Одно село могло быть разделено по двум и более эшелонам (жители села Щербаковка выезжали в эшелоне № 709, 707). В списках указывались старшие вагонов (не везде), которые были назначены из немцев, что соответствовало инструкции по переселению.

Списки по Сталинграду и его районам позволяют судить о количестве немцев, живших в городе. По Ворошиловскому оперучастку Сталинграда переселение проведено 3 сентября. 315 семей (976 человек) доставлены на Баррикадный спуск на берегу Волги. Красноречивым документом является рапорт начальника Ворошиловского оперучастка. Он подан на машинописном бланке, где в пропущенные графы вносились статистические данные. Обратим внимание на формулировку вопросов, предусмотревших самые различные формы протеста. Из этого документа видно, что руководство было готово к протестным действиям населения. В то же время в рапорте отмечено, что никаких инцидентов не произошло.

Насколько четко работали оперативные тройки, показывает план проведения операции по переселению немцев по Котельниковскому, Ворошиловскому и Верхне-Курмоярскому районам (они входили в Котельниковский участок), направленный 2 сентября на утверждение в областной оперативный штаб уполномоченным НКВД по Котельниковскому участку Бурыкиным. Переселялось 48 семей (142 чел.), но всего сопровождало 30 (!) бойцов НКВД и милиции.

Села были достаточно большими. Так, село Семеновка Добринского кантона имело 581 семью, всего 2594 жителей, из них 1316 детей. Отправлены эшелонами №710 на станцию Омск 14 сентября. Кантонный центр Добринка был еще больше – здесь выселялось 718 семей, (2741 чел., из них детей – 1363).

Часть жителей селений, располагавшихся вдоль Волги, отправлялась пароходами, баржами. В списках фигурируют названия пароходов. Например, из Камышина 162 семьи (696 чел.) были погружены на пароход «М. Лядов» 10 сентября. Из Ольховки семьи были отправлены на пароходах «М. Урицкий» и «А. Грибоедов».

Необходимо отметить, что списки из селений содержат графы фамилия, имя, отчество, возраст, родственные отношения. Список жителей Сарепты включает еще и полный адрес. Список по Сталинграду имеет указание на профессию и место работы высылаемого лица. Только из Сталинграда было отправлено 3979 немцев. Из Сарепты – 2320. Без происшествий и неповиновения... В период выселения по области было арестовано 35 немцев. Всего переселено из Сталинградской области 26245 чел.

Необходимым дополнением для реконструкции процесса депортации российских немцев являются воспоминания людей, переживших трагедию выселения и передвижения вглубь страны. Историки, изучив первый пласт официальных документов, восстановив ход событий, как он виделся на основании официальных отчетов с мест партийных органов и органов НКВД, обратились к памяти людей в рамках повседневной истории. Молчание о судьбе народа на многие десятилетия вывело из семейной истории жизнь целого поколения.

Понимание того, что возвращение в места прежнего проживания невозможно (руководство страны продемонстрировало это в указах 1945, 1955 и 1964 гг.) вылилось в беспрецедентно большое для этнического меньшинства число межнациональных браков, в переход на ненемецкие фамилии при регистрации браков, в изменение национальности при получении паспорта, в нежелание изучать немецкий язык как родной. Все эти проявления повседневного выбора не предполагали устойчивой передачи семейных историй из поколения в поколение. Немцы получили возможность, наконец, сказать правду и выразить груз пережитого сначала на страницах немецкоязычной газеты «*Neues Leben*», в альманахе «*Heimatliche Weiten*». В 1991 г. вышло первое издание книги Генриха Вольтера «Зона полного покоя». Заглавие книги очень точно выражает состояние общества, жившего со стиснутыми зубами.

Этот коллективный рассказ был дополнен в последующие годы изданиями воспоминаний авторов, которые в силу своей профессии и уровня образования смогли описать свою жизнь, (Владимир Фукс, Вильям Гергерт, Рудольф Плюкфельдер [5] или за ними записывали историки (Виктор Бруль, Виктор Кириллов, Нина Вашкау [1]).

Авторы не дают оценки собственной роли в истории страны, они повествуют о таких сторонах событий, которые либо не отражены в официальной документации, либо были недоступны для изучения и использования. Бесхитростность рассказов, простой язык изложения, описание самых «обычных» трудовых будней потрясают своей документальностью. И оживают лица на редких фотографиях, и восстанавливается древо семьи, когда дети, рожденные в 1939–1941 гг. находят в опубликованных списках свои имена. В моем архиве хранится многолетняя переписка с читателями, которые имеют в семье опубликованные списки. Хочу привести письмо Павла Дейна, который нашел свою фамилию в списках колонии Сарепта:

«Здравствуйте, Нина Эмильевна!

Сразу должен извиниться за стиль и правописание, так как моей профессией вот уже 30 лет является тяжелая строительная техника, а не «перо». Мне 50 лет. Я уже на пенсии, ветеран труда, но продолжаю работать на Астраханском Газоперерабатывающем Комплексе машинистом экскаватора. Проживаю с семьей в г. Астрахани с 1986 г. Мой дальний предок приехал в Россию из земли Гессен в 1766 году и поселился в Warenburg (Привальное) Самарской губернии. Так, его потомки спускаясь два столетия вниз по течению великой русской реки, в конце девятнадцатого века добрались до Сарепты, где в 1961 г. родился и я, на ул. Политотдельской, она часто встречается в Вашей книге. Там много улиц, знакомых мне с детства...

В первый класс пошел в школу, которая находилась в бывшем здании форштегеров. Рядом со школой располагался кинотеатр «Культармеец», в котором мы смотрели фильмы про закаленных в классовых боях героев. Бегали на первый шлюз Волго-Донского канала

и любовались проходившими кораблями. И только много позже, закончив десятилетку, затем техникум и отслужив в армии, я осознал, что фильмы мы смотрели в храме, где в недалёком прошлом отпевали моих предков. А первый шлюз стоит на том месте, где пролежала ул. Парашютная, на которой стоял маленький домик моего деда. Он работал толкателем брёвен на лесопильном заводе. Сейчас моему папе 76 лет. Несмотря на свой возраст, он обещал написать воспоминания о своём детстве, депортации, существовании в ссылке. Я также надеюсь на воспоминания Дейна Виктора Павловича (список в Вашей книге №6), проживающего в Сызрани.

В своем письме, Нина Эмильевна, Вы пишете: «Я же хочу показать, что стоит за этими сухими безличными партийными документами, какие судьбы». Это очень верно. Нужно рассказать читателям, что на «пункт погрузки», как цинично пишет в своем рапорте оперуполномоченный НКВД, доставили не крупнорогатый скот, а трудолюбивых и законопослушных граждан своей страны. 27.07.2011» [6].

Списки российских немцев являются неопровержимым свидетельством массовой запланированной и четко проведенной операции НКВД по депортации тысяч людей без каких-либо разъяснений, материального обеспечения и гуманного отношения к людям. Исследователи и потомки российских немцев активно используют сайты в сети Интернет, ищут свои корни. Этот вид трансляции знаний от старшего к младшему поколению исходит уже от молодежи, что вселяет надежду на передачу памяти следующим поколениям.

1. Бруль, В. И. Немцы в Западной Сибири / В. И. Бруль. – Ч. 1–2. – Топчиха, 1995; Gedenkbuch. Гордое терпение. Книга памяти советских немцев – узников Тагиллага / авт.-сост. В. М. Кириллов [и др.]. – Екатеринбург, 2004.; Вашкау, Н. Э. Сарепта. Страницы истории российских немцев / Н. Э. Вашкау. – Волгоград, 2006.

2. Вашкау, Н. Э. Страницы истории российских немцев / Н. Э. Вашкау. – Волгоград, 2006.

3. Возвращенные имена. Списки депортированных граждан немецкой национальности – жителей г. Сталинграда (август – сентябрь 1941 г.): сб. док. / Волг. Центр. герм. ист. исслед. – Вып. 11 / сост. Н. Э. Вашкау. – Волгоград : ВолГУ, 2011. – 233 с.

4. Депортация народов СССР (1930-е – 1950-е годы). – Ч. 2 : Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). – М., 1995. – С. 74–79.

5. Гергергт, В. Э. Мечта и грешная земля / В. Э. Гергергт. – Пермь, 1994.; Фукс, В. Г. Роковые дороги поволжских немцев. 1763–1995 / В. Г. Фукс. – Красноярск, 1995; Плюкфельдер, Р. В. Чужой среди своих / Р. В. Плюкфельдер. – Книга 1 : Невыездной. – М., 2008.

6. Личный архив Н. Э. Вашкау.

7. Сарепта. Территория памяти : сб. док. / Волг. Центр. герм. ист. исслед. – Вып. 7 / сост. Н. Э. Вашкау. – Волгоград : ВолГУ, 2008. – 142 с.

8. Списки депортированных российских немцев с территории бывшей Республики немцев Поволжья, отошедших к Сталинградской области : сб. док. : в 2 т. / Волг. Центр. герм. ист. исслед. – Вып. 12 / сост. Н. Э. Вашкау, Е. Л. Фурман, Л. А. Фалалеева. – Волгоград : ВолГУ, 2015. – Т. 1. – 626 с. ; Т. 2. – 568 с.

Строганова В.А. ЭГО-ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА (1941–1944 гг.) НА МАТЕРИАЛАХ ЭВАКОГОСПИТАЛЯ № 1012

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, здравоохранение, Ленинградский государственный университет, эго-документы, фронтовые госпитали, эвакогоспиталь № 1012.

Важнейшим фактором успешной борьбы за освобождение Ленинграда стала особая система организации здравоохранения, позволившая в условиях продовольственного и медикаментозного дефицита, спасти жизни раненых солдат и ослабевших жителей.

Данное исследование основано на опыте функционирования эвакуогоспиталя № 1012, располагавшегося в здании исторического факультета Ленинградского государственного университета.

Первой крупной работой, созданной на основе архивных документов по вопросу организации блокадного здравоохранения, стала диссертация А.В. Свешникова [12]. В печать вышла его работа совместно с Б.М. Хромовым «Здравоохранение Ленинграда: краткий исторический очерк» [14], посвящённая развитию системы здравоохранения в Ленинграде с начала XX в. и до 1960-х гг. (в том числе, в период Великой Отечественной войны). Наиболее комплексно организация системы здравоохранения блокадного Ленинграда была рассмотрена в монографии П.Ф. Гладких «Здравоохранение блокированного Ленинграда» [3]. В данной работе исследовалась организация медицинского обеспечения не только среди жителей города, но и среди частей Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота. Анализировались два основных аспекта в здравоохранении – организация лечебно-эвакуационных и проведение санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий.

О работе госпиталя № 1012 традиционно упоминается в крупных монографиях, посвященных истории Санкт-Петербургского государственного университета. Эпизодическое упоминание истории создания госпиталя содержится в монографии «Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны» [6] и сборнике «Ленинградский университет в Великой Отечественной» под редакцией Ю.Д. Марголиса [9]. Существует ряд статей, посвященных работе университетского госпиталя. Истории первых этапов работы госпиталя посвящена статья А.С. Лапченко [8] и статья В.В. Василика «Госпиталь в стенах исторического факультета» [1]. Однако сам автор статьи отмечает, что корпус источников требует более углубленного изучения.

Перечисленные труды в основном подробно рассматривают исключительно медицинский аспект – эпидемиологическую обстановку в городе, методики лечения, реабилитации и т.д. Без внимания оказывается социальный аспект – например, роль морального фактора в успешности функционирования системы блокадного здравоохранения. Важно отметить, что роль морально-субъективного фактора имеет принципиальное значение не только в вопросах медицинского характера, но и в процессе выживания в условиях блокады Ленинграда в целом. Незаменимым источником в данной области являются эго-документы, предлагающие уникальный опыт индивидуального переживания трудностей блокады [11, с. 24]. Благодаря таким источникам, исследователи могут сделать выводы не только о фактологической составляющей, но и рассмотреть оценку и роль этих событий в условиях осадной жизни. Потенциал эго-документов в объяснении особого героизма и стойкости жителей блокадного Ленинграда отмечается крупнейшим исследователем истории блокады Г.Л. Соболевым [13].

Источниковая база данной работы включает в себя корпус эго-документов. Условно их можно разделить на две группы: первая – это воспоминания врачей госпиталя, а вторая – воспоминания универсантов и сотрудников ЛГУ. К первой группе относятся воспоминания врача-диетолога Федора Федоровича Грачева [5] и воспоминания заведующей 7-м медицинским отделением Валентины Николаевны Гороховой [4]. Вторая группа состоит из воспоминаний универсанток, многие из которых работали в госпитале медицинскими сестрами или санитарками. Обширный корпус воспоминаний о блокадном периоде был собран в конце 1980-х – начале 1990-х, в качестве материалов к упоминаемому сборнику Ю.Д. Марголиса. Эти мемуары были опубликованы в сборнике «Мы знаем, что значит война...» [7], но с некоторыми сокращениями, поэтому при написании данной работы использовались рукописи и авторизованные машинописи данных воспоминаний, хранящиеся в Музее истории

Санкт-Петербургского государственного университета [10]. Еще одним источником из данной группы стали воспоминания Валентины Игнатьевны Гаповой, посвященные пребыванию в стенах госпиталя солдата (впоследствии известного советского писателя, так называемой, «деревенской прозы») Ф.А. Абрамова [2].

Обширные сведения эго-документы предоставляют по истории социальных отношений внутри госпиталя. Если говорить о характере взаимоотношений между ранеными и медицинским коллективом, то замечена особая солидарность раненых – это проявлялось в постоянном желании помочь врачам и медсестрам по самым различным вопросам. В дневнике санитарки О.Н. Мельниковской содержится крайне трагичная история о том, как в январе 1942 г. у нее украли карточки на работе – это сделала ее сменщица. Узнав о происшествии: «ребята в палате ужасно взволновались..., раненые очень трогательно утешали меня, обещали делить еду не на 24 порции, а на 25...» [7, с. 592]. Двое из раненых узнали адрес сменщицы и навестили ее – карточки были возвращены владелице.

В распоряжении исследователей есть свидетельства о помощи в бытовых вопросах – строительстве печей-временок, прокладке электрического кабеля, участии в ремонте здания.

Кроме того, раненые оказывали помощь и в медицинских мероприятиях – помогали в создании столов для гипсования, участвовали в проведении занятий по реабилитации (помогали учить ходить товарищей по службе). Главным оставался сознательный подход к трудностям, связанным с блокадной повседневностью – понимание тяжести продовольственного и медицинского положения, не зависящих от воли врачей. При возникновении несогласий и возмущений раненые занимались саморегулированием подобных проблем (например, Ф.Ф. Грачев описывает случай, когда староста и несколько раненых четвертой палаты 5-го медицинского отделения отказались питаться «столовской похлебкой» – общим решением, у палаты был избран новый староста, а командованию госпиталя принесли извинения за инцидент) [5, с. 81].

Сюжеты о взаимопомощи и поддержки раненых, об их личностях – перенесенных ранениях и операциях, жизненных историях, становится одной из магистральных тем эго-документов, посвященных эвакогоспиталю № 1012. Раненые становятся одними из важнейших действующих лиц, оказывающих влияние на формирование блокадной повседневности медицинских работников.

О взаимоотношениях внутри медицинского коллектива имеются противоречивые свидетельства. Например, В.И. Гапова вспоминает, что старшие медсестры могли забирать общие градусники, из-за чего молодые неопытные медсестры не могли вовремя измерить температуру пациентов и получали выговор от начальства [2, с. 170]. Госпитальные медсестры и санитарки, в целом, почти не пишут о своих взаимоотношениях с врачами и начальством, в отличие от врачей, которые делают особый акцент на важности сплоченности медицинского коллектива в вопросе не только работы госпиталя, но и процессе выживания в блокаде. Ф.Ф. Грачев писал: «В это тяжелое время весь наш коллектив, все мы – врачи, медицинские сестры и раненые – были как одна семья, сплоченная всеобщим уважением и доверием» [5, с. 90]. В.Н. Горохова отмечала, что значительным фактором успеха выживания в блокаде был общественный уклад жизни – неразрывная связь всех членов коллектива: «Вместе трудились, вместе переносили лишения» [4, с. 41].

Особо важную роль в жизни эвакогоспиталя № 1012 играл моральный аспект. Огромное значение в организации досуга имели сотрудники и студенты ЛГУ – они проводили лекции и занятия для раненых, читали им книги и газеты, посещали госпиталь с праздничными концертами. Особую роль в жизни госпиталя имели

«госпитальные родственники» – студенты, которые вызвались на постоянной основе посещать раненых, оставшихся в Ленинграде без семьи и товарищей.

В контексте влияния морального фактора, можно рассмотреть раздел воспоминаний В.Н. Гороховой, озаглавленный как «Наши радости». В первую очередь автор описывал гигиенические процедуры – в госпитале отсутствовал душ, но перед 31 декабря 1941 г. в одну из палат принесли бидоны с водой, благодаря чему сотрудники смогли помыться. В канун Нового года помимо праздничного обеда, в ординаторской находилась маленькая елка, украшенная принесенными из домов врачей игрушками, а в качестве особого угощения были плитка шоколада и оладьи, приготовленные из обойной муки. Еще одним знаковым радостным событием блокадной жизни Горохова отмечала 5 ноября 1942 г., когда 7-му отделению было вручено Красное знамя.

Второй блокадный Новый год также внесен в реестр «радостей» – Горохова писала, что врачи подготовили специальные подарки для раненых (игрушки и конфеты), а также написали поздравительные открытки. В госпитале даже появился Дед Мороз – им стал один из раненых, который и раздал заготовленные подарки солдатам [4, с. 55]. А 2 января 1942 г. в госпитале прошел танцевальный вечер для медицинского коллектива и раненых.

В.Н. Горохова вспоминала, что госпиталь часто посещали артисты – особенной популярностью среди раненых пользовалась эстрадная артистка А.С. Егорова и ее исполнение песни «Моряк Мишка» (широкой публике композиция на стихи Владимира Дыховичного известна под названием «Мишка-одессит» в исполнении Л.О. Утесова).

Культурно-просветительские мероприятия, проводимые сотрудниками и студентами ЛГУ, колоссальная моральная поддержка, оказываемая не только медицинским коллективом, но и простыми жителями Ленинграда, коллективный подход к решению проблем – это лишь малая часть того, что помогало выстоять обитателям госпиталя в тяжелых условиях блокады.

Таким образом, эго-документы предоставляют уникальный опыт выживания в тяжелых условиях блокадной жизни и позволяют современным исследователям составить фактологическую базу для понимания подвига защитников города.

1. Василик, В. В. Госпиталь в стенах исторического факультета / В. В. Василик // Труды института истории обороны и блокады Ленинграда. – СПб., 2023. – С. 110–126.
2. Гапова, В. И. Одна зима / В. И. Гапова // О войне и победе. – СПб. : Нева, 2005. – С. 157–179.
3. Гладких, П. Ф. Здравоохранение блокадного Ленинграда 1941–1944 гг. / П. Ф. Гладких. – 2-е изд., перераб. и доп. – Л. : Медицина, 1985. – 272 с.
4. Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда (ГММОБЛ). – РДФ. Оп. 1. Д. 181.
5. Грачев, Ф. Ф. Записки военного врача / Ф. Ф. Грачев. – Л. : Лениздат, 1970. – 208 с.
6. Ежов, В. А. Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны / В. А. Ежов, В. В. Мавродин. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1975. – 88 с.
7. «Мы знаем, что значит война...»: воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет: 65-летию Великой Победы посвящается / сост. Т. Н. Жуковская, И. Л. Тихонов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2010 г. – 662 с.
8. Лапченко, А. С. Работа эвакуационного госпиталя № 1012 в условиях блокады Ленинграда / А. С. Лапченко // Петербургские военно-исторические чтения : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – СПб, 2015. – С. 150–153.
9. Ленинградский университет в Великой Отечественной: очерки / ред. Ю. Д. Марголис. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. – 326 с.
10. Музей истории СПбГУ. – Ф. ВОВ. Д. 187.
11. Рогова, Н. Б. Взгляд из будущего / Н. Б. Рогова // Жизнь и быт блокированного Ленинграда: сб. науч. ст. / отв. ред. Б. П. Белозеров. – СПб. : Нестор-История, 2010. – С. 4–28.
12. Свешников, А. В. Здравоохранение Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : автореф. дис. ... канд. мед. наук / А. В. Свешников ; Лен. гос. ин-т усовершенствования врачей им. С.М. Кирова. – Ленинград, 1964. – 17 с.
13. Соболев, Г. Л. Блокада Ленинграда: от новых источников к новому пониманию / Г. Л. Соболев // Новейшая история России. – 2012. – № 3. – С. 70–96.
14. Хромов, Б. М. Здравоохранение Ленинграда: краткий ист. очерк / Б. М. Хромов, А. В. Свешников. – Л. : Лениздат, 1969. – 207 с.

Щеголихина С.Н.
ДОКУМЕНТЫ О СИТУАЦИИ В ПРИБАЛТИКЕ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В АРХИВАХ
г. САНКТ- ПЕТЕРБУРГА

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Прибалтика, архивы Санкт-Петербурга.

Изучение истории Великой Отечественной войны и Второй мировой продолжает сохранять актуальность по нескольким основаниям. Во-первых, исходя из значимости этого периода для всего последующего развития мира – политического, экономического, социального, культурного, психологического и т.п. Во-вторых, многогранность событий, ситуаций, проникновение войны на огромные территории и в разнообразные сферы человеческой жизни предопределяют постоянное появление неисследованных аспекты этого периода. В-третьих, параллельно с осмыслением прошлого продолжается процесс сбора и анализа источников, исторического материала. Мемуары, письменные воспоминания и дневники, проекты «устной истории», которые теперь пополняются людьми, пережившими войну детьми. Архивы снимают гриф секретности со многих документов исходя из истечения срока секретности, оцифровывают документы, делая их доступными для вдумчивого исследования.

Таким образом, в современной исторической науке есть насущная необходимость актуализировать имеющуюся историографию истории Великой Отечественной войны и противостоять попыткам фальсификации истории, опираясь на документальные исторические данные.

Одной из актуальных тем истории Великой Отечественной войны является ситуация, сложившаяся в Прибалтике. В последнее время российские историки стали активнее изучать события, связанные с партизанским движением и подпольем на северо-западе РСФСР и в Прибалтике. В архивах г. Москвы учеными проработаны документы по деятельности Центрального штаба партизанского движения на указанных территориях [8]. Московскими специалистами дана характеристика имеющихся историографических наработок и документов, ставших доступными для исследователей [6]. Обращением к материалам Национального архива Республики Беларусь, Архива внешней политики РФ, Архиву ЗФ ПАО «ГМК Норильский никель» выделяется работа московского исследователя Н.В. Селюкиной о солдатах литовского батальона полиции [7].

В Санкт-Петербурге молодой ученый и лектор музея-заповедника «Прорыв блокады Ленинграда» Д.А. Воробьев серьезно работает в фондах Центрального государственного архива историко-политических документов г. Санкт-Петербурга. Результатом стал ряд публикаций о противостоянии нацистской оккупации на северо-западе страны [1; 2]. Положение на оккупированных территориях в этом же регионе скрупулезно рассматриваются профессором Высшей школы общественных наук Е.Е. Красноженова. Ее публикации по разным аспектам темы отличает опора на обширные и разнообразные архивные материалы Санкт-Петербурга, Пскова, Новгорода [3; 4]. Профессор СПбПУ С.В. Кулик положил начало использованию имеющихся в Санкт-Петербурге источников для изучения истории участия латышей в совместной партизанской войне [5].

Таким образом, современные публикации доказывают, что есть широкий объем неисследованного архивного материала, анализ которого будет способствовать более глубокому и точному пониманию прошлого.

В архивах Санкт-Петербурга хранится большое количество материалов, касающихся борьбы против нацистов в Прибалтике, а также режима оккупации в этом регионе.

Документы о ситуации в Прибалтике в годы Великой Отечественной войны находятся в четырех архивах г. Санкт-Петербурга. Самый большой объем источников содержится в Центральном государственном архиве историко-политических документов (ЦГАИПД СПб). Фонд Р-116Л «Ленинградский штаб партизанского движения, Ленинградская область. 1941–1946» содержит более ста дел, связанных с событиями в Прибалтике. В Центральном государственном архиве (ЦГА СПб) необходимые документы находятся в фондах Р-3355 «Документы немецких оккупационных властей, действовавших на временно оккупированной территории Ленинградской области. Архивная коллекция. Ленинград. 1939–1947» и Р-9788 «Документы немецких оперативных групп полиции безопасности «СД», действовавших на временно оккупированной территории Ленинградской области. Ленинград. 1941–1949».

Фотоматериалы представлены в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов (ЦГАКФФД СПб) [14]. Единичные материалы можно также найти в других архивных хранилищах Санкт-Петербурга. Так, в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ СПб) есть материалы, связанные с темой пропаганды и культуры [13].

Из особенностей комплекса источников по войне в Прибалтике отметим следующие. Первая заключается в том, что, в отличие от довольно значительного объема материалов по Латвии и Эстонии, непропорционально мало документов по истории Литвы этого периода. Так, в ЦГАИПД СПб найдено только одно дело «Списки литовских коммунистов, рекомендованных ЦК КП(б) Литвы для использования их для партизанских действий в тылу противника на территории Литовской ССР, командированных для выполнения спецзаданий; списки их партийных и комсомольских документов, принятых на хранение в Политуправление Северо-Западного фронта, их родственников» (16.07.1941 – 26.07.1941) [10, д. 69].

Второе уточнение касается доступа к архивным документам. Большинство дел по рассматриваемой теме истории Прибалтики оцифровано архивами, следовательно, к ним имеется удаленный доступ (к некоторым делам или документам свободный).

Все имеющиеся материалы можно разделить на несколько блоков. К первому относятся списки личного состава, личные дела партизанских отрядов. Эти документы содержат персональные данные о членах подполья, боевых подразделений – имя, возраст, место рождения, образование, родители и т.п. Например, «Личное дело 2-го эстонского партизанского отряда № 205 (командир отряда Шеломов), приказ ШПД при Ленинградском обкоме ВКП(б) командованию отряда и список личного состава отряда» [10, д. 1321, л. 5] содержит приказ от 8 октября 1941 г. о высадке в районе Тапа (Эстония) и список из 27 человек. Так, в этом списке указаны 9 человек, год рождения которых приходится на 1923–1925 гг., то есть, на тот момент им было всего 16–18 лет. Другие сведения, приведенные в списке, позволяют узнать о месте жительства и роде занятий, воинской специальности партийности – из 27 человек 15 были беспартийными, в том числе командир отряда, и 8 комсомольцами. Или «Списки личного состава 1-го отдельного отряда Янгирова особой 1-й эстонской партизанской бригады (командир бригады Филиппов)» [10, д. 1309] за март 1944 г. перечисляют 11 человек, среди которых нет ни одного эстонца. Указаны русские, один татарин, и один украинец [10, д. 1309, л. 3].

Таким образом, фактически, подобные источники, не лишённые интересных и важных деталей, являются первичным материалом для, например, просопографического анализа.

Второй блок документов включает отчеты, докладные записки, боевые донесения, официальную переписку. Нет необходимости доказывать значимость этих источников для реконструкции событий. Следует отметить, что данный вид источников позволяет также изучить повседневность, личные взаимоотношения, восприятие событий и т.п. Например, «Докладная записка о нетактичном поведении и злоупотреблениях командования некоторых эстонских партизанских отрядов» (1941 г.) [10, д. 1299]. Документ интересен сам по себе, так как в архивах Санкт-Петербурга является единственным такого рода. Текст записки важен как политическим сюжетом («недовольство нашим отступлением от эстонской территории» [10, д. 1299, л. 3]), так и личностными и бытовыми деталями: «обмен оружия на водку /Иоффе крал водку для обмена на «Вальтер/ с его слов» [10, д. 1299, л. 4]; «разбозаривание (так в тексте – С.Щ.) полученных продуктов... а) на пиво... б) на папиросы... в) на картофель и молоко... г) за всякие благодеяния встречаемым людям» [10, д. 1299, л. 5]. То есть, вычленив дополнительную («второстепенную») информацию, исследователь может восстановить картину реальной жизни в условиях войны.

Или сообщения о больных и раненых, содержащиеся в «Отчете начальника санитарной службы 1-й эстонской партизанской бригады (командир бригады Филиппов) командованию бригады о медико-санитарном состоянии бригады» за январь – декабрь 1944 г. [10, д. 1305]. Даже беглый взгляд на текст позволяет заключить, что главной медицинской проблемой 1944 г. были не ранения, а обострение хронических заболеваний (чаще всего упоминается язва желудка) и грипп [10, л. 5–6]. Это же заключение подтверждается записями из «Дневника командования отряда Янгирова (1-й эстонской партизанской бригады) (командир бригады Филиппов) о деятельности отряда» за февраль–март 1944 г. [10, д. 1310]. Автор неоднократно указывает, что в отряде все целы, но много обмороженных, все очень голодные и усталые, что неизбежно приводит к массовым заболеваниям [10, д. 1310, л. 12–15]. Дополнительное подтверждение сказанному представляет фотография, сделанная летом 1944 г. в Прибалтике в медсанбате 9-й штурмовой саперно-инженерной бригады [14, 1АР-73, ед. хр. 112614]. Разные отряды, разные авторы документов, разные районы действия, но первоначально высказанное предположение находит источниковое подтверждение. Историко-сопоставительный анализ в данном случае верифицирует исторические данные.

Третий блок материалов – материалы пропаганды. Листовки, газеты, плакаты стали уже привычным историческим материалом. Как и фотографии, например, хранящиеся в ЦГАКФФД СПб, ряд которых является явно постановочным. Но помимо пропагандистского посыла эти фотографии содержат множество деталей реальности того времени, зачастую мало или совсем не отраженные в других материалах. Так, имеется целый блок фотографий, сделанных бригадным фотографом 9-й Штурмовой инженерно-саперной бригады в Прибалтике летом 1944 г. Наступление в Прибалтике, освобожденные города, разрушенные мосты, допрос пленного, встречи бойцов Красной армии жителями Эстонии и другие фотоматериалы, подобные которым можно встретить в газетах и журналах того времени [14, 1АР-13, 149, 133, 15, 72], дополняются более неформальными снимками. Среди них – выступление артистов и футбольный матч, обед, гауптвахта бригады и просто общение с хуторянами [14, 1АР-73, ед. хр. 112532, 112534, 112543, 112577, 112609].

Четвертый блок содержит материалы и документы о нацистской оккупации Прибалтики и территории северо-запада. В ЦГА СПб имеется дело «Соглашение "СД" Эстонии и контрразведки группы войск "Север" о разграничении полномочий, приказ об организации эстонского легиона, донесения об эвакуации Нарвы и протоколы допросов членов "Национального комитета Эстонии" советской контрразведкой, списки членов эстонского легиона, представленных к награде (на немецком, эстонском

языках)» [12, д. 7]. В другом фонде того же архива содержатся повестки и списки эвакуированных в Эстонию (1943 г.) [11, д. 27, 28, 44, 54].

Важная информация о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Эстонии содержится в фонде ЦГАЛИ СПб. Документы относятся к 1944–1945 гг. и касаются восстановления историко-художественных памятников и предметов искусства, разрушенных или испорченных нацистами [13, д. 781, 135, 197].

Таким образом, в архивах Санкт-Петербурга имеется в открытом доступе значительный объем источников разного типа для изучения ситуации в Прибалтике в 1941–1945 гг. Основываясь на них и используя разные, в том числе междисциплинарные методы анализа, исследователь сможет получить максимально полную картину прошлой жизни.

1. Воробьев, Д. А. Потери подпольных организаций Ленинградской области в битве за Ленинград / Д. А. Воробьев // Клио. – 2024. – № 7(211). – С. 146–155.
2. Воробьев, Д. А. Стенограммы сообщений и воспоминаний о подпольном движении Ленинградской области как исторический источник / Д. А. Воробьев // Клио. – 2024. – № 6(210). – С. 175–184.
3. Красноженова, Е. Е. Преступления против детей и подростков в условиях оккупации: на материалах Ленинградской области (1941–1944 гг.) / Е. Е. Красноженова // Наука. Общество. Оборона. – 2023. – Т. 11. – № 3(36). – С. 27–27.
4. Красноженова, Е. Е. Материально-бытовое положение детей и подростков в условиях нацистской оккупации: на материалах Северо-Запада РСФСР (1941–1944 гг.) / Е. Е. Красноженова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2023. – № 3(76). – С. 99–108.
5. Кулик, С. В. Латышские партизаны в антифашистском движении сопротивления на северо-западе России / С. В. Кулик, Е. А. Самыловская // Terra Linguistica. – 2016. – № 3(250). – С. 9–15.
6. Мягкова, Е. М. Партизанское движение на оккупированных территориях РСФСР и БССР в годы Великой Отечественной войны в публикациях архивных документов 1991–2024 годов / Е. М. Мягкова, А. В. Репников // Вестник ВНИИДАД. – 2025. – № 1. – С. 91–103.
7. Селюкина, Н. В. Обвинительный приговор суда как исторический источник о нацистских преступлениях на оккупированных территориях СССР: на примере приговора бывшим солдатам 2-го (12-го) литовского батальона вспомогательной службы полиции / Н. В. Селюкина // Наука. Общество. Оборона. – 2023. – Т. 11. – № 2(35). – С. 24–24.
8. Соловьев, С. М. Партизаны Латвии о положении в оккупированной республике и об организации борьбы в 1942 году / С. М. Соловьев // Движение Сопротивления: вклад антифашистских формирований в общую Победу. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2021. – С. 118–131.
9. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). – Ф. Р-24. Оп. 2Г-1.
10. ЦГАИПД СПб. – Ф. Р-116Л. Оп. 1-1.
11. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). – Ф. Р-3355. Оп. 5.
12. ЦГА СПб. – Ф. Р-9788. Оп. 2.
13. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). – Ф. Р-453. Оп. 1.
14. Центральный государственный архив кинофотодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФД СПб). – Фотодокументы.

Гребень Е.А.
ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ 1941–1944 гг. В ДОКУМЕНТАХ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЛАСТНЫХ АРХИВОВ БЕЛАРУСИ

Ключевые слова: город, повседневность, оккупация, Беларусь, архивы.

В процессе реконструкции повседневной жизни городского населения Беларуси периода германской оккупации 1941–1944 гг. исследователь сталкивается с определенными сложностями. В частности, опыт автора статьи показывает ограниченные возможности использования материалов устной истории, поскольку на практике абсолютное большинство информантов являлись в годы Великой Отечественной войны сельскими жителями. Поэтому фактически единственной альтернативой является анализ фондов городских администраций, хранящихся в государственных областных архивах Республики Беларусь. При этом следует отметить,

что, несмотря на общее значительное количество имеющихся источников (в областных архивах хранятся фонды двадцати городских управ), относительно разных городов сохранность документов и их информативность варьируется. Например, практически не сохранились документы по г. Гомелю. Наиболее крупный массив документов иллюстрирует жизнь горожан Бреста (4949 архивных единиц хранения), Пинска (2578), Витебска (2437), Бобруйска (657), Могилева (169). Материалы по другим городам насчитывают от одной (Слоним) до тридцати (Глусск) единиц хранения [1].

При этом относящиеся к одному городу документы не всегда объединены в один фонд. В разных областных архивах могут быть отдельные фонды предприятий и учреждений города, подчиненных городской администрации, и даже отдельных подразделений городской управы. Где-то документы структурированы в рамках множества фондов отдельных подразделений городской администрации, где-то входят в общий фонд местной управы.

В частности, документы, иллюстрирующие жизнь г. Бреста, включены в обширный фонд брестской городской управы (4949 ед. хр.), а также фонды дирекции брестской железной дороги (6) и трех комитетов взаимопомощи (по одной единице хранения в каждом фонде) [2]. В этом же архиве хранятся объемный фонд пинской городской управы (2578 ед. хр.), пинской городской тюрьмы (5 ед. хр.) и 6 фондов предприятий и организаций г. Пинска (271 ед. хр.) [3].

Все документы подразделений витебской городской управы и подведомственных ей предприятий и учреждений объединены в один фонд (2073) Государственного архива Витебской области [4]. Кроме того, информацию о ситуации в городе можно почерпнуть из документов германских комендатур и городской тюрьмы (4 фонда, 30 ед. хр.) [5].

О жизни жителей г. Гродно дают представление документы гродненского городского комиссариата (180 ед. хр.), городской управы (36) и ряда германских организаций и фирм, работавших в городе (1182 ед. хр. в составе 8-ми фондов) [6].

Фонд могилевской городской управы насчитывает всего 169 единиц хранения [7]. При этом в Государственном архиве Могилевской области имеется еще 34 фонда документов различных подразделений городской управы, которые суммарно насчитывают 15452 единицы хранения [8]. В этом же архиве хранится значительный комплекс документов по г. Бобруйску. Помимо объемного фонда бобруйской городской управы (657 ед. хр.), в распоряжении исследователей имеются фонды комендатуры (1), городской тюрьмы (23), управления полиции (3) коллаборационных союзов белорусской молодежи (1) и борьбы против большевизма (1), лагеря беженцев (4), театра (1), электростанции (5) [9].

Жизнь белорусской столицы в период оккупации можно представить благодаря сохранившимся документам минского городского комиссариата (212 ед. хр.), минской городской управы (14 ед. хр.) [10]. Также в Государственном архиве Минской области хранятся еще 17 фондов подведомственных городской администрации городских учреждений и предприятий (полиция, электростанции, заводы, кооперативы, клиники и др.), которые суммарно насчитывают 1022 архивных дела [11].

В областных архивах хранятся фонды 11-ти районно-городских управ, но их документы не всегда дают представление о городской повседневности, поскольку значительное (или даже абсолютное) количество документов может касаться сельской местности. Объемный (688 ед. хр.) фонд оршанской районно-городской управы вместе с фондом конторы рынка (1 ед. хр.) дает ценную информацию о ситуации в оккупированной Орше [12].

Крайне скудно представлены документы по г. Гомелю. В Государственном архиве Гомельской области хранится лишь одно архивное дело гомельской городской управы,

а также фонд гомельского городского управления полиции (2 ед. хр.), отдела связи (1 ед. хр.) и биржи труда (1 ед. хр.) [13].

Язык хранящихся документов немецкий (касается распоряжений германских гражданских и военных властей) и, в зависимости от региона, белорусский, русский или польский.

В фондах всех государственных областных архивов имеются распоряжения высших и местных германских оккупационных органов власти: министра оккупированных восточных территорий, рейхскомиссаров «Остланд» и «Украина», командования территории тыла группы армий «Центр», генеральных и окружных комиссаров, полевых и местных комендатур. Они дают общее представление относительно оккупационной политики нацистов в Беларуси. На основе распоряжений глав местной вспомогательной администрации (городских бургомистров) можно увидеть как на практике реализовывались указания германских оккупационных властей [14]. В гродненском областном архиве имеется отдельный фонд городской типографии, в котором содержатся таковые распоряжения в виде печатных объявлений, адресованных горожанам (объявления бургомистров с информацией об основных распоряжениях оккупационных властей, спекуляции, грабежах имущества и уклонении от работы, указания по организации противовоздушной обороны, налогам, цены на продукты питания и скот, продуктовые карточки) [15].

Документы местной вспомогательной администрации содержат информацию о ее структуре, списки сотрудников подразделений и подведомственных ей предприятий, анкеты и автобиографии сотрудников, а также данные переписей городского населения в целом или отдельных категорий горожан [16].

Документы областных архивов позволяют реконструировать социальный аспект оккупационной политики нацистов. Сохранились документы о функционировании коммунальных столовых, нормах выдачи продуктов питания по карточках с учетом ценности конкретного гражданина для оккупантов как работника, многочисленных налогах, регистрации имущества граждан, принудительных сборах продуктов питания и вещей для вермахта, статистика домовладений по жилищным конторам отдельных городов, информация о смертности среди социально уязвимых категорий горожан, а также множество заявлений малоимущих в органы местной администрации, апеллировавших о выделении денежных пособий и продуктов [16]. В фондах оршанской и моголевской городских управ наиболее подробно представлена информация о регламентации рыночной торговли и ценах на товары [17].

В ряде областных архивов имеется информация о ценах на различные коммунальные услуги, степени доступности их для горожан. Документы коммунальных служб дают представление о дефиците жилого фонда, инвентаря, транспорта, рабочих в коммунальных службах, что негативно влияло на повседневную жизнь горожан. Имеется также информация о функционировании пожарной службы городов, статистические данные о количестве и причинах пожаров, сведения о профилактических мероприятиях пожарной охраны, данные о работе речных переправ [16]. В Государственном архиве Могилевской области хранится также уникальный комплекс документов, иллюстрирующих влияние природных катаклизмов на жизнь гражданского населения, а именно, материалы о работе городской комиссии по борьбе с паводком, масштабах и последствиях паводка на р. Дубровенка весной 1942 г. Там же имеются уникальные документы о работе городской метеорологической станции (аналогичные документы относительно других городов не сохранились) [18].

В фондах городских управ имеется информация о функционировании учреждений здравоохранения и санитарно-эпидемической ситуации в городах. В

документах содержится статистика по заболеваниям (количество, наиболее типичные в период оккупации заболевания, данные о летальных исходах среди заболевших), информация о дефиците персонала и медикаментов в клиниках, ценах на различные медицинские услуги [19].

Мероприятия оккупационных властей в контексте обязательной трудовой повинности представлены списками рабочих и служащих, информацией о заработной плате различных категорий трудящихся, агитационные материалы и статистические данные относительно мобилизации рабочей силы в Германию [20]. В Государственном архиве Минской области также хранятся материалы предприятий и организаций, входивших в Учебно-производственный комбинат. Данная структура занималась подготовкой кадров из числа белорусов ряда нужных оккупационным властям рабочих специальностей, чтобы заменить подлежавших уничтожению специалистов-евреев [21].

Помимо фондов городских и районно-городских управ, информацию о жизни горожан содержат фонды судов, местной полиции, комендатур и иных оккупационных структур, осуществлявших репрессивные функции по отношению к мирному населению. Наиболее информативны фонды могилёвского юридического бюро, витебского коменданта и витебской городской тюрьмы, борисовской полиции. Документы подобных структур иллюстрируют типологию и количество правонарушений, виды наказаний за них, условия содержания граждан в местах заключения [22].

Таким образом, учитывая особенности сохранности документов тех или иных подразделений городских администраций в различных областных архивах, невозможно детально охарактеризовать оккупационную повседневность отдельно взятого города. Фонды конкретных городских управ отражают отдельные аспекты германского оккупационного режима. Только комплексное изучение и введение в научный оборот максимального количества документов всех областных архивов позволяет выявить общие закономерности и региональную специфику, с высокой степенью достоверности реконструировать все аспекты жизни и быта городского населения Беларуси в условиях германской оккупации 1941–1944 гг.

1. Документы по истории Великой Отечественной войне в государственных архивах Республики Беларусь (1941–1945). Справочник. – Дрезден–Минск–Грац, 2003. – 592 с.
2. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 201, 200, 199, 202, 203.
3. ГАБр. – Ф. 2135, 2742, 2180, 2153, 2743, 2190, 2181, 2751.
4. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 2073.
5. ГАВт. – Ф. 2146, 2116, 2122, 2155.
6. Государственный архив Гродненской области (ГАГр). – Ф. 2, 15, 3, 5, 9, 10, 11, 13, 14, 16.
7. Государственный архив Могилевской области (ГАМог). – Ф. 260.
8. ГАМог. – Ф. 268, 259, 255, 285, 287, 257, 290, 291, 272, 274, 277, 286, 269, 256, 276, 254, 278, 270, 279, 273, 281, 418, 288, 284, 293, 283, 271, 495, 639, 275, 280, 263, 282, 289.
9. ГАМог. – Ф. 858, 863, 1217, 868, 869, 844, 838, 839, 861.
10. Государственный архив Минской области (ГАМн). – Ф. 688, 1050.
11. ГАМн. – Ф. 679, 680, 1094, 758, 668, 675, 669, 667, 670, 676, 679, 677, 699, 698, 697, 643, 685.
12. ГАВт. – Ф. 2074, 2113.
13. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 1687, 1349, 1878, 1688.
14. ГАВт. – Ф. 2073, 2074; ГАБр. – Ф. 201, 2135; ГАМн. – Ф. 1050; ГАМог. – Ф. 259, 260, 858.
15. ГАГр. – Ф. 16.
16. ГАБр. – Ф. 2135; ГАВт. – Ф. 2073, 2074; ГАМог. – Ф. 259, 260.
17. ГАВт. – Ф. 2074; ГАМог. – Ф. 259, 260.
18. ГАМог. – Ф. 259, 260, 274, 288.
19. ГАВт. – Ф. 2073; ГАМог. – Ф. 259, 260, 271, 858.
20. ГАБр. – Ф. 192, 201, 2135; ГАВт. – Ф. 2073; ГАМог. – Ф. 259, 260, 287.
21. ГАМн. – Ф. 1039.
22. ГАВт. – Ф. 2116, 2155; ГАМн. – Ф. 635; ГАМог. – Ф. 255, 257.

Хришкевич Т.Г.
ПРИКАЗЫ БУРГОМИСТРА г. ПСКОВА О ДИСЦИПЛИНАРНЫХ МЕРАХ
В ОТНОШЕНИИ СЛУЖАЩИХ ПСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
В 1941–1944 гг.

Ключевые слова: Псков, Великая Отечественная война, оккупационное управление, Псковское городское управление, бургомистр, военная комендатура, приказы управления.

Система оккупационного управления на захваченной вермахтом территории Советского Союза начала складываться в июле – августе 1941 г. На территориях, находившихся близко к линии фронта военное управление сохранялось весь период оккупации. Так, в захваченном в июле 1941 г. Пскове вся полнота власти принадлежала штандорткомендатуре (Standortkommendantur Pleskau). В её обязанности входило расквартирование и снабжение немецких войск, выполнение приказов немецкого командования, формирование вспомогательной полиции и гражданских административных учреждений.

Местное гражданское управление занимало вспомогательное место, так как с точки зрения нацистов оно не являлось носителем «государственной власти». Гражданская администрация не только подчинялась немецким комендантам, но и назначалась ими. Как правило, комендатура распоряжалась назначениями и зарплатами на высокие городские управленческие должности, а бургомистр назначал на нижестоящие должности. Глава городского управления (городской голова) или бургомистр был центральной фигурой местной гражданской администрации. В его обязанности входило выполнение приказов и распоряжений немецких властей, поддержание порядка, организация полиции, регистрация населения, восстановление работы инфраструктуры и учреждений, таких как больницы, школы, рынки, столовые, магазины и пр. Бургомистр являлся административным руководителем всех чиновников городской управы. В тоже время, если должность предполагала работу непосредственно в самой комендатуре, включая уборщицу, то найм осуществлял комендант, а прием на работу обеспечивал бургомистр [2, л. 58].

В августе 1941 г. в Пскове было создано Псковское городское управление во главе с бургомистром В.М. Черепенькиным. Отделы Псковского управления вынуждены были действовать в условиях жесточайших репрессий немецкого командования, дефицита кадров и ресурсов, саботажа со стороны местного населения, голода и эпидемий. Отсюда неудивительно низкое качество выполняемых обязанностей.

На сознательный саботаж или халатность работников управы псковский бургомистр или закрывал глаза, или стремился воззвать к исполнительской дисциплине. Низкая эффективность управления проистекала также из-за того, что за время оккупации структура и количество сотрудников в управлении менялись, отделы объединялись или переименовывались, сотрудников арестовывали, они умирали или бежали в деревню. Попытки улучшить ситуацию за счет наказаний или поощрений большой роли не играли, даже повышение зарплаты не улучшало ситуацию из-за инфляции и тотального дефицита продуктов.

Псков находился под самой длительной оккупацией – с июля 1941 г. по июль 1944 г. За этот период управление претерпело несколько структурных изменений, в том числе и из-за смены бургомистра в 1943 г.

Один из самых информативных источников о системе управления оккупированным городом, это приказы городского головы, которые демонстрируют текущие проблемы и зависимость от немецкой комендатуры. Приказы можно

сгруппировать по направлениям: распоряжения по хозяйственным вопросам; различные согласования с штандоркомендатурой и дисциплинарные меры.

К дисциплинарным мерам относились выговоры, штрафы и увольнения. Как правило приказы содержали подробное перечисление нарушений и меру взыскания с нарушителя. Например, приказ псковского бургомистра № 21 от 2 марта 1943 г. демонстрирует стремление навести порядок в работе самого управления: «За последнее время я устанавливаю случаи, когда совершенно посторонние люди сообщают мне о проступках и злоупотреблениях должностных лиц Городского Управления и подведомственных им лиц.

Эти сообщения подтверждаются, а служащие Городского Управления не только мне об этом сообщают, но делают вид, что они этого не знают.

Считая, что такое отношение со стороны работников Городского Управления недопустимо, предупреждаю, что при таком случае, когда будут обнаружены проступки и злоупотребления, я одновременно с провинившимся лицом буду наказывать и заведующим отделом» [3, л. 3].

Приказы городского управления фиксировали бюрократические нарушения, вызванные не только некомпетентностью персонала, но и пренебрежением к дисциплине: недостатки в ведении кассовых книг, недостачи в финансовом отделе, неверный обмер земельных участков; неудовлетворительные отчетные сведения; бесконтрольное использование транспорта; опоздания на работу; недобросовестное выполнение обязанностей, распитие спиртных напитков на рабочем месте и регулярные опоздания на работу и др. Например, выписка из приказа № 64 по Псковскому городскому управлению от 17 марта 1942 г. демонстрирует целый ряд нарушений:

«§ 5. Мною замечено, что некоторые из служащих и рабочих Городского Управления или совсем отказываются от выполнения распоряжений, данным им их непосредственными начальниками и руководителями – заведующими Отделами и их заместителям, или же, прежде чем выполнить полученное распоряжение, пытаются доказать безцельность, ненужность и необоснованность его и большинство работников Управления, приняв к исполнению то или иное распоряжение своего начальника, проводит его в жизнь лишь механически, без ясного учета проистекающих отсюда последствий и сознания личной ответственности их за это.

Я считаю, что такое отношение рабочих и служащих к выполнению своих обязанностей ни в коей мере не обеспечивает успеха борьбы с хозяйственной разрухой, оставленной в наследство от большевиков Городскому Управлению; не имеет целью восстановление должного порядка в деле управления, каковой необходим в настоящее время, вместо ожидаемой пользы приносит один лишь вред нашей общей работе по восстановлению Городского хозяйства, и, следовательно, совершенно нетерпимо и недопустимо в условиях настоящего времени...

Предупреждаю, что в случае отказа служащих и рабочих от немедленного выполнения данного им вышестоящим должностным лицом распоряжения по службе, виновные в этом лица, мною будут подвергаться установленным дисциплинарным наказаниям вплоть до увольнения со службы.

Равным образом мною категорически и во всех без исключения случаях будет пресекаться всякое проявление со стороны работников Городского Управления и его системы склоки, сутяжничества и ложных доносов, являющихся злом общественного значения в деле строительства новой жизни и оказывающих отрицательное действие на характер и качество выполняемой работы» [1, л. 30].

Вероятно, стремление избежать систематического увольнения сотрудников и сохранить хоть какое-то количество работников управления приводило к тому, что большинство нарушений карались штрафами и, в крайнем случае, выговорами.

Увольнения были редкостью и происходили преимущественно по «личному прошению», например для «отъезда в деревню». Но наиболее «злостные» и многократные нарушения могли повлечь за собой и увольнение. Например, приказ по Псковскому городскому управлению № 7 от 19 января 1943 г.:

«§ 1. Практика работы Жилищно-Строительного Отдела показывает, что многие сотрудники Отдела недобросовестно и в некоторых случаях, преступно относятся к свои служебным обязанностям, совершенно не отдавая себе отчета за те последствия, с которыми связано то или иное нарушение правил честной и безкорыстной работы.

Указанные явления объясняются засоренностью штата некоторыми работниками, создающими неблагоприятную оценку работе данного отдела. Так, например, техником Жилищно-Строительного Отдела г. Ивановым Б.В., неоднократно представлялись акты приемке строительных и ремонтных объектов с вымышленными работами и увеличенными объемами работ.

Управляющим домами 2-го участка г. Майоровым Л.Л. подписан и тем самым засвидетельствован акт о приемке ремонтных работ, не соответствующих действительности. Заместитель Заведующего Жилищно-Строительным Отделом инженер Шавыкин А.Г. неоднократно замечен в появлении в нетрезвом виде во время исполнения служебных обязанностей и в заведомо ложной информации о проделанной работе, предоставляемой мне. Заведывающий Санитарно-Техническими Мастерскими инженер Мартынов В.В. имеет несколько неблагоприятных поступков, один из которых отражен в Приказе по Городскому Управлению за № 248 от 24 ноября 1942 года, а другой проступок выразился в предоставлении Городскому Управлению к оплате заведомо неправильного и завышенного счета за произведенный ремонт у себя на квартире с требованием его оплаты.

Учитывая особую важность работы данного Отдела в деле восстановления городского хозяйства, сильно поврежденного военными действиями и за время хозяйничанья большевиков до освобождения города немецкими войсками, а также учитывая трудности условий работы данное тяжелое время, когда особенно важно честное отношение к делу, ПРИКАЗЫВАЮ уволить техника Жилищно-Строительного Отдела Иванова Б.В. и Мартынова В.В.» [3, л. 106].

Наиболее частые дисциплинарные меры в управлении, это выговоры и штрафы. Выговор следовал за неисполнение приказов или распоряжений, «за опоздание, неисполнение порученной работы, недисциплинированность» или «обнаруженные при ревизии недочеты», «выявленные при ревизии недостатки в ведении кассовых книг и документов». Так, приказ № 34 по Псковскому городскому управлению от 22 апреля 1943 г. гласил: «Вследствие докладной записки Временно исполняющего обязанности Заведующего дорожным отделом г. Иванова Н.И. от 20 апреля с/г. о невыполнении управляющими домами предписании Штандорткомендатуры об очистке свалки, расположенной у бывш. кинотеатра «Пограничник», ПРИКАЗЫВАЮ – немедленно закончить указанную работу, а Управляющих домами г.г. Даукш В., Гунина Н., Майорова Л., Никандрова и Смородина А. оштрафовать по 50 руб. каждого. Управляющим домами г.г. Андрееву И., Юлдашеву Д., Ефимову П., Тарасову С. и Новикову А. ОБЪЯВЛЯЮ ВЫГОВОР. Финансовому отделу произвести удержание штрафа из первой очередной выплаты месячного содержания» [2, л. 83].

Штрафы являлись самой частой формой наказания. Например, приказ № 264 от 14 декабря 1943 г. предписывал оштрафовать дворника 15 участка гр. Михайлову Анну на 25 рублей за «систематическое невыполнение распоряжений со стороны управляющего домами по текущей работе». Подобные приказы, содержащие указание о штрафах дворников на 25 рублей, встречаются неоднократно [2, л. 118].

Однако не только наказания являлись частью дисциплинарных мер. Нередки примеры поощрений за хорошую работу. Интересно, что они, как правило, не носили финансового характера. Показателен следующий приказ бургомистра: «За хорошую и успешную работу по очистке улиц и тротуаров от снега, в целях поощрения честного и добросовестного отношения к труду, ПРИКАЗЫВАЮ – выдать бесплатно, лицам проявившим себя на указанной работе: кислой капусты по 4 килограмма и соленых помидор по 2 килограмма на человека» [2, л. 120].

Таким образом, стремление гражданской администрации приспособиться к установленному «новому порядку» прослеживается не только в проводимых социально-экономических мероприятиях, но и в требовательном отношении к дисциплине. Дисциплинарные приказы стали не только частью системы контроля и управления населением, но и применялись для принуждения к обязательствам, направленным на обеспечение экономических потребностей рейха. Через бургомистров распространялась немецкая пропаганда, направленная на дискредитацию советской власти и прививание лояльности к оккупантам. Дисциплинарные меры могли применяться к тем, кто проявлял антигерманские настроения или поддерживал коммунистические идеи. Приказы бургомистров часто содержали предупреждения о коллективной ответственности, а наказания распространялись на всю группу людей за действия одного человека. Призывы к «моральному» аспекту, например, к «честной и бескорыстной работе» должного эффекта не имели. Жители Пскова не приняли новую власть и всеми силами саботировали работу гражданской администрации. Текст приказов свидетельствует о том, что бургомистр стремился к максимальной лояльности в отношении оккупантов. Возможно, это было не только личным стремлением, но и обоснованной боязнью репрессий со стороны немецкого командования.

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО). – Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 14.

2. ГАПО. – Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 15.

3. ГАПО. – Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 36.

Федорчук Е.И.

СБОРНИК «ПЕСНИ И СТИХИ ПАРТИЗАН, НАПИСАННЫЕ В ТЫЛУ ВРАГА. СМОЛЕНЩИНА – БЕЛАРУСЬ, 1942–1944 гг.» ИЗ ФОНДОВ БЫХОВСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Ключевые слова: сборник, песни, стихотворения, партизаны, Великая Отечественная война, Бовкинская блокада, полк «Тринадцать».

Нарративная история как исторический источник остается незаменимым инструментом в работе с прошлым, обеспечивая нам глубокое осмысление не только того, что произошло, но и того, как это событие повлияло на судьбы людей и целых обществ.

Сборник песен и стихотворений партизан, который хранится в фондах Быховского историко-краеведческого музея, представляет собой именно такой исторический источник. Его анализ позволяет исследовать партизанскую борьбу в годы Великой Отечественной войны и её культурное и социальное значение. Ведь песни и стихи не только отражают дух времени, но и служат ценным свидетельством переживаний, стремлений и мотивов тех, кто боролся с врагом.

Сборник представляет собой книгу размером 16х24 см, текст набран на печатной машинке. Был создан в 1979 г.

На второй странице этого сборника стоит дата «1942–1944 годы» и указана локация «Смоленщина – Белоруссия» [1, с. 2]. На первой странице надпись: «По крупице собрал

песни и стихи, написанные в 1942–44 годах партизанами бывший командир первой бригады Особого полка «Тринадцать», Почётный гражданин города Быхова Николай Иванович Москвин. По его просьбе дарю этот сборник Быховскому историко-краеведческому музею в день его открытия 29 июня 1984 г.» и подпись «Георгий Борисов, Заслуженный работник культуры Белорусской ССР 29.06.84» [1, с. 1].

В книге приведено 58 произведений. Составитель разделил сборник на 6 частей:

1. Песни о партизанах-гришинцах
2. Бовкинская блокада
3. Партизанские будни
4. Памяти павших
5. Партизанский юмор
6. В мирные дни

Примечателен тот факт, что первые две части посвящены крупным событиям и явлениям как таковым: именно Особый партизанский полк «Тринадцать» и Бовкинская блокада. Оставшиеся четыре части более персонализированы: описывается партизанская рутина, быт, часть стихов написана в память о погибших, а также о различных локальных событиях.

Данный сборник как исторический источник обладает рядом характеристик. Являясь, по сути, результатом эмоционального проживания событий военного времени, он даёт исследователям ту информацию, которая поможет проанализировать явления не только с событийной точки зрения, но также и эмоциональной. Кроме этого, в стихах и песнях можно обнаружить упоминания о событиях, происходивших, но не зафиксированных в крупных источниках: «мелких», не указанных нигде более. Помимо этого, упоминаются имена, фамилии, названия местностей. Примечателен этот источник и тем, что некоторые из произведений являются оперативной формой мобилизации партизанского мнения, быстрым своеобразным ответом на происходившие события: почти каждые стихи были «отзывом на события вчерашнего, а то и сегодняшнего дня» [1, с. 4]. И, как писал Леонид Серебряков (один из авторов произведений этого сборника), стихи рождались «не только на «злобу дня», но и на «злобу часа» [1, с. 4]. Изучая и анализируя информацию, полученную из этих источников, исследователи могут составить картину фронтового быта, взаимоотношений, эмоционального состояния бойцов.

В данном докладе будут рассмотрен ряд персоналий (авторов и упомянутых), событий и локаций, описанных в песнях и стихах партизан. В конце доклада представлен перечень всех упомянутых фамилий и мест в алфавитном порядке.

В первой части рассматриваемого сборника собраны песни о партизанах-гришинцах – участниках Особого партизанского полка «Тринадцать». Партизанским полком «Тринадцать» в годы Великой Отечественной войны командовал Сергей Владимирович Гришин – полковник Советской Армии, партизан Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (1943 г.). Сформировав полк, Гришин прошёл, будучи его командиром, по тылам врага 2,5 тыс. км и провёл свыше 600 боев по 28 районам: Витебской области (5 районов), Смоленской области (9 районов), Могилевской области (14 районов). Особый партизанский полк «Тринадцать» действовал в прифронтовой зоне, в тылу группы армий «Центр», чаще всего появлялся в треугольнике Смоленск – Витебск – Орша – Смоленск. В конце апреля 1943 г. прибыл в деревню Полоево (Пропойского района – сейчас Славгородский район Республики Беларусь), затем переместился в Берёзовку и ближайшие селения (Заглинное, Закрупец, Летяги). Позже, Особый полк «Тринадцать» попадёт в блокаду в Бовкинском лесу, которая окажется одной из самых длительных и напряженных в истории «Гришинцев».

В первой рассматриваемой части сборника «Песни о партизанах-гришинцах» одна песня посвящена командиру Гришину («Песня о Гришине»), несколько песен о бойцах

и батальонах («Песня о Гришинцах», «Полк Тринадцать», «Первый партизанский батальон», «Песнь о первом батальоне», «Песня второго батальона», «Песня о пятом батальоне»), оставшаяся часть описывает партизанский быт полка, эмоциональный настрой («Через леса», «Партизанская фронтовая», «Крутится, вертится...», «Бодрая гришинская», «Выходил по тревоге»).

Во второй части основное стихотворное внимание уделено такому событию как Бовкинская блокада, которое неразрывно связано с рассматриваемым выше Особым партизанским полком «Тринадцать». Бовкинская блокада (4–19 октября 1943 г.) на Быховщине – самая длительная и самая тяжелая в истории «Гришинцев». На топографических картах лесной массив, в который вошёл полк, был помечен как «Городецкий лес». Он тянется с севера на юг на 8 км., с запада на восток до 6 км. По середине массива протекает река Ухлясть (левый приток Днепра) с заболоченной поймой. Полк вошёл в лес со стороны деревни Бовки, от неё блокада получила название Бовкинской. Помимо полка «Тринадцать» в лесу был полк № 15, несколько отрядов 17-й бригады, рота 720 отряда, некрупные подразделения других партизанских формирований – всего более 4000 человек. Также в лесу укрывалось более 3000 мирных жителей прилегающих селений.

Бовкинская блокада была пятнадцатой по счёту для полка и оказалась самой длительной и напряжённой, с превосходством противника в живой силе и технике. За пятнадцать дней блокады полк несколько раз менял дислокацию, постоянно подвергался обстрелам с воздуха, наземным атакам. Гришиным были предприняты несколько попыток выйти из окружения. В ночь с 18 на 19 октября было принято решение о прорыве, который стал успешным. «Гришинцам» удалось прорвать блокаду и переправиться через Днепр.

Во второй части сборника «Бовкинская блокада» основным произведением является поэма Марка Максимова «В краю молчания», написанная в 1943 г. В ней две части: «Блокада» и «Прорыв». В 58 столбцах все те события, что происходили за пятнадцать дней блокады, настроение и эмоции от первого лица, от непосредственного участника – политрука конной разведки 5-го батальона Особого партизанского соединения «Тринадцать» Марка Давидовича Максимова.

Оставшиеся четыре стихотворения также рассказывают исследователю о событиях блокады, разворачивающихся в лесу возле деревни Бовки («Враг сказал нам свету не видать», «Бовкинская блокада», «Туго пришлось партизанам», «Перед прорывом»).

Третья, четвертая, пятая и шестая части сборника представлены персонализированными стихами, которые описывают быт солдата, партизанскую дружбу, мысли о будущем и Победе, поднимаются различные проблемы («Усиленный поиск разведчиков» (алкоголь), «Про мародеров»). Некоторые из этих стихотворений носят юмористический, сатирический и хлесткий характер («Инструкция о вшах»), другие же, наоборот, лиричны и полны тоски, сожалений, а также надежды и ярости («Баллада о часах», «Письмо к матери»).

Часть стихотворений написаны на смерть бойцов, сведения о некоторых сохранились только в этих произведениях («На могиле партизана» – памяти командира 4 роты Петрухина М.А., «На смерть товарищей», «Свистели пули ветер злился...», «На смерть Алексея Макарова», «Баллада о молчании», «Баллад о часах», «Памяти Петра Галецкого», «На смерть Юрия Голигорова» – начальника контрразведки батальона, «Казнь разведчицы Кошелевой», «Заживо сожжённые», «Памяти Петра Фёдорова, Константина Федосеева, Ивана Осипенко»).

Некоторые их стихов описывают события, которые являлись оперативной реакцией на происходящее: «Ответ на немецкую листовку, в которой партизаны полка «Тринадцать» назывались товарищами», «Переход через «Железку», «На дороге»,

«Расстрел советских людей в Монастырщине», «Донесение–шутка» – комиссару 2 батальона Шалаеву И.Н., «Случай на шоссе» – случай у деревни Корытница Бельничского района, «Берлинский стервятник»).

Читая, исследуя и анализируя партизанские стихи и песни, которые являются не только художественными произведениями, но и ценными историческими документами, можно сделать вывод: такие источники по истории Великой Отечественной войны способствуют более глубокому пониманию как конкретного периода истории, так и человеческого опыта в военных условиях. Важной характерной чертой такого рода источников является непосредственность восприятия: песни и стихи отражают непосредственные чувства, мысли и переживания участников партизанского движения. Это позволяет исследователям глубже понять психологию, настроения и идеологические установки бойцов (вопросы организации быта на фронте, воспоминания о доме и родных, мысли о смерти и предательстве). Также, такие произведения часто содержат конкретные детали о жизни в условиях войны, взаимодействии с местным населением, взаимоотношениях с противником и повседневных трудностях. Они служат живыми свидетельствами исторических событий, которые не всегда отражены в официальных документах.

В заключение доклада приведён список фамилий и локаций, упомянутых в сборнике из фондов Быховского историко-краеведческого музея. Для удобства список оформлен в алфавитном порядке.

Фамилии:

Белякович, Борисов Г.Е., Волхонский А., Воронович И., Воскресенский К., Галецкий П., Глинкин И.Г., Голигоров Ю., Гришин В., Гришин С.В., Данилов П., Дарчиев Д., Елисеев А., Звездаева В.А., Иванов, Карабешкин, Кобзиков И., Кошелева Т., Макаров А., Максимов М., Мартынов П., Матяш И., Москвин Н.И., Налетов Н., Осипенко И., Петренко, Петрухин М.А., Покутный В., Прокофьев А., Серебряков Л.Б., Солдатов К., Степанов М.П., Фёдоров П., Федосеев К., Шалаев И.Н.

Локации:

Бобруйск, Бовки, Брест, Быхов, Вязьма, Дмыничи, Дорогобуж, Ельня, Каспля, Корытница, Малеевская дача, Могилев, Монастырщина, Новобелица, Пропойск, Путьки, Ровно, Рясна, Семукачи, Смоленск, Сурмилицы, Сухари, Чаусы, Чача.

1. Творчество партизан. Песни и стихотворения, написанные партизанами в тылу врага / сост. Н. И. Москвин. – Смоленск, 1979. – 113 с.

Назарова Е.Л.

«КРАСОТА МОЛОДОСТИ ПРОШЛА МИМО НАС С ДЫМОМ ШРАПНЕЛИ И ВЗРЫВОМ ГРАНАТ»: ВОЕННАЯ ЖИЗНЬ ЮРИСА БУМБИЕРИСА

Ключевые слова: Юрис Бумбиерис, 308-я латышская стрелковая дивизия, Запасной полк латышской стрелковой дивизии, освобождение Латвии в 1944 г., письма как исторический источник.

Слова, вынесенные в названии статьи, летчик латышского полка ночных бомбардировщиков Красной Армии Ольгертс Шпрункс относил к своим молодым сослуживцам [6, № 205, с. 290]. И именно так можно сказать о бойце 308-й латышской стрелковой дивизии Юрисе Бумбиерисе, который погиб при освобождении Латвии, не дожив до 18 лет. Четыре его письма к матери и сестре были опубликованы в собрании «Письма с фронта» / «Vēstules no frontes», изданном на латышском языке в 1984 г. [6, №№ 129–130, с.198–199, №№ 214–215, с. 303–304]. Издание, содержащее 237 писем с фронта с краткими комментариями об авторах писем, их родственниках и знакомых,

представляет большой интерес как источник по истории Великой Отечественной войны. Но из-за изменения исторических и политических приоритетов после восстановления независимости Латвии в 1991 г. этот источник остался не востребованным. В России же изучение писем только начинается.

Юрис Бумбиерис, родившийся 11 ноября 1926 г., был одним из самых молодых воинов латышских дивизий в составе Красной Армии и самым молодым автором писем в названном издании. По каким-то причинам, информация о нем (как и о некоторых других воинах латышских дивизий) отсутствует в доступных базах данных участников Великой Отечественной войны. Так что письма – единственный источник о жизни Юриса в армии. Сопоставление сведений из его писем с данными исследований о латышских формированиях в Красной Армии в годы Великой Отечественной войны позволяет добавить некоторые детали и внести уточнения в историю как этих формирований, так и последнего периода жизни самого Юриса.

Погибший за освобождение родины предков Юрис в Латвии до войны не был. Он родился под Москвой в семье бывших участников революции и Гражданской войны. Отец – Янис Бумбиерис (1886–1942) после Гражданской войны остался в Советской России. Мать – Мария Юрьевна Рудзите (1899–1988) в 1920 г. была арестована в Риге и в сентябре того же года с грудной дочерью выслана по обмену заключенными в СССР после подписания Советско-Латвийского договора о мире и сотрудничестве 11.08.1920 г. в СССР [3]. В 1929 г. Мария Юрьевна была избрана в Московский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от Московского промышленно-экономического института – теперь Академия управления (сохранилось ее удостоверение депутата).

После начала войны в октябре 1941 г. Юрис вместе с мамой и сестрой Дайлой (Дайла Карловна Рудзите, 1920–2010) были эвакуированы в г. Славгород в юго-западной части Алтайского края, где он окончил среднюю школу. По опубликованным данным из биографической справки [6, с. 198] Юрис после окончания школы в марте 1942 г. пошел добровольцем в армию, в июне 1942 г. был направлен в тренировочные лагеря Резервного (Запасного) полка латышской стрелковой дивизии под г. Гороховец. Но в марте 1942 г. ему было только 15 с половиной лет. Даже если он рано окончил школу, сомнительно, чтобы его в таком возрасте взяли в армию. Скорее, речь может идти о 1943 г. А в 1942 г. погиб его отец.

Латышская 201-я (43-я гвардейская) дивизия понесла огромные потери в боях под Москвой и Старой Русой, в связи с чем в конце 1942 г. встал вопрос о комплектовании резерва. В декабре 1942 г. в тренировочные Гороховецкие лагеря дивизии, преобразованные в Резервный полк, прибыли новобранцы 1924 г.р. – то есть, достигшие 18-летнего возраста. В 1943 г. на подготовку в лагеря направили молодежь 1925–1926 г.р. [5, с. 290]. По рассказу племянницы Юриса, он пошел в армию добровольцем, хотя только в конце 1943 г. ему исполнилось 17 лет, и его направили на подготовку в Резервный полк. Вероятно, после четырехмесячной подготовки, полагавшейся бойцам 1925–1926 г.р. [5, с. 295], Юриса по молодости лет не отправили на фронт, а оставили в резерве еще на один тренировочный срок. Но точно это не известно, так как его письма из Резервного полка датируются только апрелем и маем 1944 г.

Поскольку резервы для пополнения состава из латышей были исчерпаны, полк пополнялся юношами разных национальностей, причем, подразделения формировали с учетом знания языка: латышского или русского [5, с. 289]. В какое подразделения попал Юрис, не известно. Латышский язык он знал, но письма писал по-русски (все письма изданы на латышском языке, но с отметкой о языке оригинала), хотя и извинялся за возможные ошибки [6, № 129, с. 198]. Не имея возможности привести в статье письма целиком, выделим наиболее значимые фрагменты (перевод на русский язык мой – Е.Н.).

В.И. Савченко в своей монографии кратко описывает, чему учили новобранцев во время тактических учений [5, с. 295]. Юрис рассказывает об этих учениях более

подробно и живо. Так, в письме от 20 апреля 1944 г. [6, № 129, с. 198]. он описывает продолжавшийся 12 часов многокилометровый (около 50 км) «поход в полном боевом снаряжении – автомат, ручные гранаты, противогаз и лопатка с переходом в атаку и вступлением в бой против танков, против кавалерии с флангов, с тыла и со многими другими препятствиями. Бывает, что и самим непонятно, что происходит». При этом он не скрывает, что после похода чувствует сильную усталость, но во время учений «выдерживает и не устает», поэтому не считает себя слабым и просит: «не вздумайте меня жалеть». К тому же «когда поел, силы вернулись и чувствую себя отлично».

А в письме от 12 мая [6, № 130, с. 199] Юрис описывает трехдневные тактические учения, начавшиеся в «4 утра походом в 36–40 км с грузом по пересеченной местности /.../. Этот первый день был особенно тяжелым». Ночью были учения по отражению внезапного нападения на лагерь батальона. Бойцы взвода автоматчиков тихо вышли из расположения части, затем «со всех сторон пробрались в лагерь, подняли шум, стреляли из ракетниц, утащили винтовки и угнали лошадей, захватили охрану. /.../ Везде трамтарарам, стрельба, крики». Ночью Юрис с товарищем были в дозоре. А на следующий день «с утра учеба, с полтретьего – переход в 12 км с форсированием Оки. 6 км пришлось идти мокрыми до пояса. Ночевали на берегу Оки. /.../. Весь следующий день была учеба на полигоне, никуда не ходили, а ночью была тревога и ночной поход в 20 км, чтобы встретиться с “противником”. Поход закончился “атакой”. Ужасно устал. Жарко. Мы шли быстро, преодолевая боль...». Следующие учения были запланированы на четыре дня. Важно, что во время столь тяжелых учений бойцов хорошо кормили: «во время похода еда намного лучше, это помогает преодолевать трудности».

Такая интенсивная подготовка положительно сказалась после отправки на фронт. Накануне вступления Красной армии на территорию Латвии Резервный полк был преобразован в 308-ю латышскую стрелковую дивизию, которая вместе с 43-й гвардейской дивизией вошла в 130-й латышский стрелковый корпус. Дивизия выступила из лагерей в 12 июля, 16–17 июля выгрузилась в Невеле, пешим строем прошла на юг к Освее в Беларуси, пересекла латвийскую границу и пройдя маршем в общей сложности 290 км, 1 августа оказалась в расположении корпуса [2, с. 9–11; 5, с. 346–347]. По словам В.И. Микельсона, служившего в этой дивизии, состояние бойцов было «исключительно высокое». 2 августа они уже вступили в бой на Крустпилсском направлении, при этом участие воинов дивизии в первых боях внешне походило на участие в тактических учениях и наблюдалось пренебрежение бойцов опасностью, что стоило больших потерь [2, с. 11–13].

Юрис служил в 355 полку, в звании ефрейтора был командиром отделения. 7 августа его полк участвовал в прорыве немецкой обороны и освобождении г. Крустпилс. В 308-й дивизии 46% бойцов были 1926 г.р. Вероятно, это сказалось на чрезмерной усталости воинов, из-за чего в ночь на 8 августа командир полка майор А. Берге [1] расположил бойцов на отдых, но уже с утра полк продолжил наступление [5, с. 347, 364–365].

Первое письмо Юриса с фронта датировано 9 августа [6, № 214, с. 303]. «Сегодня третий день, как мы ведем бой. Несколько раз ходил в наступление. Успешно движемся вперед. /.../ Немцы бросают все, попадают консервы, сахар и т.д.». Последние слова, подтверждаемые и другими участниками тех боев [2, с.14], свидетельствовало о стремительном отступлении немцев.

Показательны слова Юриса об отношении к стрелкам местного населения: «жители несут нам ведрами молоко, хлеб, сметану, которые мы на месте уплетаем». О доброжелательности местных жителей, угощавших красноармейцев молоком и отказывались от предлагаемых им денег, писали и другие воины [6, № 216, с. 304–305]. Это расходится с официальной точкой зрения в современной Латвии, что местное население не воспринимало красноармейцев как освободителей. Причем, сама

возможность таких угощений свидетельствовала о значительно меньших разрушениях в Латвии, чем в России, что также отмечали воины [6, № 216, с. 304–305].

В последнем письме от 16 августа [6, № 215, с. 303–304] Юрис писал: «Уже второй день наша часть находится на отдыхе после недели долгих боев». По тону письма чувствуется, насколько тяжело далась ему эта неделя. Он очень скучает по дому и родным: «Как хочется домой, даже не можете себе представить! Во время таких долгих боев всё забылось, но теперь удручает. Ну, ничего. Когда-нибудь мы ведь окажемся дома, но пока потерпим холод и лишения».

В письмах «дом» для Юриса – Алтай, где остались его родные. Окрестности Славгорода он неплохо изучил: пройденное во время учений расстояние и особенности местности он сравнивает со знакомыми («нашими») местами на Алтае. Яблоки, смородина, черника в Латвии вкусные, «но не так, как было на Алтае» [6, с. 303]. Но при этом они с боями двигаются «по прямой дороге к нашей Риге». Он зовет маму и сестру «как можно скорее» приехать в Ригу, которую должны освободить «через несколько недель» [6, с. 303, 304]. Иначе говоря, в его представлении понятие «наш» по мере продвижения к Риге и, вероятно, под влиянием настроений в полку перемещается от Алтая к Риге, он начинает чувствовать Ригу как свою родину, а не только как цель их наступления в войне с нацистами.

Но до Риги Юрис немного не дошел. 17 августа возобновилось наступление, в котором неоднократно отличились воины 355 полка [5, с. 379–393]. Юрис погиб в сентябре, но дата гибели не известна; в биографической справке говорится лишь, что он погиб при форсировании Даугавы [6, с. 198]. Между тем, в сентябре 308-я дивизия не форсировало Даугаву, хотя в начале августа, видимо полк стоял на берегу, когда Юрис писал: «пьем воду из самой большой реки» [6, с. 303].

Рижская наступательная операция велась с 14 сентября. 16–17 сентября 308-я дивизия вышла к р. Огре, но не сумела прорвать немецкую оборону. До конца месяца 355 полк вел очень тяжелые бои и 23 сентября, переправившись через Огре, был встречен шквальным огнем врага. Вполне вероятно, что Юрис погиб в этих боях. В столь напряженной ситуации документы о гибели воинов могли сразу не заполняться, поэтому точная дата не была зафиксирована. Возможно, недостающие данные будут найдены в дальнейшем.

Юрис, провоевавший менее двух месяцев, не имел боевых наград. Но заслуга его в освобождении Латвии и победе над фашистами безусловна.

Таким образом, даже столь небольшое исследование подтверждает большую значимость издания писем с фронта как исторического источника, как по истории латышских стрелковых дивизий, так и, что особенно важно, источника, содержащего сведения о конкретных воинах.

1. Берг Асмунд Иванович // Память народа. 1941–1945. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/isp-chelovek_spisok3451427 (дата обращения: 03.03.2025).

2. Микельсон, В. И. 308-я краснознаменная латышская стрелковая дивизия / В. И. Микельсон. – Рига: Общество «Знание», 1969. – 25 с.

3. Михайлова, Ю. Л. Советско-латвийский мирный договор 11 августа 1920 г.: ход переговоров, общественное мнение, механизмы реализации. Публикация документов Архива внешней политики Российской Федерации / Ю. Л. Михайлова, Е. Л. Назарова // История : электронный научно-образовательный журнал. – Вып. 7(105). – Т. 12. Средиземноморье, Европейский Север и регион Балтийского моря: большие стратегии и малые государства. 2021 – URL - <http://history.jes.su> (дата обращения: 02.03.2025).

4. Петренко, А. И. Прибалтийские дивизии Сталина / А. И. Петренко. – М. : Вече, 2010. – 368 с.

5. Савченко, В. И. Латышские формирования Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны / В. И. Савченко. – Рига: Зинатне, 1975. – 577 с.

6. Vēstules no frontes: Padomju Armijas latviešu vienību karavīru vēstules Lielā Tēvijas kara laikā. / Ūdre A. (sast.). – Rīga: «Zinātne», 1984. – 338 p.

Жижиян С.Ф.
ПРЕДМЕТЫ «ОКОПНОГО ТВОРЧЕСТВА»
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Ключевые слова: военная история, поисковая группа, «окопное» творчество, музей, артефакт.

Интерес к данному вопросу обусловлен тем, что при ГУК «Быховский районный историко-краеведческий музей» пятнадцать лет работает поисковая группа «Быховский рубеж», структурное подразделение общественного объединения «Могилёвский областной историко-патриотический поисковый клуб ВИККРУ» [5]. За это время фонды музея пополнились многими предметами «окопного творчества», выявленными поисковиками при проведении археологических работ на территории района. Часть данных артефактов экспонируется в военном зале музея, часть пополнила фонды [1, с. 85]. Многие из данных предметов позволяют взглянуть шире на события периода Великой Отечественной войны произошедшие, как на территории Быховского района, в частности, так и на процессы военной истории в целом.

В ходе поисковых разведок, проведения раскопок на местах боевых действий, при исследовании неизвестных ранее воинских захоронений, в братских могилах, военным археологам довольно часто попадаются артефакты, которые несут в себе не только срез некой истории, порой даже не военной, а бытовой, особо иллюстрирующие историю повседневности. Зачастую эти находки позволяют вернуть имя солдата, доселе считавшегося неизвестным.

Одной из категорий подобных находок является «окопное творчество». Этот термин прочно вошёл в лексикон поисковиков, музейных работников, коллекционеров. В западной историографии этот вид военного творчества называют – «трэнш-арт» (trench art) [7, с. 12]. Круг рассматриваемых предметов сложен и разнообразен, но, как правило, их объединяет одно – это артефакты, изготовленные солдатами в перерывах между боевыми действиями: в окопах, тылу, в госпиталях и т.д. Иногда к «окопному творчеству» относят и предметы, созданные солдатами в плену, либо послевоенное творчество – «hand made» подарки как символ «фронтового братства». Посему, для полной атрибуции подобных артефактов очень важен контекст находки [2, с. 321].

Эти предметы изготовлены порой довольно примитивно, из подручных материалов, чаще всего фрагментов амуниции или боеприпасов. Вместе с тем они очень четко отражают не только бытовые нужды солдата, но и настроение бойцов, их мысли и чаяния. Подобные находки довольно хорошо дополняют картину понимания социальной и психологической ситуации в армии того времени, а порой раскрывают нам некоторые стороны судьбы солдата лучше, чем любой документальный источник [4].

Типологию предметов «окопного творчества» можно условно представить в таком ключе:

- предметы быта, украшения (военной формы и амуниции в том числе) для повседневного личного использования (утилитарные предметы);
- безделушки, украшения и декоративные предметы быта, изготовленные для себя, интерьера или в подарок;
- холодное (как правило) оружие, аксессуары и принадлежности для предметов военного назначения либо для их усовершенствования в условиях боя [2, с. 324].

«Окопным творчеством» солдаты занимались во все времена. В процессе развития и формирования профессиональной армии, «окопное творчество» уходило в разные ниши, от сугубо прагматичной – создания неких предметов помогающих вести

военные действия и облегчающих быт солдата, до создания поделок «украшательно-сувенирного» характера.

Во многом ассортимент предметов коррелировался в зависимости от развития науки и техники, тенденций моды, бытовых армейских традиций и количества (разнообразия) амуниции и боеприпасов и иных предметов которые попадались под руку солдату в свободное от боевых действий время.

Данные предметы, как правило, уникальны, хотя многие из них – зажигалки, пепельницы, спичечницы, портсигары, подсвечники, шкатулки, мундштуки, табакерки, лампы-коптилки из снарядных гильз и т.д. сделаны как калька с заводских шаблонов, относительно веяний моды времени. Также многие из вышеперечисленных артефактов интересны как исторические источники благодаря нанесённым на них надписям, узорам, рисункам и т.д.

В действующей армии материалов для творчества было предостаточно. В ход, как правило, шло все, что было под рукой: гильзы, фрагменты обшивки самолётов и иной техники, осколки снарядов, предметы солдатского быта и амуниции. Дополняли всё это буквально лежащие под ногами природные материалы – камень, дерево, кость, глина, мел.

Какую же информацию могут нести предметы «окопного творчества», даже не имеющие текстовой или графической информации? На самом деле огромную. При должном аналитическом подходе и широкой предметной выборке мы можем найти много полезной для историка информации, подтверждающей уже известные факты, а порой и совершать новые открытия.

Разберём несколько примеров.

Так, если рассматривать «окопное творчество» периода Великой Отечественной войны то весьма заметно, что для солдат и офицеров вермахта были характерны «окопные» шутейные предметы – примитивные деревянные фельдмаршальские жезлы или «железные кресты» вырезанные из консервных банок, которыми солдаты с иронией награждали друг друга, что было практически не характерно для бойцов РККА.

Это много говорит о старых армейских традициях прусско-немецкой армии и отсутствии оных в новой армии СССР, отвергающих традиции старой царской армии Российской империи.

Примечателен тот факт, что для окопного быта солдат Красной армии характерно очень много посуды и столовых приборов с интересными надписями и в различном творческом исполнении. На фронте солдаты не только производили сами, но и усовершенствовали или украшали уставную посуду – котелки, стаканы, кружки, рюмки, фляги, ложки, вилки и ножи. Эта традиция крайне нетипична для солдат вермахта. Причина тому банальна – армия третьего рейха была достаточно обеспечена в этом «бытовом» плане. Солдат вермахта, поставленный на полное довольствие, не только был обеспечен «штатной» посудой (вилка\ложка, котелок, фляга со стаканом и т.д.) но и вез с собой из дома (учитывая «моторизованность» вермахта) многие «мещанские радости», вплоть до кофейников и соусников. Очень часто на немецких позициях поисковики находят тюбики от эрзац-кофе (аналогичные по форме современным тюбикам от зубной пасты) и одноразовые портативные складные плитки «Esbitt Kocher», на которых при помощи сухого спирта можно было разогреть чашечку кофе. Не стоит забывать и тот факт, что фашистские солдаты активно промышляли мародерством и грабежами, что так же видно исходя из раскопок на местах боевых действий и тыловых соединений вермахта.

Таким образом, становится понятно, что необходимости в изготовлении дополнительной посуды, надобности у немецких солдат не было. Чего не скажешь о бойцах РККА, которые не всегда вовремя обеспечивались штатной амуницией, особенно в первые годы войны, а бытовую посуду им взять было просто негде.

Отмечено наличие в «окопном творчестве» большого количества «тихого» оружия: ножи, кастеты, стилеты, дубинки, кистени и т.д.

Это говорит о том, что в штатном арсенале солдат было мало оружия для секретных разведывательных вылазок и диверсий. Приходилось изобретать самим, модифицировалось порой и огнестрельное оружие – пистолеты и даже автоматы. Показательный в этом плане пример партизаны, которые совершенствовались «под себя» не только уставное холодное и стрелковое оружие, а также крупногабаритное оружие и даже элементы военной техники.

Касательно надписей, изображений и рисунков на предметах «окопного творчества» можно отметить их разнообразие, но вместе с тем и скудность относительно тематического ряда, нарисованных знаков и символов, целей с которыми наносился тот или иной текст или изображение на изделие.

Надписи на предметах это, в первую очередь, попытка «инициализировать» предмет, личный (дарителя, или адресата подарка) или подарок-сувенир любимой женщине, родным, фронтовому другу и т.д.

Большинство авторских рисунков были самыми разнообразными, они наносились практически на любой предмет и имели разную тематику: от ностальгической, с изображениями родной природы, до хулиганской, а зачастую и откровенно пошлой [2, с. 327].

Обращает на себя внимание и тема так называемой «патриотики» на сувенирах и на повседневных предметах. Это особо заметно в разрезе выборки предметов периода Великой Отечественной войны. Как известно, в период Первой мировой войны патриотические лозунги, символы и рисунки (в основном с изображениями гербов, наград, верховных правителей воюющих стран и т.д.) на «окопных» изделиях были присущи каждой из воюющих сторон [3]. Для Второй Мировой войны это уже не так характерно.

Новая война расставила немного иные акценты, и если у солдат и офицеров Красной армии начертание изображений руководителей партии и правительства, армейского командования, звезд, красного флага, серпа и молота, лозунгов и т.д. на личных вещах было очень типично, то у солдат нацистской армии и войск саттелитов, напротив, изображение свастики, партийных бонз или неких лозунгов практически не встречается. С этой стороны фронта больше уделяли внимание некой ностальгии и философии: чаще, как правило, изображались бытовые рисунки и надписи, напоминающие о любимой женщине, семье и доме, фронтовой жизни, вопросам бытия и смерти и т.д.

Солдатами Красной армии надписи чаще всего делались на котелках, ложках, вилках, кружках, флягах. Характер надписей на изделиях колебался от патриотических – «Смерть фашистским оккупантам» или «За Родину», до юмористических «Кури свой» – надпись на портсигаре (кисете) для хранения табака или «Ешь мясо и макароны» – на ложке [6].

Но особенно важны подобные предметы, когда они выявляются в процессе эксгумации солдат. Порой подписанный котелок, фляга, ложка или что-то иное – единственная возможность установить имя погибшего [1, с. 85].

Чаще, это относится к надписям на личных вещах солдат (либо на изготовленном «в окопах» предмете). Они, как правило, персонифицируют владельца предмета, но и эти источники требуют скрупулезной проверки по синхронным источникам, так как зачастую, то, что мы приняли за инициалы хозяина предмета, могут оказаться инициалами дарителя либо погибшего товарища. В таком случае данный предмет может привести нас к исторической ошибке. Частым явлением было и простое нанесение инициальной аббревиатуры, реже одного только имени или фамилии, что так же приводит нас к поиску, не гарантирующему точный результат.

В фондах Быховского музея хранится несколько надмогильных табличек, созданных в «окопных мастерских». Эти таблички были переданы в фонды музея с мест первичного захоронения бойцов Красной армии при их эксгумации и перезахоронении.

Относительно подобных музейных предметов существует проблема идентификации. Зачастую, в прошлом, экспонаты, связанные с «окопным творчеством» и способные стать источником для определения судьбы солдата, были переданы в музей людьми, которые не рассказали историю их обретения либо место находки предмета, а музейные работники не посчитали нужным уточнить данные факты. В итоге эти вещи стали просто интересными экспонатами, а ниточка, ведущая от них к установлению судеб погибших бойцов, оказалась порвана навсегда...

1. Жижиян, С. Ф. Вернуться с войны ... / С. Ф. Жижиян // Операция «Багратион» – пролог Великой Победы : материалы Международной. научно-практической конференции, посвященной 75-летию освобождения Беларуси, Могилев, 23–24 мая 2019 г. / Министерство образования Республики Беларусь, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Белорусско-Российский университет ; редкол.: М. Е. Лустенков (гл. ред.) [и др.]. – Могилев : Белорусско-Российский университет, 2019. – С. 183–186.

2. Жижиян, С. Ф. «Окопное творчество» периода Великой Отечественной войны. Прimitивное искусство по обе линии фронта / С. Ф. Жижиян // Первые Кулаковские чтения. На полях воинской славы России : сборник статей, Вязьма, 9–11 октября 2023 г. / Министерство культуры Российской Федерации, Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник А. С. Грибоедова «Хмелита» ; редкол.: Н. В. Кулакова (гл. ред.) [и др.]. – Москва : МаксПресс, 2023. – С. 320–330.

3. «Окопное искусство» Первой мировой. – URL: <https://warspot.ru/6141-okopnoe-iskusstvo-pervoy-mirovoy>. – Дата доступа: 25.02.2025.

4. Окопное творчество красноармейцев. – URL: <https://rk.karelia.ru/special-projects/vystavka-pobedy/okopnoe-tvorchestvo-krasnoarmeitsev> (дата обращения: 25.02.2025).

5. Поисковая группа «Быховский рубеж». – URL: <http://mogilev-region.gov.by/category/poiskovye-gruppy-i-otryady-oblastnogo-istoriko-patrioticheskogo-poiskovogo-kluba-vikkru-1> (дата обращения: 25.02.2025).

6. Солдатские кружки Красной Армии. – URL: <http://smolbattle.ru/threads/Солдатские-кружки-Красной-Армии.39138/page-13> (дата обращения: 25.02.2025).

7. Saunders, N. Trench Art: Materialities and Memories of War / N. Saunders. – Oxford : Berg Publishers, 2003 – 254 p.

Пищулина С.Ю., Егорова Е.Д.
К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ С КРИМИНАЛЬНЫМИ АБОРТАМИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ПРОКУРАТУРЫ)

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинград, криминальный аборт, прокуратура.

Центр по изучению истории Сталинградской битвы на протяжении десяти лет планомерно готовит к публикации сборники документов и материалов, отражающих не только события героической битвы на Волге, но и страницы повседневной деятельности людей, органов власти и управления, предприятий, учреждений и организаций города и области в годы Великой Отечественной войны. В настоящий момент работа одной из творческих групп нацелена на формирование сборника, посвященного функционированию правоохранительной системы региона в 1941–1945 гг. Второй том раскрывает практику органов прокуратуры.

Вопросы, поставленные под надзор прокуроров, весьма обширны, некоторые из них возникли в военное время, другие вытекали из довоенного законодательства. К последним относилась проблема нелегальных (криминальных, преступных) абортов. 27 июня 1936 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов,

увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах», действовавшее до 1968 г. [20]. В главе I «О запрещении аборт» указывалось, что «в связи с установленной вредностью» производить их не допускалось ни в «больницах и специальных лечебных заведениях, так и на дому у врачей и на частных квартирах беременных». За нарушение данного запрета врачи привлекались к уголовной ответственности на срок от 1 до 2 лет тюремного заключения, лица, не имеющие специального образования, – не ниже 3 лет тюрьмы, а беременные женщины при первичном обращении имели как уголовное наказание общественное порицание, при вторичном – штраф до 300 рублей. 25 ноября 1940 г. издана совместная Инструкция Наркомздрава СССР, Прокуратуры СССР и Наркомюста СССР № 202-3 «О борьбе с преступными абортами». В отчетности прокуратур появилась такая категория преступлений как «аборт».

Исследователи еще в годы Великой Отечественной войны начали изучать комплекс правительственных мер, направленный на охрану материнства и детства. Однако в этот период проблема аборт была вписана в задачи детского здравоохранения. К подобным публикациям можно отнести статьи В.И. Куфаева [16], М.Д. Ковригиной [9], З.А. Крыловой [11].

Вопрос криминального аборт затрагивал в своих материалах по истории медицины Г.А. Митерев – нарком здравоохранения СССР в 1939–1946 гг. [17; 18; 19]. В советский период тема в той или степени также поднималась в трудах по проблемам здравоохранения СССР в годы войны [22]. В этом контексте интересны публикации Е.И. Смирнова [24], М.К. Кузьмина [15], А.Ф. Воробьева и Н.И. Ежова [2]. Наиболее полно раскрывает вопрос в своей монографии А.Н. Юсупова [28].

В настоящее время актуализировалось российскими и зарубежными историками изучение социальной истории, в том числе ее демографического аспекта. В данном направлении заслуживает внимание работа М. Накати «Заменить погибших: демографическая политика послевоенного Советского Союза» [29]. Интересны труды региональных, волгоградских ученых: Н.В. Кузнецовой [12; 13; 14], Е.Е. Красноженовой [10], Т.А. Павловой [23].

В 1920 г. в СССР были легализованы аборт, но за полтора десятилетия государство столкнулось с последствиями этого указа – в 1935 г. коэффициент суммарной рождаемости в России стал почти на 40 % ниже, чем в 1927 г., а естественный прирост населения почти вдвое ниже (11 % против 21 %) [1]. Именно поэтому отношение к абортам изменилось, и в целом по стране в 1939 г. наблюдался максимальный уровень рождаемости, в Сталинградской области он составил 80 899 человек [26]. Тем не менее, согласно аналитической справке о естественном движении населения области по состоянию на 1 января 1941 г. [3] с 1937 по 1940 гг. рождаемость упала с 43,7 человек на 1 000 человек до 29,4. Здесь же отмечались причины ее снижения, среди которых первое место занимало нарушение запрета на аборт. Так в документе подчеркивалось, что в 1938 г. на 100 новорожденных был зарегистрирован 12,1 случай прерывания беременности, а в 1940 г. – 15,9. Всего же было зафиксировано 11 233 случая. Главным образом, аборт были характерны для крупных городских поселений, особенно Сталинграда. В городе выявлено в 1940 г. 42,2 случая прерывания беременности на 100 новорожденных [3].

Срочно нужно было усиливать меры контроля и надзора за исполнением постановления ЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт» 1936 г. В справке следственного отдела облпрокуратуры о состоянии преступности по Сталинградской области на июль 1941 г. показан рост в три раза числа лиц, привлеченных к судебной

ответственности за такую категорию как «аборт», по сравнению с июлем 1940 г.: всего было изобличено 133 случая, из них 113 дел передано в суд, тогда как в предыдущем году зафиксировано 46 случаев, из которых 37 рассматривались в судебном заседании [8]. Следует отметить, что данный состав преступления относился к восьми наиболее возросшим в количественном выражении составам преступлений, вызывавшем тревогу у правоохранительных органов в начале Великой Отечественной войны: на первом месте был бандитизм (в 533 раза), затем шли контрреволюционные (в 70 раз), хулиганство (в 15 раз), спекуляция (в 4 раза), хищение социалистической собственности и обмеривание/обвешивание (в 3 раза), растраты (в 2 раза). Таким образом, аборты вошли в перечень преступных деяний, на которые органы власти и управления стали обращать самое пристальное внимание и принимать меры для их предотвращения.

Одной из таких мер, в том числе с целью защиты материнства и детства, являлся Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» [21]. Указ обязал одиноких и семейных граждан, не имеющих детей: мужчин в возрасте свыше 20 до 50 лет и женщин в возрасте свыше 20 до 45 лет, – выплачивать налог.

Потери населения, понесенные в ходе Великой Отечественной войны, поставили перед советским правительством задачу укрепления демографической политики государства. Органы прокуратуры осуществляли непрерывный контроль и надзор, целью которых были не только привлечение к ответственности совершивших аборт, но и выявление подпольных абортариев и лиц, особенно в сельской местности, ведущих несанкционированную лечебную деятельность. Однако этого было недостаточно. 8 июля 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». В тот период данный закон не только играл огромную политическую роль, но и являлся мощным экономическим и социальным стимулом для женщин и многодетных семей, так как в нем фиксировались определенные льготы и пособия. В законе также вносились уточнения в нормы Указа «О налоге на холостяков» 1941 г. Теперь бездетные платили налог в размере 6 % от зарплаты, лица с 1 ребенком – 1 %, с 2 детьми – 0,5 %. Вырученные средства шли на дополнительные пособия для матерей-одиночек. Таким образом государство старалось поддержать рождаемость в тяжелые военные годы.

Уже через четыре дня – 12 июля 1944 г. – Прокурор СССР издал приказ № 167 [4], обязывающий органы прокуратуры «обеспечить точное его исполнение и неуклонно привлекать к ответственности его нарушителей». Вновь стал актуальным вопрос об официальной позиции в отношении искусственного прерывания беременности.

В приказе Прокурора СССР расписывались задачи общего надзора, устанавливалась обязательность проверок прокурорами законности принимаемых решений и распоряжений наркоматов и их управлений на местах, исполкомов советов. В случае поступления жалобы определялся трехдневный срок реагирования, при начале расследования в порядке ст. 2 ГПК РСФСР 1923 г. предъявлялись иски, обеспечивалось срочное их рассмотрение в судебных инстанциях и личное участие прокуроров в процессе.

В то же время незаконные аборты, принуждение женщин к ним, а также оскорбление и унижение достоинства женщины-матери преследовались в уголовном порядке. Если дело имело общественную значимость, было показательным, особенно в

отношении частного обвинения об оскорблении и унижении достоинства женщины-матери (беременной женщины), прокурорам предписывалось вступать в дело и поддерживать обвинение в суде в порядке 2 части ст. 10 УПК РСФСР 1922 г. Данная часть статьи предполагала, что обвинение, в целях охраны публичного интереса, может быть поддержано только прокуратурой и дело не подлежало прекращению в случае примирения потерпевшего с обвиняемым [25].

Для борьбы с криминальными абортами и наблюдения за ситуацией областные, городские и районные прокуратуры должны были установить тесную взаимосвязь с органами здравоохранения и конкретно с лечебными учреждениями. Каждый подозрительный случай проверялся и при наличии состава расследовался непосредственно прокурорами, а не органами милиции. При выявлении лиц, «производящих аборт в виде промысла», необходимо было задерживать их, применяя к ним в качестве меры пресечения заключение под стражу.

18 сентября 1944 г. заместитель облпрокурора И.В. Мантуров в директивном письме горрайпрокурорам Сталинградской области о надзоре за выполнением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. констатировал, что в большинстве районов надзорная работа не велась [5]. В положительном ключе оценивалась деятельность прокуроров Еланского, Добринского, Фроловского районов области, Баррикадного района г. Сталинграда. Он отмечал, что многие занимались отписками при предоставлении отчетов: «Уголовных дел не было», «Отчет не высылаю за отсутствием показателей для заполнения его». В то же время по данным облздравотдела, предоставленным в облпрокуратуру, особо значительное число криминальных абортов выявлено в Кумылженском, Нижне-Чирском, Серафимовичском, Урюпинском районах. Тем не менее, прокуроры этих районов «не организовали работы по выполнению приказа Прокурора СССР № 167 от 12.07 с.г.». Директивное письмо обязывало прокурорских работников еще раз более детально изучить ситуацию в районах, внести протесты и представления, выслать их копии в отдел общего надзора Сталинградской областной прокуратуры. Иных санкций пока не предусматривалось.

8 декабря 1944 г. прокурором Сталинградской области Государственным советником юстиции III класса С.В. Бекедовым была отправлена в облисполком докладная записка о выполнении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. [6]. В ней по итогам контрольной проверки проанализирована работа отдела по выплате государственных пособий многодетным и одиноким матерям. Выявлено, что штаты как областного, так и районных отделов, не укомплектованы бухгалтерами и межрайонными инспекторами, нехватка составляла 26,5 %¹. Старшие инспектора не посещали сельскую местность, совещания с целью улучшения ситуации и обмена опытом не проводились. Контролировались райотделения исключительно в порядке отслеживания сводок, сообщений, запросов с мест. Однако и здесь существовали значительные пробелы, например, ответы на запросы формировались и отсылались с затягиванием сроков больше чем на месяц. Среди обнаружившихся недостатков были неправильные назначения пособий, малое количество поступивших заявлений о выплате госпособий, что свидетельствовало «о не проведении надлежащей информации среди масс». С.В. Бекедов потребовал наведения порядка в работе отдела по выплате государственных пособий многодетным и одиноким матерям и предоставления информации о принятых мерах в облпрокуратуру.

Следует отметить, что надзорная работа прокуроров по выполнению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. напрямую была связана с

¹ Подсчеты авторов.

выполнением государственной задачи по улучшению демографии. Можно предположить, что отсутствию пособий или задержка, неравномерность их выплаты, а тем более не знание женщинами своих законных прав, вело к увеличению численности абортот, часто в криминальных абортотариях или у сельских «повитух-знахарок». Таким образом, инспектирование со стороны прокуратуры своевременности выплаты госпособий являлось одновременно профилактической мерой по устранению причин нелегального прерывания беременности.

По мнению Я.А. Шаповаловой к концу Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы ситуация с абортотами обострилась [27, с. 246–251]. На совещании в Москве в августе 1945 г. присутствовали представители наркоматов здравоохранения, юстиции, прокуратуры. Рассматривался вопрос о мероприятиях по борьбе с криминальными абортотами. Интересный момент отмечен автором в исследовании: на совещании прозвучало много взаимной критики работников здравоохранения, прокуратуры и судебных органов. Медики обвиняли следователей в том, что их работа по борьбе с нелегальным прерыванием беременности была непоследовательной, часто абортоты не считались даже преступлениями, и если врач выявлял криминальный случай, то уголовное дело так и не заводилось. Приводились примеры, когда прокурорские работники вели себя некорректно, нарушали профессиональную этику врача, вызывая его на допрос одновременно с пациентками. В ответ прокуратура указывала, что органы здравоохранения не предоставляли информацию в срок, при этом сведения поступали неполные, что мешало следственно-процессуальным действиям. Наркомат юстиции также имел претензии к качеству передаваемых по абортотам дел в суды. До судов доходила малая часть материалов, причем только тех, которые производились не врачами и с неблагоприятными исходами. Те же из дел, которые поступали в судебное заседание, часто вынуждены были прекращать производством, так как по делу привлекалась «старуха», «слепа» и т.д. Из этого складывалась картина, что число лиц, переданных суду, было в десятки раз меньше числа криминальных абортотов, зарегистрированных органами прокуратуры и здравоохранения, а также в сотни раз меньше общего числа произведенных в стране нелегальных абортотов [27, с. 247]. В результате в качестве мер по борьбе с преступным прерыванием беременности на заседании были предложены индивидуальная работа в женской консультации, патронаж, показательные судебные процессы.

Совещание послужило новым стимулом для усиления работы прокуратур по данному направлению деятельности. 22 октября 1945 г. горрайпрокурорам Сталинградской области было направлено директивное письмо облпрокуратуры за № 4-02/60 о надзоре за состоянием дел по криминальным абортотам [7]. Причинами подготовки настоящего указания являлись итоги проверки исполнения органами здравоохранения правительственных распоряжений по означенному вопросу. Было установлено, что в течение 1944 г. лечебные учреждения не передавали в прокуратуру никаких материалов на лиц, поступающих в больницы с искусственными абортотами. Тем самым избежали ответственности 21 человек. Такое же положение сложилось и в 1945 г. С.В. Бекедов констатировал, что кроме прокуроров Лемешкинского и Ольховского районов области, никто не интересовался проблемой нелегального прерывания беременности и не контролировал ее положение. Надзор за рассмотрением дел этой категории в народных судах был слабым, дела «заволокичивались», даже в случаях, когда обвиняемые содержались под стражей. Процент отмены незаконных и необоснованных приговоров по кассационным делам оставался низким.

В связи с тем, что дела о криминальных абортотам представляли особую социальную опасность, облпрокурор потребовал организовать комплексное обследование лечебных учреждений районов, установив сколько человек поступило в них за последние полгода с

искусственными абортами, на сколько человек передано материалов в органы прокуратуры. Полученные материалы о нарушениях законности необходимо было изымать, виновных, как совершивших нелегальное прерывание беременности, так и медицинский персонал, привлекать к ответственности. Также к ответственности должны были привлекаться лица, виновные в несвоевременной передаче материалов о преступных абортах в органы прокуратуры. В срок до 1 декабря 1945 г. аналогичные проверки проводились и в райздравотделах. В последующем планировалось осуществлять контроль с выездом на места не реже одного раза в квартал.

В директиве также были поставлены задачи выявления подпольных абортариев, «неуклонно привлекая виновных в производстве преступных аборт к уголовной ответственности», поддержания государственного обвинения в судах, строгого отслеживания своевременности рассмотрения судами дел этой категории, опротестования незаконных и необоснованных приговоров в кассационный срок.

Подводя общие итоги, следует отметить, что демографический вопрос в годы Великой Отечественной войны имел большое значение в государственной политике СССР. Потери советского народа были колоссальны. Лишь к 1956 г. численность населения страны достигла уровня 1940 г. [26]. Перед органами прокуратуры ставилась задача осуществлять надзор и привлекать к судебной ответственности лиц, виновных в нелегальном прерывании беременности, особенно в условиях криминальных абортариев.

По документам Государственного архива Волгоградской области (фонд Волгоградской областной прокуратуры) можно проследить меры по борьбе с преступными абортами, предпринимаемые облпрокуратурой в тяжелых условиях военного времени. Архивные документы 1941–1943 гг. мало дают информации по данному вопросу, только в отчетных или статистических материалах фиксировались количественные показатели привлеченных к судебной ответственности.

В 1944 г. с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» ситуация изменилась. В практику прокурорских работников включены комплексные проверки лечебных учреждений, отделов здравоохранения, выплаты государственных пособий многодетным семьям и одиноким матерям, обязанность поддержания государственного обвинения в судах, контроля принимаемых судебных решений и, в случае выявления нарушений законности, кассационного опротестования их. Областная прокуратура неоднократно после анализа состояния дел разрабатывала и высылала на места директивные письма, в которых отмечались недостатки и давались указания по конкретным темам. Тем не менее, ситуация оставалась сложной, и многие районные прокуроры не проявляли активности в борьбе с криминальными абортами как социально-опасным явлением, уделяя свое внимание другим направлениям деятельности, главным образом, обеспечения рабочей силой предприятий, выполнения плановых показателей в промышленности и сельском хозяйстве.

1. Введенская, Е. В. Проблемы рождаемости в СССР во время Великой Отечественной войны / Е. В. Введенская // Церковь и медицина – 2024. – № 1(21), июнь. – URL: <https://mag.opvspsb.ru/publications/istoricheskie-materialy/337/> (дата обращения: 14.03.2025).

2. Воробьев, А. Ф. Развитие служб здравоохранения Царицына – Сталинграда – Волгограда и области / А. Ф. Воробьев, Н. И. Ежов – Волгоград : Упринформпечать, 1994. – 384 с.

3. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). – Ф. 686. Оп. 5. Д. 77. Л. 2–8 (об).

4. ГАВО. – Ф. 3159. Оп. 1. Д. 8. Л. 117–118.

5. ГАВО. – Ф. 3159. Оп. 1. Д. 12. Л. 59.

6. ГАВО. – Ф. 3159. Оп. 1. Д. 12. Л. 92–92об.

7. ГАВО. – Ф. 3159. Оп. 1. Д. 13. Л. 6–6об.

8. ГАВО. – Ф. 3159. Оп. 2. Д. 37. Л. 357–358.

9. Ковригина, М. Д. Очередные задачи детского здравоохранения в период Великой Отечественной войны / М. Д. Ковригина // Советское здравоохранение. – 1943. – № 4–5. – С. 20–29.
10. Красноженова, Е. Е. Партийно-государственный механизм реализации социальной политики в Нижнем Поволжье в период Великой Отечественной войны / Е. Е. Красноженова // Гуманитарные научные исследования. – 2012. – № 5. – URL: <http://human.snauka.ru/2012/05/1225> (дата обращения 24.01.2025).
11. Крылова, З. А. Борьба за жизнь и здоровье детей – повседневная забота органов здравоохранения / З. А. Крылова // Советское здравоохранение. – 1943. – № 12. – С. 49–54.
12. Кузнецова, Н. В. Нижнее Поволжье в 1945–1953 гг.: социальные проблемы послевоенного восстановления и развития / Н. В. Кузнецова. – Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2010. – 221 с.
13. Кузнецова, Н. В. Положение крестьянства Сталинградской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Н. В. Кузнецова // Вопросы краеведения. – 1998. – Вып. 4–5. – С. 164–167.
14. Кузнецова, Н. В. Проблемы медицинского обслуживания сельского населения Нижнего Поволжья в первые послевоенные годы (1945–1948) / Н. В. Кузнецова, Г. С. Ивахненко // Власть. – 2012. – № 4. – С. 122–125.
15. Кузьмин, М. К. Советская медицина в годы Великой Отечественной войны: очерки / М. К. Кузьмин. – М. : Медицина, 1979. – 240 с.
16. Куфаев, В. И. Забота о детях в дни Великой Отечественной войны / В. И. Куфаев // Советская педагогика. – 1942. – № 8. – С. 9–14.
17. Митерев, Г. А. Все на службу фронту / Г. А. Митерев // Советская медицина. – 1941. – № 13–14. – С. 4–7.
18. Митерев, Г. А. Забота о матери и ребенке – важнейшая государственная задача / Г. А. Митерев // Советская медицина. – 1944. – № 12. – С. 1–4.
19. Митерев, Г. А. Задачи здравоохранения в годы Великой Отечественной войны / Г. А. Митерев // Медицинские работники в Отечественной войне : сб. статей / под ред. Б. Д. Петрова. – М. : Медгиз, 1942. – С. 5–13.
20. О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах : Постановление СНК СССР ЦИК ВКП(б) от 27 июня 1936 г. № 65-1134 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. Санкт-Петербург, 2011–2025. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/456020602> (дата обращения: 17.03.2025).
21. О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. № 23/160 // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю. И. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1956. – С. 335. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_21.11.1941_№_23/160 (дата обращения: 13.03.2025).
22. Очерки истории здравоохранения СССР. 1917–1956 гг. / Е. Д. Ашурков [и др.] ; под ред. проф. М. И. Барсукова. – М. : Медгиз, 1957. – 394 с.
23. Павлова, Т. А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве / Т. А. Павлова. – Волгоград : Перемена, 2005. – 594 с.
24. Смирнов, Е. И. Война и военная медицина. 1939–1945 / Е. И. Смирнов. – М. : Медицина, 1976. – 461 с.
25. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757376> (дата обращения 15.03.2025).
26. Хуснутдинова, Ф. А. Население Сталинградской области в 1939–1959 гг.: демографический аспект / Ф. А. Хуснутдинова // Стрелка: науч. ежегодник / под ред. М. М. Загоруйко. – Волгоград, 2009. – Вып. 7. – С. 357–360.
27. Шаповалова, Я. А. Государственная политика в отношении абортов в послевоенный период (1945–1950 гг.) / Я. А. Шаповалова // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-otnoshenii-abortov-v-poslevoenny-period-1945-1950-gg-1> (дата обращения: 15.03.2025).
28. Юсупова, А. Н. Аборты в России / А. Н. Юсупова ; под ред. В. Ю. Альбицкого. – М. : ИД ГЭОТАР-МЕД, 2004. – 208 с.
29. Nakachi, M. Replacing the dead: the politics of reproduction in the postwar Soviet Union / M. Nakachi. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2021. – 327 p.

Дианова Е.В.

АНТРОПОНИМИЯ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Ключевые слова: Великая Отечественная война, антропонимия, антропонимы, деактуализация / реактуализация личных именований.

Великая Отечественная война оказала большое влияние на все стороны жизни общества в целом и отдельного человека в частности, в том числе на такую сугубо приватную сферу, как личное именование (фамилия, имя, отчество). Актуальность исследования определяется необходимостью сохранения исторической памяти народов СССР и 80-летним юбилеем Великой Победы. Изучение антропонимии военных лет можно рассматривать в рамках военно-исторической антропологии, с точки зрения

«человеческого измерения войн», особенно сейчас, когда военно-историческая антропология «востребована не только в научном, но в первую очередь в общественно-политическом контексте» [10, с. 51]. Во время войны смена имен и фамилий происходила в силу различных обстоятельств, часто отмечались факты утраты, забывания (деактуализации) настоящих имен и фамилий как у маленьких детей, так и у взрослых (в результате контузии или тяжелых ранений). Изучение антропониимии военных лет, совокупности собственных имен и именовании, способствует осмыслению трансформации антропониимических процессов, выявлению случаев изменения личных именовании с учетом их возвращения (реактуализации) или невозвращения в послевоенный период. Данная тема более полно раскрыта в статье, посвященной 80-летию снятия блокады Ленинграда [5].

В ходе исследования в качестве источников использованы записки бывших узников концлагерей «В фашистских застенках» [4] и свидетельства жителей Белоруссии, побывавших в Освенциме [3]; очерк М. Самариной об узнице этого концлагеря С. Гусевой, после войны принимавшей активное участие в поисках пропавших детей и восстановлении их имен [9]. Для выявления фактов имянаречения привлекались повесть С.А. Алексиевич «Последние свидетели: книга детских рассказов» [1], произведения журналистки И.И. Ирошниковой «Здравствуйте, пани Катерина!» [6] и «Эльжуня» [7]. В них зафиксированы документальные свидетельства о детях, потерявших родных в фашистских концлагерях и взятых после освобождения приемными родителями. Важным источником стала книга Агнии Барто «Найти человека» [2] о поисках людей, разлученных во время войны, забывших или изменивших свои имена.

Потеря собственных имен на оккупированной территории происходила, когда детей насильно разлучали с матерями и родственниками в концлагерях, тюрьмах. На занятой врагом территории дети, появившиеся на свет, возможно, записывались в приходские книги (в том случае, если в той местности была открыта церковь) или ставились на учет в комендатуре. Однако, как показывают исследования, оформление младенцев осуществлялось не везде. Так, в Витебске в период оккупации во время Великой Отечественной войны (11 июля 1941 – 26 июня 1944) прекратилась регистрация новорожденных и возобновилась только после освобождения в 1944 г. Органы ЗАГС Витебска сделали 958 актовых записей с выдачей свидетельств о рождении в период 1941–1944 гг. 487 мальчиков и 471 девочки. Для наречения 487 мальчиков использовано 65 имен, из них чаще всего встречались Виктор, Александр, Николай, Владимир [11, с. 92].

После войны с возвращением на родину большую работу по розыску детей проводила учительница Нина Савельевна Гусева. Она прошла через немецкий плен и каторжные работы в нацистских концлагерях Аушвиц-Биркенау (Освенцим) и Равенсбрюк. В Освенциме Н.С. Гусева спасла одну девочку от неминуемой смерти. Это была Людочка Безлюдова, «крохотная девчужка, такая прозрачная от истощения, что казалось, просматривались косточки» [7, с. 35]. После войны Н.С. Гусевой «хотелось ее найти, чтоб уж больше не разлучаться». И вот Людмила отыскалась в Польше. Там девочка из Белоруссии обрела новое имя и другую фамилию – Хана Косиньская. А «в 1963 году девушка разыскала в Орше свою мать, братьев и сестер, с которыми была разлучена в Майданеке, (отца малышки казнили в Борисове)». Людмила Безлюдова (Хана Косиньская) не вернулась на родину, «все же осталась в Польше» [9].

В Белоруссии активным поиском бывших узниц и их детей занималась Надежда Тимофеевна Цветкова. В 1942 г. за связь с минским подпольем она была арестована. В декабре 1943 г. ее отправили вместе с другими заключенными тюрьмы гестапо в Освенцим. При эвакуации лагеря 23 января 1945 г. Цветковой удалось бежать. В

польском местечке Горный Ящемб ее спрятала крестьянка Анна Кочур. 24 марта 1945 г. туда вошли советские войска [4, с. 105, 110]. После окончания войны Н.Т. Цветкова вернулась в Минск, нашла своих дочерей и стала помогать другим женщинам.

Благодаря деятельности Н.Т. Цветковой некоторым матерям удалось найти своих детей. Так, жительница Минска Зинаида Георгиевна Муравьева, бывшая узница Освенцима, еще в 1953 г. обратилась за помощью к Н. Т. Цветковой с просьбой найти ее сына Геннадия Павловича Муравьева. В 1943 г., когда за связь с партизанами их вывезли с Витебщины в Освенцим, ему было всего четыре годика, на его ручке был выбит номер 149850 [3, с. 257].

В 1963 г. З.Г. Муравьева встретила с Людмилой Безлюдовой, теперь уже Ханной Косиньской, и попросила помочь отыскать ее Гену. После встречи, посвященной 20-летию освобождения Освенцима, Людмила написала З.Г. Муравьевой, что встретила в Польше молодого человека по имени Эугениуш Грущинский, на руке которого был выбит номер 149850. И восьмерка, как она и говорила, выбита криво. За эти 20 лет, что З.Г. Муравьева вела поиски, ее сын Геннадий Муравьев, теперь уже Эугениуш Грущинский, вырос, получил образование, стал доктором наук [8].

Эту историю режиссер С.Н. Колосов положил в основу фильма «Помни имя свое» (1974). Главная героиня фильма Зинаида Воробьева (в исполнении Людмилы Касаткиной), пройдя через все муки фашистского ада в Освенциме, считала своего сына, которого спасла польская женщина, погибшим. Спустя 20 лет после войны, в кадрах документального фильма об освобождении узников концлагеря среди детей она узнала своего сына Гену.

В одном городе имел место случай, когда «...в кинотеатре показывали давнюю кинохронику – кадры, заснятые сразу же после освобождения Освенцима Красной Армией... Шли дети. Все уже пережившие, безразличные ко всему. Шли! И, глядя в притихший, настороженный полумрак зрительного зала, привычно, на ходу обнажали ручонки с выколотыми на них номерами...» [6, с. 279]. И вдруг в зале раздался «отчаянный женский вскрик». Вырвавшись из рядов, к экрану выбежала женщина (Зинаида Чивилева), она «среди освобожденных детей Освенцима увидела свою Людочку. Механик четыре раза подряд прокручивал эти кадры. Четыре раза подряд проходили перед зрительным залом дети. И Людочка Чивилева среди них. Четыре раза видели зрители, как в следовавшем за этим кадром Людочку уносила советская медсестра...» [6, с. 279–280].

Советские дети из концлагерей попадали в польские семьи, где им давали другое имя и другую фамилию. Так, Людмила Бочарова (1940 г.р.) до ареста жила вместе с матерью и старшей сестрой Светланой у бабушки в деревне Прыбытки недалеко от Витебска. Из-за подозрения в связи с партизанами фашисты задержали всех жителей деревни и заключили в витебскую тюрьму. 4 декабря 1943 г. узников тюрьмы повезли в вагонах для скота в Освенцим. В лагере Людочка получила номер 70072, ее мать – 70071. Девочка видела свою мать в последний раз в лагере 18 января 1945 г., когда ее вместе с другими заключенными женщинами отправили на «марш смерти». Сразу после освобождения из лагеря бездетная супружеская пара Рудзиковских удочерила девочку. Теперь ее стали звать Лидия Рудзиковская (Рыдзиковская) [3, с. 118].

Некоторые малолетние узники даже с измененными именами и фамилиями находили своих родственников. По лагерному номеру был найден малолетний узник Освенцима – Лютик (Луцеев) Степан Васильевич (1940 г.р.). Он оказался в лагере вместе со многими земляками из деревни Грязи Куринского сельсовета Витебского района, которые за связь с партизанами были схвачены гитлеровцами. В Освенциме Степан получил татуировку с номером 149743. Мать сожгли в крематории, отец погиб

на фронте. От верной гибели его спасли двоюродные братья Петр и Леонид Кобелевы. В списках малолетних узников, а затем в списке воспитанников киевского детского дома Степан Луцеев значился под фамилией Лютик. Вернувшиеся на родину братья Кобелевы решили отыскать брата, однако поиски были безрезультатными до тех пор, пока им кто-то не подсказал искать брата по лагерному номеру. И через некоторое время Степан Лютик (Луцеев) нашелся [6, с. 233–235].

Поискам по лагерному номеру разлученной с матерью девочки посвящена документальная повесть И.И. Ирошниковой «Здравствуйте, пани Катерина!». В 1960-е гг. по польскому радио передали письмо Катерины Романовны Климушиной, белорусской женщины, которая разыскивала свою потерянную дочь Татьяну, на руке у которой был выколот номер 77362. Передачу услышала жительница Кракова Кристина Станкевич, у ее приемной дочери Зоси на руке имелся тот же номер [6, с. 336, 337]. Сначала семьи обменялись письмами. Через некоторое время Зося и Кристина Станкевич приехали в Советский Союз на встречу с родственниками в город Оцк (Полоцк?). Брат Анатолий не мог «привыкнуть к тому, что сестренку его теперь называют Зосей. И упорно зовет ее, как в детстве, – Татьянкой» [7, с. 227].

После окончания Великой Отечественной войны бывшие малолетние узники фашистских концлагерей и воспитанники детских домов стали обращаться в Бюро розыска Исполнительного комитета Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца с просьбой найти родственников. В поисках родных помогло всесоюзное радио. В 1965–1973 гг. писательница Агния Львовна Барто на радиостанции «Маяк» вела передачу по розыску пропавших во время войны детей и родителей. О своих поисках Агния Барто написала документальную повесть «Найти человека» (1968).

13 числа каждого месяца Агнии Барто зачитывала приходившие на радио «Маяк» письма. Однажды на радио «Маяк» пришло письмо из Витебска. Его автор Анастасия Ивановна Королева сообщала, что во время войны была в Освенциме с тремя дочерьми, одна из них там погибла, вторая – Люда нашлась после войны, третья – Шура потерялась после освобождения из лагеря. Но случилось так, что через несколько лет после войны мать увидела кинохронику «Освобождение Освенцима» и узнала на экране свою дочь. Она написала письмо Агнии Барто: «Вам пишет мать, попавшая в концлагерь. Одну мою дочь сожгли в печах Освенцима. Двадцать лет ищу вторую дочь, Шуру Королеву. У нее на левой ручке, ниже локтя выжжен номер 77325». Однако поиски оказались неудачными. Появлявшиеся девушки по имени Шура с фамилией Королева не были дочерью А.И. Королевой из Витебска [2, с. 100].

После первой публикации повести «Найти человека» в журнале «Знамя» (1968) на радио «Маяк» пришла телеграмма из города Бельцы (Молдавия). В ней сообщалось: «Мать Королева ищет свою дочь Шуру с клеймом на левой руке, но первая цифра не совсем ясна, остальные четыре сходятся. Имя мое Шура, фамилии своей не знала, очень прошу: сообщите, что делать, сил нет ждать. А. Смышникова» [2, с. 269]. Агния Барто сообщила о телеграмме в Витебск. После телефонных переговоров А.И. Королева с Людмилой поехали в Молдавию. Каким образом Шура попала из Освенцима в Бельцы, ей рассказала медсестра Любовь Алексеевна Хозяина: «Мы с мужем были участниками освобождения Освенцима... Вы остались со мной в части... Окончилась война, и нашу часть направили в Молдавию, в Бельцы. Фамилию вашу никто не знал, и когда мы вас устраивали в детский дом, вам дали фамилию Победа». Потом Шуру удочерили, и она получила другую фамилию Смышникова [2, с. 271–272].

В письмах, приходивших на радио «Маяк», как и в воспоминаниях детей войны, «забвение собственного имени или фамилии – одно из самых частых признаний». Для многих «утрата имени стала свидетельством несостоявшейся жизни, знаком отсутствия некой основополагающей, исходной точки отсчета... Кто-то боялся узнать

подробности, откладывая на десятки лет встречу с воспитателями своих детдомов. Кто-то, узнав позднее свое “настоящее” имя, так и не смог приучить себя на него откликаться» [12]. Так, Елена Кравченко через 25 лет после войны нашла вою родную тетю. Она сказала ей ее настоящее имя, а та «долго не могла к нему привыкнуть, не откликнулась...» [1, с. 61].

Истории возвращенных детей родным матерям широко освещались в прессе. Каждый отдельный случай дарил надежду тем, кто долгие годы не мог найти родных людей. Реактуализация имен, данных от рождения, зачастую вызывала их отторжение, потому что люди считали единственными свои новые именованья. Даже если они догадывались или только предполагали, что у них могли быть ранее иные имена, им не хотелось их вспоминать, так как это провоцировало острые переживания, связанные с трагическими событиями военных лет. Возвращение настоящих именованний нередко вызывало глубокие потрясения, что было проявлением посттравматического синдрома, эхом страшной войны.

1. Алексиевич, С. А. Последние свидетели: книга детских рассказов / С. А. Алексиевич. – М. : Молодая гвардия, 1985. – 175 с.
2. Барто, А. Л. Найти человека / А. Л. Барто. – М. : Советский писатель, 1975. – 281 с.
3. Борисова, А. В. Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси / А. В. Борисова, К. И. Козак, Г. Л. Стучинская. – Минск : Літаратура і Мастацтва, 2012. – 400 с.
4. В фашистских застенках : записки / Н. Т. Цветкова, З. М. Лишакова, А. Ф. Тринда. – Минск: Госиздат БССР, 1961. – 277 с.
5. Дианова, Е. В. «Помни имя свое»: антропонимия и Великая Отечественная война / Е. В. Дианова // История повседневности : научный журнал. – 2024. – № 2. – С. 61–82.
6. Ирошникова, И. И. Избранное / И. И. Ирошникова. – М. : Советская Россия, 1986. – 558 с.
7. Ирошникова И. И. Эльжуня : сборник / И. И. Ирошникова. – М. : Советская Россия, 1974. – 156 с.
8. Осмоловский, А. Судьбы прототипов фильма «Помни имя свое» / А. Осмоловский // Комсомольская правда. – 2021. – 7 мая. – URL: [WWW.KP.RU: https://www.kp.ru/daily/27273/4408349/](https://www.kp.ru/daily/27273/4408349/) (дата обращения: 03.03.2025).
9. Самарина, М. Узница Аушвица под номером 40156 / М. Самарина. – URL: <https://proza.ru/2019/08/02/1091?ysclid=ltedfop17o389068109> (дата обращения: 03.03.2025).
10. Сенявская, Е. С. Военная антропология в новых исторических условиях / Е. С. Сенявская // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2023. – Т. 45, № 8. – С. 46–54.
11. Скребнева, Т. В. Антропонимная специфика Витебско-Смоленского приграничного ареала (на материале мужских именников) / Т. В. Скребнева // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Языкознание. – 2013. – № 2. – С. 92–96.
12. Ушакин, С. Осколки военной памяти: «Все, что осталось от такого ужаса?» / С. Ушакин. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/5/oskolki-voennoj-pamyati-vse-chto-ostalot-ot-takogo-uzhasa.html> (дата обращения: 03.03.2025).

Лукина Е.А. БРИТАНСКИЕ ЛИСТОВКИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: Великобритания, листовки, Министерство информации, Political Warfare Executive, цензура, военная пропаганда.

Листовка как вид информационной литературы присутствует в разных сферах жизни современного общества. Во время Второй мировой войны данная форма фигурировала в военной пропаганде. Большинство стран мира, в особенности США, СССР, Великобритания, применяли листовки для распространения новостей на вражеской территории. В Великобритании был создан мощный пропагандистский аппарат, одной из задач которого было их создание. Цель данной статьи является определить роль листовок Великобритании в истории Второй мировой войны.

В белорусской историографии современного периода по данной тематике нет узконаправленных публикаций, однако она косвенно отражена в комплексных работах Института истории НАН Беларуси по истории Второй мировой и Великой Отечественной войны [1]. В российской и английской историографии листовки рассматриваются в контексте военной пропаганды. Большинство работ посвящено периоду Первой мировой войны и межвоенному периоду. Среди российских ученых следует отметить П.В. Ульянова [2], Д.М. Селиверстова [3]. Проблематика Второй мировой войны касается таких аспектов как: организация пропаганды на Ближнем и Дальнем Востоке, создание и распространение пропагандистских материалов на вражеской территории. Представлена трудами Ф. М. Тейлора [9], М. Хаунера [6], С. Р. Коула [5].

В зарубежной историографии следует отметить статью японского автора Юукэ Накамуры [7] в которой продемонстрирована организация британской пропаганды в Японии.

Особенности пропагандистского аппарата Великобритании периода Второй мировой войны: мобильность структуры; сотрудничество с министерствами (министерство иностранных дел, министерство экономической войны и др.); использование радиовещания, кинохроники. Формирование британского пропагандистского аппарата началось с разведывательной деятельности (Political Intelligence Department: PID) по заказу министерства иностранных дел. С 1935 по 1939 гг. секретно велась работа по организации ключевого учреждения пропаганды начала войны – Министерства информации, в задачи которого входили: цензура, работа с европейским отделом BBC, создание и распространение пропагандистских материалов (книг, листовок, плакатов) внутри страны и зарубежом. Затем данные полномочия за границей перешли в 1941 г. к Political Warfare Executive (PWE), которые сохранились до конца войны [9, p. 224].

Листовки как метод ведения пропаганды стали применяться в период Первой мировой войны, однако не потеряли своей актуальности в годы Второй мировой войны из-за высокой результативности и применялся наравне с радиовещанием. Целью листовок было донесение информации о положении на фронтах, формирование имиджа Великобритании в войне, деморализация противника, призыв гражданского населения вражеской страны сдаться союзническим войскам. Было разработано два типа листовок в соответствии с типом новостей (горячие и холодные): «временные», для которых отводилось длительное время на распространение и «специальные», которые касались неотложных вопросов [9, p. 225].

Листовки в основном содержали в себе текст, однако присутствовали и иллюстрации в виде карт, картин. Так, послание из Великобритании в Германию 1939 г. содержало в себе такие призывы: «Правительство рейха с холодной рассудительностью навязало войну Великобритании. Они сделали это, зная, что это должно вовлечь человечество в бедствие, худшее, чем в 1914 году. Заверения в мирных намерениях, которые фюрер дал вам и всему миру в апреле, оказались такими же бесполезными, как его слова в Спортпаласте в сентябре прошлого года, когда он сказал: «У нас больше нет территориальных претензий в Европе». Никогда правительство не приказывало подданным умереть с меньшим оправданием. Эта война совершенно не нужна. Германии никоим образом не угрожали и не лишали справедливости...» [8]. Из этого следует, что британские пропагандисты, используя методы белой пропаганды пытались переубедить немецкий народ в бессмысленности войны, представив немецкое правительство обманщиками.

Что касается дальневосточного фронта существовала проблема – нехватка переводчиков. Так, в Японии была создана местная организация британской пропаганды Political Warfare Japan Committee (PWJC) [7, p. 186], которая подчинялась министерству информации, PWE, министерству экономической войны и др. Японский

шрифт в листовках стал применяться только к концу войны, например в 1944 г. после успешного продвижения к Бирме было создано воззвание к японским солдатам целью которого было заставить их сдаться английским войскам. В нем говорилось: «...Как можно избежать этой смертельной ловушки? Наши британские военно-морские и военно-воздушные силы захватили превосходство на море и в воздухе и бороздят океаны. Ваш путь к отступлению уже заблокирован. Как бы вы ни старались, ничего не получится! Почему они хотят защитить Бирму? Разве Бирма уже не под нашим контролем? Не лучше ли было бы сдаться нашим войскам, чем быть вынужденным пожертвовать своими драгоценными жизнями? Вы долго и достойно сражались и выполнили свой славный воинский долг! Дорогие японские солдаты!» [4].

Из этого можно сделать вывод, что британские листовки играют важную роль в истории Второй мировой войны и могут выступать источниками для исторического исследования. Через их призму возможно проследить работу учреждений пропаганды, ключевые методы военной пропаганды Великобритании в годы Второй мировой войны (деморализация вражеских войск, создание «образа врага» в особенности немецкого правительства и др.).

1. Вторая мировая война. Великая отечественная война. – Минск : Институт истории НАН Беларуси, 2023. – 121 с. – URL: https://history.by/wp-content/uploads/2023/12/II_NANB_Voyen_istoriya_Belarusi_1.pdf (дата обращения: 01.02.2025).
2. Селиверстов, Д. М. Антигерманская пропаганда в Великобритании накануне и в годы Первой мировой войны : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Селиверстов Дмитрий Михайлович ; Брянский гос. ун-т им. академика И. Г. Петровского. – Брянск, 2017. – 208 л.
3. Ульянов, П. В. Эволюция содержания «образа врага» (по отношению у Германии) в Британской пропаганде в период Первой мировой войны : дис. ... канд. исторических наук : 07.00.03 / Ульянов Павел Владимирович ; Алтайский гос. ун-т. – Томск, 2020. – 218 л.
4. 20世紀メディア研究所(20th Century Media Institute). – URL: <https://prj-bira.waseda.jp/details?no=269> (date of access: 10.02.2025).
5. Cole, C. R. The Conflict within: Sir Stephen Tallents and Planning Propaganda Overseas before the Second World War / C. R. Cole. – JSTOR, 1982. – URL: <http://www.jstor.org/stable/4048485> – (date of access: 03.03.2025).
6. Hauner, M. One Man against the Empire: The Faqir of Ipi and the British in Central Asia on the Eve of and during the Second World War / M. Hauner. – JSTOR, 1981. – URL: <https://www.jstor.org/stable/260623> (date of access: 02.02.2025).
7. Nakamura, Y. / アジア太平洋戦争におけるイギリスの政治戦と 政治戦日本委員会の設立, 1941~1942年 (British Political Warfare in the Asia-Pacific War and the Establishment of the Japan Committee on Political Warfare, 1941–1942) / Y. Nakamura. – Tiba : Univ. of Tiba, 2023. – URL: <https://cuc.repo.nii.ac.jp/records/6585> (date of access: 15.02.2025).
8. New Forest Knowledge. – URL: <https://nfknowledge.org/contributions/propaganda-leaflets/> (date of access: 10.01.2025).
9. Taylor, P. M. Munitions of the mind, a history propaganda from the ancient world to the present area / P. M. Taylor – New York ; Manchester : Manchester Univ. Press, 2003. – 344 p.

Большаков М.Г.
АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА
ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА «БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

Ключевые слова: архивные документы, Великая Отечественная война, геноцид, фальсификация, проект «Без срока давности».

«Без срока давности» – это проект федерального уровня призванный способствовать формированию в общественном сознании чувства неприятия нацизма и устойчивого представления о неотвратимости наказания за преступления против человечества, какой бы срок давности они не имели.

Целью проекта является сохранение исторической памяти о трагедии мирного населения СССР – жертв военных преступлений нацистов и их пособников в период

Великой Отечественной войны. Для достижения этой цели проводится работа, связанная с судебным рассмотрением дел о геноциде и активным сбором доказательств таких преступлений.

В ходе реализации проекта происходит систематизация архивных документов, которые выходят в открытый сетевой доступ в сборниках документов по регионам Российской Федерации, находившихся под оккупацией.

Процесс рассекречивания архивных документов в рамках проекта «Без срока давности» начался с 2019 г. и продолжается по сегодняшний день [6]. Связанно это с необходимостью расширения доказательной базы для проведения судебных процессов по признанию действий нацистов геноцидом по отношению к советскому мирному населению.

На данной основе уже в 2020 г. Поисковым движением России совместно с российскими архивами были изданы первые 23 тома из серии сборников документов «Без срока давности». На данный момент издано 25 сборников, включая «Хабаровский процесс».

Сборники были выпущены в регионах Российской Федерации, которые в годы Великой Отечественной войны находились под оккупацией войск нацистской Германии и её сателлитов, и местах проведения судебных процессов над нацистскими преступниками. Один из таких сборников был издан в Псковской области [1]. Они содержат всеобъемлющую информацию о действиях оккупационных войск в том или ином районе страны. Информационной основой являются архивные документы, фотоматериалы, кинохроника, задокументированные показания свидетелей, и акты судебных процессов из собраний.

Сборники проекта «Без срока давности» выстроены в единой системе и включают в себя такие разделы как: «Карательные операции и массовое уничтожение мирного населения», «Жизнь в оккупации: эксплуатация, лишения и голод», «Преступления против детства», «Принудительные работы и угон мирного населения в Германию», «Уничтожение граждан, находящихся в больницах и других лечебных учреждениях», «Преступления без срока давности: нацисты и их пособники. По материалам следственных дел».

Раздел «Карательные операции и массовое уничтожение мирного населения» группируют источники по действиям оккупационных направленные на уничтожение мирного населения. В «Докладе о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков, разрушениях и ущербе, причиненных ими и их сообщниками народному хозяйству, культурным учреждениям и населению Великолукской области» перечисляются зверства нацистов в Великолукской области [1, с. 72].

Преступления против детства в сборниках представлены свидетельствами юных участников тех событий в форме сочинений, воспоминаний и т.д. [2, с. 291].

Угон в рабство советского населения описывается в актах районных органов власти. Примером может служить «Протокол опроса жителя деревни Жили Батецкого района Ф.Т. Тимофеева о факте угона населения деревни Жили в немецкое рабство» [3, с. 309].

Преступления против граждан, находившихся в санитарных учреждениях представлены различными источниками, содержащими сведения о нападениях на медицинские объекты и уничтожении советских граждан в психиатрических клиниках. Примером подобных зверств служит «Протокол допроса старшим следователем УКР Смерш Ленинградского фронта Радионовым свидетеля Антеса Хельмута, служившего врачом-терапевтом медицинской службы 61-й пехотной

дивизии, о зверствах немецкой специальной команды СС в больнице для душевнобольных в селе Никольском Гатчинского района» [4, с. 360].

В сборниках представлены и различные визуальные источники преступлений нацистских войск, например, последствия обстрела немецкой авиацией санитарного катера [4, с. 360].

Сборники сгруппированы на основе конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 1948 г. [5], которая понимает под геноцидом действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: а) убийство членов такой группы; б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; с) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Подобная систематизация позволяет точно зафиксировать задокументированные преступления нацистов и их пособников на оккупированных территориях СССР, что в настоящее время используется как основа для признания геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Представленные в сборниках архивные документы свидетельствуют о действиях оккупационных войск, направленных на нарушение жизни и развития советского народа по национальным, политическим и иным признакам.

В настоящее время значение данных сборников огромное, но самое важное – это противостояние фальсификации истории Великой Отечественной войны. Публикация подобных сборников помогает расширить доказательную базу зверств нацистских оккупантов по отношению к советскому народу, что должно способствовать неприятию и недопущению развития неонацистских идей.

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Псковская область : сборник архивных документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева ; отв. сост. В. Г. Кузьмин ; И. И. Андреева [и др.]. – М. : Фонд «Связь Эпох» : Кучково поле Музеон, 2020. – 624 с. : ил.

2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ростовская область : Сборник документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева ; под ред. М. А. Пономаревой ; отв. ред. О. А. Литвиненко ; отв. сост. Л. В. Левендорская ; авт. науч. ст. Е. Ф. Кринко, М. А. Пономарева ; авт. археогр. предисл. С. Д. Кононыхина, Л. В. Левендорская, Е. В. Милосавлевич, Н. А. Трапш. – М. : Фонд «Связь Эпох» : «Кучково поле», 2020. – 464 с. : ил.

3. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Новгородская область : Сборник документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева ; отв. сост. В. Г. Колотушкин ; авт. науч. ст. М. Н. Петров ; авт. археогр. предисл. В. Г. Колотушкин, Е. Ф. Михайлова. – М. : Фонд «Связь Эпох», Кучково поле Музеон, 2020. – 496 с. : ил.

4. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ленинградская область : Сборник архивных документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева ; отв. ред. А. В. Савченко ; сост. А. Т. Абдукарова [и др.]. – М. : Фонд «Связь Эпох», 2020. – 504 с. : ил.

5. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 23.02.25).

6. Россия рассекретила архивы для расследования преступлений фашистов в ВОВ. – URL: <https://ria.ru/20201120/arkhivy-1585481649.html> (дата обращения: 15.03.25).

Новікаў С.Я.
НОВЫ ЗБОР ДАКУМЕНТАЎ І МАТЭРЫЯЛАЎ
АБ НАЦЫСЦКІМ ГЕНАЦЫДЗЕ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў 1941–1944 гг.

Ключавыя словы: архіўны дакумент, Беларусь (Беларуская ССР, БССР), Вялікая Айчынная вайна, грамадзянскае насельніцтва, крыніцазнаўчы факт, нацысцкі генацыд, акупацыйны рэжым.

Напярэдадні 80-годдзя Перамогі савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне беларускія гісторыкі і архівісты выдалі ўнікальны зборнік [1] малавядомых архіўных дакументаў і матэрыялаў для больш паглыбленага даследавання наступстваў нацысцкага генацыду супраць мірнага насельніцтва Беларусі ў 1941–1944 гг. Дзякуючы апублікаванай працы створана надзейная крыніцавая аснова, аказаўся даступным багаты факталагічны патэнцыял аб нацысцкай палітыцы генацыду і выпаленай зямлі германскіх акупантаў на беларускай зямлі, у тым ліку ў дачыненні да мясцовых і дэпартаваных з краін Еўропы яўрэяў.

Аўтар дзякуе кіраўніку аўтарскага калектыву Лаўрэату Дзяржаўнай прэміі Рэспублікі Беларусь, вядучаму навуковаму супрацоўніку аддзела публікацый Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь кандыдату гістарычных навук В.Дз. Селяменеву, у мінулым – шматгадоваму дырэктару архіва, за магчымасць выступіць у якасці навуковага рэцэнзента зборніка дакументаў і матэрыялаў на этапе яго падрыхтоўкі да публікацыі і ставіць сваёй мэтай кароткі агляд створанай упершыню выніковай крыніцазнаўчай працы, унікальныя матэрыялы якой дазваляюць паказаць элементы агульнай карціны злучэнстваў, учыненых нацыстамі ў гады вайны на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў адносінах да мірнага насельніцтва.

У зборнік, які рэцэнзуецца, уключаны 183 дакументы, у тым ліку 116 з Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, 2 з Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, 3 з Расійскага архіва сацыяльна-палітычнай гісторыі, 1 з Расійскага дзяржаўнага ваеннага архіва, 1 з Цэнтральнага архіва Міністэрства абароны Расійскай Федэрацыі, 8 з Федэратыўнага архіва Германіі, 18 з Нацыянальнага архіва ЗША, 4 з Міжнароднага інстытута па вывучэнні гісторыі Халакоста пры Мемарыяльным комплексе гісторыі Халакоста (Яд Вашэм). Акрамя таго, у зборнік увайшлі дакументы з раней апублікаваных выданняў.

Адбор дакументаў і матэрыялаў для дадзенай працы абумоўлены аўтарскай ідэяй зборніка і пошуку ў ім тэматычна блізкіх фактаў як для раскрыцця злучэннага характару нацысцкага акупацыйнага рэжыму, паказу ролі і месца германскага вермахта, СС і паліцыі ў яго ажыццяўленні, так і для фармавання верыфікаванай базы крыніц у рамках даследавання асобных трагічных старонак гісторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. Дзякуючы з’яўленню ўнікальнага выдання чытацкая аўдыторыя атрымала дадатковую магчымасць для больш паглыбленага вывучэння асобных сюжэтаў трагедыі беларускага народа выключна праз архіўныя дакументальныя факты, у тым ліку нямецкага паходжання.

Адразу адзначым, што дакументы ў зборніку сістэматызаваны ў рамках дзвюх тэм, якія раскрываюць злучынны характар нацысцкай палітыкі генацыду на акупаванай тэрыторыі Беларускай ССР, у тым ліку: у раздзеле 1 (с. 21–264) – дакументы і матэрыялы аб «нацысцкай палітыцы генацыду і выпаленай зямлі», у раздзеле 2 (с. 265–404) – аб «расследаванні злучэнстваў нямецкіх акупантаў». Заўважым, што ў зборніку гэтыя часткі займаюць дзве траціны ўсяго аб’ёму выдання. Акрамя таго, складальнікі падрыхтавалі тры тэматычныя дадаткі.

Археаграфічны аналіз дакументаў паказвае, што яны размяшчаюцца ў храналагічнай паслядоўнасці, складальнікі зборніка дапоўнілі базавыя матэрыялы неабходнымі нататкамі. Усе дакументы і матэрыялы маюць загалоўкі, парадкавы нумар, у большасці выпадкаў прыводзяцца даты, звесткі аб ступені сакрэтнасці, паказальнікі на арыгінальнасць, жанр падачы. Важна, што пасля кожнага дакумента ўказваюцца яго пошукавыя даныя: архіў, нумар фонду, вопісы і справы, лісты, а таксама звесткі аб сапраўднасці або капійнасці кожнага дакумента, прыводзяцца спасылкі на крыніцу ў выпадку яго перадрукоўкі з папярэдніх выданняў. Для больш поўнага разумення зместу дакумента складальнікамі распрацаваны каментарыі. У цэлым навукова-даведачны матэрыял зборнікаў складаецца з прадмовы, археаграфічнай уступнай часткі ад складальнікаў, археаграфічных і тэкстуальных заўваг, геаграфічнага паказальніка, спісу скарачэнняў і пераліку дакументаў.

У «Прадмове» (с. 3–13) складальнікі зборніка задаюць зыходную лічбу людскіх страт на беларускай зямлі ў гады Вялікай Айчыннай вайны, прынятай у рэспубліцы толькі апошнім часам. «Загінуў кожны трэці жыхар» (с. 3), які стаў ахвярай палітыкі злачынстваў германскіх нацыстаў у Беларусі. Як падкрэслена ў першых радках тэксту, гэтая тэма займала і займае важнае месца ў айчыннай гістарыяграфіі. Новы этап у вывучэнні тэмы нацысцкіх злачынстваў пачаўся ў 1990-я гг. Рассакрэчванне архіўных дакументаў дало даследчыкам магчымасць уключыць у навуковы абарот раней невядомыя дакументы. Пашырылася тэматыка работ па дадзенай праблематыцы, дзе на фоне традыцыйных тэм як германскі акупацыйны рэжым, месцы прымусовага ўтрымання цывільнага насельніцтва, знішчэння беларускіх вёсак з’явіліся і новыя напрамкі кшталту ліквідацыі яўрэйскага насельніцтва, остарбайтэры, нацысцкія лагеры, карныя аперацыі гітлераўцаў і інш.

З’яўляючыся ўнікальным крыніцазнаўчым укладам у даследаванне вышэйпаказанай праблематыкі, апублікаваныя матэрыялы новага зборніка могуць служыць надзейнай крыніцавай базай для далейшай працы па вывучэнні малавывучаных старонак ваеннай гісторыі Беларусі, у тым ліку звязаных са злачынствамі, учыненымі нацыстамі ў адносінах да мірнага грамадзянскага насельніцтва, у таксама яўрэяў, на акупаванай тэрыторыі Беларусі.

Аналіз зместу 147 назваў, апублікаваных у рамках першага раздзела, паказвае асноўныя праблемныя палі, раскрытыя праз розныя дакументы і матэрыялы: 1) Са зводак начальніка паліцыі і СД Германіі з СССР аб становішчы, правядзенні карных акцый, арыштаў і знішчэнні насельніцтва на акупаванай тэрыторыі Беларусі, 25 чэрвеня 1941 г. – 20 сакавіка 1942 г. (дак. 1–28); 2) Дакументаў аб стварэнні, дзейнасці і ліквідацыі Мінскага гета, 19 ліпеня 1941 г. – 12 чэрвеня 1961 г. (дак. 29–60); 3) Дакументаў аб дэпартацыі яўрэяў з краін Еўропы ў Беларусь (24 кастрычніка 1941 г. – 15 мая 1943 г.) (дак. 61–79); 4) 3 загадаў ваеннага каманданта ў Беларусі пры камандуючым вермахта ў Остландзе аб ліквідацыі яўрэяў, 13 лістапада 1941 г. – 17 лістапада 1942 г.); 5) 3 паведамленняў начальніка паліцыі бяспекі і СД Германіі з занятых усходніх абласцей аб выніках антыпартызанскіх аперацый «Свята ўраджаю 1 і 2» (12–26 лютага 1943 г.), «Котбус» (18 чэрвеня – 1 ліпеня 1943 г.), «Герман» (дак. 97); 6) Дакументаў аб правядзенні «Акцыі 1005» па знішчэнні месцаў масавых пахаванняў забітага нямецкімі акупантамі насельніцтва Беларусі (7 кастрычніка 1943 г. – 31 ліпеня 1945 г.) (дак. 113–120); 7) Дакументаў аб стварэнні вермахтам канцэнтрацыйнага лагера «Азарычы» (8 сакавіка 1944 г. – 27 лістапада 1951 г.) (дак. 121–147).

Спецыяльны аналіз архіўных дакументаў, даступных для шырокай грамадскасці, дазваляе зацікаўленаму чытачу значна паглыбіць гістарычныя веды, узнавіць агульную карціну генацыду і выпаленай зямлі на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Так, вывучэнне «зводак начальніка паліцыі бяспекі і СД Германіі з СССР», як яны зафіксаваны ў

дакументах, дазваляе ўбачыць фактычны бок правядзення германскімі захопнікамі карных акцый, арыштаў і знішчэння насельніцтва на працягу першых дзевяці месяцаў. Кожная з 26 зводак змяшчае звесткі аб становішчы на акупаванай тэрыторыі ў цэлым (дак. 1, 3, 4, 6, 8, 9, 11, 12, 15, 17) і ў асобных гарадах і населеных пунктах (Брэст, Мінск, Віцебск, Гродна, Пінск, г.п. Рак, г.п. Гомель) (дак. 2, 5, 10, 13, 14, 16, 19, 21, 24, 25, 26) у прыватнасці; змяшчае звесткі аб падзеях, якія адбываліся ў адносінах да яўрэяў (дак. 5, 6, 8, 10, 14, 18, 19, 21, 22, 23, 25, 27, 28); паказвае факты арышту і расстрэлу мірнага насельніцтва і савецкіх вайскоўцаў (дак. 9, 11, 15, 16, 20) і інш. Адмысловай увагі чытача заслугоўваюць зводкі аб карнай дзейнасці айнзацгрупы В (дак. 2, 7, 12, 17). Так, са «Зводкі № 73 аб дзейнасці айнзацкаманд айнзацгрупы В на акупаванай тэрыторыі Беларусі ад 4 верасня 1941 г.» [1, с. 36–39] выцякае наступная інфармацыя: па стане на 20 жніўня 1941 г. агульная колькасць ліквідаваных асоб айнзацгрупай В складала 16 964 чалавекі, у тым ліку штабам і перадавой камандай «Масква» – 144 чалавекі, зондэркамандай 7а – 996 чалавек, зондэркамандай 8 – 6842 чалавекі, айнзацкамандай 9 – 8096 чалавек [1, с. 39]. Нагадаем чытачу, што за гады акупацыі на тэрыторыі Беларусі было забіта больш за 670 тысяч яўрэйскага насельніцтва.

Сярод матэрыялаў, сабраных аўтарамі-укладальнікамі ў рамках іншага тэматычнага поля, асабліваю цікавасць выклікаюць 24 дакументы аб стварэнні, дзейнасці і ліквідацыі Мінскага гета. Размова ідзе аб самым вялікім гета на акупаванай тэрыторыі Беларусі. З «Інфармацыйнай запіскі начальніка аддзялення разведаддзела БШПР І.С. Краўчанка аб стварэнні і дзейнасці гета ў г. Мінску» [1, с. 58–61] складаецца агульная карціна таго, што з моманту стварэння 19 ліпеня 1941 г. да даты яго поўнай ліквідацыі 23 кастрычніка 1943 г. адбывалася ў цэнтры акупаванай беларускай сталіцы, дзе на 40 вуліцах у адным з раёнаў горада было засяроджана 80 тысяч яўрэяў, а крыху пазней ужо да верасня – кастрычніка 1941 г. іх было каля 100 тысяч. Усе яўрэі павінны былі абавязкова насіць на спіне і на грудзях адметныя жоўтыя знакі. З гета габрэяў выпускалі толькі ў выключных выпадках – на працу. У апошнім выпадку трэба было абавязкова мець пропуск, прычым ісці можна было толькі па маставой. Ні ў якім разе не дазвалялася ісці па тратуарах; забаранялася заходзіць у сады і ў іншыя грамадскія месцы. За парушэнне гэтага пагражаў расстрэл на месцы [1, с. 59]. Пра рэгулярныя пагромы, аблавы, расстрэлы ў гета сведчылі падчас допыту яго былыя вязні, якія засталіся ў жывых, сярод іх: М.М. Зарэцкая (дак. 41), Н.Р. Шусер (дак. 42), Е.І. Рубеньчык (дак. 43), Я.М. Рубеньчык (дак. 44, 45), Н.І. Штэйн (док. 46), а таксама былыя нямецкія вайскоўцы і чыноўнікі нямецкай адміністрацыі К. Бухнер (дак. 47), Ф. К. Гес (дак. 48), Ф. Вольф (дак. 51), Э. Штоль (дак. 52, 53), былы Мінскі гарадскі камісар В. Янецке (дак. 49, 50).

Важна адзначыць, што ў лік вязняў Мінскага гета ўваходзілі амаль 7 000 яўрэяў, дэпартаваных у беларускую сталіцу з Аўстрыі, Германіі і Чэхаславакіі толькі з адной мэтай – іх знішчэння. Гэтую трагічную старонку раскрываюць 18 дакументаў, сабраных пад агульнай назвай «Дакументы аб дэпартацыі яўрэі з краін Еўропы ў Беларусь (24 кастрычніка 1941 г. – 15 мая 1943 г.)». Гэтае праблемнае поле пачынаецца «Цыркулярным лістом начальніка Галоўнага ўпраўлення паліцыі парадку РСХА К. Далюге аб дэпартацыі яўрэяў з Германіі, Аўстрыі і Чэхіі ад 24 кастрычніка 1941 г.» [1, с. 96]. У ім пазначана, што ў перыяд з 1 лістапада па 4 снежня 1941 г. паліцыя бяспекі ажыццявіць эвакуацыю 50 тысяч яўрэяў са старой тэрыторыі рэйха, з усходніх памежных абласцей і з пратэктарата Багеміі і Маравіі на ўсход у раён Рыгі і Мінска. Перасяленне ажыццяўляецца ў цягніках-транспартах, у кожны з якіх змяшчаецца прыкладна па тысячы чалавек. Транспартныя цягнікі фарміруюцца ў Берліне, Гановеры, Дортмундзе, Мюнстэры, Дзюсельдорфе, Кёльне, Франкфурце-на-Майне, Касэлі, Штутгарце, Нюрнбергу, Мюнхене, Вене, Брэслаў, Празе і Бруне. На справе да пачатку снежня ў Мінскае гета прыбылі 7

эшалонаў з яўрэямі з Гамбурга, Дзюсэльдорфа, Франкфурта-на-Майне, Берліна, Брэмена, Брно і Вены. Звернем ўвагу чытача таксама на «Данясенне начальніка аддзела IVа Упраўлення паліцыі бяспекі і СД Беларусі Буркхарда аб рашэнні габрэйскага пытання, не раней студзеня 1942 г.» [1, с. 132–136]. У ім зазначаецца, што ў самім Мінску цяпер пражывае каля 18 тыс. рускіх яўрэяў і 7 тыс. нямецкіх яўрэяў. Канчатковае рашэнне яўрэйскага пытання на беларускай тэрыторыі звязана са значнымі цяжкасцямі, паколькі менавіта тут яўрэі складаюць надзвычай высокі працэнт кваліфікаваных рабочых і спецыялістаў [1, с. 134].

Не менш важнай праблемай складальнікі зборніка паказваюць выкарыстанне мясцовага насельніцтва ў якасці працоўнай сілы на тэрыторыі Нямеччыны, чаму служаць усяго 6 дакументаў (дак. 89, 91, 94, 95), у тым ліку: «Распараджэнне камандуючага жандармерыяй Генеральнай акругі «Беларусь» палкоўніка Дзірмана аб вярбоўцы» [1, с. 142–143], «Са зводкі № 193 паліцыі бяспекі і СД Германіі аб прынцыпах вярбоўкі рабочай сілы на акупаванай тэрыторыі Беларусі» ад 17 красавіка 1942 г. [1, с. 151–152], «З інфармацыйнай запіскі рэдакцыі радыёстанцыі «Советская Белоруссия» сакратару ЦК КП(б)Б Т.С. Гарбунову аб уgone мірнага насельніцтва Беларускай ССР на прымусовыя працы ў Нямеччыну і аб злачынствах нямецкіх акупацыйных уладаў у г. Віцебску і Віцебскай вобласці» ад 21 ліпеня 1942 г. [1, с. 168–170], «Распараджэнне фюрара паліцыі бяспекі і СД Остланда аб захопе працаздольнага насельніцтва ў раёнах дзеяння партызан і адпраўцы яго на працы ў Нямеччыну» ад 16 лістапада 1942 г. [1, с. 170–171]. Нагадаем чытачу, што вынікам уgonу мірнага насельніцтва з тэрыторыі Беларусі ў рэйх стала амаль 400 тысяч беларускіх оstarбайтэраў, якія выкарыстоўваліся ў якасці працоўнай сілы на тэрыторыі германскага рэйха.

У ліку дакументаў, прадстаўленых у гэтым тэматычным блоку, аказаліся «Заўвагі і прапановы Міністэрства па справах акупаваных усходніх абласцей па генеральным плане «Ост» ад 27 красавіка 1942 г. [1, с. 152–153]. У гэтым дакуменце пастаўлена пытанне аб лёсе беларусаў. Як адзначана ў дакуменце, «згодна з планам, прадугледжваецца высяленне 75 працэнтаў беларускага насельніцтва з займаемай ім тэрыторыі. Значыць, 25 працэнтаў беларусаў, згодна з планам Галоўнага ўпраўлення імперскай бяспекі, падлягае анямечванню [...]». Наступнае пытанне, якое адлюстравана ў дакуменце, гэта вызначэнне месцаў для перасялення беларусаў, непрыдатных у расавых адносінах для анямечвання. Згодна з генеральным планам, яны павінны быць таксама пераселены ў Заходнюю Сібір [1, с. 152].

Акрамя гэтага дакумента трэба звярнуць увагу на інфармацыю камісіі ЦК КП(б)Б аб злачынствах, учыненых нямецкімі захопнікамі ў БССР у першы год акупацыі [1, с. 153–168]. Гэты аб'ёмны матэрыял, які змяшчае шматлікія факты аб зверствах і гвалце нямецкіх забойцаў над мірным насельніцтвам (с. 153–154), пра масавыя расстрэлы і пакаранні смерцю мірнага насельніцтва (с. 154–157), здзекі і знявагі жанчын і дзяўчат (с. 157–159), бамбардзіроўкі цывільнага насельніцтва, жанчын і дзяцей (с. 159), канцэнтрацыйныя лагеры і фашысцкія засценкі (с. 161–167).

Амаль два дзясяткі дакументаў, прадстаўленых на старонках зборніка, раскрываюць злачынны характар дзейнасці паліцыі бяспекі і СД Германіі на занятых усходніх абласцях падчас правядзення антыпартызанскіх карных аперацый «Свята ўраджаю 1 і 2» (12–26 лютага 1942 г.) (дак. 97, 98, 101–103), «Котбус» (18 чэрвеня – 1 ліпеня 1943 г.) (дак. 104, 105, 106, 107, 108), «Герман» (13 ліпеня – 11 жніўня 1943 г.) (дак. 110, 111).

Сярод дакументаў, якія раскрываюць новыя аспекты нямецкай палітыкі знішчэння і выпаленай зямлі, кідаюцца ў вочы паведамленні аб правядзенні сакрэтнай «Акцыі 1005» па знішчэнні месцаў масавых пахаванняў і слядоў злачынстваў на

захопленай беларускай тэрыторыі (дак. 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119). Рашэнне такой задачы дасягалася шляхам знішчэння масавых пахаванняў забітага нямецкімі акупантамі мірнага насельніцтва і савецкіх ваеннапалонных. Так, «З разведдадзеных штаба ваенна-аператыўнай групы пры Магілёўскім падпольным абкаме КП(б)Б на 10 снежня 1943 г. аб знішчэнні месцаў масавых пахаванняў забітага нямецкімі акупантамі насельніцтва на тэрыторыі Магілёўскай і Гомельскай абласцей», не раней за 10 снежня 1943 г., выцякае характар дзейнасці гэтай спецыяльнай каманды. Прытрымліваючыся дакумента, за першыя тры дні лістапада 1942 г. было вынята з трох ям 19000 тупаў, якія абліваліся гаручай вадкасцю і спальваліся. Выконвалі гэтыя работы савецкія ваеннапалонныя, якія потым расстрэльваліся і таксама спальваліся [1, с. 202].

Заклучную частку першага раздзела складаюць дакументы аб стварэнні германскім вермахтам у ходзе адступлення з часова захопленай савецкай тэрыторыі канцэнтрацыйнага лагера «Азарычы» (дак. 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128). На аснове скрупулёзнага аналізу названых вышэй дакументаў, а таксама асабістых паказанняў пакінутых у жывых вязняў (дак. 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135), былых вайскоўцаў вермахта (дак. 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143) чытач можа ўзнавіць агульную карціну трагедыі людзей, якія аказаліся закладнікамі ваенных падраздзяленняў вермахта. Звернемся да матэрыялаў Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі СССР аб знішчэнні гітлераўцамі савецкіх людзей шляхам заражэння іх сыпным тыфам.

Так, у «Выступленні памочніка Галоўнага абвінавачваўцы ад СССР Л.М. Смірнова на пасяджэнні Міжнароднага ваеннага трыбунала ў г. Нюрнбергу 14 лютага 1946 г.» [1, с. 259–262] былі агучаны наступныя факты: «19 сакавіка 1944 г. Беларускай ССР выявілі на прыгранічнай краі нямецкай абароны тры канцэнтрацыйныя лагеры, у якіх знаходзілася звыш 33 тысяч дзяцей, непрацаздольных жанчын і старых... Лагеры ўяўлялі сабой адкрыты пляц, абнесены калючым дротам. Подступы да іх былі замінраваны. Ніякіх пабудов, нават лёгкага тыпу, на тэрыторыі лагераў не было [...] Сярод вызваленых з гэтых лагераў дзяцей да трынаццацігадовага ўзросту было 15 960 чалавек, непрацаздольных жанчын – 13 072 і старых – 4448...» [1, с. 260].

У другім раздзеле зборніка апублікавана 35 дакументаў аб расследаванні злачынстваў нямецкіх акупантаў, учыненых нацыстамі на акупаванай тэрыторыі БССР. Амаль палова з іх знаёміць чытача з фактамі аб расследаванні злачынстваў у лагеры смерці Трасцянец, самым буйным месцы масавага знішчэння на акупаванай тэрыторыі Беларусі, дзе ў адпаведнасці з адным з дакументаў – «Даведкі начальніка аддзела Беларускай рэспубліканскай камісіі ЧДК СССР Г.Л. Логінава аб масавым знішчэнні грамадзянскага насельніцтва акупантамі ў Трасцянец ад 25 жніўня 1944 г.» было знішчана 206500 чалавек [1, с. 286].

Сярод дакументаў уважлівы чытач зверне ўвагу на іншы дакумент – «Акт Мінскай абласной камісіі ЧДК СССР аб злачынствах, учыненых нямецкімі акупантамі ў наваколлях вёскі Малы Трасцянец» ад 25 ліпеня 1944 г. [1, с. 282–285]. У ім гаворыцца, што «камісія, улічваючы паказанні сведак, колькасць і памеры магіл, колькасць тупаў і аб'ём попелу і костак у магілах, лічыць, што, паводле самых мінімальных падлікаў, у раёне лагера Трасцянец фашысцкімі людзедамі знішчана 546 тысяч чалавек, з іх у 34 магілах пахаваны рэшткі (попел і косці) 476 [тысяч] чалавек, у печы спалена 68 тысяч чалавек, у адрывах і на бярвеннях спалена 2000 чалавек» [1, с. 285]. Заўважым, што сярод дакументаў значнае месца займаюць паказанні былых зняволеных лагера Трасцянец (дак. 150, 151, 152, 153, 154, 155), акты жыхароў г. Мінска (дак. 148) і судова-медыцынскай экспертызы (дак. 156, 157, 158, 159), паказанні былых нямецкіх вайскоўцаў (дак. 161, 162, 163, 164). Адзначым пры гэтым, што складальнікі зборніка не даюць сваіх ацэнак і не пакідаюць каментарыяў у дачыненні да галоўнага пытання – дакладных колькасных дадзеных аб маштабах масавага знішчэння насельніцтва ў раёне вёскі Трасцянец у гады Вялікай Айчыннай вайны.

Другую палову раздзела складаюць дакументы, якія змяшчаюць «Звесткі Беларускай рэспубліканскай камісіі садзейнічання НДК СССР аб знішчэнні нямецкімі акупантамі мірных грамадзян і ваеннапалонных і ўгоне насельніцтва на прымусовыя работы ў Германію» ад ліпеня 1945 г. [1, с. 300–301], «Даведку Беларускай рэспубліканскай камісіі садзейнічання НДК СССР аб месцах масавага пахавання і спалення нямецкімі акупантамі мірных грамадзян і ваеннапалонных на тэрыторыі Беларускай ССР», не раней за 30 лістапада 1945 г. [1, с. 301–304], «Звесткі СНК БССР аб колькасці насельніцтва, выкрадзенага нямецкімі акупантамі на прымусовыя работы ў Германію з абласцей рэспублікі і якія вярнуліся на радзіму на 30 лістапада 1945 г.», не раней за 30 лістапада 1945 г. [1, с. 305], «Даведка Упаўнаважанага НДК СССР у БССР У.Ф. Табелева аб колькасці мірнага насельніцтва, знішчанага нямецкімі акупантамі і сагнанага на прымусовыя працы ў Германію» ад 1 снежня 1945 г. [1, с. 305], «Даведка Упаўнаважанага НДК СССР у БССР В.Ф. Табелева аб злачынствах, учыненых нямецкімі акупантамі ў рэспубліцы», не раней за 21 снежня 1945 г. [1, с. 305–307], «Даведка Беларускай рэспубліканскай камісіі садзейнічання НДК СССР аб колькасці мірнага насельніцтва, знішчанага нямецкімі акупантамі і сагнанага на прымусовыя працы ў Нямеччыну», не раней за 21 снежня 1945 г. [1, с. 307].

У заключэнні звернемся да матэрыялу аднаго з судовых працэсаў над нямецкімі ваеннымі злачынцамі, дзе прыведзены абагульняючыя даныя аб маштабах злачынстваў, учыненых нямецкімі акупантамі ў Беларускай ССР. Так, стэнаграма Мінскага судовага працэсу ад 15 студзеня 1946 г. змяшчае наступнае: «Як устаноўлена Надзвычайнай дзяржаўнай камісіяй па расследаванні злачынстваў, на тэрыторыі Беларускай ССР нямецка-фашысцкія захопнікі вынішчылі звыш 2 200 000 мірных савецкіх грамадзян і ваеннапалонных, сагналі ў нямецкае рабства каля 380 тысяч чалавек, разбурылі і спалілі 209 гарадоў, у тым ліку сталіцу беларускага народа – горад Мінск, гарады Гомель, Полацк, Віцебск, Орша, Барысаў, Слуцк і многія іншыя, і 9200 сёл і вёсак; разбурылі і вывезлі ў Германію 10338 прамысловых прадпрыемстваў; разбурылі і разрабавалі 10 000 калгасаў, 92 саўгасы; адабралі і вывезлі ў Германію 2 800 000 галоў буйной і 5 700 000 галоў дробнай жывёлы; знішчылі 1136 бальніц, паліклінік, амбулаторый, 1085 тэатраў, клубаў, школ, вышэйшыя навучальныя ўстановы і музеі» [1, с. 308–325].

Не менш важным для даследчыкаў з’яўляюцца 3 тэматычныя дадаткі: 1. Спіс месцаў прымусовага ўтрымання грамадзянскага насельніцтва на акупаванай тэрыторыі Беларусі (с. 407–470); 2. Спіс месцаў масавага знішчэння і дэпартацыі яўрэяў на акупаванай тэрыторыі Беларусі (с. 471–535) з указаннем месцаў знішчэння (с. 471–530) і месцаў дэпартацыі (с. 531–535); 3. Спіс нямецкіх карных аперацый, праведзеных у Беларусі ў 1941–1944 гг. (с. 536–553). Адзначым, што складальнікі зборніка стварылі спісы на аснове архіўных крыніц.

Такім чынам, нават частковы аналіз дакументаў зборніка паказвае іх незаменнасць як гістарычных крыніц для даследавання трагічных старонак гісторыі германскай акупацыі Беларусі 1941–1944 гг., асабліва ў сучасных умовах узмацнення ўвагі грамадскасці да аб’ектыўнага раскрыцця адной з самых складаных старонак ваеннага мінулага – фактычных наступстваў генацыду беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны [2; 3].

1. Без срока давности. Беларусь : преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол.: А. К. Демянюк (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Беларусь, 2024. – 607 с.

2. Геноцид белорусского народа = Genocide of the Belarusian people: информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; под общей редакцией А. И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2022. – 175 с.

3. Геноцид белорусского народа. Лагерь смерти = Genocide of the Belarusian people: Death camps / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; под общей редакцией А. И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2022. – 335 с.

Дулаў А.М.

УКЛАД НІНЫ ІВАНАЎНЫ ДАРАФЕЕНКА Ў ДАСЛЕДАВАННЕ ПОДЗВІГУ ВЕРЫ ЗАХАРАЎНЫ ХАРУЖАЙ У АКУПАВАНЫМ ВІЦЕБСКУ

У сучаснай беларускай гістарыяграфіі адсутнічае ґрунтоўная навуковая біяграфія Героя Савецкага Саюза Веры Захараўны Харужай, хаця яе неабходнасць наспела ўжо даўно. У той жа час у перыядычным друку і ў сеціве апублікаваны цэлы шэраг артыкулаў, прысвечаных легендарнай удзельніцы вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі і падпольшчыцы перыяду Вялікай Айчыннай вайны. Але многія з іх павярхоўныя, утрымліваюць шматлікія недакладнасці і фактычныя памылкі. Асабліва шмат міфаў існуе ў адносінах падпольнай дзейнасці Веры Захараўны ў Віцебску. Яны прысутнічаюць нават у вучэбных і навукова-папулярных выданнях. Так распаўсюджаны меркаванні, што Вера Харужая альбо прыйшла ў горад разам з групай жанчын-разведчыц, накіраваных з Масквы, і разгарнула падпольную дзейнасць, альбо стварыла і ўзначаліла тут падпольную групу. Гэта тым больш здзіўляе, бо віцебскія старонкі біяграфіі В.З. Харужай былі ґрунтоўна даследаваны яшчэ ў другой палове XX ст. Нінай Іванаўнай Дарафеенка (1923–2015). Мэта нашай працы – раскрыць уклад Н.І. Дарафеенка ў навуковае вивучэнне подзвігу В.З. Харужай у акупаваным Віцебску.

Ніна Іванаўна Дарафеенка невыпадкава абрала тэму сваіх даследаванняў. У гады Вялікай Айчыннай вайны яна сама была падпольшчыцай і партызанкай брыгады Аляксея. Пасля вайны Ніна Іванаўна стала гісторыкам, шмат гадоў выкладала ў Віцебскім дзяржаўным педагагічным інстытуце імя С.М. Кірава (сёння – Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава), абараніла кандыдацкую дысертацыю “Витебское партийное, патриотическое подполье в годы Великой Отечественной войны (июль 1941 – июнь 1944 г.)” (1968) [8; 9; 10]. Тэма антыфашысцкай барацьбы была блізкай і мужу Ніны Іванаўны – Мікалаю Уладзіміравічу Дарафеенку, які падчас вайны быў лётчыкам-знішчальнікам, а пасля стаў журналістам, працаваў на партыйнай і савецкай рабоце, узначальваў камітэт па радыёвяшчанні і тэлебачанні Віцебскага аблвыканкама, доўгі час з’яўляўся галоўным рэдактарам газеты “Віцебскі рабочы” [14]. Вывучэнне падпольнай барацьбы Ніна Іванаўна і Мікалай Уладзіміравіч успрымалі як асабісты абавязак, маральны доўг перад змагарамі з нацызмам.

Менавіта М.У. Дарафеенка літаратурна апрацаваў тэкст дысертацыі Ніны Іванаўны, што дазволіла выдаць кнігу, якая па сённяшні дзень ёсць у сем’ях многіх віцяблян – “Витебское подполье”. Арганізацыйную працу па падрыхтоўцы выдання выканаў М.І. Пахомаў. Упершыню кніга пабачыла свет у 1969 г. [12]. Другое, перапрацаванае і дапоўненае выданне з’явілася ў 1974 г. да святкавання Тысячагоддзя Віцебска і 30-годдзя вызвалення горада ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў [13]. Менавіта яно было пакладзена ў аснову выдання 2024 г. [7].

Тэма подзвігу Веры Харужай у акупаваным Віцебску прыцягнула ўвагу даследчыцы яшчэ падчас працы над кандыдацкай дысертацыяй. Незадоўга да гэтага, у 1960 г., Веры Захараўне пасмяротна было прысвоена званне Героя Савецкага Саюза – вышэйшая ступень адзнакі ў СССР. Не будзе перабольшаннем сказаць, што ў зацікаўленасці Ніны Іванаўны падпольнай дзейнасцю В.З. Харужай прысутнічаў асабісты аспект: даследчыца сама ў гады вайны змагалася за Радзіму і, відавочна, адчувала духоўную еднасць з Верай Захараўнай. Пазней у адным з інтэрв’ю, адказваючы на пытанне, як Вера Захараўна магла пакінуць чатырохмесячнае дзіця і накіравацца ў варожы тыл, Н.І. Дарафеенка сказала: «Да поймите вы, она знала, что ей, опытной подпольщице, нет замены на этом участке. Не было бы самопожертвования,

не было бы и Победы. Личность Хоружей, её характер и отношение к делу меня восхищают» [цит. па: 11, с. 2].

Першая публікацыя Ніны Іванаўны Дарафеенка, прысвечаная дзейнасці В.З. Харужай у Віцебску ў 1942 г., пабачыла свет яшчэ ў 1967 г. [1]. У адносна невялікім артыкуле на аснове крыніц, якія ўводзіліся ў навуковы ўжытак аўтарам, былі абазначаны ключавыя палажэнні, што вынікалі з праведзенага даследавання (хаця і не ўсе з іх у завершаным выглядзе), а таксама рэканструйвана падпольная дзейнасць Веры Захараўны ў Віцебску:

1) група В.З. Харужай з 18 чалавек накіроўвалася з Вялікай зямлі ў акупаваны гітлераўцамі Віцебск, бо было неабходна ўсталяваць сувязь паміж дзясяткамі падпольных партыйных і камсамольскіх арганізацый, “... стварыць адзіны цэнтр, які б каардынаваў работу падпольшчыкаў” [1, с. 2];

2) з групы В.З. Харужай першапачаткова трапілі ў Віцебск Дуся Суранава і Тоня Ермаковіч, пасля чаго Тоня, якая пачынае выконваць ролю сувязной, і кастрычніка прывяла ў горад і Веру Харужую (дзейнічала пад сімвалічным псеўданімам Ганна Сяргееўна Карнілава, які ўключаў імёны пакінутых у тыле маленькіх дачкі і сына, а таксама прозвішча мужа-партызана, загінуўшага ў баях з гітлераўцамі). Дуся і Вера спыніліся ў сям’і Вараб’ёвых і распачалі дзейнасць па праверцы 118 адрасоў, атрыманых ад адказнага арганізатара абкама КП(б)Б па Віцебску В. Кудзінава [1, с. 2];

3) адразу ж стала відавочнай ненадзейнасць дакументаў і неабходнасць карэктаваў загадзя распрацаванага плана, але Вера Захараўна не здалася і ва ўмовах штодзённых аблаў з ненадзейным пашпартам працягвала сваю дзейнасць па ўстанаўленні сувязяў з патрыётамі (А. Волат, М. Мацэнка, М. Гульбе, М. Оскер, З. Шаракова, А. Ліпці і С. Сюдаболь) [1, с. 3–4];

4) як сведчаць лісты В.З. Харужай з Віцебска, гэта праца была эфектыўнай, бо дазволіла савецкаму камандаванню атрымліваць карысныя разведданыя, у прыватнасці, пра перамяшчэнне нямецкіх вайсковых часцей і аэрадром [1, с. 3];

5) 13 лістапада Вера Харужая, Еўдакія Суранава, сям’я Вараб’ёвых (Марыя Вараб’ёва (“бабуля Маша”), яе сын Васіль з жонкай Агаф’яй і Ганна Васільева, другая нявестка Марыі Ігнатаўны), а таксама партызанская сувязная Клаўдзія Балдачова і Соф’я Панкова (паплечніца Веры яшчэ па Заходняй Беларусі, удзельніца маскоўскай групы), якія ў гэты дзень прыйшлі да Вараб’ёвых, былі арыштаваны паліцыяй. Першапачаткова іх змясцілі ў гарадской турме па Суражскай шашы, але праз пяць дзён перавялі ў турму СД на Успенскай горцы, дзе пасля першага допыту Веру Харужую, Дусю Суранаву і Соф’ю Панкову ізалявалі ад астатніх [1, с. 4];

6) сведкам апошніх дзён жыцця В.З. Харужай стала Ганна Кіташова, якая цудам выжыла у засценках СД; 4 снежня 1942 г. Вера Захараўна разам з палечнікамі і многімі іншымі вязнямі была расстраляна гітлераўцамі [1, с. 4].

Артыкул паслужыў асновай раздэла “Вера Хоружая в Витебске” кнігі “Витебское подполье”. Тэкст быў пашыраны. Тут названа больш імёнаў савецкіх патрыётаў, якія дапамагалі Веры Захараўне, паказана, якім чынам вялася падрыхтоўка маскоўскай групы да падпольнай барацьбы, скарыстана паняцце “витебская подпольная группа Хоружей” [12, с. 96] у дачыненні да патрыётаў, якіх Вера Захараўна згуртавала вакол сябе. Да гэтага паняцця Н.І. Дарафеенка вернецца ў апошняй публікацыі. У кнізе была акцэнтавана мэта пасылкі В.З. Харужай у Віцебск, у якім дзейнічала ўжо 56 падпольных груп. “Эта огромная армия патриотов наносила весьма ощутимые удары по врагу. Но для того, чтобы их действия были еще более эффективными, нужно было усилить руководство подпольем в городе. Посылка в витебское подполье опытной и закаленной революционерки-подпольщицы Веры Захаровны Хоружей и была попыткой создать руководящий центр в городе” [12, с. 91–92].

Аўтарамі адзначалася, што пасля арышту падпольшчыкаў ніхто не сказаў гітлераўцам ні слова, акрамя Ганны Васільевай, другой нявесткі “бабулі Машы”, якая на вочнай стаўцы назвала не псеўданім Веры Харужай, а яе сапраўднае імя.

Менавіта ў кнізе “Витебское подполье” ўпершыню была абгрунтавана гіпотэза аб месцы смерці В.З. Харужай: “Известно также, что большинство подпольщиков, потерпевших провал в декабре 1942 года, а также в январе – марте 1943 года, было расстреляно на территории бывшего 5-го железнодорожного полка. Именно там, среди десятков тысяч жертв фашизма, покоится прах В.З. Хоружей и ее боевых друзей. Они погибли, как солдаты в бою” [12, с. 103–104].

Да абставін падзвігу В.З. Харужай Ніна Іванаўна звярнулася ўжо ў новых гістарычных умовах у 1990–2000-я гг. Штуршком, відавочна, паслужыла падрыхтоўка кнігі “Памяць: Віцебск”, пра што пісала сама Ніна Іванаўна ў грунтоўным артыкуле ў газеце “Віцебскі рабочы”, адзначаючы ў сувязі з гэтым у “нейкай ступені пошукавы” характар матэрыялу. Тут даследчыца падкрэсліла, што не ўсе сувязі В.З. Харужай у віцебскім падполлі ўдалося раскрыць, у тым ліку таму, што яе пісьмы друкаваліся з купюрамі, прычым “... кожны, хто рыхтаваў тую або іншую публікацыю, скарочваў пісьмы па сваёй прыхамаці” [6, 6 ліп., с. 3].

Значную ўвагу надала Ніна Іванаўна раскрыццю праблемы матэрыяльнага забеспячэння падпольнай дзейнасці В.З. Харужай. Гісторык паказала: грошы і каштоўнасці, якія прызначаліся для групы Веры Захараўны, да яе не дайшлі; у Еўдаккі Суранавай і Веры Харужай не было дакументаў, якія б далі магчымасць легалізавацца ў Віцебску і ўладкавацца на працу, што дазволіла б атрымаць прадуктовыя карткі; у выніку патрыёткі апынуліся ў горадзе без аніякіх фінансавых сродкаў, што вельмі ўскладняла іх дзейнасць, часам амаль галадалі. Сталася так галоўным чынам па віне першага сакратара падпольнага абкама КП(б)Б І.А. Стулава [6, 6 ліп., с. 3]. А сакратар ЦК КП(б)Б Г.Б. Эйдзінаў чамусьці не звяртаў увагі на крык душы Веры Захараўны пра адсутнасць грошай, які прарываўся ў яе пісьмах, хаця і імкнуўся вырашыць праблему з адсутнасцю дакументаў [6, 8 ліп., с. 5]. Яшчэ адной праблемай было тое, што перад адпраўкай групы В.З. Харужай з Масквы ў яе забралі падрыхтаваную радыстку [6, 8 ліп., с. 5].

Н.І. Дарафееўна атрымала магчымасць сказаць і пра рознагалоссі, што існавалі паміж Верай Захараўнай і Сямёнам Васільевічам Юрыным (“Васільевым”), кіраўніком апэратыўна-чэкісцкай групы, які рыхтаваў дакументы і “легенду” для засылкі маскоўскай групы Харужай у Віцебск [6, 8 ліп., с. 5]. З-за таго, што Юрын падазраваў усіх і кожнага, цяпелі падпольшчыкі, у прыватнасці, кіраўнік групы медработнікаў Ксенія Сяргееўна Акаловіч, якая адчула пагрозу правалу, выратавалася ад нацыстаў і дабралася да партызан. Але яе паказанні Юрын не ўзяў на веру, нягледзячы на пазітыўную характарыстыку Ксеніі Сяргееўны ў пісьме В.З. Харужай. У выніку падпольшчыца атрымала 10 гадоў турмы і вымушана была пасля зусім хворага жыцця ў сястры ў Ленінградзе, хаваючыся пад ложкам, бо ёй было забаронена пражыванне ў буйных гарадах [6, 8 ліп., с. 5].

У дадзенай публікацыі Ніна Іванаўна зноў вымушана была са спасылкамі на крыніцы абгрунтаваць мэту накіравання В.З. Харужай у Віцебск: стварэнне падпольнага партыйнага цэнтра. У доказ свайго меркавання аўтар не толькі прывяла цытату з архіўнага дакумента, якая сведчыць пра мэту накіравання Харужай у Віцебск: “Включить в состав подпольного партийного центра в Витебске”, які насамрэч неабходна было стварыць), але і спаслалася на гутарку з Р.Б. Эйдзінавым, які сказаў, што В.З. Харужая – “революционерка высшего класса” – была накіравана ў Віцебск як “эmissар ЦК с очень широкими полномочиями” [6, 13 ліп., с. 3].

Аўтар робіць выснову, што мэта Верай Захараўнай была дасягнута: “Як бачым, за вельмі кароткі час, у найскладанейшых умовах Харужая змагла зрабіць у Віцебску многае. Яна стварыла тут кіруючы цэнтр, дзеля якога пасылалася. Ён дзейнічаў з 27 верасня да 13 лістапада 1942 г. Амаль з усіх канцоў горада, з важнейшых яго аб’ектаў паступала да Харужай інфармацыя: з чыгункі – ад групы “Радзіма” і брата Мацэнка, аб аэрадроме – ад Шаракавай, Оскер, ваеннапалонных, цэнтр горада быў у полі зроку групы Ліпці. <...> Аб тым, што партыйны кіруючы цэнтр працаваў эфектыўна, сведчыць ацэнка Эйдзінава. У гутарцы з аўтарамі кнігі «Витебское подполье» ён сказаў так: «Для действий фронтовой авиации она (*г.зн. Вера*. – *Аўт.*) дала больше, чем дано за многое время до нее. Ее информация поступала сразу же в штаб армии, штаб фронта, в ЦК...». Мы лічым, што кіруючай часткай цэнтра, яго асновай (з кім раілася Вера) з’яўляліся: В.З. Харужая, Е.С. Суранава, В.С. Вараб’ёў, М.І. Гульбе” [6, 15 ліп., с. 5]. Вялікую ўвагу ў артыкуле аўтар надала лёсу маскоўскай групы Харужай і яе ўдзельніц [6, 15 ліп., с. 5].

У 1995 годзе выйшаў зборнік навукова-практычнай канферэнцыі “Вайна вядомая і невядомая”, якая была прысвечана 50-годдзю вызвалення Віцебска ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў і адбылася ў чэрвені 1994 г. Паколькі прадстаўнікі айчынай гістарыяграфіі працягвалі лічыць, што В.З. Харужая была кіраўніком адной з падпольных груп у Віцебску, Ніна Іванаўна зрабіла прадметам свайго даклада і, адпаведна, публікацыі ў зборніку спробы арганізацыі падпольнага партыйнага цэнтра ў Віцебску [4]. Накіраванне ў горад В.З. Харужай стала ўжо трэцяй такой спробай [4, с. 83] і першай эфектыўнай, хаця і кароткатэрміновай.

Важкім доказам у сістэме аргументацыі Н.І. Дарафеенка стаў сам характар дзейнасці Веры Захараўны ў горадзе, які адлюстроўваў атрыманае ёю заданне: “Нашы пошукі і знаходкі даюць права сказаць, што Вера стварыла не групу, а ўстанавіла сувязь з многімі падпольнымі групамі і падпольшчыкамі-адзіночкамі, прыцягнула да работы новых людзей. Яна накіроўвала дзейнасць падполля, давала заданні, вучыла канспірацыі. ... Яе сустрэчы з падпольшчыкамі насілі характар інструктажа, парад, перасцярог, давалі зарад духоўных сіл” [4, с. 87].

Н.І. Дарафеенка, палемізуючы з аўтарамі, якія сцвярджалі, што В.З. Харужая ўзначальвала ў Віцебску падпольную групу, падкрэслівала: “Назва ж “група Харужай” адносіцца да той групы з 18 жанчын, якія выехалі з Верай з Масквы і прыбылі ў Віцебскі абкам партыі. У Віцебску пабывалі толькі Суранава, Ермаковіч, Панкова і Іванькова. Апошняя пасылалася, каб высветліць абставіны правалу Веры. Астатнія члены яе групы дачынення да дзейнасці Веры ў Віцебску не мелі, а чацвёрта з іх нават не трапілі ў тыл ворага” [4, с. 87].

У высновах аўтар падкрэсліла мужнасць Веры Захараўны і яе паплечнікаў, якія падчас допытаў і катаванняў нікога не выдалі. Падпольныя групы і змагары, звязаныя з Харужай, працягнулі барацьбу.

Менавіта разгледжаны вышэй тэкст з пэўнымі змяненнямі і дапаўненнямі быў пакладзены ў аснову артыкула аб подзвігу Веры Харужай у кнізе “Памяць”. Відавочна, Ніна Іванаўна палічыла больш важнай справай зрабіць акцэнт не на цяжкасцях, насуперак якім дзейнічала Вера Захараўна ў акупаваным горадзе і якія сталі прычынамі яе правалу, а на маштабах і значэнні зробленай ёю работы [5]. Такі ж падыход уласцівы і для двух наступных артыкулаў па праблеме [3; 2].

Апошні з іх быў падрыхтаваны пры нашым удзеле. У навуковы ўжытак была ўведзена копія схемы В.Р. Кудзінава, у гады вайны – адказнага арганізатара абкама партыі па г. Віцебску, якая адлюстравала сувязі В.З. Харужай у Віцебскім падполлі і была перададзена Ніне Іванаўне складальнікам у 1960-я гг. З апорай на гэту крыніцу

Н.І. Дарафеенка палічыла неабходным яшчэ раз расставіць акцэнт у пытанні аб укладзе В.З. Харужай у падпольную барацьбу з ворагам [2].

Такім чынам, Ніна Іванаўна Дарафеенка, якая прысвяціла жыццё раскрыццю гістарычнай праўды пра дзейнасць патрыятычнага падполля ў Віцебску, унесла значны ўклад у даследаванне ролі ў барацьбе з ворагам Веры Захараўны Харужай. На падставе шырокага кола крыніц (архіўныя дакументы, пісьмы В.З. Харужай з акупаванага горада, успаміны ўдзельнікаў падзей, схема сувязей Харужай у падполлі, складзеная В.Р. Кудзінавым) даследчыца пераканаўча даказала: Вера Харужая была накіравана ў Віцебск для стварэння кіруючага падпольнага цэнтра і, нягледзячы на надзвычай складаныя, небяспечныя ўмовы дзейнасці, справілася з заданнем. За паўтара месяца патрыётка паспела зрабіць шмат. Усталяванне сувязяў з многімі падпольнымі групамі і асобнымі патрыётамі дазволіла ёй акумуляваць і перадаваць у Цэнтр вельмі карысную інфармацыю. Нягледзячы на жорсткія катаванні, Вера Захараўна і яе паплечнікі нікога не выдалі, загінулі, але маральна перамаглі гітлераўскіх катаў.

Спадзяемся, што вынікі грунтоўных даследаванняў подзвігу В.З. Харужай, атрыманыя Н.І. Дарафеенка, урэшце знойдуць адлюстраванне ў вучэбнай літаратуры, публіцыстыцы і навуковай біяграфіі Веры Захараўны, якая мае быць створана.

1. Дарафеенка Н.І. Апошняя старонка [Пра апошнія месяцы жыцця і барацьбы В. Харужай] / Н.І. Дарафеенка // Літаратура і мастацтва. – 1967. – 1 снеж. – С. 2–3, 4.
2. Дарафеенка, Н. І. У адпаведнасці з праўдай гісторыі: Роля В.З. Харужай у дзейнасці Віцебскага падполля / Н. І. Дарафеенка, А. М. Дулаў // Беларуская думка. – 2011. – № 6. – С. 21–25.
3. Дарафеенка, Н. І. Аб Веры Харужай – новае слова / Н. І. Дарафеенка // Віцебшчына ў 1941–1944 гг.: Супраціў. Вызваленне. Памяць: матэрыялы рэсп. навуц.-практ. канф., Віцебск, 18–19 чэрвеня 2009 г. / Віц. дзярж. ун-т; рэдкал.: В.У. Акуневіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”. – С. 110–117.
4. Дарафеенка, Н. І. Аб кіруючым падпольным цэнтры ў Віцебску (1941–1943). Новы погляд на абставіны падпольнай дзейнасці В.З. Харужай / Н. І. Дарафеенка // Война известная и неизвестная: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию освобождения Витебщины от немецко-фашистских захватчиков, 15–16 июня 1994 г. – Витебск: Витебский областной краеведческий музей, 1995. – С. 80–88.
5. Дарафеенка, Н. І. Подзвіг Веры Харужай у Віцебску / Н. І. Дарафеенка // Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Віцебска: у 2 кн. / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелЭн, 2002. – Кн. 1. – С. 471–478.
6. Дарафеенка, Н.І. Ды не прыстала нідзе ты, не збочыла ... [Пра падпольную дзейнасць В. Харужай у Віцебску] / Н.І. Дарафеенка // Віцебскі рабочы. – 1993. – 6 ліпеня. – С. 3; 8 ліпеня. – С. 5; 13 ліпеня. – С. 3; 15 ліпеня. – С. 5; 20 ліпеня. – С. 3.
7. Дорофеенко, Н. И. Витебское подполье / Н. И. Дорофеенко, Н. В. Дорофеенко, Н. И. Пахомов; сост. А. Н. Дулов [и др.]; авт. предисл. А. Н. Дулов. – Минск: Звязда, 2024. – 256, [32] с. : ил.
8. Дулаў, А. М. Гісторыя віцебскага падполля ў працах Н.І. Дарафеенка / А. М. Дулаў // Вклад белорусского народа в Великую Победу: материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 27 ноября 2009 г. / ред. кол.: Е. А. Гребень (отв. ред.) [и др.] – Минск: БГАТУ, 2010. – С. 88–95.
9. Дулаў, А. М. Н.І. Дарафеенка – удзельніца руху супраціўлення і даследчыца Віцебскага падполля / А. М. Дулаў // Віцебшчына ў 1941–1944 гг.: Супраціў. Вызваленне. Памяць: матэрыялы рэсп. навуц.-практ. канф., Віцебск, 18–19 чэрвеня 2009 г. / Віц. дзярж. ун-т; рэдкал.: В. У. Акуневіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”. – С. 117–128.
10. Дулаў, А. М. Патрыётка, даследчыца, педагог: памяці Ніны Іванаўны Дарафеенка / А. М. Дулаў // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXI(68) Регион. науч.-практ. конференции преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 11–12 февраля 2016 г.: в 2 т. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – Т. 1. – С. 272–275.
11. Крупица, Н. «... Были люди, у которых были лица...» / Н. Крупица // Віцьбічы. – 2003. – 17 сент. – С. 2.
12. Пахомов, Н. И. Витебское подполье / Н. И. Пахомов, Н. И. Дорофеенко, Н. В. Дорофеенко. – Минск: Беларусь, 1969. – 240 с.
13. Пахомов, Н. И. Витебское подполье / Н. И. Пахомов, Н. И. Дорофеенко, Н. В. Дорофеенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Беларусь, 1974. – 248 с.
14. Скапа, У. Вернасьць прызнанню [М.У. Дарафеенка] / У. Скапа // Віцебскі рабочы – 80 год / Рэдакцыя абласной газеты “Віцебскі рабочы”. – Віцебск, 1997. – С. 141–144.

Колобаева У.А.
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО ПАРТИЗАН БЕЛАРУСИ:
ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВ

Ключевые слова: Великая Отечественная война, изобразительное творчество, культурно-просветительская работа, партизанское движение, рукописные газеты.

При изучении партизанского движения на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны основное внимание исследователями было уделено вопросам боевой и диверсионной деятельности «народных мстителей», руководящей роли Коммунистической партии, интернационализма партизанской борьбы. Для этого использовался огромный по своему видовому разнообразию и информативности комплекс партизанских документов [1; 2], а также многочисленные историографические наработки [3; 4].

Вместе с этим отметим, что долгое время вне поля зрения ученых и архивистов оставалась тема изобразительного творчества партизан Беларуси и соответствующего корпуса архивных и музейных документов. Этот аспект деятельности «народных мстителей» крайне важен для комплексного понимания культурно-просветительской деятельности «лесных солдат». Это связано с междисциплинарным характером темы (на стыке истории, источниковедения и искусствоведения), что требует необходимых навыков и знаний.

Война вынудила взять оружие в руки не только кадровых военных, но и представителей мирных профессий. В ряды партизан вступили и художники, которые внесли значительный вклад в Победу над врагом. Очевидцы многих военных событий смогли создать произведения, передающие все тяготы военного времени.

Впервые эта тема была поднята еще в конце Великой Отечественной войны [5]. Ее исследование было продолжено советскими учеными в послевоенный период, в том числе в контексте изучения общих процессов в искусстве [6–8]. В указанных работах рассматриваются отдельные направления изобразительного творчества партизан Беларуси, определяются основные виды изобразительных произведений: портрет, бытовые и боевые зарисовки, рукописные боевые листки и газеты. Среди основных тем и сюжетов: боевые операции, партизанская повседневность, агитационные материалы, сатирические рисунки.

На современном этапе историки также обращались к этой теме. Это связано с возможностью работать с архивными документами, которые ранее были закрыты. Необходимо отметить и влияние таких направлений как «социальная история» и «история повседневности». Белорусскими исследователями в последние годы написан ряд статей [9; 10]. В них авторы на конкретных примерах показывают процесс становления и развития изобразительного творчества партизан Беларуси, а также рассказывают о рисовальщиках и художниках.

Отдельно отметим работы Г.Ф. Шауро. В 2009 г. он защитил докторскую диссертацию «Развитие народного изобразительного искусства Беларуси конца XVIII – начала XXI в.: историко-теоретический аспект» [11], параграф 3.2. которой «Изобразительное искусство художников-партизан на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны» был посвящен рассматриваемой проблеме. Также профессором Шауро написан ряд статей по данной теме [12–14].

Наиболее информативными по своему содержанию являются издаваемые полновесные каталоги [15–17], альбомы [18; 19]. Так, Белорусским государственным музеем истории Великой Отечественной войны опубликована серия изданий (каталогов), посвященных партизанским рукописным газетам. Коллекция этих

уникальных источников начала формироваться еще в военное время благодаря работе комиссии по сбору сведений и материалов по истории Великой Отечественной войны, созданной по распоряжению ЦК КП(б)Б 2 июня 1942 г., а основная часть коллекции создавалась в результате поступлений в первое послевоенное десятилетие.

Ретроспективный взгляд на эти источники раскрывает культуру, менталитет и социальную культуру нашего народа. Их изучение помогает выявить ранее неизвестные страницы истории партизанской борьбы, более полно раскрыть события, имена неизвестных героев, затронуть многие жизненно важные сферы духовной жизни народа.

Многочисленные изобразительные произведения художников-партизан опубликованы в альбомах «Изобразительное творчество партизан», изданных Национальным архивом Республики Беларусь. Документы систематизированы по разделам: «Партизанские портреты», «Боевые операции», «Партизанский быт», «Партизанский юмор и сатира», «Боевые листки и стенгазеты».

Источниковая база для изучения темы также разнообразна. Изобразительные материалы представлены, в первую очередь, в историях партизанских бригад и отрядов (Ф. 1450. Оп. 4). В этих «книгах» материал богато иллюстрирован зарисовками, рисунками и т.д.

При изучении данной темы необходимо сказать о кадровых документах Белорусского штаба партизанского движения, которые касаются видных художников и рисовальщиков. На территории Беларуси в партизанских отрядах сражались как начинающие авторы, так и профессиональные художники: Г. Бржозовский, Л. Бойко, В. Громыко [20, л. 32, 33.], Н. Гутиев [21, л. 177–179], В. Суховерхов [22 л. 35; 23, л. 106–107], С. Романов и др.

Изобразительное творчество партизан Беларуси в годы Великой Отечественной войны представляет собой важный источник истории того времени. Художественные работы иллюстрируют различные события и эпизоды борьбы советского народа в период немецкой оккупации, позволяют более глубоко понять духовные и моральные устремления людей того времени. Не случайно изучение данной темы, начатое еще в военные годы, продолжается и сегодня.

1. Кулинок, С. В. Фонд Белорусского штаба партизанского движения: формирование, состав, использование. По документам Национального архива Республики Беларусь. К 75-летию создания БШПД / С. В. Кулинок // Вестник архивиста. – 2017. – № 3. – С. 84–98.

2. Кулинок, С. В. Объединенные архивные фонды партизанских соединений в Беларуси: формирование, состав, использование (к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне) / С. В. Кулинок // Беларускі археаграфічны штогоднік. – 2020. – Вып. 21. – С. 5–10.

3. Беларуская ССР у Вялікай Айчыннай вайне Савецкага Саюза (1941–1945 гг.): бібліяграфічны паказальнік літаратуры (1941–1971 гг.) / Дзяржаўная бібліятэка БССР імя У.І. Леніна, Інстытут гісторыі Акадэміі навук БССР ; склад.: Р. М. Чыгірова, Э. І. Ляўко ; пад рэд. Р. Р. Кручка. – Мінск : Дзяржбібліятэка БССР, 1980. – 299 с.

4. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне (1941–1945) : бібліяграфічны паказальнік / НБ Беларусі ; склад.: З. А. Сядая, Р. С. Собаль ; рэд.: Р. М. Чыгірова, А. В. Мураўева, І. І. Кубатава. – Мінск, 1995. – 435 с.

5. Алмоєва, В. Выставка белорусских художников : Обзор произведений белорусских художников, созданных в годы Великой Отечественной войны / В. Алмоєва // Славяне. – 1944. – № 5. – С. 35–36.

6. Кацар, М. С. Беларускае выяўленчае мастацтва перыяду Вялікай Айчыннай вайны [1941–1945 гг.] / М. С. Кацар // Нарысы па гісторыі выяўленчага мастацтва Савецкай Беларусі / М. С. Кацар. – Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1960. – С. 81–99.

7. Орлова, М. А. Художники Белорусской ССР в годы Великой Отечественной войны / М. А. Орлова // Искусство Советской Белоруссии : очерки / М. А. Орлова. – М. : Издательство Академии художеств СССР, 1960. – С. 114–134.

8. Шматаў, В. Ф. Аб беларускай сатырычнай графіцы ў гады Вялікай Айчыннай вайны / В. Ф. Шматаў // Беларуская сатырычная графіка (1945–1970) / В. Ф. Шматаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1971. – С. 20–23.

9. Пацыенка, С. А. Крыніцы даследавання арганізацыі мастацкай творчасці партызан на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны / С. А. Пацыенка // Культура. Науча. Творчасць : сб. науч. ст. – Вып. 14. – Мінск, 2020. – С. 83–87.

10. Вязович, Л. П. Рисунки партизанских художников отряда имени Чапаева партизанской бригады «Дяди Коли» / Л. П. Вязович // Антифашистское сопротивление (1941–1944): история и историческая память : Материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 30 ноября 2022 года). – Минск, 2023. – С. 63–70.

11. Шауро, Г. Ф. Развитие народного изобразительного искусства Беларуси конца XVIII – начала XXI в.: историко-теоретический аспект : дис. ... д-ра искусствоведения : 17.00.09 / Шауро Григорий Федорович. – Минск, 2009. – 357 л.
12. Шауро, Г. Ф. Изобразительное творчество художников-партизан на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны / Г. Ф. Шауро // Матэрыялы XX Міжнародных Кірыла-Мяфодзіеўскіх чытанняў, прысвечаных Дням славянскага пісьменства і культуры (Мінск, 20–23 мая 2014 г.) / рэдкал.: В. Р. Языковіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2014. – С. 280–285.
13. Шауро, Г. Ф. Графический портрет в изобразительной летописи художников-партизан Беларуси / Г. Ф. Шауро // Культура. Наука. Творчество : сб. науч. ст. – Вып. 9. – Минск, 2016. – С. 250–253.
14. Шаура, Р. Ф. Выяўленчы летапіс гераічнай народнай барацьбы ў гады Вялікай Айчыннай вайны / Р. Ф. Шаура // Культура. Наука. Творчество : сб. науч. ст. – Вып. 13. – Минск, 2019. – С. 541–547.
15. Партизанскія рукапісныя часопісы Магілёўскай вобласці : каталог / Беларускі дзяржаўны музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны ; аўт.-склад. Н. І. Філіповіч. – Мінск : БудМедыяПраект, 2016. – 368 с.
16. Партизанскія рукапісныя часопісы Мінскай вобласці : каталог / Беларускі дзяржаўны музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны ; аўт.-склад. Н. І. Філіповіч. – Мінск : БелЭН імя Петруся Броўкі, 2017. – 364 с.
17. Партизанскія рукапісныя часопісы Белаастоцкай, Брэсцкай, Вілейскай, Віцебскай, Гомельскай абласцей : каталог / Беларускі дзяржаўны музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны ; аўт.-склад. Н. І. Філіповіч. – Мінск : БудМедыяПраект, 2018. – 240 с.
18. Изобразительное творчество партизан : история партизанского движения / Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Национальный архив Республики Беларусь. – Минск : Колорград, 2022. – 104 с.
19. Изобразительное творчество партизан : история партизанского движения / Министерство юстиции Республики Беларусь, Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Национальный архив Республики Беларусь ; сост. С. В. Кулинок. – Минск : Беларусь, 2024. – 48 с. : ил. – (Партизанский архив).
20. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 8. Д. 61.
21. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 8. Д. 64.
22. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 15. Д. 151.
23. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 15. Д. 267.

Латышева В.А.
**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ ПАЦИЕНТОВ
НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКАХ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Беларусь, душевнобольные пациенты, историография советского периода, историографические источники.

Одними из расово-идеологически обоснованных преступлений в годы Второй мировой войны на оккупированной территории Беларуси стали преступления, совершенные против людей с проблемами в сфере их ментального здоровья. По ряду причин эти преступления не получили должного исследовательского внимания. Однако русскоязычную, пусть и очевидно представленную единичными работами, принадлежавшими очень узкому кругу авторов, исследовательскую традицию проблема имеет. В её историографии традиционно можно выделить два периода: советский и современный. В рамках советского периода в отношении преступлений, совершенных против душевнобольных пациентов на территории Беларуси, обозначается вектор, в рамках которого авторы рассматривали данные преступления в контексте подобных, совершенных на всех оккупированных в годы войны советских территориях (например, более известны сегодня публикации Д.Д. Федотова (1965 г.) [9], Н.С. Алексеева (1977 г.) [1] и др.). В границах второго вектора можно назвать работы, которые были посвящены только преступлениям, имевшим место на оккупированной территории республики. Они и стали объектом нашего внимания.

В широкий общественный послевоенный дискурс на территории БССР проблема преследования и умерщвления пациентов с неизлечимыми диагнозами из среды

гражданского населения, в частности в области психиатрии, вошла уже в 1946–1947 гг. Так, в 1946 г. в Минске прошел судебный процесс над нацистскими преступниками, основой обвинений в котором стали также и преступления против душевнобольных пациентов. Сам процесс был освещен в республиканской и всесоюзной прессе, а в 1947 г. была опубликована стенограмма «Судебного процесса по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 года)», в которой нашли своё отражение две из четырех известных сегодня локаций преступлений в отношении душевнобольных пациентов – 6-го психиатрического отделения 2-ой городской больницы Минска и психиатрической колонии в Новинках [8].

Попытки научного исследования проблемы преследования и уничтожения душевнобольных пациентов из отечественных учреждений появились в 1960-е гг. Одной из причин актуализации рассматриваемой проблемы в то время стали судебные процессы над нацистскими преступниками на территории Германии. В частности, в отношении территории Беларуси это десятилетие ознаменовалось созданием для процесса в немецком Кобленце студией документальных фильмов СССР фильма «Жертвы обвиняют» (1962 г.), первая из трех частей которого была посвящена свидетельским показаниям в отношении уничтоженных пациентов в Новинках. Дважды издавался широко известный и сегодня сборник документов «Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии: 1941–1944 гг.»: в 1963 и 1965 гг. Кроме фактов уничтожения душевнобольных пациентов в Минске, его авторами был размещен и документ, указывающий на подобные преступления в Лиде (пригород) [7].

Одним из первых автором этого десятилетия, публикация которого обнаружена на данный момент, можно назвать Д.М. Кулика. Выпускник Ленинградского государственного института медицинских знаний 1928 г., с 1930 по 1933 гг. он заведовал психиатрическим отделением во 2-й Советской больнице г. Минска, а с 1933 по 1941 гг. доктор возглавлял клиническое отделение Могилевской республиканской психиатрической больницы. Вернуться к практике в области психиатрии в Могилеве он смог уже в 1945 г. [6].

В 1965 г. на страницах сборника «Вопросы истории медицины и здравоохранения БССР» Д.М. Кулик обратился не только к истории самого учреждения, но и к фактам уничтожения 1200 душевнобольных пациентов в Могилевской психиатрической больнице, указал на способы осуществления преступлений (использование душегубок, расстрел), а также был первым, кто обратился к проблеме уничтожения в годы оккупации и персонала специализированных медицинских учреждений, оказывавших психиатрическую помощь [5].

Пожалуй, еще одним автором, исследовательская работа которого сохраняет свою актуальность, является кандидат медицинских наук Л.А. Костейко. В 1970 г. она защитила диссертацию «Развитие психиатрии в Белоруссии (конец XVIII века – 1960 г.)» [4]. Исследовательнице принадлежит первенство в попытке реконструировать и воссоздать всю картину преступлений на оккупированной территории Беларуси, включая и преступления, произошедшие под Белостоком в Хорошее. К сожалению, исследование Л.А. Костейко является неопубликованным до сих пор, а отдельные её публикации о преступлениях в отношении душевнобольных пациентов на данный момент не известны.

Одним из первых, кто обратился к реконструкции истории Республиканской психиатрической больницы в Новинках, стал в 1972 г. главный врач этого учреждения А.И. Бортницкий. Все собранные им материалы о преступлениях в Новинках были использованы в публикации «Этапы становления и развития республиканской психиатрической больницы в Новинках» [2], открывающей сборник тезисов и рефератов докладов научно-

практической конференции врачей этого учреждения. Наделенный эмпатией доктор попытался не только привлечь внимание к ужасающим фактам бесчеловечных убийств на территории Новинки, но и реконструировать последние месяцы жизни самого учреждения, как и акции уничтожения практически всех пациентов, находившихся на момент оккупации в стенах колонии в Новинках. Существование ранее подобного подхода в историографии советского периода нами не выявлено.

Спустя два года после публикации А.И. Бортницкого, в 1974 г. уроженец г. Лиды Э.А. Вальчук, один из организаторов системы здравоохранения в БССР, будущий доктор медицинских наук, профессор также обратился к факту уничтожения душевнобольных из медицинского учреждения, располагавшегося в Лидском районе. Отметим, в публикации в основном речь шла о медицинских работниках Лидского района, часть из которых была уничтожена вместе с пациентами больницы для душевнобольных [3].

К сожалению, на данный момент это весть выявленный круг авторов советского периода, которые обратили своё исследовательское внимание на факты преступлений, совершенных в годы Великой Отечественной войны против душевнобольных пациентов на оккупированной территории Беларуси. Появление публикаций было связано с тенденциями еще второй половины 1940-х гг. и нашло более выразительное воплощение в 1960–1970-е гг. Зарождались они в узком профессиональном поле, и, как показывает историография советского периода, были доминантно связаны с медициной средой и, более, психиатрией внутри нее, были малочисленными и имели узкоотраслевую аудиторию. Однако сегодня они представляют интерес не только и уже не столько как позиции историографии, но и как историографические источники.

Потенциал перечисленных историографических источников связан, прежде всего, с их авторами. Так, в первую очередь, мы имеем дело не просто с публикациями о преступлениях, а о преступлениях в довольно узкой области – психиатрии, где жертвами стали люди, страдавшие теми или иными психическими заболеваниями или расстройствами. В случае белорусской историографии советского периода, все из перечисленных авторов являлись медицинскими работниками с высшим образованием, и в большинстве случаев по роду своей деятельности тесно были связаны с психиатрией, т.е. являлись наиболее профессионально сведущими по отношению к объектам их публикаций. Отметим, что эта тенденция – сохранение исследовательского интереса среди психиатров к проблеме преступлений нацистов против душевнобольных, остается неизменной начиная со второй половины 1940-х гг. в историографии как Германии, так и Польши – одних из наиболее «близких» в историографическом контексте для исследования проблемы и в современной Беларуси. Наряду с этим, отметим, что сегодня проблема данных преступлений очевидно имеет междисциплинарный характер.

Во вторую очередь, обратим внимание на тот факт, что ни один из авторов не являлся очевидцем описанных им преступлений в годы войны. Однако каждый из них оказался наиболее «приближенными» к «истории» подобных преступлений – по тем или иным причинам каждый из авторов отлично знал те локации, в которых в годы войны произошли эти сами преступления. Исходя из современности, авторы публикаций были более приближены по времени к произошедшим преступлениям. Это, на наш взгляд, открывает второй аспект интереса к перечисленным публикациям как к историографическим источникам.

В третью очередь, особый интерес представляют способы сбора информации отмеченными авторами. В частности, и Л.А. Костейко, и А.И. Бортницкий основывали свой исследовательский подход на работе с архивными источниками, однако значительное место в их работе занял практический метод – метод интервью. Именно

так, судя по всему, были получены Л.А. Костейко данные по уничтожению душевнобольных пациентов в Витебске.

В четвертую очередь, авторы указанных выше публикаций отражают одну из тенденций в области истории отношения в советском послевоенном обществе к данным преступлениям, а личностное наполнение каждого из них способно притянуть внимание к себе и специалистов в области истории эмоций, как и истории идей, интеллектуальной истории. Одним из ярких примеров здесь, безусловно, можно назвать А.И. Бортницкого. К сожалению, жизнь этого человека оборвалась, так и не позволив осуществить глубокие и масштабные идеи. Память о его эмпатии к жертвам преступлений была зафиксирована нами еще в 2012 г. в рамках полевых исследований на базе современного Государственного учреждения «Республиканский научно-практический центр психического здоровья».

Вместе с тем, представляется, что потенциал выявленных публикаций как историографических источников на этом не исчерпывается. Скорее всего он будет расширен и дальше.

1. Алексеев, Н. С. [Рецензия] / Н. С. Алексеев // Правоведение. – 1977. – № 1. – С. 122 – 124. – Рец. на: Kaul, F. Nazimordaktion / F. Kaul. – Т. 4 : Ein Bericht über die erste industriemäßig durchgeführte Mordaktion des Naziregimes. – Berlin : VEB Verlag Volk und Gesundheit, 1973.

2. Бортницкий, А. И. Этапы становления и развития республиканской психиатрической больницы в Новинках / А. И. Бортницкий // Научно-практическая конференция врачей Республиканской психиатрической больницы: тезисы и рефераты докладов / редкол.: А. И. Бортницкий [и др.]. – Минск : Полымя, 1972. – С. 3–13.

3. Вальчук, Э. А. Медицинские работники Лидского района в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками / Э. А. Вальчук // Здравоохранение Белоруссии, – 1974. – № 8. – С. 35–37.

4. Костейко, Л. А. Развитие психиатрии в Белоруссии (конец XVIII века – 1960 г.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук : 767 Психиатрия // Л. А. Костейко ; Минский государственный медицинский институт. – Минск, 1970.

5. Кулик, Д. М. Из организации психиатрической помощи в Могилеве / Д. М. Кулик // Вопросы истории медицины и здравоохранения БССР / редкол.: Г. Р. Крючок (ответственный редактор) [и др.] – Минск : Беларусь, 1965. – С. 145–147.

6. Кулик Давид Моисеевич // Медицинские работники Могилевской области. Официальный сайт Учреждение культуры «Могилевская областная библиотека им. В.И. Ленина». – URL: <https://libmogilev.by/doctors/kulik-david-moiseevich/> (дата обращения: 15.03.2025).

7. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии: 1941–1944 гг. – Минск : Госиздат, 1965. – 464 с.

8. Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 года) – Минск : Государственное издательство БССР, Редакция политической литературы, 1947. – 427 с.

9. Федотов, Д. Д. О гибели душевнобольных на территории СССР, временно оккупированной фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны / Д. Д. Федотов // Вопросы социальной и клинической психоневрологии. – 1965. – № 12. – С. 443–459.

Кудияров А.Р. ПРОФЕССОР Ш. БАБАШЕВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: каракалпакстанцы, народ, архив, наука, музей.

Изучению истории Второй мировой войны и участия в ней узбекистанцев стало важной частью научных исследований в годы независимости. Наши соотечественники принимали активное участие как на фронтах, так и в тылу. Выступая на торжественной церемонии, посвященной Дню памяти и почестей Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиёев подчеркнул «Сколько бы ни прошло лет, веков, наш народ всегда будет хранить в своем сердце память о вашем мужестве в борьбе с фашизмом. Именно на примере высочайшего героизма наших отцов и дедов формируются и получают дальнейшее развитие главные ценности народа, нации» [1, с. 1].

Свой вклад в победу над фашизмом внес и немногочисленный народ Каракалпакстана, показывая героизм на полях сражения и совершая трудовой подвиг.

Тема войны и участия в ней каракалпаков еще в советской каракалпакской историографии выступала как одна из важнейших, она и сегодня вызывает живой интерес у исследователей. Это объясняется не только тем значением, какое имела и имеет минувшая мировая война для судеб народов нашей планеты, но и стремлением в постижении наиболее полной исторической правды, переосмыслении многих страниц великой трагедии, раскрытий белых пятен [2, с. 82].

Одним из первых ученых, который изучал эти героические страницы истории Каракалпакстана, является профессор Ш. Бабашев, который будучи молодым исследователем, обратил внимание на эту тему. На основе многочисленных архивных сведений и воспоминаний он показал вклад нашего народа в дело Победы. По теме он опубликовал более 200 научных работ, издал около десяти монографии и книг.

Профессор Ш. Бабашев является одним из редких ученых, кто занимался глубокими исследованиями в области истории культуры, науки, жизни и деятельности молодежи Каракалпакстана, посвятив им около 60 лет своей жизни. Он внес огромный вклад в воспитание и подготовку молодых квалифицированных кадров. Ш. Бабашев всецело отдал себя изучению и пропаганде истории своего края, народа, способствуя тем самым росту самосознания подрастающего поколения. Регулярно публиковал материалы в газетах и журналах, по результатам своих исследований выпускал книги, принимал активное участие в телепередачах.

Его интерес к теме был не случаен: в одной из своих книг, изданной в 1980 г. он писал о том, что в последние годы были защищены более 100 кандидатских диссертации, книг, брошюр и научных статей по истории молодежного движения, что значительно больше работ по теме Второй мировой войны. Только в Узбекистане по последней теме были защищены три диссертации, но и там очень мало информации о вкладе каракалпаков в общую победу [3, с. 6].

В целом, как видим, анализ научных исследований Ш. Бабашева стоит рассматривать с нескольких направлений. Первое направление – изучение молодежного движения в Каракалпакстане, его роли и значения в исторических процессах в республике. Второе включает в себя период Второй мировой войны, героическую борьбу нашего народа на фронтах сражений, доблестный труд простых людей в тылу. В годы независимости ученый занимался вопросами восстановления и увековечения памяти жертв репрессий в годы сталинизма.

Ш. Бабашев родился в 1930 г. в ауле Шуак Муйнакского района. В 1946 г. поступил на исторический факультет Каракалпакского государственного педагогического института и в 1950 г. успешно окончил его. В 1950–1952 гг. работал учителем истории и заведующим учебным отделом в средней школе Кунградского района. С 1952 по 1954 гг. возглавлял лекторскую группу, в 1954–1958 гг. – отдел пропаганды Каракалпакского обкома Союза молодежи. После окончания Высшей комсомольской школы в Москве, в период 1958–1961 гг. трудился на должности инструктора Каракалпакского обкома КПУз.

В 1958 г. Ш. Бабашев публикует свою первую объемную статью, которая называлась «Молодежь Каракалпакстана в годы Великой Отечественной войны». Это определило направление исследований будущего ученого. В 1961–1964 гг. обучался в аспирантуре, после завершения которой, в 1965 г., успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Комсомольцы Каракалпакстана в годы Великой Отечественной войны». В том же году под его авторством вышла книга «Воины-комсомольцы каракалпаки в боях за Родину».

Будучи в 1965–1969 гг. директором Государственного исторического музея Каракалпакстана, он скрупулезно собирал у населения предметы исторического наследия прошлого, пополняя музей важными экспонатами. Поистине широкое

общественное признание пришло к ученому после выхода из печати в Москве альбома «Овеянные славой – Данкка боленген» на русском и каракалпакском языках тиражом 16 тысяч экземпляров, где освещаются образы наших земляков-фронтовиков.

Шерип Бабашев в своих монографиях «Бессмертный подвиг каракалпакских воинов» (1970 г.), «Труд во имя Победы» (1980 г.), «Ратные подвиги воинов из Каракалпакии» (1985 г.) опирается на источники из Министерства обороны бывшего Союза, Государственного центрального и партийного архивов, воспоминания ветеранов, опубликованных во фронтовых, республиканских газетах, письмах-«треугольничков» фронтовиков, объективно освещая героизм народов нашего края на полях сражений и в тылу. История присвоения 20 нашим землякам звания Героя Советского Союза, награждения еще шестерых орденом Славы всех трех степеней стали известны во многом благодаря неустанной деятельности Ш. Бабашева.

Наряду с деятельностью в качестве ученого, он в течение 30 лет занимался преподаванием сначала в Каракалпакском государственном педагогическом институте, затем в Каракалпакском государственном университете. Самоотверженный труд наставника был оценен по достоинству. Так, в 1972 г. ему было присвоено звание доцента, а в 1991 г. – профессора. С 1986 по 1991 гг. заведовал кафедрой.

Содержательные доклады профессора Ш. Бабашева о достойном вкладе воинов-каракалпакстанцев в борьбу против фашизма, на международных конференциях в городах России Москве и Ульяновске, украинских Львове, Ужгороде, Днепропетровске, городах Казахстана – Алматы, Караганде, в наших городах Ташкенте и Самарканде, а также на всесоюзных научных конференциях в 1985–1990 гг. имели большой успех и отклики. Профессор Ш. Бабашев, руководя туристическими поездками из Каракалпакстана в Болгарию (1980), Германию (1986), Финляндию (1990), не прекращал научные изыскания. В результате ему удалось найти имена наших земляков, погибших на территориях этих стран, эти имена занесены в Книгу памяти. При непосредственном участии Ш. Бабашева и с его предисловием впервые в истории края создана Книга памяти с именами 33866 солдат-каракалпакстанцев [6].

В последующем ученый проводил исследования о жизни и деятельности лиц, несмотря на заслуги, подвергшимся репрессиям со стороны советской власти. Он собирал архивные данные не только на территории нашей республики, но и в других республиках. С 1990 г. работал в качестве заведующего отделом новейшей истории Института истории, археологии и этнографии Каракалпакского отделения Академии наук Узбекистана, затем возглавлял Каракалпакское отделение Благотворительного фонда «Шахидлар хотираси», созданного 25 декабря 2001 г. За выдающиеся заслуги в области научных исследований ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Каракалпакстан», до этого, в 1979 г. – звание заслуженного деятеля культуры Республики Каракалпакстан.

Коллеги-ученые очень высоко характеризуют неутомимый и благородный труд Ш. Бабашева. Так, по словам профессора Б. Коцанова, 25 декабря 2001 г. он был избран на должность руководителя Каракалпакского отделения Благотворительного фонда «Шахидлар хотираси», что обязало его еще больше поднять свои усилия по глубокому исследованию прошлого колониального периода. Свои исторические исследования Ш. Бабашев проводил с научной точки зрения, показав примеры объективности, честности и беспристрастности, обогатив и оживив историческую летопись, подняв на новую ступень гражданское самосознание людей.

По мнению изучавших жизнь и деятельность Ш. Бабашева, он по праву занимает достойное место среди широкой научной общественности нашей республики. Он признанный специалист в области истории молодежного движения в Приаралье,

Великой Отечественной войны, плодотворно работающий ученый и педагог. Его фундаментальные монографии и многочисленные исторические статьи заслужили широкие признание научной общественности страны и стали известными по всему Советскому Союзу [5, с. 3]. Посредством изучения жизненного пути и исторических трудов Ш. Бабашева, мы достигнем знаний, с одной стороны, о его самоотверженности как ученого и человека, с другой стороны, о земляках, внесших свой вклад в Победу на войне. Ну а в-третьих, мы осознаем значение его книг в воспитательной сфере. Благородная деятельность ученого никогда не будет забыта, будет образцом для будущих поколений. Благодаря чему у нас сложилось ясное представление об исторических путях, пройденных предками, чисто человеческих качествах, достоинствах, служащих жизненным маяком для молодого поколения.

1. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественной церемонии, посвященной Дню памяти и почестей // Народное слово – 2021. – 10 мая. – № 97.
2. Танирбергенова, К. Историография великой победы на пути к исторической истине / К. Танирбергенова // Материалы 25 Республиканской научно-практической конференции КГУ имени Бердаха, посвященной 10 летию независимости Республики Узбекистан и 25-летию университета. – Нукус, 2001. – Т. 2.
3. Бабашев, Ш. Труд во имя победы / Ш. Бабашев. – Нукус : Каракалпакстан, 1980.
4. Кудияров, А. Раскрывший неизвестные грани истории края / А. Кудияров // Водийнома. – 2022. – № 1.
5. Кошанов, Б. А. Ученый энтузиаст / Б. А. Кошанов, Э. Н. Давкараева. – Нукус, 1991.
6. Память Республика Каракалпакстан : в 3 кн. – Нукус : Каракалпакстан, 1994–1995.

Алламуратов Г.С.
ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (1941–1991)
(НА НЕКОТОРЫХ ПРИМЕРАХ ИСТОРИОГРАФИИ КАРАКАЛПАКСТАНА)

Ключевые слова: Второй мировой война, историография, Каракалпакстан, государственный архив, фронт, аспекты проблемы.

Выступая на торжественном церемонии, посвященной 75-летию Победы и Дню памяти и почестей, Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев указал, что события 1941–1945 гг. в истории народов Узбекистана являются одним из самых сложных и трагических периодов в истории нашего народа [1]. Отмечая вклад народа Узбекистана в Великую Победу, Президент указал, что этот вопрос еще не до конца изучен. Комплекс мер, предпринятых в этом направлении, открывает новые горизонты для изучения исторических событий этого периода, обуславливая дальнейшее углубление научных изысканий.

Тема Второй мировой войны и вклада нашего народа в общую победу над фашизмом в историографии Каракалпакстана занимает особое место. В советский период развития исторической науки она становилась в центр внимания наших ученых: мы можем выделить публикации Я. Досумова, С. Камалова, Ж. Уббиниязова, А. Панабергенова, Ш. Бабашева, К. Танирбергеновой и др. Также данная историческая веха была отражена в сводных трудах (Очерки истории ККАССР, 1964; История ККАССР, 1974; История ККАССР, 1986 и др.), где были обобщены результаты работ ученых республики. В этих сводных трудах на основе документальных материалов партийных и государственных архивов был изучен ряд аспектов истории Каракалпакстана рассматриваемого периода.

Однако, несмотря на наличие такой обширной литературы, вопрос социально-экономического положения Каракалпакстана в 40-е гг. XX в. в них рассматривается с точки зрения практического осуществления лозунга «Все – для фронта, все – для

Победы!», провозглашенного советской властью в период вероломного нападения фашистской Германии на СССР, оставляя вне внимания социально-экономическую жизнь Каракалпакстана, быт и повседневность простых жителей республики.

Подтверждение вышеприведенного тезиса мы находим при анализе сводных работ, которые были опубликованы в 60–80-е гг. XX в. В этих обобщающих трудах («Очерки истории Каракалпакской АССР», «История Каракалпакской АССР», «История Каракалпакской АССР», «История рабочего класса Советского Каракалпакстана») проблема социально-экономического положения Каракалпакстана в 40-е гг. XX в. рассматривается в жестко регламентируемых методологических рамках, в которых в приоритете направляющая роль советско-партийных органов и мобилизация всех трудовых и сырьевых ресурсов республики. Отдавая должное уважение этим работам, написанным на уровне достижений исторической науки своего времени, тем не менее, должны отметить, что в них прослеживаются отголоски старого догматического подхода к оценке исторического процесса как линейного, непрерывного развития от успеха к успеху.

В 60–70-е гг. XX в. выходят в свет обобщающие работы по истории развития экономики и сельского хозяйства Каракалпакстана, в которых освещено социально-экономическое положение 1940-х гг. Был опубликован ряд новых работ, например, К.Г. Шарипова [2] освещает формы и методы организационной и массово-политической работы, направленной на решение вопросов, связанных с перестройкой экономики на военный лад. В ее работах углублен и конкретизирован вопрос борьбы партийной организации Каракалпакстана за развитие хлопководства в 1941–1945 гг. В статье «Перестройка партийно-политической и организационной работы партийной организации Каракалпакии в начальный период Великой Отечественной войны» она затрагивает вопросы перестройки партийно-политических и организационных работ в партийных организациях Каракалпакстана в июне 1941 – ноябре 1942 г.

В научных работах, опубликованных во второй половине 1960-х гг., нашли отражение и другие вопросы. Например, в первой главе диссертации М. Мамбетуллаева исследуются вопросы развития ирригации в период 1937–1945 гг. [3]. Проблема народного образования и его перестройки в военное время четко проанализирована в монографии Ж. Урумбаева [4].

В 1969 г. выходит в свет коллективный труд «Каракалпакия в период победы социализма и коммунистического строительства» [5]. Я.М. Досумов, являясь автором соответствующего раздела указанной работы, раскрыл процесс перестройки и развития промышленности, транспорта и связи Каракалпакстана в годы войны, описал положение сельского хозяйства и социально-политическую жизнь простого населения.

В 1970-е гг. усилилось внимание историков к этой теме и значительно расширился круг вопросов по истории Каракалпакстана 1940-х гг. Мы выше упомянули о коллективной работе «История рабочего класса Советского Каракалпакстана». В данной работе авторы показывают самоотверженный труд каракалпакского народа во имя победы во Второй мировой войне.

Примером глубокого научного подхода к исследованию проблемы служит доклад академика С. Камалова на Республиканской научно-теоретической конференции 28 апреля 1975 г. на тему «Вклад трудящихся Каракалпакской АССР в дело победы» [6].

Особое внимание уделяется вопросам роли женщин в этот непростой период истории республики [7]. В этих работах освещаются мероприятия партийных организаций по идейно-политическому воспитанию женщин, мобилизация трудовых женских резервов для организации помощи фронту. Также обобщенно показана роль женщин в развитии промышленности, сельского хозяйства, патриотизм женщин,

выразившийся, в частности, в воспитании эвакуированных детей. Авторы приводят интересные сведения о подвигах женщин Каракалпакстана.

В 1980-е гг. к числу обобщающих работ общесторического плана можно отнести публикацию А. Панабергенова [8]. В данной работе сделана попытка развернуть картину социально-экономической истории Каракалпакстана 1940-х гг. Ее источниковой базой послужили в основном опубликованные ранее работы каракалпакских историков, в том числе и самого автора.

Особое место в историографии вопроса занимает тема участия молодежи во Второй мировой войне. В 1958 г. Ш. Бабашевым была написана статья, в которой рассматривалась история молодежи Каракалпакстана в годы Второй мировой войны [9]. В статье была предпринята попытка разработки вопросов трудовых подвигов молодежи Каракалпакстана. Далее этот вопрос лег в основу диссертационной работы Ш. Бабашева и опубликованной на ее основе монографии [10]. Впоследствии Ш. Бабашев активно разрабатывал данную проблему, были опубликованы многочисленные труды, в частности книга «Труд во имя победы», где автор воссоздает довольно цельную картину активного участия тогдашних комсомольцев Каракалпакстана в созидательном труде в тылу [11].

Обобщая историографию советского периода, необходимо отметить, что из-за навязанного методологического подхода, обусловленного идеологической конъюнктурой, в этих научных трудах рассматриваемая нами тема освещалась односторонне, многие аспекты проблемы остались недостаточно изученными, отдельные выводы устарели. Под давлением идеологического и административного контроля историки вынуждены были не показывать негативные процессы советской системы управления, скрывать факт, что в условиях тоталитарного режима Каракалпакстан находился в колониальном положении, не имея возможности самому использовать свои ресурсы (природные и трудовые), оставаясь страной сырьевого придатка бывшей советской республики, что мы видим на примере социально-экономического положения Каракалпакстана 40-х гг. XX в.

В 1980-х гг. произошли некоторые изменения в методологическом подходе исторических исследований. Во время развития процессов демократизации, связанных с «перестройкой», очередной потерей советской властью своей тоталитарной сущности, прогрессивные историки стали по-новому подходить к оценке изучаемой исторической действительности, чтобы преодолеть сформировавшиеся идеологические стереотипы. С другой стороны, исследования историков времен «перестройки» не были полностью освобождены от влияния старых концептуально-методологических подходов. Такая противоречивая ситуация была свойственна и для других работ этого периода.

В 1990-е гг. К. Тангирбергеновой [12] написан ряд интересных статей научного и научно-публицистического характера, посвященных истории Каракалпакстана 1940-х гг.

В приведенных выше работах многие вопросы авторы обходили стороной, если и указывали на эти моменты, то освещали поверхностно. Теперь настал черед более глубокого изучения этих проблем на основе ввода в научный оборот новых документов, критического анализа ранее опубликованных материалов, концепций и положений предыдущей историографии. Различные подходы в предыдущей историографии в освещении этих проблем все еще сохранили широкий диапазон вопросов, на которые необходимо искать ответы.

Сегодня правомерно ставить вопрос о необходимости организации творческой дискуссии по актуальным вопросам исторической науки, в том числе по изучению истории Каракалпакстана в 1941–1945 гг.

1. Выступление Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева на торжественной церемонии, посвященной к 75-летию Победы и Дню памяти и почестей. – URL: <https://president.uz/ru/lists/view/3564> (дата обращения: 12.03.2025).
2. Шарипова, К. Г. Коммунистическая партия – организатор трудовых подвигов рабочих и крестьян Каракалпакской АССР в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук / К. Г. Шарипова. – М., 1966.
3. Мамбетуллаев, М. История орошения Каракалпакской АССР (1937–1965 гг.) : дис. ... канд. / М. Мамбетуллаев. – Ташкент, 1967.
4. Урумбаев, Ж. Народное образование Каракалпакской АССР за 50 лет (1917–1967 гг.) / Ж. Урумбаев. – Нукус : Каракалпакстан, 1967.
5. Каракалпакия в период победы социализма и коммунистического строительства. – Ташкент : ФАН, 1969.
6. Общественные науки в Узбекистане. – 1975. – № 5.
7. Калбаева, Р. Ш. Женщины Советской Каракалпакии в коммунистическом строительстве / Р. Ш. Калбаева. – Нукус : Каракалпакия, 1972.; Кетебаева, Б. Женщины солнечного Каракалпакстана / Б. Кетебаева. – Нукус : Каракалпакстан, 1975.
8. Панабергенов, А. Советская Каракалпакия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / А. Панабергенов. – Нукус, 1980.
9. Бабашев, Ш. Молодежь Каракалпакии в годы Великой Отечественной войны / Ш. Бабашев // Некоторые вопросы истории комсомола Каракалпакии : сборник. – Нукус : Каракалпакское государственное издательство, 1958. – С. 102–118.
10. Бабашев, Ш. Комсомол Каракалпакии в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.) : дис. ... канд. / Ш. Бабашев. – Ташкент, 1965.; Бабашев, Ш. Воины комсомольцы Каракалпакии в боях за Родину / Ш. Бабашев. – Нукус : Каракалпакия, 1965.
11. Бабашев, Ш. Труд во имя победы / Ш. Бабашев. – Нукус, 1980.
12. Тангирбергенова, К. Комсомол Каракалпакии – фронту / К. Тангирбергенова // Актуальные проблемы коммунистического воспитания молодежи : сборник тезисов докладов Республиканской научно-теоретической конференции молодых ученых и специалистов, Ташкент, 3–7 июня 1986 г. – Ташкент, 1986. – С. 34–36.

Колесникова М.Е.
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.:
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, историческое просвещение, противодействие фальсификации истории.

80 лет назад окончилась Великая Отечественная война 1941–1945 гг., которая является основной частью Второй мировой войны 1939–1945 гг. Решающий вклад в разгром нацизма внес Советский Союз. Потери советского народа в годы Великой Отечественной войны составили почти 27 млн. человек. Важную роль в Победе над нацизмом сыграло исторически сложившееся многонациональное содружество народов СССР. В нем отразились высшие принципы духовности и патриотизма, которые укрепляли моральную и физическую стойкость защитников Родины.

Победа в Великой Отечественной войне является особенной датой в исторической памяти народов многих стран мира. Война прошла красной нитью через историю всех народов Советского Союза и государств Восточной Европы, объединив перед угрозой людей разных национальностей и вероисповеданий. Сохранение исторической памяти об общей Победе над нацизмом, противодействие фальсификации истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и Второй мировой войны, изменение законодательства в сфере сохранения исторической памяти, практические вопросы поиска имён погибших воинов, захороненных как неизвестных, установления судеб пропавших без вести – все эти вопросы возможно решить только совместными усилиями ученых, архивистов, музейных работников, активистов поисковых движений.

Сохранение памяти о подвиге советского народа, который внес ключевой вклад в победу над фашизмом, с годами приобретает все большее значение, особенно на фоне

фальсификаций истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. Методы фальсификаций многообразны – искажение исторических фактов, подлог документов, односторонний подбор и произвольное толкование фактов, событий, явлений, игнорирование источниковедческого анализа при работе с источниками, несоответствие выводов реальным событиям и фактам и т.д.

Основным методом борьбы с фальсификациями истории является профессиональная деятельность историков, направленная на тщательное изучение архивных источников, создание исторических трудов. Свой вклад в эту работу вносят и вузовские преподаватели. Историческое образование ориентировано на формирование у молодёжи системы гражданских ценностей, таких как патриотизм, духовность, инициативность, межэтническая и межконфессиональная толерантность, понимание необходимости обеспечения социальной стабильности в стране и ее национальной безопасности, консолидации российского общества на базе сложившегося веками историко-культурного единства народов России. Исходя из этого, и осуществляет свою деятельность кафедра истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (СКФУ), внося свою лепту в борьбу с фальсификациями истории Великой Отечественной и Второй мировой войны.

Одним из направлений деятельности историков университета является сохранение памяти о Великой Отечественной войне, пишутся монографии и учебные пособия, совместно с архивистами издаются сборники документов [1; 5; 6]. Совместно с архивистами в 2019 г. был подготовлен сборник архивных документов «Получил Ваше письмо... Победа будет за нами! Письма с фронта и на фронт» и фотоальбом «1418 дней до Победы в архивных документах» (научный консультант проектов – проф. Т.А. Булыгина). В сборник вошло более двухсот писем фронтовиков, заветных «треугольников», которые являются источниками личного происхождения. Собранные воедино письма позволяют реконструировать отдельные страницы истории Великой Отечественной войны, дают возможность восстановить атмосферу эпохи, психологический и эмоциональный фон событий войны, раскрывают уникальную ментальность военного времени через личное восприятие авторов.

В течение многих лет на кафедре истории России реализуется студенческий исследовательский проект «Память о войне и устная история» (руководитель – доц. Е.Н. Стрекалова), основанный на анализе и научном осмыслении в аспекте индивидуальной и коллективной памяти устных интервью непосредственных очевидцев Великой Отечественной войны [4].

История и историография Великой Отечественной войны находится в сфере научных интересов членов Ставропольского отделения Российского исторического общества (председатель отделения – проф. И.В. Крючков), которое с 2014 г. действует на базе СКФУ. Его основной целью является изучение и популяризация отечественной истории, сохранение исторической памяти, объективная оценка исторических событий на основе архивных документов центральных и местных архивов, интеграция и координация исторического сообщества, создание современных просветительских ресурсов, внедрение в педагогическую практику последних достижений исторической науки. Среди основных направлений деятельности – популяризация исторического прошлого, проведение научных конференций, подготовка нового учебника для общеобразовательной школы по региональной истории. Отделение успешно реализует международные проекты.

На базе СКФУ проводится ряд научно-просветительских мероприятий, направленных на формирование исторической культуры учащейся молодежи. Среди них научно-просветительский проект «Исторические чтения» (руководитель проекта –

проф. Н.Д. Судаев), начатый в 2015 г. кафедрой истории России Гуманитарного института СКФУ. Это цикл ежемесячных публичных научно-просветительских лекций для учащейся молодежи г. Ставрополя с просмотром документальных научно-исторических фильмов, восстанавливающих события истории России. Посвящаются знаковым историческим событиям и памятным датам в истории страны, Северного Кавказа и Ставрополья. Проводятся на базе Гуманитарного института СКФУ. В ходе лекций студенты, учащиеся техникумов и школьники г. Ставрополя встречаются с историками, ветеранами Великой Отечественной войны, известными деятелями науки и культуры, знакомятся с последними достижениями исторической науки, с результатами научно-исследовательской и поисковой деятельности преподавателей, студентов и аспирантов университета.

Цель проекта – популяризация историко-культурного наследия России в целом и Северного Кавказа и Ставрополья в частности, сохранение исторической памяти, объективная оценка исторических событий региональной и местной истории.

Задачи проекта: просветительская работа по популяризации отечественной истории; изучение исторического прошлого Ставрополья, Северного Кавказа; объединение усилий учёных, музейных работников, архивистов, различных социальных и профессиональных групп для формирования исторической культуры учащейся молодежи; создание современных просветительских ресурсов; внедрение в педагогическую практику последних достижений исторической науки; консолидация вокруг непреходящих ценностей патриотизма и гражданственности.

В период с 2015 г. по октябрь 2024 г. на базе Северо-Кавказского федерального университета в рамках проекта «Исторические чтения» было проведено более 60 мероприятий. В 2015 г. «Исторические чтения» были посвящены 70-летию Великой Победы и проходили с участием ветеранов Великой Отечественной войны, в 2016 г. – «Трудным вопросам истории России», обозначенным в «Историко-культурном стандарте», среди них и период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [3]. Победа 1945 г. стала сегодня одной из ключевых тем фальсификаций истории Второй мировой войны. Научные доклады на «Исторических чтениях» были посвящены подготовке СССР к войне, в том числе и усилиям советской дипломатии, направленным на создание выгодных внешнеполитических условий с целью оттянуть начало войны, и тому решающему вкладу, который внес СССР в разгром фашизма.

В 2018 г. ключевыми темами «Исторических чтений» стали 75-летие побед в Сталинградской и Курской битвах, Битве за Кавказ. В 2019 г. «Исторические чтения» были посвящены 75-летию снятия Блокады Ленинграда, 75-летию введения орденов Ушакова и Нахимова, 75-летию открытия Второго фронта в годы Великой Отечественной войны, 75-летию учреждения Почетного звания Мать-героиня, 75-летию окончания Второй мировой войны. В 2020 г. «Исторические чтения» посвящены 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. А в новом 2025 г. – 80-летию Победы, уже 21 января прошли чтения, посвященные 82 годовщине освобождения г. Ставрополя от немецко-фашистских захватчиков.

В рамках «Исторических чтений» состоялась и презентация книги «Герои Советского Союза – боевая слава земли ставропольской: краткий биографический справочник». Она была подготовлена при участии историков университета по инициативе краевого Совета ветеранов войны, труда и правоохранительных органов при финансовой поддержке правительства Ставропольского края.

За годы войны в армию было призвано более 320 тыс. ставропольцев. Около 6 тысяч жителей Ставрополья в первые дни войны вступили в Красную армию добровольцами. На территории края были сформированы стрелковая дивизия и

кавалерийские дивизии, морские стрелковые бригады, которые воевали на Южном, Сталинградском и Северо-Кавказском фронтах. Более 200 удостоены звания Героя Советского Союза.

С октября 2018 г. ежегодно проводится Международная научно-практическая конференция, посвященная Битве за Кавказ [2; 8]. Организаторами выступили региональное отделение Российского военно-исторического общества в Ставропольском крае, Северо-Кавказский федеральный университет при поддержке правительства Ставропольского края.

В 2020 г. была учреждена новая памятная дата 9 октября – День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в битве за Кавказ (1943 год) [9]. Битва за Кавказ, длившаяся с 25 июля 1942 г. по 9 октября 1943 г., стала вторым по продолжительности (442 дня) сражением Великой Отечественной войны. Победа в битве за Кавказ сыграла важную роль в создании и завершении коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Битва вошла в историю военного искусства как комплекс оборонительных и наступательных операций, успешно проведенных на обширной территории в сложных условиях. Битва за Кавказ стала проявлением массового героизма советских людей, содружества народов Кавказа, единства фронта и тыла. Победа советских войск в битве за Кавказ не позволила немецко-фашистским войскам выйти к нефтепромыслам и источникам стратегического сырья, расположенным в Закавказье.

Новый день воинской славы был учрежден в Год памяти и славы (2020 г.), который был объявлен в России с целью сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне [7]. Проект был внесен в нижнюю палату парламента Думой Ставропольского края. В подготовке пояснительной записки принимал участие профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета Н.Д. Судавцов. Закон о новом дне воинской славы был принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 15 июля 2020 г., одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 24 июля 2020 г. Законодательное закрепление Дня разгрома немецко-фашистских войск в Битве за Кавказ как дня воинской славы увековечило память об одной из ключевых битв Великой Отечественной войны. Новый день воинской славы важен для ныне живущих и будущих поколений граждан нашей страны он, несомненно, будет способствовать укреплению дружеских межнациональных отношений между народами Кавказа, которые вместе принимали участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Северо-Кавказский федеральный университет присоединился к всероссийской акции «Научный полк», акция, которую с 2020 г. проводит Министерство науки и высшего образования Российской Федерации совместно с подведомственными образовательными организациями высшего образования и научными организациями. Накануне 9 мая социальные сети российских университетов и научных институтов, а также всех неравнодушных граждан наполняют патриотические истории о тех, кто сменил зачетку на военный билет и пошел добровольцем на фронт, кто в тылу работал над созданием новой техники, лекарств, защитных комплексов или помогал восстанавливать страну в послевоенное время.

Цель проекта – увековечить память о каждом студенте и преподавателе, чья жизнь стала ценой нашего мирного неба, о тех ученых, чьи открытия приближали Победу. Тысячи историй по хештегу #научныйполк. Вузы рассказывают о подвиге ученых и студентов в войну, называют нам эти имена.

На своих медиаресурсах мы рассказываем о студентах, преподавателях и научных работниках, которые с 1941 по 1945 гг. на фронте и в тылу приближали Победу. Была проведена определенная поисковая работа, в архивах, найдены материалы, собрана устная история и фотоматериалы, которые сегодня представлены в интерактивной форме в Музейном комплексе университета. Среди них и воспоминания студентов и преподавателей – ветеранов войны. Они дают возможность восстановить атмосферу эпохи, психологический и эмоциональный фон событий войны, раскрывают уникальную ментальность военного времени через личное восприятие авторов воспоминаний и позволяют воссоздать отдельные страницы истории нашего вуза периода войны.

Каждое такое повествование – частичка летописи о Великой Отечественной войне, которую мы должны бережно хранить и передавать следующим поколениям, чтобы ни у кого и никогда не возникало желания переписать историю и пересмотреть роль нашей страны в борьбе с фашизмом.

Для решения задачи сохранения исторической памяти необходимо систематическое изучение истории в образовательных организациях разных уровней; достоверное освещение исторических фактов в учебниках истории. Важна поддержка издания научных и научно-популярных трудов для распространения и популяризации научных результатов, финансирование производства документальных фильмов о Великой Отечественной войне; проведение различных форумов и выставок; организация международных научно-практических конференций с участием зарубежных ученых, педагогов, общественных и политических деятелей.

Работа по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне имеет огромное воспитательное значение, укрепляет национальное самосознание и помогает молодым людям ощутить сопричастность с историей своей страны.

1. Битва за Кавказ в документах и материалах. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2003. – 508 с.
2. Вклад народов Северного Кавказа в Битву за Кавказ: к 75-летию события (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.) : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Ставрополь : Бюро новостей, 2018. – 400 с.
3. Особенности освещения «трудных вопросов истории России» в процессе реализации историко-культурного стандарта : сборник учебно-методических материалов / под общ. ред. Е. В. Евмененко. – Ставрополь : ГБУ ДПО СКИРО ПК и ПРО, 2017. – 500 с.
4. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования / под науч. ред. Е. Н. Стрекаловой. – Санкт-петербург : Европейский дом, 2008. – 292 с.
5. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях. – Ставрополь, 2005. – 607 с.
6. Ставропольский край в период Великой Отечественной войны (1941–1945) / под ред. С. И. Линца, А. А. Аникеева. – Москва : Надыршин, 2019. – 480 с.
7. Указ Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации Года памяти и славы». 8 июля 2019 год. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/60954> (дата обращения 04.03.2025).
8. Учёные нескольких стран обсудили роль народов Кавказа в борьбе с фашизмом – URL: https://www.ncfu.ru/university/institutes/hum-inst/news/informaciya/Uchnye-neskol_kih-stran-obsudili-rol_narodov-Kavkaza-v-bor_be-s-faizmom/ (дата обращения 04.03.2025).
9. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 284-ФЗ О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45803> (дата обращения 04.03.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алентьева Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Курского государственного университета, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Центр изучения США» Курского государственного университета (Россия, г. Курск)

Алешкевич Николай Дмитриевич – студент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург)

Алламуратов Гулмурат Султамуратович – доктор философии (PhD) по историческим наукам, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Нукусского военно-академического лицея «Темурбеклар мактаби» МВД Республики Узбекистан (Узбекистан, г. Нукус)

Архипова Татьяна Григорьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

Бай Сюетун – аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Баканов Дмитрий Константинович – младший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Россия, г. Москва)

Баранов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (Россия, г. Краснодар)

Бараноўскі Аляксандр Віктаравіч – кандыдат гістарычных навук, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела навейшай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (Беларусь, г. Мінск)

Бахтурина Александра Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

Белашенко Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород)

Белявский Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры источниковедения исторического факультета (Беларусь, г. Минск)

Блохина Алина Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории международных отношений, заместитель директора Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского по воспитательной работе (Россия, г. Нижний Новгород)

Богданова Алеся Владимировна – ведущий архивист отдела использования и публикации документов Государственного архива Витебской области, магистрант факультета гуманитарного знания и коммуникаций Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Большаков Максим Григорьевич – студент исторического факультета Псковского государственного университета (Россия, г. Псков)

Боровская Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра всеобщей истории, международных отношений и геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси, ведущий архивист ГУ «Национальный архив Республики Беларусь», докторант Института истории НАН Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Буевич Татьяна Владимировна – заместитель директора Государственного архива Витебской области (Беларусь, г. Витебск)

Булатая Виктория Юрьевна – аспирант кафедры философии, истории и методологии образования Республиканского института высшей школы (Беларусь, г. Минск)

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (Россия, г. Ставрополь)

Вашкау Нина Эмильевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Россия, г. Липецк)

Величко Нина Веняминовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Воднева Ирина Петровна – заведующий Краеведческим музеем, филиалом Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (Беларусь, г. Полоцк)

Гавриленко Кирилл Евгеньевич – учитель истории и обществоведения Средней школы г.п. Домачево, аспирант кафедры философии, истории и методологии образования Республиканского института высшей школы (Беларусь, г.п. Домачев, г. Минск)

Головач Дарья Михайловна – студентка Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург)

Гребень Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета (Беларусь, г. Минск)

Гудкова Елизавета Олеговна – магистрант Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, документовед кафедры истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород)

Давидовская Ольга Николаевна – главный хранитель фондов Витебского областного краеведческого музея (Беларусь, г. Витебск)

Дианова Елена Васильевна – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (Россия, г. Петрозаводск)

Дубровская Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Россия, г. Петрозаводск)

Дулов Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Егорова Екатерина Денисовна – главный специалист отдела научно-исследовательской работы государственного казенного учреждения Волгоградской области «Центр документации новейшей истории Волгоградской области» (Россия, г. Волгоград)

Жижиан Сергей Филиппович – директор Быховского районного историко-краеведческого музея (Беларусь, г. Быхов)

Жилинская Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий центром всеобщей истории, международных отношений и геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Ивашкевич Елена Францевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Казак Олег Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного экономического университета (Беларусь, г. Минск)

Калинин Александр Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета (Россия, г. Киров)

Канищев Владимир Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Института образования и общественных наук Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Россия, г. Тамбов)

Копылов Игорь Леонович – кандидат филологических наук, доцент, директор Института языкознания имени Якуба Коласа Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Король Маргарита Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории Белорусского государственного экономического университета (Беларусь, г. Минск)

Катионов Олег Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета (Россия, г. Новосибирск)

Кашенко Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург)

Кейко Юлия Владимировна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры туризма и культурного наследия, специалист кафедры туризма и культурного наследия Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, г. Гродно)

Ким Игорь Константинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Россия, г. Волгоград)

Киселёв Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической истории Белорусского государственного экономического университета (Беларусь, г. Минск)

Ключарева Антонина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого, эксперт по изучению и популяризации объектов культурного наследия Музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» (Россия, Тульская область, г. Тула)

Колесникова Марина Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор, директор Гуманитарного института, заведующий кафедрой истории России Северо-Кавказского федерального университета (Россия, г. Ставрополь)

Колобаева Ульяна Анатольевна – заведующий отделом публикаций Национального архива Республики Беларусь, аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Коровина Наталья Евгеньевна – научный сотрудник Музея истории, археологии и этнографии Сибири имени В.М. Флоринского Томского государственного университета (Россия, г. Томск)

Косов Александр Петрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Котович Татьяна Викторовна – доктор искусствоведения, профессор (Беларусь, г. Витебск)

Кривицкий Михаил Александрович – научный сотрудник отдела исследования рукописей Центра исследований старопечатных изданий и рукописей Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Кудияров Алишер Раметуллаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Узбекистана и Каракалпакстана Каракалпакского государственного университета имени Бердаха, директор Музея жертв памяти репрессии при Каракалпакском университете имени Бердаха (Узбекистан, г. Нукус)

Курцова Вероника Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом диалектологии и лингвогеографии Института языкознания имени Якуба Коласа Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Кусмарцева Марина Сергеевна – студентка Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург)

Латышева Виктория Александровна – кандидат исторических наук (Беларусь, г. Минск)

Ловцов Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Россия, г. Тамбов)

Лукина Екатерина Александровна – ведущий архивист отдела автоматизированных архивных технологий Национального архива Республики Беларусь, аспирант кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Лямин Сергей Константинович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, директор Института образования и общественных наук Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Россия, г. Тамбов)

Макаревич Виктор Алексеевич – студент исторического факультета Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Мартысюк Вячеслав Владимирович – научный сотрудник сектора компьютерной лингвистики отдела лексикологии и лексикографии Института языкознания имени Якуба Коласа Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Михайлова Юлия Леонидовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Россия, г. Москва)

Монзуль Владимир Юрьевич – заместитель заведующего отделом информационно-поисковых систем государственного учреждения «Национальный архив Республики Беларусь» (Беларусь, г. Минск)

Морова Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и гуманитарных наук Государственного гуманитарно-технологического университета (Россия, г. Орехово-Зуево)

Мясоедова Светлана Николаевна – ведущий архивист Государственного архива Витебской области (Беларусь, г. Витебск)

Назарова Евгения Львовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Всеобщей истории Российской академии наук (Россия, г. Москва)

Никитин Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, заведующий сектором научно-библиографической аналитической работы и создания баз данных Национального исследовательского Томского государственного университета, доцент кафедры востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия, г. Томск)

Никитина Наталья Павловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Псковского государственного университета (Россия, г. Псков)

Новиков Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и социальных наук факультета межкультурных коммуникаций Минского государственного лингвистического университета (Беларусь, г. Минск)

Павлова Елена Яковлевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры историко-культурного наследия Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь, г. Минск)

Пивовар Николай Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, учитель Витебского кадетского училища (Беларусь, г. Витебск)

Пищулина Светлана Юрьевна – кандидат исторических наук, заместитель директора Профессиональной образовательной автономной некоммерческой организации «Волгоградской колледж Международного юридического института» (Россия, г. Волгоград)

Потемкина Марина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова, ведущий научный сотрудник Центра экономической и социальной истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Магнитогорск, г. Москва)

Приборович Артём Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Пухтеева Елизавета Сергеевна – младший научный сотрудник отдела истории Беларуси IX–XVIII веков и археографии, аспирант Института истории Национальной академии наук Беларуси, ведущий архивист ГУ «Национальный архив Республики Беларусь», докторант Института истории НАН Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Пушкарёва Наталья Львовна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Россия, г. Москва)

Резепина Анна Александровна – магистрант Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, ведущий специалист Российского государственного архива литературы и искусства (Россия, г. Москва)

Ростиславлева Наталья Васильевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Всеобщей истории исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

Рощина Диана Константиновна – магистрант Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Россия, г. Архангельск)

Садова Людмила Анатольевна – младший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Россия, г. Москва)

Селезнев Юрий Васильевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Воронежского государственного университета (Россия, г. Воронеж)

Сикираж Владимир Владимирович – ассистент кафедры истории и теории международных отношений Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород)

Соловьянов Андрей Петрович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Беларусь, г. Минск)

Софьин Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент и старший научный сотрудник кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета (Россия, г. Пермь)

Софьина Марина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры библиотечных и документально-информационных технологий Пермского государственного института культуры, старший научный сотрудник кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета, заместитель начальника

отдела научно-публикаторской деятельности Пермского государственного архива социально-политической истории (Россия, г. Пермь)

Степанова Лилия Геннадьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета (Россия, г. Краснодар)

Строганова Валентина Александровна – студентка Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург)

Тихонов Денис Павлович – аспирант кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Тумаш Марианна Евгеньевна – научный сотрудник отдела публикаций Национального архива Республики Беларусь (Беларусь, г. Минск)

Федорчук Евгения Игоревна – научный сотрудник Быховского районного историко-краеведческого музея (Беларусь, г. Быхов)

Фельдман Дмитрий Захарович – кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов (Россия, г. Москва)

Филимонов Анатолий Васильевич – кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Псковского государственного университета (Россия, г. Псков)

Филимонова Мария Александровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр изучения США» Курского государственного университета (Россия, г. Курск)

Филимончик Светлана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (Россия, г. Петрозаводск)

Хришкевич Татьяна Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Псковского государственного университета (Россия, г. Псков)

Худайбердиев Азиз Хелямович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории стран Востока и антропологии Ташкентского государственного университета востоковедения (Узбекистан, г. Ташкент)

Чепик Виктор Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург)

Шишанов Валерий Алексеевич – ученый секретарь Витебского областного краеведческого музея (Беларусь, г. Витебск)

Шрамук Елизавета Петровна – аспирант кафедры истории и культурного наследия факультета гуманитарного знания и коммуникаций Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Щеголихина Светлана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург)

Юркевич Ольга Юрьевна – заведующий отделом информационно-поисковых систем государственного учреждения «Национальный архив Республики Беларусь» (Беларусь, г. Минск)

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Материалы VIII Международной
научно-практической конференции

Витебск, 24–26 апреля 2025 г.

В 2 томах

Том 2

Технический редактор
Компьютерный дизайн

Г.В. Разбоева
А.В. Табанюхова

Подписано в печать 20.06.2025. Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 37,20. Уч.-изд. л. 29,25. Тираж 23 экз. Заказ 83.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.